

ISSN 2072-2087

**ВЕСТНИК
Брянского
государственного
университета**

The Bryansk State University Herald

№ 2

2010

**ИСТОРИЯ / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ПРАВО / ФИЛОСОФИЯ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

**HISTORY / SCIENCE OF LITERATURE
LAW / PHILOSOPHY / LINGUISTICS**

Вестник Брянского государственного университета. №2 (2010): История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. Брянск: РИО БГУ, 2010. 247 с.

Редакционная коллегия

А.В. Антюхов – ректор БГУ, доктор филологических наук, профессор; председатель редакционной коллегии (отв. редактор);

С.Ф. Блуменау – доктор исторических наук, профессор;

С.Я. Гехтляр – доктор филологических наук, профессор;

С.А. Кокотов – кандидат исторических наук, профессор;

С.Г. Малинников – кандидат философских наук, доцент;

С.И. Михальченко – доктор исторических наук, профессор (зам. отв. редактора);

В.Д. Мехедов – кандидат исторических наук, доцент;

В.И. Макаров – доктор филологических наук, профессор;

Г.Н. Россихина – кандидат филологических наук, профессор;

А.В. Шаравин – доктор филологических наук, профессор.

В этом выпуске Вестника Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского представлены материалы по основным направлениям исследований ученых университета в области истории, литературоведения, права, языкознания.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс 47075

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Алферова И.В.</i>	КОНЦЕПТ «НОВАЯ ЖЕНЩИНА» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ К. ЦЕТКИН: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ, ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.....	9
<i>Блохин В.Ф.</i>	РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ В ПЕРИОД «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТТЕПЕЛИ» НАЧАЛА 1880-Х ГГ.....	14
<i>Бобков В.А.</i>	ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АРТИЛЛЕРИЙСКОМ ДЕЛЕ РОССИИ ПРИ ПАВЛЕ I	20
<i>Журина Е.Н.</i>	СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ НА РУБЕЖЕ 1920-Х – 1930-Х ГОДОВ.....	24
<i>Иванов. И.Ю.</i>	АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИНДЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ В 1877-1881 ГОДАХ.	28
<i>Киселева Е.В.</i>	РОЛЬ УЕЗДНЫХ ПРОЛЕТАРСКИХ ПОЭТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВ ВЛАСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА И. МУКОСЕЕВА).....	32
<i>Ольховская О.В.</i>	«ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН О СОЦИАЛИСТАХ» 1878 ГОДА И ПАРТИЯ «ЦЕНТР»	35
<i>Прилуцкий В.В.</i>	ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РЯДАХ АМЕРИКАНСКИХ ДЕМОКРАТОВ В 1844-1847 ГГ.: У ИСТОКОВ ДВИЖЕНИЯ ФРИСОЙЛЕРОВ.....	38
<i>Поляков Г.П.</i>	АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ МУЗЕЙНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ БРЯНСКОГО МЕСТНОГО АРСЕНАЛА.....	43
<i>Устинова Ю.Н.</i>	ГОНЕНИЯ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛЫ: 1878 ГОД.....	46
<i>Цырульников Д.Е.</i>	РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ НА БРЯНСКОМ РЫНКЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА.	50
<i>Шанцева Е.Н.</i>	ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ «ОБРАБОТКА» НАСЕЛЕНИЯ ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БРЯНЩИНЫ В ПЕРИОД С 1941 ПО 1943 ГОДЫ.....	55

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Антюхов А.В., Антюхова С.Ю.</i>	ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.....	60
<i>Барышникова И.Ю.</i>	ЧЕРТЫ РЕЛИГИОЗНОГО СИМВОЛИЗМА В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОМ ПЕЙЗАЖЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ.....	67
<i>Бондаренко Е.Н.</i>	АРХЕТИП МУДРЕЦА И ВИТАЛЬНОСТЬ МЫСЛИ В КОНЦЕПЦИИ АВТОРОВ-НАТУРФИЛОСОФОВ Ч.Т. АЙТМАТОВА И С.П. ЗАЛЫГИНА.....	72
<i>Ермоченко Т. К.</i>	МОТИВ СТОЛКНОВЕНИЯ ВЛАСТЕЛИНА СУДЬБЫ И МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА В НОВОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ	75
<i>Ковалев П.А.</i>	ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ МОДЕЛЬ СТИХА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА.....	78
<i>Комовская Е.В.</i>	ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ А.А. ЗИНОВЬЕВА.....	82
<i>Руднева И.С.</i>	СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ В РУССКОЙ МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ. В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ.....	88
<i>Руднева И.С.</i>	САТИРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Г.И. ДОБРЫНИНА.....	93

ПРАВО

<i>Климов В.В.</i>	ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ.....	96
<i>Кокотов С.А.</i> «КРЕСТОВЫЙ ПОХОД» ЗА ПУБЛИЧНУЮ МОРАЛЬ В ВИКТОРИАНСКОЙ КАНАДЕ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ КАНАДСКОГО ПРАВА	101
<i>Мазур Т.В.</i> СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СВЕТЕ ГЕРМАНСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА: ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ МЕЖДУ ФРГ И ЗЕМЛЯМИ.....	103
<i>Мельников Д.С.</i> ГЕНЕЗИС ФРАНЦУЗСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВОВОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ.....	106
<i>Панкратов В.А., Миронова М.В.</i> ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРОКИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АРБИТРАЖНОМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	113
<i>Патрушева Н.Г.</i> МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ПРОЕКТА ШТАТОВ ЦЕНЗУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ А.В. МУРОМЦЕВА.....	119
<i>Пономарева В.П.</i> ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ М.Н. ЕРШОВА.....	127
<i>Салимон В.Ю.</i> ВКЛАД «ЛЕВОГО ЦЕНТРА» УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ФРАНЦИИ 1789 – 1791 ГОДОВ В РАЗРАБОТКУ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ.....	132
<i>Шувалов А.А.</i> АНТИСОВЕТСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА БРЯНЩИНЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КОЛЛЕКЦИИ БРЯНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)	136

ФИЛОСОФИЯ

<i>Боровикова В.Г.</i> СТЕРЕОТИПЫ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ	140
<i>Веремьев А.А.</i> ИСКУССТВО КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА ПОЗНАНИЯ.....	142
<i>Горбачев В.Г.</i> ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	145
<i>Грибова М.М.</i> К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ТЕОРИЯ».....	150
<i>Лапченко Н.Н.</i> ИНФОРМАТИЗАЦИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОГО ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВА И СОЦИОПРИРОДНОГО МИРА.....	154
<i>Матаков К.А.</i> БИЗНЕС В РЕЛИГИИ АМЕРИКАНСКОГО ПРОТЕСТАНТИЗМА	158
<i>Садовая Л.В.</i> КОММУНИКАТИВНАЯ ЭТИКА Ю. ХАБЕРМАСА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	161
<i>Чувин С.Н.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ СТОРОН СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕКА	165

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Амелина Л.В.</i> МНОГОЗНАЧНОСТЬ И ОМОНИМИЯ В СИСТЕМЕ ОРНИТОНИМОВ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ	170
<i>Бирюкова М.А.</i> ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СРЕДСТВ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ).....	173
<i>Бурдина Е.А.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБРАЗА ВРЕМЕНИ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТА КАРТИНЫ МИРА ДРЕВНЕРУССКОГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА.....	176
<i>Головачева О.А.</i> ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА ПАМФЛЕТА Н.С. ЛЕСКОВА «НЕЧТО ВРОДЕ КОММЕНТАРИЙ К СКАЗАНИЯМ Г. АСКОЧЕНСКОГО О Т.Г. ШЕВЧЕНКО»	184
<i>Горяинова Н.В.</i> К ОПЫТУ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ.....	188

<i>Клюева И.О.</i>	ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В ПЕРЕВОДНОЙ ПОЭЗИИ Ф.И.ТЮТЧЕВА.....	190
<i>Корсикова М.М.</i>	О СООТНОШЕНИИ КОНЦЕПТА «ПРАВЕДНИК» И АНАЛОГИЧНОГО ПОНЯТИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ	195
<i>Корытко И.В.</i>	КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПАССИВНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА)	198
<i>Митина О. А.</i>	К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ КОМПОНЕНТОВ МИКРОПОЛЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ВЕРСИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.В.НАБОКОВА).....	201
<i>Нак Е.И.</i>	ВАРИАНТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ПАМЯТЬ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А. АХМАТОВОЙ.....	205
<i>Неклюдов В.Д.</i>	ЭПИТЕТЫ ЗОЛОТОЙ И СВЕТЛЫЙ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Ф.И. ТЮТЧЕВА	208
<i>Омельченко М.С.</i>	КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	211
<i>Пряхина А.А.</i>	СТРУКТУРНАЯ ОРГНИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ДЕНДРОНИМЫ» С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА)	213
<i>Радченко Е.Н.</i>	ОТНОШЕНИЯ ОДНОВРЕМЕННОСТИ» КАК ВАРИАНТ ТАКСИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ.....	217
<i>Россихина М.Ю.</i>	ШКОЛЬНЫЙ ЖАРГОН В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА.....	223
<i>Седойкина Ю.В.</i>	СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕГО РОДА В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ)	227
<i>Храброва Е.С.</i>	ДИСКУРСИВНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА В РУССКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ОБРАЩЕНИЙ К ИЗБИРАТЕЛЯМ В. МАТВИЕНКО И Х. КЛИНТОН)	230
<i>Шилина С.А.</i>	АНАЛИЗ ПОСЛАНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РФ КАК ФРАГМЕНТ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА (СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	234
<i>Шипицына Г.М.</i>	ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ СВОБОДНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА	239
<i>Шлык Е.В.</i>	СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ МИКРОПОЛЯ «АКТУАЛЬНОСТЬ» В ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ МОДАЛЬНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	243

CONTENT

HISTORY

<i>Alferova I.V.</i>	«NEW WOMAN» CONCEPT IN K. TSETKIN INTERPRETATION. STAGES OF FORMATION, MAIN CHARACTERISTICS	9
<i>Blokhin V.F.</i>	RUSSIAN PERIODIC PRESS DURING "POLITICAL MELTDOWN" IN THE BEGINNING OF 1880'S.....	14
<i>Bobkov V.A.</i>	TRANSFORMATION OF GUNNERY IN RUSSIA UNDER PAUL I	20
<i>Zhurina E.N.</i>	SOVIET-AMERICAN CONTACTS IN THE FIELD OF CULTURE AT THE BORDER OF 1920-1930S	24
<i>Ivanov I.Y.</i>	AMERICAN SOCIETY AND INDIAN POLICY OF THE POWERS IN 1877-1881.....	28
<i>Kiselyva E.V.</i>	UYEZD PROLETARIAN POETS' ROLE IN THE FORMATION OF GOVERNMENT MODENS DURING THE CIVIL WAR (ON THE EXAMPLE OF MUKOSSEEV'S WORKS)	32
<i>Olchovskaya O.V.</i>	«THE EXCEPTIONAL LAW ABOUT SOCIALISTS» 1878 AND THE CENTRE PARTY.....	35
<i>Polyakov G.P.</i>	THE ARTILLERY MUSEUM - HISTORICAL COLLECTION OF THE BRYANSK LOCAL ARSENAL.....	38
<i>Prilutskiy V.V.</i>	PROTEST MOODS AMONG AMERICAN DEMOCRATS IN 1844-1847: THE BEGINNING OF THE FREE SOIL MOVEMENT	43
<i>Ustinova Y.N.</i>	PERSECUTION AGAINST SOCIAL-DEMOCRATS IN THE GERMAN EMPIRE AND NATIONAL-LIBERALS: THE YEAR OF 1878.....	46
<i>Tsyruльников D.Y.</i>	TRADE DEVELOPMENT ON THE BRYANSK MARKET IN THE LAST QUARTER OF THE 17TH CENTURY	50
<i>Shantseva H.N.</i>	PSYCHOLOGICAL «PROCESSING» OF THE POPULATION OF AN OCCUPIED TERRITORY OF BRYANSK REGION DURING THE PERIOD WITH 1941 FOR 1943.....	55

SCIENCE OF LITERATURE

<i>Antyuhov A.V., Antyuhova S.Y.</i>	TIME AND SPACE IN MEMOIRS AND AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF THE SECOND HALF OF THE XVIII th – BEGINNING OF THE XIX th CENTURIES	60
<i>Baryshnikova I. Y.</i>	THE FEATURES OF RELIGIOUS SYMBOLISM IN ESCHATOLOGICAL LANDSCAPE OF RUSSIAN POETRY	67
<i>Bondarenko E.N.</i>	WISE MAN'S ARCHETYPE AND VITALITY OF THOUGHT IN THE CONCEPTION OF NATURPHILOSOPHERS-AUTHORS CH.T. AITMATOV AND S.P. ZALYGIN.....	72
<i>Kovalev P.A.</i>	MARGINAL MODELS OF THE VERSE IN RUSSIAN POETRY XX CENTURY	75
<i>Komovskaya E.V.</i>	GENRE ORIGINALITY OF SOCIOLOGICAL TRILOGY A.A. ZENOV'EVA	79
<i>Rudneva I.S.</i>	THE SATIRICAL PORTRAIT IN AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF G.I. DOBRYNIN.....	85
<i>Rudneva I.S.</i>	VERBAL PORTRAIT IN RUSSIAN MEMOIRS-AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF THE SECOND HALF OF THE XVIII th – BEGINNING OF THE XIX th CENTURIES IN THE GENDER ASPECT	90

LAW

<i>Klimov V.V.</i>	THE PROBLEMS OF LEGALITY AND JUSTIFICATION OF EXERCISING HOME ARREST IN CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION.	96
<i>Kokotov S.A.</i>	«CRUSADE» FOR PUBLIC MORALS IN THE VICTORIAN CANADA IN THE CONTEXT OF FORMATION OF THE CANADIAN RIGHT	101
<i>Mazur T.V.</i>	CONT POWER IN THE LIGHT OF GERMAN FEDERALISM: THE PECULIARITIES OF COMPETENCE DISTRIBUTION BETWEEN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY AND THE LANDS	103
<i>Melnikov D.S.</i>	GENESIS OF THE FRENCH LEGAL CULTURE IN THE CONTEXT WEST EUROPEAN LEGAL CULTURE DEVELOPMENT.....	106
<i>Pankratov V.A., Mironova V.A.</i>	PROCEDURAL PERIODS UNDER THE CIVIL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE ARBITRATION PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: COMPARATIVE ANALYSIS.....	113
<i>Patrusheva N.G.</i>	MATERIALS OF THE MUROMTSEV'S COMMITION TO DRAW UP PROPOSALS FOR THE STAFFING OF CENSORSHIP INSTITUTIONS.....	119
<i>Ponomareva V.P.</i>	M.N.YERSHOV'S HISTORICAL, PHILOSOPHIC AND LAW VIEWS	127
<i>Salimon V. Y.</i>	THE CONTRIBUTION OF «THE LEFT CENTRE» OF THE NATIONAL CONSTITUENT ASSEMBLY INTO THE DEVELOPMENT OF THE ADMINISTRATIVE REFORM IN FRANCE IN 1789 – 1791.....	132
<i>Shuvalov A.A.</i>	ANTI-SOVIET RESISTENCE IN BRANSCHINA DURING THE CIVIL WAR (ON THE MATERIAL OF THE BRYANSK MUSEUM OF REDIONAL STUDIENS)	136

PHILOSOPHY

<i>Borovikova V.G.</i>	STEREOTYPES OF CULTURAL PERCEPTION.....	140
<i>Veremjv A.A.</i>	ART IS A SPECIFIC WAY OF KNOWLEDGE.....	142
<i>Gorbachev V.G.</i>	THE PROBLEM OF MAN IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS	145
<i>Gribova M.M.</i>	ON THE DEFINITION OF THE TERM «THEORY»	150
<i>Lapchenko N.N.</i>	INFORMATIZATION IN FORMING OF GLOBAL ANTHROPOGENIC SOCIETY AND SOCIONATURE WORLD.....	154
<i>Matakov K.A.</i>	BUSINESS IN RELIGION OF AMERICAN PROTESTANTISM.....	158
<i>Sadovaya L.V.</i>	J. HABERMAS COMMUNICATIVE ETHICS UNDER THE CONTEXT OF MODERN EDUCATIONAL PRACTICE.....	161
<i>Chuvin S.N.</i>	THE MAIN TRENDS OF OVERCOMING OF THE NEGATIVE SIDES OF THE MODERN TRANSFORMATION OF THE INDIVIDUALS.	165

LINGUISTICS

<i>Amelina L.V.</i>	POLYSEMY AND HOMONYMY IN THE SYSTEM OF THE ORNITHONYMS IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES	170
<i>Biryukova M.A.</i>	PRAGMATIC VARIATION OF LANGUAGE MEANS REPRESENTING QUANTITATIVE SEMANTICS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES	173

<i>Burdina E.A.</i>	LEXICO-SEMANTIC ASPECT OF TAME CONCEPTION IN «SLOVO O POLKU IGOREVE» AS A REFLECTION OF THE FRAGMENT OF THE WORLD PICTURE OF THE OLD RUSSIAN LANGUAGE USER	176
<i>Golovacheva O.A.</i>	EVALUATIVE VOCABULARY IN THE PAMPHLET OF N.S. LESKOV «A KIND OF COMMENTARY TO ASKOCHENSKIY'S LEGENDS ABOUT T.G. SHEVCHENKO».....	184
<i>Goryainova N.V.</i>	TO EXPERIENCE THE STUDY OF POETICAL METAPHOR	188
<i>Klyueva I.O.</i>	SPACE-TIME SEMANTIC COMPONENTS IN TRANSLATED POETRY OF F.I.TYUTCHEV.....	190
<i>Korsikova M.M.</i>	THE CORRELATION OF THE CONCEPT "JUST MAN" AND THE ANALOGOUS IDEA IN LINGUISTICS.....	195
<i>Korytko I.V.</i>	THE CATEGORY OF VOICE AND MEANS OF EXPRESSING PASSIVITY IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES AS ILLUSTRATED IN THE WORKS OF ANTON CHEKHOV	198
<i>Mitina O.A.</i>	TO THE PROBLEM OF THE SEMANTIC POTENTIAL AND FUNCTIONING OF THE COMPONENTS OF THE FAR PERIPHERY OF THE PAST-TENSE MICRO FIELD (BASED ON THE MATERIALS TAKEN FROM THE RUSSIAN AND ENGLISH VERSIONS OF V. NABOKOV'S WORKS.....	201
<i>Nak E.I.</i>	THE VARIANTS OF THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT «MEMORY» IN POETIC TEXTS BY A. AKCHMATOVAË.....	205
<i>Neklyudov V.D.</i>	EPITHETS GOLD AND LIGHT F.I.TYUTCHEV IN POETIC TEXTS	208
<i>Omelchenko M.S.</i>	THE CLASSIFICATIONS OF ANGLO-AMERICAN BORROWED WORDS IN THE GERMAN LANGUAGE.....	211
<i>Pryahina A.A.</i>	THE STRUCTURE ORGANIZATION OF LEXIKO-SEMANTIC GROUP «DENDRONIMS» FROM POSITIONS OF THE SYSTEMIC-FUNCTIONAL APPROUACH (ON THE MATERIAL OF POETIC TEXTS OF THE SILVER AGE)	213
<i>Radchenko E.N.</i>	«THE RELATIONS OF SIMULTANEOUSNESS» AS THE VERSION OF TAXIS RELATIONS IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES»	217
<i>Rosshina M.Y.</i>	SCOOL SLANG INWRITING RESOURCES OF THE LATE 19TH – EARLY 20 TH CENTURIES	223
<i>Sedoykina Yu.V.</i>	SUFFIX METHOD OF FORMATION OF NOUNS GENERAT KIND OF THE BRYANSK DIALECTS (THE MATERIAL NAME OF PERSON).....	227
<i>Hrabrova E.S.</i>	DISCOURSE PORTRAIT OF A WOMAN POLITICIAN IN THE RUSSIAN AND AMERICAN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON ELECTION SPEECHES OF V. MATVIENKO AND H. CLINTON)	230
<i>Shilina S.A.</i>	THE ANALYSIS OF THE MESSAGES OF THE PRESIDENTS OF RUSSIAN FEDERATION TO FEDERAL ASSEMBLY AS FRAGMENT MANAGEMENT DISCOURSES (SOCIOLINGUISTIC ASPECT).....	234
<i>Shipitsina G.M.</i>	PHRASIOLOGIZATION OF WORD COMBINATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 21 CENTURY	239
<i>Shlyk E.V.</i>	STRUCTURE AND CONTENT OF THE MICROFIELD OF ACTUALITY IN THE FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF MODALITY IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES.....	243

ИСТОРИЯ

УДК – 947.084.5

КОНЦЕПТ «НОВАЯ ЖЕНЩИНА» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ К. ЦЕТКИН: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ, ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

И.В. Алферова

В статье прослеживаются этапы формирования взглядов К. Цеткин на проблему эмансипации, последовательно рассматривается ее деятельность по организации социал-демократического женского движения. Обращение к опыту работы К. Цеткин связано с процессом написания новой истории советских женщин, который сейчас активизировался в отечественной науке. К. Цеткин – активистка СДПГ, признанный лидер германского и международного движения женщин-работниц, во многом определила теоретические и практические подходы к решению женского вопроса, в том числе, в советской России. Знаковыми для женского движения в исторической перспективе оказались и размышления К. Цеткин по поводу «новой женщины». Дополнительные исследования ее политической деятельности и теоретических изысканий являются необходимым условием для объективной оценки достижений и неудач советского женского движения.

Ключевые слова: движение женщин-работниц, феминизм, женский вопрос, женская печать.

Наш интерес к представительнице Социал-демократической партии Германии К. Цеткин (1857–1933) связан с процессом написания новой истории советских женщин, который активизировался в последние десятилетия и в своем становлении прошел уже несколько этапов. Сейчас, с очевидностью, можно констатировать, что, пережив период безудержной критики политики советской власти в отношении женщин, обществоведы переходят к более взвешенным оценкам. Признавая в целом спекулятивный подход к решению женского вопроса со стороны советского государства, ученые отмечают определенные успехи, например, в законодательной сфере, формально обеспечивавшей защиту прав женщин, а также в образовательной и профессиональной, где женщинам действительно были предоставлены равные с мужчинами права.

Более гибко подходят современные исследователи и к выяснению причин неудач советского женского движения. Высказывается, например, мнение о том, что российское общество 1920–1930-х гг. было не готово к восприятию идей женского равенства в силу господства патриархальных традиций [1, с. 37]. В том числе тех идей, которые лидеры большевиков, долгое время прожившие в эмиграции, позаимствовали на Западе, а затем пытались реализовать у себя в стране применительно, прежде всего, к российским работницам и крестьянкам. Это последнее утверждение, как нам кажется, нуждается в дополнительных исследованиях и обязательных комментариях, с целью избежать преждевременных обвинений на этот раз западных активисток женского движения и их последовательниц в недостатках эксперимента по эмансипации в России.

В этой связи и является актуальным обращение к деятельности и к теоретическому наследию К. Цеткин, как к идейному вдохновителю, организатору и безусловному лидеру социал-демократического женского движения, ориентированного, прежде всего, на работниц. В идеологическом аспекте, именно ее опыт работы мог служить образцом, в том числе для лидеров РСДРП, когда возникала потребность в работе с женским населением. Каковы же основные достижения К. Цеткин в деле политической мобилизации женщин-работниц? Рассмотрим только ключевые моменты.

Первый раз с программной речью по женскому вопросу «За освобождение женщин!» К. Цеткин выступила в 1889 г. на конгрессе II Интернационала. В докладе, показав себя подготовленной марксистской, а также в полном соответствии с идеями Ф. Энгельса и А. Бебеля, она, прежде всего, отмечала прогрессивность в исторической перспективе процесса все большего втягивания женщин в сферу производительного труда. «Социалисты должны знать, – говорила она, – что при современном развитии экономики женский труд является необходимостью... И, прежде всего, социалисты должны знать, что экономическая зависимость или, напротив, независимость будут определять социальное рабство или свободу. И те, кто на своем знамени начертали лозунг освобождения человечества, не могут обречь половину его на политическое и социальное рабство, определяемое его полной экономической зависимостью. Так же, как рабочий угнетается капиталистом, женщина порабощена мужчиной; и она останется порабощенной до тех пор, пока не станет независимой экономически. Необходимым же условием ее экономической независимости является труд» [2, с. 66].

В заключении К. Цеткин указывала, что участие женщин в пролетарском движении представляет собой единственный путь к их раскрепощению, что только в социалистическом обществе женщина будет полностью уравнена с мужчиной. Первыми шагами на пути освобождения женщин, по ее мнению, должны были быть: их организация, политическое воспитание и вовлечение в борьбу рабочего класса [3, с. 13].

Выступление К. Цеткин произвело впечатление. Во всяком случае, конгресс II Интернационала в своем постановлении обязал партии шире вовлекать женщин в революционное движение, рекомендовал также способствовать привлечению женщин к труду на производстве и требовать от своих

правительств установления социального законодательства по охране труда женщин (последнее требование было принято под влиянием А. Бебеля).

В начале 1890-х гг. К. Цеткин добилась права вести политическую работу среди женщин и совместно с партийными съездами проводить специальные конференции женщин-социалисток. В 1900 г. на социалистической женской конференции в Менце она представила проект директивной инструкции по женскому вопросу. В ней предписывалось всем партийным организациям провести выборы женщин – доверенных лиц. В директивах были определены задачи и обязанности женских активисток, которые «будут заключаться в том, чтобы выступать инициаторами создания профсоюзных и экономических организаций женщин, строить их единообразно и планомерно» [4, с. 23].

В 1891 г. социал-демократическая партия Германии в Эрфуртской программе сформулировала требование полного экономического, политического и правового равноправия мужчин и женщин. Тогда же, в конце 1891 г., издатель В. Дитц предложил К. Цеткин стать редактором женского журнала. Журнал был основан Эммой Ипер и назывался «Arbeiterin» («Работница»). Вскоре он был преобразован в газету «Die Gleichheit» («Равенство»), которая под руководством К. Цеткин в течение двадцати пяти лет (до мая 1917 г.) была центральным печатным органом женского социалистического движения в Германии, а затем в Европе. В 1893 г. на совещании делегатов Кельнского партсъезда германских социал-демократов по предложению К. Цеткин было принято решение создавать на местах женские агитационные комиссии.

В это же время в Германии активизировалось феминистское движение, и в 1894 г. был основан Всеобщий союз немецких женских обществ, представительницы которого работали и среди пролетарок, плохо разбирающихся в нюансах разных политических доктрин.

Здесь необходимо подчеркнуть: К. Маркс, Ф. Энгельс никогда не высказывали пиетета по отношению к феминистскому движению, считая его «чисто буржуазной затеей» [5, с. 145]. Самих же представительниц движения за женское равноправие они называли «эти дамочки» [6, с. 167-168], «буржуазные и мешанские карьеристки» [7, с. 350], «полубуржуазные ослицы» [5, с. 145]. В общем, отношение было пренебрежительно-ироничным, не более того. К. Цеткин считала необходимым обозначить свое принципиальное идеологическое различие с феминизмом, которое на тот момент было далеко не очевидным даже для социал-демократов.

Впервые она выступила с речью, направленной против феминисток в 1892 г. на собрании берлинских женщин. В 1896 г. на Готском съезде К. Цеткин сделала доклад по женскому вопросу «Социализм придет к победе только вместе с женщиной-пролетаркой!», чтобы объяснить свою позицию германским социал-демократам, большинство из которых не одобряли ее деятельности и видели в ней «феминистский анклав» внутри рабочего движения.

«Пролетарке, как борцу в этой классовой борьбе также необходимо правовое и политическое равноправие с мужчиной, как и женщине мелкой и средней буржуазии и буржуазной интеллигенции», – указывала в своем выступлении К. Цеткин. Однако, «если женщинам будет представлено равноправие, – рассуждала она далее, – в фактическом соотношении сил ничего не изменится. Женщины-пролетарки перейдут в лагерь пролетариата, буржуазные женщины – в лагерь буржуазии. Нас не должны вводить в заблуждение некоторые социалистические мотивы в буржуазном женском движении. Они выдвигаются до тех пор, пока буржуазные женщины считают себя угнетенными» [4, с.21].

В связи с вышесказанным приоритеты в агитации среди женщин, по мнению К. Цеткин, должны были быть отданы социалистическим идеям, а не «мелочным» женским интересам, «чтобы включить современную женщину-пролетарку в ряды участников классовой борьбы». Более того, она считала (или в пылу полемики с идеологическими конкурентками утверждала), что никаких «специфических задач» работа среди женщин не должна решать, так как «реформы, отвечающие интересам женщин, осуществимые в условиях существующего строя, уже включены в число требований, содержащихся в программе-минимум нашей партии» [4, с. 23].

В итоге, в резолюции съезда было отмечено: «Агитация среди пролетарских женщин должна быть, прежде всего, социалистической. Ее главной задачей – будить в пролетарских женщинах классовое самознание для вовлечения их в классовую борьбу. Пролетарки из конкурентки пролетарию, понижающей его жизненный уровень, должна превратиться в его классового соратника в борьбе...». Для того чтобы исключить даже возможное взаимодействие социал-демократического движения с феминизмом в очевидно общем деле эмансипации женщин съезд подчеркнул: «Агитация среди пролетарских женщин должна таким образом держаться строго в границах общего рабочего движения и должна увязываться с теми вопросами, которые являются для рабочего класса особенно важными в данный момент» [8, с.296].

Наряду с общетеоретическими рассуждениями по поводу специфики решения женского вопроса для разных социальных групп, К. Цеткин поделилась на съезде своим опытом работы. Так, например, на съезде она высказала мысль, что «идеи социализма» нужно доносить до женщин при помощи «печатной агитации». Газета «Die Gleichheit», как она убедилась после нескольких лет работы редактором, была не понятна массовому читателю, работницы обращали внимание в основном на всякого рода развлекательный материал. Для них она предлагала организовать распространение листовок, но не традиционных листовок, а «печатать маленькие книжечки с содержанием на 4-6 страничках, хорошо оформленные, подобно изданиям американских и английских «трезвенников». Ведь

пролетарская женщина настолько разбирается в таких вещах, что скажет: «Ах! Какая хорошенькая штучка, надо ее поднять!». «И те места, в которых говорится о главном, мы должны печатать крупными, жирными буквами, – советовала К. Цеткин, – тогда женщину не охладит необходимость много читать, ее внимание будет захвачено сразу» [4, с.26].

Бурная деятельность К. Цеткин, имела серьезные политические последствия. Социал-демократическое женское движение в Германии под ее руководством превратилось в одно из сильнейших в Европе. К. Цеткин определила и перспективы развития женского движения в целом. Во всяком случае, именно благодаря ее инициативам, в рамках европейской социал-демократии стало оформляться особое направление, ориентированное на политическое просвещение и организацию женщин-работниц. Более того, именно благодаря непримиримому отношению К. Цеткин к феминисткам, они и социал-демократы(-ки) оказались по разные стороны баррикады на долгие годы.

Знаковыми для женского движения в исторической перспективе оказались и размышления К. Цеткин по поводу «новой женщины». Она наполнила содержанием тот достаточно абстрактный женский образ, который предлагали для будущего коммунистического общества теоретики-мужчины.

В своем пространном докладе «Интеллигентный пролетариат, женский вопрос и социализм», прочитанном в публичном студенческом собрании в январе 1900 г., она выступила категорически против той «новой Евы», которая «презирает все специфически-женское, как недостойное человека, отказывается от всех чисто женских задач, как от чего унижающего, и стремится развить в себе только человека» [9, с. 8]. К. Цеткин признавала, что на начальном этапе становления женского движения за равноправие, было уместным акцентировать внимание на идее – «женщина-человек». Однако же в реальной жизни женщина может полностью реализоваться, считала К. Цеткин, если «человеческое» и «женское» будут в ней «гармонично развиваться одно подле другого» [9, с. 9] и никак иначе.

Только та женщина «может поступать, как сильный и зрелый человек, – рассуждала К. Цеткин далее, – которая постигла счастья соединения лучшего своей жизни и своих стремлений с жизнью и стремлениями своего любимого супруга и детей» [9, с. 9]. Другими словами, женщина будущего в представлении К. Цеткин должна быть гражданкой, профессиональной работницей, но при этом отдавать долг семье, которая при социализме «образует собою чисто нравственное целое и покоится на правовом равенстве мужчин и женщин» [9, с. 26].

На протяжении многих лет К. Цеткин продолжала развивать подобные идеи на страницах «Die Gleichheit». Так, например, статья «Захолустье», опубликованная в газете 22 марта 1905 г., была направлена против публикации Э. Фишера, ограничившего сферу женской деятельности традиционными «детьми, кухней, церковью», и содержала развернутое описание идеала женщины.

Основой независимости женщин, ее общественной пользы, в очередной раз подчеркивала К. Цеткин, является работа по специальности. Только благодаря ей, «женщина выступает как полностью равноправная с мужчиной и может целиком включиться в общественную жизнь, сознательно в ней участвовать, развивать свой характер, волю, талант» [2, с. 156]. Видимо идея полного равноправия в производственной сфере предопределило отношение К. Цеткин к женской воинской службе. Она была сторонницей военного образования женщин и привлечения их в случае войны не только в качестве медсестер, но и в военную промышленность, в мирное время видела целесообразным использование их для службы в милицию и «тайной полиции».

При этом социалистическая агитация, указывала К. Цеткин, ни к коей мере не должна была отвлекать «женщину-пролетарку от ее обязанностей матери и супруги». Наоборот, «она должна побуждать женщину выполнять эти обязанности лучше, чем прежде, – в интересах пролетариата. Чем лучше отношения в семье, чем деятельнее женщина у себя дома, тем энергичнее она в борьбе. Чем больше внимания она может уделить своим детям как их воспитательница, формирующая их характеры, тем лучше она может их просвещать, добиваться того, чтобы они с таким же энтузиазмом и самопожертвованием продолжали в общем строю борьбу за освобождение пролетариата» [2, с. 154].

Таким образом, К. Цеткин буквально вменяла в обязанность «пролетарской» женщине быть «физическим производителем умственно и нравственно здорового пролетариата». Она не выступала открыто против абортов, но не была сторонницей ограничения рождаемости и считала, что наличие 6-8 детей в пролетарских семьях никак не могут помешать женщинам принимать активное участие в политической жизни. В то же время «пролетарская» женщина должна была быть готовой, по ее мнению, отказаться от эгоистического материнского чувства в любой момент и «подарить детей революционному движению» [10, с. 144].

Женщина в интерпретации К. Цеткин должна была быть и хорошей хозяйкой, уметь создать «чистый, удобный и уютный дом», чтобы мужчина «предпочитал проводить время в нем, а не в трактире», и где он мог бы «отдохнуть и освежиться».

Не каждая женщина, считала К. Цеткин, могла стать революционеркой, но каждая должна была быть самоотверженной помощницей мужчине-борцу. (Образцовыми женами в этом смысле были для нее Ж. Бебель и Н.К. Крупская.) Только в этом случае женщина станет для «пролетария» не просто женой, а «товарищем и соратницей в борьбе», «воспитательницей его детей, готовящей их к будущим боям!» [2, с. 154] – резюмировала К. Цеткин, представляя идеальный образ (гендер) «новой женщины».

В статье «Захолустье» К. Цеткин уделила внимание и такому интимному чувству в межличностных отношениях мужчины и женщины, как любовь. «Половая любовь современных людей, – пи-

сала она, – все больше отличается от любви наших предков. Из чувства скорее всеобщего она превращается в чувство индивидуальное. Поэтому для полного счастья в любви наряду с физическим влечением приобретают духовно-нравственные качества мужчины и женщины» [2, с. 155].

К. Цеткин сама преданная жена и ответственная мать, в отличие от большинства авторов социальных утопий, не выступала против брака, и если и пророчила «отмирание» последнего, то только брака буржуазного. «Слепое, низменное сексуальное желание», считала она, необходимо «умственно и нравственно» сдерживать и дисциплинировать, а пропаганду «свободного брака», называла «большой глупостью». В то же время гражданский союз, пролетарский брак, по мнению К. Цеткин, должен был стать нерушимым и моногамным для обоих супругов. Развод в рамках таких высокодуховных отношений виделся ей только в исключительных случаях [10, с. 155].

По-видимому, все же осознавая, что реальные женщины-работницы озабочены не столько проблемами классовой борьбы и нравственного совершенствования с целью соответствия коммунистическому идеалу, сколько проблемами выживания, К. Цеткин пыталась им помочь имеющимися в ее распоряжении средствами.

Так, с 1905 г. в специальном приложении к «Die Gleichheit» для матерей и домашних хозяек, она печатала много статей, содержащих сведения из области здравоохранения и гигиены, советы по уходу за больными и грудными детьми, кулинарии и пр. На страницах приложения, например, она выступала против модных в то время, но вредных для здоровья корсетов, плотного белья, длинных, пышных юбок [2, с. 157]. В журнале активно обсуждались различные способы облегчения положения женщин: развитие общественного питания, создание широкой сети прачечных, гладил и пр.

Более того, не только в периодической печати, но в публичных выступлениях разного уровня, К. Цеткин активно выдвигала требования по охране здоровья матери и ребенка [10, с. 141], предполагая, что в будущем социалистическом государстве заботу о детях возьмет на себя государство.

В 1907 г. в Штутгарте одновременно с Международным социалистическим конгрессом по инициативе К. Цеткин состоялась первая женская конференция. Здесь развернулась дискуссия по поводу необходимости образования во II Интернационале специального отдела (Секретариата), для работы среди женщин. В результате было принято решение о создании Международного женского секретариата, секретарем которого была избрана К. Цеткин. Местопребыванием Секретариата был объявлен Штутгарт, а «Die Gleichheit» превратился в центральный печатный орган организации. Конференция продемонстрировала уже международное признание К. Цеткин среди тех представителей социалистических партий, кого интересовали возможности привлечения женщин к политической борьбе, и ее авторитет, как специалиста по женскому вопросу.

Единственной представительницей от России на этом конгрессе была А.М. Коллонтай. По ее воспоминаниям именно общение с К. Цеткин в Штутгарте (до этого они встречались на Мангеймском съезде, 1906 г.), опыт её работы убедили российскую социал-демократку в необходимости создания специального аппарата при партийной организации для работы среди женщин [11, с. 17]. Эту идею А.М. Коллонтай начала активно пропагандировать в России, вплоть до своей вынужденной эмиграции в 1908 г., а затем уже после возвращения в 1917 г.

После начала I мировой войны, когда Интернационал практически перестал существовать, К. Цеткин в марте 1915 г. удалось провести в Берне женскую конференцию. На ней был принят Манифест, адресованный всем женщинам, который осудил империалистическую войну и содержал лозунг: «Труженицы всех воюющих стран, объединяйтесь!» На конференции присутствовали и представительницы большевиков (Н.К. Крупская, З.И. Лилина), которые пытались использовать это пацифистское собрание в своих целях.

Большинству делегатов была непонятна и неприемлема резолюция большевичек (написанная В.И. Лениным), которая провозглашала разрыв со всеми «предательскими» социалистическими и рабочими партиями, создание нового Интернационала и заканчивалась призывом преобразовать империалистическую войну в войну гражданскую [12, с. 130]. Однако, если большинство социалистов стали с началом войны глухи к интернационалистским лозунгам и поддержали свои правительства, то К. Цеткин надеялась и пыталась остановить войну, обратившись к женщинам воюющих стран, поэтому она пошла на переговоры с В.И. Лениным. Ей удалось убедить его пойти на компромисс и подписать общую резолюцию конференции. Полагаем, что эта договоренность между К. Цеткин и В.И. Лениным, зыбкая и неопределенная вначале, стала основой их сотрудничества. После же того, как К. Цеткин восторженно приветствовала приход большевиков к власти и была одним из организаторов движения солидарности с Советской Россией, между ними установились дружественные отношения.

В 1921 К. Цеткин стала членом Исполкома Коминтерна и Президиума ИККИ, оставаясь долгие годы ведущим специалистом международного уровня по женскому вопросу и продолжая возглавлять Международный женский секретариат уже в рамках Коминтерна.

Таким образом, К. Цеткин была несомненным лидером женского социал-демократического движения сначала в Европе, а затем в мировом масштабе. Именно она конкретизировала и в чем-то переосмыслила достаточно неопределенные марксистские идеи относительно путей и средств решения женского вопроса, разработала схему работы по организации женщин-работниц и привлечению их на сторону социал-демократического учения, а также довольно успешно реализовывала свою программу на практике.

Именно ее организационные наработки, а в дальнейшем и некоторые «оригинальные» идеи по эмансипации женщин были с энтузиазмом восприняты российскими социал-демократическими лидерами [10]. Ду-

мается, Н.К. Крупская была искренна, когда, по прошествии времени, имея ввиду политику в отношении женщин уже в Советском Союзе, написала: «Наша работа идет по пути, проложенному Кларой» [13, л. 7].

Рассуждения К. Цеткин по поводу идеальной «женщины-пролетарки», как уже отмечалось, также оказали определенное влияние на формирование представлений о «новой женщине» будущего социалистического общества. Так как это общество первыми начали «создавать» в Советской России, а потом в Советском Союзе, практический опыт К. Цеткин и ее теоретические построения оказались востребованными именно здесь.

Однако насколько справедливы обвинения в ее адрес, которые можно встретить в популярной литературе, например, такое: К. Цеткин и ее последовательницы активно работали «на поприще разрушения женской сущности» [14, с. 64]. Сложно ответить, для начала необходимо разобраться с определением «женской сущности», которая, бесспорно, претерпевала изменения во времени.

Во всяком случае, очевидными являются успехи К. Цеткин в деле политической организации и просвещения женщин-работниц. Ее несомненной заслугой можно считать деятельность, направленную на защиту их труда, а также охрану материнства и детства. В то же время, необходимо учитывать, что сама К. Цеткин была представителем класса интеллигенции. В ее рассуждениях чувствуется дистанцирование от реальных проблем женщин-работниц, озабоченных не столько классовой борьбой, сколько проблемами выживания. Вместе с тем видение К. Цеткин «новой женщины» нельзя назвать радикальными в сравнении с идеалами, которые пропагандировали феминистки и российские социал-демократки [15]. Скорее ее взгляды, вслед за немецкой исследовательницей Т. Пушнерат можно характеризовать как симбиоз «марксизма и буржуазности» [1].

This article follows the stages of formation of K.Tsetkin view towards the problem of emancipation. Sequentially, we look at her role in foundation of social democratic women movement. Referring to K.Tsetkin works is connected with the process of writing a new history of Soviet women, which is extremely popular in the modern science. K. Tsetkin - active member of SDPG, acknowledged leader of German and International Working Women Movement, she set all the theoretical and practical approaches towards women's problems, including the ones in Soviet Russia. K. Tsetking thoughts about "new woman" seem familiar for women's movement throughout history. Additional researches of her political activities and theoretical considerations are the most important clauses for objective evaluation of achievements and failures of Soviet women movement.

The key words: *working women movement, feminism, women's question, women press.*

Список литературы

1. D. Fieseler. Zum Dilemma sozialistischen frauen Politik // Lust und Last: Sowjetische Frauen von A. Kollontei bis heute, 1990.
2. Л. Дорнеманн. Заседание рейхстага объявляю открытым. Жизнь и деятельность Клары Цеткин. М., 1976.
3. О.Г. Радькова. Борьба Клары Цеткин за вовлечение работниц в освободительное движение пролетариата (1892 – 1914 гг.) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Минск, 1974.
4. К. Цеткин. Социализм придет к победе только с женщиной-пролетаркой! М., 1960.
5. Ф. Энгельс – Л. Лафарг 2 октября 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 145.
6. Ф. Энгельс – Ф. Зорге А. 29 сентября 1891 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 167-168.
7. Ф. Энгельс – П. Эрнсту. 5 июня 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 350.
8. Резолюция партийного съезда германской социал-демократии в 1896 г. в г. Гота по женскому вопросу // Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение. Хрестоматия. М.Л., 1929.
9. К. Цеткин. Интеллигентный пролетариат, женский вопрос и социализм. (Доклад, читанный в публичном собрании в Берлине в январе 1900 г.). Пг., 1918.
10. T. Puschnerat Clara Zetkin: Bürgerlichkeit und Marxismus, eine Biographie. Essen: Karltext-Verl., 2003. S. 144.
11. А.М. Коллонтай. Из моей жизни и работы. Одесса, 1921.
12. Э. Каррер Д'Анкосс. Ленин. М., 2008.
13. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 6.
14. О. Грейс. Революция полов, или Тайная миссия Клары Цеткин. М., 2008.
15. И. В. Алферова. Эмансипаторский проект большевиков: Миф или реальность. Брянск, 2009.

Об авторе

Алферова И.В.- кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика имени И.Г. Петровского, alferovairi@yandex. ru.

УДК – 002.5

**РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ В ПЕРИОД
«ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТТЕПЕЛИ» НАЧАЛА 1880-х гг.**

В.Ф. Блохин

В конце 1870-х гг. в России проявились кризисные экономические трудности, отразившиеся на общественных настроениях и взглядах, оказывавших в свою очередь влияние на формирование политической действительности. Проблемы периодической печати, возникшие в этот период, были тесно связаны с процессом эволюции монархии, с формированием общественного мнения. Взаимоотношения властных структур и средств информации явились отражением наметившегося диалога власти и общества, вызванного поиском ответов на вопросы и вызовы того времени.

Ключевые слова: публицистика, общественное мнение, цензура, законодательство о печати, «политическая оттепель», административные меры наказаний

Рубеж 1870-х – 1880-х гг. в советской исторической науке традиционно рассматривался в качестве «второй революционной ситуации». Особая процедура упрощения разносторонних переплетений внешнеполитических и внутренних проблем, с которыми столкнулась российская власть в этот период, позволяла создать упрощенную модель сложившейся ситуации в стране, имитирующую или в определенном отношении замещающую исходное состояние политической ситуации. Отказываясь от оценок, определённых политической конъюнктурой и вытекавших из ленинских выводов о наличие в начале 1880-х гг. объективных предпосылок революции в России, следует признать, что страна действительно в этот период оказалась в сложном экономическом и политическом положении.

Финансовые трудности, возникшие в ходе неожиданно затянувшейся войны 1877–1878 гг., дополнялись кризисными явлениями в аграрном секторе, определявшем возможности пополнения казны: неурожаи, отставание в капиталистическом развитии помещичьих хозяйств, мобилизация на войну более полумиллиона крестьян. Военные успехи русской армии в русско-турецкой войне вызвали активное недовольство ряда европейских держав. Берлинский конгресс, созданный для пересмотра Сан-Стефанского мира между Россией и Турцией завершился подписанием 1 июля 1878 г. Берлинского трактата, который сыграл определённую роль во время стабилизации положения на Балканах, но не разрешил всех противоречий не только в Балканском вопросе, но и в отношениях друг с другом европейских государств. Слова И.С. Аксакова, что этот международный документ нанёс «оскорбительный удар нашему национальному чувству», подорвал «у нас веру в себя и в своё историческое призвание» [1, с. 44] отражали тогдашние настроения значительной части российского общества.

Теперь уже очевидно, что в 1870-е гг. было положено начало процессам, получившим свое логическое завершение в начале XX в. революцией 1905 г. в России. Они знаменовались утратой у части общества веры в прежние ценности, распадом системы ценностей и привычной картины мира. По словам В.Д. Зиминой, уже проявлялась «пестрота нравственных идеалов, презентуемых той или иной политической группой», стремительно приживались новые настроения, взгляды, зачастую опережающие реалии, но властно формировавшие политическую действительность [2, с. 77].

Так, оправдательный приговор, вынесенный 31 марта 1878 г. по делу Веры Засулич, явился доказательством невозможности в тех условиях открытого давления правительства на новый суд. По словам тогдашнего издателя газеты «Северный вестник» Е.В. Корша, наблюдавшего за ходом судебного разбирательства из зала суда: «Этот процесс как-то невольно развязал язык либеральной печати» [3, с. 96]. Достоверность оценок петербургского юриста и публициста подтвердил министр внутренних дел А.Е. Тимашев, который 5 апреля 1878 г. докладывал Александру II, что после этих событий все петербургские газеты стали вести себя вызывающе и обычные меры воздействия на печать не действуют [4, с. 89-90].

По мнению В.Б. Смирнова, посвятившего своё исследование событиям так называемой «второй революционной ситуации»: «Русская журналистика этой поры представляет собой своеобразный дискуссионный клуб, занятый одной проблемой, стоявшей и перед общественной мыслью, и перед освободительным движением: социально-политическим устройством страны...» [5, с. 7]. Исчерпывающе эта ситуация обрисована В.Г. Чернухой: «И как бывает всегда, когда правительство не справляется со своими задачами, а в стране нарастает беспокойство, за дело берутся непрофессионалы, которые начинают искать пути выхода из кризиса. В России конца 1870-х годов, когда блистала газетная и журнальная публицистика, роль такого исследователя состояния страны и мер экономической, социальной и политической стабильности берёт на себя пресса» [6, с. 324]. Изучению взаимосвязи, взаимодействия и взаимозависимости органов печати, превращавшихся в этот период в самостоятельную общественную систему и российских правительственных структур, посвящена эта статья.

Видные государственные деятели, стоявшие у истоков Александровских реформ, понимали, что любые чрезвычайные меры не принесут ожидаемых результатов без изменения государственного строя. Однако Александр II и в условиях очевидного правительственного кризиса продолжал проявлять решимость в отстаивании привычных форм властвования. После взрыва, организованного С.Н. Халтуриним 5 февраля 1880 г. в самом Зимнем дворце, император специальным указом от 12

февраля 1880 г. объявил о создании поставленной над всеми ведомствами Верховной распорядительной комиссии во главе с бывшим харьковским генерал-губернатором М.Т. Лорис-Меликовым.

Идея сводилась лишь к концентрации в руках некоего высшего органа дел по охране государственного порядка и борьбе с революцией, поэтому от назначенного на этот важный пост генерала император со всей очевидностью не ожидал каких бы то ни было особых реформаторских проектов. Однако М.Т. Лорис-Меликов, получив неограниченные полномочия, проявил своеобразное «политическое новаторство». «Новые веяния», как называли мероприятия М.Т. Лорис-Меликова газеты того времени, представляли собой попытку привлечения общества на сторону власти.

Успехи первых мероприятий Верховной распорядительной комиссии по наведению порядка в охране самого государя и царских дворцов, в агентурной и сыскальной работе, позволившие арестовать нескольких членов исполкома «Народной воли», способствовали усилению авторитета её руководителя. М.Т. Лорис-Меликов продемонстрировал жёсткость в борьбе с террором, но одновременно настоял на прекращении неоправданных преследований и наказаний. В середине апреля 1880 г. было расформировано III Отделение, а министр просвещения Д.А. Толстой, одновременно являвшийся обер-прокурором Синода, отправлен в отставку.

Русское общество в своем большинстве позитивно отнеслось к преобразованиям, и правительство получило шанс вернуть неожиданно утраченные позиции. По словам будущего начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова: «Диктатура Лорис-Меликова казалась многим последним якорем спасения» [7, с. 191]. В своём обращении «К жителям столицы» от 14 февраля 1880 г., он заявил о том, что правительство «вынуждено прибегнуть к более решительным мерам для подавления зла, принимающего опасные для общественного спокойствия размеры», но одновременно обещал оградить законные интересы здравомыслящей части общества: «На поддержку общества смотрю, как на главную силу, – заявлял генерал-губернатор, – могущую содействовать власти в возобновлении правильного течения государственной жизни, от перерыва которого наиболее страдают интересы самого общества» [8, с. 426-427].

Во Всеподданнейшем докладе от 11 апреля 1880 г. М.Т. Лорис-Меликов предложил программу преобразований, включавшую в себя проекты податной реформы и перестройки местного управления, расширения прав старообрядцев, пересмотра паспортной системы, урегулирования отношений рабочих и предпринимателей, изменений в системе народного образования. Его инициатива распространялась и на возможность общественного участия в обсуждении некоторых правительственных распоряжений. Предполагалось, как когда-то во времена Екатерины II, предпринять попытку созыва комиссии для составления нового Уложения, осуществить опрос мнений «излюбленных людей» с целью сбора достоверного материала для дальнейшего развития законодательства. Планировалось также изменить административный механизм, учредив должность «первого министра».

Уже 26 июля 1880 г. М.Т. Лорис-Меликов предоставил Всеподданнейший доклад Александру II о работе Верховной распорядительной комиссии, поставив вопрос о целесообразности её дальнейшей деятельности, поскольку с марта по июль не произошло ни одного террористического акта. Документ также содержал предложения по реорганизации ведомства внутренних дел, которое должно было сосредоточить в себе все жандармско-полицейские функции. Император согласился с предложениями, а 6 августа подписал указ «О закрытии Верховной распорядительной комиссии, упразднении III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии и об учреждении Министерства почт и телеграфов». В составе Министерства внутренних дел был создан особый Департамент государственной полиции, руководитель министерства становился шефом жандармов и должен был осуществлять «высшее направление всех следственных по государственным преступлениям дел» [9, с. 181].

М.Т. Лорис-Меликов в августе 1880 г. был назначен министром внутренних дел и шефом жандармов. При новом главе министерства произошла смена начальника Главного управления по делам печати. Вместо отличавшегося славянофильскими воззрениями В.В. Григорьева, занявшего эту должность после смерти ретрограда Н.М. Лонгинова в ноябре 1874 г., в апреле 1880 г. главой цензурного ведомства стал считавшийся либералом бывший рязанский, а до этого тамбовский и херсонский губернатор Н.С. Абаза.

С печатью М.Т. Лорис-Меликов связывал возможность установления более тесной связи с обществом, поэтому планировал если не отказаться от административных мер в её сдерживании, то, по крайней мере, в значительной степени их ослабить. Откровенное объяснение министра внутренних дел с редакторами газет и журналов в начале сентября 1880 г. послужило темой для многочисленных обсуждений в печати и в обществе. М.Т. Лорис-Меликов разъяснил руководителям столичных изданий неуместность и несвоевременность намёков на предстоящее будто бы «привлечение общества к участию в законодательстве и управлении, в виде ли представительных собраний европейских, в виде ли бывших наших древних Земских соборов» [10, с. 76].

Министр внутренних дел заявил, что «мечтательные разглагольствования прессы», которые связываются с его именем, возбуждают напрасные надежды в обществе. Между тем он, М.Т. Лорис-Меликов, «никаких полномочий на это не получал, и сам лично в виду ничего подобного не имеет, будучи твердо убежден, что в настоящее время самое необходимое, чем надобно заняться и на что он обратит свое внимание и труд – это дать должную силу новым учреждениям, уже существующим, а также привести в сообразность и гармонию с последними учреждения старого порядка, видоизменив

их, насколько то потребуется для этой цели» [11, с. 30]. Программа нового министра внутренних дел была рассчитана на 5-7 лет и один из ее пунктов касался непосредственно прессы.

В ноябре 1880 г. была создана Комиссия по делам печати во главе с графом П.А. Валуевым. Членами её стали влиятельные государственные люди того времени: князь С.Н. Урусов, граф М.Т. Лорис-Меликов, министр финансов А.А. Абаза, управляющий Министерством народного просвещения А.А. Сабуров, товарищ министра внутренних дел М.С. Каханов, обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев, товарищ министра юстиции Э.В. Фриш, бывший министр внутренних дел Л.С. Маков и начальник Главного управления по делам печати Н.С. Абаза. В задачи её входило решение проблемы всеместного перехода к карательной системе цензуры, намеченного ещё в законе от 6 апреля 1865 г., т.е. на деле дать то, чем пресса уже должна была давно пользоваться на основании принятого закона.

О создании Комиссии по пересмотру законов о печати стало известно задолго до начала её работы. Периодические издания были наполнены по её поводу многочисленными слухами: сообщалось, что правительство будто бы решило упразднить Главное управление по делам печати, что провинциальные газеты будут приравнены в своих правах со столичными, что затем будет отменена всякая цензура, и ответственность за проступки по делам печати будет возлагается исключительно на издателя или редактора, причём газеты не будут подвергаться никаким административным мерам [10, с. 86].

Вот что говорилось в связи с этим событием в передовой статье «Сибирской газеты»: «Трудны были первые шаги провинциальной печати. Непривычка к гласности, к контролю общественного мнения создала ей многих врагов; в лучшем случае её терпели, как необходимое зло; обыкновенно же её притесняли. Пожелаем теперь, чтобы учреждение Высочайше утверждённой Комиссии для пересмотра законов о печати не прошло для неё бесследно, чтобы существование местной печати было основано на праве, а не на снисхождении, и чтобы в глазах местного общества местная печать стала учреждением столь же признанным и необходимым, как и школа» [12]

К участию в заседании Комиссии 5 ноября были привлечены известные представители периодической печати: А.А. Краевский, М.М. Стасюлевич, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.П. Гиляров-Платонов, А.С. Суворин и др. Впрочем, состоялась всего одна встреча, носившая довольно формальный характер. Вероятно, совсем не случайно в том же месяце появилась брошюра тогдашнего канцелярского служащего Главного управления по делам печати К.И. Воронича под названием «Представители печати в комиссии». Ее появление свидетельствовало о явном беспокойстве, охватившем определенные чиновничьи круги в связи с этим событием.

Небольшая, состоявшая всего из 21 странички, она преследовала лишь одну цель – показать «замкнутость, легкомыслие, либо умственную несостоятельность» приглашённых издателей и авторов, которые незадолго до этого рассуждали на страницах своих журналов и газет о конституции, вели речь «об уничтожении Комитета министров, о преобразовании Государственного совета и Сената, и о многих других колоссальной важности государственных вопросах» [13, с. 2]. К.И. Воронич, обращаясь к деятелям печати, сокрушался, что власть не сможет «вливать в нас нравственность вместо безнравственности», призывал «отряхнуть с себя дурное» и тогда «правительство поможет нам в этом, как отец помогает взрослым детям – добрым советом, примером, сочувствием», а «печать должна начать: печать *первая* (*курсив в тексте*. – В.Б.) должна подать благой пример» [13, с. 21]. На заседании Комиссии редакторы десяти петербургских и московских газет и журналов высказались за подчинение печати исключительно закону и суду, обозначили желание осуществить предварительное обсуждение проекта закона в периодических изданиях.

В ноябре 1880 г. слухи о предстоящих переменах в цензурном законодательстве несколько изменили своё содержание: теперь утверждалось, что печать будет полностью освобождена от административных взысканий и подчинена ведению только суда. «И действительно, – восклицал публицист журнала «Слово», – если печати не будет дарована даже эта милость, то в чём же, спрашивается, будет заключаться преобразование?» [10, с. 102]. Тот же журнал «Слово» констатировал: «...если действительно отыщется какой-нибудь провинциальный писатель, который, простодушно возомнив себя ограждённым каменной стеной закона, бодро возьмётся за перо во славу и на пользу Отечеству, то не следует ли комиссии заранее подумать о вероятной судьбе этого писателя?» [10, с. 105].

Итогом работы Комиссии явился проект основных правил цензурного устава, состоявший из четырёх записок: «О правах административной власти, заведующей делами печати»; «Основные положения для пересмотра уголовного закона по делам печати»; «Перечень предполагаемых изменений и дополнений карательных постановлений о печати»; «Основные положения для пересмотра административной части действующих постановлений о цензуре и печати» [14, с. 262-269]. Документ должен был способствовать постепенному расширению карательной системы в тех местностях империи, где будет проведена судебная реформа.

О желательности осуществления этих мер столичная и провинциальная печать говорила уже много лет. Последний раз о том, что в административных сферах поднят вопрос об изъятии губернских газет из-под предварительной цензуры «Московские ведомости» и «Русский инвалид», а вслед за ними и местные издания сообщали в октябре 1875 г. Отмечалось, что закон 6 апреля 1865 г. будет «распространён на всю печать без всяких исключений, с тою единственною разницей, что залог провинциальных изданий будет уменьшен на половину против столичных» [15]. Тогда напрасные надежды связывались с приходом в цензурное ведомство В.В. Григорьева – известного учёного-ориенталиста, профессора Петербургского университета.

Однако и при Н.С. Абазе ожидаемые перемены не свершились. Его пребывание в должности начальника Главного управления по делам печати знаменовалось лишь приостановкой административных репрессий. Если в 1879 г. Главным управлением по делам печати было выдано различным изданиям шестнадцать предостережений: шесть по счету первых, по пять – вторых и третьих, с последующей приостановкой от трёх до пяти месяцев («Неделя», «Русский мир», «Русская правда», и «Голос»). В этом же году на восемь месяцев была приостановлена эстонская газета «*Sacala*», на пять, выходящая на еврейском языке «Гамелиц» и на восемь – «Смоленский вестник». Пять раз налагалось взыскание в виде «воспрещения розничной продажи», а также появился новый запрет на печатание частных объявлений, применённый в этом году один раз. В 1880 г. цензурное ведомство ограничилось только пятью предостережениями, двумя «воспрещениями розничной продажи» и двумя запретами на публикацию частных объявлений. Причем газета «Новое время» была единственной, которая получила своё предостережение за статью в номере от 30 сентября, т. е. при новом начальнике Главного управления по делам печати.

По этому поводу журнал «Слово» справедливо отмечал: «Взыскания применяются сравнительно реже и мягче, не столько за выражение известных мнений, сколько за неумеренные нападки на отдельных государственных деятелей; но система остаётся прежняя и едва ли скоро уступит место другой» [10, с. 78]. Газета «Неделя» в октябре 1880 г. посвятила этому событию, т. е. первому взысканию по делам печати после шестимесячного перерыва, специальную статью, в которой отметила: «Что касается лично нас, то мы бы охотно примирились с системой предостережений, если бы она и всегда применялась так же редко, как это было до сих пор, и только в таких случаях, как случай с «Новым временем». <...> Скажем откровенно: для нас даже то представляется странным, что нынешней администрации по делам печати – несомненно, расположенной в пользу расширения свободы слова – удалось воздерживаться от предостережений столь долгий срок, как шесть месяцев и притом в такое время, когда печати приходилось касаться весьма щекотливых вопросов» [16].

Действительно, сохранившиеся документы центрального цензурного ведомства наглядно демонстрируют, что бдительность его чиновников в период руководства Н.С. Абазы несколько не снижалась. Контроль, в том числе и над провинциальной печатью, носил тот же неусыпный характер, Совет Главного управления по делам печати собирался на свои регулярные заседания, но взыскания, сыпавшиеся как из рога изобилия в предшествующий период, теперь министром в адрес органов прессы почти не выносились. По словам публициста «Русской мысли», новый начальник Главного управления «совсем не издавал циркуляров и допустил фактическую отмену старых циркуляров, что делает ему лично высокою честь, но что печати не принесло ни пользы, ни удовольствия» [17, с. 49], поскольку сохранялось главное право администрации – издавать их.

Справедливость этого мнения была подтверждена уже в начале следующего года. В 1881 г. при участии Н.С. Абазы предостережения получила 15 января газета «Страна» за статью, в которой говорилось о тяжелом положении Н.Г. Чернышевского, находившегося в ссылке и содержалась просьба к властям о его помиловании: «Он – честный человек, а такого не должно окончательно погубить честное правительство», – говорилось в передовой статье [18]. После некоторых очевидных колебаний, спустя несколько дней, газете было дано первое предостережение. До 1 марта 1881 г. это было единственное жесткое наказание, выданное по распоряжению М.Т. Лорис-Меликова, что являлось подтверждением с одной стороны более мягкой государственной политики в отношении средств информации, а с другой – определенной осторожности, с которой печать относилась к предоставленным ей льготам.

Та же «Страна» получила 4 марта 1881 г. уже после смерти Александра II второе предостережение за статью в № 27. В газетной публикации говорилось о том, что от опасности, угрожающей от «злодеев-фанатиков» императору, можно избавиться только через уменьшение ответственности главы государства «за ошибки экономические и за разочарования нравственные», поскольку «неумелые советники» продолжают здравствовать, а царь-освободитель погиб. «Надо, чтобы основные черты внутренних политических мер внушались представителями русской земли, а потому и лежали на их ответственности, а личность русского царя пусть служит впредь только светлым, всем сочувственным символом нашего национального единства, могущества и дальнейшего преуспеяния России» [19].

Вывод публициста, заявлявшего о необходимости превращения верховного правителя в формального, т. е. фактически призывавшего к изменению политического строя в стране, заставил главу цензурного ведомства отказаться от «моратория» на взыскания. В тот же мартовский день за передовую статью в № 63, в которой цитировались высказывания из «Страны» и содержались рассуждения «могущие иметь вредное влияние» предостережение получила газета «Голос» [20], а Главное управление разослало циркуляр, в котором призвало в условиях «чрезвычайных обстоятельств» к «особой сдержанности в суждениях, дабы не усиливать смуты» и обещало от имени министра внутренних дел, что за статьи, высказывающие неуместные суждения о необходимости изменения государственного строя, последуют неминуемые меры взыскания, т. е. приостановление издания [11, с. 34-35].

Очевидный поворот в политике по отношению к средствам информации для многих оказался неожиданным. Сам Н.С. Абаза незадолго до своей отставки, которая состоялась «по состоянию здоровья» 5 апреля 1881 г., т. е. на месяц раньше ухода с поста министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, в письме от 29 мар-

та 1881 г.* отмечал: «В настоящие дни общей скорби и тревоги высказываются два мнения: одни требуют беспощадного применения административных кар, которое повело бы к закрытию большинства газет, другие высказываются в пользу подкупа. Первого я никогда не посоветую, за второе не взялся бы» [21].

Однако и в начале марта 1881 г. руководимое им ведомство не ограничилось лишь предупреждением и спустя двенадцать дней после него последовали наказания. Первой пострадала газета «Молва» за передовую статью в № 72 от 14 марта, в которой говорилось о необходимости «расширения сферы общественного контроля», «более живой деятельности земских сил» с предоставлением им возможности «к здоровому и плодотворному политическому развитию» [22], за статью в № 73 от 15 марта, рассказывавшую о покойном императоре, вокруг которого «шипела злоба и ожесточение» тех, кто считал себя «умаленным и обделенным» освобождением крестьян, а также за обозрение, помещенное в том же номере под названием «За неделю» [23]. Последний газетный материал «Молвы», направленный против «реакционно-охранительного умонаступления» на страницах «Руси», «Московских ведомостей», «Современных известий», «Нового времени» вызвал особое возмущение цензурного ведомства. Газета была приостановлена на месяц, после чего издание ее не возобновлялось.

Тем же распоряжением министра внутренних дел от 16 марта 1881 г. подвергались наказанию и «Санкт-Петербургские ведомости» за фельетон под названием «Впечатления и скорбные думы офицера по поводу рокового события 1 марта». Газетная публикация, полная гнева по отношению к террористам и верноподданнических чувств в адрес «Августейшей семьи» вопрошала: «Скажите вы, стоящие у ступени трона, какие меры вы приняли для ограждения погибшего человеколюбивого императора Александра II? Отвечайте прямо на вопрос нам, солдатам, не закрывайте пятна, выступающие на ваших лицах» [24]. Ответом послужила приостановка газеты сроком на один месяц.

Газеты «Земство» за публикацию статьи в № 17 и «Голос» за передовую в № 90 удостоились цензурных взысканий 31 марта 1881 г. за «недозволительное и несправедливое осуждение деятельности лиц, занимавших высшие государственные должности» [25]. Статья в «Земстве» содержала критику предшественника М.Т. Лорис-Меликова – министра внутренних дел Л.С. Макова, при котором состоялось три покушения на жизнь императора. В этой же публикации говорилось о политическом таланте нового главы министерства, но утверждалось, что «общество жадно ожидало реформ и не дождалось ни одной» [26].

Не остались без правительственного внимания и провинциальные газеты. В 1880 г. новое цензурное правило было своеобразно реализовано в Одессе. В № 280 от 26 октября 1880 г. в находившейся под предвзвешенной цензурой одесской газете «Правда» была напечатана заметка, послужившая основанием для её закрытия. Через два дня в «Ведомостях Одесского градоначальства» было напечатано: «Признавая вредным направление газеты “Правда” и находя, что в заметке видно стремление волновать общество и возбуждать общественные учреждения к действиям, несогласным с законами, генерал-губернатор (А.Р. Дренгельн был назначен в 1880 г. Верховной распорядительной комиссией временным одесским генерал-губернатором. – В.Б.), на основании предоставленной ему Высочайшим указом власти, постановил: прекратить издание газеты “Правды”» [11, с. 31]. Более того, через некоторое время из Петербурга была прислана бумага с разрешением на продолжение издания газеты, но местное начальство выразило на это своё несогласие, и печатный орган прекратил своё существование.

По мнению обозревателя журнала «Русская мысль», это событие явилось результатом целенаправленной политики, связанной с гонениями на издания с либеральным направлением, «причём это преследование носит характер поощрения консервативных газет» [17, с. 60]. В 1881 г. в Одессе пострадал ещё один печатный орган – «Одесский листок». По слухам, которые распространились в столичной прессе, причиной преследования этой газеты со стороны одесского градоначальника являлось его явное предпочтение другому одесскому изданию – «Новороссийскому телеграфу». В подтверждение тому «Русская мысль» привела слова редактора-издателя «Одесского листка» В.В. Навроцкого: «Градоначальник, – рассказывал он, – только советовал мне, во избежание ошибочных суждений, пользоваться статьями из названных газет («Московские ведомости», «Киевлянин», и «Новороссийского телеграфа»), на что я ответил, что, получая деньги с подписчиков, не считаю себя вправе удовлетворять их только перепечатками из названных газет, как это делает “Новороссийский телеграф”» [17, с. 61].

Итогом явилось распоряжение министра внутренних дел от 19 июня 1881 г. о запрещении выхода газеты в ближайшие четыре месяца. После приостановки «Одесского листка» председатель Одесского цензурного комитета А.Е. Егоров был «устранён от внутренней цензуры».

Ещё одно запрещение провинциального издания в год смены верховной власти в стране произошло 24 марта 1881 г. При министре внутренних дел М.Т. Лорис-Меликове без объяснения мотивов на восьмимесячный срок был вновь закрыт «Смоленский вестник» [27].

Между тем повод для приостановки был совершенно неожиданным. «Смоленскому вестнику» было поставлено в вину «неприличное» объявление, помещенное в специальном прибавлении к газете, выпущенном сразу после получения известия об убийстве Александра II. По словам И.И. Петрункевича: «Телеграмма об этом событии была помещена на одной стороне листка, другая же сторона оставалась пустою, но издатель Епишев пожелал и ее использовать и поместил на ней объявление, очевидно обменное, какого-то журнальчика, имевше-

* В июне 1883 г. из Министерства внутренних дел это конфиденциальное письмо с просьбой Н.С. Абазы об отставке в адрес тогдашнего министра М.Т. Лорис-Меликова было передано членом Совета министра внутренних дел М. Веселкиным новому начальнику Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистову.

го название “И смех, и грех”. Объявление было набрано огромными буквами, тогда как телеграммы были напечатаны обыкновенным шрифтом» [28, с. 154]. Для сотрудников газеты было очевидно, что ни крупный шрифт, ни текст не имели никакого отношения к известию об убийстве царя. Однако власти всполошились, в типографии и редакции был произведен обыск подключившимся Департаментом полиции. В специально заведенное дело А.И. Епишева был включен также номер «Смоленского вестника» от 21 марта 1881 г. с телеграммой о погребении Александра II. В ее тексте, в окончании последнего слова закралась досадная опечатка: «Император стал прощаться с почившим отцом-мучеников» (*вместо «мучеником».* – В.Б.). Губернатор доказывал преднамеренность этих газетных ошибок [29, с. 94]. Итогом явилось распоряжение министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова от 24 марта 1881 г. о приостановке «Смоленского вестника» на восемь месяцев.

И.С. Аксаков, испытавший, как никто другой, множество проблем от действий самых различных органов цензуры, был уверен, что М.Т. Лорис-Меликов и Н.С. Абаза сделали всё, что могли для печати, обеспечить ей «относительную свободу». В своей газете «Русь» публицист поместил объёмную статью по поводу ухода начальника Главного управления по делам печати, в которой посетовал на то, что оппозиционная журналистика «в своём отвлечённом доктринёрском радикализме проявили с самого начала странную несообразительность и затруднили прочное водворение новой системы» [30, с. 483].

Подводя итог своего пребывания на посту начальника Главного управления по делам печати, Н.С. Абаза отмечал: «Год этой деятельности доказал, что переход от системы административных кар к дарованию большей свободы печатному слову, не успел улучшить положения нашей печати, но он ознаменовался другим, весьма существенным результатом – русское общество не удовлетворяется более общими местами и устоями, проводимыми в печати, оно отвратилось от печати бессодержательной, вредной по своему отрицательному направлению, перед которой прежде преклонялось, в нем проявляется потребность в печати разумной, патриотической, преданной интересам государства, способной знакомить страну с ее действительными нуждами и облегчать заботы правительства о справедливом удовлетворении их» [21, л. 35 об, 36].

Понятно стремление высокопоставленного чиновника позитивно оценить свою деятельность, оправдать предпринятые действия, но нельзя не признать справедливость сделанных им выводов. Изменение существовавшей ситуации в отношениях с печатью Н.С. Абаза видел в дальнейшем привлечении общественности на сторону государства. Отдавая отчёт в том, что смерть Александра II неминуемо повлечет за собой новые кары, с целью «сдерживания печати в должных границах», он утверждал необходимость при ближайшей возможности вернуться к начатой М.Т. Лорис-Меликовым политике, «для правильного и успешного применения которой необходимо скорейшее утверждение пересмотренного закона о печати» [21, л. 38, 38 об].

Гораздо большие трудности пресса стала испытывать с приходом нового руководства в Министерство внутренних дел и в Главное управление по делам печати. В мае 1881 г. журнал «Вестник Европы» констатировал: «За первыми мерами строгости последовали другие, которые трудно уже объяснить одним настроением минуты. Значительная часть периодической печати опять чувствует себя заподозренной; опять приходится спрашивать себя на каждом шагу: можно ли высказывать такую-то мысль, коснуться такого-то предмета?» [31, с. 341].

At the end of 1870-s Russia experienced crucial economic difficulties that influenced society's attitudes and points of view, which therefore influenced the formation of political reality. Problems of periodic press, that came up during this period, were closely associated with the process of the evolution of monarchy, formation of public opinion.

Relationships of government and mass media had an effect on upcoming dialogue between the government and society caused by looking for the answers and that time defiance.

The key words: *political journalism, public opinion, censorship, mass media laws, «political meltdown», administrative sanction.*

Список литературы

1. А.П. Пятковский. Итоги десятилетия (2-го марта 1881 г. 2-го марта 1891 г.) // Наблюдатель. 1891. № 5.
2. В.Д. Зими́на. Революционная событийность в контексте политического дискурса России начала XX в. // Вестник РГГУ. 2008. № 1..
3. Е.В. Кори. Злоключения старого журналиста // Цензура в России в конце XIX – начале XX века. Сборник воспоминаний. СПб., 2003.
4. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 776. Оп. 6. Ед. хр. 243. Л. 89-90.
5. В.Б. Смирнов. Русская журналистика на рубеже 70-х – 80-х годов (к 100-летию второй революционной ситуации) // Русская журналистика в литературном процессе второй половины XIX века (сборник научных трудов). Пермь, 1980.
6. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006.
7. Е.М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М.: Новости, 1991.
8. Ю.В. Зельдич. Пётр Александрович Валуев и его время: Историческое повествование. М.: Аграф, 2006.
9. И.В. Оржиховский. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982.
10. За месяц // Слово. 1880. Сентябрь.
11. Русская пресса и цензуры. Материалы для характеристики положения русской прессы. СПб., 1908.

12. *Сибирская газета*. 1881. № 1. 1 января.
13. *К.И. Воронич*. Представители печати в Комиссии. СПб., 1880.
14. *П.А. Зайончковский*. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964.
15. *Тифлисский вестник*. 1875. № 104. 7 октября.
16. *Взыскание по делам печати* // Неделя. 1880. № 40. 5 октября.
17. *Внутреннее обозрение* // Русская мысль. 1881. Книга VIII.
18. *Страна*. 1881. № 7. 15 января.
19. *Страна*. 1881. № 27. 3 марта.
20. *Правительственный вестник*. 1881. № 49. 5 марта.
21. *РГИА*. Ф. 776. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 38 об, 39.
22. *Молва*. 1881. № 72. 14 марта.
23. *Молва*. 1881. № 73. 15 марта.
24. *Впечатления и скорбные думы офицера по поводу рокового события 1 марта* // Санкт-Петербургские ведомости. 1881. № 72. 15 марта.
25. *Земство*. 1881. № 19. 8 апреля.
26. *Земство*. 1881. № 17. 25 марта.
27. *Правительственный вестник*. 1881. № 66. 25 марта.
28. *И.И. Петрункевич*. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1934. Т. XXI.
29. *В.А. Твардовская*. «Смоленский вестник». 1878–1881 гг. // Вторая революционная ситуация в России. Отклики на страницах прессы. Сборник статей. М., 1981.
30. *И.С. Аксаков*. Полное собрание сочинений. М., 1886. Т. 4.
31. *Внутреннее обозрение* // Вестник Европы. 1881. Май.

Об авторе

Блохин В.Ф. - кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, blohin.val@yandex. ru

УДК – 623.5

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В АРТИЛЛЕРИЙСКОМ ДЕЛЕ РОССИИ ПРИ ПАВЛЕ I

В.А. Бобков

Реконструируется деятельность Павла I направленная на активизацию артиллерийского дела в России. Освещается развитие производства артиллерии на арсеналах военного ведомства России в конце XVIII - начале XIX. Затрагиваются вопросы комплектования арсеналов рабочими кадрами, подбора и обучения мастеровых для организации более успешного производства.

Ключевые слова: арсенал, артиллерия, армия, военные реформы, военная промышленность, рабочие.

В современной историографии Павла I предстает в образе глупого и бездарного правителя [1]. Вместе с тем в последние годы появляются публикации, а так же отдельные монографические исследования [2] и диссертации [3], показывающие жизнедеятельность Павла I с другой стороны, отмечают и его заслуги.

Настоящая публикация призвана рассмотреть деятельность Павла I в области развития артиллерийского дела России, т.к. именно эта область в период его правления претерпела существенные изменения, и в ней были заложены новые принципы развития.

В 1796 г. к артиллерии России и артиллерийскому делу в арсеналах усиливается внимание. К концу царствования Екатерины II число орудий и их калибр даже по штату были различными. Калибры орудий могли не соответствовать боеприпасам, особенно если орудие было отлито на одном арсенале, а ядра на другом. Показателен случай с мортирами, отлитыми в Брянске для армии Г. А. Потемкина – Таврического. 19 июня 1789г. он сообщал, что «вылитые в Брянске мортиры 24 фунтовые сделаны без зазору, так что и бомбы полупудовые в них не входят» [4, д. 12, л. 232] и просил для сверки прислать чертежи. Конечно, этот случай можно отнести к ошибкам брянских литейных мастеров, но факт отсутствия унификации артиллерии России остается фактом.

Усовершенствование же в производстве артиллерии во всех ее отраслях зародилось в конце царствования Екатерины II в покоях гатчинского дворца, среди ближайших друзей и сотрудников Павла Петровича. Гатчинская команда формально входила в состав русской армии, реально же подчинялась только Павлу, ее сформировали еще в 1782г. из двух караульных рот, и к 1792г. в ней числилось уже около 1000 человек, а к 1796г. более 2500 человек. Артиллерия у Павла была учреждена еще в 1786г. [5, с. 14.]. Однако, по данным Е.И. Юркевича, «уже в 1783-1785гг. для Цесаревича в Санкт-Петербургском арсенале и Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории было сделано 14 лафетов с принадлежностью, 1 зарядный

ящик, 3 зарядных сумы, сотни картузов с холостыми зарядами, скорострельных трубок и палительных свеч» [2, с. 26-27]. В силу чего следует обоснованный вывод, «что артиллерийская команда из чинов пехоты и орудия для салютационной и сигнальной стрельбы имелись у Павла Петровича уже в 1783г., а в 1786г. появилась специально набранная команда из флотских артиллеристов» [2, с. 27].

Вся легкая и подвижная артиллерия в Гатчине была изготовлена на Петербургском арсенале под надзором Федора Ивановича Апрелева. Павел пожелал даже оставить у себя Апрелева, но сделать это было невозможно, поручик Апрелев был «незаменим в арсенале». Именно тогда великий князь обратился к П.И. Мелиссино с просьбой назначить в Гатчину другого знающего и энергичного артиллериста, выбор пал на А.А. Аракчеева. В Гатчину Аракчеев прибыл в 1792 г. «и скоро стал инспектором гатчинской артиллерии» [6, с. 124]. Талантливый воспитанник Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса Федор Иванович Апрелев с 1792 г. находился при Санкт-Петербургском арсенале. Но и на этом месте Федор Апрелев смог сделать немало для артиллерии и развития арсенального дела в России. Его знания использовались не только в Санкт-Петербурге, но и в Брянске.

В ноябре 1793 г. генерал-фельдцейхмстер П.А. Зубов повелел: «Дабы литье осадной и полевой артиллерии в Брянске... доверено было в такое состояние, в какое оно ныне приведено в Санкт-Петербурге, а именно: чтобы выливаемые орудия были без раковин, послал я нарочно в Брянск для сего артиллерии капитана Федора Апрелева, а с ним двух мастеровых» [4, д. 16, л. 713].

Федор Иванович должен был по чертежам отлить две 18 – фунтовые пушки и две пудовых мортиры, причем одну пушку и мортиру из новой меди, а другие из старой. В случае необходимости предписывалось повторить процедуру три раза. Целью этих мероприятий было обучить брянских мастеровых более качественному литью. Для чего руководитель Брянского литейного дома И. М. Иванов должен был «приказать мастерам всем его приемам, способам и сведениям при литье нужным приучиваться», а так же самостоятельно убедиться, что пушки, изготовленные капитаном Апрелевым, «действительно выходят без раковин, и выдерживают более полного комплекта выстрелов».

Отлитые Апрелевым пушки в Санкт-Петербурге выдерживали более восьмисот выстрелов, и оставались невредимы, аналогичные результаты необходимо было достигнуть в Брянске и даже довести это количество до тысячи выстрелов. Для чего после отливки орудия намеревались испытать стрельбою [4, д. 16, л. 713об.].

Вместе с тем один Федор Апрелев не мог организовать производство артиллерии и необходимость иметь квалифицированных мастеровых для литейных дворов России толкает руководство артиллерийского ведомства к контрактации мастеровых за границей. Так, по предложению Платона Зубова в нашу службу вступает английский литейный мастер Томас Инглиш с сыном и двенадцатью английскими мастерами. Томаса Инглиша наняли с обязанностью «привести в наилучшее состояние различные заведения литейного дела, как в Санкт-Петербурге, так и в Брянске, равно и во всяком месте, где оный впредь завести повелено будет» [7, с. 139].

Понималась необходимость подготовки своих мастеров и в контракте с Т. Инглишом, указывалось на необходимость обучать российских воспитанников. Введение такой обязанности для иностранных мастеров имеет давние традиции. Но зачастую многие из них относились к этой обязанности нерадиво, а некоторые и не желали делиться своими знаниями. Т. Инглиш не стал исключением из общего правила, не оставив никаких положительных начал для литейных домов России в конце XVIII в.

На его смену в 1799 г. пригласили другого англичанина Вильсона, также с сыном и девятью мастерами. Но в результате Вильсон повторил судьбу Инглиша, не принеся для артиллерийского производства на арсеналах России ничего значимого.

Ф. Апрелев, являясь с 1798 г. руководителем Санкт – Петербургского арсенала, по окончании контракта с Вильсоном поспешил избавиться от него. Одновременно вопрос с образованием российских мастеровых высокой квалификации для литейных домов России оставался открытым.

Вместе с тем тенденция к реформам в арсенальном деле, зародившаяся в Гатчине в конце XVIII в. с вступлением на престол Павла I, начала воплощаться в жизнь. Павел I реорганизует центральный орган артиллерийского управления и переименовывает его. При Павле I прекращает существование Канцелярия Главной артиллерии и фортификации вместе со своим вспомогательным органом – Московской артиллерийской конторой. Ровно месяц мирился Павел I с пребыванием П.Зубова во главе управления артиллерией, 6 декабря 1796 г. его увольняют в отставку.

В декабре 1797 г. для управления артиллерией устанавливается должность «инспектора всей артиллерии главного начальника Артиллерийского департамента», на которую первоначально приказом императора назначен генерал-майор А.И.Челищев. В январе 1799 г. его сменил генерал-лейтенант А.А.Аракчеев [8, с. 343].

Павел I пытался коснуться всех сторон арсенального дела и его помощник А.А.Аракчеев претворял его идеи в жизнь. Так, в 1796 г. реформируют гатчинскую артиллерию и пушкарские команды трех гвардейских полков. Их соединили в одно целое под названием гвардейского артиллерийского батальона, а из прежних бомбардирских, фузилерных и канонирских полков сформированы – 10 полевых батальонов, 3 осадных (без орудий) и, кроме того, 1 конный батальон из конных рот, образованных в 1794г. [9]. Создание «нового артиллерийского батальона, послужившего прочным основанием для всей гвардейской артиллерии», было осуществлено под «влиянием Аракчеева» [1, с. 190].

В итоге «по мнению компетентных судей, русская артиллерия имела значительное превосходство над большей частью своих европейских соперниц, и только ее материальная часть оставляла желать лучшего» [1, с. 191].

А для усовершенствования технических характеристик артиллерии было необходимо привести в надлежащее состояние литейные дома России. Первоначально Павлом было предложено образовать в нескольких пунктах государства особые артиллерийские «депо» для целей местного, а потом и более быстрого распоряжения вопросами заготовки боевых припасов, снабжения ими войск, урегулирования деятельности технических заведений: заводов и арсеналов России. Но при Павле I было образовано всего одно депо в Москве в феврале 1797 г. Под управление Московского депо попали Брянский пушечный литейный дом, Московская лаборатория и арсенал [8, с. 343].

В этом же 1797 г. следует повеление Павла окончить в течение четырех лет приостановленное Екатериной II строительство каменного Киевского арсенала, что и было исполнено по плану инженера генерал-майора фон Толя к 1801 г. [10, л. 105]. А.А. Аракчеев, поборник активных действий в этом направлении, привлекает внимание императора к техническим артиллерийским заведениям. 7 апреля 1799 г. «Санкт – Петербургские Ведомости писали»: «Император Павел присутствовал при литье орудий в Санкт-Петербургском арсенале. За исправность и порядок, введенные по тому арсеналу, государь всемилостивейше оказать соизволил: во-первых, свое благоволение инспектору артиллерии генерал-лейтенанту барону Аракчееву. Во-вторых, начальник арсенала полковник Апрелев награжден Анной 2-ой степени. Два мастера награждены чинами, два подмастерья и мастеровые, бывшие при литье, получили денежные награды» [7, с. 337].

В это время в Санкт-Петербургском арсенале велись изыскания в вопросе однообразия изготовления орудий и их частей, обращалось внимание на чистоту и точность орудий всех калибров от малых до самых больших, приведение их в точный геометрический размер. Тем самым, как отмечал полковник Ратч, «был разрушен господствовавший предрассудок, будто точность и единообразие отделки можно требовать лишь от механических мастеров, а не от арсеналов с казенными мастеровыми» [7, с. 336].

В период с 1799 по 1800 гг. возведен новый арсенал в Санкт-Петербурге на месте, где прежде находился ряд мастерских таких, как: сверлильная, сарай для изготовления артиллерии и обоза, а также так называемый ядерный двор [10, л. 191 об.]. Старый и Новый арсеналы находились в конце Литейной улицы на Неве. В дальнейшем стараниями графа А.А. Аракчеева в 1808 г. этот арсенал был увеличен на основе плана архитектора Димерцова.

В 1799 г. А.А. Аракчеев для более четкого руководства артиллерийской экспедиции разделяет ее на отделения. С этого времени выделяется специально работавшее с арсеналами России 2-ое арсенальное артиллерийское отделение. К ведению 2-го отделения относились в частности: литье новых и переливка старых всех званий артиллерийских орудий, изготовление к ним лафет, фур зарядных, принадлежности.

Но в это время деятельность А.А. Аракчеева на благо российской артиллерии и арсеналов была прервана. «В Санкт-Петербургском арсенале во время дежурства его брата Андрея случилась кража; граф переложил вину на генерал – майора Вильде, был уличен в обмане и вместе с братом отставлен от службы» [5, с. 16]. После его увольнения Павел I делит ведомство на две части и во главе каждой ставит распорядителя: генерал-лейтенанта Корсакова начальником в Артиллерийской экспедиции, а генерал-майора Амбразанцева – инспектором всей артиллерии. Затем в действиях Павла I нет последовательности, в марте 1800 г. смещают Амбразанцева, а власть опять объединяется в одних руках А.Н. Корсакова.

Двумя годами ранее, в 1798 г., возрождается звание и должность генерал-фельдцейхмейстера. Это было связано с рождением у Павла I сына Михаила, которого и назначили быть фельдцейхмейстером и шефом гвардейского артиллерийского батальона. Новорожденный не имел еще чинов, а поэтому сразу не получил полного звания генерал-фельдцейхмейстера, а управление артиллерией осталось практически без изменений.

В 1799 г. Московский арсенал был присоединен к Брянскому Литейному дому. Но Московский пушечно - литейный дом, продолжая свое существование, был музеем – хранилищем древнего оружия и предметов военно-исторического значения [11, с. 157]. Это, в свою очередь, требовало особого внимания к двум литейным домам: Санкт-Петербургскому и Брянскому ввиду того, что только эти предприятия из всех предприятий военного ведомства занимались литьем орудий.

Понимание военно-политических задач, стоящих перед армией в начале XIX в., заставляло высшее военное командование не только знакомиться с новыми достижениями в области технического совершенствования огнестрельного оружия и артиллерии, но и способствовать их введению в практику. Таким образом, совершенствование типов огнестрельного оружия и артиллерийских систем становится одной из важнейших задач, осуществленных в начале XIX в.

Независимо от дружеских контактов или враждебного противостояния европейские страны в военном строительстве испытывали практически одинаковые трудности и лишь с небольшим отличием преодолевали их [12, с. 92].

Будущие противоборствующие стороны, Россия и Франция, практически одновременно приступили к исследованию положения дел в артиллерийских системах для последующего реформирования. В 1803 г. Во Франции была назначена особая комиссия, которую возглавил сам Наполеон. Целью создания этой комиссии было решение вопроса: годится ли ещё артиллерия Жана Грибоваля, или её уже необходимо изменить [13, с. 20; 14, с. 7]. Помимо этого, Наполеон обратил внимание на усовершенствование ученой части артиллерии и практического обучения ей.

Следствием явилось учреждение в Меце школы для специального образования артиллерийских и инженерных офицеров. Политехническая школа, много способствовавшая развитию наук во Франции, обязана была отсылать лучших воспитанников в артиллерийскую школу (*Ecole d'artillerie*) в Меце. Была также учреждена специальная артиллерийская мастерская для создания образцов предметов артиллерии (под названием *Atelier ge récis*), что позволило достигнуть «совершенства и единообразия в работах на различных заводах» Франции. В результате материальная часть артиллерии Жана Грибова оказалась столь совершенной, что в ней при Наполеоне почти ничего не изменилось.

В России подобная комиссия составлена в 1804г. под председательством А.А. Аракчеева, она была названа временным артиллерийским комитетом при артиллерийской экспедиции. Это был первый в России орган, разрешающий научно-технические вопросы, относящиеся к артиллерии. Лозунгом графа Аракчеева становится чистота и точность работы. В 1805г. впервые был составлен атлас чертежей для руководства в работах технических артиллерийских заведений [7, с. 337]. До 1805г. на арсеналах России при отливке орудий руководствовались специальными чертежами артиллерийских стволов всех калибров, выгравированных в натуральную величину на медных досках. В 1805г. была выработана система орудий, которая получила название Аракчеевской или образца 1805-1808гг.

Необходимо отметить, что в основу образцов материальной части, принятых на вооружение в 1805гг. была положена «материальная часть артиллерии Гатчинских войск, разработанная в 1791-1792 гг. при участии Павла, генерал-майора Х.Л. Эйлера и капитана Ф.И. Апрелева». Эта артиллерия «по своим тактико-техническим характеристикам значительно превосходила материальную часть русской артиллерии, состоявшей на вооружении» [2, с. 28].

А.А. Аракчеев, получив при Павле I возможность проводить преобразования в артиллерии в масштабах всей армии, одним из первых среди европейских преобразователей артиллерии пошёл по пути уменьшения числа орудийных калибров и облегчения веса артиллерийских систем. Облегчение веса орудий не только увеличивало манёвренность артиллерии на поле боя, но способствовало большей сохранности орудий и артиллерийских запряжек во время сражений [12, с. 100].

В итоге реконструкции деятельности Павле I по развитию артиллерийского дела становится понятно, что в названном направлении были сделаны важные преобразования, во многом способствовавшие победам русской армии на полях сражений.

The article deals with Paul I's activities aimed at developing gunnery in Russia. It gives a detailed analysis of development of artillery manufacture on arsenals of the Military department of Russia at the end of XVIII - beginning of XIX century, including the questions of recruitment and workmen training which helped to raise efficiency of the manufacture.

The key words: arsenal, artillery, army, military reforms, war industry, workers.

Список литературы

1. *Валишевский К.Ф.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. V. Сын Великой Екатерины император Павел I. Его жизнь, царствование и смерть. Сост., подг. текста и комм. С.С. Москаленко: Пер. с фр. М.: «Век». 1996.
2. *Юркевич Е.И.* Военный Петербург эпохи Павла I. М. 2007.
3. *Юркевич Е.И.* Артиллерия Гатчинских войск великого князя Павла Петровича (1783-1796) и ее влияние на развитие русской полевой артиллерии конца XVIII- 1-й четверти XIX веков. Диссертация кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2003.
4. *Государственный архив Брянской области.* Фонд 221. Описание 1.
5. *Аракчеев:* свидетельства современников. М., 2000.
6. *Песков А.М.* Павел I. М. 2003.
7. *Родзевич В. М.* Историческое описание Санкт – Петербургского арсенала за 200 лет его существования (1712-1912). СПб. 1914.
8. *Струков Д. П.* Столетие военного министерства. Главное артиллерийское управление. СПб. 1902.
9. Подробнее см.: Бранденбург Н.Е. 500-летие Русской артиллерии (1389-1889гг.). СПб., 1889.
10. *Российский государственный военно-исторический архив.* Фонд 503. Описание 3. Дело 339.
11. *Поляков Г.П.* Брянский арсенал в конце XVIII-начале XIX вв. // Песочинский историко – археологический сборник. Вып. 3. Ч. 1.-Киров. 1997.
12. *Коваленко А.Ю.* Военные реформы в России в первой четверти XIX века: Монография. М.: Компания Спутник+, 2004.
13. *Артиллерия. Литографирована.* СПб. 1838. С.20; См. так же: Нилус А. История материальной части артиллерии. Т. 2. СПб.1904.
14. *Нилус А.* История материальной части артиллерии. Т. 2. СПб.1904.

Об авторе

Бобков В.А.- кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru

УДК – 947.084.61+973.091.7

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ НА РУБЕЖЕ 1920-Х – 1930-Х ГОДОВ

Е.Н.Журина

Данная статья обращается к конечному этапу периода отсутствия дипломатических отношений между СССР и США и рассматривает связи двух стран на неофициальном уровне, в частности, в сферах театра, кинематографа, архитектуры, литературы и т.д. Эти отношения в той или иной мере помогали взаимному обогащению культур двух стран и способствовали их сближению.

Ключевые слова: литература; организация культурного общения; театральные связи; музыкальное искусство; архитектура; выставки.

Отсутствие дипломатических отношений между СССР и США затрудняло установление и развитие контактов в разных сферах жизни обществ, в том числе в области искусства и литературы. Но видные деятели культуры обеих стран проявляли интерес к достижениям друг друга, что создавало предпосылки для нормализации отношений.

Со стороны СССР эти связи поддерживали Академия наук, Наркомпрос, Наркомзем, Наркомздрав и другие учреждения. Немалую роль в организации сыграло созданное весной 1925 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), функции его представителя были возложены на руководителя Информационного бюро Советского Союза в Вашингтоне Б.Е. Сквирского. С американской стороны в качестве партнеров выступали некоторые федеральные учреждения и учреждения отдельных штатов, научные общества, крупные университеты и библиотеки, музеи, ассоциации деятелей культуры и отдельные лица. В частности, был установлен постоянный книгообмен с крупнейшими библиотеками США – Конгресса, министерства земледелия, Нью-Йоркской публичной, Смитсоновским институтом и др. В 1930 г. по интенсивности обмена книгами в списке ВОКС США занимали первое место [10, с. 48].

Книги способствовали сближению двух стран. Первой в США организацией культурного общения с СССР был Комитет по рекомендации американских книг для СССР, который состоял из литераторов и критиков. Он возник в апреле 1926 г. и ставил своей целью рекомендовать советским издательствам (через ВОКС) наиболее ценные книги в различных областях знаний для перевода на русский и другие языки народов СССР. Возглавил Комитет М. Ван Дорен, секретарем был Ф. Делл.

Однако этого оказалось недостаточно и в 1927 г. инициативной группой было основано «Общество культурной связи с Советской Россией» в Нью-Йорке (с отделениями в Чикаго и Филадельфии). Общество провозгласило своей целью объединить всех, кто интересуется жизнью и культурой СССР, собирать и распространять достоверную информацию о развитии науки, образования, искусства, литературы; содействовать культурному общению между двумя странами. В его составе появились секции по изобразительному искусству, музыкальная, студенческая. Оно существовало на взносы его членов, на средства, собранные во время проведения различных мероприятий, а также на пожертвования.

В 1930 г. Общество стало именоваться «Американо-русский институт культурных отношений с Советским Союзом» (АРИ). В начале 1930-х гг. стали работать его отделения в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе, которые фактически функционировали самостоятельно. В 1931 г. в его составе насчитывалось около 1200 членов; в числе активных деятелей были возглавлявший Смитсоновский институт профессор У. Нейлсон (президент), известный дирижер Л. Стоковский, директор Института международного образования С. Дагген, профессора Колумбийского университета Дж. Дьюи и Д. Каунтс, издатель Х. Ливерайт, профессор Йельского университета Дж. Дэвис и другие. Путем проведения лекций, докладов, концертов, демонстрации советских кинокартин, организаций выставок, поездок они знакомили американцев с культурной жизнью СССР. При всех филиалах АРИ существовали кружки по изучению русского языка, советской системы народного образования, советской литературы, театра, изобразительного искусства и т.д. Это обстоятельство расширяло сферу деятельности организации [9, с. 215]. ВОКС снабжало АРИ информационными и иллюстративными материалами. «К нам обращаются со всех концов США, и можно сейчас сказать, что нет ни одного штата, где мы бы не имели корреспондентов», - сообщал в Москву уполномоченный ВОКС в США [4, с. 108]. АРИ в Нью-Йорке с 1930 г. издавал «News Bulletin», отделения в Филадельфии и Чикаго с 1931 г. также приступили к выпуску своих бюллетеней. Общий тираж этих изданий в конце 1931 г. составлял 1500 экземпляров [10, с. 52].

Заметный след в развитии советско-американских культурных связей оставила поездка крупного американского писателя Т. Драйзера. Результатом его трехмесячного пребывания в СССР явилась серия статей, «которые нашли очень живой отклик среди читателей, о чем свидетельствуют письма последних в редакцию газеты «Уорлд». Читатели выражали благодарность как автору статей, так и газете, предоставившей им возможность ознакомиться с положением вещей в СССР, о котором они хотели бы иметь побольше информации» [1]. Позднее свет увидела книга («Dreiser looks at Russia» - «Драйзер смотрит на Россию»), проникнутая чувством симпатии и уважения к Советскому Союзу, который, считал писатель, «станет одной из величайших экономических сил, когда-либо известных в мире», «произведет великие создания в духовной, так же как и в практической области» [4, с. 147].

В 1928 г. СССР впервые посетил видный общественный деятель У. Дюбуа. Продолжительное время жил в СССР, ездил по стране, собирал материал для своих книг А.Р. Вильямс. Среди американских литераторов, посетивших Страну Советов в разное время, были У. Фрэнк, Л. Хьюз, Э. Уинтер, Дж. Дос Пассос и другие [10, с. 49]. Многие из них позже делились впечатлениями на страницах своих произведений. Известный американский экономист Э. Шервуд в книге «Современная Россия. Чему мы можем научиться у нее?» писал: «Я только что вернулся из своей десятой поездки в Россию. Россия почти так же не походит на остальной мир, как должна быть непохожа планета Марс... Это наиболее поразительная, наиболее волнующая, наиболее возбужденная страна в мире» [5, с. 41].

Однако, несмотря на в целом благоприятное отношение к пребыванию в СССР иностранцев, в письме секретарю ЦК ВКП (б) В.М. Молотову в августе 1928 г. М.М. Литвинов просил обратить внимание на одну особенность: иностранцы «приезжают к нам, начитавшись всяких ужасов о нашей стране и представляя себе нашу жизнь... лишённой подобия цивилизации. Это представление у них исчезает при первом же прикосновении с нашей действительной жизнью. ...В результате – они уезжают удовлетворёнными и более или менее расположенными к нам. Когда, однако, кто-либо из этих иностранцев засиживается у нас более продолжительное время, то результаты неизменно получаются совершенно иные. Наряду с достижениями он начинает замечать и несовершенства и темные стороны нашей жизни... и, покинув нашу территорию, он рисует нашу жизнь в самых черных красках» [8, с.700-701]

В конце 1920-х гг. у американских читателей большим спросом пользовались произведения советских писателей. Учитывая возросший интерес, известный американский издатель и владелец газетного концерна Херст в 1930 г. обратился в ВОКС с просьбой подобрать ряд книг советских писателей, чтобы перевести их на английский язык и использовать при публикации в его изданиях. ВОКС послало список книг, в котором значились: «Разгром» и «Последний из Удэге» А. Фадеева, «Бруски» Ф. Панферова, «Соленая купель», «Подводники», «Ухабы» А. Новикова-Прибоя, «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Рассказы» В. Инбер, «Разлом» Б. Лавренева, «Любовь Яровая» К. Тренева и другие. Отдельными изданиями в Нью-Йорке вышли «Цемент» Ф. Гладкова, «Разгром» А. Фадеева, «Конармия» И. Бабеля [7, с. 68]. В свою очередь в Советском Союзе массовыми тиражами издавались книги М. Твена, Дж. Лондона, Э. Синклера, Т. Драйзера.

С 1930 г. стал распространяться иллюстрированный журнал «The USSR in Construction» («СССР на стройке»), в то же время советские читатели могли регулярно получать выходившую в Москве газету «Moscow Daily News». С 1931 г. в США начало функционировать акционерное общество «Амкнига», распространявшее произведения советских писателей в переводе на английский язык.

Значительное место в работе организаций по культурной связи с СССР было отведено налаживанию театральных контактов. В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. в капиталистических странах продолжал расти авторитет К.С. Станиславского. В ряде американских городов создавались театры и студии, стремившиеся применять художественные принципы Станиславского на практике. После блистательных выступлений МХАТ за океаном в начале 1920-х гг. его спектакли стали для американских актеров образцом. Особенно последовательно старались осуществлять систему Станиславского на американской сцене «театр Гилд», существовавший с 1925 г., и «Групп-театр», открывшийся в 1931 г. Важным событием явились также выступления Музыкальной студии МХАТ, руководимой народным артистом В.И. Немировичем-Данченко. Студия была создана после революции, и это обстоятельство особенно подчеркивалось прессой. Спектакли этого творческого коллектива стали очень популярными в США [4, с. 164; 9, с. 217].

Гастроли советского театра вновь начались в Нью-Йорке 14 декабря 1925 г. Успех превзошел все ожидания. На следующий день почти все нью-йоркские газеты дали высокую оценку мастерству артистов. Один из критиков писал: «Если кто-нибудь пропустил «Лисистрату» в Джолсон-театре вчера вечером, пусть немедленно закажет себе билет, даже если бы ему для этого пришлось заложить свой дом» [9, с. 218]. Советские артисты показали около 200 спектаклей в Бостоне, Филадельфии, Вашингтоне, Кливленде, Цинциннати, Чикаго, Детройте и во многих городах США. Состоялись десятки творческих встреч с представителями американской общественности, деятелями искусства и литературы.

Во время пребывания в США по просьбе Общества культурной связи в выступлениях Чикагского симфонического оркестра, которым дирижировал Альберт Коутс, принял участие С. Прокофьев, а летом 1926 г. проходили гастроли С. Прокофьева в пяти американских городах. Его концерты вызвали усиление интереса как к творчеству композитора, так и к развитию музыкального искусства в СССР [9, с. 218]. К этому времени относится и первое знакомство американских слушателей с произведениями других советских композиторов — Д. Шостаковича, Н. Мяскового, Ю. Шапорина, Д. Кабалевского. В 1927 г. Филадельфийский симфонический оркестр под управлением Леопольда Стоковского исполнил «Скифскую сюиту» С. Прокофьева и 6-ю симфонию Н. Мяскового. Один из вокальных коллективов Нью-Йорка поставил оперу Д. Шостаковича «Нос». В апреле 1928 г. в Нью-Йорке в «Карнеги-холл» играл профессор Московской консерватории скрипач Н.С. Блиндер, «обладающий, — по отзывам прессы, — таким очарованием и такой причудливой прелестью» [9, с. 219], перед которыми не устояла крупная музыкальная фирма «Колумбия». В течение шести месяцев эта фирма записывала на грампластинки в его исполнении произведения мировой скрипичной музыки.

Общество культурной связи, а затем Американско-русский институт серьезное внимание уделяли организации советских выставок. Существенную роль в процессе ознакомления с советской архитектурой сыграла экспозиция СССР в Международной выставке современной архитектуры, машиностроения и декоративного искусства (с официальным названием «Век машин») в США, показанной в Нью-Йорке в

мае-июне 1927 г. Советский отдел был подготовлен ВОКС, пригласившим к участию в выставке представителей ведущих архитектурных обществ – Московского архитектурного общества (МАО), Объединения современных архитекторов (ОСА) и Ассоциации новых архитекторов (Аснова). Несмотря на то, что «по размерам отдел СССР был незначителен, по многочисленным отзывам... он привлекал всеобщее внимание» [6, с. 101]. Несколько советских архитекторов, чье творчество вызывало наибольший интерес в профессиональных кругах США, получили предложение постоянно присылать фотографии своих работ для крупных архитектурных журналов Америки. Советскую экспозицию посетило 2000 человек, для которых эта выставка стала, по мнению обозревателя газеты «New York Times», первым подлинным свидетельством тех великих сдвигов, которые произошли в России в области архитектуры [6, с. 102].

Интерес в Америке к советской архитектуре проявлялся очень разнообразно. С конца 1920-х годов в профессиональной печати США появлялись статьи, знакомившие читателей с новостями архитектурной жизни в СССР, последними крупными постройками, творческими организациями архитекторов, системой архитектурно-художественного образования и т.д. Отдельным изданием вышел сборник документов по социалистической реконструкции Москвы. В ВОКС направлялись письма с просьбами прислать различные материалы для публикации в американской архитектурной печати (готовились даже специальные выпуски журналов, посвященные архитектуре в СССР). Советские архитекторы получали приглашения участвовать в американских выставках. Например, летом 1933 г. 15 советских женщин-архитекторов участвовали в чикагской выставке женского архитектурного творчества, представив внушительную экспозицию в виде фотографии проектов и выстроенных зданий.

Большой интерес американских архитекторов вызывали объявляемые в Советском Союзе международные архитектурные конкурсы, связанные с проектированием крупных сооружений с новым социальным содержанием. К советскому представителю ВОКСа в США обращались различные американские общественные и профессиональные организации с просьбой информировать о всех архитектурных конкурсах в СССР, в которых можно было принять участие. Архитектор из США Норман Бел Геддес выиграл одну из первых премий в конкурсе на проект театра массового действия в Харькове в 1931 г. В следующем году 16 американских архитекторов и скульпторов участвовали в конкурсе на проект памятника Ленину в Ленинградском порту. Несколько американских проектов было представлено на конкурс Дворца Советов (1932), одним из победителей которого в первом туре стал архитектор из США Гамильтон. Получив премию, Гамильтон приехал по собственной инициативе в Москву, чтобы принять участие во втором туре конкурса, однако выступление американского архитектора на этом этапе соревнования было менее успешным [6, с. 104].

Крупным событием явилась выставка современной советской живописи, графики, скульптуры и прикладного искусства, проходившая в Нью-Йорке с 1 февраля по 7 марта 1929 г. В громадных, специально распланированных залах двенадцатого этажа Grand Central Palace разместились 622 экспоната художественного отдела и свыше тысячи изделий кустарной промышленности. Последняя была представлена палехскими миниатюрами, изделиями народов Севера из кости, металлическими изделиями Кавказа, вятскими поделками из березы, костромскими деревянными игрушками, резьбой по дереву. Экспонировались также ткани, ковры, кружева и вышивки ручной работы. Интерес к выставке был значительный, на ней побывало свыше 150 тыс. американцев. В период работы выставки в популярных вечерних радиопрограммах был введен «Час советского искусства». Только за 1927—1930 гг. при содействии Американско-русского института состоялось 18 советских выставок [9, с. 220].

Большое внимание было уделено организации в США выставки по народному просвещению СССР, охватившей основные, существенные направления всей культурно-просветительной работы в стране. Выставка должна была открыться в феврале 1930 г. в момент работы Всеамериканского съезда работников просвещения. Для организации и проведения выставки в США был создан специальный Комитет. В него вошли профессора Дж. Дьюи, Г. Каунтс и С. Дагген. С советской стороны большую практическую помощь организации этой выставки оказали Н.К. Крупская, П.М. Керженцев, П.С. Коган, В.Я. Яковлева, А.П. Пинкевич и другие. Согласно обоюдной договоренности, выставка включала такие разделы, как система педагогического обучения и воспитания учащихся, внешкольная работа, библиотечное дело, ликвидация неграмотности и малограмотности, деятельность педагогических научно-исследовательских учреждений, музеев, деятельность Советского правительства в развитии искусства, литературы, издательского дела и др. В свою очередь советская общественность имела возможность познакомиться с американской системой просвещения, которая была представлена на педагогической выставке в Ленинграде в июне—августе 1930 г. [9, с. 221].

Советское изобразительное искусство также было представлено американской публике. Впервые американские ценители искусства познакомились с творчеством советских художников на Международной художественной выставке в Нью-Йорке в январе 1933 г., где были представлены 14 полотен художников из СССР, в том числе работы Н. Дейнеки, М. Сарьяна, Г.И. Пименова. В дальнейшем практиковались выставки советской графики и живописи в различных городах США. В Советский Союз приезжали американские художники, например, в 1933 г. СССР с познавательными целями посетил Хьюго Геллерт [3, с. 43].

Иногда США могли стать «новым домом» для советских деятелей искусства, чему подчас способствовали сами представители советской власти. Например, в 1926 г. в письме председателю Совнаркома А.И. Рыкову нарком просвещения А.В. Луначарский ходатайствовал о выдаче разрешения на выезд в Америку скульптору Эрзя после безуспешных попыток «достать ему какую-нибудь

мастерскую, какой-нибудь государственный заказ» [2]. Он писал: «Не могу же я, в самом деле, 50-летнего художника с огромным дарованием, преданного нашей революции, удерживать в нашей стране искусственно, когда я не могу даже обеспечить за ним куска хлеба и возможности работы» [2].

Американо-русский институт организовывал различные выставки о Советском Союзе в музеях Сан-Франциско, Стэнфордского и Калифорнийского университетов. Профессор Педро Де Лемос, хранитель музеев при Стэнфордском университете, на которого произвела огромное впечатление детская выставка, полученная из СССР и экспонированная институтом, посвятил ей полностью номер журнала о школьном искусстве. Журнал был направлен в 60 тысяч школ всех штатов страны [11, с. 206].

Но существовала еще одна сторона отношений в области культуры, которую советское правительство стремилось использовать для улучшения отношений с США - продажа предметов искусства. Наибольший масштаб она приобрела в период с 1928 по 1933 гг., будучи одной из статей дохода для оплаты промышленного импорта. Продажа предметов искусства из Эрмитажа и других музеев, собственности Романовых проходила как в ходе аукционов, так и в частном порядке, помогая, таким образом, завоевывать союзников во властных и экономических структурах Америки (среди покупателей были министр финансов Э. Меллон, крупные бизнесмены А. Хаммер, Г. Гульбенкян и др.) [12, с. 4, 18]

Общество культурной связи и Американо-русский институт также значительно способствовали знакомству американских зрителей с молодым советским киноискусством. Советские кинофильмы стали появляться на американских экранах в начале 1920-х гг. Но продажа и прокат регулярно стали осуществляться с 1926 г. Было создано акционерное общество по самостоятельному прокату - «Амкино», которое использовало так называемые независимые, то есть не принадлежавшие трестам, кинотеатры. Так на экраны США вышли «Броненосец «Потемкин» (был признан лучшим американской киноакадемией в 1926 г.) и «Октябрь» С. Эйзенштейна, «Мать» и «Конец Санкт-Петербурга» В. Пудовкина, «По закону» Л. Кулешова и другие. В Нью-Йорке среди 5 премированных в 1930 г. лучших картин мировой киноиндустрии было 3 советских фильма («Буря над Азией», «Земля», «Генеральная линия»). За 1927-1930 гг. «Амкино» показало на американских экранах 45 советских художественных фильмов. Нескольким советским картин побили рекорд по зрительской посещаемости на Западе. В 1932 г. «Амкино» в системе иностранного кинопроката в США заняло третье место [10, с. 56].

В конце 1920-х гг. стали практиковаться также поездки советских кинодеятелей за границу для съемок кинофильмов. Еще в конце 1928 г. С. Эйзенштейн и его ассистент Г.В. Александров получили из США приглашение приехать в Голливуд для съемки кинокартины. Приглашение было принято, в мае 1930 г. съемочная группа (в ее составе был также оператор Э. Тиссе) приехала в Америку. Здесь предложения Эйзенштейна снять фильм по роману А. Серафимовича «Железный поток», либо экранизировать «Американскую трагедию» Т. Драйзера не были удовлетворены кинокомпанией «Парамаунт». Договор был расторгнут. Департамент труда потребовал выезда съемочной группы из США. Однако Эйзенштейна поддержали писатель Э. Синклер и актер Чарли Чаплин в его намерениях снять фильм о Мексике. Э. Синклер 18 ноября 1930 г. обратился с письмом к экс-президенту Мексики генералу Кальесу, в котором, сообщая, что советский режиссер хочет снять в Мексике «гуманную, живую и артистическую в лучшем смысле этого слова» картину [4, с. 169], просил содействовать работе съемочной группы; он же согласился участвовать в финансировании фильма. Большую помощь Эйзенштейну оказали также Т. Драйзер, А. Рис Вильямс и известные мексиканские художники и общественные деятели Диего Ривера и Давид Сикейрос [4, с. 169].

В конце 1930 г. группа приехала в Мексику, вела съемки в различных районах страны. В ходе работы было немало трудностей. О них режиссер сообщал в своих письмах из Мексики в «Совкино», а также своим американским коллегам. Но самые крупные неприятности наступили после приезда С. Эйзенштейна из Мексики в США. На границе киногруппа была задержана, Эйзенштейну не дали ни завершить монтаж фильма в Голливуде, ни взять с собой в Москву отснятый группой материал. Уже после возвращения советской киноэкспедиции в Москву, без ее участия, по инициативе Э. Синклера, был смонтирован фильм «Буря над Мексикой». Кроме того, из имевшейся пленки были сделаны 2 учебные и 2 документальные картины [4, с. 170].

В целом развитие контактов между СССР и США в области культуры показало заинтересованность обеих сторон в их поддержании и укреплении. Они, несомненно, способствовали формированию более правдивого, «глубокого» образа каждой из стран и вызывали потребность в поиске дополнительной информации, получению которой мешало отсутствие дипломатических отношений вплоть до 16 ноября 1933 г. С этого момента многие трудности в осуществлении связей были сняты, и открылась новая страница в истории культурного взаимодействия обоих государств.

The article refers to the final stage of the absence of diplomatic relations between the USSR and the United States of America and considers the relationship between the two countries on an informal level in the fields of theatre, cinema, architecture, literature, etc. These relations in some way helped the mutual enrichment of cultures of the two countries and contributed to their convergence.

The key words: literature; organization of cultural communication; theatre; musical art; architecture; exhibitions.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 129. Оп. 12. П. 11. Д. 13. Л. 9.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 1057. Л. 31.

3. Дементьева С. Взаимовлияние советской социалистической и демократической прогрессивной культуры США в предвоенные годы. / Взаимодействие культур СССР и США. 18-20 вв. М.: «Наука», 1987. 229 с.
4. Иоффе А.Е. Интернациональные научные и культурные связи Советского Союза (1928-1932 гг.) М.: «Наука», 1969. 200 с.
5. Касьяненко В.И. Страна Советов и США: опыт и уроки сотрудничества в 20-х – начале 30-х гг. М.: Знание, 1989. 62 с.
6. Коккинаки И. Из истории советско-американских архитектурных связей. / Взаимодействие культур СССР и США. 18-20 вв. М.: «Наука», 1987. 229 с.
7. Кузьмин М.С. Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР в 1917-1932 гг. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1971. 148 с.
8. Москва-Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921-1941. Т. 1. Сб. док.: в 3 т. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2009. 765 с.
9. Никольская Л.С. К истории развития советско-американских научных и культурных контактов (1924-1933 гг.). // Американский ежегодник: 1973. М.: Наука, 1973. 352 с.
10. Фураев В.К. Советско-американские научные и культурные связи (1924-1933). // Вопросы истории, 1974, № 3.
11. Цветков Г.Н. Шестнадцать лет непризнания. Политика США в отношении Советского государства в 1917-1933 гг. Киев: Издательство Киевского университета, 1971. - 242 с.
12. Williams Robert C. Dumping oils: Soviet art sales and Soviet-American relations, 1928-1933. Washington, 1977. 43 p.

Об авторе

Журина Е.Н. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, helga@cheerful.com

УДК – 94.323.13(73)(=1-86)

АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИНДЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ В 1877-1881 ГОДАХ.

И.Ю. Иванов

В статье показаны принципиальные противоречия между Севером США, с одной стороны, Западом и Югом, - с другой, по индейской проблеме. Общественность Северо-Востока, мало сталкивавшаяся с краснокожими, с позиции гуманизма добивалась окультуривания аборигенов. Аграрные западные штаты, поддержанные южанами, сталкивались с индейцами, которые мешали им в освоении территории. Отсюда - жесткая позиция в отношении краснокожих. Либеральная власть склонялась к политике гуманизации, продолжая, однако, одновременно и переселение племен в резервации.

Ключевые слова: американское общество, секции, индейская политика, образование, гуманизация, гражданство.

Противоречия между секциями - основными регионами страны - определили социальный запрос общества к властным структурам в решении индейской проблемы. Промышленно-развитые северо-восточные штаты с сильными позициями религиозных и филантропических объединений протестантского толка высказывались за превращение дикаря в цивилизованного человека: настаивали на христианизации племен, введении всеобщего образования, предоставлении гражданских прав. Часто жители Севера проявляли умозрительный, книжный интерес к индейцам, а люди Запада сталкивались с ними в реальной жизни и не разделяли иллюзий о «дружелюбном» дикаре. Для населения аграрных западных штатов аборигены служили препятствием в развитии капиталистического хозяйства региона [15, p.21]. Юг поддерживал Запад в стремлении освоить территории краснокожих. Последние две секции настаивали на переселении или жестоком вытеснении «детей прерий», выражали крайние взгляды на решение проблемы индейцев.

Отметим, что еще в первой половине XIX в. американцы отгеснили аборигенов из прибрежных восточных штатов, и продолжили осваивать континент, продвигать фронт - подвижную границу, не имевшую четких очертаний, на Запад. Перепись населения 1870 г. документирует 383712 индейцев, из которых 234740 проживало за Аппалачскими горами. Большинство коренных жителей континента было сосредоточено за пределами густонаселенных северных штатов: на Аляске, Аризоне, Неваде, Монтане, Территории Дакота, Индейской территории (позднее штат Оклахома) [10, p.21].

Во второй половине XIX в. рост населения западных штатов, вторжения белых на территории аборигенов, коррупция в агентстве по делам индейцев осложняли отношения с краснокожими. Военные действия и связанные с ними значительные финансовые расходы на содержание армии подталкивали к необходимости пересмотреть индейскую политику. Официальные лица признавали, что

американцы находятся в состоянии «постоянной войны» на фронтире, где коренные жители континента вынуждены «искать другую порцию земли пригодную для охоты» [4, р.6]. Элиты США стояли перед выбором: окультуривание и гуманизация или продолжение силовой политики в отношении коренного населения континента. Вопрос можно поставить и по – другому: «Кто будет решать индейский вопрос гражданское общество и интеллигенция или армия, разум или грубая сила?». Эти противоречия влияли на позицию конгресса и действия администрации в 1877-1881 гг.

Особую роль в процессе принятия решений играли образованные верхи Новой Англии, которые призывали полностью передать надзор и управление краснокожими министерству внутренних дел или организовать отдельный департамент. Это не только вело к гуманизации индейской политики, но и покончило с дуализмом в организации административного аппарата. Причину двойственности надо искать в 1849 г.- дате создания министерства внутренних дел, которому передали часть агентств военное министерство, финансов и военно-морское. Армия не желала терять контроль над индейцами, поэтому функции разделили, достигнув необходимого компромисса: военные обеспечивали охрану поселенцев и оживленных маршрутов от воинствующих племен, препятствовали выходу аборигенов из резерваций, в ее обязанности входила также защита индейцев от вторжений белого человека; министерство внутренних дел интересовало соблюдение обязательств по договорам, благосостояние индейцев, образование, христианизация, примирение племен.

Проблемы возникали и в связи с коррупцией. Правительство США ежегодно выплачивало индейцам проценты за проданные земли (примерно 200 тыс. долл.). Во время администрации У. С. Гранта (1869-1877 гг.) только 20 центов с доллара приходили к краснокожим [1, с.53]. Общество настаивало на изменениях в работе госструктур. Борьба за передачу бюро по делам индейцам МВД, предложения по реформированию аппарата управления являли собой административно-государственную составляющую политики гуманизации.

Направлением работы общественных организаций являлось создание новой системы образования индейцев. До 1877 г. кочевые индейцы считались неспособными к систематическому обучению, что усиливало аргументацию Запада и Юга. Интеллектуалы не могли допустить жесткого притеснения коренного населения, поэтому приступили к инновациям в образовании. В нововведениях просматривались четыре главных взаимодействия элементов: личная инициатива, активное участие высших образовательных учреждений, работа миссионерских обществ, помощь и покровительство администрации. Локомотивом движения выступил Хамптонский институт во главе с генералом С. С. Армстронгом, который в апреле 1878 г. организовал школу в Виргинии для чернокожих и одновременно позволил проводить эксперименты по обучению семнадцати пленных индейцев [16, р.108-111]. Положительные результаты подвигли руководителя индейского направления Р. Г. Пратта (Pratt) попросить разрешения у министра внутренних дел К. Шурца и главы военного департамента Дж. МакКрери открыть отдельную школу для аборигенов в покинутых армией бараках в местечке Карлисл (штат Пенсильвания). Администрация поддержала инициативу и уже в октябре 1879 г. восемьдесят четыре ученика из племени сиу начали обучение [5, р.15]. Число воспитанников росло и к июню 1880 г. в учебном заведении получали образование двести тридцать девять детей разной племенной принадлежности. Отдельным аспектом являлась борьба с язычеством, приобщение к христианству. Вера и образование шли рядом, отсюда - образовательно-религиозное направление работы с индейцами. Важность его в том, что впервые возможность усвоения знаний краснокожими получила подтверждение со стороны гражданского учреждения. Сорок седьмой конгресс, несмотря на негативные моменты (плохие условия и случаи смерти среди воспитанников школы в Карлисл), признал эксперимент удачным [6, р.176].

Благодаря массово-просветительской работе общественности появился устойчивый интерес к ассимиляции, образованию, культуре индейцев со стороны всех слоев населения; аборигены стали неотъемлемой частью народного сознания, в нем укоренилась мысль об уникальности индейцев как атрибута американской цивилизации. На мировоззрение американцев в указанный период оказали влияние две книги, опубликованные в 1879 и 1881 г. Первая «Наша забота об индейцах» (“Our Indian Wards”) принадлежит перу Дж. Уи. Мениппени, который служил чиновником по делам индейцев во время администрации Ф. Пирса. Юридические разногласия между военным министерством и внутренними дел в разрешении индейской проблемы находятся в центре повествования [8]. Вторая - творение Х. Х. Джексона «Век бесчестия» (“A century of Dishonor”). Книга представляет подборку документов. Они иллюстрируют отношения правительства с двенадцатью племенами [9]. Каждый член конгресса получил копию книги [13, р.86-111]. Вплоть до своей смерти в 1885 г. Х.Х. Джексона путешествовала с лекциями по стране, печатала статьи, «изобличающие преступления правительства» против краснокожих.

Выездные лекции и костюмированные шоу несли знания о нравах, быте индейцев простым американцам. О переселении и гибели части племени понка широкие слои населения узнали из выступлений вождя Стоящего Медведя и индейской девушки Ясные Глаза. В Чикаго, Филадельфии, Нью-Йорке, Бостоне граждане США приходили слушать о приключениях понка. Перед началом лекции слово предоставлялось выдающемуся оратору Венделу Филлипсу, который вводил присутствующих в суть проблемы. В 1882 г. Буффало Билл Коуди организывает индейское шоу и отправляется в турне по стране [11, р. 59]. Инсценировки сражений между белыми и краснокожими производили неизгладимое впечатление на зрителей [14, р.7]. Формируется образ индейца как антипода «дя-

дюшки Сэма»: отважного, честного, преданного, бескорыстного жителя прерий, равнодушного к благам цивилизации. То был миф, воспетый позднее киноиндустрией Голливуда.

Президент, министр внутренних дел, администрация, относились к индейцам снисходительно, патерналистски. Они надеялись, что благодаря элементарному образованию, в особенности трудовому обучению, индейцы станут фермерами, пастухами, рабочими, перевозчиками грузов, обзаведутся собственностью, получат право гражданства, примут участие в политической жизни страны. Глава государства придерживался умеренной позиции в отношении аборигенов, стремился к смягчению индейской политики, и в этом был близок к штатам Севера.

В начале его правления осенью 1877 г. возобновились слушания конгресса по индейскому вопросу. Законодательная власть в декабре склонилась к решению передать аборигенов военному министерству. Карл Шурц (глава МВД) выступил перед сенаторами и высказался за обучение дикарей сельскому хозяйству в резервациях, как первому шагу к самостоятельности и получению земельных участков в частную собственность. Такая политика, по его мнению, будет способствовать сохранению мира при минимальных финансовых расходах [17, с.386]. Окончательное решение было отложено, и после долгих дебатов в 1879 г. законодательная власть отвергла предложение о передаче военному министерству коренных жителей континента по нескольким причинам: количество войн с краснокожими уменьшилось; министерство внутренних дел эффективно лоббировало интересы в конгрессе, указывая на положительные изменения в приобщении дикарей к цивилизованному образу жизни; народные избранники осознали, что управлять силой племенами неприемлемо. Положительное решение стало результатом успешной административно-государственной и образовательно-религиозной работе общества.

Запад в реализации неоправданно жестокой политики в отношении индейцев опирался на армию. Но в исследуемый период ее влияние слабеет. Исполнительная власть находилась в руках либеральных республиканцев, которые придерживались мирных методов решения проблемы индейского населения. Существовали и политические причины ослабления армии: демократическая партия стремилась реанимировать доктрину суверенитета штатов, минимизировать контроль федерального центра. С 1879 г. она получила большинство в обеих палатах конгресса и определяла законодательную политику государства. Разрешить использовать войска против индейцев значило автоматически усилить влияние центральной исполнительной власти в штатах, что вступало в противоречие с общим курсом демократов. Компромиссное решение было найдено в процедуре натурализации, предоставления гражданства.

Идея тесно увязывалась с получением образования индейцами, приобщением к цивилизованной жизни по англо-саксонскому образцу. Вопрос не считался новым в законодательстве. Конгресс наделял этими правами племена, порвавшие племенные связи, начиная с нации чокто в 1830 г., которая проживала в штате Миссисипи и Алабама, и ваяндотами в 1855 г. Во время и после войны Севера и Юга правительство продолжило процедуру натурализации индейцев. К 1878 г. гражданство США приняли почти 10 тыс. коренных жителей континента [2, р.1130]. На предоставлении индейцам гражданства настаивали западные и южные штаты. Их интересовали земли краснокожих. Жители штата Небраска обратились к сенату с просьбой предоставить индейцам сенти сиу (santee) право обладать земельным участком площадью сорок акров, на оговоренной резервации [3, р.1678]. После проведения данной операции остаток территорий переходил бы в общее пользование и подлежал распределению среди белых.

Противники предоставления гражданства индейцам акцентировали внимание на случаях распродажи переданной в собственность краснокожим земли. Например, граждане Потаватоми (штат Канзас) распродали земельные участки, возобновили статус племени и ушли на Индейскую территорию. Комиссар по делам индейцев во время первой администрации У. С. Гранта (1869-1873 гг.) Уолкер Ф. А. предостерегал американцев: «Эксперимент по предоставлению гражданства индейцам приведет к тому, что половина или, по меньшей мере, две трети попадут в состояние безнадежной нищеты и бедности... следствием разрыва племенных связей будет рост бродяжничества и преступлений» [7, р.141]. Противники равенства краснокожих с белыми выступали против любого насилия и видели сам процесс превращения в цивилизованного гражданина как долгий, с учетом особенностей каждого племени и под покровительством системы резерваций [7, р.147].

Мнение правительства в вопросе о предоставлении гражданства индейцам выразил президент в обращении к законодательной власти в 1881 г. Подготовительным этапом в получении гражданства является получение индейцами обоих полов, как профессионального, так и общего образования, которое может обеспечить и защитить себя в цивилизованном обществе. Земли следует разделить и передать в частную собственность, неотчуждаемую на определенный период. Индейцы должны получить значительную компенсацию за свои земли, не только необходимую для приобретения индивидуальных земельных участков, но для вложений, с достаточными гарантиями получения прибыли. Если все вышеуказанные пункты соблюдены, то аборигенам необходимо предоставить гражданство [12, р.4485].

Передовая общественность США активно проводила административно-государственную, образовательно-религиозную и массово-просветительскую работу по гуманизации индейской политики. Президент разделял лучшие побуждения народа и высказывался за переход индейцев от общинной к частной собственности на землю, от кочевого к оседлому способу жизни, обучение за государственный счет,

предоставление гражданских прав. Элиты через соответствующие институты отстаивали права индейцев, подталкивали правительство к реформам, христианизации племен, и в этом государственная политика отражала интересы Севера, а если узко, то Северо-Востока. С другой стороны, сельские районы Запада и Юга решительно выступали за изъятие земель краснокожих. Министерство внутренних дел прислушивалось к мнению этих регионов страны и продолжало переселение племен в резервации. Процедура предоставления гражданства как две стороны одной медали указывала путь к окультуриванию коренных жителей и, одновременно, к экспроприации земель. По сути это компромисс между Северо-Востоком и штатами Запада и Юга. Общественность прибрежных штатов желала видеть индейцев в школах, затем полноправными гражданами страны, в то время как большая часть территории краснокожих перешла бы к белым на Западе. Она не в силах была остановить давление цивилизации на племена, но смогла предотвратить большие жертвы среди индейцев, повернуть государственную политику в сторону гуманизации.

The article describes the contradiction of principle between the North, on the one hand, the West and the South - on the other, in Indian problem. The community of the North-East has a few deals with the Redskins, with the position of humanism try to get cultivation of Aborigines. The agricultural western states have been supported by the Southerners, faced with the Indians, which prevented them from the development of the territory. Hence - a tough stand against the Redskins. The Liberal government inclines to the politics of humanization, continuing, however, at the same time the relocation of the tribes to the reservations.

The key words: *american society, sections, indian policy, education, humanization, citizenship.*

Список литературы

1. *Вс. Миропольский*. Очерки столицы и правительства Соединенных Штатов Америки. Из наблюдений русского путешественника в 1878 г. // Вестник Европы. Т.6. Ноябрь 1879.
2. *45th Congress*. 2nd Session. W.: GPO, 1878. 2278 p.
3. *46th Congress*, 1st Session. W.: GPO, 1879. 2286 p.
4. *Annual report of the commissioner of Indian affairs to the secretary of the interior for the year 1876*. W.: GPO, 1876. 404 p. (Далее - Annual report for the year ...)
5. *Annual report for the year 1880*. W.: GPO, 1880. 568 p.
6. *Annual report for the year 1883*. W.: GPO, 1883. 546 p.
7. *F. A. Walker*. The Indian Question. Boston: James R. Osgood and Company, 1874. 265 p.
8. *G. W. Manypenny*. Our Indian Wards. Cincinnati: R. Clarke, 1880. 473 p.
9. *H. H. Jackson*. A Century of Dishonor. N.Y.: Harper & Bros., 1881. 487 p.
10. *Historical census statistics on population totals by race, 1790 to 1990, and by Hispanic origin, 1970 to 1990, for the United States, regions, divisions, and states*. Population Division Working Paper No.56. / ed. Campbell Gibson, Kay Jung. W.: U.S. Census Bureau, 2002. 177 p.
11. *L. S. Warren*. Buffalo Bill's America: William Cody and the Wild West Show. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2005. 652 p.
12. *Messages and papers of Rutherford B. Hayes*. A compilation of the messages and papers of the presidents. / ed. Richardson J.D. N.Y.: Bureau of National Literature, 1897. V.10. 514 p.
13. *N. Schmitz*. White Robe's dilemma: tribal history in American literature. Amherst: University of Massachusetts Press, 2001. 181 p.
14. *New York Times*. Jan. 2. 1887.
15. *P. Smith*. The rise of industrial America. N.Y.: McGraw- Hill Book Co., 1984. V.6. 965 p.
16. *R. H. Pratt*. The Indians: Origin and History of Work at Carlisle // The American Missionary. V. 37. Issue 4. Apr. 1883.
17. *The reminiscences of Carl Schurz*. N.Y.: Doubleday, Page and Co., 1907. V.3. 542 p.

Об авторе

Иванов И.Ю. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, ivanoviu@mail.ru.

РОЛЬ УЕЗДНЫХ ПРОЛЕТАРСКИХ ПОЭТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВ ВЛАСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА И. МУКОСЕЕВА)

Е.В. Киселева

В статье анализируется творчество одного пролетарского поэта Ивана Мукосеева, проживавшего в местечке Бежица Брянского уезда Орловской губернии в период гражданской войны. Его стихотворения печатались на страницах местной периодики и вышли в двух поэтических сборниках. В них находят отражение типичные для идеологии большевиков и творчества пролетарских поэтов страны образы времени и революции, героя и врага. Мукосеев и подобные ему являлись трансляторами идеи партии большевиков в малограмотные массы населения страны. Их деятельность поэтическими средствами способствовала восприятию населением образов новой власти. Применение же идеологического языка освобождало власть от необходимости логического доказательства заявлений.

Ключевые слова: пролетарский поэт, образ советской власти, партия большевиков, Бежица Орловской губернии, гражданская война, Мукосеев, идеологический язык, воздействие на массовое сознание.

Язык является одним из инструментов социальной власти, средствами которого она и осуществляется, утверждает современная прагматическая лингвистика [1, с.7]. Стихи же и песни, как эффективные средства внедрения идей в сознание масс, активно использовались партией большевиков. К поэтическому слову они обращались всегда, когда стремились придать эмоциональную окраску идее, сделать ее более доступной малограмотным массам [2, с.39-40]. Более того, в революционную эпоху в стране возник новый тип поэта — пролетарский, подчинивший свое художественное творчество насущным задачам публицистической пропаганды [3, с.402]. Признавая это, советская историография не уходила, однако, дальше традиционной характеристики тем и используемых поэтами художественных средств и приемов.

В своем исследовании мы делаем попытку проанализировать творчество одного уездного пролетарского поэта, привлекая теорию персуазивной коммуникации. В ее рамках считается, что за особым употреблением языка встает особая идеология, а выбор слова способен навязать определенное отношение к содержанию сообщения [1, с.12]. Цель работы — раскрыть роль творчества Ивана Ивановича Мукосеева, проживавшего в период 1918-1920 годов в рабочем поселке Бежица Брянского уезда Орловской губернии, в формировании образов новой советской власти. Так, нашему анализу подверглись, прежде всего, выразительные средства его поэтического языка, участвующие в создании персуазивного эффекта [1, с.30].

Пролетарского поэта в Мукосееве выдают и самоидентификация, и общественное признание, и схожесть механизмов творческой реализации. Из отрывочных биографических свидетельств нам известно, что после октябрьской революции 1917 г. в возрасте 29-ти лет он переезжает из Екатеринослава (ныне Днепрпетровск), где работал на заводе, в Бежицу. Сведений о его образовании у нас нет. Предполагаем, что Мукосеев был самоучкой: в своих прозаических статьях он воспекает не учителей, а книгу и библиотеку [4], пишет подражания М. Горькому, посвящает ему как «невидимому спутнику» свой первый сборник стихотворений. Справка на И.И. Мукосеева от 16 июня 1919 г. дает сведения о нем как секретаре отдела соцобеспечения Бежицкого совета рабочих и красноармейских депутатов, сотруднике «Бежицких известий», члене культурно-просветительной организации Пролеткульта и редакторе пролетарского журнала «Наш Горн» [5, л.19]. Последнего, выходявшего в 1919 году, к сожалению, обнаружить не удалось. Однако, в хорошей сохранности — «Бежицкие известия» за 1918-1919 годы (в 1920 году издание не вышло). Удалось найти и два сборника стихотворений поэта: «У свергнутых кумиров» 1918 г. и «Поэзия революции» 1920 года издания [6]. На первый сборник уже через месяц после публикации приходят восторженные отклики и читателей [7], и коллег. Начинаящий пиит Пьер Гарский писал: «Из тьмы веков из бездны лет // Вперед промчавшихся бесследно, // Пришел народный к нам поэт, // Поющий песни всепобедно... // Пусть в Ваших новых песнопеньях // Звучит победный громкий клич, // Пусть он поможет поколениям // Вершины Истины достичь...» [8].

В конце 1918 г. Иван Мукосеев берет псевдоним Крайний, и в 1920 году под двойным именем издает «Поэзию революции». И если в первом сборнике есть место любовной и философской лирике, то второй заполнен пропагандистскими стихами. Здесь Мукосеев пробует себя и в более крупном жанре — художественной миниатюре «Король и работник» и этюде «Два царства». Стоит отметить, что мало кому из провинциальных поэтов посчастливилось опубликовать в то время сборник стихотворений. В Орловской губернии среди уездных поэтов аналогов Мукосееву нам обнаружить не удалось. Дальнейшая его творческая судьба находится за рамками данного исследования [9].

В творчестве поэта можно выделить несколько ведущих тем, каждая из которых связана, как минимум, с двумя другими. Так, явно вырисовывается тема временной ленты, когда поэт описывает образ прошлого, настоящего и будущего. Для каждой из ипостасей времени характерна своя цветопись и звукопись, определенный набор изобразительно-выразительных средств: эпитетов, метафор, сравнений и аллегорий. Прошлое рисуется темными красками, его картины испещрены отрицательными образами, лексикой с негативными коннотациями. В стихотворении «Огни» прошлое предстает в таких метафорах как

«сон», «тьнь», «ночь» и «смерть». «Нет, не напрасно мы без устали искали, // И не напрасно шли в безмолвьи *ночей* // Среди *нищеты, страданий и печали* // На тайный зов блуждающих огней (*курсив мой – Е.К.*)» [10]. Активно употребляя местоимения «мы» и «наше», поэт использует особый коммуникативный ход — создание семантического поля «свои» [1, с. 49]. С его помощью создается впечатление, что отправитель сообщения мыслит и говорит также как многие, и многие говорят и мыслят, как он.

Почти во всех его стихотворениях прошлое противопоставляется будущему. Это видно и в стихотворении цикла «Гудок»: «Минула *ночь*. // Рассеялись *туманы*. // Кумиры свергнуты и пал *неволи гнет*. // К труду упорному зовет нас *день желанный* // *Грядущий День* нас к *творчеству* зовет» [11]. Для придания экстраординарной значимости слову поэт использует метод выделения заглавными буквами. Здесь графика используется также для усиления контраста между прошлым и будущим: «Слава Жизни и Рассвету// Да погибнет тьма и ложь» [11]. Все тяготы настоящего связаны исключительно с наследием темного прошлого. Именно они не дают должной динамики развития настоящему. Прошлое, настоящее и будущее связывают, однако, не только аналогии с природными явлениями. Непрерывность линии времени у Мукосеева обеспечивается и за счет такой лексической единицы, как «борьба». В прошлом с угнетением боролись герои пролетариата. «Честь тому, кто в мрак унылый // Стал под знаменем бойца; // Кто был честным до могилы, // Кто был стойким до конца» [12].

Высшей степенью выражения борьбы, равно как и связующим звеном между прошлым и настоящим выступила революция. В «Гимне революции» она предстает и как «негодующее пламя», и «вызов, брошенный богам», и как «благородная расплата», «весну бодрящая гроза», «символ гибели жестокой, разрушение и кровь», как «Правды феникс огнекрылый», как «Жизнь, Свобода и Простор». Прием олицетворения революция наделяется «мятежным взором» и способностью править «свой кровавый бег, чтоб всех людей очистить ровно единым словом – человек...» [13]. Традиционные художественные образы очищающего огня как дарующего свободу, цепей как символа неволи и аллегии «правды юбилей» соединяются у Мукосеева в «25 октября 1918 год»: «Мы смели огнем восстанья // Мир торговли, мир интриг// Полны жаждой созиданья // Мы свободны от вериг, // Пали тяжкие невзгоды, // Нет неволи и цепей // Нынче день святой Свободы, // Нынче *правды юбилей*» [14]. В силу своей широкой распространенности в 1918-1920 гг. само слово-понятие «революция» стало лингвоментальными стереотипом советской России, фундаментом советской идентичности. Кодирова эмоциональную информацию, такие слова изначально придавали положительную семантику всему словесному окружению: любым фактам, идеям, мнениям. Более того, они же усиливали чувство принадлежности к группе, разделяющей этот опыт, эту оценку, они укрепляли «мы-чувство» отдельных лиц.

С революцией у поэта ассоциируется и приход Христа как спасителя. В одном из стихотворений от 7 января 1919 года – «Новорожденный», поэт пишет: «В мире скорби и печали // Люди долго, долго ждали, // Ждали кроткого Христа. // Но пришел Христос другой // Всепобедный, огневой // Перед ним цари дрожат. // Он зачат от мятежа, // Колыбель ему – стихия, // Дом – весь мир, а Мать – Россия! [15]. Традиционные христианские символы: «храм свободы», «золотые купола» причудливым образом становятся на службу идеи мировой революции [16]. Использование христианской лексики пролетарским поэтом связано, на наш взгляд, с тем, что автор был воспитан в рамках традиционной христианской культуры, когда самые сильные ожидания и яркие образы неизменно были связаны с трепетом души.

Для создания образов прошлого и настоящего используются военные метафоры, военная лексика: «борьба», «воин», «удар», «бой», «победа»: «Еще *удар*, еще одно усилие // И старый мир развеется как дым. //... Товарищи, мы *победим!*» [17, с.5]. Неотъемлемой частью образа прошлого и настоящего является образ врага как оппонента пролетария на арене борьбы. «Гады», «ехидные жабы», «паразиты земли», «чудища страшные» — какие только аллегии обобщенного врага из старого мира не встречаются посреди поэтических строк. Взгляды «лукавого врага» «злорадны», молва «продажна», а вымыслы «ядовиты» [11]. Тематика врага выходит на первый план в стихотворениях поэта 1919-1920 годов. Как только партия развернула пропагандистскую борьбу против своих политических и военных противников, усилилась и агрессивность лексики поэта. Весной 1919 г. в связи с напряженной обстановкой на фронтах поэт выдает ряд стихотворений, обличающих действия врага. В «Сувенире» он пишет: «Да, эсеры мужика // Здорово надули // Сами звали Колчака // И улепетнули. // Лидер правых, сам Чернов // Многого не понял, // Оперся на Колчаков, // Все попроворонил. // Адмиральский чудачек // Ожидал помощи, // А потом и на утек, // Унеси Бог ноги//... Эй, вы! Скопище чертей! // Братья черной сотни. // Привели к столу гостей, // Сами – в подворотни? // И дало же вам пинка // «Ваше Благородье»./ Подвели вы мужика // Чергово отродье! [18]». Создание в поэтическом тексте описательного образа оппонента, негативной оценочной перспективы, являлось одним из самых действенных в управлении восприятием и сознанием адресата [1, с. 63].

Заполненной врагами и борьбой настоящее видится Мукосееву исключительно как этап перехода к светлому будущему, ради которого и происходит все в этом мире. В вырисовывании будущего ведущими являются метафоры архитектоники, строительства. Типично в этом отношении стихотворение «Выше, стройте зданье!»: «Братья! *Выше стройте зданье!* С тайной жадностью исканья // В царстве вечного страданья завершайте вольный *труд!* // *Укрепляйте храм свободы, ставьте каменные своды,* // Ваши молодости годы, даром пусть не пропадут! // Не теряйте зря мгновений для грядущих поколений // *Стройте новые ступени и за сводом новый свод...*» [19]

Своего апогея противопоставление прошлого и будущего достигает у Мукосеева в этюде «Два царства». В первой картине «старая чиновная отжившая Россия предстает во тьме виде печальной, жалкой, болезненной женщины в сплошном черном плаще», а Новая Россия – молодой и полной сил. На службе у первой — отрицательные образы купца, монаха и офицера, ко второй же приходят сначала немецкий, затем французский и английский рабочие. «Нам в царство света открыта дорога. // Нас много! Нас много! Нас много!», — восклицает на это русский рабочий. Последним к ним присоединяется американский рабочий с требованием последнего решительного боя для гибели мирового зла [17, с.147]. Соединение созданных в тексте образов пролетария и врага, времени и революции с визуальными и звуковыми («Интернационал») эффектами было призвано воздействовать на сознание зрителя на всех уровнях восприятия. А прием подачи информации по принципу «плюс-минус», «черное-белое» позволял сложные явления представить как простые, объяснив все однозначно: виноваты другие.

Тема временной ленты и революции тесно связана у поэта с осмыслением своей миссии, с представлениями о том, что пролетарский поэт должен нести народу. Следуя пушкинской традиции, он величает себя певцом [20]. Он также призывает свет и прогоняет тьму, но уже в новом качестве: «Мы пролетарские поэты, // Мы первомайские лучи, // Поем мы звонкие сонеты, // Куем мы острые мечи. // ... Перед нами звезды золотые, // За нами – слезы и гробы, // И наша вольная стихия — // Мир несмолкаемой борьбы. // Мы не поем о Беатриче, // Любовь – наивный бред ума, // Вся наша жизнь в победном кличе: // «Да будет свет, да сгинет тьма!» [21]. Прямым указанием в тексте потенциального получателя сообщения осуществлялась стратегия оптимальной адресации. А аудиторией был ни кто иной, как «Новой Жизни Властелин» [11]. Через творчество поэтов из рабочих и для рабочих, партия власти, на службе у которой состоял поэт, показывала, кто хозяин жизни, формировала у населения страны миф о диктатуре рабочего класса.

И христианская традиция (пр. «ждали кроткого Христа») и народная (пр. «чую»), и античная (пр. «люди будут свободны как боги»), и французская («с мечом в руках и в багрянице»), и русская традиции (реализма XIX в. и символизма XX в. с типичной для поэтов Серебряного века лексикой «старый мир», «мертвецкий сон», «венюк терновый») говорят об эклектичности творчества И.И. Мукосеева. Эта черта была типичной для всех «передовых поэтов пролетариата», отметил в свое время И.С. Эвентов [22, с.753]. Непосредственным же предшественником и источником всей риторики «старого мира», «борьбы», «грядущего», «последнего боя», «врага» были революционные песни, такие как «Варшавянка», «Рабочая Марсельеза», «Интернационал» и другие, заметил Б.И. Колоницкий [23, с. 246].

На наш взгляд, эклектичность творчества, равно как и набор идей и образов имели истоки в начитанности поэта, и скорее были малоосознаваемыми. Отсутствие индивидуальности в выборе тем и лексики, обнаружившееся в процессе исследования, навело на мысль о типичности его творчества — перед нами типичный представитель огромной группы уездных пролетарских поэтов страны и наиболее яркий по масштабам творческой реализации из таковых в Орловской губернии.

Проведенное исследование показало, что образы, создаваемые И. Мукосеевым на страницах уездных газет и поэтических сборников — образы темного прошлого, героического настоящего и светлого будущего, революции, пролетария и врага, полностью совпадают с идеями партии власти и вписываются в идеологию установившегося в стране нового политического режима. И заслуга радикальных революционеров здесь в том, что в период борьбы за сознание масс им удалось призвать к себе на службу таких творческих личностей, остро чувствовавших дух времени, как И.И. Мукосеев. Пролетарский поэт выступал как транслятор образов власти — эффективный проводник идей большевиков в массовое сознание населения уезда, приводной ремень правящей партии к населению. Через его творчество и посредством его читатели и зрители приобщались к коммунистической идеологии. Применение же идеологического языка (метафоры и др., клише, визуальные образы) освобождало власть от необходимости логического доказательства заявлений, а путем многократного повторения заставляло принять транслируемые идеи и образы априори, без сомнения в их истинности.

The article is dedicated to the creative activity of one proletarian poet Ivan Mukoseev, who lived in Bejiza, Orel province during the period of Civil War. His poems were published in the local soviet press and two collected poems. In his poetical works the images of time and revolution, hero and enemy are disclosed. They are typical and identical to those of Bolshevik ideology. It should be mentioned that the poetical form made easier to adopt the essence of Bolshevik ideology to mass and exerted influence on mass consciousness. So Mukoseev and a lot of poets like him were effective translators of the images of power in mass. And the use of special ideological language by authorities released them from the necessity of supplying the explanations of political actions.

The key words: *proletarian poet, the image of the Soviet Power, Bolsheviks' ideology, Bejiza, Orel province, Civil War, Mukoseev, the ideological language, the influence upon mass consciousness.*

Список литературы

1. Чернявская В.Е. Дискурс власти власть, дискурса: проблемы речевого воздействия. М., 2006.
2. Миронец Н. И. Революционная поэзия Октября и гражданской войны как исторический источник. Киев, 1988.
3. Доброхотов В.Я. Разработка В.И. Лениным научных основ партийной пропаганды. М., 1980.
4. Известия Бежицкого революционного совета. 1918. 20 сентября.
5. Государственный архив Брянской области. Ф. 558. Оп. 2. Д. 114.

6. *Мукосеев И.* У свергнутых кумиров. Бежица, 1918; Он же. Поэзия Революции. Бежица, 1920.
7. *Известия Бежицкого революционного совета.* 1918. 30 ноября.
8. *Известия Бежицкого революционного совета.* 1918. 17 декабря.
9. В начале 1923 г. он публикует стихотворение «Студентам» в журнале «Студент-рабочий», а в 1927-1928 гг. выпускает в Москве пять небольших иллюстрированных книг для детей тиражами в 10000-20000 экз. («Бондарь», «Ваня-кузнец», «Козел». «Жестянщик», «Как Сенька Ежик сделал ножик»).
10. *Известия Бежицкого революционного совета.* 1918. 8 октября.
11. *Известия Бежицкого революционного совета.* 1918. 20 октября.
12. *Известия Бежицкого революционного совета.* 1918. 1 октября.
13. *Известия Бежицкого революционного совета.* 1918. 29 ноября.
14. *Известия Бежицкого революционного совета.* 1918. 7 ноября.
15. *Известия Бежицкого Совета рабочих и красноармейских депутатов.* 1919. 7 января.
16. *Известия Бежицкого революционного совета.* 1918. 2 октября.
17. *Мукосеев-Крайний Ив.* Поэзия революции.
18. *Иван Крайний.* Сувенир // Известия Бежицкого Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1919. 25 мая.
19. *Известия Бежицкого революционного совета.* 1918. 19 сентября.
20. *Известия Бежицкого революционного совета.* 1918. 9 октября.
21. *Известия Бежицкого революционного совета.* 1918. 26 октября.
22. *Эвентов И. С.* Пролетарские поэты // История русской литературы: В 10 т. Т. X. Литература 1890–1917 годов. М.-Л., 1954.
23. *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.

Об авторе

Киселева Е.В. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, flora@online.debryansk.ru

УДК – 943.08

«ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН О СОЦИАЛИСТАХ» 1878 ГОДА И ПАРТИЯ «ЦЕНТР»

О.В. Ольховская

Политика культуркампфа, начатая правительством Германии еще в 1871 г., потерпела неудачу. Гонения против церкви, тяжелое положение рабочих способствовали укреплению влияния социал-демократов. Несмотря на то, что социал-демократы перетягивали на себя часть электората «Центра», католики выступили против принятия исключительного закона о социалистах. Впервые партия Виндтхорста поставила для себя национальные интересы (и прежде всего защиту прав и гражданских свобод) выше интересов Рима. Но угроза распространения идей социализма способствовала сближению католической церкви и государства.

Ключевые слова: католическая партия «Центр», социал-демократы, культуркампф, рабочее движение, исключительный закон о социалистах, выборы в рейхстаг 1878 года.

В 1871 г. при поддержке консерваторов и национал-либералов Бисмарком была начата политика культуркампфа. Главной ее целью было воспрепятствовать федералистским стремлениям «Центра» и вмешательству католической церкви в дела Германской империи. Тем не менее, предпринимаемые в рамках политики культуркампфа шаги не принесли желаемого результата. Вопреки ожиданиям антиклерикальные законы лишь укрепили авторитет католической партии: в период с 1871 г. по 1878 г. количество мандатов, обретенных клерикалами в рейхстаге, увеличилось с 63 до 94. Католическое население выражало открытый протест проводимой политике. После законов о государственном школьном надзоре и гражданском браке к лагерю недовольных присоединились и протестанты. Несмотря на то, что законодательство культуркампфа было направлено против Рима, значительный удар пришелся и по Виттенбергу (центру немецкого протестантизма). В стране росла внутренняя напряженность. Культуркампф, ухудшение положения рабочих в результате вызвали лишь ожесточение народных масс в отношении государства, которое было выгодно лишь социал-демократам.

Еще сильнее обострил противоречия спад в немецкой экономике. Отечественная продукция не выдерживала конкуренции с иностранными товарами. Политика фритредерства не оправдывала себя. Под давлением промышленников и землевладельцев правительство Германии стало склоняться к введению протекционистских законов. В рамках такой политики канцлер не мог рассчитывать на поддержку национал-либералов. Альтернативой им могли стать только консерваторы и клерикалы. С этого времени

обозначилась тенденция к примирению враждующих сторон: Бисмарк и лидера католической партии Виндтхорста. Сближению во многом способствовала и позиция самого «Центра», готового идти на переговоры. Еще в 1875 г. во время обсуждения закона «корзинки для хлеба» лидер «Центра» высказал мысль о сотрудничестве: «Легко можно было бы прийти к мирному соглашению, если бы некоторые авторитеты в правительстве хотели договориться. Я не хочу обсуждать сегодня, соответствует ли это интересам государства. С нашей стороны каждый бы сделал все, чтобы достигнуть мира. Однако если некие авторитеты настаивают на силовом решении, то и нам придется отказаться от мыслей о мире и терпеливо ждать до тех пор, пока глава государства не вспомнит, что католики – это тоже подданные» [4, s. 309].

В период культуркампфа рабочее движение в Германии набирало обороты и становилось реальной силой. Этому способствовало преодоление раскола среди социал-демократов. В 1875 г. на съезде в Готе произошло объединение Социал-демократической рабочей партии и Всеобщего германского рабочего союза в Социалистическую рабочую партию Германии (СРПГ). Ослабление связи церкви и народа подготовило благоприятную почву для восприятия населением социалистической агитации. Было очевидно, что при отсутствии противодействия со стороны государства, возрастающие темпы индустриализации Германии будут способствовать усилению влияния СРПГ. Благодаря активной агитации социал-демократы оттягивали на себя часть электората «Центра». Выборы 1877 г. оправдали ожидания сторонников социалистов: социал-демократы получили около полумиллиона голосов и завоевали 12 мандатов (после выборов 1871 г. социалисты имели всего 2 места в рейхстаге) [6, s. 234]. Таким образом, правительство было поставлено перед выбором: социальные реформы, проводимые «сверху», или радикализм «снизу».

Бисмарк видел в социал-демократах явную угрозу существующему государственному порядку: «Я возвращаюсь к вопросу, когда и почему я оставил свои труды в области социальных отношений и когда, вообще, изменилось мое отношение к социальному вопросу. Началом этому послужило мгновение, когда на собрании в рейхстаге... депутат Бебель или Либкнехт указал на французскую коммуны как на образец политического устройства и открыто перед народом и евангелием признал себя сторонником этих убийц и поджигателей. С этого момента я убедился в опасности, которая грозит нам... Я распознал в социал-демократических элементах врага, против которого государство должно держать оборону» [3, s. 70].

11 мая 1878 г. было совершено покушение на императора. Хотя связь террориста с социалистической партией не была доказана, для канцлера этот акт стал предлогом, в котором он так нуждался. 20 мая 1878 г. на рассмотрение рейхстага был представлен проект «Закона против общественно опасных стремлений социал-демократов». Речь шла о чрезвычайном действии против определенного класса граждан. В документе оговаривался запрет союзов и собраний, печатных произведений, пропагандирующих идеи социальной демократии. По своей сути все предлагаемые меры сводились к превентивным полицейским акциям. Предполагаемый срок действия закона – 3 года. В обосновании говорилось о том, что «социалистическая агитация оказывает пагубное влияние на население; для того, чтобы свергнуть существующий порядок и создать социалистическое государство, социал-демократия подрывает нравственные и религиозные воззрения, патриотизм, уважение и внимание к закону, вообще, все то, что является основой государства и стабильности общества» [2, s. 1592].

Бисмарк был уверен, что церковь не менее чем государство заинтересована в разгроме социал-демократии. Действительно, римскому папе Льву XIII давно не давали покоя «разрушительные учения, распутные и дерзкие стремления, угрожающие социальному, политическому и религиозному порядку» [7, с. 21]. Ватикан воспринимал социалистов как силу, «отнимающую у рабочих религию».

Было бы логично предположить, что «Центр», действующий в согласии с Римом, поддержит инициативу введения закона, направленного против социал-демократов. Однако клерикалы отклонили законопроект. Они были убеждены в бесперспективности противодействия социал-демократам методами грубой силы. Неприемлемой для «Центра» оказалась сама суть закона, которая сводилась к ограничению прав и свобод. Свою позицию католики выразили в следующих словах: «Мы хотим поддерживать все гарантии гражданской свободы... К ним не относятся чрезвычайные законы. В ходе культуркампфа мы получили их столько, что, наконец, пожалуй, поняли, что это значит» [5, s. 326]. 24 мая 1878 г. на обсуждении в рейхстаге Виндтхорст продолжил эту мысль: «Мы должны признавать, что существуют права, которые старше, чем государство, что государство скорее призвано не создавать права, а защищать их» [1, s. 1529]. В свою очередь, правительство настаивало на необходимости крайних мер и выступало за расширение законодательства. Такую позицию лидер «Центра» комментировал следующим образом: «Я считаю, что имеющихся средств, с помощью которых государство может влиять на ситуацию, достаточно. И если бы правительство применило против социал-демократии действующие законы хотя бы в два раза с меньшей силой, чем по отношению к нашей партии, такой ситуации бы не сложилось». Религиозная партия справедливо отмечала, что проводимая правительством политика культуркампфа способствовала распространению социалистических идей: «С давних пор главным делом государства была борьба против церкви. Правительство настолько увлеклось, что не заметило какие всходы породили эти гонения... Ведь только там, где у церкви есть полная свобода деятельности, социал-демократы напрасно пытаются распространить свое учение» [1, s. 1532-1533].

В свою очередь, президент рейхстага Карл Хофманн старался склонить «Центр» на сторону правительства: «Борьба против идей социал-демократии должна быть в первую очередь делом церкви. Самый большой вред социалисты наносят не экономике... Они лишают рабочего религии, как раз того, что делает человеческую жизнь достойной человека. Это относится не только к рабочим. Религия наполняет жизнь людей настоящим содержанием» [4, s. 355]. На это депутат «Центра» Йорг заметил: «Если вы хотите помощи церкви, то освободите ее» [1, s. 1532]. Действительно, законы культуркампа никто не отменял, и католическая церковь по-прежнему испытывала притеснения со стороны государства. Карл Хофманн вынужден был дать пояснения: «Я не говорил о том, чтобы церковь делала что-либо для государства или оказывала ему любезность взамен на вознаграждение. Я говорил о том, что церковь, борясь с социал-демократами, действовала бы в своих интересах» [1, s. 1534].

После обсуждения законопроекта 24 мая состоялось голосование. 251 депутат рейхстага выступил против и лишь 57 – за. В числе сторонников оказались имперская партия и консерваторы. Таким образом, закон о социалистах был отклонен. Бисмарк потерпел неудачу.

2 июня произошло второе покушение. Император был тяжело ранен. Снова нельзя было доказать никакой связи с социалистической партией. Тем не менее, 11 июня канцлер распускает парламент. Общественное мнение, подогретое национал-либеральной прессой, склонялось к жестким мерам.

30 июля 1878 г. состоялись выборы в рейхстаг, в результате которых произошло перераспределение сил: национал-либералы заняли 98 мест, партия прогресса – 35, консерваторы – 59, немецкая имперская партия – 57, «Центр» – 94 [6, s. 234]. Эпоха могущества национал-либералов подошла к концу. Партия Виндтхорста стала играть ведущую роль на политической арене. Католики в зависимости от решаемого вопроса могли образовывать большинство или с правыми, или с левыми.

В рейхстаг снова представили проект закона о социалистах, который Бисмарк 9 октября 1878 г. обосновал в своем выступлении: «Я позволил себе еще при первом чтении заметить, что я содействую каждому стремлению, направленному на улучшение положения рабочих... Если бы от социал-демократов поступило какое-либо конструктивное предложение о новом устройстве общества, при котором положение рабочих стало бы лучше, я не уклонился бы от него. Однако как обстоят дела на самом деле? Уже 11 лет у нас есть преимущество заседать вместе с социал-демократами... Но в их длинных речах - только идеи отрицания, подрыва, свержения, нет ни одной положительной мысли, проекта на будущее... Я полагаю, что знаю, почему господа социалисты молчат о том, как они хотят устроить мир в будущем. Просто они не знают этого» [3, s. 125]. Доводы, приводимые канцлером, возымели свое действие: национал-либералы в союзе с правыми перешли на сторону правительства. Рейхстаг как бы разделился на 2 полюса: проправительственный (немецкая имперская партия, национал-либералы и консерваторы) и антиправительственный («Центр», прогрессисты и другие мелкие фракции). Несмотря на то, что католики оказывались в меньшинстве, Виндтхорст продолжал твердо отстаивать свою позицию: «То, что касается нашего отношения к обсуждаемому закону, то мы еще 24 мая категорически заявили о том, что все необходимые средства для борьбы с социал-демократией есть в общем праве... Канцлер же и его команда настаивают на полицейском произволе... Однако это предосудительное, по нашему убеждению, предложение повлечет за собой прямо противоположный ожидаемому результат» [3, s. 248-250]. Депутаты религиозной партии обращали внимание на то, что законодательство культуркампа и предлагаемый законопроект схожи: это государственный произвол, направленный на дискриминацию определенной группы людей (в первом случае – партии «Центра», во втором - социал-демократов), и защитить от этого произвола сможет лишь гарантия равных для всех прав и свобод. На этот выпад живо отреагировали консерваторы, которые обвинили католиков в простом противостоянии правительству. На это Виндтхорст вынужден был возразить: «Мы не противники правительств вообще. Они должны быть. Но мы противники этого правительства, которое уже долгое время подвергает преследованиям 15 миллионов человек из-за их веры» [3, s. 206].

Прения рейхстага по законопроекту продолжались 6 недель. 19 октября состоялось голосование. Национал-либералы вместе с правыми смогли выступить единым фронтом и образовать необходимое большинство. 149 человек проголосовали против, 221 - за. 21 октября 1878 года «Закон против общественно опасных стремлений социал-демократов» вступил в силу. Несмотря на то, что «Центр» был сильной фракцией, он не смог повлиять на исход голосования.

Угроза со стороны социал-демократии способствовала сближению церкви и государства. Бисмарк представлял себе «Центр» католической партией, действующей исключительно в интересах папы. Поэтому большой неожиданностью для канцлера стал отказ клерикалов поддержать закон, направленный против социалистов. Впервые партия Виндтхорста продемонстрировала, что национальные интересы, которые она видела в защите гражданских прав и свобод, для нее выше интересов Рима. Вместе с тем в ходе дебатов «Центр» ясно дал понять, что готов пойти на сотрудничество с правительством при условии сворачивания политики культуркампа: «Мы будем счастливы, если культуркамп закончится, и мы снова сможем вместе со всеми работать на благо государства» [1, s.

1533]. После выборов 1878 года парламентское влияние католиков усилилось. Бисмарк понимал, что для проведения новой экономической политики ему не обойтись без содействия со стороны партии Виндтхорста. Однако чем сильнее канцлер нуждался в поддержке католиков, тем непреклоннее становились их требования об отмене майского законодательства. И правительство вынуждено было пойти на уступки: в 1878 – 1882 гг. большинство антикатолических законов было отменено, со времен культуркампа остались лишь надзор правительства над школами и закон о гражданском браке.

The Kulturkampf, started by the German government in 1871, ended in a failure. The church persecution, hard working position favoured social democrats' influence. In spite of the fact that social democrats won over to their side the part of the Centre Electorate, the Roman Catholics came out against the Exceptional Law. For the first time the Windthorst Party raised its national interests (and, first and foremost, protection of rights and civil liberties) above Rome interests. But the threat of dissemination of socialism ideas favoured the rapprochement of the Catholic Church and the State.

The key words are: the Catholic Centre Party, the Kulturkampf, Social-Democrats, Working-class movement, the Exceptional Law about Socialists, Reichstag elections of 1878.

Список литературы.

1. *Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags*. 3 Legislaturperiode. 2 Session. Bd. 2. В., 1878. S. 783 1558.
2. *Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags*. 3 Legislaturperiode. 2 Session. Bd. 3. В., 1878. S. 981 1623.
3. *Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags*. 4 Legislaturperiode. 1 Session. Bd. 1. В., 1878. S. 390.
4. *Bachem K. Vorgeschichte, Geschichte und Politik der Deutschen Zentrumpartei*. Bd. 3 Das neue zentrum der Kulturkampf in Preussen, 1870-1880. В., 1927. S. 451.
5. *Lill R Zur Politik Ludwig Windthorsts // Politische Ideologien und nationalstaatliche Ordnung*. - Munchen, 1968. S. 317-335.
6. *Loth W. Das Kaiserreich. Obrigkeitsstaat und politische Mobilisierung*. В., 1997. S. 242.
7. *Соколов В.К. Католическая церковь и государство в Германии во второй половине XIX столетия (историко-критический очерк немецкого культуркампа)*. Казань, 1912. С. 351.

Об авторе

Ольховская О.В. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, olch_helga@mail.ru

УДК – 973.06 + 974/979

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РЯДАХ АМЕРИКАНСКИХ ДЕМОКРАТОВ В 1844-1847 гг.: У ИСТОКОВ ДВИЖЕНИЯ ФРИСОЙЛЕРОВ

В.В. Прилуцкий

Рассмотрены протестные настроения в рядах американских демократов – будущих фрисойлеров, деятельность радикалов в демократической партии в 1844-1847 гг., столкновения между фракциями барнбернеров и ханкеров. Эта эпоха была связана с начавшимся распадом второй американской двухпартийной системы. В 40-е гг. XIX в. вопрос о рабстве в США вышел на первый план в политической борьбе. Борьба в рядах демократов привела к появлению партии фрисойлеров.

Ключевые слова: протестные настроения, вопрос о рабстве, территориальная экспансия США, политическая борьба в 1844-1847 гг., антирабовладельческое движение фрисойлеров.

Значительный след в истории США оставили протестные группировки северных демократов – противников рабовладельческого Юга. Ведущей фракцией радикальных демократов являлись барнбернеры, составившие впоследствии костяк фрисойлеров - Партии свободной земли. Необходимо рассмотреть деятельность данной группировки, ее противостояние с консервативными силами в партийном истеблишменте, охарактеризовать рост протестных настроений в рядах американских демократов во второй половине 40-х гг. XIX в.

Еще в период президентства Мартина Ван Бюрена (1837-1841 гг.) в демократической партии США возникли откровенно прорабовладельческие и радикальные антирабовладельческие и антиюжные фракции. Но в конце 30-х гг. XIX в. партийное руководство находилось в руках центристских сил, проводивших компромиссную линию в вопросе о рабстве. Однако в начале 40-х гг. позиции южного рабовладельческого крыла в демократической партии значительно усилились. К 1844 г. стало очевидным доминирование в пар-

тии консервативных сил, опиравшихся на умеренных южных рабовладельцев и поддерживавших их северных демократов [6]. Это было связано с ростом экспансионистских настроений в стране, сплочением Юга в связи с угрозой аболиционизма и начавшимся распространением среди рабочего класса Севера опасений возникновения конкуренции с дешевым трудом афроамериканцев в случае отмены рабовладения.

Проявлением острой внутривнутрипартийной борьбы стал раскол в начале 40-х гг. в крупнейшей нью-йоркской организации демократов на фракции «барнбернеров» (Barnburners) и «ханкеров» (Hunkers). Эти прозвища появились в 1842-1843 гг. и широко использовались в выступлениях политиков, прессе и частной переписке. При этом барнбернеры даже официально согласились с подобным наименованием во время демократического конвента штата в 1847 г. История раскола уходит корнями в 30-е гг. XIX в., когда в Нью-Йорке по вопросу о финансовой политике штата произошло размежевание между сторонниками джексоновского курса и консервативным крылом, начавшим тесное сближение с вигами. Консерваторы - «упрямцы» (Hunkers) получили свое прозвище от «to hanker» - «страстно желать, сильно жаждать», так как они очень сильно желали получить государственные должности [18]. Возглавлял группу ханкеров бывший губернатор штата Нью-Йорк У.Л. Марси. Ханкеры в финансовой и экономической сфере поддерживали многие требования других групп демократов-консерваторов и вигов, выступавших за государственную поддержку банковской системы, за федеральное финансирование «внутренних улучшений» (объектов инфраструктуры) в интересах торгово-промышленной буржуазии, и были дружелюбно настроены по отношению к рабовладельческим штатам.

Барнбернеры («поджигатели амбаров»), возглавлявшиеся Ван Бюреном, были настроены на решительные меры против «предателей» демократических идей и политических противников. В состав барнбернерской фракции влились «локофоки», выступавшие против «денежной аристократии» и финансово-банковской олигархии, что способствовало ее полевению и дальнейшей радикализации. Барнбернеры обвинялись оппонентами в том, что из-за своей недальновидности и бескомпромиссности готовы якобы «сжечь амбар демократов» для избавления от «рабовладельческих крыс» и разрушить единство партии и Американского Союза. Выражение навеяно историей о голландском фермере, который так хотел избавиться от крыс в своем амбаре, что сжег его дотла [4]. Разногласия между демократами - радикалами и консерваторами в первой половине 40-х гг. не были настолько велики, чтобы они не могли действовать совместно. Объединяла обе группы лишь вигско - нативистская угроза.

Ведущей группировкой северных демократов были барнбернеры. Сами они предпочитали называть себя «сторонниками условия Уилмота», «свободными» или «независимыми» демократами. Барнбернеры возглавлялись Сайласом Райтом, Ван Бюреном и его сыном Джоном, занимавшим с 1845 г. пост генерального прокурора штата, С. Тилденом, Б. Бентоном, П. Кингом, Г. Уэллесом и другими молодыми демократами, которые предлагали социальные реформы, меры по борьбе с коррупцией и боролись за интересы северных штатов. Ван Бюрен в 1844-1847 гг. пытался влиять на политические процессы в Нью-Йорке в основном через одного из своих старших сыновей и С. Райта, нового губернатора штата. При этом он не терял надежды вернуться в «большую» политику общенационального уровня в связи с обострением споров по расширению рабства.

По мнению демократов, в ходе избирательной кампании 1844 г. поднимались три главных вопроса. Проголосовав за демократа Джеймса Полка, избиратели тем самым высказались за аннексию и казначейство, но против тарифа [24]. Не разделяя его экспансионизма, тем не менее, ванбюеренисты в целом поддерживали финансово-экономическую политику администрации. После прихода к власти в 1845 г. Полка Ван Бюрен попытался воздействовать на кадровую политику нового президента. Он стремился расставить везде на ответственных должностях своих людей, чтобы влиять на политику администрации в Союзе и на местах. Но Полк начал формировать правительственный кабинет в основном из числа консервативных демократов. Ван Бюрен отклонил предложение стать вновь послом в Великобритании, Райт не пожелал отказаться от губернаторского поста и возглавить казначейство. В итоге ни один из ставленников Ван Бюрена, исключая рекомендованного им на пост главы военноморского департамента Дж. Бэнкрофта, не был включен в состав кабинета. Но зато в него вошел лидер нью-йоркских ханкеров У.Л. Марси, получивший пост министра обороны [16].

Патронаж в интересах консерваторов осуществлялся и при заполнении вакансий на федеральные должности в регионах, несмотря на поддержку барнбернерами Полка в период президентских выборов. Недовольство Ван Бюрена вызвало также решение Полка в 1845 г. отказаться от услуг его ближайшего сторонника Ф. Блэра и газеты «Washington Globe», еще со времен Джексона бывшей официальным органом демократических администраций [3]. Главной правительственной и партийной газетой теперь стала «Washington Union» во главе с южанином Т. Ритчи, ставленником Полка.

Расхождения Полка с Ван Бюреном переросли в личный конфликт: они прекратили переписку и общение. Полк так прокомментировал произошедший разрыв в своем дневнике в 1847 г.: «Истина заключается в том, что мистер Ван Бюрен обиделся на меня в начальный период моей администрации за то, что я принял решение самому формировать собственный кабинет и отказался подчи-

ниться и позволить ему сделать это за меня» [16]. На самом деле суть разногласий находилась глубже. В условиях усилившихся противоречий между Севером и Югом возросла агрессивность южан, на уступки которым шла консервативная часть северной буржуазии. В этой ситуации влияние радикальных групп в демократической партии начало стремительно падать. В 1844-1845 гг. фактически произошел тихий внутрипартийный переворот. К власти пришли консервативные силы в лице Полка, Касса, Бьюкенена, Уолкера, выражавшие в основном интересы южных плантаторов. Ванбюренисты вынуждены были перейти в оппозицию к новому прорабовладельческому руководству партии.

В начале 1845 г. палата представителей и сенат приняли совместную резолюцию о вхождении Техаса в состав США. Полк заявил в инаугурационной речи, что аннексию следует рассматривать как «мирное приобретение» территории, ранее принадлежавшей Америке [8]. 23 июня техасский конгресс, а 4 июля 1845 г. конвент представителей населения Техаса в Остине единодушно высказались за присоединение к США [9; 13]. Администрация Полка завершила процесс аннексии в декабре 1845 г. и начала активно готовиться к войне. В мае 1846 г. американские войска под командованием З. Тейлора начали военные действия и в течение полугода захватили около половины территории Мексики. Полк в специальном послании конгрессу заявил, что война была «начата самой Мексикой», так как мексиканцы «перешли границу Соединенных Штатов, вторглись на нашу территорию и пролили кровь американцев на американской земле» [12]. По условиям мирного договора, заключенного в феврале 1848 г., Мексика потеряла Верхнюю Калифорнию, Новую Мексику и прилегающие области. Мексиканская война вызвала острые дискуссии в американской политической элите. Демократы-экспансионисты оправдывали агрессию, утверждая, что мексиканцы напали первыми, форсировав пограничную реку Рио-Гранде. Обосновывая права США на Калифорнию и Нью-Мексико, они указывали на то, что эти пустынные территории, исследованные американскими пионерами, начали уже заселяться американцами [11; 20]. Вигская оппозиция считала аннексию незаконной, а войну несправедливой, захватнической, неконституционной и ведущей к огромным затратам [2; 25].

Со своей стороны, в письме Хэммету в 1844 г. Ван Бюрен, выражая мнение северян, заявил о том, что заведомо несправедливая война демократической державы против слабого и бедного соседа может привести к внутренним потрясениям и повредить престижу США на международной арене. Война только сыграет на руку «врагам свободы во всех частях земного шара» [10]. Подобная оценка разделялась многими северными демократами до Мексиканской войны, но, как только боевые действия начались, ситуация изменилась. Пацифистами остались лишь небольшие группы демократов в Нью-Йорке и Огайо [22]. Патриотические настроения охватили большую часть ньюйоркцев. Ванбюренисты, исходя из национальных, а не секционных интересов, поддержали правительство Полка. Эти действия вызвали критику со стороны вигов, которые считали, что не только в отношении к рабовладельческим штатам, но и в финансовой области граница между барнбернерами и ханкерами стирается: «политика Марси по строительству канала являлась политикой Райта, так же как и курс Боука был курсом Ван Бюрена» [19]. В действительности это было не так - разногласия между фракциями с каждым годом становились все более глубокими.

Левые демократы-барнбернеры поддерживали «антирентеров» или «антирентистов» (Anti-Renters) - движение мелких фермеров-арендаторов, добивавшихся от крупных землевладельцев снижения или полной отмены арендной платы [7]. Дело в том, что в восточной части штата Нью-Йорк до начала 50-х гг. XIX в. сохранялись большие земельные владения Ван Ренсселеров, взимавших с арендаторов феодальную ренту. Антирентеры нападали на чиновников, устраивали бунты, настаивая на отмене долгов по договорам аренды и своем представительстве на конституционном конвенте штата.

Длительное время губернаторами штата Нью-Йорк были консервативные демократы: У.Л. Марси в 1834-1840 гг. и У. Боук в 1840-1844 гг. Ханкеры по проблеме финансов и «внутренних улучшений» часто поддерживали вигов, а по вопросу о расширении рабства выступали за компромисс и уступки южным рабовладельцам. Полк формально находился в стороне от борьбы между двумя фракциями, но в действительности поддерживал ханкеров, возглавлявшихся Марси, так как видел в них оплот своей политики в Нью-Йорке. Доминирование нативистов в Нью-Йорке имело кратковременный характер. Рубежом стали кровавые события в Филадельфии в июле 1844 г., связанные с попытками погрома католиков. После них многие националистически настроенные демократы и виги, опасаясь подобного в родном городе, перестали поддерживать нативистское движение. На очередных губернаторских выборах в ноябре 1844 г. победил друг и преданный сторонник Ван Бюрена С. Райт, которому оказали поддержку также ханкеры. Он получил «наибольшее число голосов, поданных когда-либо в штате за одного кандидата» [14]. Интересно, что его заместителем стал родственник Тайлера Дж. Гардинер. Кандидат вигов и нативистов М. Филлмор (будущий президент США в 1850-1853 гг.) проиграл губернаторские выборы.

Основным вопросом политических дискуссий в Нью-Йорке стала финансовая политика штата. Еще с 1838 г. пришедшие на места к власти виги при поддержке консервативных демократов реализовывали дорогостоящие проекты строительства каналов и железных дорог, которые привели к значи-

тельной финансовой задолженности, поставив на грань банкротства Нью-Йорк и Пенсильванию. Нью-Йоркская администрация даже вынуждена была перейти к прямому налогообложению населения. Барнбернеры начали борьбу против политики вигов и консервативных демократов с целью добиться приостановления «общественных работ» и выплаты долга Нью-Йорка, достигшего к 1842 г. 28 миллионов долларов. Под давлением ванбюренистов в 1842 и 1845 гг. были приняты законы, благодаря которым сократилось финансирование «внутренних улучшений» и уменьшились долги штата [7].

В 1844-1846 гг. около десяти штатов были охвачены конституционной реформой. Нью-Йорк также нуждался в принятии новой конституции взамен устаревшей конституции 1821 г. [23] Движение за конституционную реформу, начавшееся весной 1843 г., возглавили радикальные демократы. Барнбернеры предлагали демократизировать избирательную процедуру, реформировать муниципальные органы власти и судебную систему, отменить в соответствии с либеральной доктриной особые привилегии частных корпораций и ввести конституционные ограничения на кредитование из бюджета штата «общественных работ» [1; 21]. Консервативные демократы для повышения популярности в штате вынуждены были поддержать предложенные барнбернерами реформы, основная часть которых была принята конституционным конвентом штата Нью-Йорк, проходившем 1 июня - 9 октября 1846 г. Новая конституция была обсуждена и принята 128 делегатами от графств, а в ноябре 1846 г. одобрена всенародным голосованием. События, связанные с принятием конституции 1846 г., были максимальной точкой политического влияния барнбернеров в нью-йоркской партийной организации. Умеренное крыло воспользовалось ростом популярности Полка среди демократов Нью-Йорка в ходе Мексиканской войны и поражением С. Райта на выборах губернатора. После 1846 г. политический вес ванбюренистов среди нью-йоркских демократов начал неуклонно снижаться.

На выборах губернатора Нью-Йорка в 1846 г. демократы делали большие ставки на С. Райта, но победил вигский кандидат Дж. Янг. Демократическая пресса сравнивала поражение Райта с неудачей Ван Бюрена в 1840 г. и видела его причину в кознях «федералистов» и «коррупцированной денежной аристократии». Демократы были вынуждены признать, что против кандидата барнбернеров вигам удалось организовать широкую коалицию консервативных сил, к которой примкнули часть ханкеров, а также аграрии и антирентисты, против которых Райт был вынужден, находясь на посту губернатора, применить репрессивные меры [15]. Несмотря на неудачу на выборах Райт обладал большим политическим авторитетом среди северных демократов и рассматривался многими как возможный претендент на выдвижение в президенты. Его преждевременная смерть в августе 1847 г. не оставила равнодушной даже Полка. Он отметил в своем дневнике, что Райт во время работы в конгрессе был его «личным другом и политическим единомышленником» [16]. После смерти Райта Ван Бюрен стал единоличным лидером барнбернеров и северных демократов.

8 августа 1846 г. демократ-конгрессмен из Пенсильвании Д. Уилмот внес поправку в президентский финансовый билль, которая предусматривала нераспространение рабства на захваченные у Мексики земли [26]. Уилмот впервые открыто и ясно выразил главный конфликт эпохи - столкновение между свободой и рабством, между индустриальным капиталистическим Севером и аграрным рабовладельческим Югом. «Условие Уилмота» активно обсуждалось в ходе дебатов в конгрессе и в дискуссиях между партиями в 1846-1848 гг. [5] Современники справедливо полагали, что «условие Уилмота» «затмило ранее волновавшие Соединенные Штаты вопросы, связанные с Национальным Банком, казначейством, тарифами, распределением доходов от продажи общественных земель, внутренними усовершенствованиями, внешней политикой». Южные плантаторы и консерваторы Севера увидели в поправке Уилмота не только смертельную угрозу для институтов Юга, но и опасность обострения отношений между двумя регионами страны до степени гражданской войны [26].

В защиту поправки Уилмота 1846 г. выступили северные организации вигской и демократической партий, в том числе и «ванбюреновские» демократы [27]. Впервые в истории США возникли предпосылки для объединения сторонников нераспространения рабства на новые территории с группами аболиционистов, выступавших за полную отмену рабовладения во всей стране. Аболиционисты выдвинули лозунг: «Спротивление рабовладению - долг каждого человека» [17].

Таким образом, Ван Бюрен и его сторонники разделяли основные положения экономической и политической программы демократов 1844 г. Коренное отличие ванбюренистов от консервативных северных демократов заключалось в том, что в середине 40-х гг. XIX в. они отказались от политики компромиссов в отношении Юга. Этому способствовала полемика по вопросу о судьбе Техаса. Элита значительно усилившегося Севера была не согласна с доминированием во властных структурах Союза южан и их сторонников.

Политическая эволюция северных демократов в середине - второй половине 40-х гг. XIX в. характеризовалась усилением радикализма и ростом протестных настроений. Они выступили от имени индустриально развитых, проводивших собственную территориальную экспансию штатов. Однако в партийном руководстве демократов установилось господство консервативных проюжных сил, которое проявилось еще в ходе Балтиморского конвента 1844 г. В нью-йоркской и других местных партийных организациях Севера во второй по-

ловине 40-х гг. XIX в. также значительно возросло влияние консервативных демократов. Перед северными радикалами встала задача объединения всех сторонников свободной земли на Западе для противодействия экспансии рабовладельцев, которая и была решена впоследствии в создании партии фрисойлеров в 1848 г.

The article is dedicated to the protest moods among American Democrats – future Freesoilers, the activity of radical members in the Democratic Party in 1844-1847 and the collision between two factions - Barnburners and Hunkers. This period was connected with the factionalism and disorder engendered by the break-up of the Second Party System. It is shown that the slave question became a main problem in political life of the United States. The struggle among Democrats was connected with the formation of the Free Soil party.

The key words: protest moods, slave question, territorial expansion of the USA, political struggle in 1844-1847, antislavery movement of Freesoilers.

Список литературы

1. *A Much-Needed Reform* // The United States Democratic Review (далее –USDR). Vol. 16. № 82. April 1845. P. 317-318
2. *Annexation* // The American Whig Review (далее – AWR). Vol. 2. № 5. November 1845. P. 454-457
3. *Blair, of the Globe* // USDR. Vol. 17. № 85-86. July-August 1845. P. 11-14.
4. *Cole D.B. Martin Van Buren and the American political system.*- Princeton (N.J.), 1984.- P. 409.
5. *Congressional Globe.* 29th congress. 1st session. P. 1214, 1217.
6. *Gov. Hammond's Defense of Southern Slavery* // New Englander and Yale review. Vol. 3. № 12. October 1845. P. 567.
7. *History of Constitutional Reform in the United States. New York* // USDR. Vol. 18. № 96. June 1846. P. 404-406.
8. *Inaugural Address of J.K. Polk. March 4, 1845* // <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/president/inaug/polk.htm#texas>
9. *Joint Resolution of the Congress of Texas. June 23, 1845* // <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/texan02.htm>
10. *Letter from Martin Van Buren to W.H. Hammet. April 20, 1844* // History of American Presidential Elections. 1789-1968 : In 4 vols. / Ed. by Schlesinger A.M., Jr. N.Y., 1971. Vol. I P. 824-825.
11. *New Territory versus No Territory* // USDR. Vol. 21. № 112. October 1847. P. 291
12. *Occupation of Mexico* // USDR. Vol. 21. № 113. November 1847. P. 381-383.
13. *Ordinance of the Convention of Texas. July 4, 1845* // <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/texan03.htm>
14. *Political Portraits with Pen and Pencil. Silas Wright, of New York* // USDR. Vol. 19. № 101. November 1846. P. 355-356.
15. *Political Statistics* // USDR. Vol. 19. № 101. November 1846. P. 414.
16. *Polk J.K. The Diary of a President, 1845-1849* / Ed. by A. Nevins. N.Y., 1968. P. 27-28, 247, 258.
17. *Resistance to Slavery every man's duty* // New Englander and Yale Review. Vol. 5. № 20. October 1847. P. 614-615.
18. *Schlesinger A.M., Jr. The Age of Jackson.* Boston, 1945. P. 397.
19. *Sherman R. Clinton and his Traducers, or Silas Wright and A.C. Flagg* // New-York Daily Tribune. 21 October. 1846
20. *The Mexican War - Its Origin and Conduct* // USDR. Vol. 20. № 106. April 1847. P. 291-293.
21. *The New-York Constitutional Convention* // USDR. Vol. 19. № 101. November 1846. P. 346-347.
22. *The Pittsburgh Convention* // AWR. Vol. 16. № 94. October 1852. P. 367-368.
23. *The Progress of Constitutional Reform in the United States* // USDR. Vol. 18. № 94. April 1846. P. 243
24. *The Results* // USDR. Vol. 19. № 102. December 1846. P. 419-422.
25. *The War with Mexico* // New Englander and Yale Review. Vol. 5. № 20. October 1847. P. 605-606, 610-612.
26. *The Wilmot Proviso* // USDR. Vol. 23. № 123. September 1848. P. 220-221.
27. *Van Buren M. Inquiry into the Origin and Course of Political Parties in the United States* (1st publ. 1867). N.Y., 1967. P. 353-355.

Об авторе

Прилуцкий В.В. – кандидат исторических наук, старший преподаватель Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru

**Артиллерийское музейно-историческое собрание
Брянского местного арсенала.**

Г.П. Поляков

Статья посвящена реконструкции состава редкого собрания музейного значения военно-артиллерийского направления XVII- первой половины XIX вв. Оно сформировалось на одном из старейших артиллерийских заводов военной промышленности России- Брянском местном арсенале, основанном в 1783 г.

Ключевые слова: *Брянск, арсенал, коллекция, пушки, мортиры, Артиллерийский исторический музей.*

Одним из важнейших направлений развития военной промышленности России XVI-XX вв. являлось производство артиллерийского вооружения. Оно было сосредоточено сначала на пушечных литейных дворах, а затем- на арсеналах. Арсенал изначально- «учреждение для хранения разного рода оружия, военных доспехов и припасов, а в более позднем и узком значении- техническое учреждение артиллерийского ведомства, где хранилось и производилось артиллерийское вооружение.» [1]. До 1808 арсеналы в Российской империи назывались литейными дворами. Затем до 1808 г. для отличия их от вновь созданных подвижных арсеналов литейные дворы (дома) стали называть местными арсеналами (в документах эти арсеналы могли называться непременноми). В результате реформ Д.А. Милютина термин «местные арсеналы» окончательно утвердился, но кроме них в стране появились подвижные и окружные арсеналы, которые не занимались производством артиллерии, а только ремонтировали ее. С конца XVIII в. в России действовали только три местных арсенала: Петербургский, Киевский и Брянский. Впрочем, юридически к местным арсеналам относился и учрежденный в 1812 г. арсенал в Казани, но в 1815 г. пожар уничтожил его основное оборудование и до закрытия в 1850 г. он представлял, по сути, маломощную мастерскую по ремонту артиллерии. В начале XX в. местные арсеналы, как наиболее мощные были отнесены к I разряду, окружные- ко II, а подвижные были упразднены [2,с. 7].

Брянский местный (он же- непременно или I разряда) арсенал является одним из старейших промышленных предприятий артиллерийского ведомства России, в 2008 г. отпраздновавший свое 225-летие [2,с. 6]. С 1785 по 1882 год Брянский арсенал изготовил сотни артиллерийских орудий и принадлежностей к ним- лафетов, станков, передков, колес, банников, приборников, пальников и т.д. Затем он сосредоточился на производстве «колес к зарядным ящикам для полевых мортирных батарей, ... колес для легких батарей, ... запасных частей к лафетам, передкам и зарядным ящикам» [2,с.70; 3] ... «парных повозок образца 1884 г, ... ящиков для укладки предметов артиллерийского имущества, относящуюся к повозкам принадлежность и запасные части, колес к лафетам и передкам» [4], подъемные механизмы [2,с.70]. С 1910 г. основной функцией Брянского арсенала стало «исправление орудий, изготовление и исправление прочей материальной части артиллерии [2,с. 78], а в годы I Мировой войны производство снарядов « по французскому образцу» [4]. Брянск был выбран для сооружения в начале 1783 г. арсенала отнюдь не случайно. Здесь в Брянской крепости на протяжении трех веков постоянно размещалась артиллерия (пищали крепостные, полковые, затинные, тюфяки и пушки)- в количестве до 95 орудий. Их обслуживали до 168 пушкарей и затинщиков, проживавших в Пушкарской слободе [2,с.8].

Согласно Указа императора Петра I от 16 сентября 1722 г. вся российская осадная артиллерия, предназначенная для взятия крепостей и состоявшая из тяжелых орудий- пушек и мортир, стрелявших навесным огнем, была разделена на три отделения. Они (впоследствии- осадные парки) были размещены в Петербурге, Осереде (позднее- г. Павловск Воронежской губернии) и в Брянске [5]. В Брянском осадном парке были сосредоточены 154 орудия (14 девятипудовых мортир, 40 бронзовых восемнадцати- и двадцати четырех- фунтовых пушек и сто чугунных мортир малого калибра). Они хранились на территории крепости « на случай войны с Турцией» и на военных речных судах доставлялись из Брянска по Десне и Днепру к Черному морю на театр военных действий. Обслуживали Брянский осадный парк, подерживая его материальную часть в боеспособном состоянии треть бомбардирской и две канонирские роты. Бомбардиры имели дело только с мортирами стрелявшими бомбами [5]. На этом крупном артиллерийском заводе в 10-50-х гг. XIX в. существовала школа военных кантонистов, где обучали младший технический персонал для военно-артиллерийских заводов «Российской Императорской артиллерии»[6].

С целью обеспечения учебного процесса в школе наглядностью, а также по примеру «Достопамятного зала» при Главном арсенале в Санкт-Петербурге командиры Брянского местного арсенала санкционировали формирование и регулярное пополнение на своем заводе собрания образцов артил-

лерийских трофеев и «достопамятных предметов», связанных с данным родом войск. Постепенно здесь формировались коллекции чертежей, образцов военной одежды и снаряжения, знамен, орденов и медалей, холодного и огнестрельного оружия и, конечно же - артиллерийских орудий и других музейных предметов. К сожалению, полноценные документальные материалы об этом собрании пока не выявлены, но имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют частично реконструировать состав этого музейного собрания в основном в третьей четверти XIX в. и, отчасти, в 1903 г.

В 1872 г. к 200-летию со дня рождения императора Петра I в Москве была открыта Политехническая выставка. Её Артиллерийский отдел оказался наиболее удачным, он воссоздал довольно полную картину истории развития артиллерии в России, что привлекло внимание широких кругов общественности к одному из организаторов выставки - Санкт-Петербургскому Артиллерийскому музею (до 1868 г. - Кронверкскому арсеналу)[7]. На выставку послали свои экспонаты все столичные и местные арсеналы России. После завершения её работы все её артиллерийские экспонаты поступили в Артиллерийский музей в г. Санкт-Петербурге. Они были зафиксированы и описаны в «Историческом каталоге С.-Петербургского артиллерийского музея», который по праву считается одним из лучших для своего времени[8]. В данном каталоге описаны и орудия, поступившие на выставку и, соответственно, в музей из собрания Брянского Арсенала.

К 1903 г. Артиллерийский музей, открывшийся как хранилище отдельных памятников артиллерии, становится научным учреждением и в Артиллерийский исторический музей (далее - АИМ - Г.П.)[7, с.7]. К этому событию было приурочено распоряжение Главного Артиллерийского управления Военного министерства Российской империи о передаче в фонды АИМ старинных орудий и прочих артиллерийских «достопамятностей». Брянский Арсенал также отправил в Санкт-Петербург небольшую коллекцию из своего музея. Все переданное Брянским Арсеналом в АИМ в 1872 и 1903 гг. было зафиксировано в «Каталоге материальной части отечественной артиллерии», изданном АИМ в 1961 г. в Ленинграде. Прежде чем воспроизвести этот перечень, который позволит отчасти восстановить музейное собрание Брянского Арсенала в 70-е гг. XIX - начале XX вв., мы приведем сведения Исторического архива АИМ. Судя по документам данного архива ещё в 1838 г. из Брянского Арсенала в Петербургский была «отпущена» коллекция моделей орудий, в Московский - в 1846-1847 гг. - коллекция знамен и штандартов [9], которые, в свою очередь, пополнили фонды АИМ.

Но вернемся к «Каталогу» 1961 г. Под №98 в нем значится бронзовый ствол 24-х фунтовой осадной пушки образца 1838 г., отлитый на Брянском Арсенале в 1843 г. пушечным мастером М. Акундиновым и поступивший в 1873 г. в Артиллерийский музей[10].

Под №103 проходит бронзовый ствол 2-х пудового единорога, отлитый во второй половине XVIII в. Диаметр канала ствола - 245 мм, длина ствола - 216 см, вес - 1662,5 кг. До 1872 г. ствол хранился на Брянском Арсенале, откуда и поступил в Артиллерийский музей[10, с. 74].

За №132 значится бронзовый ствол гривенной пушки, отлитой в 1666 г. мастером Мартьяном Осиповым. Диаметр канала ствола - 45 мм, длина - 153 см, вес - 110 кг. В середине XIX в. ствол находился в Брянском Арсенале, а в 1872 г. поступил в Артиллерийский музей[10, с. 90].

№164 - бронзовый ствол 3-х фунтовой пушки - был отлит в 1711 г. в Казани, диаметр канала ствола - 76 мм, длина - 118 см, вес - 202 кг. До 1872 г. он хранился на Брянском Арсенале[10, с. 103 - 104].

№170 - бронзовый ствол 3-х фунтовой пушки с диаметром канала в 76 мм. Длина - 141 см, а вес соответственно - 265,3 кг. Этот ствол был отлит в 1734 г. и до 1872 г. находился на Брянском Арсенале[10, с. 106].

Под №250 в «Каталоге» значится ствол 2-х пудовой мортиры, отлитой из бронзы в 1669 г. мастером Яковом Дубиной. Диаметр канала ствола - 265 мм, длина - 73 см, вес - 405,5 кг. Зарядная камера - цилиндрическая, у дульного среза - утолщение, ниже - литая надпись: «Лета 7177 году». На средней части ствола - цапфы и литая надпись: «Лил мастер Яков Дубина весу 24 пуд 30 гривенок гранат 2 пуда». Хранился до 1872 г. на Брянском Арсенале[10, с. 142].

За №251 проходит бронзовый ствол 3-х пудовой мортиры, отлитый в 1669 г. Яковом Дубиной. Диаметр канала ствола - 345 мм, длина - 97 см, вес - 827 кг. Как и предыдущие, ствол хранился до 1772 г. на Брянском Арсенале[10, с. 143].

Под №255 числится бронзовый ствол 3 $\frac{1}{4}$ пудовой мортиры, отлитой в 1698 г. мастером Логином Жихаревым. Диаметр канала - 300 мм, длина - 97 см, вес - 78,7 кг. На дульной части - литой растительный орнамент с надписью «№1 48 пуд 1 ф», а ниже - литая надпись: «Лета 7206 году». На казенной части - литая надпись в квадратной рамке: «Лил мастер Логин Жихарев». Поступил в 1872 г. в Артиллерийский музей из Брянского Арсенала.

За №256 в «Каталоге» обозначен бронзовый ствол 3-х пудовой мортиры, отлитый в 1698 г. в г. Глухове мастером Карпом Иосифовичем. Диаметр канала - 330 мм, длина - 97 см, вес ствола - 865,7 кг. На дульной части, украшенной литым растительным орнаментом, надпись: «В царство присветлейшего и великодержавнейшего Государя, Царя и Великого князя Петра Алексеевича всея Великия

и Малыя и Белья России самодержца старанием же и коштомъ ясневельможного его милости пана Иоанна Мазепы гетмана войскомъ Запорожскимъ». На казенной части литой растительный орнамент и надпись: «Лил сей можгер Карп Иосифович людвисар Глуховский. Року 1698». Поступил в Артиллерийский музей в 1872 г. из Брянского Арсенала [10, с. 144 – 145].

Под №261 обозначен передок полевой батарейный, изготовленный на Брянском Арсенале в первой половине XIX в, деревянный, дышловый. На дышле выбито: «БР.А.Р.» Передок на деревянной оси и двух деревянных колесах с железной ошиновкой, его короб расположен впереди оси, а крышка короба плоская и окована железом. Передок окрашен в зеленый цвет [10, с.147].

№282 - ствол 1 фунтовой бронзовой пушки, отлитой в 1757 г. Диаметр канала - 54 мм, длина ствола - 92 см, вес - 83,2 кг. Орудие находилось на вооружении 50-ти пушечного фрегата «Святой Андрей Первозванный», принимавшего участие под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова в сражениях против турецкого флота в 1788-91 гг. В 1852 г. ствол хранился на Брянском Арсенале, затем экспонировался на Политехнической выставке в Москве в 1872 г., откуда был передан Артиллерийскому музею [10, с. 157].

Последний брянский экспонат, переданный в 1872 г. в «Каталоге», упомянут под №319. Это бронзовый ствол $\frac{3}{4}$ фунтовой пушки, отлитый в 1737 г. в Сибири. Диаметр канала - 37 мм, длина - 110 см, вес - 60 кг. Орудие, очевидно, предназначалось для защиты одного из заводов Демидовых. К 1852 г. ствол хранился в Брянском Арсенале, откуда в 1872 г. и поступил в Артиллерийский музей [10, с. 173].

В 1903 г. из «Музея военной старины» Брянского Арсенала в АИМ поступили:

1. №97 по «Каталогу» - ствол 24-х фунтовой пушки, отлитой из бронзы в 1788 г. Диаметр канала - 152 мм, длина 318 см, вес - 2163 кг. С 1852 г. ствол хранился на Брянском Арсенале [10, с.71].

2. №112 - ствол 4 $\frac{1}{2}$ пудовой мортиры, отлитой из бронзы в первой половине XVIII в. Диаметр канала - 318 мм, длина 112 см, вес - 1037,8 кг. До 1903 г. хранился на Брянском Арсенале [10, с. 80].

3. №184 - ствол 3-х фунтовой пушки, отлитой из бронзы в 1788 г. в г. Санкт-Петербурге. Диаметр канала - 76 мм, длина 143 см, вес - 240 кг. В 1852 г. ствол хранился на Брянском Арсенале, а в 1903 г. поступил в АИМ [10, с.111].

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют утверждать, что на Брянском Арсенале не позднее 1838 г. уже сложилось военно-артиллерийское историческое собрание предметов музейного масштаба. Здесь хранились стволы и модели орудий, знамена и штандарты. Девять раритетных стволов орудий и мортир 1666-1757 гг. и полевой батарейный передок первой половины XIX в. в 1872 г. отсюда были переданы на Политехническую выставку и в Артиллерийский музей. К 1903 г. это собрание было преобразовано в «Музей военной старины», откуда в АИМ были переданы ещё три орудийных ствола, изготовленных в XVIII в.

По всей видимости, ассортимент экспонатов данного музея отнюдь не исчерпывался вышеперечисленными памятниками материальной культуры. Вне сомнения, здесь хранился целый военно-исторический комплекс, включавший как холодное, так и огнестрельное ручное оружие, бывшее на вооружении русских артиллеристов, а также образцы военной формы и награды. По-видимому, орудия хранились под открытым небом на территории заводского двора у Литейного дома, а прочие экспонаты - на третьем этаже этого здания, в трех покоях, где проходили обучение кантонисты [11]. Дальнейшая история «Музея военной старины» Орловского отдела Русского военно-исторического общества нам не известна.

The article is devoted to the reconstruction of the composition of the rare collection of the museum significance of the military-artillery direction of the XVII – the first part of XIX century. It was formed at one of the oldest artillery plants of Russian military industry – the Bryansk local arsenal, which was founded in 1783.

The key words: *Bryansk, arsenal, collection, guns, mortars, artillery, a historical museum.*

Список литературы

1. *Российская музейная энциклопедия.* Т.1. М., 2001. С. 34.
2. *Бобков В.А., Поляков Г.П.* Брянский арсенал (1783-2008 гг.): исторические очерки. Брянск, 2008. 116 с
3. *Государственный архив Брянской области* (далее – ГАБО). Ф. 221. Оп. 2. Д. 42. Лл. 11-11 об.
4. *Высочанский С.* Наша семья. Ее прошлое // Мир Паустовского. № 15-16. 2000. С. 15.
5. *Барбасов А.П.* Оформление артиллерии как рода войск русской регулярной – 1-ая четверть XVIII в. // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. 4. Л. 1959. С. 106.
6. *Бобков В.А.* Кантонисты арсеналов Военного ведомства России (по материалам Брянского арсенала) // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья БГУ). Вып. 2-3. Брянск, 2006. С.76-82.
7. *Боевые реликвии. Путеводитель по залам Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.* М., 1983. С. 6.

8. Заборский В.Н. Опыт разработки каталогов на фонды Артиллерийского исторического музея. Вып. III. Л., 1958. С. 382; Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. СПб. Т.1, 1877; т.2. 1883; Ч.3. 1889.
9. Путеводитель по историческому архиву Артиллерийского исторического музея. Л., 1957. С. 43.
10. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 71.
11. ГАБО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 116. Л. 131 об.
12. Исторический архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 11.

Об авторе

Поляков Г.П. - кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, sweet.er@mail.ru

УДК – 943.083

ГОНЕНИЯ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И НАЦИОНАЛ-ЛИБЕРАЛЫ: 1878 ГОД

Ю.Н. Устинова

Обострение социально-экономических проблем Германии позволило социал-демократам заметно активизировать свою деятельность. Ответной реакцией властей на беспорядки стало предложение репрессивных мер – «исключительного закона против социалистов». В статье речь идёт о взглядах национал-либералов по этому животрепещущему вопросу. Им не удалось выработать единой позиции, что углубило раскол в партии, поставив под сомнение её влияние в рейхстаге.

Ключевые слова: социал-демократия, национал-либеральная партия, исключительный закон, социальное законодательство, диктатура

Социальное законодательство в Германской империи появилось благодаря распространению на территорию нового государства действия законов Северогерманского союза. Этим долгое время и ограничивалось реформирование в данной области. Постепенно образовывалась законодательная брешь. Национал-либералы, которые с 1871 г. удерживали большинство парламентских мандатов, выступая с требованием предоставить отдельной личности как можно больше свободы для самоопределения, твёрдо заявляли, что возникающие социальные проблемы общество может решить самостоятельно, без вмешательства государства, посредством принципа естественного отбора. Развернувшаяся после образования империи гонка за приумножение материального благосостояния ещё больше осложнила социальные отношения. Экономический спад 1873 г. ухудшил положение. Рабочий день сократился до 4-5 дней в неделю с выплатой зарплаты на 2/3 [10, s. 154]. Покупательная способность стремительно падала. По причине банкротства предприятий пополнялась армия безработных. Росло возмущение рабочих. Массовая нищета, беспощадная эксплуатация на фабриках женщин и детей, детство которых проходило здесь же, укрепляли оппозиционный дух подрастающего поколения. В таких условиях было трудно не разбудить недовольство и надежду на изменения существующего положения вещей.

Причина нарастания в стране революционных настроений заключалась в том, что законодательство последних лет не уделяло должного внимания благосостоянию рабочих, интересы которых вызвалась представлять социал-демократическая рабочая партия Германии. Простой и понятный лозунг социал-демократического движения – «Хлеба и свободы!» - способствовал стремительному пополнению рядов партии. «Яд их учений распространяется всё шире...» [2]. Находясь в оппозиции к проводимой правительством политике, держа в напряжении государство и массы, социалисты через общественную агитацию и посредством беспорядков демонстрировали своё несогласие с действующими законами. Они ставили своей задачей подрыв существующих порядков, что не способствовало сплочению государства, поэтому рассматривались правительством как «враги империи». События, произошедшие в стране в мае – июне 1878 г. послужили сигналом к тому, чтобы «правительство прекратило сидеть сложа руки и взяло на себя ответственность за спокойствие и безопасность в Отечестве» [9, s. 1495].

11 мая было совершено покушение на кайзера империи Вильгельма I. Теперь у канцлера были развязаны руки в борьбе против «красной угрозы». Остудить активность социалистов предполагалось посредством создания либо специального, либо социального законодательства. Но к осознанию неизбежности принятия последнего империя вернётся лишь в середине 80-х гг. XIX в. А пока правительство предпочло наиболее про-

стой путь разработки специальных актов, не затрагивавших основ действующего общеимперского законодательства. Чтобы предотвратить беспорядки, руководство империи задумало ряд репрессивных мер.

23 мая 1878 г. в рейхстаге началась бурная деятельность по обсуждению одобренного союзным советом законопроекта об общественно опасных устремлениях социал-демократии. Уже в первых репликах выступления президента канцелярии Гофманна, озвучившего мнение правительства, чувствовался агрессивный характер будущего законодательства. Решительную позицию докладчика поддержал видный национал-либерал, признанный историк Г. Трейчке, назвавший партию «сектой», что использовала в своих учениях евангелие зависти и ненависти, а социал-демократов - защитниками грубых неотёсанных масс, стремящихся кровавым путём и посредством разрушений прийти к цели [11, s. 4].

Предлагаемый закон запрещал деятельность всех союзов, обществ, собраний и печатных изданий социал-демократического, социалистического или коммунистического направления, имевших целью подрыв существующего государственного или общественного порядка. В случае его нарушения первыми были призваны реагировать контролирующие органы, получившие право роспуска или закрытия указанных организаций. Единственным средством борьбы против действий вершившей репрессии полиции предусматривалась подача жалоб в союзный совет. Члены обществ социалистического толка или им сочувствовавшие подвергались штрафу либо тюремному заключению [10, s. 109-114]. В своём стремлении сокрушить социал-демократию силовыми методами правительство фактически передавало внутреннее управление в государстве в руки полиции. Сроки действия закона не были прописаны.

Поскольку только принудительными мерами невозможно противостоять беспорядкам и надеясь на то, что примирение конфессий позволит сосредоточиться на указанной проблеме, Гофманн предложил сделать ставку на «возрождение» нравственных церковных постулатов, так как «самый глубокий вред, который социал-демократия причиняет народу, приходится на религиозную область» [9, s. 1496]. Учение католической церкви должно было освободить общество от социалистических идей, ставших для многих своеобразной религией. Заявление повергло депутатов в шок, ибо тем самым правительство признало ошибочность проводимой в начале 70-х гг. XIX в. политики «борьбы за культуру». Католическая церковь и клерикалы становились опорой власти против действий социал-демократии, выступая в роли «нравственного противоядия» [9, s. 1501]. Заявляя о неминуемом ужесточении некоторых действующих законов, докладчик не решился призвать к немедленному одобрению обозначенных мер. Выступив инициатором законопроекта, правительство оградило себя от упреков в недостаточном усердии и безынициативности со стороны различных политических и общественных кругов, переложив ответственность за опасную активность социалистов на парламент.

В рейхстаге позицию национал-либеральной фракции представил лидер партии, талантливый политический деятель Р. Беннигсен, обосновав её следующими положениями. Во-первых, депутат высказал опасение, что согласно рассматриваемому проекту возможно превышение властных полномочий со стороны полиции в ответ на социалистические беспорядки [9, s. 1532]. Главную причину появления нового движения члены партии видели во введении всеобщего избирательного права [10, s. 29], на непрременном изменении которого настаивал Трейчке. Суть его предложения состояла в увеличении законодательного срока полномочий рейхстага и установлении возрастного ценза для активного избирателя, что давало возможность исключить «духовно несамостоятельный элемент населения от избирательной урны» [11, s. 7-8].

Во-вторых, причиной социального «терроризма» [9, s. 1513], по мнению национал-либералов, являлся недостаточный авторитет государства в обществе и тех учреждений, которым предстояло выполнять намеченные акции. Искренне поддержав правительство о прекращении прежней религиозной политики с её «всеразрушающим» [9, s. 1508] действием, парламентарии намеревались теснее соединить задачи государства и церкви на благо Отечества. Цель данного законопроекта совпадала с целью закона против иезуитов 1872 г., представлявшим также крайнюю, исключительную меру. Указанный антиклерикальный закон национал-либералы одобрили без долгих колебаний: мнение фракции большинства, удивительным образом, совпало с мнением правительства. Осознав его негативное значение, они не могли одновременно согласиться на проведение новых исключительных мероприятий.

В-третьих, политик считал недопустимым предоставить разбор жалоб союзному совету, так как процесс урегулирования споров должен принадлежать компетенции судов. Беннигсен желал поставить под контроль парламента деятельность верхней палаты посредством изданной им инструкции.

В выступлении отразилось желание увидеть в законопроекте скрытый смысл, партию более волновали связанные с ним возможные «подводные» политические течения. Решительное сопротивление со стороны национал-либералов введению протекционизма, участвовавшее требование о создании института ответственных министров, отказ Беннигсена возглавить министерство больно сказывались на самолюбии канцлера, который, вероятно, только ожидал момента уязвить и ослабить партию, чтобы продолжить реализацию задуманного. Для фракции, обладавшей большинством мандатов

в парламенте и обязанной учитывать мнения всех политических сил, ситуация напоминала замкнутый круг: одобрение закона или его провал могли спровоцировать активные действия со стороны социалистов. Но в первом случае это означало её отказ от либеральных принципов, пренебрежение гражданскими правами личности, а в последнем - потерю доверия и немилость со стороны Бисмарка.

Национал-либералы выдвинули ряд поправок, которые, однако, не меняли сущности проекта [9, s. 1526-1527]. Доктор Гнейст предложил продлить действие законопроекта до следующей сессии, тем самым одобряя временную диктатуру в империи. Отвергая насильственные меры, парламентарии единодушно требовали убрать из закона уголовные наказания. Это придавало ему предупредительный, профилактический, а не уголовный характер.

Принципиальным противником предложения правительства выступил блестящий полемист, сторонник радикальных взглядов в партии Э. Ласкер. Существенное отличие позиции политика от взглядов Беннигсена заключалось в отрицании в категорической форме вводимой диктатуры, так как с принятием законопроекта о создании правового государства и «либерального эдема» в империи можно было забыть. «Суть правового государства истощается не в строгих формах, восходящих к штрафам, конфискациям и судебным приговорам; правовое государство должно стремиться к созиданию, сохраняя стабильность даже при угрожающем положении...» [10, s. 355].

Для Ласкера, с одной стороны, статьи закона выглядели «драконовскими», крайне жестокими; с другой стороны, их непродуманные и составленные в спешке положения исключали возможность его исполнения, не соответствовали нормам права [9, s. 1540]. Депутат подверг основательной критике запрет для печати определённой партии, указав на необходимость издавать универсальные законы, затрагивавшие все слои населения, а не классовые [6, s. 23], направленные против отдельных общественных групп. Для занимавших более решительную позицию членов партии являлось недопустимым использование законодательных актов в политических целях: из-за эластичности формулировок под негодную категорию могли попасть, например, представители национальных меньшинств.

После трёх дней бурных прений в рейхстаге генеральные дебаты решили отложить до следующей сессии, отодвинув их до сентября-октября. Казалось, политическое напряжение спало. Но 2 июня произошло второе покушение на кайзера. Немецкая социал-демократическая пресса отмечала, что «...не стоит этот поступок рассматривать как низость отдельного человека, ...это счёт за существующий порядок общественного устройства» [9, s. 1520], который уже семь лет создавали национал-либералы. Представлявшая мнение правительства дисциплинированная официозная пресса всю вину за события этого дня возложила на царивший в рейхстаге дух фракции парламентского большинства, её доктринёрство [9, s. 1521] – нежелание пересмотреть идейные принципы исходя из реальных обстоятельств, так как именно отказ нижней палаты принять проект в мае активизировал деятельность социалистов. Так, правительственные силы упрекали партию в неуступчивости, нерешительности, слепом следовании теориям либерализма; общественные круги критиковали её за действовавшую систему законодательства, из которого выпала социальная сфера, оставив вне закона гарантии и свободы личности, гражданина. Для Бисмарка единственно верным способом добиться сговорчивости рейхстага был его роспуск, что и произошло в июне 1878 г. Эта мера преследовала целью прозондировать настроения в обществе, а главное избрать парламент, готовый одобрить задуманный правительством исключительный закон.

Предвыборная кампания партии представляла «борьбу во тьме» [8]: против кого она выступала? Был ли это Бисмарк, которому её неуступчивость препятствовала в осуществлении планов; или коллеги по рейхстагу? Но больше всего единству национал-либералов угрожали внутрипартийные разногласия. В середине 70-х гг. принятие общего решения осложнялось появлением противоборствующих течений. В спорных с прогрессистами и консерваторами округах национал-либералы не теряли надежды на победу, поскольку часть более решительных членов занимала позицию близкую к прогрессистам, а умеренное, лояльно относившееся в грядущим переменам крыло, тянулось к консервативным кругам. Постепенно нараставшие противоречия стали комментировать в иностранной прессе. Здесь утверждали, что в партии всегда существовали и до сих пор существуют два направления: одно, представителем которого был Ласкер, считало главной задачей следование идеям либерализма, другое же – ставило выше всего практическую политику. Выразителями интересов последнего являлись Трейчке и Гнейст [1, с. 771].

15 июня 1878 г. состоялось собрание национал-либеральной партии, посвящённое разработке предвыборных лозунгов. Одним из ключевых вопросов повестки дня стало отношение в партии к рассматриваемому закону. Мнения участников встречи разделились. Ласкеру его не позволяло одобрить очевидное ущемление гражданских свобод и угроза становления государства на путь диктатуры. Трейчке и Гнейст, взгляды которых представил в рейхстаге Беннигсен, были готовы поступиться вышеуказанными положениями. В результате многочасовых переговоров выработали приемлемое для противоположных сторон решение: требовать от правительства гарантии исполнения закона [9, s. 197]. Избирательную программу нацио-

нал-либералов, обнародованную 16 июня, немецкие газеты назвали более чем «спокойной» [8]. Она не содержала принципиально новых положений. В деле законотворчества партия продолжала придерживаться свободного регулирования отношений. Это правило распространялось и на социальную сферу, так как указанный закон, как отмечалось в программе, не мог претендовать на полное исцеление общества от социальной болезни. Но, тем не менее, партия выразила готовность по первой просьбе предоставить правительству самые широкие полномочия, желая продолжить с ним сотрудничество [12, s. 201-203].

Итоги выборов показали существенное сокращение влияния национал-либералов и спад их популярности у народа. «Правительство может признать себя торжествующим над своими вчерашними друзьями и нынешними противниками – национал-либералами» [3]. Теперь новый рейхстаг мог одобрить закон либо при помощи коалиции их и консерваторов, либо союза консерваторов и клерикалов. Исход кампании поставил под сомнение целесообразность, практичность действующего законодательства.

Парламентские прения возобновились 16 сентября. Политические страсти кипели в полную силу. Настроение в рейхстаге не изменилось: из уст депутатов лилась безжалостная критика, постоянно указывая на изъяны в законе. Тогда 17 сентября состоялась «закулисная» беседа канцлера с Беннигсеном о поведении национал-либералов, где Бисмарк намекнул о возможном повторном роспуске рейхстага [4]. Дабы избежать парламентского кризиса и сохранить авторитет в рейхстаге в начале октября, до генеральных дебатов, состоялось очередное обсуждение закона внутри фракции [7]. На основе хрупкого согласия было решено вотировать проект.

Оппозиция засыпала национал-либералов упреками, что согласившись на предложение правительства, они перечеркнули свое прошлое, настоящее и будущее. «Если национал-либеральная партия предпримет попытку сохранить своё влияние в парламенте, соревнуясь за любовь имперского канцлера с консерваторами, то она это сделает. Эта борьба напоминает соперничество двух дам за благосклонность господина, которые, чтобы понравиться, пускают в ход все возможные средства, и господин выбирает ту, которая моложе...» [10, s. 122]. С момента образования империи изменились экономические и внешнеполитические условия развития государства, а национал-либералы, уповая на политические успехи и свою популярность, это проигнорировали. Свободная консервативная партия, образовавшаяся накануне парламентских выборов 1877 г., уже выглядела достойным соперником. Её предвыборная программа была составлена с учётом реальных обстоятельств; консерваторы старались предугадать веяния грядущих перемен. Предложения были понятны и главное – актуальны, в отличие от национал-либеральных, обещания которых уже 10 лет оставались неизменными. Если в начале 70-х гг. фракция парламентского большинства защищала свободу индивидуума от произвола полиции, то теперь, по мнению консерваторов, её целью должна стать защита государства против злоупотреблений этой свободой [10, s. 133].

Учитывая нараставшее напряжение в рейхстаге, в конце дебатов было озвучено официальное мнение правительства. Речь произнёс сам Бисмарк [10, s. 129]. Не лавируя, не заискивая перед партиями, он озвучил своё пожелание: оказать поддержку тем силам, которые пойдут с ним бок о бок в достижении определённых практических целей. Торжественно обещая лояльно исполнять закон, «железный канцлер» выразил надежду, что удастся заручиться согласием национал-либеральной и консервативных фракций, от которых он ожидал его принятия.

Выполнив желание Бисмарка, парламентарии обеспечили необходимое большинство, тем самым приняв крайнюю временную меру, отказавшись от целенаправленного реформирования законодательства. перевес составил 72 голоса [10, s. 387]. Без существенных поправок закон против общественно опасных устремлений социал-демократии вступил в силу 21 октября 1878 г. со сроком действия на 2,5 года. Трейчке вспоминал, что после завершения дебатов и итогового голосования «глухое, безнадежное согласие наблюдалось в рейхстаге; вообще говорили о моральном разложении нашей внутренней политики» [11, s. 10].

Политический союз национал-либералов и канцлера, действовавший около 10 лет на благо Отечества, не выдержал проверки на прочность. Вновь поддержав правительство, партия доказала, что искренне хочет с ним сотрудничать и отказывается от положения оппозиции, проявляя склонность к консерватизму. Это решение подписало приговор внутрипартийному единству. Главная причина появления разногласий заключалась в различном восприятии реальности её членами. Сторонники позиции Ласкера желали строго следовать постулатам либерализма в достижении поставленной цели, не придавая должного значения изменению внешних обстоятельств. Поддержавшие взгляды Беннигсена и Трейчке, напротив, стремились подстроиться под эти условия. И каждое течение считало свою позицию верной, что порождало новые споры. Итоги выборов 1878 г. показали, что дальнейшее развитие внутривнутриполитических отношений на основе их свободного регулирования являлось нецелесообразным. А вотирование закона против социалистов поставило точку в прогрессивном развитии имперского законодательства, ознаменовав возврат к свойственному Германии XIX в. консерватизму.

The worsening of the social-economic problems of Germany allowed the Social Democrats to substantially increase their activities. The responsive reaction of the authorities to the riots was the proposal of retaliatory measures – “the exceptional Anti-Socialists law”. The article is about the views of the national-liberals on this vital issue. They failed to develop a unified position and it deepened the split in the party, calling in question their influence in the Reichstag.

The key words: *Social-Democracy, the National Liberal Party, an exceptional law, social law, dictatorship*

Список литературы

1. *Корреспонденция из Берлина* // Вестник Европы. 1878. Кн. 8. 883 с.
2. *Московские ведомости*. 1878. Май 7.
3. *Московские ведомости*. 1878. Июль 26.
4. *Московские ведомости*. 1878. Сентябрь 17.
5. *Bähr O. an Ötker F., 15.06.1878* // Im Neuen Reich 1871-1890: Eine politische Briefe aus dem Nachlaß liberaler Parteiführer. Bd. II. Deutscher Liberalismus im Zeitalter Bismarcks. Osnabrück: Biblio-Verlag, 1970. 511 s.
6. *Lasker E. Gegen das Sozialistengesetz*. München: Buchhandlung National-Verein, 1878. 38 s.
7. *Nationalzeitung*. 1878. Oktober 4.
8. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. 1878. Juni 23.
9. *Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags*. Bd. 52. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der „Norddeutschen Allgemeinen Zeitung“, 1878. 1793 s.
10. *Stenographische Berichte über Verhandlungen des Reichstags*. Bd. 55. Berlin: Verlag der Buchdruckerei der „Norddeutschen Allgemeinen Zeitung“, 1879. 424 s.
11. *Treitschke H. Der Sozialismus und der Meuchelmord*. Berlin: Druck und Verlag von G. Reimer, 1878. 13 s.
12. *Wahlaufruf der Nationalliberalen Partei* // Im Neuen Reich 1871-1890: Eine politische Briefe aus dem Nachlaß liberaler Parteiführer. Bd. II. Deutscher Liberalismus im Zeitalter Bismarcks. Osnabrück: Biblio-Verlag, 1970. 511 s.

Об авторе

Устинова Ю.Н. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru

УДК – 947 (471.333)

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ НА БРЯНСКОМ РЫНКЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА

Д.Е. Цырульников

В статье рассматривается формирование Брянского рынка в последней четверти XVII века не только как российского, но и международного. На основании исторических источников XVII века доказывается, что именно «служилые люди» составили основной источник пополнения посадской общины города.

Ключевые слова: *торговые связи, посадские общины, ассортимент товаров, служилое население, центр торгового обмена, центр международной торговли.*

Некоторая стабилизация обстановки в юго-западных районах благотворно сказывалась на развитии торговых связей, особенно с соседними Украиной и Литвой (Белоруссией – Д.Ц.). Русское правительство не препятствовало развитию хозяйственных связей. Для развития торговли в пограничных городах строились гостиные двory, где собиралась пошлина с «литовских» людей, «которые учнут... из литовских городов во Брянск приезжать для торговли со всякими товары, опричь заповедных товаров, ставитца и торговать во Брянске на гостином дворе»[1, с. 153-154]. Такая политика способствовала интегрированию края, а через него и украинского рынка во всероссийский. По данным книги Московской таможни за 1693–1694 гг. большая часть товаров, доставленных из Украины в Москву, приходилась на Севскую таможню и Свенскую ярмарку. Кроме того, товары шли через Путивль и Брянск. Посредническая роль городов края в торговле России с Украиной сохранилась и в первой четверти XVIII в., что способствовало развитию торговли в самих городах края.

Ведущая роль торговли в экономике города обуславливалась различными факторами. Наиболее существенными были географическое положение (близость к обширному украинскому рынку) и наличие в городе одной из крупнейших ярмарок России – Свенской, которая еще в первой половине XVII в. являлась крупным торговым центром, куда съезжались торговцы из различных городов России и из-за границы. Свое значение ярмарка сохраняла и в первой четверти XVIII в. Особенно велика была ее роль в развитии и укреплении экономических связей с Украиной. Кроме того, города края были связаны с Украиной удобным водным путем – Десной.

Русское правительство делало все возможное для того, чтобы усилить торговые связи с обширным малороссийским рынком, что позволяло увеличить пошленные сборы. Именно это заставило правительство, построить в 1620 г. в Брянске гостиный двор. В указе царя отмечалось: «велено литовским людям, которые учнут ... из литовских городов во Брянск приезжать для торговли со всякими товары, oprичь заповедных товаров, ставитца и торговать во Брянске на гостине дворе» [1]. В последующее время постоянно возобновлялись постройки гостиного двора, Так, в 1635 г. брянский воевода И.Хилков просил разрешения царя на постройку новых изб и сараев в связи с негодностью старых. Восстановление гостиного двора свидетельствует, что Брянск даже в условиях, когда он нередко подвергался нападениям со стороны поляков и татар, притягивал купцов различных городов России, Украины и Белоруссии. Естественно, что беспокойная обстановка сдерживала развитие торговых связей. Например, уже в 1669г. с 5 февраля по 18 января «проезду торговых людей не было и сбору собирать было не с кого из-за осады города войсками татар и Черкасс»[2,с.349]. Развитию торговли мешали и многие другие препятствия, в том числе и корыстный интерес административных лиц. Удаленные от центрального правительства местные органы власти использовали свои полномочия для собственной наживы, мало считаясь с царскими указами. Так, в 1670 г. кашаевец Г.Шустов обращался к правительству с жалобой на брянских, орловских, болховских и других южных городов таможенных голов и целовальников, которые «правят сверх.. государеву указу... и нового таможенного уставу», взимая лишние пошлины[3]. Грозное предупреждение царского указа «лишних пошлин не иметь» не привело к упорядочению дел. В Москву продолжали поступать жалобы на действия местных властей, о чем свидетельствует указ 1683 г., появившийся на свет по жалобе «московских и разных торговых людей», жаловавшихся на севских, брянских, трубчевских, карачевских и путивльских таможенных голов, которые «емлют неволею неведомо какую проезжую пошлину... и вместо денег емлют солью и товарами»[4]. С жалобами на брянских таможенных голов обращались к царю купцы малороссийских городов [5].

Однако эти бытовые препятствия не слишком влияли на объективные процессы роста торговых связей городов. Особенно усилилась торговая функция города во второй половине XVII в., когда Брянск перестал быть приграничным городом и превратился в центр по продаже скота, хлеба, пеньки и конопляного масла.

Отсутствие в Брянске на протяжении первой половины XVII в. постоянной посадской общины предопределило преобладание служилых людей в торговле не только на городском рынке, но и в отъезжей торговле. Еще дореволюционные историки, касавшиеся истории города, указывали на важную роль этой категории населения в торговле Брянска. Наиболее отчетливо эту мысль выразил Е.Сташевский. Исходя из распределения пятинного оклада, он отмечал, что «торги и промыслы сосредоточены в руках не только посадских людей, но, главным образом, служилых людей прибору. В Брянске общий оклад в 1882 рубля был выплачен служилыми людьми (1527 р.) и крестьянами подгородных посопных слобод (354 р. 20 а.)» [6, с. 107]. А вот на долю посадских людей не приходилось ни одного рубля. На основании этого исследователь приходит к выводу об отсутствии в городе посадского населения. Однако нужно учитывать, что пятая деньга собиралась исключительно с торговых людей, имевших не менее 10 рублей годового дохода, а также гостей. Вполне возможно, что годовые доходы жителей брянского посада не достигали указанной суммы. Постоянные разорения ослабляли экономическую мощь посада, и платежеспособность посадского населения была ничтожна. Во всяком случае, посадское население если и присутствовало в городе, то оно не играло заметной роли в экономике Брянска.

Ведущую роль служилого населения в торговле отчетливо характеризуют таможенные записи. Значение таможенных книг для изучения торговли трудно переоценить, к сожалению, по Брянску сохранилось незначительное количество этого ценного материала. Нами были исследованы таможенные книги за 1671, 1677, 1678 и 1678/79 годы: изученные материалы дают широкую картину торговли как брянских, так и иногородних купцов.

Таблица № 1

Явки купцов на брянском рынке в 70-е годы XVII в.

	брянские					иногородние				
	служ. люди	крест.	пос. люди	дух.	гуляющ. люди	пос. люди	крест.	служ. люди	неизв.	всего
1671	95	35	17	4	-	30	6	21	-	208
1677	122	49	11	-	-	37	33	22	-	274
1678	60	18	11	-	4	48	11	5	1	158
1678/79	118	57	10	-	-	48	32	-	-	265
Итого	395	159	49	4	4	163	82	48	1	905

Таблица составлено по: РГАДА. Ф.210. Книги Денежного стола. Кн.180 Л.6-106 об; кн.206. Л.32-142, 153 об.-207 об.; кн. 349. Л.755-974.

Анализ явок торговцев на Брянском рынке в 70-е годы показывает, что подавляющее число торговых сделок (69%) приходилось на долю местных купцов. Среди брянских торговых людей главная роль принадлежала служилому населению (64,6%) из общего числа явок, приходящихся на брянских купцов. Значительным было участие крестьян подгородных слобод (26%). На долю же посадского населения приходилось всего 8% сделок, что подтверждают мысль об экономической слабости посада, как в количественном, так и в качествен-

ном отношениях. На их долю приходилось в 8 раз явок меньше, чем на долю служилого населения.

Значительно активнее на брянском рынке были посадские люди из других городов (18% из общего числа явок), крестьян (8%) и служилого населения (5%). Среди иногородних посадских людей выделялись операции калужан. На их долю приходились, практически, все поставки соли на брянский рынок в рассматриваемое время. За эти годы они поставили – около 16 тыс. пудов соли [7]. Менее активной была розничная торговля калужан: в 1677 и 1678 гг. только Т.Фалеев дважды привез в Брянск шелк, перец и бочку квасцов. Однажды была зарегистрирована явка на 2 бочки сельди [8].

Постоянными посетителями брянского рынка были посадские люди Болхова, Погара, Кром, Орла, Смоленска, Карачева, Рославля, Стародуба, Вереи, Почепа, Боровска, Москвы. Приезжали посадские из Белева, Коломны, Могилева, Тулы, Мценска и Новгорода, Углича. Предметами их торговли были самые разнообразные товары. Из Погара, Почепа везли деготь, вино, из Болхова – рыбу, из Новгорода и Тулы – металл и металлические изделия.

Однако большая масса купцов ехала в Брянск с наличными деньгами для закупки нужных товаров. Суммы явленных денег были довольно значительными. Надо учитывать то, что торговец, намереваясь закупить какой-либо товар, стремился приобрести его как можно в большем количестве, иначе сделка не окупалась и могла принести только убыток. Основными предметами закупки были пенька, конопляное масло, воск, рогожи и скот. Например, рославльский мещанин М.Максимов на 200 рублей, явленных в 1677 г., закупил в Брянске крупную партию пеньки [9]. Естественно, закупка пеньки на небольшую сумму была бы невыгодной.

Кроме иногородних посадских людей, в Брянске торговали крестьяне Брянского, Севского, Карачевского, Кромского, Мценского, Орловского и других уездов. Они являлись основными поставщиками зерна на брянский рынок. Такое положение не было случайным. Советский исследователь В.М.Важинский, на основании изучения хлебной торговли на юге России во второй половине XVII в., пришел к выводу о том, что в это время Брянск стал важнейшим пунктом хлебной торговли в районе верхнего течения Десны. Из Брянска зерно расходилось в различные уезды Московского государства и на Украину [10]. Среди приезжих служилых людей можно выделить приборных людей Карачева и драгун Комарицкой волости Севского уезда, поставлявших основную массу хлеба на брянский рынок.

Важной характеристикой рынка является ассортимент товаров. Анализ ассортимента товаров позволит установить частоту того или иного типа товаров, свидетельствующую о «популярности» определенного вида товаров, значении отдельных групп товаров в товарообороте и массе товаров, обрабатывавшихся на городском рынке.

Таблица № 2

Ассортимент товаров на брянском рынке в 70-е годы XVII в.

Год	Животн.	Охоты и рыболовства	Землед. растит.	Минер. металл	Мануф. москат.	Садов. огород.	Лесн.	Пред. роскоши	Итого
1671	84	43	47	29	2	3	-	1	209
1677	102	82	71	23	2	-	2	-	282
1678	60	47	39	10	5	1	3	4	169
1678/79	102	78	68	10	-	1	1	-	260
Итого	348	250	225	72	9	5	6	5	920

Таблица составлена по: РГАДА. Ф.210. Книги Денежного стола. Кн.180. Л.6-106 об; Кн.206. Л.32-142, 153 об.-207 об.; Кн. 349. Л.755-974. В таблицу не включены 57 явок наличных денег и 1 явка неизвестна.

Данные таблицы показывают, что основная роль на брянском рынке в 70-х годах XVII в. принадлежала продуктам животноводства, охоты и рыболовства, товарам земледельческого характера. Значительно меньшую роль играли минерально-металлические, мануфактурно-москательные, лесные, садово-огородные и предметы роскоши.

Если говорить о наиболее распространенных товарах брянского рынка, то следует назвать среди продуктов животноводства – скот (303 – здесь и далее в скобках дано количество явок на тот или иной товар в 70-е годы XVII в.), причем преобладал крупный рогатый скот, на мясо и сало различных видов приходилось 37 явок, на шкуры – 8; среди продуктов охоты и рыболовства – преобладали рыба вяленая, соленая и свежая (136), мед (95), сельдь (8), икра (5), снетки (3) и воск (2); среди земледельческих товаров – зерно, главным образом рожь (165), пенька (41), масло конопляное (12), хмель (5) и семена конопли (2); среди минерально-металлических товаров – соль (55), косы (10), лемяши и палицы (4), медь (1), железо (1) и наковальня (1); среди мануфактурно-москательных трудно выделить какой-либо товар, все они представлены одной-двумя явками; среди садово-огородных – яблоки (3), лук (1) и сливы соленые (1); среди лесных – деготь (2), орехи (2), рогожи (2) и сажа (1); среди предметов роскоши стоит выделить мыло (2) и перец (2).

Из приведенных данных следует, что на брянском рынке в 70-х годах доминировали продукты сельскохозяйственного производства (животноводства и земледельческо-растительные) и продукты охоты и рыболовства. На сельскохозяйственную специализацию района указывает и группа минерально-металлических товаров, где предметами торговли были сельскохозяйственные орудия – косы, лемеха и другие.

Преобладание на рынке сельскохозяйственной продукции свидетельствует о крепких связях между городом и деревней, где происходил рост товарности крестьянского хозяйства и говорит также о специализации брянского рынка. Вероятно, помимо большого значения Брянска, как хлебного центра, город представлял собой крупный центр по сбыту скота, главным образом крупного рогатого и рыбы различных видов. Причем преобладала рыба местного улова, правда, на рынок попадали ценные сорта рыбы, вероятно, волжской. Из числа иногородних купцов ее поставляли жители Болхова. Так, 27 июня 1677 г. болховский стрелец С.Балев явил в брянской таможене 14 белуг «просолной» рыбы на сумму в 25 рублей [11] Рыбу ценных сортов привозили и брянские жители, например, брянский стрелец А.Власов продал 8 пудов белужины на 4 рубля [12]. Стоит отметить на брянском торге наличие предметов, не употреблявшихся в широкой среде населения – это, прежде всего, мыло и перец. Данный факт говорит о том, что эти предметы роскоши имели ограниченный круг потребителей, вероятнее всего, из числа офицеров и дворян.

Вероятно, можно говорить о складывании к этому времени на территории края центра по производству конопли. Так, по нашим подсчетам в 1671 г. на брянский рынок было поставлено 318 берковцев пеньки [13]. Помимо пеньки, привозилась конопля и конопляное масло. Основными поставщиками этих товаров были брянские служилые люди и крестьяне подгородних посопных слобод, расположенных, практически, в черте города. Это подтверждается анализом ассортимента закупаемых продуктов. Так, за 1677–1679 годы в брянской таможене было зафиксировано 39 явок наличных денег, из этого числа 70% приходится на закупку пеньки и конопляного масла. В эти же годы на покупку пеньки было явлено 2072 рубля и 691 рубль на покупку конопляного масла [14]. Большую часть пеньки скупали калужане, рославльцы и москвичи. Основная масса конопляного масла шла в Боровск и Верею. Интересно отметить, что подавляющая часть этих продуктов покупалась непосредственно на городском торге. Не столь крупными были закупки пеньки в уезде. Например, самая крупная явка на пеньку в городе составляла 350 руб., а на покупку в уезде 100 рублей.

Таможенные книги сообщают о торговле, сосредоточенной в лавках. Записи носят различный характер, одни довольно кратки, типа «Сентября 7 явил брянский стрелец Киприян Медветков всякого лавочного москатиного товару на дватцат рублей [15]. Другие же дают подробный перечень явленных товаров, как например, в записи от 7 сентября 1677 г., согласно которой брянский пушкарь Андрей Чамов явил «всякого лавочного москатиного товару две половинки сукна шиптуху розного цвету, два кумача красных, четвера сапог муских красныя говязи, десят сковород, адинатцать связак железа, десять связак укладу, пятьдесят галиц, пятьдесят вязёнок, пятнатцать палиц, полпуда пороху, фунт шолку розного цвету, сто гайтанов капеячных, дватцать ножей капеячных, сто лямишей, бумаги полпуда, кубов красных, три фунта ладану, десять фунтов перцу, десять нашивок шолковых, пуговиц на шнурку а в продажи тот товар взял сорок девять рублёв дватцать алтын» [16]. Несомненно, такие записи с подробным перечислением товара представляют большую ценность, чем записи первого типа.

Развернутые записи позволяют выявить ассортимент товаров, распространенных среди жителей города. Наиболее часто употребляемыми товарами лавочной торговли были следующие: сапоги (8 – в скобках дается число лавок, в которых продавали данный товар в 70-е годы XVII в.), сунно (7), нашивки (7), бумага (6), шелк (6), ладан (5), кумач (5), галицы (4), ножи (4), железо (4), порох (4), свинец (3), гайтаны (3), краска кубовая (3), перец (3), сковороды, палицы, ополки, мыло, мишура, снурок, косы по 2, башмаки, нагрудники, зеркала, крашенина, вязенки, тесьма, сера, остамедь, лемяши, сталь и рукавицы по 1. Следует отметить, что в 60 случаях было глухое указание на лавочный москательный торг.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что лавочная торговля носила универсальный характер и удовлетворяла необходимые нужды городского населения. Особенно широко распространена была торговля различными материями, что говорит о большом спросе на них. Важно отметить, что, судя по ассортименту товаров, продававшихся в лавках города, наиболее ходовыми были товары потребительского спроса.

Большой интерес представляет ассортимент товаров, указывающих на определенные сдвиги в культуре городского населения. Например, продажа бумаги может свидетельствовать о распространении грамотности среди населения. Нельзя не указать на продажу мыла, зеркал и башмаков, которые входили в обиход не только москвичей, но, вероятно, и провинциалов. Появление этих товаров свидетельствует также о процессе дальнейшего углубления различия быта городского и сельского населения: город начинает потреблять товары, не характерные для села.

Ценность таможенных книг определяется и тем, что они, позволяют определить число действовавших лавок и их владельцев.

Таблица № 3

Сословный состав владельцев действовавших лавок г. Брянска в 1670-е годы XVII в.

Год	Категории населения				
	Служилые люди	Крестьяне	Посадские люди	Неизвестные	
1671	10	5	1	-	16
1677	12	5	-	-	17
1678	14	4	1	-	19
1678/79	13	4	-	1	18
Итого:	49	18	2	1	70

Таблица составлена по: РГАДА. Ф.210. Книги Денежного стола. Кн.349. Л.797-806 об.; Кн.206.Л.22об.-31об., 148об.-153об.; Кн.180.Л.1об.-5об.

Из приведенной таблицы видно, что большая часть лавок (70% от общего числа лавок в городе в 1670-е годы) принадлежала служилому населению. Значительной (25,7%) была лавочная торговля крестьян подгородних посольных слобод, опережавшая торговлю посадских людей, что подтверждает выводы, сделанные ранее при анализе оптовой торговли на брянском рынке в рассматриваемое время.

Анализ числа лавок по годам указывает на то, что число действовавших лавок не было постоянным. Только у служилых людей и крестьян лавки действовали ежегодно, но и здесь конкретная лавка могла в один год действовать, то на следующий – владелец мог не продать товара из нее ни на один рубль. Например, в 1671 г. брянский пушкар И.Казанцев продал товара на 90 рублей [17]. В последующие годы из его лавки не было зарегистрировано ни одной продажи. Правда, в 1677 г. брянский пушкар П.Казанцев продал из лавки товара на 9 рублей [18]. С большой долей вероятности можно предположить, что это родственник вышеназванного пушкаря, но говорить, что это продажа из той же лавки нельзя.

Анализ таможенных книг за 1670-е годы указывает на то, что лавочная торговля большинства торговцев была мелочной. Суммы от проданных товаров, как правило, колебались в пределах 10–20 рублей. Естественно, в городе были торговцы, которые вели более солидную лавочную торговлю. На фоне всех владельцев лавок выделялся брянский пушкар Андрей Чамов. Помимо того, что его лавка никогда не пустовала, он из года в год продавал товара на большую сумму, чем кто-либо из остальных купцов. Например, в 1671 г. из его лавки было продано москательного товара на 30 рублей, да «акроме москатиного товару сто пятьдесят рублей» [19], т.е. он продал на 150 рублей иного товара, кроме москательного. Следующий за ним брянский пушкар И.Казанцев продал лавочного товара на сумму в два раза меньшую.

Итак, развитие торговли в рассматриваемый период, несмотря на различные трудности, происходило довольно динамично. В торговле города на протяжении XVII в. главенствующее положение занимали купцы из служилого населения, которые в первой четверти XVIII в. влились в посадскую общину и составили ее костяк. Базой торговли брянского купечества являлись продукты сельскохозяйственного производства: скот, зерно и конопля. Причем сельскохозяйственная продукция поступала не только из Брянского уезда, но и из других уездов и Украины, т.е. Брянск становился центром торгового обмена не только между городами Русского государства, но и центром международной торговли.

In the article under analysis is the forming of the Bryansk market in the last quarter of the 17 th century, not only as an inland one, but also as an international one. On the basis of all the historical sources of the 17 th century we have got convincing proof, that service class formed the main source of the trade people community draft of the town.

The key words: trade connections, trade people communities, range of goods, barter center, international trade center.

Список литературы

1. *Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах.* Т.1. М., 1953.
2. *Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.* Кн.18. М., 1894. С.349. Сноска №1.
3. РГАДА. Ф.210. Столбцы Севского стола. Стб.326. Л.21-24.
4. ПСЗ. Т.II. №1015.
5. ПСЗ. Т.II. №1036.
6. *Сташевский Е.Д.* Пятина 142 г. и торгово-промышленные центры Московского государства // Журнал Министерства народного просвещения. Ч.4. СПб., 1912.
7. РГАДА. Ф.210. Книги Денежного стола. Кн.180. Л.6-106 об; Кн.206. Л.32-142, 153 об.-207 об; Кн.349. Л.755-974.
8. РГАДА. Ф.210. Книги Денежного стола. Кн.206. Л.122, 172, 176 об.
9. РГАДА. Ф.210. Книги Денежного стола. Кн.206. Л.81 об.

10. *Важинский В.М.* Хлебная торговля на юге Московского государства во второй половине XVII в. // Ученые записки МОПИ. Т.127. Вып.7. М., 1963.
11. *РГАДА. Ф.210.* Книги Денежного стола. Кн.206. Л.110.
12. *РГАДА. Ф.210.* Книги Денежного стола. Кн.180. Л.13.
13. *РГАДА. Ф.210.* Книги Денежного стола. Кн.349.
14. Подсчитано нами по: *РГАДА. Ф.210.* Книги Денежного стола. Кн.180, 206.
15. *РГАДА. Ф.210.* Книги Денежного стола. Кн.206. Л.24 об.
16. *РГАДА. Ф.210.* Книги Денежного стола. Кн.206. Л.22 об.-23.
17. *РГАДА. Ф.210.* Книги Денежного стола. Кн.349. Л.805.
18. *РГАДА. Ф.210.* Книги Денежного стола. Кн.206. Л.29 об.
19. *РГАДА. Ф.210.* Книги Денежного стола. Кн.349. Л.802-802 об.

Об авторе

Цырульников Д.Е. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru.

УДК – 94.(47)

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ «ОБРАБОТКА» НАСЕЛЕНИЯ ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БРЯНЩИНЫ В ПЕРИОД С 1941 ПО 1943 ГОДЫ.

Е.Н.Шанцева

В статье описывается применение немецким командованием различных средств пропаганды на оккупированной территории Брянщины в период с 1941 по 1943 годы, анализируются основные цели пропаганды. В зависимости от изменения положения дел на фронте, изменялось содержание немецкой военной пропаганды: в 1941 году немцы видели роль населения России лишь в экономической поддержке оккупантов, в 1942 году стали создаваться охранные отряды, национальные и добровольческие легионы, куда призывались мирные жители и военнопленные. В этот период упор стал делаться на пропаганду вооруженной борьбы с советской властью, то есть появляется идеологическая составляющая.

Ключевые слова: психологическая война, пропаганда, коллаборационизм, периодическая печать, листовки, идеологическое противостояние.

История войн наглядно показала необходимость проведения и эффективность умело организованной работы по воздействию на морально-психологический потенциал противника. Начав формироваться в качестве средства устрашения, теория информационно-психологического воздействия в XX веке стала неотъемлемой частью военного искусства.

Пропаганда, как средство завоевания масс, достигла в Третьем рейхе больших результатов. Во многом это было связано с тем, что сфера общественных интересов была подчинена немецкой партии и государству [5]. Опыт, накопленный в области идеологической обработки своего собственного народа и армии, немцы использовали и в подготовке психологической войны против Советского Союза.

В Германии за пропаганду в целом отвечало Министерство «народного просвещения и пропаганды», которым руководил Йозеф Пауль Геббельс. К апрелю 1941г. в нем было занято 1902 человека, сотрудники были убежденными нацистами, многие имели золотой партийный значок. Средний возраст составлял 40 лет, большинство из них принадлежало к верхнему слою среднего класса, половина имела университетские дипломы. Главная заслуга в пропаганде «ужасов большевизма» принадлежит ближайшему сотруднику Геббельса доктору Тауберту [5].

Параллельно действовала система пропаганды в ведомстве А.Розенберга, имперского министра «восточных территорий». При генеральном штабе немецкой армии также работало специальное управление по ведению пропаганды среди войск противника и населения оккупированных территорий.

В феврале 1941г. в связи с подготовкой вторжения на территорию СССР отдел пропаганды вермахта начал разрабатывать план пропагандистского обеспечения военной кампании. К моменту вторжения на советскую территорию в немецких войсках, предназначенных к войне на Восточном фронте, было сформировано 19 рот пропаганды и 6 взводов военных корреспондентов СС. В их состав входили военные журналисты, переводчики, персонал по обслуживанию пропагандистских радиоавтомобилей, сотрудники полевых типографий, специалисты по изданию и распространению антисоветской литературы, плакатов, листовок.

В 1943г. зарубежное вещание велось на 53 языках. С секретных радиостанций, расположенных на территории Германии против СССР работало три радиостанции. Одна из них носила троцкистский характер, работала, как бы, на «партийно-советскую элиту». Вторая – сепаратистский. Работала на национальные регионы СССР. Третья – выдавала себя за «национально-русскую», работала, якобы, «на русских».

Основными целями немецкого пропагандистского воздействия на красноармейцев и командиров РККА, а также гражданское население в прифронтовой полосе являлось: устрашение противника; усиление пораженческих настроений; создание позитивного представления о плене; подрыв

авторитета государственного и военно-политического руководства СССР; побуждение к добровольной сдаче в плен и к дезертирству; подрыв авторитета командиров и начальников, неповиновение им; усиление недовольства гражданского населения положением в стране; побуждение населения к лояльному отношению к военнослужащим вермахта; усиление тревоги за судьбу родных.

Согласно установкам специальной директивы по вопросам пропаганды немецким войскам предписывалось всячески подчеркивать, что противником Германии являются не народы Советского Союза, что немецкие вооруженные силы пришли в страну не как враги, а, напротив, как «освободители», стремящиеся «избавить людей от советской тирании». Пропаганда должна была способствовать распаду Советского Союза на отдельные государства.

Ожесточенное сопротивление Красной армии уже через два месяца после начала войны потребовало от отдела пропаганды вермахта внести коррективы в свою работу. Это были, главным образом, краткие призывы переходить на сторону немцев, уничтожать командиров и комиссаров (в некоторых листовках за сдачу комиссара обещали 100 рублей) или просто маленькие книжечки с пропусками для сдачи в плен целого подразделения в виде отрывных талонов. Они получили название «Для тебя и твоих друзей».

Были и более сложные материалы, например, многостраничные фотоколлажи, иллюстрировавшие прелести немецкого плена. Такой фотоальбом, отпечатанный тиражом около 2 миллионов экземпляров, был распространен за линией фронта в течение первых недель войны.

В отличие от пропагандистских плакатов, адресованных населению оккупированных территорий, «окопные» листовки, предназначенные для распространения в зоне боевых действий Красной армии, отличались небольшим форматом – размером с почтовую открытку. Такие листовки было удобнее разбрасывать с самолетов над позициями противника, а диверсантам – переносить на себе за линию фронта для распространения в тылу Красной Армии. Наконец, такую листовку любому красноармейцу было проще поднять с земли и незаметно от глаз политкомиссаров положить в карман.

Особые усилия немецкой пропаганды были сосредоточены на фигуре И. Сталина. В одной из листовок привычная аббревиатура СССР расшифровывалась как «Смерть Сталина Спасет Россию». Тут же карикатура: пролетарский молот ударяет Сталина по голове, а крестьянский серп приставлен к его шее. Использовались различные приемы и средства идеологического разложения советских солдат – от примитивных лозунгов типа «Бей жида-политрука, рожа просит кирпича!» до пламенных воззваний начать новую, на этот раз – антибольшевистскую-антиеврейскую революцию: «Бойцы, командиры и политработники! Ваш святой долг начать вторую революцию за счастье Родины, Ваших семей. Знайте, что победа за Вами, так как оружие в Ваших руках. Спасайте Отечество от жидовского хама! Долой предателей России – жидовских пособников! Смерть жидовскому большевизму! Вперед, за свободу, за счастье и жизнь!»

Зная, что основную массу красноармейцев составляли выходцы из крестьян, немецкие пропагандисты сделали одним из главных пунктов своей программы обещание ликвидировать колхозы и вернуть крестьянам единоличные хозяйства. Пропагандисты третьего рейха твердили о том, что немецкий солдат несет в Россию землю и волю.

Правдивость немецкой прессы полностью была связана с положением дел на фронте. В 1941г., до начала Московской битвы, ложь и дезинформация в ней подавалась в весьма умеренных количествах. Оккупационные власти активно использовали плохую осведомленность населения о ходе боевых действий и положений на фронте. В результате разгрома немецких войск под Москвой и, таким образом, срыва плана молниеносной войны объективность оккупационных изданий стала резко падать.

Немецкие пропагандистские службы были вынуждены обратить внимание на зарождающееся партизанское движение. Пропаганда стала важным направлением борьбы с партизанским движением и подпольщиками. Из «Боевого наставления по борьбе с партизанским движением на Востоке» от 11.11. 1942г. начальника Генштаба Вооруженных Сил Йодля: «Пропаганда среди партизанских отрядов должна быть целеустремленна на то, чтобы разъяснить им, что их борьба бессмысленная, так как все попытки Красной Армии прорвать немецкую оборону оказались безуспешными и победа Германии предreshена. Им необходимо сказать, что с перебежчиками хорошо обращаются, тогда, как пленные партизаны расстреливаются» [3, *здесь и далее текст из архивных документов представлен без исправлений, как в оригинале*].

От угрожающей пропаганды 1941г., немецкая пропаганда в конце того же года перешла к решению следующей задачи: привлечь на свою сторону население оккупированных районов для полного сотрудничества с Германией. Й. Геббельс в своем дневнике отмечает: «Я пришел к выводу, что мы должны коренным образом изменить нашу восточную политику... Мы можем значительно уменьшить партизанскую опасность, если завоем доверие населения... будет целесообразно также создать в некоторых регионах марионеточные правительства, которые будут проводить нужные нам непопулярные меры... они будут служить удобным прикрытием для проведения нашей собственной политики» [6].

«Правильная и действенная пропаганда в обращении с населением является вопросом исключительной важности. Поэтому, прежде всего, необходимо убедить население, что победа Германии несомненно обеспечена и возвращение большевиков исключено. Текущая информация должна отражать положение на фронте и успехи Германии».

Позднее населению должно быть показано существенное положение в Германии, особенно жизненный уровень, немецких крестьян и рабочих и разница между большевистскими отношениями и отношениями в Германии» [3].

«Готовность к сотрудничеству должна поощряться оплатой. Оплата может производиться деньгами, натурой (продуктами, табаком, вином). Здесь же необходимо, чтобы все инстанции, руко-

водящие осведомители, выдавали последним дополнительные порции продуктов питания – паек, табак и вино. Во многих случаях, целью защиты осведомителей от партизанской мести, оплату их целесообразно держать в строгой тайне» [3].

В 1941 году немцы видели роль населения России лишь в экономической поддержке оккупантов, в 1942 году стали создаваться охранные отряды, национальные и добровольческие легионы, куда призывались мирные жители и военнопленные. Изменилась и пропаганда. Упор стал делаться на пропаганду вооруженной борьбы с советской властью.

На всём протяжении оккупации немцы доказывали, что война, которую ведут Красная армия и партизаны, есть борьба не за свободу Отечества, а за сохранение «сталинского режима» [9].

Из «Боевого наставления по борьбе с партизанским движением на Востоке» от 11.11. 1942г. начальника Генштаба Вооруженных Сил Йодля: «Очень важным для пропаганды является использование противоречий между СТАЛИНЫМ и оппозицией внутри КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ, которая упрекает его в измене ЛЕНИНИЗМУ. Нужно выпятить то обстоятельство, что СТАЛИН вверг русский народ в войну, и что он является виновником всех бедствий, и что ГЕРМАНИЯ освобождает народ от этого режима (подч. авт.).

Для того чтобы приспособиться во всех отраслях духовной деятельности русского народа, и как можно эффективнее, необходимо привлечь на свою сторону интеллигенцию. Особенно эффективно действуют доклады освобожденных военнопленных или перебежчиков из партизанских отрядов и письма русских рабочих из ГЕРМАНИИ» [3].

Центральное место в идеологической борьбе занимала «активная» (печатная) пропаганда, в которой значительное место отводилось пропагандистскому воздействию в периодической печати. Именно пресса была призвана обеспечить комплексное системное воздействие на население, привлечение его на сторону оккупантов, разъяснение новых правил жизни, кроме того, самим своим существованием газеты и журналы подтверждали, что новая власть пришла «всерьез и надолго». Создание широкой сети периодических изданий диктовалось и чисто практической необходимостью: в тот исторический период печать была практически единственным средством массовой коммуникации, информации и обратной связи [5].

В большинстве случаев от момента оккупации города до начала издания в нём коллаборационистских пропагандистских материалов проходило менее месяца. Большую часть печатных изданий пропагандистского характера составляли газеты и листовки. Только в оккупированных районах центральных областей РСФСР немцы издавали на русском языке более 20 журналов и газет. Они печатались тиражами в несколько тысяч, а иногда десятков тысяч экземпляров [7].

Печати верили больше, если в ней работали «свои». В крупных городах и населенных пунктах в зоне оккупации при комендатурах и бургомистерствах действовали отделы пропаганды, сотрудники которых по указанию оккупантов должны были зачитывать перед населением немецкие газеты и листовки, вывешивать в населенных пунктах на видных местах немецкие и коллаборационистские материалы, обеспечивая, таким образом, доведение материалов пропаганды до каждого жителя.

Издание коллаборационистских «своих» печатных материалов, было ориентировано на все группы населения. На территории оккупированной Брянщины немцы распространяли три газеты: «Речь», печатавшуюся в Орле, «Голос народа», издаваемую Локотским окружным «самоуправлением», и «Новый путь», которая издавалась в Клинцах. «Речь» выходила три раза в неделю, «Голос народа» - еженедельно, тиражом в пять тысяч экземпляров, «Новый путь» - два раза в неделю.

Основная газета, издававшаяся в Орле – «Речь» – объявлялась оккупантами наследницей газеты «Орловские известия», что было сделано для повышения её авторитета у читателей. Изначально это было одностраничное издание, постепенно превратившееся в четырёх полосную газету, выходившую два раза в неделю.

Главным редактором газеты на протяжении почти всего периода её существования был журналист Михаил Ильинич, больше известный как Михаил Оксан. В своей пропагандистской работе он делал всё, чтобы привлечь на сторону оккупантов как можно больше представителей различных творческих профессий. На страницах коллаборационистской печати регулярно появлялись его статьи под характерными названиями «К интеллигенции!» «Освобожденному народу – народное искусство», «О месте русской интеллигенции в этой войне».

Из брошюры М.Оксана «Является ли эта война отечественной для народов России»: «...каждый истинный патриот своей родины должен бороться за свержение большевизма в этой войне, а значит и за возрождение России, за жизнь без страха и насилий, за обеспеченное будущее своих детей. Многие десятки тысяч русских людей уже активно борются против большевизма, новые сотни тысяч вступают на этот путь. И в этом залог светлого будущего новой России. Большевики называют это «изменой родине»! Истинный патриот не может быть партизаном. Наоборот, он должен бороться против партизан за новую, счастливую Россию» [1].

В своих материалах М.Оксан делал упор на то, что «усилиями непобедимой немецкой армии большевизм опрокинут, отогнан, наши территории очищены, и для сохранившейся интеллигенции снова открыто широкое поле деятельности». Акцентируя внимание на роли интеллигенции, он отме-

чал, «что понявшая важность исторического момента, осознавшая свой долг перед своим народом, полная непреклонной воли к установлению новой жизни, уверенная в своих силах и, идя рука об руку со своим народом, принесет ему счастье, заслужит его благодарность и найдет полное удовлетворение в сознании выполненной ею своей исторической задачи».

Немецкие пропагандисты требовали от литераторов, художников, артистов и певцов переосмотра творческих позиций, «навязанных» большевиками. Октан призывал – «...Очистить искусство от всех вредных наслоений, образовавшихся за годы жидовского засилья» [10].

Характерной чертой для этой газеты являлось наличие литературной рубрики, в которой печатались выгодные или удобные нацистам отрывки из произведений русских классиков – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского и др. Все эти отрывки в обязательном порядке снабжались подробными комментариями, повествующими о том, какие произведения классиков «запрещались» советской властью. В очерке «Повесть непогашенной луны», опубликованном в газете «Речь», говорилось о том, что НКВД, как оружие в руках Сталина повинно в гибели М.В. Фрунзе и Бориса Пильняка – талантливого писателя, не побоявшегося в «Повести непогашенной луны» написать об этом [2].

Также в каждом номере газеты «Речь» публиковались репертуары местного театра и кинотеатра, программа передач Орловского радиозула. Большую часть вещания занимали различные пропагандистские передачи или передачи пропагандистского характера.

Таким образом, коллаборационистские периодические издания, организуемые повсеместно на оккупированной территории, имели четкую программу действий. Их основной задачей была популяризация деятельности вермахта и оккупационных властей, призыв к населению о сотрудничестве с оккупационными властями.

Состав периодических изданий, созданных оккупантами на территории областей Центральной России, главным образом, идентичен. Подбор кадров для работы в коллаборационистских изданиях во многом типичен. К этой работе привлекались люди беспринципные, недовольные властью, посчитавшие службу оккупантам выгодной и перспективной.

Руководство Германии надеялось, что с помощью пропагандистских мероприятий удастся, опираясь на антикоммунистические силы СССР, привлечь на свою сторону значительную часть местного населения, ослабить наступательный порыв Красной Армии, разгромить партизанское движение и переломить ход войны в свою пользу.

Необходимо признать, что оккупантам удалось привлечь на свою сторону часть людей, оказавшихся на оккупированной территории. Этому способствовала и эффективная пропаганда [6].

Явной пропагандистской акцией со стороны оккупантов было открытие церквей. Из информационного бюллетеня Брянского штаба партизанского движения при военном совете Брянского фронта за июль 1943 года: «Захватив в октябре 1941 г. Орел и часть районов Орловской области, немецкие фашисты начали восстанавливать православные церкви, способствовать и поощрять религиозные отправления, принуждая население к соблюдению религиозных праздников и обрядов. Основная масса церковников сотрудничают с немцами, используют церковь для целей фашистской пропаганды» [4].

В ответ на это, в 1943 году советским руководством было принято решение относительно положения Церкви. От постепенного прекращения гонений в отношении церкви и священнослужителей и молчаливого перемирия между Церковью и государством, начавшегося в конце 30-х годов, был сделан решительный шаг к признанию полноправного положения Русской православной церкви в Советском Союзе [8].

Немецкая пропаганда, столкнувшись с активным сопротивлением советских служб, не смогла до конца реализовать ни одну свою акцию. Советская пропаганда не акцентировала внимание на идеях социализма, коммунизма, а отражала победы Красной армии, успешные военные операции партизанских отрядов. Ее целью было сохранение национального единства, в то время как немецкие службы пытались расколоть советское общество по национальному признаку.

Широкомасштабное применение оккупантами различных средств пропаганды практически явилось своеобразной информационной интервенцией, которой немцы хотели закрепить интервенцию военную.

Опыт ведения пропаганды в ходе Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. представляет собой значительный вклад в теорию и практику информационно-психологического воздействия на войска противника и население в условиях боевых действий. Он еще раз подтверждает огромное значение и возможности этой деятельности как эффективного средства подрыва морально-боевого духа войск противника и местного населения.

In article application by German command of various means of propagation on an occupied territory of Bryansk region during the period since 1941 till 1943 years, propagation main objectives are analyzed. Depending on change of a state of affairs at the front, the maintenance of German military propagation changed: in 1941 Germans saw a role of the population of Russia only in economic support of invaders, in 1942 security groups, national and voluntary legions where civilians and prisoners of war were called began to be created. During this period the emphasis began to become on propagation of the armed struggle against the Soviet power, that is there is an ideological component.

The key words: War of nerves, propagation, collaboration, periodicals, leaflets, ideological opposition.

Список литературы

1. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. 2608. Оп. 1. Д. 30. Л. 14-15.
2. ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 99.
3. ЦНИБО (Центр новейшей истории Брянской области). Ф. 1650. Оп. 1. Д. 65. Л. 139.140.
4. ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 87. Л. 11.
5. Грибков И. Периодическая печать на временно оккупированных территориях // Эхо войны. 2008. №3. С.16.
6. Грибков И. Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. Москва, Московский писатель / Библиотека журнала Эхо войны, вып. 1, 2008. 116 с.
7. Дандыкин Т.К. Страницы подвига. Военно-хозяйственная и политическая деятельность коммунистической партии в партизанских краях и зонах центра России (1941 - 1943 гг.) Тула: Приокское кн. изд-во, 1979. С. 30.
8. Емельянов Ю.В. Десять сталинских ударов. Триумф генералиссимуса. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 416 с.
9. Ковалев Б.Н. Антифашистская борьба: анализ пропагандистского противостояния, 1941-1944 гг.: (На материалах временно оккупированной территории Северо-запада РСФСР): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 1993. 196 с.
10. Речь. 1942. 15 марта.

Об авторе

Шанцева Е.Н. – аспирант Брянского государственного технического университета, MJordon@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК – 882 (09) +809

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.

А.В. Антюхов, С.Ю. Антюхова

В статье на примере произведений С.Н. Глинки, Г.С. Винского, Г.И. Добрынина и А.Т. Болотова рассматривается типология хронотопа мемуарно-биографической прозы. В качестве критериев, позволяющих выделить различные модификации, применяются категории пространства и времени, мотивика.

Ключевые слова: мемуарно-биографическая проза, хронотоп времени, хронотоп пространства, жанровые модификации, социально-бытовые мотивы, интимно-камерные мотивы, идиллический хронос, биографический хронос.

Методологически важными для изучения пространственно-временных отношений в автобиографических мемуарах XVIII века можно считать следующие принципы: вопрос об истоках и модификациях жанра в предшествующие эпохи; освоение отдельных сторон времени и пространства, доступных на данном периоде исторического развития; объективирующая роль времени в жанре мемуаров.

М.М. Бахтин выделял два основных типа биографического ценностного сознания и оформления жизни. Первый он называл авантюрно-героическим и относил к эпохам Возрождения, «Бури и натиска», нищестанству; второй – социально-бытовым (сентиментализм, отчасти реализм). В XVIII веке в России широко распространен в мемуарах первый тип биографического ценностного сознания (авантюрно-героический), тогда как второй только начинает себя реализовывать, что определило одну из главных черт нового зарождающегося жанра – внутреннюю полемичность. Зарождение социально-бытового типа биографического ценностного сознания связано с «разложением публичной жизни человека» [1, с.293] и реализуется как в новых жанровых модификациях, так и соответствующим им новой пространственно-временной организации.

В античной литературе, как отмечал Бахтин, «новые формы... еще не были выработаны» и в основном сводятся к модификациям «публично-риторических форм». При этом он выделяет три такие модификации. На наш взгляд, жанр автобиографических мемуаров XVIII века типологически восходит к приватно-камерной (или камерно-риторической) и стоической формам. Характеризуя данные модификации, Бахтин указывает на следующие ведущие черты: начинает раскрываться приватно-камерное самосознание человека, что связано с реализацией новых, отличных от публично-риторических (величие, сила, историческое значение, подвиг, слава и др.) ценностных ориентаций (добрая слава знакомых, близких; честность; чистота; счастье; удача; довольство; личные заслуги и др.). В окружающий мир человека входит пейзаж как предмет видения, многочисленные мелочи приватной жизни. Для третьего вида модификаций характерно новое отношение к себе самому, как называет Бахтин, – «самосознание одинокого человека» (исключение другой точки зрения на себя; значение Я – для себя), и как следствие резкое увеличение удельного веса событий интимно-мелочной жизни, тема личной смерти. Таковы, как считает Бахтин, исторические формы античной автобиографии, оказавшие громадное влияние как на жанровые модификации в европейской литературе, так и в русской мемуаристике XVIII века.

В русской мемуаристике XVIII века происходят процессы, отражающие взаимодействие в рамках жанра автобиографических мемуаров двух типов биографического ценностного самосознания: авантюрно-героический с его ориентацией на публичную внешность человека и социально-бытовой с его интимно-камерным аспектом. Однако в отличие от античной и средневековой литературы можно говорить о преобразовании двух типов ценностного самосознания в две ведущие жанровые тенденции. Это связано, прежде всего, с тем, что в биографических и автобиографических сочинениях русских писателей XVIII века авантюрно-героический и социально-бытовой подходы оказываются сущностной основой развивающейся концепции личности, и жанрового хронотопа. Следует отметить, что в русской мемуаристике, в отличие от европейской, эти процессы происходят позднее, лишь начиная с XVIII века, что, на наш взгляд, связано с растворением этикета в новых литературных явлениях XVI–XVII веков и его окончательным разрушением (как указывает Д.С. Лихачев) к началу XVIII века.

Охарактеризуем две сложившиеся жанровые тенденции. Для первой, назовем ее вслед за Бахтиным по преобладающему типу биографического самосознания, авантюрно-героической, характерно особое биографическое время. Биографический хронос данного типа утверждает себя, самораскрывается лишь через обычную опору – время, связанное с судьбой государства, общества (общественное, государственное, публичное),

имеющее отношение к развитию страны, судьбоносным решениям, вне его оно не существует. К данному жанровому типу относятся автобиографические записки С.Н. Глинки. С этой точки зрения интересно сравнить «Записки» С.Н. Глинки и «Записки Андрея Тимофеевича Болотова». «Я родился 1776 года июля 5-го дня. Смоленской губернии в Духовском или Духовщинском уезде, в селе Сутоках, в 8 верстах от Читова, родины бывшего шляхтича Потемкина, – начинает свое повествование С.Н. Глинка, – который под блистательным именем князя Таврического, гремел замыслами ума парящего...» Важно отметить, что, начиная в целом традиционно с момента рождения и в дальнейшем выдерживая принцип последовательно-хронологического повествования, автор биографический принцип рассказа о своей жизни соотносит (я – для себя) с жизнью другого человека (князя Потемкина Таврического). Налицо, безусловно, авторская концепция утвердить частную жизнь – биографическое время непубличной и негосударственной жизни – через внешний судьбоносный исторический хронос. Повествование о своей семье, о своем владении развивается параллельно с жизнеописанием князя Потемкина. Примечательны сами переходы от автобиографии к повествованию о жизни другого человека: «От великана обращаюсь к быту моему!» [2 с. 323]. Этот принцип характерен для «Записок» С.Н. Глинки в целом: «скромная» личность мемуариста проявляется лишь на фоне «великанов», людей судьбоносных для страны и истории (императрица Екатерина, граф Румянцев, фельдмаршал Кутузов, «столповый вельможа» двора Екатерины Л.А. Нарышкин и др.). Интересен аспект восприятия автобиографическим героем окружающего мира. Предмет видения, обстановки содержит примеры исторические: «Видел я сельский деревенский храм, где в течение девяносто лет курится жертва богу любви и милосердия. Прошумел около него вихрь вражеского нашествия, но в стенах его не коснулся ни святыни, ни утвари церковной...» [2 с. 318]. Герою важно подчеркнуть неразрушимость церкви не просто от времени текущего, а от времени судьбоносного, исторического, ускоренного вмешательством судьбоносных людей («вихрь вражеского нашествия», несущий в своей основе функцию уничтожения). Пространство, в котором существует автобиографический герой, тоже несет приметы исторические, отмеченные печатью судьбоносности: так, случайно увидев баню, он вспоминает, как когда-то родился Потемкин; описывая столбовую дорогу на Петербург, он повествует, что «по это дороге проезжал великолепный князь Потемкин то из Белоруссии, то из Смоленска. Бывало зимою в темно-зеленой бархатной бекеше с золотыми застежками и огромной шубе, легкой, как пух, мчитя снедаемой жаждой власти Потемкин. У князя Таврического не было никакой оседлости. Не строил он замков, не разводил садов и зверинцев: дворец Таврический был даром Екатерины II, а у него своего домовитого приюта не было нигде. Селением его было поморье Попта Эвксинского, заботы его были в древнем царстве Митридатом, и он это царство принес России в дар бескровный. Чего не успели сделать века от покорения Казани и Астрахани, чего не успел Петр I, то один совершил этот великан своего времени. Он смирил и усмирил последнее гнездо владычества «монгольского» [2, с. 324].

Отметим особые функции хронотопа дороги в данном отрывке: это и временная вневременность событий, связанных с «великанами своего времени» (древнее царство Митридатом, покорение Казани и Астрахани), и пространственная протяженность. Важен и образ «мающегося», «не имеющего домовитого приюта Потемкина». Эти функции убыстренного публично-государственного времени в тексте встречаются неоднократно: «На все время и все на время. Молнией мелькают и слава побед, и слава писателей» [2, с. 325]. Автор мемуарных записок наряду с публично-государственным временем считает судьбоносным и время, «освеженное силой мысли», жизнеописание Н.И. Новикова, «далеко опередившего свой век изданием «Ведомостей московских», «Живописца» и искусным влиянием на умы некоторых вельмож, двигавшего вслед за собой общество и приучавшего мыслить среди роскошного и сладостного обаяния» [2, с. 235]. В «Записках» С.Н. Глинки повествуется о драматурге Княжнине, Озерове, Сумарокове и др. С ними связано восприятие течения времени как восприятие движения в веках мысли человеческой» [2, с. 374]. Интимно-камерный мир человека, по концепции автора мемуарных «Записок», не связан с категорией будущего времени. Автобиографический герой вспоминает, как Ф.Г. Карин написал стихи, посвященные ему: «Младого Глинку зрим в лица сего чертах; /Сей юноша, блистающий ученьем,/ Умом и просвещеньем,/ Поэт, и пламень льет в стихах./Что ж будет в зрелых он летах? Я подписал под стихами: Ничто» [2, с. 363].

С чем бы ни была связана подпись «Ничто»: с той мыслью, что со смертью все превращается в прах, ничто; или автобиографический герой отрицает, что его жизнь будет иметь важное значение для общества, государства, но необходимо отметить следующее: черты интимно-камерного мира, перечисленные в стихотворении безотносительно к «публичной внешности» человека, не имеют координат во временном измерении для автобиографического героя.

В мемуарных записках С.Н. Глинки прослеживается движение, изменения в характере автобиографического героя: «А вот по каким степеням шел я, так сказать, от прежнего самого себя к другому себе» [2, с. 340]. М.М. Бахтин отмечал, что автобиографическое время в античной литературе специфично: «Это время раскрытия характера, но отнюдь не время становления и роста человека. Сама историческая действительность, в которой совершается раскрытие характера, служит только средою этого раскрытия, дает поводы для проявления характера в поступках и в словах, но лишена определяющего внимания на сам характер, не формирует, не создает его, а лишь актуализирует его»

[1, с. 292]. В применении к русской мемуаристке XVIII века можно говорить о времени раскрытия и становления характера, так как это воспринимается самопознанием личности, становится организующим ее моментом. От «прежнего себя» к «другому себе» – этот процесс важен для разграничения автора и автобиографического героя. Автор относится к герою мемуаров постоянно как к другому себе, поэтому значение мемуаров «я – для – себя» находится в сфере изменения, развития. В этом плане характер этого движения определяется превращением «я – для – себя» в «другого себя», осознание «другого себя» снова как «я – для – себя», и так далее.

Такое стремительное изменение характера для автора мемуаров, безусловно, связано с ощущением смены эпох, разительным контрастом времени, особенно на стыке столетий: «Быстрыми сновидениями слетали с лица земли и с поприща политического мелкие события и затеи мелкого восемнадцатого столетия и быстрыми шагами, как провидение невидимое, выступал исполинский разгром Франции» [1, с. 291].

Отправной точкой развития характера автобиографического героя является разрушение идиллического хронотопа, связанного с интимно-камерным миром: «На многих челах померкла свежесть корон, для многих пышностей ударял час роковой, час могильный! Между тем, хотя я жил и не в Аркадии, но беспечность аркадская убаюкивала отроческие мои лета, и в то же время и для меня готовился перелом и переворот в тесном объеме умственной моей области» [2, с. 340].

Для приведенной цитаты характерно ощущение «себя прежнего» как «себя другого». «Я – для – себя», самосознание героя здесь выступает, прежде всего, в знании его о готовящемся переломе и осознании этого перелома как необходимого по отношению к дальнейшей жизни и в соединении идиллического хронотопа (аркадская обстановка) с историческим (час роковой исторических катаклизмов). Эта одновременность зафиксирована и подчеркнута самосознанием героя (между тем), однако, эта одновременность существования идиллического и исторического хронотопа зафиксирована сознанием «себя другого» и отражает, прежде всего, его саморазвитие, тогда как сознание «себя прежнего» для этого восприятия закрыто. Рассмотрены еще примеры соединения идиллического хронотопа с хронотопом историческим, отражающим публичную о внешность человека: «Петр Петрович Фромандье, инспектор наш, позвал в комнаты свои меня и брата моего Николая.

– Вот приезжий из Смоленска, – сказал Фромандье, – он хорошо знаком с батюшкою и матушкою вашею.

Мы спросили, здоровы ли наши родители.

– Здоровы, – отвечал он, – и прислали вам письмо и гостиницу.

Мы взяли письмо и стали читать. Тут ручьи слез брызнули из глаз отца нашего, и мы, бросаясь в объятия нашего родителя, плакали и кричали:

«Батюшка? Батюшка!»

Припомню здесь и то, что было тогда в родном моем городе Смоленске, 1797 года, Екатерина вторично посетила его. Князь Таврический был сделан в то время главным начальником войск и флота. Граф Румянцев возвратился тогда к войску...» [2, с. 340]

Одной из главных черт идиллического хронотопа является прикрепленность человека к родному уголку, семье, близким, поэтому так и переживают герои, когда получают «весточку» из родных мест от родителей. Бросается в глаза определенная нелогичность описанной сцены: приезжий из Смоленска привозит письмо братьям, рассказывает им о здоровье родителей, передает гостинцы, и вдруг: «...мы бросились в объятия родителя нашего, плакали и кричали...» [2, с. 340]. Читателю не понятно, откуда взялся батюшка? То ли это приезжий, но ведь он рассказал им о здоровье родителей, почему же он не был сразу узнан детьми? Очевидно, что камерно-интимный мир человека, определенный идиллическим хронотопом, находится в мемуарных записках вне конкретного времени, летоисчисления; отсюда как закономерность возникает и логическая путаница естественного хода развития событий. Неслучайно, вспомним, автобиографический герой называет местность, где он проводит детство, Аркадией (райская, счастливая страна с патриархальной простотой нравов, с почти неосязаемым течением времени). Важно отметить и то, что не указывается никаких временных ориентиров, перечисляется лишь последовательность действий (позвал, сказал, спросили, взяли, стали читать, брызнули, плакали, кричали) в эмоциональной, чувственной градации. Однако это восприятие уже оценивается как сознание «себя другого» и включается во время историческое, происходившее одновременно с этими событиями. Указывается конкретный год (1797), автор припоминает и происходящие дела государственной важности – посещение Екатериной Смоленска и т.д. Таким образом, можно отметить движение времени в раскрытии характера: от вневременной доминанты идиллического хронотопа до конкретного летоисчисления времени событийно-исторического, характеризующего «публичную о внешность человека».

Такое движение хронотопа определяет жанровую доминанту построения «Записок» С.Н. Глинки. Вот, к примеру, по какому принципу вводится в текст повествования лицо, частное, не выполняющее функции публичной о внешности: «В корпусе служил военным инспектором тот Де Рибас, о котором Суворов говорил, что его и Кутузов не обманет. Каким образом поступил он в числе нужных людей под знамена князя Таврического, об этом будет после, а здесь упомяну о том, что

называли причудами Потемкина, и кто объяснит мне эту загадку?» [2, с. 34].

Упомянутый как частное лицо Де Рибас подвергается публичной овнешненности – вписывается в систему государственных, исторических, судьбоносных отношений, причем это происходит путем троекратного усиления, за счет сращения с именами Суворова, Кутузова, Потемкина, после чего следует рассказ о «причудах князя Таврического», а Де Рибас автором временно оставляется в стороне. Публичная овнешненность всегда важна и принадлежит протекающему настоящему, тогда как то, что нуждается в доказательстве в принадлежности к публичной овнешненности, может быть рассказано после и принадлежит к настоящему, текущему, неважному. Разрушение идиллического хронотопа автобиографического героя не означает, что он перестает воспринимать пейзаж родных мест или теряет привязанность к родному уголку. Происходит соотнесение малой родины с другими категориями.

Идиллический хронотоп необходимо соотнести с такими понятиями, как «тихое» счастье, удовольствие, блаженство, ощущение привязанности лишь к данному месту: «Родина моя теперь в постороннем владении, но я видел следы праотцев моих; я видел липы, вязы и дубы, насажденные рукою моего прадеда... Я видел под сенью сих дерев, осенявших некогда юными и роскошными ветвями своими кружки пировавших друзей и родных, а теперь грустно, уныло отживающих в одиночестве безмолвном. Я сидел под ними, вслушивался в минувшее и вспоминал...» [2, с. 317]. Идиллический хронотоп, постоянно соотносящийся с настоящим, текущим, переходящий в него из прошлого, в воспоминаниях автобиографического героя связан с прошедшим временем, исчезает из реального мира, оставаясь лишь в воспоминаниях. Для мемуаров с ведущей героико-авантюрной жанровой тенденцией пейзаж не отражает лишь интимно-камерный мир героя, он всегда открыт для мира исторического, является неотъемлемой частью публичной овнешненности. Описывая в XI главе возвращение трех братьев в родные места, автор рисует великолепные картины природы: «А за заставой, под ясным, голубым небосклоном мелькнули в глазах моих и рощи, и поля, и луга, и долины, блиставшие изумрудами, и яхонтами, и топазами...». И буквально тут же внимание автобиографического героя переключается на рассказы старых служивых о военных баталиях. Причем, переход от интимно-камерного настроения к героическим рассказам логически не оправдан, да это и неважно для автора. Любое проявление публично-государственной овнешненности, уловленное автором, без промедления должно быть зафиксировано, независимо от того, о чем ранее шла речь.

Определяя скрытую пружину, дающую всему движение, развитие автор пишет: «Екатерина все оживляла, всему давала ход» [2, с. 352]. Императрица под пером мемуариста превращается в символ публично-государственной овнешненности, с которым связывается историческое время.

Функции пейзажа, соотносясь с рассказами о военных баталиях, приобретают значение таких категорий, как подвиг, слава во имя Родины.

Необходимо отметить постоянно присутствующий в тексте мемуаров мотив движения. Он передается через смену пейзажей, различных предметов видений, свободно сменяющих тему повествования; развитие характера автобиографического героя; свободное перемещение автора от настоящего к прошлому и обратно; пространственной расширенности происходящего и, наконец, хронотопа дороги. Этот хронотоп связан и с описанием столбовой дороги, проходящей через малую родину (село под Смоленском) в Петербург, и с переездом героя с места на место. Постепенно в тексте закрепляется за ним символическая знаковая, обозначающая жизненный путь человека: «Из нас, трех братьев, один я остался на шатких колесах нашего мира, так часто и в таких различных объемах кружащегося без мира» [2, с. 382].

В мемуарных записках С.Н. Глинки ощущается присутствие другой жанровой тенденции – социально-бытовой, связанной, как уже отмечалось, с интимно-камерным миром автобиографического героя. Безусловно, данная жанровая тенденция находится в прямой зависимости с героико-авантюрной. Однако проявляется ряд тем, определяющих специфику ее жанрового содержания. Прежде всего, это тема смерти. В том плане, в котором она встречается в мемуарных записках, она могла бы быть осмыслена и заключена в рамки публично-государственной овнешненности. Во-первых, описана смерть частного человека, не состыкующегося с историческим временем, во-вторых, это смерть родного брата, что объективно замыкает ее в рамки интимно-камерного переживания. Так или иначе, самосознание автобиографического героя воспринимает эту утрату в узких рамках я – для – себя и своей семьи: «Милый брат и сопитомец! Не стану оплакивать ранней твоей кончины, ты многого не испытал, не боролся не с собственным своим сердцем, ни с превратностями судьбы, и не испытал ты и горестного гонения страстей человеческих. Брат мой был моложе меня годом и питал в душе чувствительность добродетели. Никогда не огорчал он меня, но я в стенах корпуса огорчал его иногда упреками за пренебрежение французского языка» [2, с. 387]. Однако даже в этом своеобразном некрологе ощущается попытка вырваться за пределы интимно-камерного микромира.

Автобиографический герой указывает: «Я мечтал, а он рассуждал. Постоянное чтение истории сблизило с ним предварительный опыт. Я смотрел на все сквозь лучи радужные; взгляд его на общество был верный, но не порицательный» [2, с. 391].

Автобиографический герой, говоря о неопытности и чувствительной добродетели умершего

брата, лишь жалеет о нем, об утрате, медитируя на чувстве скорби, печали. В заслугу же умершему поставлены и осмыслены, прежде всего, функции публично-государственного человека (чтение истории, верный взгляд на общество).

Таким образом, можно говорить об особой героико-авантюрной жанровой тенденции, определяющей специфику хронотопа в «Записках» С.Н. Глинки.

Между тем, повествование «Записок Андрея Тимофеевича Болотова», мемуаров

Г. Добрынина, Г. Винского построено, прежде всего, под влиянием социально-бытовой жанровой тенденции, что ведет к реализации качественно другого хронотопа. Первое, что обращает внимание, – это осознание авторами своей жизни, как бы на обочине истории. Как пишет автобиографический герой «Записок Андрея Тимофеевича Болотова»: «... жизнь моя не такова славна, чтоб стоила описания, и что в течение оной не случилось со мною никаких чрезвычайных, редких происшествий...» [3, с. 10].

Интимно-камерный мир без опоры на историческое время, еще не признается самосознанием человека в качестве неотъемлемой и полноправной части макрокосмоса, отсюда и следуют подобного рода оговорки. Как традиция публично-государственной овнешненности человека может быть воспринята и оговорка автора, что начнет он, прежде всего, с памяти о потомках. Однако важна сама историческая личность писавшего – человека не знатного и не богатого, что позволяет избежать выхода на героико-авантюрную жанровую тенденцию: «Что касается до истории и до дел наших предков, то равномерно имел я о том очень малое и недостаточное сведение. Итак, все известное об них стоит только в некоторых словесных преданиях, да и то очень несовершенных и темных. Знатных и отменно прославившихся людей не было между ними. Не хочу я тем хвастать, а неуютно было также судьбе одарить их и знаменитыми достатками и преподать им случай по примеру прочих приобрести себе богатство, но они были дворяне недостаточные и незнаменитые» [3, с. 12]. В «Записках» Болотова подчеркивается неясность всего имеющего отношение к публично-государственной овнешненности (недостаточность, незнаменитость), история словно проходит мимо потомков Болотова.

Эти мотивы усугубляются в мемуарах Г. Винского и Г. Добрынина. Это связано, прежде всего, с тем, что в мемуарах отражено одиночество осознанное, фиксирующееся самосознанием как форма существования человека. Как указывал М.М. Бахтин, характеризуя зарождение данного типа в античной литературе: «Это новое отношение к себе самому, к собственному «я», без свидетелей, без предоставления права голоса «третьему», кто бы он ни был. Самосознание одинокого человека ищет здесь опору и высшую судебную инстанцию в себе самом и непосредственно в идейной сфере философии» [1, с. 296]. Однако, по мнению Бахтина, этот тип автобиографии в античной литературе новой формы для выражения одинокого самосознания не выработан, остался в рамках публично-исторических.

В русской мемуаристике можно ставить вопрос о существовании особого жанра, вслед за М. Бахтиным, назовем его стоическим.

Укажем оптимальные конститутивные моменты нового жанра: увеличение веса интимно-личной жизни в мемуарах (причем значимых лишь для этого человека и не соотношенных самосознанием автобиографического героя с публично-государственной сферой), осознание значения и важности своего времени и событий, прежде всего, своей жизни, возникновение особого жанрового содержания – мотивы смерти, бренность жизни, описание младенчества (как особого состояния, вызывающего эстетические переживания у автобиографического героя) и др., создание собственной философии жизни, полемичность и оспариваемость других точек зрения; декларация и осознание своего одиночества в мире как жизненная и эстетическая позиция автобиографического героя.

Под влиянием вышеуказанного, происходит изменение специфики хронотопа в мемуарах Г. Добрынина и Г. Винского. Обращает на себя внимание само название записок этих двух авторов, утверждающих правомерность частного взгляда со стороны на происходящие в стране события; взгляда через призму собственной судьбы, собственной биографии. Такой подход окончательно не утвердился в русской мемуаристике XVIII века, что обуславливает особую ценность записок Винского и Добрынина. Оба произведения начинаются с обоснования собственного взгляда на происходящее как взгляда частного лица (причем, если Болотов сводит эту оговорку к рассуждениям об интересном – неинтересном для читателя, то в «Истинном повествовании» и «Моем времени» обоснование осознанно полемично): «Я знаю самого себя лучше всего, так вот мой предмет: МОЕ ВРЕМЯ. Заглавие, однако, принадлежит венценосному сочинителю – тебя с первого шага оговорят. Порфирородный жил в свое время; я живу, имею мое, итак каждому свое. Я хочу писать мою жизнь, и какие мне памяты важнейшие, случившиеся в течение оной происшествия» [4, с. 2]. Отмеченная структурная особенность записок – полемичность – связана с утверждением в мемуарах интимно-личного, частного взгляда. Человек в мемуарах Винского сознательно уходит на «обочину истории», противопоставляя свое самосознание «громким подвигам витязей, славе владык, бедствиям народным» – публичному, государственному сознанию, утверждая самостоятельность и неслиянность частной жизни отдельного человека и исторических событий, непосредственно с ней не связанных.

Для мемуаров Г. Добрынина и Г. Винского характерны восприятие и фиксация самосознанием

героев, особых моментов временного отрезка жизни. Одним из таких зафиксированных и выделенных самосознанием временных моментов является «начальное» время, время, связанное с рождением человека. Винский, обращаясь к роману Л. Стерна «Жизнь и убеждения Тристама Шанди», вводит в текст мемуаров реминисценцию из этого романа, оказывающуюся лейтмотивной для «начального» времени: «Остроумный Шанди от одного неосторожного и не в пору сделанного вопроса: «Заведены ли часы?» выводит самое глубокомысленное умствование о значении, рождении и следствиях от того на всю жизнь человека» [4, с. 4]. Эта реминисценция является ключевой для понимания одного из первых эпизодов из мемуаров писателя: «Скажи, душа моя, – промолвила моя матушка, – не забыл ли ты завести часы? – Бог мой, – воскликнул отец, стараясь в то же время умерить голос, – я убежден, что еще ни одна женщина, с тех пор как мир стоит, не отвлекала человека таким дурацким вопросом» [4, с. 155]. Время рождения или начальное время определяет нрав и характер человека, появившегося на свет: «Так, шандеизм может, при тщательном розыскании, развязывать запутанные узлы и по нему же «дети порочной любви редко бывают добрыми существами, сын же распутных не может быть иное, как изверг» [4, с. 5]. Еще одна черта начального времени – синтез, квинтэссенция закономерностей предшествующих жизни родителей, передающейся рожденному. «Начальное» время судьбоносно, именно оно определяет дальнейшую судьбу человека. Это хронотоп зарождения нового и другого самосознания. Реминисценция из романа Л. Стерна, обыгранная Винским в вопросе отца «заведены ли часы?», несет на себе функцию подтекста: отсчет времени новой жизни, и одновременно определения ее сущностной значимости (по шандеизму, неуместно заданный вопрос матерью, вызвавший раздражение отца, при зачатии скажется на характере ребенка). «Начальное» время, таким образом, выражается, прежде всего, через слово автора о еще не совершившемся действии, но уже предполагаемо судьбоопределяющем.

Летоисчисление этого «начального» хроноса лишь соотносит его с текущим временем других людей и, в частности, родителей: «Отец Степан Акимович Винский, юноша 21 года, женился по взаимной сердечной склонности на матери моей, 16-ти летней отроковице Марфе Артемьевне Пискаревской, и их счастливый союз Бог на десятом месяце благословил мною» [4, с. 1].

Внутреннее движение записок Г. Винского – это постепенное осознание героем своего одиночества, постепенное превращение в исповедь одинокого самосознания. Сначала автобиографический герой оказывается социально выключенным – он посажен по клевете в тюрьму. Интересно отметить, что первые эпизоды, повествующие о заключении, рассказывают лишь о событиях, когда героя мемуаров вызывают из камеры на допросы, очные ставки, свидания. Он не отделяет себя от других, проходящих по этому делу: «Все, однако, что мы ни думали о себе частно или заключали совокупно, ни мало не переменив нашего положения, заставляло с терпением ожидать будущего» [4, с. 51]. Однако несправедливое наказание, ссылка невинного дает толчок выходу самосознания героя, воспринимающего и фиксирующего свое одиночество в мире: «Станным, может быть, покажется читателю, что я со вторичного моего из Малоросии выезда ни единожды не упомянул о моих родственниках. Вина сего молчания – неимение ничего важного по сей части к сообщению: я стал как бы чужой моим родным» [4, с. 62]. Это одна из форм выражения одинокого самосознания: утрата родственных связей, обособление своего хронотопа от хронотопа других людей. Самосознание героя постоянно фиксирует его глубокое одиночество: «...вечное мое напоминание о тебе, почтеннейший и любезнейший друг Петр Иванович Чичагов. В тебе я потерял одного совершенно моего единомышленника, сострадательного друга, честного и с обширными знаниями человека»; «Нет ни единой души, которую понимала бы моя, ни единого сердца, которое билось бы для моего» [4, с. 131]. И последний аккорд – смерть супруги автобиографического героя: «Описывая мою горесть, как давно пошедшее, не поставлю нужным, скажу только, что она была точно искренна, и что сожаление о сей моей потере никогда не выходило из моего сердца. Жизнь моя после сея эпохи, хотя нельзя сказать, чтобы хуже была прежней, но, признаться должен, что с покойною подругою она была несравненно лучше; теперь же, когда я уже стал стар и дряхли когда предел мой у меня в виду, я каждодневно ее воспоминаю, ибо чувствую, что одна только добрая жена быть могла бы, в сие роковое время, истинным моим попечителем, утешителем...» [4, с. 141].

Последняя оценка – «роковое время» – характерна для самосознания одинокого человека, оно превалирует в его хронотопе: отсутствие дома как конкретного пространства, где автобиографический герой ощущал бы себя спокойным, умиротворенным; где все окружающее приобрело для него смысл (он скитается по усадьбам помещиков, находясь в ссылке, и занимается воспитанием их детей), уход в прошлое, обостренное ощущение бренности жизни и своего приближающегося «предела» заставляют героя чувствовать бессмысленность пространственно-временного измерения жизни: «Из благодати за такую милость, почитая ее несомненною, последний год моего житья в сем доме, я могу сказать, что точно не жалел себя самого, стараясь всеми силами удовлетворить детскую горячность к учению. Не редко 12 часов в сутки я сидел, как осужденный, переходил от перевода к истории, от нее к автору, к сочинению, и пр. и пр. Живучи в сем доме, особенно после кончины моей жены, множество я имел странных приключений, которые описывать не поставлю, однако, нужным: ибо оне растянули бы только мое повествование» [4, с. 143]. Жизнь, теряющая смысл, ценность самосознания, движение мысли (здесь оно выражается в стрем-

лении к «учению») заставляет оборвать автобиографического героя свое повествование, хотя «имел множество странных приключений», но для одинокого самосознания они не важны, так как вписаны автобиографическим героем силой мысли в общефилософское, пессимистическое восприятие жизни.

Сложное взаимодействие и соотношение различных временных пластов повествования характерно для автобиографических записок Г.И. Добрынина. Созданные в последние десятилетия XVIII века, они отразили необычайно насыщенный с точки зрения истории период жизни русского общества.

Повествование Добрынина начинается словами «В бездне безначального и бесконечного времени, пред рассветом, уже был 20-й день марта 1752 года <...> я родился...» [5, с. 3]. По мысли автора, человек становится человеком, пробиваясь через «безначальность» и «бесконечность» к осознанию начала и конца своей жизни. Эти философские понятия «жизненачала» и «жизнеконца» становятся основополагающими для мироощущения Добрынина: гармония мира как бы определена чередованием начала и конца; хаос и ужас связан с временной вечностью – «безначалием и бесконечностью».

Наблюдая разрушенную церковь в селе Крестове Карачевского уезда, герой «Истинного повествования» замечает разрушение рукотворного временным: «Крыша церкви сгнила, вырезанный искусною рукою иконостас <...> уже сгнил и осыпался...» [5 с. 20]. И только железо и камень противостоят натиску времени «...но стен ничего не коснулось <...> железные в окнах решетки сработаны наилучшим образом» [5, с. 20]. Автобиографический герой стремится уловить в бездне «бесконечного и безначального времени» повторяемость, осмыслить ход природной жизни. Мотив разрушения, гибели родного угла заставляет героя повествований острее чувствовать круговорот жизни, взаимосвязанность рождения и смерти, созидания и разрушения. Но к моменту создания «Истинного повествования» автобиографический герой еще относительно молод. Вот почему жизнеутверждающие идеи в его записках все же доминируют. Не случайно среди разрушения и запустения он слышит не только свист и глухой вой ветра, раздававшийся в церкви, но и непрерывное пение воробьев и ласточек, «кои от давних времен наследственно вьют там гнезда» [5, с. 20].

Образ времени представлен в записках Добрынина зримо. Особенно это характерно для первой части жизнеописания: «...время пробежало к вечеру на куртаге, в карете, заложенной бесчисленными минутами, в препровождении несчетного числа жребиев человеческих, кои все меж собою столько ж различествовали, как и человеки, – кроме самого времени, которое сидело важно и постоянно, что переменяя непременно и непрерывно все, само казалось презирало перемены» [5, с. 14].

Психология героя представлена в особой системе хронотопных координат, одной из особенностей которой является постоянно изменяющееся представление автобиографического героя о времени, сознательно подчеркиваемое автором. Если в первой части автобиографический герой не чувствует стремительного бега времени, перемены происходящие в жизни воспринимаются им как естественное изменение хода событий, то ощущение приближающейся смерти в третьей части записок заставляет повествователя чувствовать себя несомым бурным временным потоком, воспринимать время в его взаимоисключающих противоречиях: «Вся моя протекшая жизнь и служба – похожа на участь того пловца, который лишь только приближается к желаемому пристанищу и – бурная погода отбивает его паки в море, волнами обуреваемое» [5, с. 333].

Символическое выражение времени первой и третьей частей построено на своеобразном контрасте «жизненачала» и «жизнеконца»: «Бессмертное! – непрерывно умирающее! Животворящее! – умертвляющее. Неосязаемое – оощуемое. Недвижущееся! – скоробегущее!» [5 с. 333]. Хронотоп второй и третьей части автобиографии Добрынина – время, выбивающееся из привычных рамок, привычного хода. Все чаще автобиографический герой обращается к мысли о «непрочности» человеческой жизни перед лицом смерти: «Бедное и бедствующее творение человек! Сама жизнь кажется ему неограниченной временем: но в самом деле, одна уже во мрачный ужас обличенная смерть достаточна его просветить, что обитаемый нами шар не имеет ничего прочного!» [5, с. 139]. Финальная часть повествования проникнута мотивом ожидания собственной смерти: «Следовательно, мне теперь остается ожидать только деревянного креста на могилу, которую я завещаю заглазить так, чтоб видов ее не осталось» [5, с. 316]. Желание автобиографического героя сровнять могильный холм с землей, оставив лишь крест, свидетельствует о своеобразной перестройке в его символично-личностном восприятии мира. В данном случае, крест – символ христианского завершения жизненного пути героя.

От рождения в болях и муках матери к осознанию собственных бед и несчастий – таков путь, который проходит человек в своей земной жизни. Таков и тот своеобразный итог, к которому подводит своего читателя повествователь. На этой грустной ноте и заканчиваются автобиографические записки Г.И. Добрынина.

Проанализированные жанровые тенденции, специфика хронотопа позволяет говорить о двух взаимоположенных путях в развитии мемуарного жанра в XVIII столетии.

In the article on the example of N.G. Glinka, G. Vinsky, G. Dobrynin and A. Bolotov's literary works the typology of genre form of the memoir –biographical prose is examined. The categories of space and time motivicity, conception of personality are taken as the criteria allowing to single out different modifications.

The key words: memoir–biographical prose, chronotop of time, chronotop of space, genre modifications, life motifs, intimate-chamber motifs, idyllic chronos, biographical chronos.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Глинка С.Н. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М., 1988.
3. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков // Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М., 1988.
4. Винский Г.С. Мое время. Записки. СПб., 1914.
5. Добрынин Г.И. Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина, им самим описанная в Могилеве и Витебске в трех частях. СПб., 1871.

Об авторе

Антюхов А.В. – ректор, доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, bргу@mail.ru.

Антюхова С.Ю. – кандидат филологических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, bргу@mail.ru.

УДК – 880+416:43

ЧЕРТЫ РЕЛИГИОЗНОГО СИМВОЛИЗМА В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОМ ПЕЙЗАЖЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

И. Ю. Барышникова

Статья посвящена эсхатологическому (апокалиптическому) пейзажу в русской поэзии. Этот феномен представлен в работе произведениями А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, А. Блока (городской пейзаж); М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева и И.А. Бунина (через пейзаж рассмотрены две различные концепции Апокалипсиса); а также И.А. Бунина и иеромонаха Романа, где интерпретируются символические образы и явления природы 6-ой, 8-ой, 16-ой глав Откровения св. Иоанна Богослова.

Ключевые слова: Эсхатологический (апокалиптический) пейзаж, Откровение св. Иоанна Богослова, природные образы и явления, природный катаклизм, стихия, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, А. Блок, И.А. Бунин, иеромонах Роман.

Эсхатологический пейзаж – естественное явление в иконографической традиции, вообще в религиозной живописи. Это, как правило, картины, отображающие представление христиан о конце света [1]. Заметим, что они широко использовались и русскими писателями и поэтами, воспринимающими свое время как трагическое, как смену эпох – начало конца человеческой истории. Эсхатологический (или апокалиптический) пейзаж в художественной словесности имеет двойную природу: он может представлять собой парафразирование библейских текстов [2], с другой же стороны, источником его появления в прозе и поэзии были впечатления от фресок, икон, полотен монументальной живописи на религиозную тему. Так или иначе, эсхатологический пейзаж в литературном произведении напоминает и о каноническом тексте, и о его интерпретации в живописи, доминантным методом которой был религиозный символизм [3,4].

Несомненно, в названном явлении отражаются природные картины, которые могут внешне выглядеть как объективно-реалистические (в них рисуются объективно возможные стихии, разрушающие устоявшуюся жизнь, – наводнение, засуха, землетрясение и т.д.), но деталей разрушения так много и они так плотно следуют друг за другом, что картина перестает быть слепком реальности и воспринимается как масштабный символ разрушения жизненных основ [5].

Так, поэма А.С. Пушкина «Медный всадник» (1833) начинается с описания Петербурга, возникшего среди болот благодаря тяжкому труду и жертвам тысяч людей. И вот страшное наводнение (факт которого отрицать невозможно) сметает все на своем пути. Укрошенная, казалось бы, стихия становится сильнее гранитных «препон», воздвигнутых человеком:

*Осада! Приступ! Злые волны,
Как воры лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревны, кровли,*

*Товар запашливой торговли,
 Пожитки бедной нищеты,
 Грозой снесенные мосты,
 Гроба с размытого кладбища
 Плывут по улицам! Народ
 Зрит Божий гнев и казни ждет[6].*

Гиблое, болотистое пространство, на котором реальный император Петр I воздвиг свой город, интерпретируется мастером словесной живописи как место едва ли не проклятое, нечистое, призывающее на себя напасти и буйство стихий. Противоестественность жизни в городе Петра объясняется автором поэмы следующим образом: здесь смешаны день и ночь, в «прозрачном сумраке» разлит «блеск безлунный». Признаком нарушенного порядка вещей являются и белые ночи – сияние, вторгшееся в стихию ночи, и реки, прорывающие во мраке канал. Ведь изначальная граница, созданная в первый день творения, была граница между светом и тьмой. Разрушительные силы, стирающие физические границы между сушей и морем, светом и тьмой, стремятся разрушить и нравственную границу между жизнью и смертью, заповедь «не убий». Отвоєванный у стихии в нарушение всех законов естества, в пренебрежении к границам света и тьмы, тверди и влаги («в гранит оделася Нева» - не случайно автор прибегает в данном случае, да и в других, уже процитированных, к олицетворению, как будто стихии персонифицированы), жизни и смерти (город, вознесшийся над болотами, унес жизни тысячей своих строителей), «град Петров» становится каменным могильным склепом для жертв наводнения.

Пушкин развивает мотив дьявольского наваждения в образе ожившей статуи. Сатанизм Петра обозначен прежде всего словами «горделивый истукан», «кумир на бронзовом коне», словами, которые в христианской традиции имеют однозначно отрицательное значение: «не сотвори себе кумира» или «не поклоняйтесь бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить» (Откр.9,20).

Оживший «истукан» покидает постамент, чтобы преследовать живого Евгения, угрожая ему смертью. В Апокалипсисе об антихристе сказано: «И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя» (Откр.13,15). Конечно, антихрист не воскресает сам и не воскрешает умерших, как это делает Христос, но оживляет мертвое, чтобы умертвить живое. Прослеживается явная связь с апокалиптическим всадником на бледном коне: «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть, и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли...» (Откр. 6,8). И петербургскому всаднику дана великая власть, он «державец полумира». В пушкинском описании сохранена даже сема «блед»:

*И, озарен луною бледной,
 Простерши руку в вышине,
 За ним несется Всадник Медный
 На звонко-скачущем коне...*

Нева ведет себя как апокалиптический «зверь из бездны»: «И вдруг, как зверь остервенясь,/ На город кинулась. Пред нею/ все побежало, все вокруг/ Вдруг опустело». Ср. с изображением падения Вавилона в Апокалипсисе: «Горе, горе тебе, великий город, одетый в виссон и порфиру и багряницу, украшенный золотом и камнями драгоценными и жемчугом, ибо в один час погибло такое богатство!...ибо опустел в один час!» (Откр.18, 16-17, 19). Вообще у Медного всадника и разбушевавшейся реки обнаруживаются общие намерения. Нева не трогает всадника, как бы усмиряется подле него. Сам же всадник «над возмущенною Невою стоит с простертою рукою». Ведь бунт реки против города предопределен бунтом самого Петра против природы.

В стихотворении Ф.И.Тютчева «Венеция»(1850) описывается венецианский обряд: ежегодное обручение дожа с Адриатикой в знак любви и верности:

*Дождь Венеции свободной
 Среди лазоревых зыбей,
 Как жених порфирородный,
 Достославно, всенародно
 Обручался ежегодно
 С Адриатикой своей.[7].*

Сам обряд не только не связан со смертью, но, напротив, выступает как утверждение жизни. Тютчев, однако, интуитивно угадывает здесь присутствие смерти, что и порождает скрытые в тексте стихотворения эсхатологические мотивы, связанные с грядущей гибелью города в морской пучине:

*А теперь? В волнах забвенья
 Сколько брошенных колец!*

*Миновали поколенья, -
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!*

Апокалиптический мотив близок именно русскому сознанию благодаря ассоциациям с Петербургом, которые сказались в стихотворении «Венеция» и задали ему безысходный тон. Некая безысходность и даже страх ощущаются и в тютчевском «О чем ты воешь, ветер ночной?»(1836): «О, страшных песен мне не пой,/ Про древний хаос, про родимый». Однако душа поэта жаждет вернуться в первоначальную стихию, из которой она пришла в этот мир. Поэта влечет неумолкаемый зов в первородный хаос: «Как жадно мир души ночной/ Внимает повести любимой!». В других произведениях Тютчев эсхатологический мотив усиливается:

*Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!*
(«Последний катаклизм»(1829)) [8]

Иконографические черты (изображение лика Божия) здесь неслучайны. Последний катаклизм хотя и разрушителен, но в нем видится промысел Божий, обновляющий и преображающий «все зримое». В таком контексте интересен апокалиптический образ грозы в тютчевском же стихотворении «Успокоение»(1829) и в «Последней грозе»(1900) И.А.Бунина. Конечно, в данном случае есть лишь ассоциация, без сверхзадачи, авторы только отсылают к образу стихии последних времен:

*Гроза прошла - еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роце раздалась
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася. (Тютчев)[9]*

Ср. с лермонтовской «Грозой»(1830), где тютчевская и бунинская концепция грозы переосмысливается на гораздо более трагический лад:

*Ревет гроза, дымятся тучи
Над темной бездною морской,
И хлещут пеною кипучей,
Толются волны меж собой.[10]*

Лирический герой холодно и равнодушно взирает на грозное явление природы:

*О нет! – летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над головой;
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет не знаком со мной.*

Внутренний конфликт связан с утратой духовных ценностей, равнодушием, душевным холодом при огне в крови. Апокалиптический образ теплохладности (ср. «о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр.3, 15-16)) наводит на мысль, что герой мучается как в аду или во время стихийного бедствия, когда все вокруг горит в огне, как сказано в Откровении св.Иоанна Богослова: «И взял Ангел кадильницу, и наполнил ее огнем с жертвенника, и поверг на землю; и произошли голоса и громы, и молнии и землетрясения» (Откр.8,5). Отсюда «огонь воздушный», «огнистая лента», «губитель-пламень» в стихотворении Лермонтова. В «Трех пальмах»(1839) также присутствует огонь и другие, свойственные эсхатологическому пейзажу образы: жгучее солнце, пепел, раскаленный песок, бесплодная почва. Но здесь они являются не результатом действия внешней стихии, а закономерным итогом вражды человека с Богом и с природой, символом внутренней опустошенности: «И ныне все дико и пусто кругом». Ср. с пушкинскими строками: «Духовной жаждою томим/ В пустыне мрачной я влачился». Эта духовная пустыня и предчувствие надвигающейся катастрофы еще сильнее ощутимы у поэтов Серебряного века, например в городском пейзаже А.Блока:

*Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил
.....
Красный дворник плещет ведра*

*С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной,
И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окравленный язык.
(«Город в красные пределы... (1904)» [11]).*

Кроваво-красный цвет здесь явно апокалиптический: «Второй Ангел вылил чашу свою в море: и сделалась кровь, как бы мертвеца, и все одушевленное умерло в море. Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь» (Откр.16, 3,4). И, хотя в Откровении св. Иоанна нет образа кровавого солнца, как это дано у Блока («кровью солнца окатил»), однако присутствует образ окравленной луны: «...и луна сделалась как кровь» (Откр.6,12).

Вообще, отдельные природные явления-символы, создающие собственно апокалиптический пейзаж, представлены в основном в 6-ой, 8-ой, 16-ой главах Откровения: мрачное солнце, палящее солнце, окравленная луна, падающие звезды, небо, свившееся как свиток, землетрясение, камнепад, гром, молния, град, огонь, высохшая трава и деревья, горькие, отравленные водные источники. Эти образы выписаны в стихотворении И.А.Бунина «День гнева»(1903-1905), в поэме нашего современника иеромонаха Романа «Глаголы вещие»(1991) (особенно главы 2,4.10) и во многих других произведениях поэта-монаха «И вижу в окравленной луне»(1991), «И вижу сон – великая луна»(2001), «Живая смерть»(2001), «Ад»(2001), «Апокалипсис»(2003). Наиболее живописен, на наш взгляд, пейзаж в стихотворении «И вижу в окравленной луне»:

*И вижу в окравленной луне,
Что от племен языческих сокрыто:
Сгорит земля и вся дела на ней,
И небеса совьются, яко свиток.
И звезды, сотрясаясь, ниспадут,
И будет ужас и тоска в народе...
Не потому ль дрожащую звезду,
Уединясь, ищу на небосводе?
Она дрожит, пока еще дрожит,
Желанный свет бросая пешеходу...
О, сколько мрака на земле и лжи,
Что Божий гнев коснется небосвода.[12]*

Ср. «...и лик луны – как кровь» (Бунин), «И, яко кровь, луна на небосводе», «окравленная луна», «луны окравленный ком», «Какая обреченная луна!», «скорбное светило», «великая луна», «Луна иная восстает на эту» (иеромонах Роман). «Чернота солнечная и темно-красный вид луны означают, по объяснению блаженного Кирилла, душевный мрак постигнутых гневом Божиим» [13].

«...и небо/ Свилось, как свиток хартии» (Бунин), «И небо отлучися, яко свиток», «И небеса совьются, яко свиток», «И небеса свились!», «...небо свивается в свиток» (иеромонах Роман). Это выражение «указывает на неизвестность второго пришествия Христова, так как свиток свивается без шума и неожиданно, или указывает на сострадание и печаль небесных сил, сожалеющих об отпавших от веры. Этим же вместе с тем указывается и на то, что небо подлежит не гибели и истлению, а как бы некоторому свиванию и изменению на лучшее» [14].

«И звезды устремились вниз» (Бунин), «Падоша звезды», «И звезды, сотрясаясь, ниспадут», «дрожащая звезда», «Она – (звезда, прим. наше И.Б.) дрожит, пока еще дрожит,/ Желанный свет бросая пешеходу» (иеромонах Роман). Образ дрожащей звезды, то есть звезды, которая еще на небосклоне, но уже начинает падать – это образ близости Второго пришествия Христова. Оно еще не наступило, но по всем признакам уже «близко, при дверях» (Мф.24, 33).

Апокалиптический или эсхатологический поэтический пейзаж для иеромонаха Романа – это форма проповеди, это не только напоминание современным людям о приближающейся кончине мира, но и напоминание о причинах ее приближения. Природные катаклизмы есть следствие человеческого греха:

*И третья часть солнца, звезд, луны
Затмилася четвертою трубою,
Светила, не имущие вины,
За человеков уязвились тьмою.[15].*

Таким образом, если в городском эсхатологическом пейзаже А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева предвосхищением грозных событий Апокалипсиса является описание реальных исторических событий (наводнение), то у А. Блока пейзаж психологизируется. Стихийное бедствие как таковое отсутствует, но умонастроения людей таковы, что город уже духовно мертв (символ смерти – кроваво-красные апока-

липтические тона), и именно этот факт предвосхищает всеобщую катастрофу. Лермонтовские апокалиптические картины природы безысходны, будь то собственно природное явление (гроза) и его воздействие на лирического героя или результат варварского вмешательства человека; в то время как Тютчев гораздо оптимистичнее. По его мнению, природный катаклизм, в том числе и последний, промыслителен, это есть форма обновления и преображения действительности. Символические образы и явления природы, описанные непосредственно в 6-ой, 8-ой, 16-ой главах Откровения св. Иоанна Богослова, такие как палящее солнце, окровавленная луна, падающие звезды, землетрясение и др., интерпретируются И.А. Буниным и нашим современником иеромонахом Романом. Если для Бунина эсхатологический пейзаж есть своего рода эстетическая игра, обусловленная общими апокалиптическими настроениями той эпохи, то для иеромонаха Романа такой поэтический пейзаж представляет собой вариант проповеди, в которой поэт-священнослужитель не просто напоминает о предстоящей катастрофе, но указывает на ее причину: природа безвинно будет страдать и уже страдает сейчас от человеческого беззакония.

The article is devoted to the eschatological landscape in Russian poetry. This phenomenon is reflected in the article through the poems by A.S Pushkin, F.I.Tutchev, A.Block (urban landscape), M.Y.Lermontov, F.I.Tutchev, I.A.Bunin (two different concepts of Apocalypse are regarded through a landscape), and also I.A.Bunin and hieromonk Roman, where the symbolic natural phenomena from Revelation of St. John the Devine (chapters 6,8,16) are interpreted.

The key words: *Eschatological landscape, Apocalypse, Revelation of St. John the Devine, natural phenomena, natural disasters, A.S.Pushkin, F.I.Tutchev, M.Y.Lermontov, A.Block, I.A.Bunin, hieromonk Roman.*

Список литературы

1. *Толкование на Апокалипсис св. Андрея, архиепископа Кесарийского.* М., 2008; Брянчанинов Игнатий, епископ. Слово о смерти. М., 1991; Пивоваров Виктор, архиепископ. Начало и Конец. Опыт эсхатологического богословия. Славянск- на- Кубани, 2007. и др.
2. *Новый Завет.* М., 1993.
3. *Буслаев Ф.И.* Русский лицевой Апокалипсис. Спб., 1884; Покровский Н.В. Страшный Суд в памятниках византийского и русского искусства. Одесса, 1887; Флоренский П.А. Иконостас. М., 1994. и др.
4. *См. гравюры Дюрера, картины В.Васнецова, В.Верещагина, М.Нестерова, М.Шагала, В.Линницкого и др.*
5. *Бритиков А.Ф.* Поэтика и смысловая роль пейзажа. Шолоховское чувство природы // Мастерство Михаила Шолохова. М.-Л.: Наука, 1964. С.138-143; Никольский В.А. Природа и человек в русской литературе 19 века (50-60-е годы). Калинин: изд-во Калининского ун-та, 1973; Пигарев К. Русская литература и изобразительное искусство: Очерки о русском национальном пейзаже середины XIX века. М.: Наука, 1972; Саводник В.Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911; Эпштейн М.Н. "Природа, мир, тайник вселенной...": Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990; "Чувство природы" в русской литературе. Сыктывкар: изд-во Сыктывкарского ун-та, 1995.
6. *Пушкин А.С.* Поэмы. М., 1982. С.275.
7. *Тютчев Ф.И.* Стихотворения. М., 1987. С.86
8. Там же. С.35.
9. Там же. С.41.
10. *Лермонтов М.Ю.* Соб. соч. Т.1. С. 221.
11. Блок А. Избранные стихотворения. М., 1995. С. 80.
12. *Иеромонах Роман.* И вижу в окровавленной луне.// Последние судьбы мира. Киев, 1994. С.3.
13. *Толкование на Апокалипсис св. Андрея, архиеп. Кесарийского.* М., 2008. С. 75
14. Там же. С. 76.
15. *Иеромонах Роман.* Глаголы вещи.// Внимая Божьему велению... Минск, 2000. С. 502.

Об авторе

Барышникова И. Ю. – кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, докторант Литературного института имени А.М.Горького, ir-bar2010@yandex.ru

УДК – 8А/Я 1.09

**АРХЕТИП МУДРЕЦА И ВИТАЛЬНОСТЬ МЫСЛИ В КОНЦЕПЦИИ
АВТОРОВ-НАТУРФИЛОСОВ Ч.Т. АЙТМАТОВА И С.П. ЗАЛЫГИНА**

Е.Н. Бондаренко

В статье рассматривается витальность мысли и архетип мудреца в концепции Ч.Т. Айтматова и С.П. Залыгина. Идеал авторов-натурфилософов – многомерная личность, обретающая бессмертие в мысли. Персонализация мудрости и зрелости в архетипе связывается писателями с природным началом, в котором заключается витальная энергия бытия.

Ключевые слова: мудрец, архетип, натурфилософия, природа, разум, мысль.

Литература, запечатлевающая мир через призму *philosophia naturalis* (натурфилософия), большое внимание уделяет созданию образов *мыслящих* личностей. Это обусловлено тем, что только обладающий высшим знанием человек может реализовать себя как Сфайрос, соответствующий авторскому идеалу. Однако простого понимания и чувствования сути явлений натурфилософскому герою становится недостаточно, так как в своём стремлении единения с бытием всего существующего он всё же старается сохранить «душевное равновесие, обрести, если использовать пушкинский образ, самостоянье человека» [14, с.143]. Это сочетание вселенского и индивидуального становится возможным лишь с помощью работы сознания натурфилософского героя. У него «рождается предчувствие мысли, предчувствие того обобщенного начала в мире, которое должно как-то объединить, связать в единое целое разбросанные как попало явления природы <...>» [12, с.36].

В натурфилософской прозе второй половины XX века создаётся культ разума. Он базируется на способности выживания личности и обретении ей бессмертия. Витальная энергия заключается для многомерного человека в идее о конечности бытия как определённом роде знания. Характерно в этом смысле высказывание Эпикура: «<...> Смерть, не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти ещё нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет» [18, с.316].

Кроме того, разум помогает натурфилософской личности выжить в естественных условиях: «Человеку со всей определённой необходимостью общи убеждения и идеи, которые придают смысл его жизни и помогают ему отыскивать своё место во Вселенной. Человек способен преодолевать совершенно невозможные трудности, если убеждён, что это имеет смысл» [20, с.98]. Подобная разумная устроенность бытия личности и испытываемое ей чувство «единства мира» [14, с.101] порождает в натурфилософской прозе определённый тип героя-мудреца, имеющего в литературе давние истоки.

Этот «универсальный образ <...> наделён свойством «вездесущности» и пронизывает всю культуру человечества с древнейших времён до современности» [7, с.24]. Его «бытийная константа» [15, с.51] заключается в обращении личности к своим истокам (природе), к осознанию ей реальных действительности и возможности разрешения противоречия между «Я» и «МЫ». Доминантой образа становится «персонализация мудрости и зрелости» [17, с.201]. Подобная фигура возникает в литературе ещё в античные времена (Тиресий из трагедии Софокла «Царь Эдип»). В натурфилософии мудрость амбивалентна безумству, которое представляется оборотной стороной разума. Однако воспринимается оно как равное ему состояние, преувеличенный логос. Сумасшествие становится мудростью, а герой обретает статус пророка (по Юнгу – символ). Таковы библейские мыслители и философы О.Хайяма.

Образ мудреца – проявление логоса, так как только разумный человек, согласно учению, может жить в согласии с окружающей средой. Именно поэтому большое внимание уделяет ему натурфилософская проза второй половины XX века. Помимо этого, значимой является его энергичная сущность. Мудрец предстаёт как человек-атом, следовательно, носитель идеи. Здесь прослеживается явная переключка с «матрицами» [8, с.45] К.Г. Юнга. Во-первых, его архетипы – «это как бы Платоновы идеи, из божественного сознания перемещённые в бессознательное человека» [6, с.125], то есть имеющие отприродную суть праформы. Во-вторых, в них отмечается общность психической энергии личности «с животным миром» [6, с.126].

Следовательно, образы мыслителей в натурфилософской прозе второй половины XX века можно интерпретировать с опорой на понимание архетипа мудреца К.Г. Юнга. Он заключает в себе всю разумность мира и дарит человеку гарантию продолжения его бытия. Закон выживания требует от личности развитой аналитической способности. Ей и обладает натурфилософский мудрец. Для сохранения витальной энергии на Земле «лишь особый разум философа способен заглянуть по ту сторону этой привычной картины мира, населённой статичными и изолированными друг от друга вещами» [19, с.78]. Он же и соединяет их воедино, причём сам подвергается изменению: «окружающая атмосфера поглощается» им и в то же время «поникая» ему «под кожу» [19, с.61], вмещает его в себя. Так, герой проходит путь человека-Сфайроса.

Важнейшим условием подобного личностного становления является уход от социально-исторической действительности. Мысль может родиться лишь в бытии всего существующего: «<...> Жи-

вущий в естественных, природных условиях человек удивительным образом осознаёт то, о чём городской житель просто не догадывается <...> [19, с.59]. Здесь важно учесть разрушительную роль социума в атомарной реализации личности, а не конфликт между людьми различных общественных статусов. Данная проблема натурфилософских мудрецов не занимает, они стремятся ощутить сопричастность всему человечеству. Именно поэтому герои Ч.Т. Айтматова и С.П. Зальгины так жаждут оказаться в естественных условиях. Их мыслители ощущают всю полноту бытия человека лишь наедине с природой.

Герой повести Ч.Т. Айтматова «Пегий пёс, бегущий краем моря» Орган пылает особой страстью к морю, так как оно располагало «к его заветным раздумьям» [2, с.20]. Вода – источник витальной энергии – становится одновременно и символом умиротворённости, рождающей в голове героя деятельную мысль. Здесь созерцание вечного приводит личность к возможности реализовать себя, почувствовать (точнее, осознать) свою принадлежность природе, которая в силу своей созидательной устроенности в подобном познании не нуждается. Отрешённое наблюдение перерастает для Органа в действие. Уединение на природе обращает героя в состояние Сфайроса: «Здесь он чувствовал себя сродни и Морю и Небу» [2, с.20].

Устремление в бескрайность приводит Органа к осознанию бессмертия личности. «Мудрый старец» [16, с.474] замечает атомарное устройство мира, заключающееся в кругообороте явлений. Его идея бессмертия сводится к «преемственности мысли человеческой» [9, с.3]. Познание мира превращается в бесконечный процесс. Герой представляет себя одним из звеньев этой цепи бытия: «А когда он умрёт, кто-то другой будет мыслить дальше, от него и дальше, а следующий ещё дальше и так без конца...» [2, с.20]. Таким рассуждением Орган утверждает ценность познания в жизни человека, так как в концепции автора мысль – источник витальности. Ведь именно она подвигла его спасти Киришка. В этом же ключе раскрываются образы других героев натурфилософской прозы второй половины XX века.

«Человек напряжённой мысли» [11, с.235] герой романа «И дольше века длится день...» Едигей также задумывается о сущности разума личности и обретает в процессе мышления некую *полноту*. Он говорит себе: «Оказывается, голова человека ни секунды не может не думать. Вот ведь как устроена эта дурацкая штука – хочешь ты или не хочешь, а всё равно мысль появляется из мысли, и так без конца <...>» [1, с.258]. Помимо Едигея, эту формулу бытия осознанно принимает герой романа С.П. Зальгины «После бури» Пётр Корнилов. Он пребывает в состоянии «жизни-мысли» [5, с.121] и жаждет уйти от индивидуализации к «общечеловечности» [5, с.122] МЫ. Поэтому «единственно непогрешимой наукой в этом мире» [5, с.59] является для него натурфилософия, стремящаяся путём осознания действительности созидать и сохранять витальную энергию всего существующего.

Для Едигея идеи приобретают такую же значимость. Разум, по мнению героя, становится истинным только тогда, когда человек может остаться наедине с природой, «<...> с безмолвием сарозеков», так как именно в этот момент он «способен <...> соразмерить величие пустыни с собственным духом» [1, с.221]. Следовательно, Едигей предназначение Сфайроса видит в слиянии с *physis*, возможном лишь при напряжённой работе мысли. Величие природы, по его мнению, сродни силе разума личности. Познание доказывает человеку эту соразмерность и направляет его к созиданию жизни.

Главное для Едигея заключается в том, что, несмотря на всё величие природы, «живая мысль человека объёмлет» и её [1, с.221]. Мудрец Айтматова рассуждает о познании как возможности обретения счастья бытия, ибо проникновение в суть явлений влечёт за собой нахождение своего места в мире, а также осознание устройства вселенского МЫ. Не случайно слова и мысли Едигея, часто приобретают пророческий оттенок. Получив сакральное знание от природы, он предвидит не только трагизм будущей ситуации, но и возможную гибель всего человечества. Поэтому его вопрос: «В чём же смысл, для чего и как они [люди] живут <...>?» – нельзя адресовать только Сабитжану. Ибо, по мнению Едигея, «человеку не всё равно, что и как на свете», иначе он «разряжается духом» [1, с.156], умирает. Герой утверждает жизнь в величии разума личности.

Эту природную осознанность мира ощущает и Корнилов, который соглашается с теорией полковника о «знании реальной действительности» [4, с.60], то есть о биологичности управления бытием. Герой определяет человека как «существо мыслящее» [4, с.97], но только иными, органическими, категориями, что делает из личности пророка. Подобно Едигею, Корнилов, культивируя природный разум, проходит в некотором роде путь прорицателя. Избирая для себя роль «последнего» [4, с.697] мудреца, он задаётся гамлетовским вопросом, преломлённым в сознании натурфилософской личности в общечеловеческую проблему: «<...> Быть нам или не быть?» [4, с.702]. Ибо, по мнению героя, «Первая мировая, Вторая мировая, Хиросима, Вьетнам», порождённые социальным разумом, неизбежно приводят людей к осмыслению небытия. «Что такое ничего?» – спрашивает Корнилов, предупреждая в своих рассуждениях трагедию Чернобыля и т.д.

Следовательно, мыслитель С.П. Зальгины, подобно мудрецам Ч.Т. Айтматова, утверждает необходимость умения человечеством воспринимать и слушать разум природы, созидающей витальную энергию. Более того, результат познания мира сам становится действительностью. Здесь одно перетекает в другое: «<...> Мысль – это природа!» – восклицает Пётр Корнилов. Данное утверждение говорит о слиянии *physis* и личности, то есть о достижении человеком состояния Сфайроса.

Географ Рязанцев – герой романа С.П. Зальгины «Тропы Алтая» – тоже «ищет единства мечты и мысли <...> во всеобщей взаимосвязи явлений» [10, с.192]. Он считает возможным общение человека с природой без «посредников» [5, с.102]. Кроме того, данное взаимодействие личности и

physis не должно быть враждебным, иначе личность утратит своё гармоничное место в естественной среде. По этим законам разумного единения и живёт герой: «Если бы только однажды ему удалось обругать весь мир, если бы сию минуту Рязанцев разуверился в этом мире, он уже никогда больше не обрёл бы чувства причастности к нему» [5, с.221], – пишет автор.

Истинный философ, делающий выводы на «перебродивших» в нём «сомнениях» [5, с.120], он своими поступками и рассуждениями утверждает идею (атом) о созидательной направленности мысли, её природности. Она выражается в этических нормах человеческого поведения по отношению к окружающему миру. Иными словами, созидание без мысли, по Рязанцеву, невозможно: «Без ума какие же могут быть нравственные качества? Безумные?» [5, с.117] – спрашивает герой сам себя.

Продолжение этой идеи вытекает в подспудное предупреждение человечества о возможной катастрофе, ведущей к его уничтожению. Спасение людей герой опять же видит в разуме: «Патологическая анатомия и физиология земли – не специальность географии, такой географии, к счастью, ещё не существует. Но если человек будет действовать неразумно, он её создаст» [5, с.366], – думает Рязанцев. Предупредивший во временных рамках образ Корнилова, мудрец из романа «Тропы Алтая» всё же наиболее конкретно выразил суть культа мысли. Он точно формулирует, в чём именно проявляется рациональный компонент бытия. По его мнению, «здоровый смысл» [5, с.121] заключается в том, чтобы в природе «человек ничего бы не искалечил, ничего не потерял раз и навсегда» [5, с.121]. «Умный герой» [13, с.218] С.П. Залыгина стремится к созиданию и сохранению жизни, выступая в произведении как одно из воплощений человека-Сфайроса – мудрец.

Однако наиболее остро пророческая суть данного архетипа раскрывается в романе Ч.Т. Айтматова «Тавро Кассандры». Она выражается в роде деятельности героев: Роберт Борк футуролог по профессии, космический монах Филофей – провидец *генетического* апокалипсиса – учёный, занимающийся вопросом появления на свет новых поколений. Оба мужчины воплощают образ натурфилософского мудреца, которому дано высшее знание, чтобы сохранить жизнь на Земле.

Так, Филофей в разуме человека видит «неисчерпаемое движение вечности» [3, с.44], бессмертие. Однако для достижения его людям «необходимо побеждать в себе Зло» [3, с.45]. По мнению Роберта Борка, оно заключается в «звериной» сути человека, постоянно жаждущего «пожираться себе подобными» [3, с.105]. Ни одно животное в мире не делает подобного, отсюда и противоречивость разума личности. Обладание им дарит людскому сообществу «некую абсолютную привилегию», право исполнять «вселенскую миссию» [3, с.64], заключающуюся в гармонизации и совершенствовании бытия. Характерно, что об этом говорят и мудрецы С.П. Залыгина: Рязанцев видит в личности «тончайший инструмент познания окружающего мира» [5, с.222], Корнилов, понимающий смысл как «явление природы, сосредоточенное ею в человеке» [4, с.695], тоже говорит об исключительном положении людей. По его мнению, всё существующее в мире «лишено мысли в её <...> развитии, таким развитием обладает только человек» [4, с.695]. В то же время «разум оказался вечным заложником Зла» [3, с.167].

«Мыслитель» [3, с.102] Роберт Борк убит толпой за свои суждения, учёный Филофей добровольно уходит из жизни ради спокойствия социума. Трагедия людского разума, таким образом, сводится к его «надбиологической» [3, с.165] основе. Животные мыслят на инстинктивном уровне, поэтому их поступки не могут привести к самоуничтожению, они продиктованы природным законом выживания. Мыслитель С.П. Залыгина Корнилов в данном случае говорит ещё и о социально-историческом пространстве существования человека. Для мира органики бессмертие обуславливается биологической основой бытия, отсутствием *общественно-значимых* категорий: «<...> Животные лишены понятий о своём прошлом, тем более о будущем, вот они и существуют в состоянии вечности» [4, с.699].

Над человеком в натурфилософской прозе довлеет социум, он уже не может отказаться от определённых благ, полученных даже путём разрушения, в результате которого разум начинает «резко сокращать <...> жизнь» [3, с.204]. Мысль при этом становится чуждой природе. Натурфилософские мудрецы же осознали, что «бесконечность цивилизации – в бесконечности познания» [3, с.204]. А оно создается в природе, иначе зачем «быть вечности, если она будет оставаться невостребованной» [3, с. 204].

В произведениях Ч.Т. Айтматова и С.П. Залыгина раскрывается образ человека-Сфайроса, доминантной чертой которого выступает стремление к познанию мира. Герои провозглашают культ мысли, рождённой в природе и помогающей личности обрести своё место в органической действительности. Представленный в творчестве авторов архетип мудреца включает в себе внесоциальную разумность человека, рационально-интуитивную способность предвидеть фатальные для общества события и созидательную природную силу, необходимую для сохранения жизни на Земле.

The article examines vitality of thought and archetype of a wise man in the conception of Ch.T. Aitmatov and S.P. Zalygin. The ideal of authors-naturphilosophers is multidimensional personality that finds immortality in idea. Personification of wisdom and maturity in the archetype is connected by the writes with natural source that embodies vital energy of existence.

The key words: wise man, archetype, naturphilosophy, nature, mind, thought.

Список литературы

1. *Айтматов Ч.Т.* И дольше века длится день... (Буранный полустанок) // Айтматов Ч.Т. Белый пароход: Роман. Повесть. М.: Издательство «Эксмо», 2007. С.145-638. (а)
2. Айтматов Ч.Т. Пегий пёс, бегущий краем моря // Айтматов Ч.Т. Ранние журавли: Повести. М.: Издательство «Известия», 1979. С.5-87.
3. *Айтматов Ч.Т.* Тавро Кассандры: Роман. Повести. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. 528с. (б)
4. *Залыгин С.П.* После бури: Роман. М.: Издательство «Современник», 1986. 703с.
5. *Залыгин С.П.* Собрание сочинений. В 4 т. Т.2. Тропы Алтая: Роман. Рассказы. М.: Издательство «Молодая гвардия», 1979. 543с.
6. *Аверинцев С.* «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы. 1970, №3. с.113-143
7. *Белокурова С.П.* Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Издательство «Паритет», 2007. 320с.
8. *Борев Ю.Б.* Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 575с.
9. *Лебедева Л.* Перед лицом бесконечности // Айтматов Ч.Т. Повести: Роман-газета. 1977, №17. с. 1-3 (обложка).
10. *Муриков Г.* Поединок с судьбой (Раздумья о романе Сергея Залыгина «После бури») // Звезда. 1986, №5. с. 191-200
11. *Овчаренко А.* Из аила во Вселенную. О творчестве Чингиза Айтматова // Дружба народов. 1984, №11. с. 225-335
12. *Ростовцева И.И.* Николай Заболоцкий. Опыт художественного познания. М.: Издательство «Современник», 1984. 304с.
13. *Сапогов В.* Две книги о Сергее Залыгине // Вопросы литературы. 1986, №8. с. 212-222
14. *Стивак Р.С.* Русская философская лирика. 1910-е годы. И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский: Учебное пособие. М.: Издательство «Флинта: Наука», 2005. 408с.
15. *Хализев В.Е.* Теория литературы: Учебник. М.: Издательство «Высшая школа», 2005. 405с.
16. *Хватов А.* Нравственное беспокойство гуманиста // Айтматов Ч.Т. Роман, повести. Л.: «Лениздат», 1982. с. 471-479
17. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Издательство «Питер», 2008. 607с.
18. *Этикур.* Письмо к Менекею // Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Издательство «Художественная литература», 1983. с. 315-319
19. *Юнг К.Г.* Аналитическая психология: теория и практика: Тавистокские лекции. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. 240с.
20. *Юнг К.Г.* Человек и его символы. СПб.: Издательство «Б.С.К.», 1996. 454с.

Об авторе

Бондаренко Е.Н. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, naturphilosophy@yandex. ru

УДК – 809-3

МОТИВ СТОЛКНОВЕНИЯ ВЛАСТЕЛИНА СУДЬБЫ И МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА
В НОВОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Т.К. Ермоченко

В статье «Мотив столкновения «властелина судьбы» и «маленького человека» в новой петербургской прозе конца XX – начала XXI веков» новая петербургская проза характеризуется мотивной структурой человека и властелина судьбы, восходящей в мотивной организации классического петербургского текста XIX-XX веков. **Ключевые слова:** петербургская проза, властелин судьбы, поэтика чина, мотив, маленький человек, контекст.

«Петербургский мир предстает в официальных знаках государственной субординации: по чинам, наградам и заслугам», - справедливо отмечает О.Г. Дилакторская [1, с. 144]. Действительно в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и др. «социальный статус» героев тщательно воспроизводится в соответствии с чиновной «Табелью о рангах». Конечно, данный документ утратил свое значение в советском хронотопе, однако петербургская «поэтика чина» оказалась живучей. Петербургская проза конца XX- начала XXI веков художественно зафиксировала и осмыслила столкновение властелина судьбы и маленького человека в новых исторических условиях рубежа

двух эпох.

Отметим несколько наиболее распространенных вариантов развития мотива, получивших свое воплощение в русле уже сложившейся традиции. Прозаики констатируют – ушли в прошлое застолье интеллигентов 60-80-х годов, о которых с такой ностальгией вспоминают герои повести «Две смерти» И. Долиняка и «Путешествия в одну сторону» А. Вьяльцева. Вечерами «молодые инженеры, художники, работавшие дворниками при жилконторах, артисты, филологи» самозабвенно спорили, обсуждали, острили под песни Галича и Окуджавы, даже не думая о каких-то существующих различиях в социальном положении [2, с. 55]. Конец XX века перевел стрелки на прежнее петровское время, теперь, как и при жизни Башмачкина, Шумкова и др., перед государственными чиновниками высшего ранга уже необходимо «поприжаться» - в разговорах, поведении («Мне вспоминается случай, когда в наш институт приехал какой-то чиновник из министерства и меня вызвали к нему по поводу одного проекта. Чиновник был немалой шишкой, но, не ведая этого, я обратился к нему как к равному, и тут же поймал на себе его раздражительный взгляд.

- Разве так разговаривают с влиятельными людьми? – укорял меня после начальник отдела.- Надо было поприжаться!» [2, с. 52].

И в культурных «интеллигентских гнездах», и в коммунальных квартирах проявляется ранее скрытая иерархия. Так в романе «Зеркало Монтачки» М.Кураева «квартирномуполномоченный» Окоев – значительное лицо, занимающее особый статус среди всех проживающих на квадратных метрах в доме на канале имени Грибоедова. «Всего лишь квартирномуполномоченный, быть может самое мелкое на свете правительство, но точно так же как и то, большое, недосягаемое, он был загадочен и в своих поступках непредсказуем, - пишет М.Кураев. – Окоев разговаривал с вами так, что вы невольно чувствовали не то чтобы разделяющий вас барьер, но какую-то стоящую перед вами непреодолимую решетку» [3, с. 238]. Остальные жильцы коммуналки – «мореплаватель и прачка, музыкант, могильщик, учительница, швея-мотористка, вдова композитора и неведома чья дочь» занимают в негласной советской «Табели о рангах» совершенно незначительные места [3, с. 244]. Не случайно генерал (бывший начальник Окоева), посетивший коммунальную квартиру семьдесят два, проходит по коридору, кухне «ни с кем не здороваясь и никого не замечая» [3, с. 240]. А его слова: «Вот так живут наши люди», - произнесены таким тоном, что все «разнообразнейшие лица, сошедшиеся на кухне в вечерний час, не сговариваясь поняли, что наши относятся не к ним, а исключительно к квартирномуполномоченному Окоеву» [3, с. 240-241].

Сцена, художественно воспроизводимая М.Кураевым, при всех нюансах и вариациях, хорошо знакома по «петербургскому тексту» - встреча генерала, «чина» и «подчиненного».

И все-таки автор романа «Зеркало Монтачки» трансформирует известный сюжет. Если в повести «Шинель» Н.В. Гоголя изображен «жестокосердный» по отношению к Башмачкину генерал, строго соблюдающий чиновную иерархию, то в «Слабом сердце» Ф.М. Достоевского, напротив, Юлиан Мастакович либеральный начальник, делающий послабление подчиненным, поддерживающий Васю Шумкова. В романе же М.Кураева описана встреча с «отставным» генералом, уже не являющимся начальником Окоева. Однако психологический комплекс низшего в негласном «табеле о рангах» остался таким же, как и столетие назад («Окоев отпрянул в сторону, переломившись, затворил дверь»; «... движения были произведены с поразительной легкостью, даже стремительно, чего никак нельзя было ожидать от такого рослого и солидного человека»; «несколько уменьшившийся в размерах Окоев» [3, с. 238-240]). Текст «Зеркало Монтачки» художественно воспроизводит превращение значительного «квартирномуполномоченного» (по сравнению с жильцами семьдесят второй коммунальной квартиры) в «маленького» человека (уменьшившегося даже в физических размерах) при общении с «влиятельным» лицом. Усиливает ощущение «вернувшегося» петербургского хронотопа XIX века и сравнение появившегося генерала с барином: «В прежние времена человека с таким лицом приняли бы за барина...» [3, с. 240]. Эта соотнесенность получила широкое распространение на страницах новой петербургской прозы. В повести «Две смерти» И. Долиняка описание нового хозяина жизни Панакеева также построено на обыгрывании «барского начала» персонажа: «Все это засело в жирных морщинах возле его глаз, в самодовольном похихикивании, в барской самоуверенности каждой фразы, каждого жеста» [2, с. 52].

Проанализированные сцены встречи значительного лица и маленького человека в новой петербургской прозе не просто воссоздают «картинку» из жизни России рубежа веков. Авторская поэтика художественно убеждает: новый властелин сознательно «реанимирует» комплекс униженного и оскорбленного в собеседнике. «Он мог шутить, откровенничать, будто бы становиться на одну доску, но самое наизадушевное обращение означало не более чем возню кота с мышью. Панакеев поглядывал на меня, и по губам его проскальзывала усмешка: ну, и чего стоит твое образование? чего добил-

ся ты своей прилежной службой? пришло, пришло-таки время превратиться тебе в попрошайку», – так понимает истинный подтекст своего разговора с бывшим однокурсником безработный архитектор, главный герой повести «Две смерти» [2, с. 52]. Показателен в контексте отмеченных тенденций и рассказ Анатолия Бузулукского «Должник» (2000). Одно из действующих лиц произведения Андрей дал в долг значительную сумму «жалкому, тщедушному и смиренному» Петровичу, однако тот оказался «торжествующим мошенником», вовсе не собирающимся возвращать чужое [4, с. 10]. И теперь герой на личной встрече с «решительным лицом», «важной персоной» (а в эту классификацию автор включает «бандитов», «коммерсантов», «милиционеров») хочет договориться об условиях возвращения денег. Оптимизм Андрея поддерживает «ажияжная заинтересованность» «разводящего бандита Катасонова», «неотлучно» звонившего и предлагавшего «незамедлительно состыковаться, пока «карась не соскочил с крючка» [4, с. 7]. Однако при личной встрече «Леха объявил, что дело Андрея, к сожалению, безнадежно» [4, с. 8]. Бандит «ровным полупшепотом прошелся по тому же кругу объяснений и второй, и третий раз, начиная... уставать от многословия и свирепеть», провоцируя героя на вопрос, ради которого и затеял он всю эту комедию с «помощью».

«Что же делать? – спросил Андрей.

Леха как будто только и ждал подобного простодушия. Он ответил мгновенно, воодушевленно и спасительно:

-Утереться, и все.

-Как утереться, – глупо спросил Андрей и польстил своим ничтожеством Леху в самое сердце.

-А вот так.

И Леха показал, как надо было в данном житейском случае утереться лоху Андрею. Темной, набухшей ладонью Леха шумно провел по своим асимметричным губам, захватывая большим и указательным пальцами весь нос, как будто собирая слюни и сопли в кулак. Потом он встряхнул рукою, освобождаясь от мнимой слизи, и скрестил руки на набрякшей груди» [4, с. 8]. Сцена завершается наполеоновским жестом «решительного лица», указавшего маленькому человеку (или «лоху», по классификации «важных персон» нового времени) его место и возможности, после чего современный властелин судьбы с чувством выполненного долга покидает униженного им персонажа. И последняя деталь: уже уходя, «Леха наступил Андрею на ногу, на кончики пальцев. Давление было болезненным, но оконфузившийся Андрей себя не выдал, а Леха не заметил» [4, с. 9].

И все-таки маленький человек конца XX – начал XXI века лишен наивной веры в доброго генерала. Герои прекрасно понимают, что представляет из себя современное значительное лицо, знают истинную цену «барскому гневу и барской любви». Андрей Петрович из повести «Две смерти» И. Долиняка спокойно реагирует на то, что ему отказались заплатить за работу. Также невозмутимо герой воспринимает и зеркально противоположную ситуацию: по прихоти властелина судьбы он получает деньги («Корочун сказал: – Заплатить тебе, говоришь? А ну-ка сыпься отсюда, да побыстрей! Чтобы духу твоего здесь не было, сегодня же!»

Что-либо доказывать было бесполезно, а ведь подонок прекрасно знал, какие работы и как долго выполнял я по указанию Панакеева.

Я повернулся и пошел прочь.

-Стой!

Я оглянулся. Корочун вытащил из кармана портмоне, украшенное серебряными вензельками и метнул на стол пять сотенных долларовых купюр, упавших эффектным веером. Готов поклясться, раскошелится он, чтобы пофорсить перед своими собеседниками. Барин может и кнутом, а может и швырнуть несколько медяков. Я подумал немного и взял деньги» [2, с. 114]. В отличие от петербургской прозы XIX века маленький человек утратил иллюзии, и уже не отправится умирать от громогласного крика генерала. И все же этот герой сохраняет комплекс униженных и оскорбленных: в нем словно генетически заложены представления о бессмысленности бунта.

Несколько изменяется в новой петербургской прозе и поэтика чина. В рассказах, повестях, романах Н. Галкиной, И. Долиняка, М. Кураева, А. Бузулукского и др. титулы, звания, ордена заменены интерьером, который призван компенсировать и компенсирует новым влиятельным лицам утраченный «Табель о рангах» (с его превосходительством, тайным советником, орденом св. Андрея Первозванного и т.д.). Описанный кабинет Панакеева – «шестидесятиметровая комната» – похож на жилище «не слишком разборчивого любителя редкостей или антикварную кладовую»: «мраморные головы в древнегреческих шлемах», «фрагмент резного иконостаса... с распахнутыми царскими воротами, в них кощунственно горбилась фигурка Мефистофеля», ли церковная, то ли намогильная плита с горельефом Иисуса, несущего крест» [2, с. 49-50]. Бандит Леха Катасонов вписан в интерьер «гобеленистого, текстурного» бара «Астории», куда привратниками допускались лишь «посвящен-

ные», а чашечка кофе стоила десять долларов [4, с. 7-8]. Все эти похожие друг на друга люди, «не смотря на разнообразие дорогих курток, кейсов, золотых и золоченных браслетов, очков с темными стеклами» именуется в текстах «деловыми людьми», «дельцами значительными», «шишками», «влиятельными людьми», «важными персонами» и т.д. Новое время порождает новые титулы, знаки отличия заменяют доллары, неизменно одно – властелин судьбы нуждается в визуальном контакте с маленьким человеком, в ощущении его беззащитности, неустроенности и происходит самоутверждение влиятельных лиц.

In the article «The Motif of the Lord of Fate and a Little Man confrontation in New Petersburg Prose of the Late XX and the early XXI Centuries» the literary trend announced is characterized by a motif structure of man and the lord of fate, which goes back to the motif organization of the XIX – XX centuries classical Petersburg text.

The key words: Petersburg prose, the lord of fate, rank poetics, a motif, a little man, context.

Список литературы

1. Дилакторская О. Петербургская повесть Достоевского. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. 348 с.
2. Долиняк И. Две смерти // Звезда 1999. № 1. С. 42-120.
3. Кураев М. Зеркало Монтачки. М. ЗАО. Изд. «Центр-полиграф», 2001. 231-605с.
4. Бузулукский А. Должник // Нева. 2001. № 2. С. 7-11.

Об авторе:

Ермоченко Т. К. – кандидат филологических наук, старший преподаватель Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского.

УДК – 801.6

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ МОДЕЛЬ СТИХА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

П.А. Ковалев

Статья посвящена анализу структурных особенностей поэтического текста, трансформируемых в русской поэзии XX века для выработки новаторской модели стиха. Формирующаяся на этой основе эстетика нового типа изменяет представления о форме и содержании стихотворного произведения.

Ключевые слова: постмодернизм, концептуализм, метатекст, метр, ритм, рифма.

Смена литературных эпох - как правило, сложный и противоречивый процесс, неизбежно проявляющийся на жанрово-тематическом и композиционно-стилистическом уровнях. Так было в конце XIX - начале XX столетия, так происходит и сейчас, когда русская литература ищет себя в постмодернистской парадигме синтеза искусств. Применительно к поэзии, наиболее чутко и динамично реагирующей на вызовы времени, это означает, прежде всего, изменение форм и способов бытования поэтического текста, структуры стиха и даже, в определенном смысле, - самого понимания феномена поэзии.

Все признаки перестройки поэтической системы можно найти и в новейшей русской поэзии. При этом важным является то обстоятельство, что, согласно закону эволюционного развития литературы, сформулированному еще Ю.Н. Тыняновым², современный литературный процесс не может не учитывать достижения других переломных эпох. Новая культурная ситуация ставит перед поэтами задачу усиления художественной выразительности, преодоления автоматизации поэтической формы, которые решаются каждым художественным течением по-своему. И в этом процессе отчетливо выделяются два полюса: с одной стороны, концептуализм, с другой – визуальная поэзия и минимализм. Для них в равной степени характерен отказ от традиционного лирического монологазма, переход к комбинаторным и маргинальным формам стиха, структурирование поэтического текста в направлении традиций Серебряного века и в типологическо-генетическом соперничестве с западной постмодернистской культурой.

Один из видных современных исследователей и последователей заумной поэзии С. Бирюков возводит появление заумной поэзии к звучанию иностранной речи, фольклорных заговоров, детскому языку и формул «независимого синтаксического анализа». [1, с. 222]

Нельзя не признать уникальности подобного влияния академической филологии на художественное творчество, иллюстрирующего сложную коммуникационную модель современного литера-

турного процесса: метатекст, порождающий художественный текст. В современной российской поэзии этот прием породил довольно большое количество подражаний:

*Безмолвие состоит из возгласов
кудренком ощутил себя
надвигалась Глокая Куздра... [2, с. 124]
С. Бирюков «Безмолвие»*

Еще явственнее влияние формул лингвистического анализа и одновременно с этим структуры детского языка сказывается у поэта, взявшего себе псевдоним Я, который назвал свой текст «Абракадабра»:

<i>Лябра, Марта, Рынделука, Сари, Чохо, Ран и Гуга нарибали зерунец: «Екмо шакриана цец!» Лябра, Чохо, Сари, Ран аткорача молинали. Факи коза андо кан щеки бюро мачикали?</i>	<i>Муга, Гуга, Рынделука икси рали хаксецико, апос бера волинико- ракотачили нытуга! P.S. Яко епились гапо порю пиша ба хоро. [17, с. 195]</i>

Приведенный пример, на наш взгляд, как нельзя лучше подтверждает положения Р.О. Якобсона, который, признавая право зауми на существование, определял ее как «чуждые практической речи звукосочетания». [21, с. 313] Следует отметить, что стиховые параметры данного текста достаточно традиционны: 4-стопный хорей, рифмовка в четверостишиях ААВВ и СdдС, в двустишии – парная, что позволяет говорить о типологическом совпадении с формой английского сонета. Но при этом спонтанность заполнения синтаксических позиций окказиональными формами столь велика, что «затемняет» природу текста, актуализируя читательское внимание именно на маргинальном принципе стихообразования. Кроме того, отсутствие авторских указаний на ритмическую основу позволяет предполагать метрическую разноместность ударений, что помогает при некотором усилии услышать здесь и дактилическую каденцию: «Ля'бра, Марта́, Рынделу́ка, / Са́ри, Чохо́, Ран и Гу́га» и т.д., а при отказе видеть в тексте рифменный механизм – позволяет интерпретировать его как, например, ямбический: «Лябра́, Марта́, Рынделука́, / Сари́, Чохо́, Ран и Гу́га» и т.д. Таким образом, перед нами текст, почти в максимальной степени реализующий ритмонеразличимость, механизмы которой были заложены первыми экспериментами Хлебникова.

Примеры подобного экспериментального формотворчества, на наш взгляд, подтверждают значимость взаимодействия между некоторыми формами филологической рецепции и структурированием заумного произведения. В целом формы и приемы ритмонеразличимости можно свести к следующим лингвистическим механизмам:

1. Слияние слов на разных уровнях синтаксического строения текста (в лингвистической терминологии – сложение, слияние, многосложение, многослияние, голофразис, гендиадис и т.д.).
2. Разрыв слов (разлияние, эмансипация, апокопа, аферезис, синкопа и т.д.)
3. Анаграмматизация (повторение звуков заданного слова в других словах – метатеза, рескрипция и т.д.).
4. Фонетическое письмо.
5. Переразложение слов (сюда можно отнести целый комплекс механизмов, от тмезиса, аферезиса, синкопы до метатезы).
6. Соединение обычных слов и заумных с нарушением логической и синтаксической связи.
7. Паронимическая аттракция (к особым случаям следует отнести взаимодействие различных языковых баз, когда начинают действовать механизмы калькирования, псевдоэтимологии и т.д.). [5, с. 19-27]

Метод слияния слов у современных поэтов пользуется особой популярностью:

*И давинчизм и штейнконфуцийбуанаротитолст
Ойкоккванэйккпастермоцартфедоровдекарта
виценбортерезарублевивейцершисус
не помогут [6, с. 41]*

В этом отрывке из стихотворения А. Карвовского «Неистовство убийства» принцип слияния (голофразис) еще не реализован до конца: соединению подвергается не весь вербальный ряд, а лишь построчно. Но у поэта-новатора Я встречается текст, реализующий слияние в предельно допустимой концентрации даже на уровне названия «Беспрерывноесплошноестихотворение»

*Стихотворениесплошноевоттакоенебольшоевамбудет-
Необычноепосколькунепривычноеоневедебеспрерывное-
Аэтооченьстраннонабумагебезобрывноеэтовсежеглав-
Ноеононаслухообычноевумераставишьзнакичитайлегко-
Бездракичтобылосимпатичноеоновопленеприличное-
Игральносимфоничноеритмичноегармоничноескажичтоне-
Отличное? [17, с. 197]*

Интересно, что слово-текст (текстовой голофразаис) в данном случае сохраняет графический принцип написания новой строки с прописных букв. При этом чтение его не вызывает особой сложности, так как по структуре текст представляет собой сочетание строк ямбов и хореев (двусложник с вариацией анакрузы).

Разрыв словесной ткани (разложение), использовавшийся в качестве одного из основных приемов еще А. Крученых, встречается в чистом виде чрезвычайно редко. Обычно он сочетается с анаграмматизмом и паронимической аттракцией. Воронежский поэт В. Николаев построил на этом целый цикл произведений в книге «Сто слов пустословия»:

*ЧАС ОСЛОВ.
БОГ ОСЛОВ.
РОД ОСЛОВ. НОЙ
в этом не виноват... [14, с. 21]
«Ной ослов не разводил»*

Трудно предположить, как следует правильно читать подобное произведение, чтобы реализовать сразу все смысловые его планы, но гипертекстуальная направленность его линейного ряда заставляет предполагать у автора стремление предоставить самому читателю любое из доступных для него (в меру наблюдательности и образованности) прочтений. При этом возможность многообразного прочтения этого текста повышает имманентную остроту его восприятия на каждом из многочисленных уровней. Тем самым эстетическое переживание заменяется метатекстуальными предпочтениями грамматического анализа.

Использование анаграмматического принципа в качестве стихообразующего в целом присуще метареалистам, которые видят в нем одну из форм «обновления слова и выворачивания привычного смысла до противоположного значения». [9, с. 339] В творчестве К. Кедрова встречаются даже целые анаграммные композиции, восприятие которых чрезвычайно осложнено отсутствием метро-ритмической организации:

<i>Озириса озарение</i>	<i>О сень сини,</i>
<i>Чичен-итца</i>	<i>крест как крест</i>
<i>О сын отца - озарение</i>	<i>хруст как хруст</i>
<i>О сын отца - ослепление</i>	<i>Хронос сына ест</i>
<i>О сын отца - оскопление</i>	<i>а сын пуст. [8, с. 36]</i>
<i>О сын отца - отец сына</i>	<i>«Сый Сын»</i>
<i>О синь оса</i>	

«Анаграммный стих, - как отмечает сам К. Кедров, - сложен по внутреннему строению, но не следует думать, что он более искусственный, чем стих обычный... Сетовать на сложность современной поэтики также бессмысленно, как жаловаться на сложность теории относительности. Если бы мир был устроен проще, проще была бы и физика, и поэзия. К счастью, мир сложен, сложен и внутренний мир человека, а потому поэтика усложняется, правильнее сказать изменяется...» [7, с. 340] Это свидетельство одного из признанных лидеров метареализма позволяет говорить о перспективах данного маргинального приема, особенно в контексте активной публичной деятельности его адептов.

У В. Климова - одного из современных постмодернистских авторов, следующего по пути В. Хлебникова и И. Северянина, можно встретить целые лирические циклы, основанные на уже признанной традиции хлебниковской контаминации:

*И эти стихохворые поэты
Стихотворя свои поэзы хвореты
Свои хворифмы и хворитмы сочиня
Сти-схоронили
Заживо
Себя. [9, с. 5]*

Образование многочисленных морфологических категорий из ограниченного количества словообразовательных центров (паронимическая игра со словообразовательным гнездом) в рамках указанной традиции уже не ощущается в качестве новационной, но при этом сам факт ее реконструкции весьма знаменателен. Паронимическая аттракция в совокупности с вероятностным словообразованием от одного семантического гнезда придает подобным текстам, можно даже сказать, некоторый хрестоматийный характер

Парадоксальность подобного восприятия объясняется наличием устоявшейся, воспринятой критикой и читателем традиции, в противоположность поэтике конструктивизма, не интериоризированной до сих пор. Отсюда и возникающее стремление части современных поэтов ограничить себя условно традиционными формами, чтобы, спрятавшись за признанной традицией Серебряного века, обезопасить себя от упреков в бессмысленности.

Особенный случай, находящийся в родстве с теорией и практикой зауми, представляют собой эксперименты с «фонетическим письмом» и использованием принципов звукоподражания (*онома-топоя*). Крайним проявлением этих механизмов в качестве стихообразующей структуры можно считать однострочный текст И. Жукова «Немой карлик» из цикла «Паломничество снежных баб», представляющий собой воспроизведение афонологического потока звукоподобных форм:

Ммм-ммм-мммммммм. [4, с. 147]

Этот «текст» является одновременно и формой минимализации, хотя развитие внеэстетических форм структурирования позволяет предполагать за мычанием карлика особый (дефектный) тип речи, образованной по мелодическому принципу (высота тона) и сопровождаемой невербальными знаками (мимикой и жестами).

Поток поэтического сознания, связанного с выполнением определенного художественного задания, может привести к созданию текста-ошибки, воспроизводящего нервное состояние пишущего, как это видно из стихотворения поэта Бонифация (Генрих Лукомников):

*Когда печатаешь спокойненько на машинке,
несуетливо,
получается всё хорошо и без опечаток —
так красиво!*

*трооропл иво-
и шум ямт воакр уг отвле ккают! тогдааполучаче
куачаопечачаток та кнвекрчкссиво7
88888888888888 [3]*

А когдампкс чатает нервгнлно, дёргыя ешься:

На первый план здесь выходит художественный прием, который, с точки зрения классической лингвистики, представляет собой слияние с иноконстантными вставками. Отсюда зримый контраст между тремя условно выделяемыми частями произведения: традиционности первой противостоит намеренная небрежность второй и приводит в конечном итоге к замене вербального плана выражения на цифровой ряд. Расшифровка этого процесса имеет механическую основу, объясненную первой строкой текста: машинопись при неправильном использовании клавиш подъема каретки вместо символа точки дает цифру 7, тогда как сплошной ряд восьмерок оказывается неудачным подчеркиванием (_ _ _ _ _).

Маргинальная модель стиха может строиться и на переразложении слов, определяемом С. Бирюковым как «перетекновение одного слова в другое, разъединение одного слова на несколько, соединение слов». [1, с. 70] Именно с помощью использования этого приема выполнено стихотворение московского поэта С. Лена с весьма знаменательным названием «Памяти поэта Лимонова»:

*Кропоткин-поткин-поткин-поткин-поткин! - Питкин,
Куропаткин-паткин-паткин-паткин-паткин! - Боткин,
Убыткин-быткин-быткин-быткин-быткин! - Пыткин —
Убиткин - ни за что и ни про что! [13, с. 38]*

Переразложение в совокупности с паронимией и окказиональным словообразованием (гендиадис+редупликация+аферезис) придает тексту обусловленную эпиграмматической направленностью ироничность (именовательный ряд последовательно ведет от фамилии видного анархиста к персонажу английской комедии, а затем через еще одну фамилию из области политики к говорящим именам - традиция В.С. Курочкина и эпиграмматиков конца XIX века).

Сосуществование на данном этапе принципиально различных представлений о природе и сущности художественного поэтического текста свидетельствует об очередном этапе эволюции: если поэтический текст для Аристотеля не отделим от музыкального сопровождения (упоминаемые им авлетика и кифаристика), а за жанрами закреплены определенные метрические формы, то с формированием основных оппозиций типа поэзия-проза, фольклор-литература представление о художественности перемещается из области формы и содержания в периферийные по отношению к классической поэтике центры, актуализирующие визуальный, лексико-семантический или звуко-мелодический ряды.

Столкновение знаков разных художественных систем в новейшей русской поэзии создает новые семантические поля поэтического дискурса, расширяя границы эстетически допустимого, усиливая художественную условность, открывая новые изобразительные средства и сферы их приложения. Создать новое поле для читательско-зрительского восприятия, активизировать его, усложняя правила игры, - задача, которую современные художники слова решают самыми разными путями.

Таким образом, следует признать, что современная поэзия развивается сразу в нескольких потенциально равнозначных направлениях, реализуя возможности русского языка в соприкосновении с другими языковыми системами и создавая принципиально новые модели стиха.

The Article is dedicated to analysis of the structured particularities of the poetical text, transformed in modern russian poetry for production of the innovative models of the verse. Forming on its base aesthetics new type changes the beliefs about the manner and matter of the poetical product.

The key words: postmodernism, conceptualism, metatext, metre, rhythm, rhyme.

Список литературы

1. Бирюков С. Зевгма: Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма. М.: Наука, 1994. 288 с.
2. Бирюков С. Знак бесконечности: Стихи и композиции. Тамбов, 1995. 147 с.
3. Бонифаций (Генрих Лукомников) Собрание сочинений, или избранное и забракованное. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/bgl/index.html>
4. Жуков И. Преимущества маленьких. Иваново, 1992. 160 с.
5. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования. Орел, 1998. 149 с.
6. Карвовский А. Альфа-омега и обратно. М.: Прометей, 1993. 90 с.

7. *Кедров К.* Рождение метаметафоры // Индекс: Альманах по материалам рукописных журналов. М.: Эфа, 1990. С.337-342.
8. *Кедров К.* Верфлием: новая поэзия. М.: Литературно-издательское агентство Р. Элинина, 1991. 132 с.
9. *Климов В.* Сдвиг по фазе. М.: Издательство Е.Пахомовой, 1994. 72 с.
10. *Ковтун Е.Ф.* Русская футуристическая книга. М.: Книга, 1989. 348 с.
11. *Крученых А.* Кукиш пошлякам: Фактура слова. Сдвигология русского стиха. Апокалипсис в русской литературе / Сост. С.В. Кудрявцев, вступ. ст. Г.Н. Айги, примеч. А.Т. Никитаев (репринтное издание). М.;Таллинн: Гилея, 1992. 134 с.
12. *Крученых А.* Стихотворения, поэмы, романы, опера / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. С.Р. Красицкого. СПб.: Академический проект, 2001. 480 с. (Библиотека поэта)
13. *Лен С.* Игра в жмурики: Стихи. М.: Прометей, 1991. 48 с.
14. *Николаев В.* СТО СЛОВ пУСТОСЛОВия. Воронеж, 1998. 44 с.
15. *Поэзия русского футуризма* / Вступ. ст. В.Н. Альфонсова, сост. и подгот. текста В.Н. Альфонсова, С.Р. Красицкого. СПб., Академический проект, 2001. 752 с. (Библиотека поэта)
16. *Томашевский Б.В.* Стих и язык: Филологические очерки. М.;Л.: Гослитиздат, 1959. 471 с.
17. *Транснациональная конфедерация «Я».* М., 1994. 252 с.
18. *Хлебников В.* Творения / Сост. и коммент. В.П. Григорьев, А.Е. Парнис. М.: Сов. писатель, 1986. 736 с.
19. *Шапир М.И.* Язык поэтический // Введение в литературоведение: Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учебное пособие / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высш. шк.; Издательский центр «Академия», 2000. С.512-528.
20. *Шапир М.М.* О «звукосимволизме» у раннего Хлебникова // Мир Велемира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911-1998). М.: Языки русской культуры, 2000. С.348-354.
21. *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 460 с.

Об авторе

Ковалев П.А. – кандидат филологических наук, доцент Орловского государственного университета, kavaller@mail.

УДК – 882(09)

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ» А.А. ЗИНОВЬЕВА

Е.В. Комовская

В статье обосновывается проблема появления новой разновидности романной формы – «социологического романа» в XX веке, на примере романов, которые составляют трилогию («Гомо советикус», «Зияющие высоты», «Глобальный человек») А.А. Зиновьева. Приводятся доводы, доказывающие возможность существования «социологического романа» как жанровой разновидности, указываются идейно-тематические и структурные признаки нового жанра,

Ключевые слова: социологический роман, антикоммунальность, мимикрия, коммунальный герой, социальный роман.

Для русского романа с его многосторонним охватом действительности изначально было характерно тяготение к неопределённой жанровой форме, так как он почти всегда возникал на стыке нескольких наук: литературы, философии, этики, культурологи.

Если анализировать первоосновы искусства, то следует согласиться с В.В. Агеносовым, который считает, что «для него характерны две диалектически взаимосвязанные тенденции: изображение и осмысление» [1, с.5], взаимопроникая друг в друга они отражают разные тенденции человеческого мироощущения: человека и природы, человека и человека, человека и социума. «На начальном этапе возникает изображение, на последующем - осмысление» [1].

XIX век в России отмечен развитием нового направления в гуманитарной науке - социологии, которая «отпочковалась от философии, стала самостоятельной наукой, сочетающей теоретический анализ общественных отношений с эмпирическими исследованиями социальных фактов» [2, с.449], а любое явление жизни находит свое закономерное изображение в искусстве с последующим его осмыслением, так как «предметом искусства является жизнь во всем её многообразии» [2, с.449] Следовательно, новое направление в науке, несомненно, должно было подготовить почву для появления произведений, находящихся на грани литературы и социологии, а в результате того, что самой гибкой и подвижной жанровой формой остается по-прежнему роман, то возникновение «социологического романа» как формы осмысления взаимоотношения человека и социума оправдано. Если ранее писатели стремились *изобразить* общество, через личностное восприятие его героем, благодаря чему появился социальный и

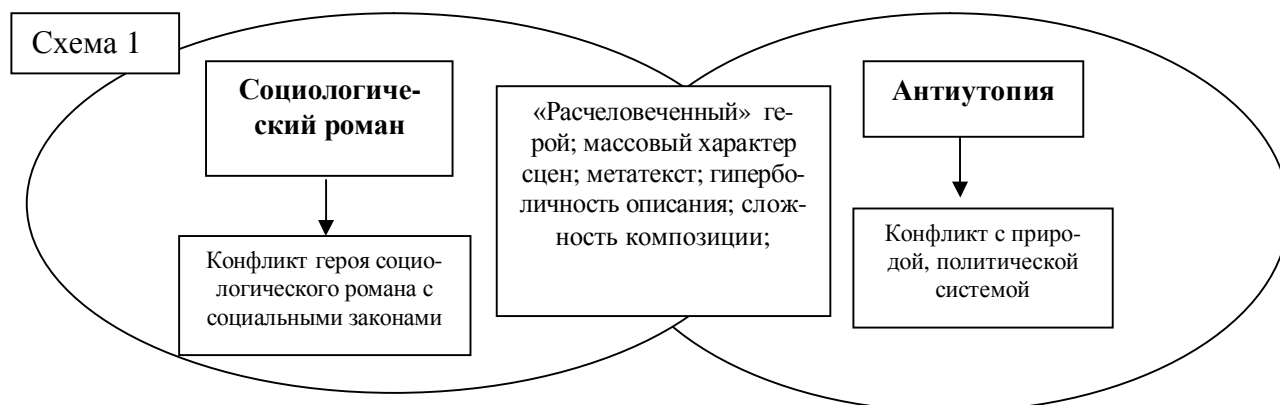
психологический роман, то авторы XX века пытаются не просто изобразить, а хотят представить на суд читателю *осмысление* законов и правил, по которым оно существует.

По мнению исследователей XX века О. Козырёва и С. Пуденко, именно А.А. Зиновьев разрабатывает «особый вид сочинительства» [3, с.12] - социологический роман, композиционной особенностью которого является то, что «новый тип жанра позволяет многочисленные фрагменты исследований объединить в целое, придать этому целому художественную форму и некую социологическую обработку».

Сам А.А. Зиновьев в разговоре с Дж. Глэдом признаётся, что «изобрёл новую форму литературы – социологический роман» [4, с. 241]. Писатель неоднократно подчёркивал, что в его произведениях «в основе лежит научно разработанная социальная теория», а затем «все средства современной литературы, которые были доступны» [4, с. 243]. Люциан Суханек отмечает в книге «Десять лучших романов XX века», что «сочинения Зиновьева не укладываются в прокрустово ложе наших генеалогических ожиданий, они не реализуются ни в одном традиционном образце жанра романа. Но они безусловно – романы, хотя гибридные, причем определение «гибридный» не имеет здесь негативного оттенка, на оборот, оно – доказательство мастерства автора»[5, с.182].

Однако исследователь ошибочно, на наш взгляд, относит романы А.А. Зиновьева к антиутопиям. Если рассматривать жанровое поле антиутопии и социологического романа, то можно выделить ряд схожих черт: необычность композиционного построения, выстраивание метатекста, присутствие «расчеловеченного» героя, гиперболичность ужасов действительности, массовый характер описания. Но в тоже время есть существенное отличие: антиутопия видит причину происходящего во внешних факторах (природе, политической системе), а социологический роман – во внутренних социологических законах самого человека (его морали, способности противостоять внешним обстоятельствам).

Наглядно это можно представить следующим образом:

А.А. Зиновьев в «Логической социологии» пытается указать на различие между его собственными произведениями и другими сочинениями на социальные темы, к которым смело можно отнести антиутопии: «Авторы сочинений на социальные темы, так или иначе, говорят о язвах общества и ищут тех, кто виновен в них. Одни при этом называют в качестве зол диктаторов и тиранов, другие – капитал и феодалов, третьи – партии и организации вроде партий нацистов, коммунистов, органов госбезопасности, четвертые – экономический и технологический прогресс, пятые – чрезмерный рост населения, шестые – идеологию, седьмые – биологические законы, и никто не называет такой источник зол и таких тиранов человечества, какими являются объективные социальные законы»[6, с. 27]. Так как, их выразителем является сам человек, он их и исполняет, следовательно, социальное зло кроется в самом человеке, шире в каждом из нас. Кроме того, А.А. Зиновьев выводит «расчеловеченного героя» на новый уровень антигуманного поведения и дает ему авторское имя – «коммунальный герой». Все это: появление необычного романного образа (который выражает основные тенденции XXI века и может быть назван героем нашего времени), нового идейно-тематического содержания дает нам возможность рассматривать трилогию А.А. Зиновьева как «социологическую».

Особенность новой жанровой формы романа состоит, по мнению литературоведов, во-первых, в том, что научные методы, результаты, понятия, утверждения используются в них как художественные средства, а художественные образы – как средства науки.

Во-вторых, предметом изображения данной жанровой формы романа становятся не отдельные индивиды и их жизнь, а социальные законы и человеческая мимикрия. Сам А.А. Зиновьев указывает на данный признак в научно-теоретической книге «Логическая социология»: «в художественной литературе все типы социальных атомов описаны детальным образом. Но - просто как эмпирические данные факты, морально поощряемые или порицаемые, а не как явления сугубо социальные. Описание многих

таких явлений именно таких типов социальных атомов дано в моих многочисленных литературных произведениях, которые я называю социологическими романами» [6, с.87].

Следовательно, для социологического романа важен индивид как сугубо социальное явление, автор беспристрастно изображает и охватывает своим вниманием общество в целом, его социальные законы, влияющие на «человеческий материал». Поэтому люди описаны в социологических романах А.А. Зиновьева как «атомы социальности», которые не индивидуализированы, а, напротив, напоминают «безликие величины», а основное внимание сосредоточено на законах «коммунальности». Под «коммунальностью» А.А. Зиновьев понимает: «законы, которые помогают лучше устроиться в жизни, лучше приспособиться к социальной среде, организовать людей в группы и в тоже время ограничить друг друга во избежание катастрофических последствий своего поведения» [6, с. 77].

В-третьих, по композиционной структуре такие романы напоминают мозаичное построение из небольших, замкнутых по смыслу текстов – советских анекдотов, диалогов представителей разной социальной позиции, случаев из жизни, рассуждений, а также стихов, куплетов.

В-четвертых, художественный мир романов, указанной разновидности, наполнен миром вещей, при этом человек не преобладает над вещным миром, а находится с ним во взаимодействии, герои нередко поработаются предметами быта (деньгами, связями, банками), которые диктуют новые социальные законы коммунального поведения.

В-пятых, в романной структуре практически исключены диалоги как лингвистическая модель общения, зато многочисленны культурологические реминисценции, имеющие равное значение как для понимания индивида в художественном мире, так и символического значения вещи. «Экзистенциальный диалог» между «личностями» как его понимал Бахтин, то есть диалог между героем – автором – читателем, расширяется в художественном пространстве социологического романа и включает в себя: автора – читателя – героя – вещи, на возможность построения подобного диалога указывала еще Н.К. Боневская: «Огромной ущербностью взглядов Бахтина является то, что в его философии не разработана категория вещи. Для Бахтина <...> не существует вещного, объективного мира, и бытие сведено к бытию личности» [7, с. 42].

Анализируя все вышесказанное, сам А.А. Зиновьев, разработчик нового термина, определил три основополагающих признака для жанра «социологического романа»: это наличие и развитие в художественном пространстве социальной теории, синкретизм жанровых форм, но главное – изображение социальных законов и их закономерного влияния на человеческий материал.

Исходя из этого, понятие «социологический роман» можно определить как разновидность романной формы, основным элементом художественного мира которого является эксперимент, а сюжетобразующей основой – идея, носителями и выразителями которой становятся «коммунальные» индивиды, испытывающие на себе действие социальных законов массового характера.

Поскольку данное исследование качается как социологии, так и литературы, необходимо определить нашу точку зрения на обе области интеллектуальной деятельности, рассмотреть черты, сближающие и отличающие их друг от друга. Если социолог апеллирует реальными статистическими фактами, то у художника, напротив, любые социологические обобщения выражаются в образах. Эти образы необязательно являются копиями или имитацией того, что мы наблюдаем в окружающем нас мире. Даже тогда, когда они нам таковыми кажутся в произведении, их художественная природа основывается не на точном воспроизведении действительности, а на способности вызывать в читателе определенный комплекс эмоций, складывающихся в четко оформленную «психологию», осмысленную реакцию на внешний мир, определенное жизненное состояние. В самом широком смысле эти состояния можно назвать «человеческими портретами», и именно при помощи таких «портретов» писатель создает произведение искусства. Следовательно, социология и литература различаются не глубиной проникновения в жизненные явления, а характером их осмысления и формой умозаключений. Если литература занимает сферу вымысла, то социология – статистических фактов реальности. А.А. Зиновьев своими романами попытался соединить сущностно несоединимые феномены знания: описание реальности как она есть (по статистическому обобщению социологии) и идеального проекта «антикоммунального мироустройства», который не признает мир в его начальном бытии и стремится его изменить в соответствии с художественным проектом литературного замысла автора.

А.А. Зиновьев в своих романах впервые соединил историю (обилие легко узнаваемых исторических лиц), социологию (обобщенный анализ внутренней организации человеческого материала) и литературу, поэтому при внешнем сохранении естественной установки на существование реального мира, мир его романов – мир вымысла.

Попытаемся разграничить две формы выражения социологических фактов в литературе: «собственно социологическую» и «социальную». Основу понятий «социологический роман» и «социальный роман» формируют различные области социологии, следовательно, они будут иметь близкую, но нетождественную форму выражения в литературе.

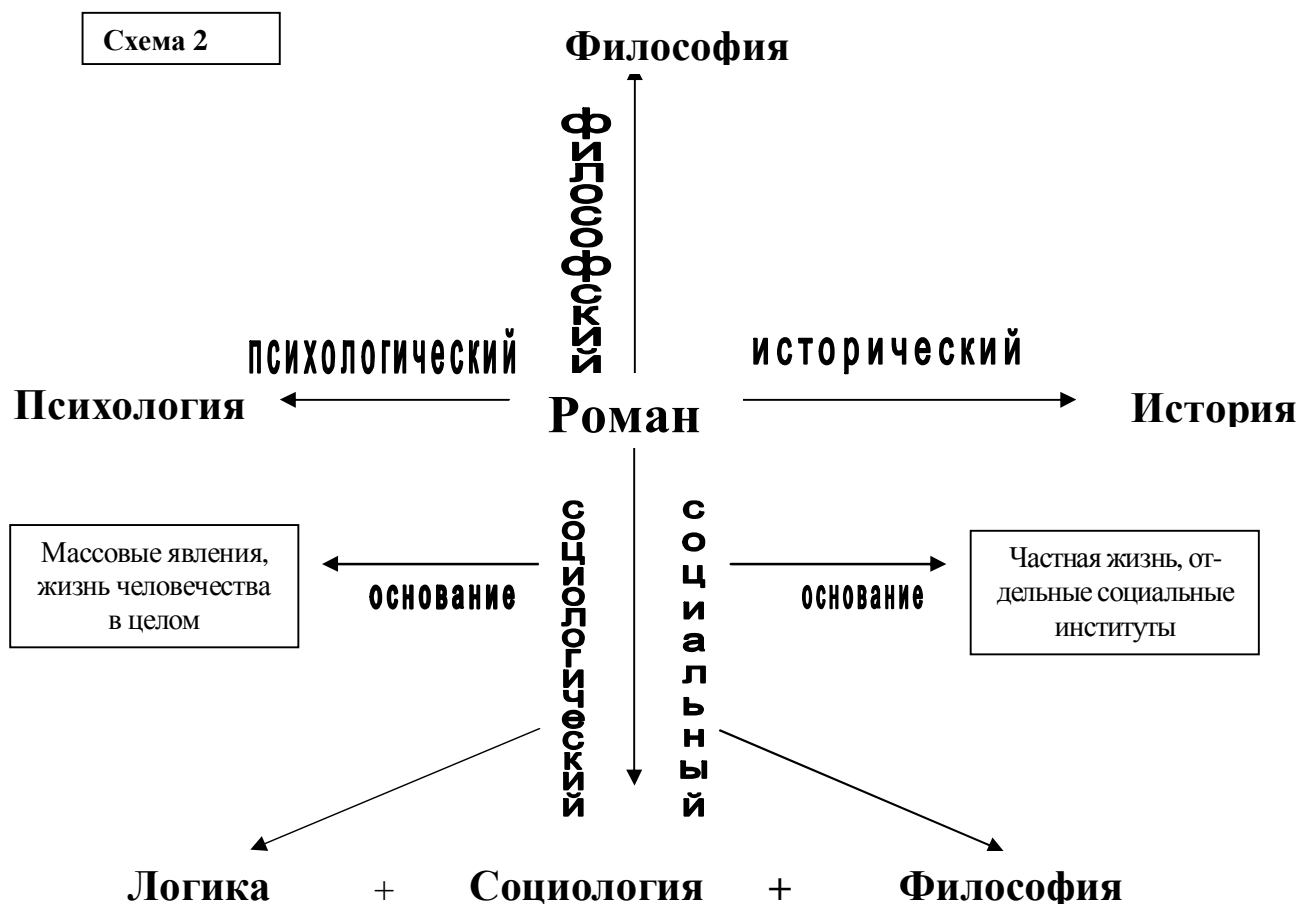
«Социологический роман» описывает социум в целом, а «социальный роман» – частную жизнь и отдельные социальные институты, следовательно «социологический роман» исключает такие соци-

альные категории из своего художественного пространства как семья, дом и сосредотачивает внимание исключительно на местах случайного скопления людей: общежитие, пансион, банк, очередь, ларек.

«Социологический роман» строится по законам эмпирического описания отдельных фактов, поэтому по природе своей ближе к «точным наукам», а авторы «социальных романов» в канве повествования чаще используют философские законы диалектики. «Точные» науки отличаются от наук гуманитарных и других форм знания не столько предметным материалом, сколько методом текстообразования. Если «точные науки» при построении текста используют проверяемые факты, то «гуманитарные науки» часто апеллируют вымышленными, воображаемыми или предполагаемыми данными.

Каждая отдельная область гуманитарных знаний преломляется в художественной литературе по-разному, и как следствие имеет свою специфическую форму выражения. Так, например, в самом общем виде, философские знания, отражаясь в художественном мире писателя, образуют философские тексты, соответственно история - исторические, психология - психологические, социология - социальные либо социологические. Образование разных направлений в рамках одной науки (социологии) продиктовано двумя полярными полюсами сферы её интересов в познании общества, которые были описаны ранее. Кроме того, при описании частной жизни социология тесно переплетается с философскими законами, а в анализе событий массового характера ориентирована на законы логики.

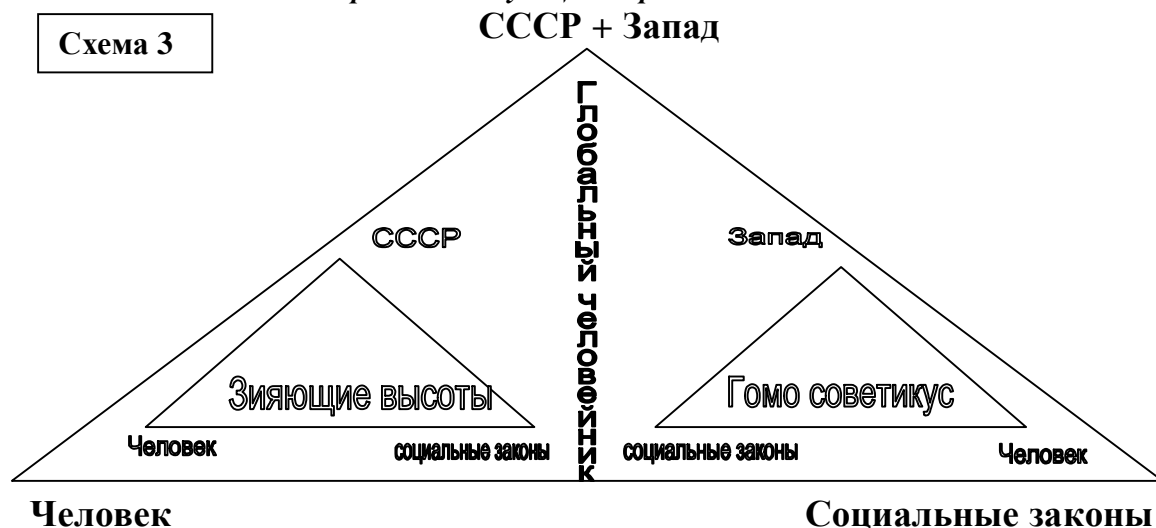
Все типологические отличительные особенности «социологического романа», по сравнению с другими романскими разновидностями, можно наглядно представить в следующей схеме:

Таким образом, понятие «социальный роман» и «социологический роман» хотя и сформированы одной наукой, но различаются частными направлениями областей её исследования. Кроме того, исходя из законов описания данные понятие формирует синтез социологии с близкими, но не тождественными науками, которые вырабатывают собственные законы построения художественного пространства указанных романских форм.

Социологические романы А.А. Зиновьева «Гомо советикус», «Зияющие высоты», «Глобальный человек» по охвату массовых явлений социальной действительности выстраиваются в своеобразную трилогию, которая отражает определенные проблемы. Так, например, «Гомо советикус» описывает положение эмигрантов за границей, «Зияющие высоты» анализируют жизнь советского человека в СССР, а «Глобальный человек» - это своеобразный итог подобного развития человечества, это авторское предупреждение людям о необходимости смены внутренних социальных установок. Основным движущим конфликтом сюжета становится соотношение трех единств: *Массовое явление* (государство, мир в целом) – *Человек* – *Социальный закон* (выражен антитезой между коммунальным законом и моралью).

Наглядно это можно изобразить следующим образом:

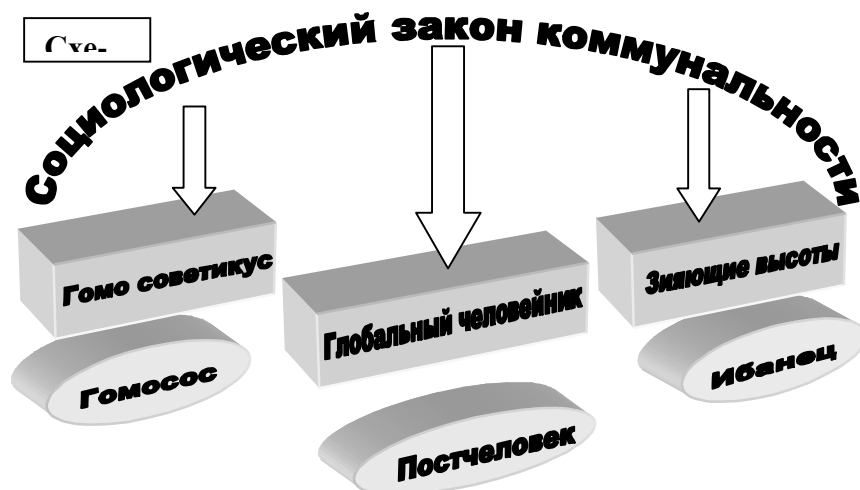
Кроме того, данные произведения можно объединить в трилогию исходя из утверждения самого А.А. Зиновьева: «логической социологией я называю логическую обработку языка, на котором люди думают, говорят, пишут, слушают и читают о социальных объектах, то есть о человеческих объединениях и о людях как о членах таких объединений, а также логическую обработку методологии исследований таких объектов. В необходимости такой обработки я убедился, когда начал более или менее систематически обдумывать ту информацию, которая у меня накопилась о советском социальном строе, о социальном строе современных западных стран и о том эволюционном переломе в истории человечества, который произошел во второй половине 20 века» [б, с. 7].

Следовательно, произведения организуются в трилогию по принципу охвата исторического времени, поэтому романы «Зияющие высоты» и «Гомо советикус» отражают два противоположных полюса мироустройства настоящего, а роман «Глобальный человек» посвящен будущему, но в «снятом виде». По А.А. Зиновьеву: «Возникновение более высокого уровня организации социального объекта означает, что некоторые явления более низкого уровня исчезают («отрицаются»), а некоторые сохраняются в новом состоянии в «снятом» виде, то есть в виде, «очищенном» от их исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и «подчиненном» явлениям нового состояния» [б, с. 36]. Однако автор предостерегает человечество от таких потрясений, ведь новое может быть сформировано исключительно из всего отрицательного, что было в старом мироустройстве.

Данные произведения можно объединить в трилогию, исходя из описанного в них «социального закона коммунального поведения». А.А. Зиновьев выводит некий сплав морали и аморальности в поведении «человеческого материала». По его убеждению в перечисленных выше романах: «Люди не являются, а лишь выглядят моральными, и этого достаточно. Потому что исчезает такое явление как угрызение совести. Потому что люди становятся чрезвычайно гибкими социальными хамелеонами» [б, с.78]. Следовательно, «диалектика души» невозможна, «человеческий материал» по А.А. Зиновьеву, очерствел настолько, что в нынешнее время находится полностью во власти следующих социальных законов: банка, идеологии, социальной мимикрии, поэтому «если человек хочет добиться успеха первое, что он должен сделать, это полностью очиститься от внутренней моральности и развить моральную мимикрию, то есть способность использовать внешние формы морального поведения как средство сокрытия своей неморальной сущности» [б, с.79]. Следовательно, трилогия посвящена возможным модификациям «социальных хамелеонов» на различных территориях.

Так, в условиях западной эмиграции появляются «гомососы», в Советском Союзе – «ибанцы», а «глобальный человек», представляет собой сверхдержаву, объединившую СССР и Запад и состоящую из «постлюдей».

Наглядно это можно изобразить следующим образом:

В трилогию данные произведения можно объединить с точки зрения доминирования вещного мира. По мнению А.А. Зиновьев: «Творения человека, призванные служить ему превратились в беспощадных и бесчувственных господ над своими творцами, заставляя последних служить им» [8, с.59]. Таким образом, мир трилогии наполнен у А.А. Зиновьева вещами, но если ранее в литературе они способствовали максимальному выражению либо состояния героя, либо его отношения к кому-либо или чему-либо, при этом «не вступали в диалог культурологического характера» [7, с.75], то, в указанных выше романах, вещный мир участвует в диалоге культур наравне с героями. Так, БАНК в романе «Гомо советикус» самостоятельно растет и развивается, не он является отражением состояния героя, а, напротив, чувства героя меняются в зависимости от видоизменения вещного объекта. В романе «Зияющие высоты» не руководители влияют на город Ибанск, а он якобы самостоятельно подготавливает их появление. В «Глобальном человеке» происходит полное порабощение людей вещным миром, который создает прототипы живого «человеческого материала», так у Ала появляется компьютерный дублер Ла.

А.А. Зиновьев указывает на новую проблему XXI века в своей трилогии, по его мнению: «Люди могут бороться с себе подобными, бунтовать против них, упрекать их во всех грехах, но ничего подобного они не могут себе позволить в отношении вещного мира» [8, с.59]. Следовательно, человеческий материал оказался неадекватен созданной им самой материальной культуре.

Вещи захватили не только сферу услуг, но и идеологию, «в поле влияния которой находятся, так или иначе, все граждане общества, включая и враждебно настроенных. Раз люди читают газеты, книги и журналы, раз они обучаются в школах и университетах, раз они смотрят фильмы, телевидение и рекламу, <...> они вольно или невольно <...> подвергаются идеологической обработке» [8, с.195]. Поэтому неслучайно главным героем романа «Гомо советикус» - Я отказывается от газет, тем самым пытается спасти свой внутренний мир, а герой «Глобальный человек» - АЛ, напротив, большее удовлетворение находит в общении с Ла- компьютером-дублером, нежели с себе подобными, так как в каждом звене мозгового центра социальная мимикрия достигла предельного уровня, таким образом все занимаются позерством, бояться сказать правду.

Следовательно, человек не преобладает над вещным миром, а находится с ним во взаимодействии, поэтому в романной структуре практически исключены диалоги как лингвистическая модель общения, зато многочисленны культурологические отсылки и сообщения, имеющие равное значение как для понимания индивида в художественном мире А.А. Зиновьева, так и вещи. БАНК как символ денег, постоянным своим разрастанием в художественном пространстве романа «Гомо советикус» указывает на разрастающуюся власть денег, а «власть денег, по А.А. Зиновьеву, - есть власть людей, располагающих деньгами» [6, с.135].

Таким образом, идейное содержание имеет не только «экзистенциальный диалог» (герой – автор – читатель), но и новый вид диалога, который стал возможен в XXI веке (герой – вещь – автор – читатель). Применительно к роману «Гомо советикус» (Герои – БАНК – Зиновьев – Читатель).

«На смену социальной организации живых существ приходит социальный механизм, воплощающий в себе отчужденные волю и интеллект человечества» [6, с.61]. Так, в канве романа «Гомо советикус» - это Банк, который порабощает всех пансионеров; в «Зияющих высотах» - это социальное положение, чем выше индивид в должностной иерархии, тем больше он марионетка, поэтому неслучаен отказ Крикуна от любой вакансии; в Глобальном человеке – компьютер, вытеснивший живое общение.

Следовательно, сегодняшнему человеку необходима новая духовность, выходящая за рамки «техногенной» или «традиционалистской», «диалектической». Предположительно, это «знание»+ «мнение» о «техногенной цивилизации» в рамках новой собственно авторской «антикоммунальной духовности». А.А. Зиновьев своей трилогией пытается указать путь спасения человечеству, который заключается в создании некой промежуточной религии, которая бы сохранила баланс между официальной духовностью и научно-техническим прогрессом.

In article the problem of occurrence of a new version of the novelistic form – «the sociological novel» in the XXI-st century in literary criticism, on an example of novels which make the trilogy, «Gomo советикус», «Gaping heights», «Global peoples» А.А.Зиновева is proved. The arguments proving possibility of existence of "the sociological novel" as literature categories are put, ideologically-thematic and structural signs of a new genre are specified, the bases which possibilities of occurrence of the given genre version have led are analyzed.

The key words: the sociological novel, антикоммунальность, a mimicry, the municipal hero, the social novel.

Список литературы

1. Агеносов В.В. Советский философский роман. М.: «Прометей», 1989.466с. С.5-10.
2. *Философский словарь*/ Под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд.М.: «Политиздат», 1986.590с. С. 449.
3. Журнал «Звезда». М.,1999,№7.С.12.
4. Дж. Глэд. Беседы в изгнании.- М.,1991.С.241-243.
5. Люциан Суханек.Десять лучших романов XX века: Сб. статей. М.: Луч, 2004. С. 182-201.
6. Зиновьев А.А.. Логическая социология. М.: Просвещение, 2002.630с.С.27-77.
7. Бонецкая Н.К. Бахтин и идеи герменевтики. В кн.: Бахтинология: Исследования, переводы, публикации. СПб.: «Алитя», 1995.С.32-43.
8. Зиновьев А.А. Глобальный человек. М.: «Алгоритм», «Эксмо», 2006.448с.

Об авторе

Комовская Е.В. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, komovskaya86@mail.ru.

УДК – 809. 1

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ В РУССКОЙ МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ. В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

И.С. Руднева

Предметом исследования данной публикации является словесный портрет в русской мемуарно-автобиографической прозе второй половины XVIII – начала XIX вв., который рассматривается с позиций гендерного анализа, как отражение особого «женского взгляда» на мир и на человека. В статье проводится анализ портретов в структуре мемуарно-автобиографического повествования и выделяется ряд специфических особенностей женской манеры портретирования.
Ключевые слова: Русская литература XVIII века, автобиографическая проза, портрет, поэтика, гендер

Словесный портрет в структуре художественного целого выражает авторское отношение к персонажу, ценностные ориентиры самого автора, а также мировосприятие мира в целом. В русской мемуарно-автобиографической прозе второй половины XVIII – начала XIX вв. впервые появляются женские и семейные портреты, что свидетельствует о глобальных социально-исторических процессах происходящих внутри общества. В это же время начинает своё становление русская женская мемуаристика, в которой словесным портретам современников уделено большое внимание, - эти знаковые завоевания литературы Нового времени представляют большой интерес для исследования.

Гендерная теория позволяет на ином содержательно-культурном уровне интерпретировать эти значимые явления в мемуарно-автобиографической прозе, в которых воплощаются мужской и женский взгляд на мир – своеобразная «гендерная картина мира». Человек, «интерпретируя окружающую действительность, структурирует ее особым образом. На фрагмент модели мира (или на саму модель) влияет большое количество факторов (в том числе и субъективного характера), а также принципы социальной стратификации, среди которых выделяют пол, этничность, возраст и др., входящие в гендерную систему. При этом наблюдается различие в подходах к одним и тем же понятиям (концептам) людей разной половой принадлежности, так как роли мужчин и женщин дифференцированы по противоположному принципу» [1, с. 38].

В конце XX вв. гендерные концепции получают широкое распространение в России. Появляются специальные статьи, в которых «...интерпретация художественных текстов дана с концептуальных позиций гендерного анализа, с использованием соответствующей терминологии. Так, один из номеров журнала «Филологические науки» (2000, № 3) был полностью посвящен гендерной проблематике... Это был первый гендерный «десант» на территорию большого литературоведения» [2, с. 27].

Объектом гендерологического направления в литературоведении «...являются зафиксированные в литературе социально-психологические стереотипы фемининности и маскулинности, воплощаются в особой картине мира, особой точке зрения автора и героя, особой системе персонажей, в особом характере авторского сознания, объектно-субъектной системе, реализуются в особом типе женской-мужской литературы (речевых жанрах), репрезентирующихся в особенностях речевого поведения мужчин и женщин, особом стиле женской и мужской поэзии и прозы, а также в жанровой системе, имеющей также гендерное измерение» [3, с. 277].

Изучение художественных текстов с гендерной точки дают возможность отойти от традиционных литературоведческих и социально-политических трактовок и «анализировать произведения с

точки зрения представлений о понятиях «мужественное» и «женственное», являющихся конструктами культуры и подвергающихся постоянной эволюции в исторической перспективе. Гендерное «измерение» способствует формированию нового взгляда на литературное произведение, а интерпретация их с учетом гендерной дифференциации позволит найти формы, отражающие символы женского опыта, формируя тем самым гендерную поэтику» [3, с. 277-278]. Поэтому в настоящее время гендерные концепции начинают широко применяться отечественным литературоведением [1, 2, 3, 4, 5], в том числе и на материале русской мемуарно-автобиографической прозы [6, 7, 8, 9].

Применительно к русской мемуарно-автобиографической прозе второй половины XVIII - начала XIX вв. гендерные теории только начинают прилагаться для исследования. В статье Т. Клаймен «Мемуары русских женщин второй половины XIX века» (2002 г.) утверждается, что «...женская автобиографическая проза остается незамеченной, а вопросы соотношения пола и жанра - незадаанными... Такой способ чтения женских текстов вполне типичен для России, где гендерный подход до сих пор нередко ассоциируется с западными реалиями и к русской культуре считается неприложимым» [10, с. 104-105]. Однако дело обстоит не совсем так. В опровержение этому утверждению можно назвать ряд значительных исследований в области изучения русской мемуаристики в гендерном аспекте: так, в 2001 г. вышло объемное монографическое исследование И. Савкиной - «Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века» [11], в котором подробно анализируются женские мемуарно-автобиографические произведения с гендерной точки зрения. Следует также отметить ряд других исследований, посвященных этой проблематике: это диссертационная работа О.В. Мамаевой «Феномен женской автобиографической литературы в русской культуре второй половины XVIII - начала XIX века» [12]; а также исследование Н.Н. Борисенко «Два пола - два текста: гендерные подходы к мемуаристике первой половины XIX века» [13].

XVIII век - век многих «принципиально новаторских явлений культурной и политической жизни страны. «Новое издание русской женщины, которое явилось в свет после Петра, несколько дополненное и исправленное» - так весьма метафорично характеризует русскую женщину Нового времени Д. Мордовцев. Возникшие в Новом времени новые женские типы приобретают социальную и духовную значимость» [14, с. 56]. Большую роль в этом «новом издании» играли сами женщины. Представляется, что именно это «самоиздание» женщин Нового времени явилось главным результатом Петровских реформ на пути к эмансипации и демократизации русского общества и русской женщины, которая, вышедши из многовекового заключения, начинает активно осваивать не доступные доселе мужские виды деятельности: медицинские, государственные, военные, писательские. XVIII век справедливо именуется историками «бабьем царством» [14, с. 56], поэтому такое вторжение русских женщин во все мужские профессии вполне соответствует духу Нового времени.

Первые женские голоса русских мемуаристок начинают настойчиво звучать во второй половине XVIII в., - эти женские тексты составляют особый интерес для исследования, так как «произведения мемуаристок ценны и значимы не только тем, что в них отражен «дух времени», запечатлены события литературной и общественной жизни... Они интересны и сугубо «личностным началом», поскольку в них авторы-женщины обобщают опыт собственной жизни, подробно воспроизводят свою биографию, отражают процесс формирования собственного мировоззрения... Важным является и то, что в подобных произведениях отражены особенности мировосприятия женщин» [9, с. 116].

Одним из главных показателей самобытного женского мировосприятия в русской мемуарно-автобиографической прозе второй половины XVIII - первой трети XIX явились словесные портреты, созданные мемуаристками на страницах своих воспоминаний.

Женская манера портретирования существенно отличается от мужской *изобилием деталей, эмоциональностью, субъективностью.*

Изобилие деталей – это одна из ведущих черт женской портретописы. Детали многое говорят о характере, внутреннем мире персонажа, а не только о чертах его наружности, поэтому их рассмотрение в структуре портрета является особо важным моментом в постижении его сущности. Многочисленность деталей может свидетельствовать о глубокой привязанности к изображаемому лицу и стремлением запечатлеть его как можно более подробно. В этом ключе рисует портрет отца Муханова М.С.: «...Еще несколько слов о моем отце. *Росту он был большого и с самую приятную наружностью; имел глаза карие, кроткие и ласковые, характер ровный и чрезвычайно приветливый, нос – неправильный, но рот очень приятный, и зубы, пока их не испортили каломелью и разными лекарствами, — ровные и белые. В семействе он был настоящим ангелом и другом своих детей. Он был очень богомолен, но любовь его к Спасителю была так естественна, как и все добродетели, — как будто он не мог быть иначе.* Я всегда удивлялась его эстетическому вкусу в архитектуре и живописи; к музыке он не имел склонности, но очень любил садоводство. Вообще он имел в себе что-то такое привлекательное, что с первого раза его любили и уважали. *Одевался он всегда очень аккуратно, так что племянники совестились бывать у него в сюртуках, потому что он сам ходил во фраке, хотя он часто выговаривал им за это. Последние годы он носил сюртук, но даже при нас он не любил, чтобы мы видели его без галстука. Вот его характеристика..»* [15, с. 54].

Когда же речь идет об описании «отрицательного» персонажа, то избирается уже другая форма портрета – краткая и лаконичная, часто сопровождающийся авторскими суждениями. Так, княгиня Дашкова Е.Р. в резких саркастических красках описывает императора всея Руси Петра III, «...которого судьба поставила на пьедестал,

не соответствовавший его натуре. *Он не был зол, но ограниченность его ума, воспитание и естественные наклонности выработали из него хорошего прусского капрала, а не государя великой империи...*» [16, с. 113].

Это описание императора концептуально перекликается с описанием Екатерины II, которая описывает Петра III после болезни: «...лицом был неузнаваем; все *черты его лица огрубели, лицо* еще все было *распухшее* и несомненно было видно, что он останется с очень заметными *следами осы*. Так как ему остригли волосы, на нем был огромный парик, который еще больше его *уродовал...*» [17, с. 268]. И в том, и в другом портрете император представлен в нелицеприятном свете, но обе мемуаристки описывают разные стороны этого человека. Дашкова особенности его характера и поведения, а Екатерина его внешность. Так как ни в одном другом месте своих мемуаров Екатерина II больше не описывает императора можно заключить, что этот портрет единственный в своем роде, описывающий великого князя, не изменился и по прошествии многих лет.

Парик в этом портрете – это символический знак, который в культурно-историческом пространстве XVIII столетия нес глубокую знаково-смысловую нагрузку: «он заставлял обожествлять правителя или дворянина, так как становился знаком светской власти» [18]. Парик - символ власти - совершенно «не к лицу» будущему императору всея Руси, даже уродует его внешность, - последняя фраза, таким образом, обрастает новым, весьма знаковым содержанием; как гласит народная поговорка «Не по Сеньки шапка!» В контексте истории это, казалось бы, мимолетное замечание Екатерины прочитывается совсем на другом уровне.

Таким образом, портрет императора Петра III в записках Екатерины, на первый взгляд, являющийся собой лишь описание внешности, на самом деле тоже имеет субъективно-политический смысл, который прочитывается при более пристальном рассмотрении.

Еще более субъективен и эмоционально выразителен портрет императрицы Елизаветы в воспоминаниях Долгорукой Н.Б. «...*Престрашного была взору, отвратное лицо имела; так была велика*, когда между кавалеров идет, всех головою выше, и *чрезвычайно толста...*» [19, с. 48]. Этот портрет практически не содержит деталей, однако само построение фразы, скупость эпитетов, краткость делают описание еще более тяжелым, весомым, не подвергая сомнению ни единого слова, в конечном счете, создается впечатление масштабности и достоверности. На страницах своих мемуаров княжна больше нигде не описывает императрицу, единственную виновницу всех её бед и лишений. В контексте всех жизненных перипетий княжны Долгорукой этот портрет становится еще более значимым.

Вообще воспоминания Н.Б. Долгорукой отличаются скупостью портретных описаний. Кроме портрета императрицы в мемуарах встречаются еще лишь два портрета: мужа мемуаристки и солдата, который сопровождал семью Долгоруких до места ссылки. Своего мужа княжна описывает в лирических и даже несколько романтических тонах: «...*Не могла его видеть от жалости в таком состоянии: епанча траурная предлинная, флер на шляпе до земли, волосы распущенные, сам бледен, что никакой жалости нет. Поравнявшись против моих окон, взглянул плачущими глазами с тем знаком или миною: кого погребаем, в последний, последний раз провожаю...*» [19, с. 48]. Это портрет не человека, а призрака за окном, на лицо все соответствующие призрачные атрибуты - полупрозрачный, несчастный, следующий словно тень, - в длинном одеянии, с «*распущенными волосами*» и «*плачущими глазами*». Как пророчество звучат последние слова в этом портретном описании, обращенные куда-то вдаль, в пространство будущего: «...*кого погребаем, в последний раз провожаю...*».

Общее впечатление от портрета усиливает символическая деталь - окно, с незапамятных времен наделенное глубокими и многозначными символическими значениями. Окно важный «мифопоэтический символ, реализующий такие семантические оппозиции, как внешний - внутренний и видимый - невидимый и формируемое на их основе противопоставление открытости - закрытости, соответственно опасности (риска) - безопасности (надёжности)» [20, с. 250].

Портрет человека в окне несет важную смысловую нагрузку, окно словно обрамляет этот образ, отождествляет с потусторонностью, разрывает привычные пространственно-временные отношения, увековечивает именно в данном образе. Как отмечает В.Н.Топоров, всевидящее Окно-око - «...одно из типичных мест эпифании: бог, божества, цари, герои, их дальнейшие трансформации и воплощения, вплоть до театральных персонажей, в частности кукол, часто выступают именно в Окне или у Окна. Граница, преграда между внутренним невидимым и внешним видимым с одним или многими Окнами (или дверьми, воротами), через которые появляется божество, жрец, священник, актёр, кукла, присутствует и в иконостасе, и в проскении, и в ряде других сакральных и десакрализованных образов» [20, с. 251].

Немногочисленность портретных зарисовок в мемуарах княгини Н.Б.Долгорукой можно объяснить тем, что свои воспоминания она писала спустя 9 лет после принятия монашества, соответственно религиозный дискурс составляет основу её повествования о своей жизни. Вследствие этого художественному методу княгини Н.Б.Долгорукой свойственен определенный аскетизм и лаконичность.

Портреты современников в записках императрицы Екатерины II, напротив, отличаются изобилием деталей и красок. В мемуарах императрицы общее количество портретов и портретных описаний (включая сюда и автопортретные зарисовки) насчитывается около тридцати. Такое (сравнительно с другими мемуаристками) большое количество портретов на страницах воспоминаний Екатерины свидетельствует о повышенном интересе к человеческой личности, к «лицам» как части истории. Известно, что свои «Записки» Екатерина II редактировала и переписывала четыре раза, поэтому существующий текст мемуаров нужно расценивать как самый отредактированный и отшлифованный в русской мемуарно-автобиографической прозе второй половины XVIII – первой трети XIX вв. Следовательно, лишних деталей и подробностей в повествовании нет, - всё важно, всё подчинено «высочайшему» авторскому замыслу.

Так, описывая свою фрейлину, княжну Гагарину, Екатерина более подробно рисует отношения своей фрейлины с Шуваловым, известным фаворитом императрицы Елизаветы и «мучителем» молодой великой княгини Екатерины: *«...которая была уже не молода и искала себе партии по вкусу, у нея было своё состояние, она не была красива, но очень умна и ловка, ей во второй раз довелось остановить свой выбор на том самом лице, которое потом пользовалось фавором императрицы: первым был Шувалов, вторым тот самый Бекетов, о котором только что шла речь. Множество молодых и красивых женщин дружили с княжной Гагариной, кроме того, у нея была многочисленная родня; родня эта обвиняла Шувалова в том, что он был скрытой причиной тех постоянных выговоров, которые императрица делала княжне Гагариной относительно ея наряда и запрещала ей, как и многим другим молодым дамам, носить те или другие тряпки; от злости на это княжна Гагарина и все молодья хорошенькия придворныя дамы на чем свет бранили Шувалова и принялись его ненавидеть, хотя прежде очень любили; он думал их смягчить, ухаживая за ними и передавая им разныя любезности через самых доверенных своих людей, а оне смотрели на это, как на новыя оскорбления»* [Екатерина 1990: 340]. Портрет персонажа переходит здесь в описание взаимоотношений героев. Шувалов характеризуется уже с точки зрения других персонажей, естественно, подтверждающих мнение Екатерины об этом человеке, - нужный эффект достигнут.

Этот же прием раскрытия внутренних связей между людьми и своих симпатий или антипатий к некоторым лицам в портрете персонажа многократно используется автором и в других портретных описаниях, приведем лишь некоторые из них: *«...принцесса Курляндская играла тогда особую роль при дворе. Прежде всего это была в то время девушка лет 30, маленькая, некрасивая и горбатая, как я уже об этом говорила; она сумела снискать себе покровительство духовника императрицы и нескольких старых камерфрау Ея Императорского Величества, так что ей сходило с рук все, что она делала. Она жила с фрейлинами Ея Императорского Величества. Оне находились под надзором некоей госпожи Шмидт, жены придворнаго трубача. Эта Шмидт была финляндка по происхождению, необычайно толстая и массивная; при том бой-баба, всецело сохранившая простой и грубый тон своего первобытнаго положения. Она, однако, играла роль при дворе и была под непосредственным покровительством старых немецких, финских и шведских камер-фрау императрицы, а следовательно и гофмаршала Сиверса...»* [17, с. 398] и др. Таким образом, портрет в мемуарах Екатерины II кроме отмеченных «женских» особенностей также отличается ярко выраженной идеологической направленностью, что более характерно для мужского письма, - в этом заключается художественное своеобразие портретов в мемуарах Екатерины II.

Анализируя женские мемуары XVIII – начала XIX вв. Н.Л. Пушкиревой приходит к выводу о том, что россиянки учились «...владеть пером, осознанно стремясь к эмуляции (созданию определенного образа) и (неосознанно?) к самоидентификации, причем подчеркнута женской...» [21, с. 65]. Этот процесс женского самоутверждения проходил достаточно напряженно, часто женщины-мемуаристки использовали «мужские знаки» для утверждения своей политической и общественной самости. Таким знаком является мужской костюм или мундир. В мемуарах Екатерины II это знак политической власти и силы. Образы женщин, переодетых в мужской костюм, имеют особое знаковое содержание. Этот сюжет И. Савкина называет *«гендерным маскарадом»* [11, с. 66]. Описывая Елизавету Екатерина отмечает, что мужской костюм ей необыкновенно был к лицу, так как *«...она была очень высока и немного полна; мужской костюм ей чудесно шел; вся нога у нея была такая красивая, какой я никогда не видала ни у одного мужчины, и удивительно изящная ножка. Она танцевала в совершенстве и отличалась особой грацией во всем, что делала, одинаково в мужском и в женском наряде. Хотелось бы все смотреть, не сводя с нея глаз, и только с сожалением их можно было оторвать от нея, так как не находилось никакого предмета, который бы с ней сравнился...»* [17, с. 338]. Оценка правления императрицы Елизаветы в мемуарах носит весьма неоднозначный характер (даже скорее отрицательный, нежели положительный), однако прямых оценок и суждений по этому поводу Екатерина избегает. Представляется, что в приведенном выше портрете Елизаветы мужской костюм олицетворяет мужественность и силу женщины-правительницы, причем особая грация, которая ей была присуща, отличала её *«во всем, что делала, одинаково в мужском и в женском наряде...»*, т.е. эта женская грация проявляется не только на балах и куртагах, но и в управлении государством. В этом описании женский костюм уподобляется мужскому по силе и характеру, - эта аналогия необходима для утверждения правомочности женского правления как равного мужскому.

Существует и обратная аналогия, когда мужской костюм не подходит героине. Так, Екатерина описывает *2-жу д'Арним* – супругу саксонского посланника: *«...это была высокая, стройная женщина лет двадцати пяти-шести, несколько худощавая и очень некрасивая, лицо у нея было слишком длинное и рябоватое, но так как она хорошо одевалась, то издали она производила известный эффект и казалась довольно беленькой. Арним пришла ко мне около пяти часов пополудни, одетая с головы до ног в мужской костюм из красного сукна, обшитого золотым галуном; куртка была зеленая гродетуровая, тоже вышитая золотом. Она не знала, куда девать шляпу и руки, и показала нам довольно неуклюжей»* [17, с. 334].

Интересно прочтение данного «мужского знака» представлено в мемуарах Е.Р. Дашковой. Во время дворцового переворота, активным участником которого была молодая княгиня, Дашкова демонстрирует маскарад с переодеванием в мужской мундир, причем делает это весьма самобытно: в мундире, как пишет княжна, она *«...была похожа на пятнадцатилетнего мальчика, и им, конечно, казалось странным, что такой молодой гвардейский офицер, которого они к тому же никогда и не видали, мог войти в это святилище и говорить на ухо ее величеству. Замечу, кстати, что то был прежний мундир преображенцев, который они носили со времен Петра I вплоть до царствования Петра III, за-*

менившего его мундиром прусского образца. Странно, что, как только императрица приехала в Петербург, солдаты сбросили свои, новые мундиры и переоделись в старые, отыскав их бог весть как и где...» [16, с. 111]. «Пятнадцатилетний мальчик» - а вернее женщина - совершила переворот в политике, в государстве, да и в культурном облике эпохи в целом. Ворвавшись в мужское государственное «святилище» Дашкова вписала себя в историю, таков пафос этого портретного описания, она подчеркивает, что «она женщина в мужском мире власти» [11, с. 69].

Характеризуя мемуары двух Екатерин, - можно заметить что политический (общественный) дискурс в этих «официальных» или «дворцовых» мемуарах (термин И.Савкиной) по переменному сменяется частным, домашним. На что указывают многочисленные детали, касающиеся домашнего быта и отношений с домочадцами, которые можно заметить в вышеописанных портретах. Это среда, конечно, более женская, поэтому писательницы чувствуют себя в ней более комфортно. И это не случайно, ведь «женский мир» в древнерусской культуре локализовался преимущественно в «домовом» пространстве [22, с. 22-23]. Поэтому здесь мемуаристки могут позволить себе известную уверенность в выражении. Однако, в общей портретной галерее двух Екатерин – это исключение, подтверждающее общее правило.

И императрица Екатерина II, и статс-дама, княгиня Е.Р. Дашкова «...никогда не забывали, что, даже говоря о «мелочах жизни», они пишут в то же время свои парадно-официальные автопортреты» [21, с. 64]. Но при всем этом мемуары двух великих женщин восемнадцатого века «...структурно хотя и очень напоминают «мужские» тексты, в плане эмоциональности являются от начала до конца «женскими» [21, с. 64]. Такими же являются и портреты в этих воспоминаниях – гендерно маркировано женскими.

Таким образом, портреты в женской мемуарно-автобиографической прозе второй половины XVIII – начала XIX вв. имеют ряд существенных особенностей. Общие черты «женского письма» - это детализированность, субъективность, эмоциональность, символичность. Именно эти специфические особенности женского мировосприятия составляют ту часть «картины мира» XVIII-XIX столетий – «портрета эпохи в лицах», которая не находит отражения в мужском повествовании.

The subject of the research is a verbal portrait in Russian memoirs-autobiographical prose of the second half of the XVIIIth – beginning of the XIXth century, which is examined from the position of the gender analysis, as a reflection of the **particular** «feminine vision» of the world and the mankind. Here is given the analysis of the portrait in the memoirs-autobiographical narration and a number of specific peculiarities of the feminine style of portrait are singled out.

The key words: Russian literature of the XVIIIth century, autobiographic prose, portrait, poetics, gender

Список литературы

1. *Бастриков А.В.* Особенности женской картины мира (на материале текстов Л.Петрушевской) // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект / Казан. гос. ун-т. филол. фак-т. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. С. 38-43.
2. *Пушкарёв Г.А.* Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Т.Толстой, Л.Петрушевской, Л.Улицкой): Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 235 с.
3. *Охотникова С.* Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе. Ч. 2. Иваново, 2002. С. 273-279.
4. *Афанасьева Ю.Ю.* Проза М.С. Жуковой: женский мир и женское мировидение в русской литературе второй трети XIX века: Дис. канд. филол. наук: Томск, 2006. 214 с.
5. *Балакина Лилия Викторовна.* Проявление гендерного фактора в художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2005. 303 с.
6. *Демидова О. К* вопросу о типологии женской автобиографии // Models of self: Russian women's autobiogr. Texts. Helsinki: Kikumora publ., 2000. P. 49-62.
7. *Матханова Н.П.* Сибирская женская мемуаристика XIX века // Современное историческое сибиреведение XVII - начала XX вв.: Сб. науч. трудов / Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2005. С. 41-52.
8. *Кукес А.А.* Гендерная саморефлексия в женской автобиографической прозе XX века: Лу Андреас-Саломе, Маргерит Дюрас, Криста Вольф, Ольга Войнович: Дис. кандидата филологических наук Москва, 2003. 148 с.
9. *Погребная В.Л., Маслак Е.О.* Женская мемуаристика как модель социальной коммуникации // Держава та регіони. Сер.: Гуманітарні науки. 2008. № 3 С. 115-120.
10. *Клаймен Т.* Мемуары русских женщин второй половины XIX века // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2002. № 6. С. 104-115.
11. *Савкина И.* «Пишу себя...»: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половине XIX века. Tempere.: University of Tempere, 2001. 360 с.
12. *Мамаева О.В.* Феномен женской автобиографической литературы в русской культуре второй половины XVIII - начала XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. - Санкт-Петербург, 2008. - 253 с.
13. *Борисенко Н.Н.* Два пола - два текста: гендерные подходы к мемуаристике первой половины XIX века // Дніпропетровський історико-археологічний збірник. Вип. 2. Дніпропетровськ: Генеза, 2001. С. 381-388.
14. *Улюра А.А.* Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 56-66.

15. Муханова М.С. Из записок Марии Сергеевны Мухановой // Русский архив, 1878. Кн. 1. Вып. 2. С. 209-215. Вып. 3. С. 299-329.
16. Даишкова Е.Р. Записки/ Загадки русских женщин XVIII- первой половины XIX века.-М.: Современник, 1990. С. 67-281.
17. Екатерина II. Сочинения /Сост., вступ. Ст. и примечания В.К. Былинина и М.П. Одесского: Худож. Д.А. Константинов.- М.: Современник, 1990.- 557 с.
18. Бабаева А.В. Выражение стиля барокко в системе поведения русской элиты (электронный ресурс)/<http://anthropology.ru/ru/texts/babaeva/baroque.html>. 2001.
19. Долгорукова Н.Б. Своеручные записки/ Загадки русских женщин XVIII- первой половины XIX века. М.: Современник, 1990. С. 41-67.
20. Топоров В. Н. Окно// Мифы народов мира/ Под ред. ред. С.А. Токарева. В 2-х тт. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 250-251.
21. Пушкарева Н.Л. У истоков женской автобиографии в России: [XVIII - XIX вв.] // Филологические науки. 2000. № 3. С. 62-69.
22. Чумакова Т.В. Образ человека в культуре Древней Руси: опыт философско-антропологического анализа: Автореф. на соиск. учен. степени канд. культурологии СПб., 2002. 32 с.

Об авторе

Руднева И. С. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, rudnewa@bk.ru

УДК – 809. 1

САТИРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Г.И. ДОБРЫНИНА

И.С. Руднева

В статье рассматривается сатирический портрет в мемуарно-автобиографической прозе Г.И. Добрынина. Выделяются специфические черты сатирического портрета как особой разновидности портрета и основные приметы индивидуально-авторского стиля Г.И. Добрынина в создании сатирических портретов, а также отмечаются основные приемы и средства создания комического эффекта.

Ключевые слова: Русская литература XVIII века, автобиографическая проза, Г.И. Добрынин, комическое, сатира, сатирический портрет, Г.И. Добрынин

В мемуарно-автобиографической прозе портрет является главным средством создания характера персонажа и в этом портрете находят свое выражение и личность мемуариста, и авторский замысел, в нем зримо отражается историческая эпоха, время и место.

Мемуаристика занимает совершенно особое место в литературе, ведь она несет в себе черты как документальных, так и художественных жанров. Исключительное богатство этого жанра прозы представляют исторические факты, это своего рода «живая история» эпохи, рассказанная непосредственными её очевидцами. Переоценить значение этих источников невозможно, некоторые из них совершенно справедливо занимают особое место в ряду сокровищ русской литературы. Проникнуть в самую суть событий и нравов своего века - одно из основных стремлений авторов-мемуаристов этого периода. Поэтому не случайно, что мемуаристы в отражении и познании исторической действительности подчас оказывались намного смелее историков.

Сатирический портрет, как особая разновидность словесного портрета, начинает свое становление в русской литературе в последнюю треть XVIII века, «...в так называемый сатирический этап развития русской литературы...» [1, с. 69-70]. Наиболее ярко сатирический портрет этого периода представлен в автобиографической прозе Гавриила Ивановича Добрынина: «Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим описанная в Могилеве и Витебске (1752-1823)», написанные на переломе двух знаковых вех в истории России. По своему содержанию записки Добрынина «пример *сатирического бытописательного сочинения с яркими и документально точными картинами жизни* (здесь и далее курсив наш – И.Р.) высших и низших слоев провинциального духовенства, губернского дворянства и чиновничества последней трети XVIII в.» [2], а наиболее ярко эти «картины жизни» воплощены в портретах.

В мемуарах Г.И. Добрынина сатирический портрет носит ярко выраженный антиклерикальный характер, непосредственно обусловленный самой биографией автора. Осознав свой путь - как путь служения Богу, Добрынин практически с первых дней своего пребывания в лоне церкви обратил внимание на несоответствие некоторых духовных лиц своему священному сану, в дальнейшем, эти впечатления лишь усилились, а личные угнетения и страдания от вышестоящих представителей духовенства послужили дополнительным импульсом для описания в своих воспоминаниях портретов этих лиц, ведь предметом сатиры является именно «социально-комическое» в жизни, где бы оно ни проявлялось...» [3, с. 27].

Одним из центральных образов в записках Г.И. Добрынина является образ архиерея Кирилла Флиоринского, видного церковного сановника XVII века. Мемуарист так описывает свою первую встречу с ним: «...На завтрашний день, по заплатѣ келейному десяти копѣекъ, допущены мы были къ его преосвященству. Онъ сидѣлъ на вызолоченныхъ деревянныхъ креслахъ, въ гарнитуровой темновишневаго цвѣта рясахъ, и въ штофномъ зеленаго цвѣта подрясникѣ. Панагія на немъ висѣла очень блестящая. Кругленькой фигуры, величиною съ мѣдный пятакъ... Сему православія столпу мы благоговѣнно поклонились въ ноги, а онъ тихимъ голосомъ сказалъ...» [4, с. 134]. Это первый портрет архиерея, который не содержит ярко выраженного сатирического характера, однако несколько настораживающих моментов в описании уже присутствует. Во-первых, заявленная с первых строк, тема денег - стяжательства: пропуском к его преосвященству является уплата «десяти копеек» келейному, а панагия сравнивается по величине с «медным пятаком» (это сопоставление совсем нетрадиционное для монашествующих). Во-вторых, это контекстуальное противопоставление «вызолоченныхъ деревянныхъ креселъ» и «не очень блестящей» панагии («небольшое изображение Богородицы, носимое архиереем на груди поверх облачения» [5, с. 102]), самого главного архиерейского атрибута. Затертое изображение иконы Богородицы в этом контексте очень символично, ведь икона для русской церкви, а тем более для высших её представителей, образно выражаясь, олицетворителей, - главная святыня, которая с особой тщательностью и аккуратностью должна охраняться и оберегаться. Такое незначительное, казалось бы, примечание носит глубоко знаковый характер. Духовность и материальность в этом описании находятся в дуальной оппозиции, и именно материальное, по мнению мемуариста, обладает более важной ценностью для архиерея, чем духовное. Противопоставление это можно прочесть еще на одном идейно-содержательном уровне, а именно, через сопоставление всей парадной, вызолочено-кричащей обстановки и «тихого голоса» Кирилла, о котором, вообще, стоит поговорить отдельно.

Обратимся к описанию поведения его преосвященства во время священнодействия: «Преосвященный всегда, и даже въ самомъ священнодѣйствіи обыкновенно доходилъ до такого позора, что иному изъ окружающихъ его подчиненныхъ или сослужащихъ, трикиріями, - бороду подожжетъ, иному клокъ волосъ вырветъ, иному кулакомъ дастъ въ зубы, иного пхнетъ ногою въ брюхо. Все сіе дѣлаетъ онъ при чрезвычайномъ на всю церковь крикѣ бранными словами, гдѣ бы то ни было, въ олтарѣ или среди церкви, а особливо въ ту пору, когда его облачаютъ въ священные одежды. Можно сказать, что онъ тогда похожъ бываетъ на храброго воина, отбивающагося отъ окружившихъ его неприятелей...» [4, с. 150]. В этом портрете сатирическое начало явно преобладает, ряд быстроменяющихся динамичных картинок действия архиерея в конце зарисовки подытоживает яркое образное сравнение с храбрым воином. Четко расставлены все комические акценты в их градации: ряд резких действий завершает «пхание ногою в брюхо», далее следует эмоционально-насыщенный звуковой эффект - «крик бранными словами», который особенно нарастает в пору облачения преосвященства в «священные одежды», - в пору облачения «храброго воина» в свои доспехи. Архиерей относится к третьей, высшей степени священства, он «имеет благодать совершать все таинства, в том числе и *рукоположение*», т.е. богослужение, во время которого происходит постановление в священнослужители, «согласно учению церкви, апостольская благодать, принятая от Иисуса Христа, передается через рукоположение архиереем от самых апостольских времен и таким образом в церкви осуществляется благодатная преемственность» [5, с. 20-21]. Апостольская благодать в этом приходе передается архиереем посредством *рукоприкладства, рукоприложение*. Что само по себе совершенно не дозволительно для священнослужителей, а тем более, что осуществляется оно высшим духовным настоятелем, во время священного служения, в церкви, и даже в её самом главном священном месте - в алтаре. Это портрет человека, который совершенно не соответствует своему высочайшему священному сану, человеческие прихоти и страсти берут вверх над высоким духовным назначением архиерея, - это горький упрек мемуариста, адресованный всем в назидание, выразить который Г.И. Добрынин мог лишь сатирой. Сатира, по меткому выражению А.С. Пушкина, - «смех сквозь слезы», весело о серьезном, это еще и возможность восстановить справедливость. Представляется, что это одна из форм переживания автором суровой реальности жизни, ведь комическое «всегда включает в себя высокоразвитое критическое начало. Смех - эмоциональная эстетическая форма критики. Он предоставляет художнику... безграничные возможности для серьезно-шутливого и шутливо-серьезного обращения с предрассудками своего времени» [6, с. 86-87].

Базу сатирического портрета, по мнению проф. В.В. Башкеевой, составляет «...периферийный инструментарий (нос, брови, зрачки, хребет, коса), не связанный с выражением внутреннего человека и потому откровенно телесный... Сфера такого портрета - сфера преувеличения» [7, с. 195]. В этом ключе нарисован портрет стародубского протопопа Зубрицкого: «Онъ былъ мужъ старый; сѣдая его борода, оставя совершенно-голыми счоки, начиналась только отъ усть и подбородка, слѣдственно не шире была двухъ съ половиною вершковъ, и продолжаясь черезъ грудь и брюхо, оканчивалась тамъ, гдѣ природа раздѣляетъ человекѣ на двѣ равныя развалины. Слѣдственно, длина въ разсужденіи ширины или ширина въ разсужденіи длины дѣлали ее *тясьмо-образною*. И толь *необычайнаго колибра борода* списана была еще въ Сѣвскѣ, по приказанію, архіерейскому, домовымъ живописцемъ» [4, с. 666]. Описание этой чудесной, «необычайнаго колибра» бороды сопровождается отрывом этого «ин-

струмента» лица от самого лица и дальнейшее его самостоятельное путешествие: «Примѣчанія достойно, - по собственнымъ тогдашнимъ его словамъ, - *что гдѣ сія борода ни показывалась, вездѣ её за рѣдкость списывали*», а какъ портреты его изображались всегда въ грудномъ или пояскомъ положеніи, то и *никому не удавалось на портретахъ видѣть конца его бороды, такъ какъ никто не видалъ начала рѣки Нила*» [4, с. 667]. О характере и душевныхъ свойствахъ самого протопопы никакихъ сведений въ портрете нѣтъ, видимо, ничего столь же примечательнаго, какъ выше описанная борода, въ этихъ свойствахъ не было. Интересно, что начиная этотъ портретъ, Добрынинъ высказываетъ необходимость его «побіографитъ и по марало-графитъ» протопопы [4, с. 666], такъ, биография человека гипертрофируется въ биографию бороды, которая здѣсь приобретаетъ некий символическій смыслъ. Вообще, символическое значеніе бороды уже давно отмѣчается этнографами, Ванъ Геннепъ еще въ началѣ XX вѣка констатировалъ, что въ «разныхъ обществахъ *волосы* воспринимались по-разному, иногда въ нихъ видели *составную часть самой личности...*» [8, с. 165]. В этомъ, портрете самую главную её часть.

Борода у церковнослужителей имеетъ неоднозначную историю толкованія, съ одной стороны, длинные волосы символизировали уходъ отъ мирскаго: *ассоциативная связь ношенія длинныхъ волосъ и святости имеетъ древнее происхожденіе*, «...святые отшельники и затворники, какъ правило, носили длинные бороды - и въ качествѣ знака своей свободы и отрешенности отъ мира, и въ качествѣ награды за свои страданія...» [8, с. 175]. Поэтому борода стала *знакомъ особой гордости* священнослужителей. С другой стороны, есть свидѣтельства о церковникахъ, которые брили свои бороды потому, что «...они хотели быть сильными духомъ, а не просто выгладѣть сильными, имея бороду. «Борода у насъ растетъ внутренне...а бреемъ мы ее внешне; ибо та [внутренняя борода] растетъ беспрепятственно, тогда какъ эта [внешняя борода] порождаетъ множество проблемъ, пока она не сбрита, и лишь у очень пустыхъ и суетныхъ людей она можетъ выгладѣть красиво» [8, с. 175]. В этомъ портрете авторъ не считалъ нужнымъ обрисовывать духовное содержаніе этого человека, можетъ быть, какъ разъ въ силу того, что «внутренняя борода» не столько великаго «колибра».

Еще одна примѣчанія достойная борода отмѣчена мемуаристомъ у священника киевской епархіи Ивана Карповича Лазунова: «Онъ былъ священникъ съ латынью, съ умомъ и съ нравственностью. Вѣжливъ, скромнень, весель, гостепріимень. *Густые и Черные его волосы скрывали непроницаемо цѣлую половину рясъ отъ плечъ до сѣдалища, а окладистая и чрезвычайно густая того же цвѣта борода, расширяясь по груди, примыкалась съ обеихъ сторонъ къ головнымъ волосамъ; а все сіе совокупно представляло особу самую важную и украшенную особливимъ трудомъ и тщаніемъ природы*, которая не поскупилась волосами. Онъ будучи тогда лѣтъ подѣ 40, имѣлъ попадью не старѣ 20-ти лѣтъ, и не выше аршина и 3-хъ четвертей, хотя я не мѣрилъ» [4, с. 666]. Здѣсь бороде, хотя и отведено центральное мѣсто, однако на первомъ планѣ выделяются все-таки умственныя и нравственныя качества. В целомъ портретъ производитъ довольно благожелательное впечатленіе, но некоторые комическія элементы все же присутствуютъ. Это и самъ характеръ описаній, здѣсь присутствуютъ яркіе образные эпитеты: «*окладиста*», особа «*важная и украшенная особливимъ трудомъ и тщаніемъ природы*»; особое построеніе синтаксическихъ конструкций; особая стилистика, употребленіе книжныхъ слов («*ряса*», «*непроницаемо*», «*тщаніе*», «*совокупно*», «*поскупилась*») наряду съ разговорно-сниженными («*седалище*», «*попадья*»). Особенно комически звучитъ финальная фраза, относительно молодой попадьи въ три съ лишкомъ аршина, которую мемуаристъ, однако, «не мѣрилъ»...

Вообще, волосамъ, прическѣ и пудрѣ въ приходѣ архіерея уделялось особое вниманіе, вследствие того, что «...сей архіпастьрь, яко видѣвшій большой парижскій свѣтъ, приказалъ, чтобы всѣ окружающіе его, въ его священнодѣйствіи, молодые люди были *причесаны съ пуклями подѣ пудрою. Не будемъ вопрошать, кстати ли пудра и пукли къ алтарю и къ распущеннымъ по плечамъ волосамъ?* Но скажемъ о томъ, что ему не малого стоило труда приучивать къ сей прихоти законѣдную монастырщину...» [4, с. 140]. Риторическій вопросъ здѣсь явно выражаетъ усмѣшку въ адресъ архіерея. Самъ Гавриилъ Ивановичъ Добрынинъ, отъ природы склонный къ опрятности до щегольства «...всегда его веселилъ спѣшною чоскою... волосъ, и быть у него образцомъ для другихъ...» [4, с. 140]. Этотъ примеръ вноситъ еще одну значимую характеристику къ образу его преосвященства, указываетъ на светскій характеръ его управленія.

Г.И. Добрынинъ и въ другихъ портретахъ священнослужителей выделяетъ черты светскости. Такъ, мемуаристъ описываетъ игумена Палладія, начальника Свенскаго Новопечерскаго монастыря: «...игуменъ сей былъ *человѣкъ соединяющій въ сѣбѣ духовнаго со свѣтскимъ. Хорошъ собою, брונетъ, благообразный, съ лакированными глазами и чистымъ голосомъ, великій мастеръ шутить* и умѣлъ этотъ даръ употреблять кстати. Его *критическій разумъ никого не обижалъ*, напротивъ *съ каждаго скучнаго лба сбивалъ морщины* и заставлялъ смѣяться...» [4, с. 412]. В этомъ портрете перечисляется множество положительныхъ качествъ этого человека: «*брונетъ*», «*благообразный*», «*съ чистымъ голосомъ*», «*великій мастеръ шутить*», съ «*критическимъ разумомъ*», никого «*не обижалъ*», однако въ серединѣ описанія довольно странное упоминаніе «*лакированныхъ глазъ*». Глаза издавна наделялись особой символикой, есть мнѣніе, что глаза - это окно, черезъ которое можно увидѣть душу: «Глаза - зеркало души» - известное выраженіе, и родилось оно въ системѣ христіанскаго мировоззренія. В Нагорной проповѣди Иисусъ говоритъ такъ: «*свѣтильникъ для тела око, и если око твое будетъ чисто, то все тело твое будетъ светло; если же око твое будетъ худо, то все тело твое будетъ темно*» (Мф. 6.22)» [9]. «Лакированныя глаза» не могутъ отражать ничего, они отражаютъ лишь объ-

ект, который находится непосредственно перед ними. В толковом словаре русского языка под редакцией профессора С.Н.Ушакова слово «лакированный» определяется как «вылощенный, внешне-блестящий, гладкий» [10, с. 602]. Глаза, таким образом, никак не отождествляются с душой, а наоборот отгораживаются от нее блестящей, непроницаемой занавесой. Поэтому, «...не диковинка, что его всѣ тамошніе дворяне любили, а можетъ быть - и дворянки...» [4, с. 412], - несколько двусмысленно заканчивает этот портрет Г.И. Добрынин. Комический эффект, в конечном счете, создается вот этой последней фразой.

В структуре сатирических портретов Г.И. Добрынина особое значение приобретают детали, особое значение которых в сатирических описаниях отмечалось Д. Николаевым: «сатирический портрет отличается от эпического не только ясностью отношений, подробностью описания той или иной характерной черты, раскрытием сущности образа, а прежде всего ярко выраженным комизмом, смешными деталями и сравнениями...» [3, с. 150].

Сущность комического всегда состоит в противоречии, «комизм - результат контраста, разлада, противостояния: безобразного - прекрасному (Аристотель), ничтожного - возвышенному (И. Кант), нелепого - разумному (Жан Поль, Шопенгауэр), внутренней пустоты - внешности, притязавшей на значительность (Чернышевский)...» [6, с. 88].

Многие портреты, которые рисует мемуарист в своих воспоминаниях, строятся на противоречии и контрасте, часто именно этот контраст придает комический эффект всему портрету: **Рыльскій архимандритъ Іакинфъ Карпинскій** был особа «...въ числѣ ученыхъ; въ латинскомъ языкѣ называли его Цицероном...Онъ былъ малоросль и тонокъ; чрезмѣрно честолюбивъ и горячъ, и иногда чрезмѣрно весель, говорливъ и забавень. Всѣ архіереи, его времянь, знали его и почитали за ученость, но не любили за самолюбіе. Многіе были изъ его учениковъ архіереями, въ томъ числѣ и оба сѣвские, т.е. Якубовскій и Фліоринскій... Дожилъ до глубокой старости, и скончался мирно, *не получа архіерейства, по причинѣ, что былъ малого роста и високаго ума...*» [4, с. 141]. Намеренное столкновение последних двух черт «*малый рост*» и «*высокий ум*», независящих друг от друга, но в сочетании сыгравшие свою роль, сатирически высмеивается автором этих строк. В церковной иерархии свои правила и законы, в иной братии они подчас противоречат всякому логическому объяснению, а ум и малый рост становится препятствием для дальнейшего заслуженного воздаяния за службу.

Интересное противостояние внешнего и внутреннего представлено в портрете молодого владыки Тернова: «Онъ былъ лѣтъ 22-х, роста средняго, *круглолицъ, полонъ, бѣлъ, нѣженъ, хорошъ собою и жиренъ* <...> *Смотря на него, по наружности онъ долженъ быть Аполлонъ бѣлокурый, но по внутренности вселился въ него Момусъ, кромѣ момусова остроумія...*» [4, с. 584]. Прекрасная внешность противопоставляется внутреннему содержанию. Примечательно, однако, что из самого описание красота телесная мало представима: «*круглолиц, полон, бел, нежен, хорош собою и жирен*», и лишь последнее сравнение выдает в нем «*Аполлона белокурого*», а по «*внутренности*» - ...Момуса. В примечаниях Г.И. Добрынин поясняет: «Момусъ – шутъ боговъ. Митологисты наши говорятъ, что Момусъ единожды сказалъ: они были пьяны, когда сотворяли человѣка. Проспавшись – не могли безъ смѣха взглянуть на свое твореніе...» [4, с. 584]. Эти образные сравнения с древнегреческими боже-ствами углубляют образ, делают его многогранным, интерпретации здесь могут быть различные.

Можно заключить, что образные сравнения в портретах Г.И. Добрынина – самый излюбленный художественный прием, который наиболее часто встречается в описаниях подобного рода. Приведем лишь некоторые из них: **музыканты** «...одны были чисто, пѣвцы въ бѣломъ одѣянніи, и большею частію *похожи были то на мопсовъ, то на борзыхъ; брюнетки были какъ мухи въ сметанѣ, а блондинки, какъ сыръ въ молокѣ*, - иной бы подумалъ, что это сдѣлано въ угодность ревнивой женѣ, если-бы камеръ-геръ не былъ вдовъ...» [4, с. 267]; **капельмейстеръ г. Тютчева** «...былъ порою изъ смоленской шляхты, росту выше средняго, лѣтъ 30-ти, *лицо имѣлъ кругленькое, подобное маетнику стѣнныхъ часовъ. Клубоподобную его небольшую головку прикрывалъ осыпанный пуклями паричокъ*; взглянувъ на него, нельзя было не замѣтить, что онъ самъ собою доволенъ. Такой *манерный капельмейстеръ...*» [4, с. 415]; **дьячок Захарка** «... былъ гуляка, почти до пьянства, буянъ, лѣтъ ему не было еще 30-ти. Взглянувъ на него, тотчасъ прочитаешь на лбу его: *«смерть – копѣйка, голова – наживное дѣло*» [4, с. 404] и др.

В аспекте концептуального исследования сатирического портрета Е.В. Ширина отмечает еще одно существенное его свойство: «Каждая портретная зарисовка сатирического типа включает в себя экстралингвистический материал (факт, событие), указание на конкретное лицо или группу лиц и саму портретную характеристику, данную в сатирическом аспекте» [11, с. 138].

В таком сатирическом аспекте изображено несколько действительно экстраординарных событий. Так, совершая «странный» дозор с архиереем, Добрынин «...нашелъ на *60-ти лѣтняго старика*, иподіакона Антонова, который, *обремененъ будучи лѣтами и напитками*, лежалъ *брюхомъ на повозкѣ*, а *нижняя половина тѣла висѣла съ повозки, и касаясь слегка земли, опирался объ нее такъ, что нельзя было отгадать виситъ ли онъ, стоитъ ли онъ или лежитъ?* Архиерей, подскока, *ну гвоздитъ его ногою въ задъ, какъ будто отгадывая загадку...*» [4, с. 410]. Этот «портрет тела»

иподиакона Антонова изображен в самых красочных деталях, остроумный слог придают всему описанию висящего иподиакона явно сатирической настрой. Кульминацией всего этого представления является выступление архиерея, подскочившего «гвоздить его [иподиакона Антонова] ногою в зад...», причем не просто гвоздить, а «как будто отгадывая загадку». Портрет иподиакона Антонова сосредоточен более всего на «внешних» деталях, позах, но в этом и заключается художественное мастерство, здесь внешнее тело дает представление о внутреннем содержании, жизни души.

В том же духе изображен Брянский протопоп Василий Константинов: «...Мы нашли его стоящего въ стойлѣхъ подлѣхъ конскихъ яслей. *Волосы у него висѣли равномерно на всѣ стороны, губы сдѣлались темновиншевыми*, и когда лѣкарь просилъ его показать языкъ, то онъ отвѣтствовалъ: *«нѣтъ-нѣтъ, господа келейники, не удастся вамъ меня запоить»*. Мы тотъ часъ приказали отвести его для пользования на квартиру къ архиерейской сестрѣ, жившей на братнемъ содержаніи, гдѣ, когда лѣкарь хотѣлъ ему дать холодительный порошокъ, то *больной* нашъ вскричалъ: *«вино-вино-вино!»* [4, с. 158-159]. Здесь мемуарист применяет уже совсем иные средства создания комического эффекта: это и речевые характеристики, искусно подобранные детали внешнего безобразия, комическая ситуация.

В этих острых сатирических портретах иподиакона и протопопа содержится четко выраженная авторская позиция – беспощадное порицание пороков, - в этом как раз и представляется главное назначение сатиры, которая «... всегда является формой отрицания и осуждения» [12, с. 169]. Именно в этих описаниях ярко проявилась личность самого автора, его жизненно-этические убеждения и принципы. Изображение пороков, царящих в этом закрытом церковном мире, - свидетельствует о смелости Г.И. Добрынина в нравственной борьбе с негативными сторонами жизни церковной, «события не просто фиксируются, но критически осмысливаются. Типичные отрицательные черты... подвергнуты безусловному осмеянию» [12, с. 105].

Таким образом, сатирический портрет в автобиографической прозе Г.И. Добрынина по своему содержанию и структуре носит черты новаторства, недаром «читатели и критики того времени видели в Г. Добрынине отдаленного предшественника Н. Гоголя, Н. Помяловского, М. Салтыкова-Щедрина» [13, р. 107]. Для создания ярких сатирических портретов мемуарист использует разнообразные приемы и средства создания комического эффекта: это стилистическое пародирование (контаминация разных функциональных стилей в сатирических целях), использование различных языковых средств (юмор, остроумный слог, ирония, сарказм) и тропов (образные сравнения, эпитеты), а также применение речевых характеристик и комических деталей, - все это, безусловно, отличает большое мастерство автора, его индивидуально-неповторимый подчёрк.

The article touches upon the satirical portrait in autobiographical prose of G.I. Dobrynin. The particular features of a satirical portrait as a certain variety of portrait and main characteristics of the individual author's style of G.I. Dobrynin in creation of satirical portraits are emphasized. The general techniques and means of creating a satirical effect are also mentioned.

The key words: Russian literature of XVIII century, autobiographic prose, G.I. Dobrynin, comical satire, satirical portrait, G.I. Dobrynin

Список литературы:

1. *Антохов А.В.* Становление жанра литературного портрета в мемуаристике XVIII века // Вестник Брянского государственного университета. 2007. № 2. С. 56-76.
2. *Степанов В.П., Шишкин А. Б. Добрынин Г.И.* // Словарь русских писателей XVIII века / Отв. ред. А.М. Панченко. - Выпуск 1. (А-И). Л.: Наука, 1988. 360 с.
3. *Николаев Д.* Смех - оружие сатиры. М., Искусство, 1962. 224 с.
4. *Добрынин Г.И.* Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная. 1752-1827 // Русская старина, 1871. Т. 3. С. 119-160; 3. С. 247-271; 4. С. 395-420; 5. С. 563-604; 6. С. 652-672; Т. 4. 7. С. 1-38; 8. С. 97-153; 9. С. 177-222; 10. С. 305-378.
5. *Покровский Д.* Словарь церковных терминов. - Sharon, Massachusetts: Izograph Studio, 2002. 166 с.
6. *Борев Ю.Б.* Эстетика. М.: Высшая школа, 2002. 511 с.
7. Башкеева В.В. От живописного портрета к литературному. Русская поэзия и проза конца XVIII-первой трети XIX века. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 1999. 270 с.
8. Констебл Д. Бороды в истории: символы, моды, восприятие // Одиссей. Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. - М.: Наука, 1994. - С.165-181.
9. Языкова И. К. Богословие иконы: Учебное пособие. - М.: Изд-во Общедоступного Православного Университета, 1995. 212 с. // [то же: электронный ресурс] <http://nesusvet.narod.ru/ico/books/yazyk>.
10. Толковый словарь русского языка: В 3-х тт. Т. 1. А-М/ Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2001. 704 с.
11. Ширина Е.В. Сатирический портрет в аспекте концептуального исследования (публицистика А.И. Герцена) // Вестник Воронежского государственного университета. - Серия: Филология. - 2004. № 1. С.137-142.
12. *Дземидок Б.О.* О комическом (пер. с польского). М.: Прогресс, 1974. - 224 с.
13. *V. Gornak* Vitebsko krapto memuaristish kalbos ir kulturos problemos samprata (G. Dobrynino ir M. Markso atsiminimai) // Zmogus ir zodis. 2003. № 1. С. 105-107.

Об авторе

Руднева И.С. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, rudnewa@bk.ru

ПРАВО

УДК – 343.132

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В.В. Климов

В статье дается понятие домашнего ареста как меры пресечения в уголовном судопроизводстве России, приводятся его признаки. Рассматриваются проблемы законности и обоснованности применения домашнего ареста. Оценивается возможность избрания домашнего ареста как альтернативы заключения под стражу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, меры пресечения, домашний арест, заключение под стражу, законность, обоснованность.

Уголовно-процессуальное право регулирует наиболее острую сферу взаимоотношений государства и личности, в ходе которых, возникает необходимость ограничения прав граждан, в том числе и наиболее значимых. Существующий порядок уголовного судопроизводства, нередко заставляет людей, участвующих в нем, претерпевать неблагоприятные последствия, вызванные принятием тех или иных процессуальных решений. Однако, не все лица согласны, на добровольной основе, выполнять свои процессуальные обязанности. Именно поэтому, в уголовно-процессуальном законодательстве присутствует целый ряд средств механизма правового регулирования, способных, не зависимо от субъективного отношения участников уголовного судопроизводства к исполнению своих процессуальных обязанностей, привести к предусмотренному нормой права, результату. Эти средства охватываются понятием мер процессуального принуждения.

Согласно, классификации, которую приводит законодатель в уголовно – процессуальном кодексе Российской Федерации, меры процессуального принуждения делятся на три группы:

- задержание подозреваемого;
- меры пресечения;
- иные меры процессуального принуждения.

Меры уголовно-процессуального пресечения (далее меры пресечения) являются самыми строгими, а заключение под стражу - определяется уголовно – процессуальным законодательством как исключительная (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

В соответствии со ст. 98 УПК РФ мерами пресечения являются: 1) подписка о невыезде; 2) личное поручительство; 3) наблюдение командования воинской части; 4) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; 5) залог; 6) домашний арест; 7) заключение под стражу. Названные меры пресечения образуют иерархическую систему по степени принудительности. В отдельных научных источниках система мер пресечения определяется в виде «совокупности конкретных правовых средств, различающихся между собой содержанием принуждения, степенью строгости, действенностью, условиями применения».[1, С.7].

Теория уголовного процесса определяет меры пресечения как разновидность мер уголовно-процессуального принуждения. Поэтому признаки, которыми обладают меры уголовно-процессуального принуждения, имеют отношение к мерам пресечения.[2, с.68]. Они носят принудительный характер и оказывают на личность психологическое или физическое воздействие, ограничивают имущественные права и интересы человека.

Статья 55 Конституции Российской Федерации декларирует, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Гарантией этому служит закрепление в уголовно-процессуальном законе условий и оснований применения мер пресечения. Меры пресечения могут применяться лишь при наличии соответствующих оснований, а избрание конкретной меры зависит от ряда учитываемых при этом обстоятельств – условий.[3, с.170]. Основания и условия применения мер пресечения, характеризуют их юридическую природу и гарантируют законность и обоснованность ограничения прав подозреваемого и обвиняемого, вызванные избранной в отношении них мерой пресечения. Именно законность и обоснованность применения мер пресечения в уголовном процессе являются теми свойствами, которые главным образом гарантируют права личности, причем не только обвиняемого (подозреваемого), но и других участников уголовного судопроизводства.

Проанализировав практику избрания меры пресечения в виде заключения под стражу можно сделать вывод, что около 30 процентов граждан, в отношении которых избрана указанная мера, освобождаются на стадии следствия или в связи с назначением не связанного с лишением свободы наказания. В целом же мера пресечения в виде заключения под стражу применяется в отношении каждого пятого обвиняемого (подозреваемого).[4]

Гуманизация уголовной политики нашла свое выражение и в уголовно-процессуальном законодательстве, в частности с введением в систему мер пресечения домашнего ареста как альтернативы заключению под стражу. Несмотря на то, что указанная мера пресечения не была предусмотрена УПК РФ РСФСР 1960 года, предшественником действующего уголовно-процессуального кодекса, домашний арест известен российскому уголовному процессу уже давно. Он появился впервые в законодательстве России при Петре Первом и в последующем применялся в течении около 200 лет. После 40 летнего перерыва, вызванного действием УПК РСФСР, который в своих нормах не предусматривал применения этой меры пресечения, домашний арест вновь был закреплён УПК РФ, вступившим в силу 1 июля 2002 года. И хотя домашний арест введен относительно давно, его применение остаётся новеллой современного российского уголовно-процессуального законодательства. Правоприменительная практика домашнего ареста остаётся незначительной, по причине неготовности правоохранительной системы к его применению. Существует ряд вопросов, без решения которых, применение домашнего ареста затруднительно. Но очевидно одно, введение меры пресечения в виде домашнего ареста и его применение, позитивно скажется на правах человека, приведёт к дополнительным гарантиям соблюдения прав и законных интересов граждан, привлекаемых к ответственности в уголовном судопроизводстве.

За отправную точку в определении понятия домашнего ареста можно взять дефиницию, статьи 107 УПК РФ, согласно которой, домашний арест заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения подозреваемого, обвиняемого, а так же в запрете:

- 1) общаться с определенными лицами;
- 2) получать и отправлять корреспонденцию;
- 3) вести переговоры с использованием любых средств связи.

В юридической литературе и трудах учёных процессуалистов понятие домашнего ареста толкуется по-разному.[5]. Причём, одни авторы в своих определениях не вполне отражают сущность ограничений и цели, другие, выражая отдельные запреты, не раскрывают признаков данной меры, третьи авторы указывают на исключительность данной меры пресечения, но не раскрывают эту исключительность.

Следует согласиться с мнением Овчинникова Ю.Г., который предлагает охарактеризовать домашний арест, через его признаки. Он приводит четыре признака домашнего ареста, а именно: место домашнего ареста в системе мер процессуального принуждения; статус субъекта в отношении, которого избирается домашний арест; виды воздействия, оказываемые применением меры пресечения на подозреваемого, обвиняемого; особый порядок избрания домашнего ареста.

На наш взгляд признаки, приводимые Овчинниковым Ю.Г., следует дополнить ещё двумя. А именно: статусом субъекта, который избирает домашний арест, а также обстоятельствами, учитываемыми при его избрании. Так согласно ст. 29 УПК РФ, только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения: об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога. Это позволяет говорить о том, что данная мера достаточно ощутимо ограничивает конституционные права граждан. Отметим, что в части второй ст. 107 УПК предусмотрены обстоятельства, учитываемые при избрании домашнего ареста. К ним относятся возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие. Так, по мнению И.Л. Петрухина, домашний арест может применяться к тяжелобольным, престарелым, беременным женщинам и женщинам, имеющим грудных детей, а также к лицам, содержание которых под стражей законодательно допустимо, однако, не вызвано необходимостью, с учетом характера преступления, в совершении которого они обвиняются, состояния здоровья, положения в обществе и заслуг перед Родиной, принадлежности к гражданству других стран и иных обстоятельств[10]

С учетом указанных признаков под домашним арестом следует понимать *меру уголовно-процессуального пресечения, избираемую в отношении подозреваемого или обвиняемого, с учетом его возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств, при наличии оснований, предусмотренных законом, по ходатайству следователя (дознателя) или по собственной инициативе, судом, в ходе проведения судебного заседания, по уголовным делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, а в исключительных случаях на срок до двух лет, заключающуюся в ограничениях, связанных со свободой передвижения обвиняемого (подозреваемого), а также в возложении на него запретов общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи.*

Законодатель не в достаточной мере закрепил критерии обоснованности применения домашнего ареста. В законе нет достаточной регламентации оснований применения этой меры пресечения. Отсюда на практике уполномоченные органы и должностные лица не всегда, её применяют. Заключение же под стражу, являясь в соответствии с законом исключительной мерой, применяется повсеместно и находится на втором месте по применению, после подписки о невыезде и надлежащем поведении.

При применении мер пресечения в уголовном процессе особое внимание уделяется именно тем условиям, которые определяют оптимальность выбора одной из них, для обеспечения правомерного поведения обвиняемого (подозреваемого). В теории принятия решений распространено утверждение, что там, где наука не может дать алгоритма принятия решения, то есть когда решение принимается в

ситуации, в которой трудно сравнивать формальные критерии, главным показателем правильно выбранного решения является его полезность («полезное - это и есть точное, наилучшее решение»). Такого же мнения придерживалась П.А. Лупинская, которая полагала, что в ряде случаев отрицательные последствия решения свидетельствуют о его нецелесообразности и неправильности в момент избрания (например, совершение нового преступления лицом, в отношении которого в качестве меры пресечения избрана подписка о невыезде).[6, с.140]. На наш взгляд, оценивать законность и обоснованность решения только лишь достижением положительного результата, не совсем верно. В таком случае законодателю не нужно было бы предусматривать альтернативу наиболее эффективной с точки зрения достижения целей уголовного преследования мере пресечения, а именно заключению под стражу. Этот довод подтверждает и Пленум Верховного суда, который в своём постановлении обозначает следующее требование: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть избрано лишь при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. Для решения вопроса о возможности применения меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое уголовный закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, суду надлежит в каждом конкретном случае проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению».[7].

Юридическим основанием для применения любой меры пресечения, в том числе и домашнего ареста, является вынесение в соответствии со ст. 101 УПК РФ дознавателем, следователем или судьёй постановления, а судом - определения, содержащих указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо, и основания для избрания этой меры пресечения. Как любой другой правоприменительный акт, постановление и определение об избрании меры пресечения должны обладать свойствами законности, обоснованности и мотивированности. Эти свойства являются взаимосвязанными и обуславливающими друг друга. В ученом мире не однозначна позиция по этому вопросу. Многие из ученых законность понимают как более широкое понятие, вкладывая в его смысл и обоснованность и мотивированность. По нашему мнению это самостоятельные, хотя и тесно взаимосвязанные категории.

Пленум Верховного суда в своём постановлении №23 от 19 декабря 2003 года «О судебном решении» дает определения понятиям законности и обоснованности судебных решений. Указанное постановление отмечает, что решение, является **законным** в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению. Решение является **обоснованным** тогда, когда имеющее значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.[8]. Но решение о применении меры пресечения принимается не только судьей или судом, но дознавателем и следователем в пределах предоставленных им полномочий. Исходя из данных понятий, можно сделать вывод, что решение о применении меры пресечения является законным, если при его принятии соблюдены все требования закона. Это касается не только соблюдения точного, установленного законом, алгоритма его применения, но и обоснованности и мотивированности этого решения (в соответствии с ч. 4, ст. 7 УПК РФ, «Определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными»).

Отсюда целесообразно сделать вывод, что любое необоснованное решение можно признать незаконным, но не любое незаконное не является необоснованным. Потому как, если решение в достаточной мере обоснованно, но принято с нарушением порядка, или ненадлежащим должностным лицом или органом, оно является незаконным. Решение о применении меры пресечения является обоснованным, если, имеющиеся для принятия решения, факты, подтверждены доказательствами, и на их основании можно сделать вывод о наличии, предусмотренных законом оснований для применения меры пресечения, а так же условий целесообразности выбора определенной меры пресечения.

Существуют и другие нормы, содержание которых дополнительно характеризует законность и обоснованность решений о применении мер пресечения. Здесь имеются в виду нормы, устанавливающие особые и единичные основания и порядок избрания меры пресечения в отношении несовершеннолетних, депутатов, судей, прокуроров, иностранцев, обладающих иммунитетом (ограниченным иммунитетом).[9, с.3].

Вопрос законности домашнего ареста неразрывно связан с доказыванием наличия оснований для избрания этой меры пресечения. В соответствии с подп. «С» п.1 ст. 5 Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» законный арест или задержание лица не допустимы только в том случае, если в порядке, установленном законом, они произведены с тем, чтобы лицо предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его завершения.

В 1998 году по делу о проверке конституционности частей четвертой, пятой и шестой статьи 97 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан П.В. Янчева, В.А. Жеребенкова и М.И. Сапронова Конституционный суд вынес определение, в котором указал: «...закрепленный в частях четвертой, пятой и шестой ст. 97 УПК РСФСР порядок продления сроков ареста применяется, как это предусмотрено ч.1

ст. 89 УПК РФ, лишь при наличии достаточных доказательств того, что обвиняемый может скрыться от дознания или предварительного следствия, воспрепятствовать установлению истины по делу или продолжить преступную деятельность». В этом определении нашло подтверждение, давно высказанное в юридической литературе мнение о том, что суждения лица или органа, принимающего решение о применении меры пресечения, должны основываться не на интуиции, а на базе конкретных доказательств, полученных в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, с соблюдением процессуальной формы их получения, закрепления, оценки и применения.

В настоящее время активно ведутся дискуссии об ограничении проверки законности и обоснованности меры пресечения решением вопроса о том имели ли место процессуальные нарушения при её применении или продлении срока. На наш взгляд это ошибочное мнение. Оно основано, в том числе на Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления содержания под стражей».[10]. В нем указано, что, проверяя законность и обоснованность ареста или продления срока содержания под стражей, судья не вправе выходить в обсуждение вопроса о виновности содержащегося под стражей лица в инкриминируемом ему преступлении. По нашему мнению Пленум не имел в виду, что судья вправе вынести решение о применении меры пресечения, не изучив доказательства, положенные в основу обвинения. Только при наличии совокупности доказательств, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления или предъявить ему обвинение, ставится вопрос о наличии оснований для применения меры пресечения. Как верно отмечает А. Шамардин, исследование законности применения к подозреваемому или обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу неизбежно включает решение вопроса об обоснованности ареста, так как круг оснований для избрания этой меры пресечения установлен законом.[11, с.22]. Таким образом, обсуждение вопроса о виновности лица, в отношении которого избирается мера пресечения, в инкриминируемом ему преступлении, не тождественно обсуждению вопроса о *доказательствах*, подтверждающих наличие события преступления и причастности к нему этого лица.

Вообще, обсуждать вопрос о применении меры пресечения в отношении виновного или не виновного лица нецелесообразно, по причине того, что с соответствии со ст. 49 Конституции РФ каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Являясь интегрированным выражением процессуальных гарантий прав обвиняемого, принцип презумпции невиновности состоит в признании объективного правового положения невиновности лица до вступления в законную силу вынесенного в отношении его обвинительного приговора.[12, с. 124]. Человек, привлеченный в качестве обвиняемого (подозреваемый), остаётся для общества полноправным гражданином, освобожденным от обязанности претерпевать какие-либо неблагоприятные уголовно-правовые последствия. Тем не менее, принцип презумпции невиновности в ходе уголовного судопроизводства не препятствует применению к нему (обвиняемому, подозреваемому) мер уголовно-процессуального принуждения.[13, с.144]

В конце 2009 года Пленум Верховного суда принял два важнейших постановления, которые многие эксперты уже назвали революционными. Первый документ - "О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста" - указал критерии ареста. Второе постановление разъяснило некоторые вопросы судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания. Многие эксперты считают, что для нашей страны появляется прекрасный шанс сдать лидирующие позиции по числу тюремного населения. Сегодня Россия занимает второе место в мире по количеству заключенных на душу населения. На сто тысяч свободных человек в России приходится более шестисот арестантов.

Давно стало юридической аксиомой, что одна лишь жестокость наказаний не сделает жизнь граждан безопаснее. До сих пор даже самые гуманные законы мало, что меняли по большому счету. Ведь менталитет и судей, и сотрудников правоохранительных органов оставался прежним. Коллективное бессознательное отношение судей, прокуроров и следователей создавало тот самый пресловутый карательный уклон, о котором так любят рассуждать правозащитники.

В новых постановлениях [7, 14] Пленум Верховного суда старается изменить сами принципы, которыми до сих пор руководствовались люди в мантиях. По мнению специалистов, самый резонансный документ - это постановление о практике избрания мер пресечения. О нем заговорили задолго до того, как была поставлена последняя точка. Документ, по сути, выдает судьям подробные правила применения арестов и других мер пресечения.

Однако, многие юристы уже отметили, что для гуманизации системы наказаний и мер пресечения нужно не просто постановление Пленума Верховного суда, а отдельный федеральный закон, регламентирующий применения альтернативных мер пресечения. Ведь никакие документы рекомендательного характера не заставят наших судей исполнять их. Только жестко регламентированные правила, закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе, могут положительно повлиять на увеличения правоприменительной практики избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения, альтернативной заключению под стражу. И с этим мнением нельзя не согласиться.

Президент России Д. Медведев заявил, что законодательство в сфере исполнения наказаний, а также законодательство об уголовной ответственности должно быть не гуманистическим, а

эффективным. «Наказание – ведь это не только кара. Мы должны делать так, чтобы человек после выхода из тюрьмы или из исправительно-трудового учреждения всё-таки превращался в нормального, подготовленного к обычной жизни человека, а не в криминального вожака какого-то, который сколачивает вокруг себя новую криминальную структуру и потом снова попадает на зону. Но в то же время мы должны понимать, что, например, за некоторые виды экономических преступлений, преступлений, связанных с налоговыми действиями, вовсе необязательно на стадии предварительного следствия, например, сразу же людей законопачивать в тюрьму, тем более что потом их приходится выпускать. Это вопросы к качеству следствия».[15].

Поэтому трудно переоценить значение обоснованности применения меры пресечения для защиты прав и законных интересов лиц, в отношении которых они применяются. На наш взгляд именно обоснованность служить неперемennым условием законности применения меры пресечения. Причем обоснованность не только самого применения, а обоснованность выбора той или иной меры пресечения к конкретному обвиняемому (подозреваемому) в конкретном случае и на конкретном этапе уголовного процесса.

The article tells about the home arrest as a measure of deterrence in criminal procedure of Russia and about its main features. The problems of legality and justification of exercising home arrest are also considered.

The key words: *criminal procedure, preventive (restrictive) measures, home arrest, legal detention, legality, justification (relevance, well-foundedness).*

Список литературы

1. Еникеев З.Д. Проблемы мер пресечения в уголовном процессе, автореф. дисс. докт. юрид. наук. Екатеринбург. 1991.
2. Михайлов В.А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации. М., 1997.
3. *Уголовный процесс*. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов/ под редакцией К.Ф. Гуценко, М. 1998.
4. Латухина К. Залог вместо ареста/ Российская газета - Федеральный выпуск №5075 (251) от 28 декабря 2009 г.
5. Сергеев В.И. Комментарий к формам документов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2004. С. 224.; Смирнов А.В. Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации/ Под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2003. С.108; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общей редакцией В.И. Радченко. М.:2003. С. 239.; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (научно-практическое издание)/ Под общ. Ред. В.В. Мозякова, С.И. Гирько, Г.В. Мальцева, И.Н. Барцина. М.: 2003. С.417.; Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: Дисс. канд. юрид. наук. Омск. 2006С.16. Салтыков Е.В. Домашний арест в Российском уголовном процессе: Дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2007. С. 82.
6. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М. 1976.
7. *Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста»*, № 22 от 29 октября 2009 г.// Официальный сайт Верховного Суда РФ, http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=5963.
8. *Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном решении»*, № 23 от 19 декабря 2003 г.// Официальный сайт Верховного Суда РФ, http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=4729.
9. Михайлов В.А. Защита прав человека в уголовном судопроизводстве при применении мер пресечения// Проблемы обеспечения прав человека в деятельности органов внутренних дел по материалам Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ.- М., 1993.
10. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей»* (с изменениями и дополнениями, внесенными постановлением Пленума от 21 декабря 1993 г. N11 и от 29 сентября 1994 г. N 6) №3 от 27 апреля 1993 года.// Официальный сайт Верховного Суда РФ, http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=914
11. Шамардин А. «Необоснованный арест не может быть законным» /Российская юстиция 1999, №4.
12. Мажинян Д.Р. Презумпция невиновности и гарантии её осуществления. – Ереван, 1989.
13. Воробей С.Н. Меры уголовно-процессуального принуждения: сущность, назначение, критерии обоснованности применения в стадии предварительного расследования. Диссертация канд. Юрид. наук. Хабаровск 2009.
14. *Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания»*, №20 от 29 октября 2009 года.// Официальный сайт Верховного Суда РФ, http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=5961.
15. <http://blog.kremlin.ru/post/56> (видеоблог Дмитрия Медведева, от 29.12.2009 г.).

Об авторе

Климов В.В. – адъюнкт кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России, klimovbr1982@yandex.ru

УДК – 341.218

«КРЕСТОВЫЙ ПОХОД» ЗА ПУБЛИЧНУЮ МОРАЛЬ В ВИКТОРИАНСКОЙ КАНАДЕ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ КАНАДСКОГО ПРАВА

С.А. Кокотов

В статье рассматриваются правовые аспекты «моральной революции», имевшей место в викторианской Канаде в контексте борьбы колониальных сообществ Британской Северной Америки за сохранение и укрепление публичной морали, общественного порядка и ее воздействие на процесс становления канадского права.

Ключевые слова: канадское право, викторианская эпоха, либеральная демократия, публичная мораль, общественный порядок.

Процесс формирования системы канадского права в целом и его источников в частности в исторической ретроспективе осуществлялся под воздействием сложного комплекса социально-экономических, природно-географических и этно-конфессиональных факторов. Вторая половина XIX века, характеризовавшаяся либерализацией общественно-политической жизни в Великобритании и ее самоуправляемых колониях была отмечена появлением такого своеобразного фактора, как активная и постоянная борьба за укрепление публичной морали, что стало одним из символов эпохи, известной ныне как «викторианская эпоха».

Обращает на себя внимание, что распространенный среди западных обществоведов, философов и политологов тезис о «моральном» характере либеральной демократии как таковой [1] резко контрастирует с тем фактом, что либерально-демократические реформы в России конца XX века привели к диаметрально противоположным результатам. По мнению некоторых представителей отечественной науки, наша страна по шкале морального прогресса оказалась отброшена в глубокое средневековье. [2, с.4] В этой связи представляется актуальным обратиться не только к критическому анализу теоретических аспектов концепции либеральной демократии, но и к конкретно-историческому опыту тех стран, которые реализовали ее на деле. Одной из таких стран является Канада.

Жители Британской Северной Америки (ныне – Канады) изначально не отличались массовыми примерами общественной добродетели. В XVII-XVIII веках выходцы с британских островов прослыли одной из «наиболее агрессивных, жестоких, буйных и кровожадных наций». [3] Повсеместное пьянство сопровождалось бродяжничеством (vagrancy), непристойным поведением (disorderly conduct), проституцией (streetwalking), азартными играми (gambling). [4, P.87] Относясь по общему праву к мисдиминарам, все эти правонарушения составляли категорию «преступлений против публичной морали» (public/moral order offences). В начале XIX века на фоне массового притока лиц, не умевших и не желавших вписываться в складывавшиеся в колониях стандарты социального поведения ситуация еще более ухудшилась. Канадские города и тауншипы оказались перед угрозой дестабилизации общественной жизни, дальнейшего упадка публичной морали. В этот период для многих представителей локальных сообществ понятие «социальная анархия» стало прочно ассоциироваться с понятиями «грех» и «иммигранты». Согласно статистике первых десятилетий XIX века именно иммигранты (в основном, ирландцы) преобладали среди лиц, привлекавшихся к суду по обвинениям в совершении указанных выше преступлений. Росло и общее их число - если в начале XIX века они составляли 12% от общего числа зарегистрировавшихся правонарушений, то к середине века их количество достигло уже 35%. [5, P.43] Однако уже к концу XIX века канадское общество вполне можно было отнести к числу наиболее «сдержанных, щепетильных и ханжеских наций в мире». [3, P.123] Изменения в сфере публичной морали и общественного порядка оказались столь глубоки и разительны, что к ним вполне подходит определение «моральная революция». Современники же назвали начавшийся в Британской Северной Америке процесс «крестовым походом за публичную мораль и порядок» (a moral order crusade). [6]

Очевидно, что столь глубокие изменения не были спонтанными. Возрождение высоких стандартов публичной морали во второй половине XIX – начале XX века стало возможным благодаря многим факторам, два из которых следует выделить особо. Прежде всего, это наличие в колониальных сообществах определенного морально-нравственного потенциала. На практике это выразилось в том, что в викторианской Канаде, вслед за Англией, постепенно сложилось «консенсусное» сознание, предполагавшее готовность локальных сообществ принять морально-этические стандарты жизни и поведения своих элит в качестве образца с одной стороны, и готовность тех же элит принять на себя ответственность за поддержание публичной морали – с другой. Его основу составила так называемая

«викторианская система ценностей», вобравшая в себя религиозность и строгие моральные принципы, патриотизм и социальную дисциплинированность, веру в справедливость иерархической структуры общества, конформизм и готовность подчиняться установленным правилам.[7, С. 55-56]

В формально-юридическом плане указанный потенциал был реализован через создание многочисленных общественных объединений, среди которых можно выделить Лигу умеренности (The Temperance League), Союз женщин за христианскую умеренность (The Women's Christian Temperance Union), Общество христианского старания (Christian's Endeavor Society), Лигу граждан (The Citizens League), Ассоциацию католической молодежи (YMCA), Армию спасения (Salvation Army), Ассоциацию граждан по поддержанию порядка (The Civic Improvement Association). Выступая против «культы самотерпимости и его бога – удовольствия», эти и другие организации не только консолидировали общество, но и формировали атмосферу нетерпимости к нарушениям публичной морали, проявлениям гражданской безответственности. К примеру, многие жители канадских городов в конце XIX века оказывались в полицейских участках лишь в результате жалоб соседей на то, что они не убирали снег перед своими домами.

Вторым фактором, обеспечившим успех «моральной революции» стало обращению общества к такому инструменту, как право. Последовательное давление на власть с целью правового закрепления строгих норм публичной морали и выработки действенных мер по их защите рассматривалось указанными объединениями как одна из важнейших задач. Это выразилось в неуклонном росте петиций и обращений к властям с требованием всемерного ужесточения отношения к лицам, не желавшим принимать новые стандарты социальной ответственности. Как следствие, уже в 1824 году законодательными ассамблеями колоний был повсеместно введен в силу английский акт о бродяжничестве (Vagrancy Act), давший канадским констеблям неограниченные властные полномочия по наведению общественного порядка. Затем последовала серия актов, поставивших под контроль государства производство и оборот алкогольной продукции.[8] Включились в этот процесс и муниципальные власти. Хартии об инкорпорировании канадских городов дали им право подзаконными актами (by-laws) вводить запреты на азартные игры, ужесточать наказания за проституцию и сводничество. По настоянию горожан повсеместно были расширены санкции за нарушение «Божьего Дня» (т.е. воскресенья). Все бродяги, бездельники (vagabonds) и прочие лица, пользовавшиеся дурной славой, а также лица в состоянии опьянения, или вызывавшие неудовольствие граждан, или блуждавшие ночью по городу подлежали аресту и последующему штрафу за каждое совершенное правонарушение. В случае же отсутствия средств полагалось 30-дневное тюремное заключение.[5, Р. 49]

Общественные объединения оказывали давление не только на законодателей, но также на полицию и судей. Эффективность работы канадской муниципальной полиции, к концу XIX более чем на 80% укомплектованной представителями белого протестантского большинства, резко повысилась. Об этом косвенно говорит тот факт, что к концу XIX века мировые суды канадских городов рассматривали до 3 тысяч дел в год (по 5-10 дел за день), причем значительная их часть, связанная с нарушениями общественного порядка, возбуждалась именно полицией. Свою лепту в дело укрепления публичной морали и общественного порядка вносили и судьи. Будучи представителями среднего класса, они являлись носителями не только системы викторианских ценностей, но и интересов локальных сообществ. Не случайно за одни и те же правонарушения они повсеместно смягчали наказания для членов местных сообществ, и ужесточали их для приезжих. По этой же причине они последовательно применяли более жесткие санкции за посягательства на собственность и публичную мораль, нежели за преступления против личности.[9, Р. 228] Как результат совместных усилий общества и государства, к концу XIX века в Канаде сформировалась устойчивая тенденция к снижению числа арестов за нарушение публичной морали и общественного порядка. Отныне добровольное следование общепринятому коду этического поведения, чувство гражданского долга и ответственности, законопослушание не только стали неотъемлемыми чертами жизни канадцев, но и получили свое юридическое закрепление в нормах канадского права.

Подводя итог, следует признать, что опыт Канады по построению либерально-демократического общества показывает, что публичная мораль не возникает спонтанно. В значительной мере она вырабатывается и поддерживается правом и этот вывод представляется важным в контексте проблем, стоящих перед российским обществом. Право, закон - как властный голос политического сообщества – способен играть роль мощного обучающего инструмента. И хотя он не может быть применен для построения «добродетельного» режима, но с его помощью можно и должно ограничивать распространение пороков, угрожающих обществу.

The article reveals law aspects of “moral revolution” in Victorian Canada in the context of struggle for public moral and social order in colonial communities of British North America and its impact on the process of formation of Canadian law.

The key words: Canadian law, Victorian epoch, liberal democracy, public moral, social order.

Список литературы

1. *Clor H.M.* Public Morality and Liberal Society. University of Notre Dame Press. 1996.
2. *Пастухов В.* Законность как «condicio sine qua non» российской демократии. // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. №2.
3. *Perkin H.* The Origins of Modern British Society. London. 1969.
4. *Canada and Its Provinces.* In 22 vols. Vol. XIII. The Atlantic Provinces. Toronto. 1913-1914.
5. *Weaver J.* Crimes, Constables, and Courts. Order and Transgression in Canadian City. 1816-1970. Montreal. 1995.
6. *National Archives of Canada.* RG-5. A-1. 2178-88. Petition on May 9, 1839.
7. *Фадеева Л.А.* «Профессиональный класс» в английской социальной истории XIX века.// Новая и новейшая история, 1998. №4.
8. *The Liquor License Act, 1877; Canada Temperance Act, 1878; Canada Temperance Act, 1886, etc.*
9. *Katz M., Doucet M., Stern M.* The Social Organization of Early Industrial Capitalism. Harvard University Press. 1982.

Об авторе

Кокотов С.А. – кандидат исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, sakokotov@mail.ru

УДК – 341

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СВЕТЕ ГЕРМАНСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА: ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ МЕЖДУ ФРГ И ЗЕМЛЯМИ

Т.В. Мазур

В статье рассматриваются особенности функционирования судебной власти в механизме разделения властей в федеративном государстве на примере Германии. В частности, автор рассматривает особенности распределения компетенции в этой сфере между федерацией и землями, поскольку это влияет на эффективность осуществления правосудия в стране в целом. С опорой на статьи Основного закона Федеративной республики Германии автор приходит к выводам о том, что основное регулирование судостроительства и судопроизводства осуществляется на федеральном уровне, при том, что правосудие в Германии осуществляется, в первую очередь, судами земель.

Ключевые слова: федерализм, судебная власть, компетенция.

Социальная функция суда в цивилизованном государстве состоит в осуществлении от его имени социального контроля в механизме разделения властей. Особо следует подчеркнуть, что принцип федеративного устройства в этом отношении служит не только сохранению индивидуальности субъектов федерации, но и также так называемому вертикальному разделению властей, то есть ограничению объема федеральной власти путем ее распределения между федерацией и ее отдельными частями.

В этом отношении, распределение компетенции в определенной области государственного управления между федерацией и ее частями, в частности, в сфере судостроительства влияет на эффективность осуществления правосудия в стране в целом. И, соответственно, можно будет говорить о выполнении либо не выполнении главной задачи судебной власти в государственном механизме.

Обратимся к распределению компетенции в сфере судебной власти между федерацией и землями в современной Германии, поскольку это государство, в котором, ничто не ценится так высоко, как федерализм. [1, с.56] Сказанное подтверждается положениями части 3 ст. 79 Конституции, которая устанавливает, что деление федерации на земли, принципиальное участие земель в законодательном процессе, или принципы, изложенные в ст. 1 и 20, не могут быть отменены даже в случае пересмотра Конституции. [2, с.92]

Кроме того, статья 30 устанавливает, что осуществление полномочий и задач государственной власти относится к компетенции земель, поскольку иное не предусмотрено или не дозволено Основным законом. [3, с.78]. Это своеобразная форма презумпции компетенции земель, которая свидетельствует о принципиальной децентрализованности германской федерации. [4, с.67]

Таким образом, объектом исследования данной статьи будут являться особенности распределения компетенции между Федерацией и землями в Германии в области судостроительства.

В ФРГ правосудие осуществляется в первую очередь судами земель. Федерация образует лишь пять судов высшей инстанции: Федеральный Верховный суд, Федеральный трудовой суд, Федеральный административный суд, Федеральный финансовый суд, Федеральный социальный суд. Соответственно, и в землях правосудие подразделяется на пять отраслей. Кроме того, наряду с Феде-

ральным Конституционным судом, в землях существуют свои конституционные суды, которые выносят окончательные решения по подсудным им конституционно-правовым делам.

Своеобразие соотношения централизации и децентрализации в системе государственного управления определяется историческим развитием страны. Следует отметить, что на заключительном этапе объединения в империю во второй половине XIX века отдельные ее части хотели сохранить свою судебную власть, однако прусские лидеры добились централизации. Тем самым удалось достигнуть оптимального соотношения интересов федерации и земель.

В настоящее время компетенция земель и, соответственно, децентрализация системы продолжают оставаться значительными, хотя отмечается сильная тенденция изменений в пользу центра. По статье 74 Основного закона конкурирующая компетенция распространяется на ряд важнейших сфер, в частности на гражданское, уголовное и уголовно-исполнительное право, судоустройство, адвокатуру, нотариат, правовое консультирование. [5,с.90] Но основные законы, все же, являются федеральными. Разъяснение компетенции в сфере законодательства и, соответственно управления занимает много места в работах немецких юристов. Например, О. Киссель отмечает, что в регулировании содержания и объема профессионального надзора над судами и лицами, при них действующими, преимущество имеет Федерация перед организационным правом земель. Но собственно организация судов, то есть то, что необходимо, чтобы суды работали, относится к компетенции земель. [6,р.88]

Основные положения, посвященные распределению государственной власти между Федерацией и землями в сфере судопроизводства изложены в разделе 9 Основного закона, который называется «Правосудие» и включает основные положения организации и деятельности судов. Необходимо отметить, что Основной закон Федеративной республики Германии, в отличие, скажем от Конституции Российской Федерации не содержит отдельной главы, посвященной федеративному устройству, однако разграничение компетенции между федерацией и землями достаточно четко и тщательно проработано. Соответствующие положения можно найти в Преамбуле и практически в каждой главе Основного закона.

Как и для законодательной и исполнительной власти, так и для сферы правосудия провозглашена презумпция регулирования компетенции в пользу земель, о чем уже говорилось выше. Однако благодаря данным правовым положениям мы можем установить общедеральное распределение компетенции раздела, в отличие от соответствующих разделов в области законодательства и исполнительной власти

В статье 95 Конституции дана характеристика высших судебных инстанций для различных, но равнозначных по отношению друг к другу судебных ветвей. Опираясь на данную статью можно сделать вывод о том, что высшие федеральные суды находятся на одном уровне и задуманы как высшие кассационные суды в пределах одной судебной ветви. Однако, из этого совершенно не следует делать вывод о том, что они могут быть только кассационными. Тем более, что статья 96 Основного закона устанавливает, что федерацией могут быть учреждены и иные специализированные суды, которые могут выступать в качестве первой и последней инстанции именно на федеральном уровне. Это так называемая факультативная юрисдикция федерации.

Делом федерального законодателя, обладающего компетенцией в вопросах судопроизводства и судоустройства по ст. 74, является, в частности, принятие необходимых постановлений о разграничении сфер деятельности федеральных судов, с одной стороны, и судов земель – с другой. [7,с.47]

Единство правосудия, отправляемого пятью упомянутыми судами обеспечивается Единым сенатом высших федеральных судов как юрисдикционным органом федерации. Хотя задача Единого сената состоит в том, чтобы обеспечивать единство правосудия в рамках высших судебных инстанций федерации, то есть на федеральном уровне, его решения оказывают так же воздействие на суды земель как нижестоящие в инстанционном порядке по отношению к высшим федеральным судам.

Отдельно следует сказать о Федеральном конституционном суде. Федеральный конституционный суд является самостоятельной и независимой судебной инстанцией федерации по отношению ко всем другим конституционным органам (§1 Закона о Федеральном конституционном суде). [8, р. 243] Однако он является не только судебной инстанцией, но и в первую очередь одним из конституционных органов (§ 1, абз.1 Закона о Федеральном конституционном суде). [9,р.249] Из всех, правовых положений Основного закона, определяющих общедеральную компетенцию следует выделить положения статьи 99, согласно которой закон земли может предоставить Федеральному Конституционному суду право рассмотрения конституционных споров в пределах этой земли. А абзац 3 статьи 100 обязывает Конституционный суд земли обратиться за решением в Федеральный конституционный суд, если он расходится в толковании Основного закона с ним или с конституционным судом другой земли. [10,с.102].

Решения конституционных судов земель, как носителей государственной власти могут быть опротестованы путем подачи жалобы в Федеральный конституционный суд. Это частичное, не обусловленное инстанционным порядком подчинение конституционных земель Федеральному конституционному суду не ставит в принципе под сомнение их особый статус. [11,с.68]

Судебная система ФРГ процессуально едина, но судьи числятся соответственно на федеральной службе или на службе земель. [12,с.101] Правовое положение судей в землях должно регулироваться особыми законами земель. Однако, Федерация, в соответствии с пунктом 3 статьи 98 Основного закона может установить рамочные предписания.

Оплата и обеспечение судей земель осуществляется на основании федеральных законов об оплате и снабжении чиновников (ст.74а, абз.4 Основного закона). [13,с.88]

Таким образом, исходя из правовых положений Основного закона, разграничивающих компетенцию Федерации и земель в области юрисдикции, можно сделать следующие выводы: во-первых, для сферы юрисдикционной власти характерно верховенство федерального права. Это подтверждается, в первую очередь, тем, что нормы судостроительства и судопроизводства содержатся в основном в федеральных законах. Это же относится и правовому статусу судей. Применяемое судами материальное право является преимущественно федеральным. Толкование конституционного права и норм обычного федерального законодательства и их дальнейшего правового развития осуществляется главным образом в судопроизводстве Федерального конституционного суда и высших судебных инстанций федерации. Все это ведет к «единству правосудия в федеральном государстве». [14,с.115]

На фоне именно такого разграничения компетенции в федеративном государстве на базе Основного закона усилилась взаимосвязь компетенции федерации и земель в сфере юрисдикционной власти, и не в последнюю очередь из-за верховенства федерального права и судопроизводства и практики Федерального конституционного суда. Следует, прежде всего, указать на то, что суды земель применяют как федеральное право, так и право земель. Решения всех судов действуют на территории всей федерации, также всеми судами должна оказываться взаимная правовая помощь.

Федеральный Конституционный суд так же является судом федерального уровня и играет весьма значительную роль в определении соотношения между Федерацией и землями. В соответствии со статьей 93 Основного закона и параграфа 13 Закона о Федеральном Конституционном суде, Федеральный Конституционный суд должен принять решение по жалобам в спорах между Федерацией и землями. Он также является важнейшим гарантом федерализма и хранителем дружественных связей между Федерацией и землями. [15,с.97]

И в этом случае, разумеется, что федеральным судам как судам высшей инстанции придается особое значение, так они являются ревизионной инстанцией, а суды земель ориентируются в отправлении правосудия в значительной степени на наличие таких ревизионных инстанций. [16,с.37]

С этим, безусловно, нельзя не согласиться, поскольку практическое осуществление принципов взаимоотношений между Федерацией и землями, а так же особым образом разграниченная компетенция в сфере судостроительства и судопроизводства безусловно положительно влияют на эффективность осуществления правосудия в Германии.

The article deals with features of the functioning of the judiciary in the mechanism of division of powers in federal state, by the example of Germany. In this sphere the author specifically considers the peculiarities of the distribution of competence between the Federation and the Lands, because it has influence on the efficiency of justice in the country in toto. On the basis of the Basic Law for the Federal Republic of Germany, the author concludes that in Germany the basic regulation of the judicial system and legal proceedings are carried out at the federal level, while justice is carried out by courts of lands.

The key words : *Federalism, judicial authority, competence*

Список литературы

- 1 Вальтер. Проблемы федерализма в Федеративной республике Германии. Современный немецкий конституционализм. Москва, 1994. С. 56
- 2 Конституции зарубежных государств. М., 2001. С.92
- 3 Конституции зарубежных государств. М., 2001. С. 78
- 4 Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть. Страны Европы: Учеб. /Под ред. Б.А. Страшуна. М., 1998
- 5 Конституции зарубежных государств. С. 90
- 6 Kissel O. Gerichtverfassungsgesetz. Kommentar, 1981. S. 88
- 7 Хессе, Конрад Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 47
- 8 Bundesgesetzblatt, 1951, S. 243; 1985
- 9 Bundesgesetzblatt, 1951, S. 249; 1985
- 10 Конституции зарубежных государств. С. 102
- 11 Брехт А. О государственном устройстве Германии.
- 12 Конституции зарубежных государств. С.101
- 13 Конституции зарубежных государств. С.88
- 14 Жалинский А.Э. , Рерихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 115
- 15 А. Шмелер-Май. Федерализм в Германии. М., 2001. С. 97
- 16 А. Шмелер-Май. Федерализм в Германии. М., 2001. С. 37

Об авторе

Мазур Т.В. – аспирантка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, tatyana_mazur@mail.ru

ГЕНЕЗИС ФРАНЦУЗСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВОВОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Д.С. Мельников

Статья посвящена вопросам, связанным со становлением и исторической эволюцией французской правовой культуры. Данная проблематика рассматривается в контексте зарождения и развития западноевропейской правовой традиции. Основное внимание уделяется этапам развития французского права и их существенным и содержательным характеристикам.

Ключевые слова: *генезис, французская правовая культура, западноевропейская правовая традиция, римское право, обычное право, каноническое право, революция, кодификация.*

Рассмотрение особенностей генезиса правовой культуры современной Франции неразрывно связано с исторической ретроспективой и анализом истоков западноевропейского правовокультурного развития. Сущность и значение базовых культурных черт сложно понять без анализа факторов, которые предопределяют развитие того или иного общества в русле той или иной традиции права, ведь ничто в истории народов не проходит бесследно и не возникает беспричинно, историческое бытие непрерывно и целостно; «это вечное становление национального самосознания как незыблемой основы, начала всех социальных сфер» [1, с. 173]. Генезис – это история становления и развития явления, представляющая собой органическое единство количественно и качественно различных состояний (этапов), которые, будучи объективированным выражением действия процессов изменения и развития, отражают их автономное время и находятся между собой в генетической связи [2, с. 87].

Само появление и историческая эволюция французского права как социокультурного феномена представляет собой поступательное движение в русле тысячелетнего становления и развития западноевропейской правовой культуры в целом. Французское право является неотъемлемой составной частью такого историко-юридического феномена, как западное право. Следует, однако, понимать, что даже в рамках единой западной правовой культуры не существует двух одинаковых национальных правовых культур, при общих генетических кодах западного правового развития. Здесь нужно сделать несколько теоретических замечаний.

В сравнительном правоведении существуют различные классификации правовых семей по различным критериям [3; 4; 5]. Процесс классификации отражает развитие взглядов на специфику правовых систем современности. Любые подходы к выбору критериев весьма субъективны. Важно учитывать, что «в настоящей жизни и реальной действительности нет и не может быть законченной правовой или любой иной классификации и что любая выделяющаяся при этом правовая семья с неизбежностью будет иметь относительный характер» [6, с. 25].

Часто романо-германская (континентальная) правовая семья прямо противопоставляется англосаксонской правовой семье (семье общего права). Акцентируется внимание на том, что они не имеют общих истоков и основы, хотя в процессе исторического развития тесно взаимодействуют друг с другом.

Следует отметить, что в последнее время в юридической науке получило широкое распространение мнение о существовании единой западной традиции права имеющей общие существенные характеристики [7]. Подчеркивается, что западная правовая культура не представляет собой целостного монолитного образования во всех отношениях, но характеризуется общими ментальными установками. Географическая, климатическая, политическая, культурная и иная близость, наряду со значительными различиями политических систем, не могла не обусловить и весьма заметные элементы их сходства [8, р. 521-560]. Ряд авторов говорит о некоей единой «западной» правовой семье, правовой традиции, правовой культуре или праве в целом. Это единое западное право вбирает в себя все другие частные правовые системы и семьи, имеющие общий западноевропейский корень. В основе западного права лежит, по мнению сторонников данного подхода, прежде всего общая «западноевропейская культура», которая проявляется как в различных правовых и «общих либерально-демократических политических ценностях, так и в существующих нормах права, правовых институтах, отраслях права, в правотворческой, правоохранительной и правоприменительной деятельности» [9, р. 63-64].

В.В. Оксамытный, учитывая складывающиеся в сравнительном правоведении тенденции, предлагает рассматривать основные правовые системы государств через призму их устойчивых групп на основе позиций цивилизационного подхода к государственно-правовой типологии, выделяет единое западное право, которое уже включает в себя две его разновидности – континентальное и англо-американское право [10, с. 417-418].

К. Осаке, используя в качестве критерия классификации правовую традицию, на первом уровне макроклассификации выделяет религиозные и нерелигиозные правовые традиции, а на втором уровне (по признаку правопонимания и роли права в обществе) – западные и внезападные правовые традиции [11, с. 31]. При этом акцентируется внимание на термине «правовая традиция», а не «правовая система». Под правовой традицией в русле западной компаративистики понимается «совокупность глубоко укоренившихся в сознании людей и исторически обусловленных представлений о роли права в обществе, природе права и политической идеологии, а также об организации и функционировании правовой системы» [11, с. 31]. Как отмечает Дж. Мерриман, «правовая традиция... не набор правил законов о контрактах, корпорациях и преступлениях... Скорее это – набор глубоко внедренных, исторически обусловлен-

ных отношений о природе закона, о роли права в обществе и государстве, о надлежащей организации и действии правовой системы и о способе, которым закон принят, применен, изучен, усовершенствован и преподан. Правовая традиция связывает правовую систему с культурой, частичным выражением которой она является. Это включает правовую систему в культурную перспективу» [12, р. 1-2].

Правовая традиция является одной из основополагающих юридических категорий при анализе правокультурного развития и функционировании правовой культуры в целом, как более широкого юридического феномена, представляющего собой систему исторически складывавшихся правовых традиций, убеждений, ценностей, идей, установок практического правового поведения, обеспечивающего воспроизводство правовой жизни общества на основе преемственности. Правовая культура, как одна из составляющих различий локальных цивилизаций, находит выражение в традиционно устойчивой совокупности правовых источников, принципов, норм, процедур, в традиционном правосознании, формирующихся в процессе длительного взаимодействия правовых, религиозных и моральных стандартов.

В данном контексте важен вопрос о существенных характеристиках, своеобразном несущем фундаменте западной правовой культуре. Этим фундаментом западной правовой культуры выступают четыре составляющие: она берет начало из римского частного права и сохраняет его сильное влияние, в ней проявляется также сильное влияние канонического права, она имеет высокий уровень правовой культуры (в ее качественной характеристике), основанный на принципах легализма и протестантской этики, и придерживается общего понятия правового государства, сформированного под влиянием философии естественного права.

По мнению американского профессора Г.Дж. Бермана, «все западные правовые системы – английская, французская, германская, итальянская... и другие имеют общие исторические корни, из которых они выводят не только общую терминологию и общие методы, но и общие понятия, общие принципы права и общие ценности» [7, с. 515]. Общие исторические корни западного права, о которых говорил Г.Дж. Берман, – это римское частное право, каноническое право и философия естественного права.

М. Ван Хоек и М. Вэррингтон среди основных особенностей и детерминант западной правовой культуры выделяют индивидуализм и рационализм [13, р. 503-504]. В.П. Малахов, анализируя доминанты духовности и системообразующие идеи западноевропейской правовой культуры, говорит о доминировании рационализма и политичности [14, с. 405-408].

Индивидуализм понимается как вера в автономию и полную свободу человека, который зачастую противопоставляется обществу. Эта концепция диаметрально настроена против понятия коллективизма, или идеи подчинения человека обществу. Следует, однако, отметить, что в рамках континентального права взаимоотношение и противопоставление принципов индивидуализма и коллективизма не так однозначно. Все же классический индивидуализм сформировался в рамках англо-американской правовой культуры.

Рационализм означает веру в бесконечные возможности, позволяющие человеческому духу знать, структурировать и справляться с действительностью в объективной манере. Рациональность европейца универсальна. Она имеет тенденцию к предельным обобщениям. Западноевропейский рационализм имеет спекулятивный характер, содержит установку на отвлеченно-категориальное воспроизведение знаний о мире. Еще одной чертой европейской рациональности является ее «заземленность»: рационализм имеет смысл как господствующий способ понимания, мотивации и образа жизни человека. Повседневный быт, материальная жизнь, политика, право воспринимаются лишь в сетке закономерностей, на основе очевидности детерминизма явлений. В полной мере эти установки реализовались в условиях европейского капитализма. Европейский рационализм привел к отказу от традиционного пути развития общества; он оказался положенным в основу цивилизационных процессов, обездушевленности и механистичности социального существования.

Своеобразие западноевропейской правовой культуры обусловлено также доминированием политичности. Связь с ней определяет базовые сочетания всех других элементов духовности. Западный человек (где бы территориально он не существовал) – существо политическое. Быть им – значит быть гражданином, членом государства, и, тем самым, быть обязанным жить и действовать в соответствии с законами и целями государства. Европейская политичность как доминанта духовности характеризуется следующим: ориентацией на социально-экономические различия между людьми и народами; приоритетом социальных свойств человека, сконцентрированных в идее гражданственности; приоритетом феноменов свободы, ответственности, социальной зависимости; гипертрофией отношений господства и подчинения; связью властвования с рациональными аспектами жизни. Политизированное сознание нацеливает на поддержание или изменение социальных структур.

По мнению В.П. Малахова системообразующую роль в западноевропейской правовой культуре играют идеи свободы, гражданского общества, закона и естественных прав человека [14, с. 408].

Идея свободы выражает способность проявления человеком своей воли; она указывает на условия и возможность права, содержит всеобъемлющую индивидуалистическую установку общества. Из идеи свободы, в контексте европейской правовой культуры, прежде всего редуцируются идеи суверенитета, автономии, неподопечности личности. Идея свободы является непосредственным выражением политичности западного общества. Именно в системе европейской правовой культуры идея свободы предстает, прежде всего, как идея политической свободы. Именно эта форма свободы является действительным условием прав человека, как и права в целом.

Проявлением свободы в ее политизированном аспекте является идея гражданского общества. Она выражает тенденцию и установку на самостоятельность, а в определенном смысле – и на независимость, противопоставленность жизни гражданина государственной форме организации власти, публичному принуждению. Она обозначает границы произвола государства, политической власти; она указывает на служебное предназначение государства, зачастую, вторичность по отношению к гражданскому обществу.

Западноевропейская правовая культура во всех своих формах опирается на идею закона. Только у европейцев мысль о законе (юридическом, позитивном) неразрывно связана с идеей свободы. В качестве идеи, характеризующей систему правовой культуры, закон понимается как нечто устанавливаемое в соответствии с природой социальной жизни и человека, как то, что является условием равнозначности людей в правовом отношении, условием правового равенства, гарантией правового отношения и формой его существования.

Системообразующей идеей европейской правовой культуры является и идея естественных прав человека. Здесь имеется в виду разумность, очевидность, неоспоримость прав, их неотъемлемость. В идее естественных прав человека закреплен принцип подтверждения и обеспечения минимального социального пространства человека, являющегося совокупностью его притязаний в социальной жизни. Эта идея в правовом аспекте выражает индивидуализированность сознания западноевропейца.

Смысловой каркас многим правовым теориям придают идеи, вытекающие из описанных выше системообразующих идей: идея автономии индивида в совершении выбора, идея индивидуальной пользы и ее максимальной реализации, а также общей пользы для совокупности индивидов, идея договора и права, определяющего основные свободы и их гарантии, идея государства как гарантии договоров, защитника прав и блюстителя общественных интересов [14, с. 411].

Генезис французской правовой культуры как части западной правовой культуры начался задолго до появления на карте Европы такого государственно-политического образования, как Франция. Существуют варианты периодизации исторического развития французского права. Так, Р. Леже, рассматривая Французскую революцию конца XVIII в. в качестве своеобразного рубежа в развитии правовой культуры Франции, выделяет следующие этапы: период развития до революции; период революции и империи; период эволюции французского права после кодификации и по сей день. При этом в качестве составных частей французского права на заре его формирования автор видит римское право, германское право, каноническое право и творчество французских юристов [15, с. 31-35].

Следует отметить, что истоки западноевропейской правовой культуры можно обнаружить в одной из первых форм права – иудейском праве, а также в христианской идеологии. По мнению А.Х. Саидова, «древнейшее право еврейского народа заняло исключительное место в мировой правовой истории. Записанные в священных книгах Библии общие законы и конкретные правила, сложившиеся в разные периоды догосударственной и государственной истории Израиля, через каноны христианства позднее распространились практически по всему миру и переосмыслены во всех правовых системах европейского корня» [16, с. 350]. К. Жоффре-Спинози, анализируя структуру собственно французского права, отмечает, что оно одним из оснований имеет иудео-христианскую традицию [17, р. 265]. В литературе отмечается, что «согласно иудаизму, право и закон, дабы быть справедливыми, должны иметь божественное происхождение. В силу этого право и закон первичны, а государство и власть вторичны. В этом состоит существенное отличие еврейского права от права других стран, где закреплен приоритет государства перед правом» [18, с. 93]. Свобода всегда была в центре иудейского правосознания. М. Уилсон отмечает: «Единственный идеал, который веками ставился иудаизмом выше всех, - это свобода. Множество политических принципов и гражданских свобод, основополагающих в западной демократии, были первоначально выдвинуты в еврейских писаниях» [19, с. 305]. Внимательное прочтение Библии позволяет понять, что разделение и примерное равноправие ветвей власти существовало у древних евреев практически всегда. П. Баренбойм отмечает: «Именно судья Моисей впервые в истории человечества сформулировал конституционную идею ограничения законом монархической власти, что примерно через три века пытался воплотить в жизнь судья Самуил» [20, с. 61]. Р.А. Папаян фиксирует существенное влияние ветхозаветной и евангельской традиции на формулирование доктрины естественных прав человека, концепции разделения властей, идеи свободы [21]. Христианская церковь на определенном историческом этапе сплотила европейские народы, послужила основанием общеевропейской ментальности, определила характер духовности европейцев, заложив тем самым основы западной правовой культуры как специфической. По верному замечанию Ж.-Л. Берজেя, «французское право... будучи отражением христианской цивилизации, духовно ориентируется на правила поведения, связанные с понятием морали и справедливости» [22, с. 246].

Западноевропейскую правовую культуру и, прежде всего, французскую, в значительной мере сформировали традиции римской правовой культуры. Римское право – совершенно уникальное явление европейской и мировой цивилизации. При своем зарождении оно представляло собой право небольшой общины, проникнутое патриархальным и узконациональным характером. Постепенно римское государство расширялось и вовлекало в свою орбиту все Средиземноморье и Западную Европу. Патриархальный строй рушился, натуральное хозяйство заменялось сложными товарно-денежными отношениями, разрушались социальные перегородки. По мере того, как менялся Рим, менялось и римское право, постепенно приобретая черты, которые впоследствии станут характерными именно для европейского мира. Известный историк

римского права И.А. Покровский указывал: «Новая жизнь требует наивысшего напряжения всех сил, всех способностей каждого отдельного индивида. В соответствии с этим римское право меняет свой характер, перестраиваясь по началам индивидуализма: свобода личности, свобода собственности, свобода договоров и завещаний делаются его краеугольными камнями» [23, с. 13-14]. Расширение римского государства неизбежно влекло трансформацию узконационального характера римского права. Для эффективного регулирования правоотношений требовалось универсальное право. И римское право проникается началом универсальности; оно впитывает в себя те обычаи международного оборота, которые до него веками вырабатывались в международных отношениях; оно придает им юридическую ясность и прочность. Так возникало то римское право, которое стало затем общим правом всего античного мира. Универсализм и индивидуализм явились основными началами трансформировавшегося римского права. Мастерски разработанное в деталях юриспруденцией классического периода, римское право нашло себе затем окончательное завершение в знаменитом кодифицированном своде – *Corpus Juris Civilis* императора Юстиниана.

После завоевания Галлии римлянами там, как и во всех провинциях империи, стало действовать римское право. Крушение Западной Римской империи, на первый взгляд, не пощадило и римского права, которое оказалось не нужно в образовавшихся на ее месте варварских государствах с их организацией социальной жизни. Необходимо отметить, что в некоторых германских государствах (Вестготском и Бургундском королевстве) оно продолжало действовать, как право подданных негерманского происхождения. Таким образом, римское право сохранилось в Южных областях будущей Франции.

На севере современной Франции, наоборот, после вторжения франков и образования ими собственного государства римское право стало вытесняться, так как у франков было собственное довольно развитое обычное право германского происхождения, которое в дальнейшем было закреплено путем придания ему внешней формы благодаря изданию ряда законов, важнейший из которых – «Салическая правда». Варварские правды имели казуальный характер, регулировали в основном уголовные и процессуальные отношения, и лишь в отдельных случаях частноправовые нормы и нормы публичного права. Как правило, варварские правды основывались на персональном принципе права, т.е. применялись лишь по отношению к лицам данного племени. Но варварство дало новый импульс для развития западноевропейской цивилизации. Оно было очень сильно своей недифференцированностью, т.е. цельностью. Именно от европейского варварства идут и национальная структура Запада, и суд присяжных, и вольности общин, из которых выросла современная европейская демократия.

Закладывалась основа для разделения французского правового пространства на две приблизительно равные сферы влияния: южные области с их писаным правом, основанном на римском праве, и северные – с преобладанием германского обычного права (кутюмов).

Рядом ученых отмечается, что германское (варварское, племенное) право является составной частью французской правовой традиции. Так, Р. Леже пишет: «Германское (здесь имеется в виду право германских племен – прим. авт.) право войдет в правовой обычай посредством конкретных положений, но также и путем определенного способа понимания важнейших социальных вопросов (родительской власти, концепции судебного процесса» [15, с. 31].

Такой территориальный раздел между писаным правом и кутюмами не следует понимать буквально. На юге страны также действовали кутюмы, зафиксированные письменно. Хотя они и подверглись влиянию римского права, но сохранили в основном германские элементы. Эволюция французского права не происходила одинаково во всех регионах страны. На юге право обладало более стабильным характером, нежели на севере.

В XI-XIII вв. начался ренессанс римского права в Западной Европе в связи с тем, что его начинают изучать в университетах. Усложнение структуры социально-экономических, культурных связей вновь поставило на повестку дня вопрос о распространении римского права. Фундаментом развития континентального права в данный период служила общность культуры и традиций западноевропейских стран. Основными средствами углубления и распространения идей, лежащих в основе континентального, а в том числе и французского права, стали европейские университеты. Римское право «делается предметом изучения; оно начинает применяться в судах; оно переходит в местное и национальное законодательство, - совершается то, что носит название рецепции римского права» [23, с. 15-16]. Отмечается, что «римское право определило не только практику, но и теорию. Непрерывное многовековое изучение римского права, в особенности остатков римской юридической литературы, формировало юридическое мышление Западной Европы и создавало сильный класс юристов, руководителей и деятельных помощников во всякой законодательной работе» [23, с. 16].

Именно юридическое мышление представляло собой самую ценную часть римского права. Правовые конструкции без правовой доктрины становятся выхолощенными, право без профессионалов становится непрофессиональным, попросту говоря, не правом, а бездумным и нелогичным законоприменением. Самая ценная и актуальная часть римского права, которая впоследствии легла в основу рецепции римского права – это не императорские конституции, а та часть свода римского права, которая получила название дигест или пандектов и представляла собой выдержки из сочинений римских юристов. То, что позволило римскому праву стать «римским правом» и несколько раз завоевать мир – это сформировавшееся профессиональное юридическое мышление, ставшее непреходящей ценностью и для современного мира.

Была выработана университетская концепция права, трактовавшая его как должное (то, что нужно делать), а не как сущее (то, что делается на самом деле). Вырабатывались свои подходы к изу-

чению права, в соответствии с которыми рекомендовалось рассматривать право не столько в чисто практическом, сколько в академическом плане, исследовать его в широком социальном аспекте, с точки зрения «наполняющих» его принципов гуманизма, добра и справедливости.

По мере дальнейшего развития европейского общества претерпевало соответствующую эволюцию и право. Менялось не только представление о нем, но и отношение к нему. В университетских программах и курсах приоритетное отношение к римскому праву постепенно сменялось стремлением сформулировать такие принципы права, которые были бы выражением не только академических, но и рационалистических начал. Это новое течение, называемое доктриной естественного права, окончательно побеждает и укореняется в университетах Европы в XVII-XVIII вв.

Наряду с изучением и попытками частичного внедрения в практику римского и «университетского» права значительное внимание в этот период уделялось каноническому праву. Оно представляло собой совокупность решений церковных соборов, а также постановлений и других актов, исходящих от Папы Римского. С помощью норм канонического права регулировались вопросы внутренней жизни церковных организаций, а позднее – и некоторые семейные, брачные и имущественные отношения. Каноническое право по мере развития подвергалось кодификации. Наиболее известным актом такой кодификации явился свод канонического права 1582 г. Каноническое право наложило большой отпечаток на французское правовую культуру в определенных сферах (договорное право, семейное право, уголовный процесс). Оно использовало множество понятий римского права, приспособлявая их к новым условиям.

Вернемся к обычному праву, получившему распространение на территории Франции. В X-XI вв. французское правовое пространство было раздроблено на множество мелких и мельчайших правовых территорий. Появился ряд трактатов, принадлежащих перу авторитетных юристов-практиков. В каждом из них давался обзор кутюмов какой-либо определенной провинции. К наиболее важным из этих юридических исследований причисляют произведение Жостиса и Пле, в которой описываются кутюмы Орлеана (со значительными вкраплениями римского и канонического права), затем кутюмы Бовези, описанные Филиппом де Бомануаром и др. Это, однако, не повлияло на укоренившуюся устную традицию обычного права севера Франции. По мнению К. Цвайгерта и Х. Кетца, раздробленность кутюмов, трудность определения их содержания, правовая нестабильность способствовали, наряду с другими причинами, усилению абсолютизма во Франции в XV в [5, с. 122]. В 1454 г. Карл VII издал ордонанс Монти-ле-Тур, согласно которому провинциальным властям в сотрудничестве с комиссией профессиональных экспертов предписывалось записать все местные кутюмы, а уже записанные пересмотреть. Запись кутюмов создала предпосылки для формирования общезаконодательного обычного права, а позднее и для слияния обычного и писаного права. Без этого невозможно было бы реализовать идею создания единого права во Франции.

Важный шаг на пути сближения отдельных кутюмов был сделан Парижем. Обычное право города было зафиксировано в письменной форме в 1510 г., и с тех пор его влияние постоянно возрастало. Этому прежде всего способствовала практика Парижского суда. Решения суда признавались практически на всей территории, где действовало обычное право. Утверждался примат парижского кутюма над римским правом. Суверенные суды (парламенты) обладали полномочием выносить «регламентарные постановления». Они признавали за собой большую свободу в вынесении решений, и их судебная практика оказала в дальнейшем сильное воздействие на образование накануне революции «общего права» Франции.

Одну из решающих ролей в постепенном становлении общезаконодательного права сыграли известные юристы, не только профессора, но и практики: адвокаты, эксперты, королевские чиновники и судьи. Среди них следует назвать Дюмулена. Он одним из первых увидел единое право Франции в единой правовой мысли, которая пронизывала все разные по материальному содержанию кутюмы. Его работы направлены на выявление всеобщих правовых принципов. Дюмулен и его единомышленники вряд ли смогли бы в одиночку столь решающим образом способствовать развитию унифицированного права кутюмов без поддержки авторитетного и влиятельного юридического сословия, особенно, в Париже. Во Франции довольно рано возникло организованное и влиятельное сословие юристов-практиков, которые считали себя союзниками королевской власти, были заинтересованы в создании единой королевской юстиции и открыто выступали сторонниками национального права.

Непосредственным образцом и ориентиром для создателей будущего Гражданского Кодекса Франции послужили работы юристов XVII-XVIII вв. – Буржона, Дома, Потье. Ими систематизировались нормы римского права, отвечающие требованиям своего времени в свете естественно-правовых идей. Зачастую в их произведениях изложение материала шло на французском языке.

Правовое единство французского права на протяжении всей истории его развития в известной степени было достигнуто с помощью королевских указов (ордонансов), которые постепенно охватывали своим регулированием не только ленное, процессуальное право и судоустройство, но и гражданское право. С XVI в. число королевских ордонансов возрастает. Среди них были и те, которые касались вопросов правосудия (Ордонанс Мулана 1556 г., Ордонанс 1667 г.), материального частного права (ордонансы, восходящие к периоду канцлера Дагессо 1731-1749 гг., являются наиболее известными: они касались главным образом дарений и завещаний) [9, с. 87-104].

Несмотря на все усилия, процесс унификации гражданского права Франции накануне революции был далек от своего завершения. Как и раньше, оставалась пропасть между писанным правом и кутюмами. Хотя важные, ставшие общегосударственными кутюмы были кодифицированы, разница между ними оставалась.

Интеллектуальная основа для работы по унификации была заложена наукой и практикой. Идея «унифицированного обычного права» являлась «лейтмотивом» французской юриспруденции. Но для воплощения этой идеи единого французского права в действительность потребовался мощный политический импульс французской революции.

В эпоху Возрождения и последовавшей за ним Реформацией произошла секуляризация духовных отношений, утвердился самодостаточный политический и правовой индивидуализм, установился приоритет конкретных прагматических целей и активный поиск в их достижении, идеал успеха стал пониматься как совершенствование и саморазвитие, приводящее к материальному благополучию людей, которое достигалось благодаря земным успехам.

Объединение права во Франции восходит к революции конца XVIII в. и империи. Оба режима неразрывно способствовали этому единению: «революция, принимая новые принципы, Наполеон Бонапарт, осуществляя выдающуюся кодификацию» [15, с. 34]. Иногда в литературе законотворческую деятельность периода революции 1789-1799 гг. обозначают словосочетанием «промежуточное право» [5, с. 127]. На самом деле революция дала долговременный импульс праву. Кроме того, в это время был совершен окончательный разрыв с прежней системой и разрушен старый социальный порядок. Абсолютная монархия, все связанное с королем, дворянство, духовенство и судебное сословие, старое административно-территориальное деление на провинции, феодальное земельное право, судебная система, налоговая система – все эти институты старого режима были уничтожены.

Их место занял общественный идеал Просвещения, как его понимали Дидро, Вольтер, Монтескье и Руссо: индивид, как разумное и самостоятельно отвечающее за свои действия существо, с рождения обладает неотъемлемым правом на свободу совести, свободу вероисповедания, свободу на осуществление экономической деятельности. Новые идеологические основания, почерпнутые у философов-просветителей, стали принципами законодательства: только закон может ограничить свободу граждан, равенство должно быть освящено всеми гражданскими институтами, включая как правовое положение лиц, так и имущественные права. Просвещение заложило основные элементы политической программы, впоследствии принятой вождями революции. В своем трактате «О духе законов» Монтескье разработал теорию разделения властей. Он разместил законодательные, исполнительные и судебные функции по трем разным разделам, при этом законодательство стояло над двумя другими [24]. Это, по словам Г. Дж. Бермана, «вымостило дорогу теории функции судебной власти как объективного, последовательного и логического применения статутного права к определенным делам» [25, с. 140]. Монтескье учил также, что законы имеют целью сохранять личную свободу и экономическое равенство. Это тоже стало частью программы революции.

Одним из наиболее важных программных требований революции с самого начала стало создание унифицированного гражданского права. Наполеон Бонапарт обеспечил окончательное установление во Франции единого кодифицированного права, способного регулировать общественные отношения в современном государстве. Гражданский кодекс 1804 г. не только стал ядром французского гражданского права, но и послужил классическим образцом для кодификации частного права для многих государств, чьи правовые системы относятся к континентальному праву. Кодекс явился «вдохновенным порождением французской революции и весь проникнут ее реформаторским духом» [5, с. 118]. В основе ГК Франции лежало убеждение, освященное эпохой Просвещения с ее верой во всемогущество разума, в то, что путем планомерной и всеобъемлющей систематизации права можно заложить фундамент для построения общества на рациональных началах. Вместо решительно отброшенных правовых институтов прошлого в основу развития нового общества были заложены и законодательно закреплены провозглашенные естественно-правовой доктриной ценности, являющиеся неотъемлемыми правами индивида, - право на собственность, свободу договоров, семью и наследование. Но не только французская революция 1789-1799 гг. сформировала дух и основные черты кодекса.

Не менее важным оказалось и то, что, несмотря на революционные потрясения, кодекс сохранил все ценное, накопленное в течение долгого исторического развития. И потому в нем отражено сочетание нового с традиционными правовыми институтами, взятыми из «писаного права» явно римско-правового происхождения юга Франции и кутюмов Северной Франции, источником которых служило германо-французское обычное право. Как справедливо отмечает Г. Ведель: «Не бывает полных революций. Всякая революция есть одновременно разрыв с традицией и использование этой традиции» [22, с. 206-207]. Независимо от обычной политической революции, «которая ограничивается изменением правящего персонала, подлинной правовой революцией может быть названа та, которая создает новый юридический порядок. Последний черпает, как правило, свои жизненные силы у традиции: когда французская революция XVIII в. уничтожила господские привилегии, которые мешали развиваться свободе собственности, она законодательно закрепила верховенство частной собственности, опираясь при этом на римское право» [22, с. 207].

Логическим продолжением идеи кодификации во Франции стало принятие в 1806 г. – Гражданского процессуального кодекса, в 1807 г. – торгового кодекса, в 1808 г. – Уголовно-процессуального

кодекса, в 1810 г. – Уголовного кодекса. И, как отмечает Р. Леже, «новая правовая система окончательно сформировалась». Кодификация символизировала собой окончательное завершение процесса формирования французского права как целостного явления. Она позволила упорядочить действующее законодательство, избавиться от изживших себя, но укоренившихся повсюду нормативно-правовых и иных архаизмов. Кодификация способствовала преодолению существовавшей дробности права, множественности и разношерстности обычаев, разрыва между правовой теорией и практикой [6, с. 43].

Помимо же того, что французское право стало единым, оно обрело новое политическое и философское содержание, а его источники претерпели существенные изменения. Право стало пониматься как способ защиты свободы и равенства граждан, стремящийся урегулировать их отношения с точки зрения справедливости, примиряя интересы государства и частных лиц. По логике этой философской и политической концепции юридические нормы должны создаваться главным образом посредством закона, «появилась настоящая мистика закона, практически полностью уничтожившая обычай и в значительной мере ограничившая роль судьи» [15, с. 35].

Французская правовая культура является частью общей западноевропейской правовой культуры, несет в себе генетический код ее исторического развития. В то же время не существует полностью идентичных правовых культур даже в рамках единого общеевропейского пространства. Национальные правовые культуры обретают свои неповторимые черты в процессе становления и эволюции, обуславливаемые комплексом географических, климатических, политических, экономических, культурных и иных причин.

Западноевропейская духовность отличается доминированием рационализма и политичности. Системообразующую роль в западноевропейской правовой культуре играют идеи свободы, естественных прав человека, гражданского общества и закона.

Истоки сущностных характеристик западного права в целом можно обнаружить еще в иудео-христианской традиции с ее идеей свободы и своеобразного разделения властей. Несущим фундаментом, определившим эволюцию, западного права, в том числе французского, является: римская правовая культура, каноническое право, высокий уровень качественной стороны правовой культуры, основанный на протестантской этике и философия естественного права. Генезис правовой культуры Франции и кристаллизация ее основных черт осуществлялись посредством исторического последовательного взаимодействия римского культурно-правового элемента; варварства, несущего германское племенное право; развившегося обычного права, канонического права католической церкви, светских систем средневекового права (королевское, городское, торговое право и др.). Одну из главных ролей в формировании «лица» французской правовой культуры сыграла идеология Просвещения с ее доктриной естественных прав человека. Французская революция XVIII в. и Империя сформировали единое национальное право Франции, воплотив в реальность идею кодификации и закрепив основные права и свободы человека и гражданина. Дальнейшая эволюция правовой культуры Франции непрерывно продолжается, приобретая новые черты.

Article is devoted the questions connected with formation and historical evolution of the French legal culture. The given problematics is considered in a context of origin and development of the West European legal tradition. The basic attention is given to stages of development of the French right both their intrinsic and substantial characteristics.

The key words: *genesis, the French legal culture, the West European legal tradition, the Roman law, a common law, the initial law, revolution, codification.*

Список литературы

1. Мордовцев А.Ю., Попов В.В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д, 2007.
2. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: В 2-х тт. Т. 1: Элементный состав. М., 2000.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1998.
4. Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М., 2002.
5. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2-х тт. Том I. Основы. М., 1998.
6. Марченко М.Н. Правовые системы современного мира. М., 2008.
7. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
8. *Chesterman M. Contempt: in the Common Law, but not the Civil Law // International and Comparative Law Quarterly. 1997. № 3.*
9. *Bell J. English Law and French Law – not so different? // Current Legal Problems. Vol. 48. Part 2.*
10. Оксамытний В.В. Теория государства и права. М., 2004.
11. Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М., 2002.
12. *Merryman J.H. The Civil Law Tradition. An Introduction to the Legal System of Western Europe and Latin America. Stanford, 1985.*
13. *Van Hoescke M., Warrington M. Legal Cultures, Legal Paradigms and Legal Doctrine: Towards a New Model for Comparative Law // International and Comparative Law quarterly. 1998. Vol 47.*
14. Малахов В.П. Философия права. М. 2002.
15. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М., 2009.
16. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. М., 2006.
17. *Spinosi J.C. La structure de droit francais // Revue internationale de droit compare. 2002. № 2.*
18. Грубарг М. Основные элементы учения иудаизма о государстве и праве // Государство и право. 2002. № 5.
19. Уилсон М. Влияние иудаизма // Религии мира. М.-Минск, 1994.

20. Баренбойм П.Д. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. М., 2003.
21. Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М., 2002.
22. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000.
23. Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998.
24. Монтескье Ш. О духе законов. М., 1954.
25. Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 2008.
26. Аннерс Э. История европейского права. М., 1994.
27. Капустин М. Очерки истории права в Западной Европе. М., 1866.

Об авторе

Мельников Д.С. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, denis195@yandex.ru

УДК – 347.9+347.918

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРОКИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АРБИТРАЖНОМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В.А. Панкратов, М.В. Миронова

Работа представляет собой исследование теоретических и практических аспектов межотраслевого института процессуальных сроков в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве. Данный институт в сравнительном плане подвергнут правовому и научному анализу с точки зрения идентичности концепций, нормообеспеченности, с учетом специфики процессуально-правового регулирования в обозначенных отраслях законодательства. Кроме исторического аспекта и современного состояния института процессуальных сроков смежных отраслей права обобщен широкий спектр мнений ученых и практиков по вопросам нормативного регулирования и правоприменения норм исследуемых отраслей законодательства в свете исчисления процессуальных сроков, начала и окончания их течения, восстановления и продления. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования и практики применения; высказана обоснованная критика официальной концепции законодателя закрепленной в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации и Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: процессуальные сроки, институт процессуальных сроков, средство «ускорения» судопроизводства, исчисление процессуальных сроков, восстановление процессуальных сроков, продление процессуальных сроков, проблемы правоприменения процессуальных сроков.

Одним из критериев эффективности как гражданского, так и арбитражного судопроизводства является своевременность рассмотрения дел, означающая строгое и неукоснительное соблюдение процессуальных сроков.

Вместе с тем, действующие Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [1] (далее - ГПК РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [2] (далее - АПК РФ) имеют массу пробелов, противоречий и не в полной мере отвечают насущным потребностям судопроизводства. Несоответствие правовых норм, регулирующих одни и те же отношения, служит предметом постоянных дискуссий теоретиков и практиков юриспруденции. Кроме того, правоприменение определенных норм действующих процессуальных регламентов порождает различные проблемы. Наиболее значимыми, на наш взгляд, являются проблемы, связанные с применением процессуальных сроков. Ведь лицам, участвующим в рассмотрении и разрешении гражданских дел, важен не только сам факт защиты их прав и охраняемых законом интересов, но и своевременность этой защиты.

Исторически проблеме процессуальных сроков, которые применяются при рассмотрении и разрешении гражданских и экономических споров, в теории и практике юриспруденции уделялось достаточно пристальное внимание. Анализ истории развития отечественного процессуального права позволяет отметить преемственность и прогресс процессуального законодательства.

В российской дореволюционной процессуально-правовой доктрине институту процессуальных сроков придавалось значение средства «ускорения» судопроизводства, а также одного из условий достижения «материальной правды» в состязательном процессе. При этом российское гражданское процессуальное законодательство времен судебной реформы 1864 г. не знало термина «процессуальный срок». Законодательство этого периода оперировало просто понятием «срок». Важно заметить, что данная характеристика относится лишь к процессуальным срокам гражданской процессуальной отрасли законодательства, так как отрасль арбитражного процессуального права зародилась лишь в 20-е годы прошлого столетия.

Упоминание о процессуальном сроке появляется лишь с принятием Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г. [3]. В наименовании гл. VI указанного акта содержится понятие «процессуальные сроки», нормы же самой главы оперировали понятием «срок».

В арбитражном судопроизводстве понятие процессуальный срок появляется в разделе VI Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами 1976 г. [4]. Пункт 55 указанных Правил содержал определение понятия процессуальных сроков: «Процессуальные сроки (сроки, в течение которых совершаются процессуальные действия) устанавливаются...».

В целом, в советский период развития гражданского и арбитражного процесса «быстрота» судопроизводства как и ранее рассматривалась в качестве приоритетной цели. И в целом процессуальное законодательство данного периода действовало достаточно результативно. К тому же применительно к процессуальным срокам арбитражной процессуальной отрасли права указание на «быстроту» судопроизводства было обусловлено объективной потребностью в «определенности» экономических отношений хозяйствующих субъектов. Однако в конце 80-х годов в гражданском и арбитражном судопроизводстве отчетливо стала проявляться несогласованность правовых норм и социальной реальности. Это привело к тому, что в специальной и учебной юридической литературе по гражданскому и арбитражному процессу институт процессуальных сроков представлялся как небольшая по объему нормативного материала совокупность вспомогательных положений, «обслуживающих» все прочие институты отрасли. К процессуальным срокам стали относиться как к чему-то «периферийному» для целей правосудия. В теории процессуального права интерес к этому институту на долгие годы был утрачен и проявился вновь лишь с принятием новых процессуальных регламентов.

В АПК РФ от 24 июля 2002 г. впервые за всю историю развития судопроизводства в арбитражных судах в качестве одной из его задач было закреплено положение о «...судебном разбирательстве в установленный законом срок...» (п. 3 ст. 2 АПК РФ).

Что касается гражданского судопроизводства, то в ГПК РФ от 14 ноября 2002 г. задачи гражданского судопроизводства также были несколько видоизменены. В настоящее время суд общей юрисдикции обязан правильно и своевременно рассмотреть и разрешить гражданское дело по существу (ст. 2 ГПК РФ).

Таким образом, на сегодняшний день, законодатель повелевает особым государственно-властным органам при выполнении правосудной функции придерживаться не быстрого разбирательства гражданско-правовых и экономических казусов, а следовать тем периодам, которые установлены процессуальным законом независимо от того, насколько они велики или малы. Полагаем, что введение данных положений в систему отечественного процессуального законодательства было продиктовано тем, что в новых условиях развития общественных отношений «быстрота» процесса уже не могла оставаться его приоритетной целью. Такой целью исторически являлось и продолжает являться принятие судебного акта - окончательного решения - по существу спора. Кроме того к тому времени уже назрела объективная необходимость в установлении в процессуальном законе баланса между продолжительностью разбирательства дела по существу и истинностью принятого по нему решения.

Учитывая вышеизложенное, обратимся к понятию процессуальных сроков в смежных - гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном - отраслях права, с тем, чтобы предложить его дефиницию, в равной степени применимую как в гражданском, так и в арбитражном процессе. Необходимость существования единого определения процессуальных сроков обусловлена, прежде всего, тем, что на сегодняшний день существует потребность в унификации регулирования принципиальных, основополагающих отношений в разных процессуальных регламентах - Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации и Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации. Как справедливо отмечает В.М. Жуйков, «неоправданные различия создают разный уровень гарантий прав, хотя отличия будут, и они объективно уже существуют, но эти отличия оправданы лишь в тех случаях, когда они вызваны необходимостью, объективными причинами» [5, с.16]. Единство же определенных процессуальных норм поможет устранить неоправданные различия гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства. Существование единого понятия процессуальных сроков в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве станет первым этапом на пути объединения практики применения норм действующих процессуальных регламентов.

В целом, можно отметить, что в науках гражданского процессуального и арбитражного процессуального права дефиниций понятия «процессуальные сроки» приводится немало. Многие из них имеют общие черты, другие вовсе повторяют аналогичные понятия исследуемых отраслей законодательства.

Принимая во внимание нормы действующего законодательства, а также существующие формулировки понятий процессуальных сроков исследуемых отраслей права полагаем возможным предложить следующее унифицированное определение понятия процессуального срока в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве.

Процессуальный срок в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве - предусмотренный законом или назначенный судом (судьей) промежуток времени, исчисляемый годами, месяцами или днями, определяемый точной календарной датой или указанием на событие, которое обязательно (или неизбежно) должно наступить, в течение которого (или к которому) суд (судья) или иные участники процесса должны либо могут совершить определенное процессуальное действие или завершить совокупность таких действий.

Определившись с понятием процессуальных сроков (в равной мере применимом как в гражданском процессуальном, так и в арбитражном процессуальном праве), а также с необходимостью существования такого понятия, нам представляется возможным заострить внимание на проблемах, возникающих в практике применения процессуальных сроков, по ГПК РФ и АПК РФ.

Заметим, что установленный объем работы не позволяет нам подробно осветить все проблемы, возникающие в ходе применения процессуальных сроков по действующим процессуальным регламентам, поэтому в рамках данного исследования мы остановимся лишь на некоторых из них, представляющих повышенную научную ценность и практическую значимость.

1. Основной задачей гражданского и арбитражного судопроизводства является своевременное рассмотрение и разрешение дел (ст. 2 ГПК РФ) или «справедливое публичное разбирательство в установленный законом срок» (ч. 3 ст. 2 АПК РФ). Что в принципе одно и то же. Для этого и существует институт процессуальных сроков. Согласно ст. 154 ГПК РФ гражданские дела рассматриваются и разрешаются судом до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд. В арбитражном суде решение по делу должно быть принято в срок, не превышающий один месяц со дня вынесения определения суда о назначении дела к судебному разбирательству (ст. 152 АПК РФ).

Однако данные судебной статистики свидетельствуют о распространенных случаях нарушения сроков рассмотрения и разрешения дел. Так, например, по данным статистики, в судах общей юрисдикции Брянской области наблюдается тенденция к увеличению числа дел, рассмотренных с нарушением процессуальных сроков, установленных ГПК РФ. В 2009 году судьями Бежицкого районного суда города Брянска окончено 2280 гражданских дел против 1745 дел в 2008 году, что на 30,6% больше, чем в предыдущем отчетном периоде. При этом в отчетном году (в период с 17.12.2008 г. по 18.12.2009 г.) с нарушением сроков рассмотрено 21 дело, что в 2,1 раза больше, чем в 2008 г. (10 дел). Вместе с тем, важно заметить, что на протяжении ряда лет в Бежицком районном суде города Брянска существовала тенденция к сокращению числа дел, рассмотренных с нарушением процессуальных сроков. В 2006 году в сроки свыше установленных ГПК РФ 2002 г. было рассмотрено 40 дел, в 2007 году – 26 дел, в 2008 году – 10 дел, что в 2,6 раза меньше, чем в 2007 году и в 4 раза меньше, чем в 2006 году. Возрастание числа дел, рассмотренных в сроки свыше установленных ГПК РФ, объясняется увеличением общего количества гражданских дел, которое произошло, в основном, за счет изменений, внесенных Федеральным законом Российской Федерации № 147-ФЗ от 22 июля 2008 г. в ст. 3 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» и ст. 23 ГПК РФ о подсудности гражданских дел мировому судье.

В тоже время в системе арбитражных судов Брянской области отмечается постепенное улучшение показателей по процессуальным срокам. Так, с нарушением сроков в 2009 году рассмотрено 5 % от всех рассмотренных судом дел против 6,2 % в 2008 году. При этом нарушение сроков изготовления судебных актов уменьшилось в 2 раза по сравнению с 2008 годом. Всего же в 2009 году в арбитражный суд поступило 12 987 исковых заявлений (заявлений), что на 2 400 заявлений меньше чем в предыдущем 2008 году. Таким образом, в отчетном году количество обращений в суд уменьшилось на 15,6 %. Разрешено 14 087 дел, что на 2 407 дел (20,6 %) больше против статистических данных 2008 года (11 680). Важно заметить, что значительное улучшение статистических показателей по соблюдению процессуальных сроков в Арбитражном суде Брянской области связано с принятыми в 2009 году мерами организационно-контрольного характера, как внутри судебных составов, судебных коллегий, так и в целом по суду.

К числу причин, способствовавших нарушению сроков рассмотрения и разрешения дел помимо чрезмерных нагрузок на судей, неукомплектованности их штатов, недостатков в организации судебных процессов, безусловно, относится и несовершенство законодательства. К тому же, именно в связи с несовершенством законодательства, среди судей нет единого мнения по вопросам соблюдения процессуальных сроков. Одни пытаются уложиться в сроки и не затягивать производства, ссылаясь на экономию процессуального времени. Другие, стремясь найти правильное, справедливое решение по делу, нарушают установленные законодателем процессуальные сроки, затягивая принятие решения. При этом, как ни парадоксально, но практика показывает, что вышестоящая инстанция, по большей части, отменяет именно те решения, которые были вынесены с соблюдением процессуальных сроков.

Законодателем четко установлены сроки совершения арбитражным судом отдельных процессуальных действий. Однако фиксированные сроки направлены, в первую очередь, на деятельность самих судов; «сроки зависят от категории дел, потому что сложные дела приходится рассматривать дольше, чем простые; от объема исследуемых доказательств по делу - это объективные критерии. Но есть и субъективные критерии: насколько стороны желают, чтобы дело было рассмотрено быстрее. Если сторона умышленно стремится затянуть судебный процесс, то дело будет дольше рассматриваться... Здесь есть много уловок. Часть из них граничит со злоупотреблениями процессуальными правами. Есть, конечно, и субъективные факторы, которые зависят от судей. Некоторые суды перегружены сверх меры» [6, с. 25]. К слову сказать, приведенная выше статистика не отражает истинного положения проблемы соблюдения сроков, не характеризует эффективность (неэффективность) работы судов.

Так, может быть, законодателю все же имеет смысл пересмотреть положения процессуального законодательства и увеличить сроки рассмотрения дел? Вместе с тем, при такой постановке вопроса важно избежать и неэффективности правосудия: «дело должно быть рассмотрено таким образом и в такой срок, чтобы у спорящих сторон был какой-то смысл судиться. Так, в Италии сроки осуществления правосудия такие длинные, что многие не обращаются в суды только потому, что нужное им решение будет получено лет через восемь, а до этого пропадет какой-то смысл и интерес соответствующее дело выиграть. Поэтому, конечно, срок зависит от категории дела и должен создавать стимулы для обращения в суд, потому что не должен пропасть интерес в правосудии» [6, с. 25]. Следовательно, здесь, как и в любом другом вопросе, важно найти золотую середину.

Кроме того, нельзя не согласиться с мнением А. Цукермана, который отмечает, что: «мы можем принять более медленное правосудие либо можем решить, что не хотим жертвовать скоростью и готовы вместо этого пожертвовать уровнем правильности судебных решений» [7, р. 41], - на компромиссы такого рода идут все системы процессуального права. Реформирование судопроизводства, в том числе в целях поиска и установления баланса между установлением истины, продолжительностью судебного разбирательства и, как следствие, его стоимостью, осуществляется в настоящее время в ряде государств - в США, Англии, Канаде, Германии, Франции, Италии, Испании. Как быть в сложившейся ситуации применительно к Российской Федерации решать законодателю. Одно несомненно – процесс реформирования института процессуальных сроков необходим.

Как известно, соблюдение сроков является процессуальной обязанностью суда. Но на практике судьи проявляют некоторую небрежность, допускают нарушение процессуальных сроков, несомненно откладывая рассмотрение дел. Кроме того, порой, продолжительность процессуальных сроков явно не соответствует тому процессуальному действию, которое необходимо совершить. Изменить сложившуюся ситуацию, на наш взгляд, возможно двумя способами: 1. предусмотрев конкретные меры ответственности для судей за необоснованное затягивание разрешения спора по существу или же 2. пересмотреть положения процессуального законодательства, увеличив сроки рассмотрения дел. При этом второй вариант считаем наиболее приемлемым.

2. Основная масса вопросов в правоприменении возникает при применении сроков нормативно определенных в различных статьях действующих Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации и Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации. Так, например, ст. 199 ГПК РФ предусматривает возможность вынесения только резолютивной части решения суда. При этом в данной статье отмечается, что: «Составление мотивированного решения суда может быть отложено на срок не более чем пять дней со дня окончания разбирательства дела, но резолютивную часть решения суд должен объявить в том же судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела. Объявленная резолютивная часть решения суда должна быть подписана всеми судьями и приобщена к делу».

Однако приведенная формулировка статьи не позволяет определить, какая именно дата является датой, с которой начинает течь срок на обжалование решения, - дата объявления резолютивной части решения или же дата изготовления мотивированного решения в полном объеме.

Разумеется, в целом данный вопрос решен самим законодателем в статьях, посвященных апелляционному и кассационному производству. Так, в ст. 338 ГПК РФ установлено, что кассационные жалоба, представление могут быть поданы в течение десяти дней со дня принятия решения судом в окончательной форме. Аналогичная норма содержится и в ст. 321 ГПК РФ.

Вместе с тем, АПК РФ решает данную проблему гораздо более четко. Так, ч. 2 ст. 176 АПК РФ, разрешающая выносить только резолютивную часть решения и изготавливать мотивированное решение арбитражного суда в течение пяти дней, устанавливает также, что: «Дата изготовления решения в полном объеме считается датой принятия решения».

Представляется необходимым дополнить ст. 199 ГПК РФ аналогичной нормой.

3. Немаловажной проблемой является и вопрос о возможности восстановления пропущенного процессуального срока, а также о продлении процессуального срока.

По смыслу ст. 112 ГПК РФ и ст. 117 АПК РФ, пропущенный, установленный федеральным законом, процессуальный срок, может быть восстановлен судом, если он признает причины его пропуска уважительными. При этом перечень конкретных обстоятельств, при которых причины пропуска срока могут быть признаны таковыми, законодателем не определен. Процессуальным законодательством также не установлены критерии, по которым причины пропуска срока признаются уважительными или неуважительными. Вопрос об этом, а также оценка доказательств и доводов, приведенных в обоснование ходатайства о восстановлении срока, являются прерогативой суда, рассматривающего ходатайство, который учитывает конкретные обстоятельства и оценивает их по своему внутреннему убеждению.

Отсутствие в законодательстве конкретного перечня причин, а также критериев, по которым причины пропуска срока признаются уважительными или неуважительными, позволяющих суду восстановить пропущенный процессуальный срок, является пробелом действующего гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства. Ведь нельзя не согласиться с тем фактом, что одну и ту же причину различные суды и различные судьи будут трактовать по-разному: кто-то отнесет ее к уважительным, а кто-то и нет. Поэтому такая позиция законодателя порождает целый ряд проблем в правоприменении.

Так, в случае если, отказывая в восстановлении нарушенного процессуального срока, суд действует по судебскому усмотрению, а последнее не устраивает участника процесса, то в надежде, что вышестоящая инстанция расценит данные причины как уважительные, он (т.е. участник) будет вновь и вновь обжаловать решение суда, желая восстановить свое нарушенное право. И, что самое удивительное, в конечном итоге, вышестоящая инстанция, скорее всего, расценит эти причины в качестве уважительных. Однако на это уйдет время. Назначение же процессуальных сроков состоит в том, что они, в первую очередь, призваны обеспечить своевременность защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов граждан и организаций (что особенно важно в арбитражном судопроизводстве). При такой же постановке вопроса о своевременности не может быть и речи. Скорее, напротив.

Вместе с тем право суда оценивать основания для восстановления сроков не должно считаться нарушением прав участников судебного процесса. Право судьи рассмотреть заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока вытекает из принципа самостоятельности судебной власти.

К тому же, следует признать, что в ч. 3 ст. 5 Закона Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» [8] к числу уважительных причин пропуска срока обращения в суд, отнесены любые обстоятельства, затруднившие получение информации об обжалуемых в судебном порядке действиях (решениях) и их последствиях. В связи с изложенным можно сделать вывод о том, что для восстановления процессуального срока суд может указать любые уважительные причины, в том числе отсутствие у гражданина правовых знаний о последствиях, совершенных по отношению к нему действий. Однако, на наш взгляд, данное положение весьма сомнительно, так как противоречит важной истине, которая гласит, что незнание закона не освобождает от ответственности. Аналогичного мнения придерживается и судебная практика.

Таким образом, в целях более своевременной защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов граждан и организаций, а также в целях экономии процессуального времени и, что немаловажно, в целях внесения ясности в правоприменительную практику, целесообразно в нормативном акте закрепить конкретный перечень причин, позволяющих суду восстанавливать пропущенный процессуальный срок или установить критерии, по которым причины пропуска срока могут быть признаны уважительными или неуважительными. Это можно сделать путем внесения дополнений в соответствующие статьи процессуальных регламентов или же в отдельном нормативном правовом акте.

Что касается продления процессуального срока, то основанием к этому, как и в случае восстановления, является наличие уважительных причин пропуска срока (хотя в законе это напрямую и не прописано). Здесь признание причин уважительными, также зависит от усмотрения суда, что, как следствие, порождает проблемы, аналогичные восстановлению процессуальных сроков. В целях разрешения обозначенной ситуации необходимо на федеральном уровне дать разъяснение, связанное с толкованием этих норм, в котором будет закреплена перечень причин, которые при пропуске процессуального срока должны признаваться судами уважительными.

4. Особую актуальность приобретает и вопрос о возможности восстановления срока на обжалование судебных актов в порядке надзора. В ч. 1 ст. 112 ГПК РФ и ч. 2 ст. 117 АПК РФ установлено общее правило, согласно которому пропущенный по уважительным причинам процессуальный срок может быть восстановлен судом.

Указанный срок для обращения в надзорную инстанцию может быть восстановлен только в исключительных случаях. Для гражданского судопроизводства восстановление пропущенного срока возможно в том случае, если суд признает уважительными причины его пропуска по обстоятельствам, объективно исключаящим возможность подачи надзорной жалобы в установленный срок (например, тяжелая болезнь подающего надзорную жалобу, его беспомощное состояние и т.п.) (ч. 4 ст. 112 ГПК РФ) и если эти обстоятельства имели место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу.

Что касается арбитражного судопроизводства, то здесь восстановление пропущенного срока возможно при условии, что ходатайство подано не позднее чем через шесть месяцев со дня вступления в законную силу последнего оспариваемого судебного акта или если ходатайство подано лицом не участвующим в деле со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав или законных интересов оспариваемым судебным актом (ч. 4 ст. 292 АПК РФ). Если говорить о причинах пропуска, по которым срок может быть восстановлен, то, согласно формулировке законодателя, они должны быть независимыми от лица, обратившегося с таким заявлением или представлением (ч. 4 ст. 292 АПК РФ). При этом на наш взгляд, такая формулировка относительно причин, наличие которых служит основанием к восстановлению срока, не совсем корректно. По нашему мнению, по аналогии с гражданским процессуальным законодательством (ч. 4 ст. 112 ГПК РФ 2002 г.), логичнее было бы говорить об уважительности причин, приводя примерный их перечень.

5. Особо хочется обратить внимание и на ст. 205 ГК РФ, п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12, 15 ноября 2001 г. № 15/18 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности» [9], предусматривающую норму права, согласно которой восстановление срока исковой давности возможно только в отношении физических лиц. Следовательно, очевидно, что у юридических лиц не может быть уважительных причин для пропуска процессуальных сроков, так как их деятельность не прекращается в связи с болезнью и по иным обстоятельствам, связанным с личностью. В связи с этим, правовых оснований для восстановления процессуальных сроков у юридических лиц не имеется. Но, мы считаем, что с таким утверждением едва ли можно согласиться. Ведь за конкретным юридическим лицом всегда стоит физическое лицо (которое возглавляет его, проводит какие-либо операции и прочее). Значит, если рассматривать ситуацию с данной точки зрения, то она меняется, причем, коренным образом. Тогда названное выше положение теряет смысл.

В вышеизложенном мы видим еще один пробел действующего процессуального законодательства. Устранить данные несоответствия поможет законодательно более четкое урегулирование соотношения процессуально-правового института и института исковой давности, а также практики правоприменения.

6. Немало вопросов вызывают и сроки обжалования судебных актов в судах кассационной инстанции. В соответствии со ст. 338 ГПК РФ кассационная жалоба или представление могут быть поданы в течение десяти дней со дня принятия решения судом в окончательной форме. В соответствии же ч. 1 ст. 276 АПК РФ кассационная жалоба может быть подана в срок, не превышающий двух месяцев со дня вступления в законную силу решения или постановления арбитражного суда. Полагаем, что, в целом, различие сроков для подачи кассационной жалобы обусловлено неодинаковой природой кассационного производства в ГПК РФ и АПК РФ: в кассационной инстанции по ГПК РФ объект обжалования - судебные постановления, не вступившие в законную силу; в кассационной инстанции по АПК РФ - судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, вступившие в законную силу. Однако, как справедливо отмечает Л.Н. Майкова, существенное различие сроков (в течение десяти дней и в срок, не превышающий двух месяцев) вряд ли объяснимо даже с точки зрения специфики объекта обжалования, тем более сложно это объяснить исходя из субъектного состава и учитывая единство права на судебную защиту и его доступность [10]. Поэтому, в целях унификации практики применения норм гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства, представляется целесообразным рекомендовать законодателю выработать правовые нормы, единообразно регулирующие принципиальные, основополагающие отношения в ГПК РФ и АПК РФ. Такой подход позволит устранить неоправданные различия, создающие разный уровень гарантии прав.

7. Важно заметить и то, что в арбитражном процессе ходатайство о восстановлении пропущенного процессуального срока для подачи кассационной жалобы рассматривается без извещения лиц участвующих в деле (ч. 4 ст. 117 АПК РФ), т.е. суд оценивает уважительность причины пропуска срока подачи кассационной жалобы без учета доводов и возражений других лиц участвующих в деле. Но зададимся вопросом: не нарушает ли такой процессуальный порядок принцип процессуального равноправия сторон? Этот вопрос вполне правомерен и подлежит обсуждению с целью установления правил, обеспечивающих реализацию основополагающих принципов на любых этапах гражданского и арбитражного процесса. В гражданском процессе лица участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания, однако их неявка не является препятствием к разрешению поставленного перед судом вопроса (ч. 2 ст. 112 ГПК РФ). Полагаем, что порядок, установленный нормами ГПК РФ, в большей степени отвечает соблюдению требований процессуального равноправия сторон, обеспечивает принятие решения по вопросу восстановления срока на обжалование с учетом мнения всех лиц участвующих в деле.

Поэтому ч. 4 ст. 117 АПК РФ, по аналогии с гражданским процессуальным законодательством, целесообразнее изложить следующим образом: «Ходатайство о восстановлении пропущенного процессуального срока рассматривается в судебном заседании в пятидневный срок со дня его поступления в арбитражный суд. Лица участвующие в деле извещаются о времени и месте судебного заседания, однако их неявка не является препятствием к разрешению поставленного перед судом вопроса». Устранение отмеченных недостатков необходимо для предоставления лицам участвующим в деле возможности полноценно, в рамках действующего правового регулирования, реализовывать свое право на обжалование, более качественно составлять кассационные жалобы, что, в конечном счете, положительно скажется на эффективности кассационного производства, повысит доступность судебной защиты прав граждан и организаций на этой стадии гражданского и арбитражного процесса.

В целом следует отметить, что вопросов, связанных с применением процессуальных сроков по действующим ГПК РФ и АПК РФ, возникающих в теории и практической деятельности, множество. Вполне естественно, что исследовать их в рамках одной работы, не представляется возможным. Поэтому нами ставилась лишь цель привлечения внимания к некоторым из проблем. Одно несомненно – процесс реформирования института процессуальных сроков необходим. Ведь грамотное назначение и распределение сроков в гражданском и арбитражном процессе имеет очень важное, основополагающее значение для всех его участников, а также для правильности принятого решения.

Хочется надеяться, что предложенные нами пути решения проблем применения процессуальных сроков в гражданском и арбитражном процессе смогут послужить делу дальнейшего совершенствования законодательства о процессуальных сроках как гражданского, так и арбитражного судопроизводства.

This work represents a research of theoretical and practical aspects of interbranch institute of procedural periods in a civil procedural law and law of arbitral procedure. This institute is comparatively being analyzed in legal and scientific spheres from the point of view of identity concepts taking into account a specific side of procedurally-legal regulation in the determined branches of legislation. Besides a historical aspect and a modern state of institute of procedural periods of related branches of law a great number of the opinions of scientists and experts concerning of the regulatory matters and enforcement norms of investigated branches of legislation with calculation of procedural periods, the beginning and end of the validity, restoration and prolongation. The proposals of improving legal regulation and practice of using are formed; substantiated criticism of the official conception of law-maker fixed in the of the Civil procedure code of the Russian Federation and the Arbitration procedure code of the Russian Federation has been given.

The key words: procedural periods, institute of procedural periods, means of «acceleration» of legal proceedings, calculation of procedural periods, restoration of procedural periods, prolongation of procedural periods, problems enforcement procedural periods.

Список литературы

1. *Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г.* (с изм. и доп. от 9 марта 2010 г. № 6-ФЗ) // Российская газета. 2002. № 220.

2. *Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г.* (с изм. и доп. от 9 марта 2010 г. № 20-ФЗ) // Российская газета. 2002. № 137.
3. *Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 1 сентября 1923 г.* // Изд-во политической литературы, 1924 (утратил силу).
4. *Правила рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами.* Утверждены постановлением Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 30 декабря 1976 г. № 136 // Систематизированный сборник. М., 1978. С. 48 (утратили силу).
5. *Жуйков В.М.* Сравнительный анализ АПК и ГПК 2002 года // АПК и ГПК 2002 г.: сравнительный анализ и актуальные проблемы правоприменения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2004.
6. *Иванов А.А.* Создание в России эффективной системы правосудия в экономической сфере // Российское право. 2008.
7. *Zuckerman A.* Assessment of Cost and Delay - a Multinational Perspective//Procedural Law on the Threshold of a New Millennium. XI World Congress on Procedural Law. 23rd-28th of August 1999. General Reports. Wien, 1999.
8. *Закон РФ от 27 апреля 1993 г. № 4866-I* «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (с изм. и доп. от 9 февраля 2009 г. № 4-ФЗ) // Сборник законодательных актов РФ. Выпуск VIII. 1993. Ст. 117.
9. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12, 15 ноября 2001 г. № 15/18* «О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности» // Российская газета. 2001. № 242.
10. См.: *Майкова Л.* Сегодня обретаются изощреннейшие способы внедрения в судебную систему // Известия. 2007. № 222.

Об авторах

Панкратов В.А. – кандидат юридических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: adv_pankratov@mail.ru.

Миронова М.В. – студентка 5 курса юридического факультета Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, e-mail: tsatska@list.ru.

УДК – 002.5

МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ПРОЕКТА ШТАТОВ ЦЕНЗУРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ А.В. МУРОМЦЕВА

Н.Г. Патрушева

В статье рассмотрена работа цензурного ведомства по разработке штата цензурных учреждений в 1915—1916 гг. Цензурный аппарат с трудом справлялся с объемом все возрастающей печатной продукции и задачами, стоявшими перед ним. Проанализированы записки глав цензурных учреждений, в которых поднимались вопросы о необходимости их реорганизации, увеличения финансирования, предоставлении большей самостоятельности. Собранный материал представляет детальную картину организации надзора за печатью и книжной торговлей в России.

Ключевые слова: цензура, цензурные учреждения, реформы, печать, книжная торговля.

В начале XX в. центральным цензурным учреждением Российской империи было Главное управление по делам печати; внутренней цензурой занимались Петербургский и Московский цензурные комитеты и отдельные цензоры в Риге, Ревеле, Юрьеве, Митаве, Киеве, Вильно, Одессе и Казани; иностранной цензурой – Комитеты цензуры иностранной в Петербурге, Риге и Одессе и отдельные цензоры в Москве, Вильно, Киеве и Ревеле. Должности инспекторов типографий и книжной торговли существовали в Петербурге, Москве, Вильно, Киеве, Одессе, Риге и Лодзи. Варшавский и Кавказский цензурные комитеты занимались как внутренней, так и иностранной цензурой, в их штат входили должности инспекторов типографий и книжной торговли. В 1903 г. в Харькове, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Саратове, Ростове-на-Дону, Томске и Владивостоке были учреждены должности отдельных цензоров по внутренней цензуре. В 1906 г. цензурные комитеты по внутренней цензуре были переименованы в комитеты по делам печати, цензоры – в членов комитетов по делам печати, а отдельные цензоры по внутренней цензуре – в инспекторов по делам печати. В том же году цензурные учреждения в Киеве и Казани были объединены во временные комитеты – соответственно в Киевский временные комитеты по делам печати и Казанский временный комитет по делам печати.

В 1907 г. на тех же основаниях временный комитет по делам печати был образован в Вильне, в 1909 г. – в Одессе и в 1915 г. – в Риге[1].

Вопрос о пересмотре штатов цензурных учреждений время от времени поднимался руководителями цензурного ведомства. Считалось, что основными препятствиями к осуществлению эффективного надзора за печатью являлось недостаточное число наблюдавших за печатью чиновников и их низкие оклады содержания, что не позволяло привлекать на эту службу образованных людей, а цензоров вынуждало искать дополнительные заработки, что в свою очередь отрицательно сказывалось на их деятельности.

Перед Первой мировой войной в Министерстве внутренних дел приступили к составлению проекта новых штатов цензурных учреждений. Собранный Главным управлением по делам печати статистический материал о положении печатного дела и надзоре за ним, подтвердил неудовлетворительность, с точки зрения властей, постановки надзора повсюду, где не было специальных цензурных учреждений[2, д. 283-д., л. 1-114.]. В подавляющем большинстве губернских городов наблюдение за периодическими изданиями велось вице-губернаторами, иногда советниками губернских правлений или правителями канцелярий, другими чиновниками администрации, в уездных городах эти обязанности были возложены в основном на чинов полиции. Надзор за типографиями и книжной торговлей лежал на чиновниках особых поручений при губернаторах и отчасти также на полицейских. Все перечисленные чиновники, большую часть времени занятые исполнением своих прямых обязанностей, уделяли надзору слишком мало времени, к тому же от чинов полиции невозможно было требовать той степени образованности, которая дала бы им возможность эффективно исполнять обязанности по надзору, тем более, что за это они не только не получали вознаграждения, но им приходилось тратить свои деньги на разъезды и оформление документации. Губернаторы ссылались на невозможность для губернской администрации справляться с постоянно растущим числом периодических изданий, типографий, библиотек и книжных магазинов.

В 1915 г. была создана Комиссия по составлению проекта штатов цензурных учреждений под председательством члена Совета Главного управления А.В. Муромцева. В ноябре 1915 г. все цензурные учреждения получили распоряжение прислать свои предложения по составлению новых штатов.

В делах Комиссии хранятся служебные записки руководителей цензурных учреждений о необходимых преобразованиях, характеризующие положение дел в цензурном ведомстве. В целом численность каждого цензурного комитета предлагалось увеличить на 2–3 человека, большее число чиновников требовалось в Петрограде и Москве. Оклады цензоров должны были существенно возрасти. Комитеты просили дополнительное ассигнование в размере 277751 р.

В записке председателя Петроградского комитета по делам печати Н.И. Левитского отмечалось, что после издания Временных правил о печати 1905–1906 гг. изменился характер работы цензоров: «Она значительно осложнилась, стала более напряженной и ответственной <...> в особенности по той затрате нервных сил, с которой она сопряжена, является несравненно более тяжелой, чем работа бывших цензоров». В количественном же отношении работа возросла в четыре с половиной раза. Левитский констатировал, что цены на предметы потребления, дрова и квартиры в столице возросли не менее чем в пять раз, а жалование цензоров не увеличилось. Он писал: «Отдавая свои силы и время тяжелому и ответственному труду, соединенному с частыми и особенно изнурительными ночными дежурствами по проверке утренних газет, члены комитета уже не в состоянии вести другое подсобное занятие, которое помогало бы установлению равновесия его материального бюджета». Из 13 человек, рассматривавших издания на национальных и иностранных языках при комитете, только один получал вознаграждение в 1200 р. в год за цензуру на тюрко-татарских языках[2, д. 283-е, л. 189, 189 об.]. Левитский просил увеличить штат на трех цензоров и шесть канцелярских чиновников, а сумму на содержание комитета увеличить с 62502 до 152960 р. [2, д. 283-д., л. 178, 178 об.].

Председатель Московского комитета по делам печати А.А. Сидоров прежде всего просил повысить оклады чиновникам. Он писал, что проектируемые суммы «намечены сообразно с установившимися в Москве ценами на квартиры и предметы первой необходимости и сообразно с окладами содержания, получаемыми в Москве начальниками учреждений различных ведомств». В документе отмечалось, что самые необходимые продукты (мясо, хлеб, масло, молоко, крупа, сахар, чай) подорожали больше, чем в два раза, на одежду цены поднялись на 75 %, а на обувь и дрова – на 100 %. Он предложил содержание Московского комитета по делам печати увеличить с 35465 до 57080 р.[2, д. 283-е., л. 191 об.-196].

Исполнявший обязанности председателя одесских цензурных учреждений В.Н. Албранд писал, что Одесский комитет цензуры иностранной и Временный комитет по делам печати фактически объединены в одно учреждение общей канцелярией и личным составом, поэтому он предлагал закрепить это положение на практике. Необходимость нового устройства цензурных учреждений обосновывалась увеличившейся нагрузкой цензоров и значительным подорожанием жизни. В новом комитете по делам печати предлагалось учредить должность председателя, штат увеличивался всего на

двух чиновников, но существенно повышалось их жалование. Предполагалось выделить 3600 р. для наблюдения за изданиями на иностранных и национальных языках. Таким образом, сумма на содержание учреждений в Одессе увеличивалась с 18710 до 46760 р.[2, д. 283-е, л. 193, 194, 198].

Председательствовавший в Киевском временном комитете по делам печати Т.Д. Флоринский предлагал увеличить штат и жалование цензорам. Всего сумма на содержание комитета по проекту возрасла с 15030 до 41105 р.[2, д. 283-е, л. 169-171].

П.Г. Кругляков-Чердацкий, председательствовавший в Виленском временном комитете по делам печати, подчеркнул, что временный комитет, существовавший с 1907 г., не имел специальных штатов. Поскольку нагрузка цензоров постоянно росла, он предлагал увеличить оклады содержания его членам. Всего расходы на комитет должны были увеличиться с 13702 до 20600 р.[2, д. 283-е, л. 225-230].

Председатель Рижского временного комитета по делам печати Б.А. Петкович назвал Ригу «главным культурным центром Прибалтийского края», особенностями которого являлись широкое распространение грамотности и как следствие – постоянное развитие печати. Учитывая «немецкое влияние» на местную немецкую, латышскую и эстонскую печать, был необходим тщательный подбор цензоров, владевших местными языками. Петкович предлагал преобразовать временный комитет в постоянный с увеличением штата и содержания чиновникам. Численность служащих возрасла с 12-ти до 15-ти человек, в целом же на содержание комитета требовалось вместо 13860–38160 р.[2, д. 283-д, л. 179-182 об.].

Председательствующий в Казанском временном комитете по делам печати М.Н. Пинегин отметил особенность казанской цензуры — все члены комитета служили по Министерству народного просвещения (А.В. Фролов был преподавателем гимназии, Н.И. Ашмарин и А.И. Емельянов – учительской семинарии, П. Жузе – лектором Духовной академии, Н.Ф. Катанов – профессором Казанского университета). Цензоры рассматривали сочинения на языках, которые не преподавались ни на восточном факультете С.-Петербургского университета, ни в Лазаревском институте в Москве. Все, кто знал эти языки, уже входили в состав комитета, и было опасение, что они могли предпочесть службу по Министерству народного просвещения как «более спокойную и нормальную», при которой было определенное время для занятий (не более пяти часов в день), праздничный отдых и каникулы, и значительно более высокие оклады. Кроме того, их не тревожили в ночное время. Пинегин также считал, что служащие в комитете должны были иметь определенные привилегии. Он акцентировал внимание на том, что при учреждении в 1906 г. в Казани временного комитета по делам печати не было составлено специального штата с фиксированными окладами. Предполагалось количество членов комитета увеличить с пяти до шести, ввести должности помощника секретаря и канцелярского чиновника, а также учредить две должности инспектора типографий и книжной торговли (разные – для изданий на русском и восточных языках) с содержанием как у членов комитета и суммой на оплату разъездов. В целом предполагалось, что содержание Казанского комитета должно было вырасти с 13500 р. минимум до 28800 р.[2, д. 283-д, л. 157-167].

В объяснительной записке к проекту штатов Кавказского цензурного комитета председатель В.И. Колобов писал, что в его доклад от 4 декабря 1913 г. после обсуждения в Совете Кавказского наместника были внесены изменения, а именно увеличение просимых ассигнований на содержание цензурного комитета примерно на одну треть, и в таком виде 16 марта 1914 г. доклад был послан министру внутренних дел. Он заявил, что «ввиду спешности требуемого ныне проекта новых штатов и указаний на необходимость соблюдения умеренности» он ограничился «пределами крайней необходимости», но за два года потребности комитета значительно возросли[2, д. 283-е, л. 231-231 об.].

В докладе Колобова от 4 декабря 1913 г.[3] обращалось внимание на особенности Кавказского цензурного комитета, который занимался как внутренней, так и иностранной цензурой, а также драматической, и в его составе был инспектор по надзору за типографиями и книжной торговлей. Цензоры просматривали произведения не только на русском и иностранных языках, но также на национальных и восточных. Говоря о составе комитета и его материальной базе, Колобов высказывал предложения по реформе штатов. В связи с увеличением количества представляемых в цензуру произведений печати и общим удорожанием жизни, он просил в качестве первоочередных мер расширить штаты за счет цензоров, рассматривавших сочинения на грузинском и армянском языках, чиновников для канцелярии и существенного увеличения суммы на вознаграждение лицам, просматривавшим издания на национальных и восточных языках.

Колобов отмечал, что до издания законов 1905–1906 гг. из-за границы привозилось ограниченное число периодических изданий, но в настоящее время одних газет и журналов на европейских языках насчитывалось около 200 названий, на армянском языке – 92, а на «наречиях мусульманских племен» – 48. Всего внутреннюю и иностранную цензуру проходило более 500 периодических изданий. Далее он писал: «Ежедневно почта и таможня заваливают тесное помещение комитета посылками; поступило иностранных произведений печати в 1911 г. более 7000 пудов, в 1912 более 11 000 пудов. Само собой разумеется, что при более чем скромных штатах комитета о детальной ре-

гистрации получаемых сотен тысяч бандеролей, брошюр и книг не могло быть и речи, для этого надо было бы удвоить или утроить личный состав комитета».

С 1879 г. Кавказский комитет занимался и драматической цензурой, больше всего рукописей пьес было на грузинском и армянском языках.

Каждый доклад по изданиям на национальных языках требовал устного, а часто и письменного перевода для комитета, а затем, в случае возбуждения уголовного преследования, для суда требовался обстоятельный письменный перевод. Колобов писал: «Объемистые трактаты, в основание которых положены учения Маркса, Бебеля, Энгельса и пр., перетолкованные доморощенными грузинскими и армянскими философами и пересыпанные неудобопонятными иностранными словами, ставят иногда цензора-переводчика в весьма затруднительное положение».

Обязанности между цензорами распределялись не по видам цензуры – внутренняя, иностранная, драматическая, а по языкам – наиболее распространенным на Кавказе – грузинскому, армянскому и татарскому. Следовательно, по словам председателя, требовалась не реорганизация комитета (разделение на отдельные комитеты иностранной и драматической цензуры), а увеличение его личного состава: он просил пять старших цензоров для изданий на русском, европейских, грузинском, армянском и татарском языках и двух младших цензоров, знавших грузинский и армянский языки. Председатель отмечал, что в штате был предусмотрен лишь один цензор, знавший грузинский, армянский и татарский язык, и в случае смерти, болезни или отпуска одного из них заменить его было нечем, и цензура на данном языке совсем прекращалась. Нужны были дополнительные средства для вознаграждения лиц, цензуровавших произведения на греческом, осетинском, ассирийском, абхазском, еврейском, эстонском, эсперанто и прочих языках, а также наблюдавших за периодическими изданиями в городах и местечках, где не было учреждений по делам печати.

Цензоры имели и дополнительную нагрузку: в декабре 1906 г. распоряжением Кавказского наместника на комитет была возложена обязанность сообщать временному генерал-губернатору о статьях так называемого «вредного направления», появлявшихся в местной печати на национальных языках и снабжать администрацию переводами таких статей. Кроме того, цензоры безвозмездно переводили материал самого разнообразного характера: Высочайшие указы, различные правила, газетные статьи.

Необходимо было ввести новую должность помощника секретаря и увеличить расходы на канцелярию для регистрации получаемых из-за границы изданий и обслуживания библиотеки. Председатель просил усилить состав комитета тремя старшими членами и помощником секретаря, оклады увеличить всем служащим на 25–40 % в связи с тем, что стоимость жизни в Тифлисе с 1884 по 1913 г. утроилась. По проектировавшейся реорганизации комитета расходы на его содержание должны были возрасти на 26000 р. в год.

Далее В.И. Колобов охарактеризовал деятельность инспекторов по делам печати, временно учрежденных в 1905 г. в Баку и в 1915 г. в Кутаисе[4]. Бакинский инспектор наблюдал за печатью на русском языке в пределах Бакинского градоначальства, армянские, татарские и грузинские издания направлялись для просмотра в Кавказский комитет; кутаисский инспектор наблюдал за русской и грузинской печатью в Кутаисе и Кутаисской губернии. Оба инспектора содержались на специальные средства, ассигнуемые в распоряжение Министерства внутренних дел.

Необходимость назначения инспекторов в этих городах была вызвана появлением оппозиционной грузинской и армянской печати. Особенно Колобова волновало положение с татарской печатью. Он писал: «В аналогичном положении может оказаться и татарская печать; хотя в данный момент ее нельзя назвать оппозиционной, но не так давно и в татарской печати наблюдалось стремление впасть в тон оппозиции слева, возбудить мусульманский мир против России и призвать мусульман к объединению и „самоопределению“. И бакинская татарская печать тогда оказалась вне непосредственного надзора со стороны Тифлисского комитета, которому приходилось прибегать к содействию бакинского градоначальника, энергичными мерами которого это явление было устранено. Хотя для создания таких центров оппозиционной печати большие города наиболее подходят, но нельзя поручиться, что в случае установления строгого надзора за печатью в данном городе, последняя не будет перенесена в другой (отдаленный от надзора) город и что грузинская печать, например, с учреждением в Кутаисе постоянной штатной должности инспектора по делам печати не перенесет своего центра в Батум или Поти». С точки зрения председателя, наиболее рациональным было бы сделать надзор за печатью, так сказать, подвижным, то есть учреждать его временно там, где он был необходим, и избирать для этого лиц, знавших нужный язык. Он считал, что мало кто согласился бы принять на себя бесплатно труд цензора, который «сулит одни неприятности и не сопряжен с какими-либо выгодами», однако, если бы не удалось найти «дарового» цензора, то за небольшое вознаграждение, примерно в 25 р. в месяц, в Баку нашлось бы подходящее лицо, которое согласилось бы взять на себя «небольшой труд», и незначительной суммы, выделенной в распоряжение наместника на Кавказе или комитета по делам печати, хватило бы для всего наместничества. Существовавшим же уже

инспекторам по делам печати в Баку и Кутаисе, по его мнению, необходимо было увеличить содержание, что потребовало бы дополнительный расход в 2300 р. в год.

С точки зрения председателя, было бы целесообразно объединить в некоторых местах надзор за печатью и за типографиями, возложив на инспектора по делам печати одновременно и функции инспектора типографий и книжной торговли. Он считал, что если прибавить к содержанию инспектора по делам печати (3000 р. в год) еще 500 р., то можно было бы найти людей с высшим образованием и знанием соответствующих языков, которые осуществляли бы одновременно надзор и за печатью, и за типографиями и книжной торговлей. Кроме существовавших должностей инспекторов по делам печати в Баку и Кутаисе, следовало бы учредить такие же должности в Екатеринодаре и Владикавказе, для чего потребовался бы дополнительный расход в 9800 р.

По утвержденным 31 декабря 1884 г. штатам при Кавказском цензурном комитете была введена должность инспектора типографий и книжной торговли в Тифлисе. Во всех губерниях, областях и округах надзор за типографиями осуществлялся чиновниками губернской, окружной или уездной администрации без расходования специальных средств. Председатель считал, что существовавший надзор за типографиями нельзя было назвать удовлетворительным. В 1913 г. в Тифлисе было 306 типографий, литографий, библиотек и других подлежащих надзору инспекции заведений. Колобов хотел увеличить содержание инспектора на 500 р. и прибавить такую же сумму на разъезды и канцелярию, а в остальной части Кавказа соединить надзор за печатью с надзором за типографиями.

Бакинский инспектор по делам печати А.Н. Ледоховский прислал в Комиссию записку, в которой подчеркнул, что, так как невозможно было найти на должность инспектора по делам печати чиновника, знавшего все «туземные языки», издания на татарском и армянском языках посылались на просмотр в Кавказский цензурный комитет, что занимало 4–5 дней. По его мнению, следовало бы ввести две должности помощников инспектора, одного хорошо знавшего татарский язык, а другого (он же письмоводитель) знавшего армянский язык. Ледоховский отметил, что предоставил одну из своих комнат для письмоводителя и склада изданий, платил за отопление, освещение и уборку, сам поставил телефон, хотя несколько редакций и владельцы типографий предлагали поставить телефон за их счет. Для найма и оборудования нового помещения необходимо было выделить единовременно 280 р. и постоянно 745 р. в год[5].

Председатель Центрального комитета цензуры иностранной А.Н. Муравьев отмечал, что просмотр произведений печати в комитете увеличился примерно в 12 раз. Он просил дополнительно ввести должности старшего и младшего цензоров, содержание чиновников увеличить примерно в два раза, а также на канцелярские и хозяйственные расходы. В целом содержание комитета увеличивалось с 53625 до 94580 р.[5, д. 283-е, л. 199 об.-205].

Инспекторы по делам печати и отдельные цензоры по внутренней цензуре предлагали увеличить штаты, введя дополнительные должности помощника инспектора, переводчика, курьера и повысить жалование. Всего на содержание инспекторов по делам печати и отдельных цензоров просили 46564 р.

Инспектор по делам печати в Юрьеве З.Г. Бабанов отмечал, что просматривал иностранные книги, не получая за это вознаграждения. В проекте штата он предлагал увеличить содержание инспекции печати в Юрьеве с 2840 р. до 6600 р.[5, д. 283-д, л. 188].

Екатеринославский инспектор по делам печати В.А. Петров писал, что работал без выходных по 15 часов в день и выделил одну из своих комнат под канцелярию. Для дальнейшей работы были необходимы печатная машинка, рассыльный и увеличение расходов на ведение документации. В проекте штатов он предполагал увеличить содержание инспектора, письмоводителя, расходы на канцелярию и ввести должность курьера. Всего расход на цензуру в Екатеринославе должен был увеличиться с 3780 до 6860 р.[5, л. 149 об.-152].

В рапорте инспектора по делам печати в Ростове-на-Дону В.А. Канского также содержались жалобы на трудности, так как к его основным обязанностям прибавились функции военного цензора. Особенно работа усложнилась после переезда в город Варшавского университета. Инспектор выделил одну из своих комнат для канцелярии, там находились три шкафа с газетами и 6 сундуков с брошюрами, собранными за 13 лет. Канский планировал увеличение штатов и содержания чиновникам, исходя из того, что в среднем учебном заведении преподаватели, работая по 4–5 часов в день, получали 300 р. в месяц, а самая дешевая комната в Ростове-на-Дону в месяц стоила 25–30 р. Он предполагал увеличить содержание инспектора с 2300 р. (из этой суммы 300 р. платили за просмотр сочинений на армянском языке) до 3000 р., и ввести новую должность помощника инспектора. Расходы на цензуру в Ростове-на-Дону должны были увеличиться таким образом с 2906 до 5850 р.[5, л. 152 об.-156].

Саратовский инспектор по делам печати А.А. Виноградов также использовал личные средства для организации работы – выделил для канцелярии одну из своих комнат, сам нанимал человека для разноски почты и платил ему 120 р. в год. По его мнению, необходимо было ввести дополнительно должность инспектора типографий и книжной торговли: «Эту сложную и ответственную обязанность

несет здесь обычно кто-либо из чиновников по назначению губернатора. Эти лица, почти не знакомые с обязанностями инспектора типографий и требованиями закона о печати, к тому же занятые своими прямыми служебными обязанностями, естественно, смотрят на это чуждое им и не вознаграждаемое дело поверхностно, таким образом, наблюдение за типографиями и книжную торговлю в г. Саратове является просто фикцией и никакого контроля за распространением печатных произведений не представляет». Виноградов предлагал содержание инспекции увеличить более чем вдвое – с 3110 до 6640 р.[5, д. 283-е, л. 217-221].

Харьковский инспектор по делам печати Я.В. Судаков предлагал учредить вместо должности инспектора комитет по делам печати в Харькове. Сумму на содержание цензуры следовало увеличить с 4700 до 10995 р.[5, д. 283-д, л. 173-175].

Отдельный цензор по иностранной цензуре в Москве А.А. Пашков считал целесообразным для себя войти в состав Московского цензурного комитета, поскольку в этом случае нагрузка распределялась бы более равномерно, тем более, что для иностранной цензуры фактически уже привлекались чиновники и курьеры из комитета. Расход на иностранную цензуру увеличился бы с 5130 до 12600 р.[5, д. 283-е, л. 212 об. -216].

Владивостокский инспектор по делам печати Н.В. Дюфур писал, что во Владивостоке внутреннюю и иностранную цензуру на европейских и восточных языках осуществляют два чиновника – инспектор и наблюдающий за изданиями на восточных языках. С 1908 г. А.Н. Занковский (выпускник Владивостокского восточного института) был допущен к исполнению обязанностей отдельного цензора по иностранной цензуре во Владивостоке, он же наблюдал за печатью на китайском, японском и корейском языках. Дюфур делал вывод, что во Владивостоке необходим комитет в составе председателя, цензоров и инспектора типографий[5, л. 69-78].

Спустя полгода он представил проект штатов[5, д. 283-м, л. 12-13 об.]. Инспектируемый им район – Дальний Восток и Забайкалье состоял из следующих областей: Приморской – с городами Владивосток, Никольск-Уссурийский, Хабаровск; Амурской – Благовещенск; Забайкальской – Чита, Верхнеудинск, Сретенск; Сахалинской – Николаевск на Амуре и Камчатской – Петропавловск. Надзор за периодикой осуществлялся во Владивостоке инспектором по делам печати, в Хабаровске – канцелярией приамурского генерал-губернатора, в Благовещенске – вице-губернатором, в Никольске и Николаевске (до преобразования его в губернский город) – полицеймейстерами. В Забайкальской области – в Чите надзор был возложен на вице-губернатора, а в Сретенске и Верхнеудинске – на полицейских. Инспектор считал, что организованный таким образом порядок надзора за печатью был крайне несовершенен, так как обязанности цензора исполнял не чиновник цензурного ведомства, а представитель местной администрации: при возложении надзора на чиновников цензурного ведомства основное внимание обращалось на политическое направление периодического органа, рассматривавшееся с общегосударственной точки зрения, а при осуществлении надзора чинами местной администрации все внимание сосредоточивалось на интересах местного начальства, и надзор выливался в ряд преследований и притеснений за мелкие проступки. Он считал, что чиновники, на которых надзор за печатью возлагался сверх их прямых обязанностей, не имели возможности уделять достаточно времени даже для поверхностного наблюдения за изданиями и возлагали эту обязанность на своих подчиненных, поручая им же исполнение распоряжений Главного управления по делам печати, касавшихся отчетности, высылки газет и т. п. В результате, по его мнению «сознание безответственности по безвозмездной работе, возложенной независимо от желания, сверх прямых обязанностей, приводит к совершенному игнорированию этой отрасли службы и полному умалению самого понятия надзора».

По мнению Дюфура, в городах, где не было специальных цензурных учреждений, необходимо было установить образовательный ценз для наблюдавших за печатью, не назначать кандидатов без их согласия и обеспечить их независимость от местной администрации. Лица, осуществлявшие наблюдение за печатью в районах, должны были подчиняться инспекторам по делам печати, получать через них циркулярные распоряжения Главного управления и вознаграждение. Лучше всего для выполнения этих обязанностей подошли бы чиновники Министерства народного просвещения, так сказать, независимые и образованные. В целом на содержание цензуры во Владивостоке требовалось в 3 раза больше средств.

Инспекторы типографий и книжной торговли также просили увеличить штаты, оклады содержания, а также средства на разъезды, канцелярские расходы и квартирные. В инспекциях необходимо было иметь штат канцелярских служащих: секретаря, делопроизводителя и т. п. Это объяснялось тем, что норма, установленная по Временным правилам 6 апреля 1865 г., – 200 заведений на одного инспектора, везде превышалась в несколько раз.

Петроградский инспектор типографий и книжной торговли В.В. Познанский констатировал, что на 1 января 1915 г. в Петрограде было 2100 заведений, подлежавших инспекторскому надзору, то есть более 400 на каждого инспектора, таким образом, существовавший состав инспекций был «ли-

шен возможности с полным успехом осуществлять должный надзор». Познанский утверждал, что при отдельной должности старшего инспектора количество младших инспекторов необходимо было увеличить с пяти до семи и повысить всем оклады содержания. В инспекторском надзоре использовали шесть вольнонаемных писцов или командируемых из канцелярии Петроградского градоначальства. Вместо них предлагалось учредить должности делопроизводителя и служителя канцелярии, выделить деньги на канцелярские расходы и на наем квартиры для канцелярии. Всего предполагалось увеличить расходы на Петроградский инспекторский надзор с 32050 до 41820 р.[5, д. 283-е, л. 61-63].

Московский инспектор типографий и книжной торговли Б.Б. Шереметьев предлагал увеличить штат инспекторского надзора на одного человека, платить квартирные деньги старшему инспектору, а всего сумму на Московскую инспекцию увеличить с 10530 до 30960 р.[5, л. 57-60].

Старший инспектор типографий и книжной торговли в Одессе С.И. Плаксин дважды посылал запросы в Комиссию А.В. Муромцева. Еще в 1886 г., когда он получил назначение на должность инспектора и «личное приказание» бывшего начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова организовать надзор в Одессе по примеру столиц, то на первых же порах своей деятельности понял, что для реального контроля за книжным рынком в таком «обширном и бойком пункте», как Одесса, единоличный контроль был невозможен. По совету одесского генерал-губернатора Х.Х. Роопа он составил докладную записку в Главное управление по делам печати с проектом учреждения инспекции типографий. После упразднения одесского генерал-губернаторства записку не приняли во внимание, и лишь в 1903 г. была учреждена должность младшего инспектора. Плаксин был назначен старшим инспектором, но с тем же окладом и классом должности, без дополнительных сумм на разъезды и канцелярские расходы.

Плаксин настаивал на увеличении личного состава инспекции и повышении содержания чиновников ввиду быстрого роста печатной продукции, а также «возросшей дороговизны на помещения и предметы первой необходимости». Он подчеркивал, что после упразднения предварительной цензуры приходилось «много содействовать общей администрации в деле конфискации, обысков и пр.». Далее инспектор писал: «Если к вышеизложенному прибавить, что одесской инспекции вменено в обязанность цензурование кинематографических картин и что в продолжительное летнее время Одесса представляет из себя оживленный курорт, что окрестные лиманы (Хаджибейский и Куяльницкий) живут самостоятельной жизнью, имея свои отделения библиотек, фотографий, кинематографы, книжные киоски и пр., то понятно будет, что для фактического надзора за этими местностями и за дачными районами, требуется особое ассигнование на разъезды, особенно в настоящее время, когда способы передвижения крайне осложнились в Одессе и трамвайное сообщение стало затруднительным».

Плаксин считал необходимым учредить в Одессе инспекцию, которая должна была состоять из старшего и трех инспекторов, один из которых имел бы юридическое образование для ведения судебных дел. Необходимо было также учредить должности секретаря, его помощника и курьера. Всего содержание одесской инспекции типографий увеличилось бы с 4740 до 18280 р.[5, л. 251-253 об.; д. 283-м, л. 14-15].

Киевский инспектор типографий А.А. Никольский просил увеличить штаты инспекторского надзора должностями младшего инспектора и секретаря. Всего сумма на инспекторский надзор в Киеве должна была возрасти более чем в пять раз – с 2000 до 11500 р.[5, д. 283-е, л. 55-56]. Через год – в ноябре 1916 г. Никольский опять обратился в Комиссию с ходатайством об увеличении штата и содержания инспекции, мотивируя это тем, что в Киеве было 247 типографий и литографий, 507 книжных магазинов, лавок и кабинетов для чтения и в 1913 г. выходило 96 периодических изданий[5, л. 372-378].

В целом инспекторский надзор следовало увеличить на одного – двух человек в каждом городе и ввести дополнительно по две должности инспекторов типографий в Киеве и Казани. Предлагалось существенно увеличить расходы на хозяйственные и канцелярские нужды и, следовательно, в целом расходы должны были возрасти в 2–5 раз. Сумма всех предложенных надбавок составила 53240 р.

В записке, составленной в Главном управлении по делам печати констатировалось, что в нем служило 6 штатных членов и 11 – сверх штата, 6 из которых не получали содержания. Семь членов наблюдали за деятельностью цензурных учреждений и за направлением провинциальных изданий. Остальные заведовали разными отделениями: финансовым, законодательным, библиотекой, драматической цензурой и пр. В записке подчеркивалось, что действовавшие на основании утвержденного 26 мая 1867 г. временного штата установлений по делам печати цензурные штаты совершенно не соответствовали «потребностям современной жизни». До последнего времени служащим Главного управления компенсировали низкие оклады с помощью наградных и пособий. Необходимо было улучшить их материальное положение, так как на Главное управление были возложены «важные и ответственные функции в общем государственном механизме»[5, л. 338-339].

По закону от 6 апреля 1865 г. драматической цензурой занималось два цензора Главного управления по делам печати, в 1887 г. был приглашен третий, а в 1912 г. – четвертый. К 1915 г. – два штатных цензора и два чиновника, подписывавшихся за цензора. В материалах о реорганизации цен-

зуры драматических сочинений предлагалось оставить четырех чиновников, дав им в помощь секретаря, его помощника и заведующего архивом. Расход на содержание драматической цензуры планировалось увеличить более чем в 2 раза [5, л. 122-129].

Документы, присланные в Главное управление по делам печати, свидетельствуют о том, что существовавший штат цензурных учреждений не мог справляться с объемом все возрастающей печатной продукции и задачами, стоявшими перед цензурным ведомством. В целом предложения всех глав цензурных учреждений сводились к следующему. Предусматривалась принципиальная реорганизация некоторых учреждений. Временные комитеты по делам печати должны были быть преобразованы в постоянные, так как временные не имели специального штатного расписания, и чиновники получали содержание, которое полагалось им на основании их бывших должностей. Следовательно временные комитеты были хуже обеспечены материально. Предполагалось объединить в одном учреждении внутреннюю и иностранную цензуру в Москве (Московский комитет по делам печати и отдельного цензора по иностранной цензуре), в Одессе (Временное присутствие по внутренней цензуре и Одесский комитет цензуры иностранной). В Ревеле инспектор по делам печати считал необходимым наоборот, разъединить нагрузку по внутренней и иностранной цензуре и взять для этого специального чиновника, как и было положено по штату 1865 г. В Харькове вместо должности инспектора по делам печати предлагалось учредить комитет по делам печати.

Необходимо было ввести новые должности. Подчеркивалось, что каждый комитет должен был иметь специального председателя, а не возлагать эти обязанности на старшего чиновника. В Петроградском и Московском комитетах по делам печати необходимо было ввести должность заместителя председателя, учредить ряд дополнительных должностей старших и младших цензоров, секретарей и их помощников, а так же канцелярских служащих – писцов и курьеров. Вопрос о пенсиях и надбавках к основным окладам был поднят лишь в записке Казанского отдельного цензора.

Все цензурные учреждения просили увеличить сумму на хозяйственные и канцелярские расходы, которых не хватало до такой степени, что инспекторы по делам печати в Нижнем Новгороде, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Саратове и Баку нанимали помещения для организации канцелярий, платили писцам и за телефон из собственных средств.

В целом содержание цензурных учреждений просили увеличить в среднем в 2 раза. Если сложить все требуемые дополнительные средства, то получалась сумма не менее, чем 398950 р. (В материалах комиссии не было подобных данных от Главного управления по делам печати, Варшавского цензурного комитета, инспекторов по делам печати в Нижнем Новгороде, Томске, Лодзи, Баку, Кутаисе.)

Проект сети цензурных учреждений был составлен лишь в общих чертах. Ни численный состав цензоров, ни оклады содержания чиновников разработаны не были. Для облегчения и ускорения решений по неотложным вопросам предполагалось дать большую самостоятельность местным цензурным учреждениям, объединить в них внутреннюю и иностранную цензуру, увеличить состав комитетов в Петрограде, Москве, Варшаве и Тифлисе (всего на 13 человек), учредить комитеты по делам печати в Саратове, Ростове-на-Дону, Харькове, Томске, Ташкенте, Владивостоке (из 3–4 членов), преобразовать Центральный комитет цензуры иностранной в особый отдел Главного управления по делам печати, на все инспекции по делам печати, находившиеся в приморских городах, возложить обязанности по иностранной цензуре, увеличить жалованье цензоров в столицах и крупных центрах, учредить новые должности инспекторов.

Таким образом, в империи предполагалось образовать дополнительно 6 комитетов по делам печати, 11 инспекторов по делам печати, 6 инспекторов типографий и 48 инспекторов печати и типографий (то есть отдельных цензоров, в обязанности которых входил бы и инспекторский надзор). Однако и этот проект не был осуществлен.

This article examines the work of the censorship authorities in deciding on the distribution of staff among the central censorship organs in 1915–1916. The censorship organization as a whole was having difficulty in coping with the ever-increasing volume of printed matter and the tasks confronting it. An analysis is made of notes drawn up by the heads of the censorship institutions in which questions were raised concerning the necessity to reform the institution's organization, to provide greater funding, and to give more freedom of action to individual censorship bodies. The material assembled presents a detailed account of the control exercised by the organization over the press and over the book-trade in general.

The key words: censorship, censorship institutions, reforms, press book-trade.

Список литературы

1. См.: Патрушева Н. Г. История цензурных учреждений в России во второй половине XIX – начале XX века // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века: Сб. науч. тр. СПб., 2000. Вып. 10.

2. *Российский государственный исторический архив (РГИА)*. Ф. 776. Оп. 22–1912.
3. См.: *Доклад председателя Тифлисского комитета по делам печати о реорганизации цензурного надзора на Кавказе (1913 г.)* / публ. Н. Г. Патрушевой // *Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность*: Сб. ст. Краснодар, 2005. Вып. 3. С. 64-87.
4. *РГИА*. Ф. 776. Оп. 22. 1904. Д. 67. Л. 2-3, 71; Оп. 23. 1913. Д. 53. Л. 1-4.
5. *РГИА*. Ф. 776. Оп. 22. 1912. Д. 283-д. Л. 146-147 об.

Об аворе

Патрушева Н.Г. – кандидат исторических наук, зав. сектором книговедения Отдела редкой книги Российской национальной библиотеки, patrusheva@nlr.ru

УДК – 34(091)

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ М.Н. ЕРШОВА

В.П. Пономарева

Статья посвящена жизни и взглядам отечественного юриста М.Н.Ершова, чье творчество до сих пор остается забытым. Анализируются произведения, созданные как в России, так и в эмиграции в Китае.

Ключевые слова: право, ценность, правовое образование, философия права, автономия личности

Личность в истории, ее влияние на политико-правовую атмосферу эпохи были и остаются важными аспектами научного исследования. В этом контексте изучение жизни, деятельности и воззрений Матвея Николаевича Ершова, профессора ИМПЕРАТОРСКОЙ Казанской духовной Академии, первого проректора Государственного Дальневосточного университета во Владивостоке, преподавателя Юридического факультета в Харбине весьма актуально.

Несомненную научную ценность представляют труды М.Н.Ершова, которые являются неразрывной частью интеллектуального наследия нашего Отечества[1]. Их изучение обогатит историко-философскую и политико-правовую мысль, а также будет способствовать формированию нравственно-правовых ценностей современной России.

Значительный период жизни М.Н. Ершова связан с восточной ветвью русской эмиграции. Проживая в Харбине, он оставался истинным патриотом России, оказывая влияние на общественно-политическую жизнь русской эмиграции. В этой связи исследование «харбинского» периода его жизни и деятельности имеет немаловажное значение для дальнейшего осмысления вклада представителей юридической мысли русского зарубежья в развитие идей естественного права.

Матвей Николаевич Ершов, сын потомственного почетного гражданина Николая Ершова, родился 1 августа 1886г. (по старому стилю) в селе Покровская Арчада Пензенского уезда Пензенской губернии [2]. В 1907г. он закончил Пензенскую Духовную Семинарию и поступил на первый курс ИМПЕРАТОРСКОЙ Казанской Духовной Академии (далее – Академия) [3]. За время учебы в ней (1907-1911 гг.) Матвей Ершов проявил себя исключительно целеустремленным и прилежным, о чем свидетельствуют такие факты - средний балл, полученный им по всем предметам (с 1908 по 1911гг.), был самым высоким на курсе -4,99 [4, д.11082, л.38]. Из 37 выпускников Академии 1911 года только Ершов смог набрать за весь академический курс 129,74 балла [4. Д.11082.Л.18]. В заявлении инспектора Академии о студенте М.Н. Ершове, сделанном на Совете Академии в феврале 1911г. прозвучала следующая информация: «По моим наблюдениям, М. Ершов – студент весьма даровитый, серьезно преданный науке в особенности философии и не увлекающийся какими-либо сторонними занятиями ... обязательный, благонравный, скромный, выдержанный» [4. Д.11046. Л.74].

По окончании учебы в Академии Матвей Николаевич Ершов планировал уехать в *Елань*, большое русское село в 25 км к юго-западу от Пензы, указав, по просьбе канцелярии Академии (для последующей связи с выпускниками), именно это место [4. Д.11082.Л.46].

Обстоятельства сложились иначе. Учитывая отличную учебу и склонность к научным исследованиям выпускника, Совет Академии принял решение об «избрании студента 4 курса М.Н. Ершова на академическую кафедру №1 Св. Писания Ветхого завета и об оставлении его профессорским стипендиатом 1911/12 уч. г.» [4. Д.11046.Л.1,2]. «Академический курс г. Ершов окончил в 1911 году, первым с курса со степенью кандидата богословия и званием магистранта после чего (в 1911/12 уч. г.) был оставлен при Академии для подготовки к профессорскому званию. Одновременно, определением Св. Синода, Ершов был назначен преподавателем в звании

и. д. доцента и в 1912/1913 уч. г. ему было предоставлено право читать лекции» [4. Д.11046.Л.82]. Свою педагогическую карьеру, по существующим в те времена правилам, начинающий преподаватель начал с чтения вступительной лекции перед профессорами и доцентами Академии на тему «Об аллегорическом истолковании Священного Писания Ветхого Завета» и получил на нее положительные отзывы [4. Д.11170.Л.9]. Одновременно с учебной нагрузкой он начал заниматься подготовкой диссертации, защита которой планировалась в 1913 г..

Вскоре, стало очевидным, что времени катастрофически не хватает и молодой преподаватель обратился в Совет с просьбой снизить ему учебную нагрузку и продлить срок подготовки магистерского сочинения. Свое прошение Ершов аргументировал тем, что «фактически писал два года, совмещая со службой в Академии» [4. Д.11180.Л.1], просил дать ему возможность «как начинающему преподавателю, в настоящем учебном году читать только две лекции в неделю (одну – теоретическую и одну – практическую). Довести в настоящем учебном году до конца мою работу на ученую степень, что при большом количестве лекций представляется крайне затруднительно» [4. Д.11046.Л.36]. Совет удовлетворил просьбу молодого преподавателя и Ершову разрешили предоставить диссертацию годом позже [4. Д.11180.Л.5].

Уже в октябре 1913 г. в Совет Академии поступило прошение М.Н. Ершова «о принятии от него на рассмотрение в качестве магистерской диссертации его сочинения (в рукописном варианте) на тему «Проблемы богопознания в философии Мальбранша» [4. Д.11180.Л.77]. Совет постановил принять это сочинение и передать на рецензию заслуженному ординарному профессору Академии Виктору Ивановичу Несмелову, вторым рецензентом был назначен доцент К.Д. Тереньев [4. Д.11170.Л.93]. Через некоторое время на заседании Совета Академии оба рецензента признали сочинение Ершова «удовлетворительным для присуждения степени магистра богословия» [4. Д.11170.Л.92]. Диссертация была успешно защищена в ноябре 1914г. на магистерском коллоквиуме [4. Д.11170.Л.77]. В Постановлении Совета Академии по поводу защиты М.Н. Ершова было записано: «признать защиту и удостоить степени магистра богословия и звания доцента Академии» [4. Д.11170.Л.82]. Очень скоро ходатайство Совета Академии перед Св. Синодом «об утверждении и. д. доцента кандидата богословия М. Ершова в степени магистра богословия за предоставленное им сочинение» было удовлетворено [4. Д.11170.Л.88].

В дипломе, выданному Ершову, было записано, что он « в июне 1914 года удостоенный Советом Казанской Духовной Академии степени кандидата богословия и звания магистра, за представленное им сочинение под заглавием «Проблемы богопознания в философии Мальбранша» (Казань.1914), удовлетворительно защищенное на коллоквиуме, на основании Устава ИМПЕРАТОРСКИХ Духовных Академий Советом ИМПЕРАТОРСКОЙ Казанской Духовной Академии удостоен ученой степени МАГИСТРА БОГОСЛОВИЯ и определением Святейшего Синода (Указ от 4 августа 1914 года № 12860) утвержден в этой степени. В следствии сего предоставляются г. Ершову все права и преимущества, законами Российской империи со степенью Магистра Богословия ИМПЕРАТОРСКИХ Православных Духовных Академий соединяемые» [4. Д.11170.Л.90].

Позднее Совет Академии обратился к редактору журнала «Православный Собеседник» [5.], профессору В.А. Никольскому с просьбой напечатать «за счет имеющихся в распоряжении Правления Академии протокольной суммы магистерское сочинение и. д. доцента ИМПЕРАТОРСКОЙ Казанской духовной Академии Матвея Николаевича Ершова» [4. Д.11170.Л.80]. Профессор академии В.Н.Несмелов в опубликованном в 1915г. отзыве на магистерскую диссертацию М.Н. Ершова писал, что проблема, поднятая и проанализированная соискателем, является настолько важной, что без ее решения невозможно богословское знание и научный анализ религиозного мышления [6].

Проработав три года на кафедре Священного Писания Ветхого Завета М.Н. Ершов был переведен на кафедру истории философии. В своем выступлении на заседании Совета в августе 1914 г. М.Н. Ершов пояснил смысл этого перехода так: «Еще, будучи студентом 1У курса, я был предвыбран Советом академии на первую кафедру Священного Писания Ветхого Завета, какую и занимаю три года. Между тем, все мои занятия и на студенческой скамье и затем по окончании Академии носили и носят довольно определенный характер, имея свои объектом именно изучение основных вопросов спекулятивно-религиозного и философского знания преимущественно на исторической основе. Результатом этих занятий у меня явились некоторые печатные работы: «К характеристике философских взглядов М.М. Троицкого»/Вера и Разум.1910г.№14 и 15, из истории идеализма нового времени – Гносеология Мальбранша/Богословский вестник.1911.Февраль-апрель, «Проблема богопознания в философии Мальбранша». Казань.1914 / магистерская диссертация/ и перевод сочинений Мальбранша в «Православном Собеседнике» 1914, апрель. В виду такого довольно определенного направления моих научных занятий. Мне, естественно, хотелось бы поработать на пользу родной академии и отечественной богословской науки именно на кафедре истории философии» [4. Д.11251.Л.187-188]. Уже через месяц из Св. Синода пришел ответ о согласи на перемещение с кафедры на кафедру и назначении Ершову на 1913/1914 уч. г. по 4 лекции в неделю (две - теоретические и две - практические) [4. Д.11251.Л.259-260]. Вскоре (в мае 1916г.) Матвей Николаевич был назначен экстраординарным профессором по кафедре истории философии Академии, [4. Д.11375.Л.2] по которой читал лекции и проводил практические занятия по древней и новой европейской философии. В своем годовом отчете о

преподавательской деятельности за 1914/1915 уч. г. Ершов указал, что читал лекции о Локке, Беркли, Канте, проводил семинары о Декарте, Мальбранше, Спинозе, Канте и вел занятия по французскому языку для студентов 1 и 2 курсов Академии [4. Д.11287.Л.25]. Так же Ершов успевал подрабатывать в Казанской женской гимназии В.А. Ряхиной, где давал гимназисткам уроки педагогики [4. Д.11046.Л.2].

В ноябре 1916г. М. Ершов обратился с личным прошением в ИМПЕРАТОРСКИЙ Казанский университет (далее – ИКУ) о приеме его на работу, на кафедру философии историко-филологического факультета]. На заседании Совета историко-филологического факультета 18 ноября 1916 г. было решено поддержать ходатайство Ершова. Большую роль в этом сыграло выступление на Совете профессора Гуляева А.Д., который дал «весьма лестные» отзывы о научных трудах Ершова [7.Д.2452]. Судя по всему, в ИКУ Ершов проработал до конца 1917г. В ведомости «О состоянии кафедр историко-филологического по 1 июля 1917» есть запись: «кафедра философии – магистр богословия Ершов (сверхштата)» [7. Д.13388. Л.2]. В Российском Государственном Историческом Архиве в Санкт-Петербурге хранится дело – «Представление попечителя Казанского учебного округа и Совета Казанского университета о распределении учебных курсов между профессорами и приват-доцентами» (начато 07.06.1917, окончено 10.10.1917), в котором указывается, что приват-доценту по кафедре философии М.Н. Ершову поручены курсы: «критика интеллектуализма в современной философии, 2 часа в неделю, для желающих всех отделений и семестров. С вознаграждением по 300 рублей за годовой час из сумм Министерства» [8. Д.242.Л.1]

В «казанский» период жизни Ершова начал складываться и формироваться круг его научных интересов. Учитывая, что Матвей Николаевич получил богословское образование и, исходя из общих научных направлений Казанской Духовной Академии, главным из которых, естественно, было философское обоснование христианства, свои основные научные поиски профессор Ершов сконцентрировал в области исследований проблем западной философии и богословия. Еще в 1911г. он опубликовал работу «Из истории идеализма нового времени» [9], а в 1914г. перевел и снабдил своими комментариями трактат Мальбранша «Беседа христианского философа с философом китайским о бытии и природе Божества». Анализируя основные идеи, высказанные в названных работах, следует отметить, что все они в целом соответствовали сложившимся русским православным академическим традициям философствования, для которых характерна, прежде всего, стремление раскрыть содержание Божественного Откровения и опора на данные веросознания [10, с.307.]. Недаром специфику научных исследований того времени в духовных академиях России известный философ В.В. Зеньковский определил как «русский (православный) тип схоластики» [11, с.103].

В 1918г., в связи с известными событиями в России, закончился казанский период жизни профессора Ершова, и он оказался на Дальнем Востоке, где принял активное участие в создании историко-филологического факультета в г. Владивостоке [12,с.314]. Факультет был открыт 21 сентября 1918г. В октябре начались занятия в здании Императорского Восточного института (это учебное заведение было образовано еще в 1899г.). На первом организационном заседании Совета факультета деканом и штатным профессором по кафедре философии с годовым окладом 12000 рублей был избран профессор М.Н.Ершов [13].

На факультете, преобразованном впоследствии в Государственный Дальневосточный университет (ГДУ), Ершов читал следующие лекционные курсы: «Введение в философию», «Историю древней философии», «Университет. Наука и культура» [14, л.1.]

Во Владивостоке профессор Ершов завершил многие свои научные труды по философии, теории права и истории образования. В философской антологии «Пути развития философии в России». Ершов анализировал систему философского знания и тенденции развития философии в России. Дальнейшее развитие идей «по истории собственно русского философствования» [15, с.22.] было продолжено в статье «Антиинтеллектуалистическое движение в современной философии», [16, с.1-21.] в которой он полемизировал с Владимиром Соловьевым и его идеями, высказанными в магистерской диссертации «Кризис западной философии». [17 С.9]. Ершов очень подробно комментировал философские течения второй половины XIX в.: и находил в них прогрессивный моменты, который заключались в «протесте против одностороннего понимания философии, как особого рода чисто рассудочной конструкции нашего мышления» [18, с.85]

В это же время М.Н. Ершов сделал попытку стать на новый путь богословия и издал текст своей магистерской диссертации, обращаясь к фигуре французского христианского философа, Никола Мальбранша (1638-1715), его идеи об истинном благе человека, о цели жизни человека, которые близки Ершову как философу потому, что завязаны в одном узле – «проблеме человека» [19, с.68]. Так же Ершов концептуально оформил основные положения своей теории культурного развития личности и изложил их в книге «Факторы культурного развития личности. Социально-педагогический аспект», сделав вывод. об истинном назначении культуры – «содействовать росту полной ценного содержания индивидуальности» [20, с. 5].

В сентябре 1919г. М. Н. Ершов был избран и. д. экстраординарного профессора Иркутского университета, но, по техническим причинам прибыть туда не смог. Оставаясь во Владивостоке и,

продолжая, трудится на кафедре философии историко-филологического факультета, он был назначен проректором Дальневосточного Университета [21, с.94.].

Летом 1922г. М.Н. Ершова пригласили в Пекин для чтения лекции на летних учительских курсах. Во Владивосток он уже больше не вернулся.

Недолго поработав в Пекинском государственном университете, М.Н. Ершов переехал в Харбин, который « по праву считался духовным и культурным центром российской диаспоры на дальнем Востоке» [22, с.21].

В городе было много местной и эмигрантской молодежи и, соответственно, Харбинское высшее образование было представлено рядом учебных заведений, в том числе и Юридическим факультетом.

С осени 1926г. М. Н. Ершов был приглашен в это учебное заведение доцентом на кафедру энциклопедии и истории философии. Как следует из доклада декана юридического факультета В.Н.Рязановского «О положении дел факультета за 1926-1927г.г.» круг учебных поручений за доцентом М.Н. Ершовым закреплен следующий: «практические занятия по истории философии права и церковное право» [23, с.353]. Впоследствии он читал и другие лекционные курсы: «История философии права», «Введение в философию», «Народное хозяйство Китая» и «Церковь и Государство в их взаимоотношениях».

Педагогическая деятельность активно переплеталась с плодотворной научной работой и журналистикой: в 1929-1930г.г. Ершов сотрудничал с журналом «Вестник Маньчжурии», издаваемым экономическим отделом КВЖД [24,с.256] За годы, проведенные в Харбине, Матвеем Николаевичем было напечатано около двадцати разнообразных по жанру и сфере научных интересов, работ. Среди них: «О современном культурном кризисе», «Школа и национальные проблемы», «Ценность юридического образования», «Политические идеалы А. Д. Градовского», «Борьба в мире идей», «Школа и умственное движение в современном Китае» и др. В Китае Ершов опубликовал множество статей, обзоров и рецензий на новейшие английские труды по культуре и экономике Китая и стран Тихоокеанского региона [25, с.340].

В контексте эволюции историко-философских и правовых взглядов Ершова несомненный интерес представляет вступительная лекция, прочитанная им в курсе истории философии права на юридическом факультете в Харбине на тему: «Ценность юридического образования в наше время». Красной нитью через все содержание проходит мысль, высказанная известным юристом Л.И. Петражицким о «цивилизирующем» значении права, его роли в социальном прогрессе [26, с.185-186]. Ершов утверждал, что особенно это важно для России: «Для русских — воспитание юридического мышления, вкуса и интереса к праву — условие исторического существования» [27, с.219] К сожалению, констатировал автор, типичная особенность русского национального склада — равнодушие и безразличное отношение к правовым вопросам, отсутствие всякого рода правового чутья и, как следствие, правовой нигилизм.

По-мнению Ершова, право дает человеку определенную меру свободного и автономного существования, побуждает к законности в отношении других, а значит, является частью общей национальной культуры. Он придерживался мнения, что право и закон выступают как великие охранительные силы в жизни человека и стоят на страже созданной им культуры [28].

Матвей Николаевич Ершов проработал на юридическом факультете Харбина практически до конца существования этого учебного заведения (до июля 1937г.), а, далее судьба профессора теряется среди многих тысяч судеб русских эмигрантов, в которых отразились важные грани эпохи..

М.Н. Ершов был не только философом, правоведом, публицистом, но и педагогом, а также ученым, политическим мыслителем, творчество которого еще только предстоит в полной мере исследовать и оценить научному сообществу.

The article is devoted to life and views of the domestic lawyer M.N. Yerшов, whose creativity till now remains forgotten. The works created both in Russia, and in emigration in China are analyzed.

The key words: law, value, law education, philosophy of law, personal autonomy

Список литературы

1. *Публикации, посвященные творчеству Ершова М.Н.*, немногочисленны: см.: Вестник дальневосточного отделения Российской Академии наук. Владивосток, 1992. №3-4; Власенко К.И. История русской философии в интерпретации М.Н. Ершова // Вестник МГУ. Сер.7. Философия. 1992 ..№5. Упоминание о Ершове имеется в историко-философском обзоре Ванчугова В., см.: Ванчугов В. Очерки истории философии «самобытно-русской». М., 1994. С.260-262. Так же: М.Н. Ершов. Проблема богопознания в философии Мальбранша. СПб., 2005

2. *ПОКРОВСКАЯ АРЧАДА (Мокшаны), русское село, центр Покрово-Арчадинского сельсовета, в 24 км к юго-востоку от районного центра.* На 1.1.2004 – 291 хозяйство, 773 жителя. Поселено в верхнем течении Арчады, по-видимому, потомками пахотных солдат Мокшанского уезда (отсюда название Мокшаны). В селе имелся храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы. С середины 19 века – волостной центр Покровско-Арчадинской волости Пензенского уезда, в 1864 здесь 3 маслобойки (делали конопляное масло), 1877 году здесь 242 двора, каменная церковь во имя Покрова Пресвятой

Богородицы (построена в 1817 году), школа, 2 лавки, базар по субботам. В 1894 году построена новая каменная Покровская церковь, работало земское училище

3. *Национальный Архив Республики Татарстан* (далее НА РТ). Ф.10. Оп.1.Д.10775.ЛЛ.429-436

4. *НА РТ*. Ф.10.Оп.1.

5. *Журнал Казанской духовной академии* - «Православный Собеседник» - был основан в 1855 году и стал четвертым из академических и вообще духовных журналов России. Прежде него были основаны только «Христианское Чтение»(1821) - при Санкт-Петербургской духовной академии, «Воскресное Чтение» (1837) - при Киевской и «Творения Святых Отцов» - при Московской духовной академии. Однако, когда издание «Воскресных Чтений» с 1912 года было прекращено, «Православный Собеседник» стал вторым по старшинству из журналов духовного содержания, поскольку издание журнала «Творения Святых Отцов» было прекращено еще в 1891 году, уступив место «Богословскому Вестнику», периодически выходившему в период с 1892 по 1918 год. Сама идея создания научного журнала возникла в 1853 году в связи с открытием при академии миссионерского противораскольнического отделения. Обер-прокурор Святейшего Синода своим письмом от 13 октября 1853 года извещал архиепископа Григория, что Святейшим Синодом решено «поручить Казанской духовной академии, как еще не занятой никаким повременным

6. См.: *Несмелов В.И.* Отзывы о сочинении и.о.доцента Императорской Казанской Духовной академии М.Н.Ершова «Проблема богопознания в философии Мальбранша», представленном на соискание ученой степени магистра богословия. Казань, 1915

7. *НА РТ*. Ф.977.Оп. *Истфак*.

8. *Российский Государственный Исторический Архив*. Ф.733.Оп.226.

9. *Ершов М.Н.* Из истории идеализма нового времени. Гносеология Мальбранша. Сергиев Посад, 1911

10. См. *Ершов М.Н.* Проблема богопознания в философии Мальбранша. СПб, 2005.

11. *Зеньковский В.В.* История русской философии. Л., 1991. Т.2.Ч.1.

12. См.: *Самылов О.В.* Матвей Николаевич Ершов. Еще одна страница русской философии. В книге: М.Н. Ершов. Проблемы богопознания в философии Мальбранша. СПб, 2005.

13. См.: *Отчет о деятельности комитета по учреждению историко-филологического факультета во Владивостоке за первую половину 1918-1919 академического года*// Ученые записки Историко-филологического факультета в г. Владивостоке. Владивосток, 1919. Т.1.Отд.П.Вып.1

14. *Приморский краевой государственный архив (ПКГА)*.Ф.117.Оп.6.

15. *Яковенко Б.В.* История русской философии. М., 2003.

16. *Статья была в основном написана осенью 1917 г. в Казани, и завершена в 1919г.* во Владивостоке. См.: Ученые записки Историко-филологического факультета в г. Владивостоке. // Под ред. Широкогорова С.М.. Владивосток, 1919.Т.1.Вып.1..

17. *Ершов М.Н.* Анти-интеллектуалистическое движение в современной философии // Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке.// Под ред. Широкогорова С.М. Владивосток, 1919. Т.1.

18. *Ершов М.Н.* Анти-интеллектуалистическое движение в современной философии // Философские науки. 1998. №2.

19. *Ершов М.Н.* Этическое учение Мальбранша. Владивосток, 1920.

20. *Ершов М.Н.* Факторы культурного развития личности (социально-педагогический очерк). Владивосток, 1921.

21. *Ученые записки историко-филологического факультета Государственного Дальневосточного университета.* Владивосток, 1920. Т.2.Ч.1.

22. *Из истории философско-эстетической мысли 1920-1930-х годов.* Выпуск 1. *Н.А.Сетницкий*.М., 2003.

23. *Известия юридического факультета.* Т.5.Харбин.1928.

24. *Энциклопедия русской эмиграции* Литературное зарубежье России... Под ред. Мухачева Ю.В. М., 2006.

25. *Известия юридического факультета.* Т.9. Харбин.1931.

26. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909.

27. *Ершов М.Н.* Ценность юридического образования в наше время // Известия юридического факультета. Харбин, 1927. Т.4.

28. См.: *Гинс Г.К.* Русская интеллигенция и наука права // Вопросы школьной жизни. Харбин.1925. № 3

Об авторе

Пономарева В.П. – кандидат педагогических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского pon-vera@yandex.ru

**ВКЛАД «ЛЕВОГО ЦЕНТРА» УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ФРАНЦИИ
1789 – 1791 ГОДОВ В РАЗРАБОТКУ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ**

В.Ю. Салимон

В статье речь идет о вкладе политической группировки – «левый центр» в административно-территориальные преобразования Французской революции. Деятели «левого центра» сделали многое для принципиально нового административного деления страны. При этом они добивались создания исполнительной вертикали, предусматривавшей подчинение королю администраций на местах.

Ключевые слова: Учредительное Собрание, «левый центр», административная реформа, муниципалитеты, департаменты, дистрикты.

Либерально настроенное большинство Учредительного Собрания включало группу депутатов «левого центра», практически не изученную. Она состояла из члена Французской Академии Г.-Ж.-Б. Тарже (1733-1806), известного нормандский юриста, прокурора-синдика провинциальной ассамблеи Ж.-Г. Туре (1746-1794), председателя парижской коллегии адвокатов Ф.-Д. Тронше (1726-1806), публициста Ж.-Н. Деменье (1751-1814). 12 сентября 1789 г. они вошли в состав главного в Ассамблее - Конституционного комитета. Разделяя принципы 1789 г., эти деятели проводили линию, отличную от курса якобинцев Барнава и одновременно от Мирабо. Это характерно и для административной реформы.

Декретами от 4 - 11 августа 1789 г. отменялись привилегии провинций, сеньорий, областей, городов и общин, «как денежные, так и всякие иные» [1, с. 30]. Ассамблее предстояло уничтожить традиционную систему деления Франции на провинции, женералите, бальяжи и учредить новые административно-территориальные единицы.

В Конституанте господствовало две точки зрения относительно территориального переустройства страны. Туре, Тарже, Деменье, Сийес, Барнав считали, что административные преобразования должны иметь рационалистическую, а не унаследованную в силу исторических традиций форму. Во главу угла ставился принцип пространственного детерминизма, благодаря которому социальная организация соответствовала бы территориальному устройству [12, с. 1210]. Пространство, как чистую страницу, предполагалось поделить на равные в административном плане территориальные единицы, относящиеся к целому и подчиняющиеся ему.

29 сентября 1789г. Туре от имени Конституционного комитета представил Собранию доклад об «Учреждении основ пропорционального представительства», согласно которому королевство делилось на 80 департаментов, каждый из которых – на 9 коммун. И каждую коммуну – на 9 кантонов [3, с. 203]. Новое административное устройство уничтожало пережитки раздробленности – внутренние таможи, обычное право, местные выборы. Преобразования способствовали завершению процесса формирования французской нации [2, с. 100]. Туре говорил: «Установить Конституцию для нас означает реконструировать и возродить Государство» [3, с. 654]. Он считал, что способы управления на местах надо упорядочить, руководство коммун, дистриктом и департаментом должно быть единообразным [9, с. 177]. И Тарже полагал, что возрожденная Франция нуждается в новом административном порядке [3, с. 744]. Оба политика отстаивали линию Конституционного комитета, направленную на централизацию, унификацию и униформизацию страны. «Отныне счастье каждого – во всеобщем единении» [3, с. 749] - заявлял Тарже.

Вторая точка зрения была представлена Мирабо и Малуэ, которые исходили из традиционного, исторически обусловленного деления на провинции. 3 и 10 ноября 1789 г. граф говорил, что нельзя делить Францию, как кусок сукна на части, не принимая во внимание привычки, традиции, обычаи, нравы. Он не одобрял территориального равенства департаментов, предложил поделить уже имеющиеся провинции: получалось 120 административных единиц [3, с. 732 – 734]. Малуэ тоже критиковал план комитета, полагая, что невозможно полностью уничтожить провинциальное сознание. Таким образом, они предлагали компромиссный вариант перемен, не порывая совсем с прежним административным делением, обоснованно полагая, что так будет проще для населения и для местных структур.

Традиционалистские идеи Мирабо и Малуэ отражали мнения многих на местах. Идея кардинальных перемен (как и все неизведанное) пугала. Ассамблею буквально наводнили петиции, пронизанные консервативным духом. Демарш протеста отображал желание ряда провинций сохранить иерархию Старого порядка и локальные интересы [12, с. 1204 – 1205]. Но в Собрании возобладала линия Конституционного комитета.

Ассамблея постановила, что количество департаментов будет от 75 до 85. Следующее подразделение получило новое название - дистрикт. Их количество осталось прежним – 9. Организация ад-

министративных ассамблей по плану, предложенному комитетом, а точнее в редакции Туре, была утверждена с незначительными изменениями. Туре различал четыре вида власти: исполнительную, муниципальную, законодательную и судебную. Он полагал, что «муниципальная власть» имеет особую природу и особые задачи. Ее нельзя смешивать с остальными. Национальные власти учреждены в интересах нации в целом, муниципальная власть – в интересах отдельных общин. Сами по себе муниципальные органы не имеют никаких полномочий, касающихся общих интересов управления, но центральная власть может возложить на них, например, распределение податей, контроль над общественными работами и т.д. [3, с. 723 – 728].

11 ноября 1789 г. Тарже полностью поддержал Туре, заявив, что тот прав, считая муниципальные органы власти чем-то особым, отличным от общей администрации королевства. Депутат сравнил органы власти на местах с семьей, которая, проживая в государстве, подчиняясь конституции, вместе с тем, образует особое сообщество, решающее свои проблемы. Домашняя администрация принадлежит отцу семейства. То же самое можно сказать о муниципальных органах власти. В их ведении находится все то, что касается частных интересов городов, бургов, деревень: имущество общины, дороги, общественные работы, больницы, приюты, дома милосердия. Во всех остальных сферах члены муниципальных органов власти – это агенты правительства [3, с. 744 – 749].

Вырисовываются похожие воззрения Туре и Тарже относительно местных органов власти. Оба депутата указывают на их особую природу и задачи. Ряд функций представляет частный интерес общины, в этой связи каких-то особых распоряжений со стороны короля не требуется. Другие дела члены местной администрации решают как агенты правительства, не вмешиваясь при этом в законодательную, судебную, военную сферы.

Деменье, судя по его дальнейшим выступлениям, одобрил предложение Туре «отличать власть муниципальную от властей национальных» [3, с. 758]. 14 марта 1791 г. он говорил Дюпору: «Муниципальная власть находится вне административной сферы (общей администрации королевства – В.С.) и судопроизводства» [6, с. 76]. 26 мая 1791 г. Деменье, как и Тарже, сравнивал муниципалитеты королевства с маленькими семьями, руководящими домашними делами: распределением налогов, поддержанием чистоты. Он делал вывод: «Надо учредить муниципальную власть» [7, с. 473].

Мы видим, что взгляды Туре, Тарже и Деменье явно перекликались. Они выделяли муниципальную власть, осмысливая ее назначение во властной структуре страны. Это способствовало более полному соблюдению принципа разделения властей и укреплению исполнительной власти. Выступая единодушно от имени Комитета, депутаты, фактически, составляли цельную группу – «левый центр». Такое же единение они демонстрировали и по другим принципиальным вопросам.

По замыслу Туре административные ассамблеи являлись уполномоченными исполнительной власти, они не имели представительного характера и не могли принимать никакого участия в законодательной и судебной сфере, подчинялись непосредственно королю как высшему администратору: «Иначе не будет единообразия в исполнительной власти, и монархическое правительство, которое нация собиралась укрепить, дегенерирует в демократию во внутренних частях провинций» [3, с. 206]. Тарже тоже считал необходимым прямое непосредственное подчинение административных ассамблей монарху. Если же произойдет замена короля на законодательное собрание, говорил депутат, то местная администрация станет зависимой от народного представительства. Это будет нежелательное соединение законодательной и исполнительной ветвей власти в руках парламента [4, с. 227]. Тарже и Туре, придерживаясь принципа разделения властей, не могли этого допустить. Они оставляли за властью законодательной только правила и порядок осуществления обязанностей органов местного управления.

В рамках разделения властей судебной власти запрещалось препятствовать местным органам в отправлении своих полномочий. 2 декабря 1789 г. Тарже предложил, чтобы жалобы на муниципальные органы в случае должностных преступлений поступали не напрямую в суды, а сначала на рассмотрение департаментских директорий. Напрасно Мирабо заявлял, что в мире нет власти, способной отнять у гражданина право обжалования нелицеприятных действий чиновников, Собрание постановило принять предложение комитета, решив, что от департаментских директорий будет зависеть передать жалобу на разбирательство в суд или оставить ее без последствий [4, с. 335]. Более того, придерживаясь принципа разделения властей, о котором говорили наши герои, Ассамблея потребовала полного невмешательства суда в действия избираемых органов муниципального и департаментского управления.

Муниципалитеты, созданные в каждом бургe, городе, приходе и коммуне, обладали двойной сущностью. В административно-национальном плане они представляли последнюю ступень иерархической пирамиды, обладали атрибутами управления, осуществляемого под контролем департаментов при посредничестве дистриктов. Вместе с тем, располагая широкими полномочиями в плане местной администрации, они являлись автономной сущностью. Причем, эта амбивалентность постоянно присутствовала в политической и административной практике провинций во время революции: коммуна

поднимала свои частные интересы и демонстрировала волю маленькой части нации, которую она представляла, как семья, как ассоциация. Вместе с тем, являясь структурным элементом, основой нации, она была вынуждена управлять коллективными делами в государственных масштабах (*dans un espace publique*) [11, с. 56]. Конституционалисты не считали муниципалитеты, реализовывавшие локальные интересы общины, частью государственного порядка. Департаменты и дистрикты, напротив, принадлежали исключительно государственной организации. Это мешало связи между центральной и местной администрациями, так как верховная власть контролировала только одни органы управления, а другим позволяла действовать самостоятельно [10, с. 296]. И действительно, государство осуществляло вертикальный контроль: исполнительная власть в лице короля и его агентов над департаментами, департаменты над дистриктами, дистрикты над муниципалитетами. Причем, каждая вышестоящая власть обладала правом, как одобрить, так и аннулировать решения нижестоящих органов. Но, справедливости ради, стоит сказать, что двойственность присутствовала и в отношениях между высшей административной властью и советами и директориями департаментов. Последние наделялись правом, кстати, отнятым у короля, контролировать фискальные сборы, а также решать дискуссионные вопросы, касающиеся выборов. Наконец, за ними оставалось последнее слово при решении споров на местном уровне. Одновременно эти полномочия принадлежали и законодательному корпусу. Это не только ослабляло королевскую власть, но и нарушало принцип разделения властей.

Закладывая основы конституционной монархии, взяв за основу принцип выборности вместо назначения, а также, следуя теории разделения властей, Туре и Тарже пытались покончить со старой системой управления. Отсюда их требования замены единоличного правления интенданта на коллективное управление местной администрации, прямого назначения чиновников королем на народные выборы. Но исчезновение интендантов и их подчиненных лишило исполнительную власть самого действенного и эффективного средства контроля за местной администрацией. Прокуроры, прокуроры-синдики и генеральные прокуроры, которых Туре поместил рядом с членами местных органов управления, чтобы защищать интересы коммун и следить за исполнением законов, не могли претендовать на то, чтобы представлять исполнительную власть. В реальности сущность интендантства переместилась к выборным администраторам и правлению департаментов. Согласно постановлению от 20 августа 1790 г., они согласовывались с министерством и становились посредниками между исполнительной властью, дистриктами и муниципалитетами. Лишенные прямого и непосредственного контроля, члены департаментского правления являлись обязательными партнерами центральной власти и единственной высшей властью над дистриктами и муниципалитетами, что, впрочем, не мешало последним превышать свои полномочия. В 1790 г. в «Систематической Энциклопедии» сообщалось, что новые муниципалитеты обладают гораздо большей властью, чем предыдущие, и допускают огромное количество злоупотреблений. Под предлогом устава для полиции они делают законы. И, что совсем не допустимо, «каждый муниципалитет считает себя Нацией» [13, с. 136].

Отношения между исполнительной властью и местными администрациями обострились, когда конституционалисты решили доверить монарху право самому назначать королевских комиссаров в департаменты с тем, чтоб те организовывали и контролировали учреждение выборных и административных ассамблей. Многие департаменты и муниципалитеты отказывались от контроля центральной власти над выборами. Игнорируя короля и его агентов, местные администрации зачастую связывались напрямую с Собранием, чтобы достать декреты и инструкции, пожаловаться на министров [10, с. 298]. Это подрывало исполнительную вертикаль.

2 марта 1791 г. Деменье, характеризуя ситуацию в стране, особо подчеркнул, что многие муниципалитеты и администрации дистриктов превышают свои полномочия, оказывают сопротивление высшей власти. Письмами, постановлениями и размышлениями они провоцируют необоснованные выпады в адрес центральной власти: «Это нарушает принципы представительного правительства и ведет прямо к анархии» [5, с. 631]. Деменье предложил вынести постановление о предоставлении королю и министрам права приостанавливать полномочия административных ассамблей [8, с. 441] и о том, что «законодательный корпус никоим образом не должен вмешиваться в борьбу, которая может возникнуть между директориями и министрами» [8, с. 442]. Мы видим, что он выступал за укрепление королевской власти, за реальное существование и роль исполнительной власти и исполнительной вертикали. Чего нельзя сказать о Барнаве. 4 марта 1791 г. лидер парламентской «левой» утверждал: «Огромная опасность, которая угрожает Конституции – допустить какую бы то ни было согласованность, слаженность, договоренность исполнительной власти с директориями или с советами департаментов» [5, с. 665]. Предложения и действия Барнава лишали королевскую власть важнейших рычагов управления; ставили под удар режим конституционной монархии.

Итак, Деменье, разделял взгляды Туре и Тарже о беспрекословном подчинении ассамблей центральной власти. Его желание укрепить исполнительную вертикаль демократическая пресса при-

няла в штыки. Так в «Парижских революциях» сообщалось: «По мнению Деменье, получается, что 40 тыс. муниципалитетов, 5 – 6 сотен дистриктов, 83 департамента формируют массу врагов общественного блага, коалицию деспотов, и, напротив, министры и их приближенные являются безупречными патриотами, друзьями свободы, справедливыми и добропорядочными администраторами» [8, с. 439]. На наш взгляд, выпады популярной газеты не были обоснованными. Своенравность независимых муниципалитетов задевала принципы представительного правительства, и единообразия в исполнительной власти уже не наблюдалось. Местные администрации не доверяли королю и министрам, предпочитая решать вопросы с Национальной Ассамблеей. А это - уже нарушение принципа разделения властей. Случилось то, о чем предупреждали Тарже и Туре - местная администрация стала зависимой от народного представительства, произошло соединение законодательной и исполнительной ветвей власти в руках парламента. «Только равновесие властей – короля и законодательного корпуса, говорил Деменье в марте 1791 г., – обеспечит права граждан и свободу» [5, с. 635]. «Левый центр» выступал за разделение властей, депутатам оставалось теперь укреплять слабую исполнительную власть, чтобы демократия на местах не переросла в анархию. Барнав задумается об этом только после бегства короля в Варенн.

Итак, Туре, Тарже и Деменье приняли главное участие в политико-административной реорганизации Франции. Они обнаруживали схожие мнения, оказывали друг другу взаимную поддержку во время дебатов. Так, они выступили за коренные преобразования в области административно-территориального устройства, за передел «по-новому», за унификацию, противопоставили общенациональный этатизм (единение в масштабах государства) локальному партикуляризму (местным правам, особенностям, интересам). В этой связи адвокаты полемизировали с приверженцем «провинциального духа» Мирабо. Стремясь более полно реализовать принцип разделения властей, наши герои говорили о существовании особой «муниципальной власти», представляющей частные интересы общины. Они настаивали на беспрекословном подчинении промежуточных ассамблей исполнительной власти в лице короля и на необходимости укреплять эту власть.

The article deals with the contribution of the political group «the left centre» into administrative and territorial transformation of the French revolution. The members of «the left centre» have done a lot for the principally new administrative division of the country. In doing so, they tried to create the executive vertical line providing the submission to the king by the local administrations.

The key words: National Constituent Assembly, «the left centre», administrative reform, municipalities, departments, districts.

Список литературы.

1. Документы по истории Великой Французской революции. Т. I. – М., 1990. – С. 528.
2. Манфред А.З. Великая Французская революция XVIII века. – М., 1956. – С. 285.
3. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Sèr. 1. – P., 1877. – Т. IX. – P. 796.
4. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Sèr. 1. – P., 1878. – Т. X. – P. 812.
5. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Sèr. 1. – P., 1886. – Т. XXIII. – P. 796.
6. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Sèr. 1. – P., 1886. – Т. XXIV. – P. 769.
7. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Sèr. 1. – P., 1886. – Т. XXVI. – P. 796.
8. Révolutions de Paris. №87. Du 5 au 12 mars 1791. – P. 56.
9. Le barreau moderne, français et étranger. – P., 1882. – P. 529.
10. Gauthier B. Les relations entre le pouvoir central et les administrations locales sous la monarchie constitutionnelle (1789-1792) // L'administration territoriale de la France (1750 – 1940). Actes du colloque d'Orléans (30 septembre, 1 et 2 octobre 1993). – Orléans, 1998. – P. 671.
11. Mazauric C., Dupuy P. Espace communal, espace politique, espace publique á Rouen: 1789 – An IV // L'administration territoriale de la France (1750 – 1940). Actes du colloque d'Orléans (30 septembre, 1 et 2 octobre 1993). – Orléans, 1998. – P. 671.
12. Ozouf-Marignier M.-V. De l'universalisme constituant aux interest locaux: le débat sur la formation des departments en France (1789-1790) // Annales Economies, Sociétés, Civilisations. 1986. №6. – P. 250.
13. Vié J.-L. L'administration locale de la France // L'administration territoriale de la France (1750 – 1940). Actes du colloque d'Orléans (30 septembre, 1 et 2 octobre 1993). – Orléans, 1998. – P. 671.

Об авторе

Салимон В.Ю. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, VictoireS@mail.ru

УДК – 947.0843БР

**АНТИСОВЕТСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА БРЯНЩИНЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ КОЛЛЕКЦИИ БРЯНСКОГО ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

А.А. Шувалов

На Брянщине в период гражданской войны проходили те же политические и социально-экономические процессы, что и в других регионах. Несмотря на то, что Брянщина не была в центре боев гражданской войны, положение было крайне не стабильным, характеризовавшееся крестьянскими антисоветскими выступлениями, вооруженными восстаниями анархистов, массовым дезертирством из Красной Армии и волнениями красноармейцев. Данная статья - это попытка детализировать данную проблему, показать всю сложность и напряженность ситуации в регионе в период гражданской войны. Так, к осени 1920 г. Советская власть победила в политическом, идеологическом отношении, и война была в основном завершена. Но состояние в Брянском крае характеризовалось напряженной социальной обстановкой. В 1921 г. широкое распространение получил бандитизм, и говорить о мирной, благополучной жизни на Брянщине было еще рано.

Ключевые слова: гражданская война; антисоветские выступления; вооруженные восстания анархистов; дезертирство; волнения красноармейцев; Брянщина.

Свершившаяся Октябрьская социалистическая революция, начало гражданской войны, германское наступление в феврале 1918 г., оккупация немецко-австрийскими войсками большей части Белоруссии и Украины, поставили западнорусское крестьянство раньше других регионов в ситуацию выбора и необходимости определиться в своём отношении к Советам. На проходивших в эти дни сельских сходах, митингах, съездах крестьяне, получившие от новой власти землю откликаясь на патриотический призыв советского правительства «защитать каждую позицию до последней капли крови» выражали готовность с «оружием в руках» защищать советскую власть. Так, 18 марта 1918 г. крестьяне с. Каташин Новозыбковского уезда Черниговской губернии приняли в ответ на воззвание уездного Совета «Об организации отпора немецким оккупантам» резолюцию «О защите завоеваний революции и вступлении в Красную Армию», в которой говорилось о готовности «всеми силами защищать русскую революцию». [1, с. 79]

Отмечая поддержку большинством крестьянства советской власти, надо сказать, что в регионе имели место и антисоветские выступления. Весной и летом 1918 г. была введена хлебная монополия, в деревню направлялись продовольственные отряды. Кулаки и имевшие продовольственные излишки середняки, объективно заинтересованные в свободной торговле, оказывали упорное сопротивление изъятию излишков хлеба. Именно этими обстоятельствами был вызван декрет ВЦИК и СНК от 11 июня 1918 г. «Об организации и снабжении деревенской бедноты», согласно которому создавались сельские и волостные комитеты бедноты. В результате черного передела земли, введения комбедов, продразверстки среднее крестьянство летом 1918 г. от нейтралистских позиций открыто переходит в лагерь контрреволюции. Еще весной (31 марта) 1918 г. в день открытия уездного съезда Советов во Мглине, в связи экономическими трудностями нарастало недовольство народных масс, которое принимало крайне острый характер. Этим воспользовались кулаки, бывшие офицеры, торговцы, сумевшие направить народное недовольство против советской власти. В результате вооруженного бунта толпой был убит председатель Мглинского уездного совета П.Б. Шимановский (причем издевательства продолжались и над его тупом). Восставшие разбили склад с винтовками, а затем разгромили Совет. Восставших (отряд самообороны) возглавили бывшие офицеры (штабс-капитан Н. и подпоручик К.). Мятеж был подавлен прибывшим на следующий день из Унечи красногвардейским отрядом. Руководители восстания бежали. [2, с. 3-5]

Летом 1918 г. антисоветские восстания произошли в Сураже, Погаре, Стародубе, и в ряде селений Орловской и Курской губерний. В их подавлении участвовал Первый революционный полк имени В.И. Ленина до 4 августа 1918 г. охранявший демаркационную линию. [3, С. 89, 18, 230] Также восстания против советской власти были отмечены в Брасово, в селе Селечня Севского уезда и ряде других мест. Одновременно с изыманием излишков хлеба у крестьян проводились конфискации и выселение из имений их бывших владельцев. Основная часть помещиков заняла враждебную позицию по отношению к новой власти. Некоторые из них стали организаторами антисоветских сил в деревне, а зачастую и разбойничьих банд. Так, например, во главе мятежа в г. Гжатске Смоленской губернии осенью 1918 г. стояли помещик Булгаков, лесопромышленник Сахароз, бывшие офицеры - Попов, Филиппов. Город находился в руках мятежников более двух суток. [4, С. 94] В целом же крестьянские мятежи, несмотря на их значительное количество, носили локальный и кратковременный характер.

С началом гражданской войны политические разногласия стали перерастать в вооруженные столкновения. 11 марта 1918 г. восстали красноармейцы воинских частей Полесской слободы в г. Брянске, пово-

дом для чего послужили плохое питание и отсутствие обмундирования. Начался погром складов и грабеж мирных жителей. В предмайские дни 1918 г. состоялись выступления анархистов в Брянске и Бежице. В Карачеве их отряд занял здание милиции и наложил на город контрибуцию. В Брянске в мае 1918 г. были спровоцированы еврейские погромы. [5, с. 99]

В конце августа – начале сентября 1918 г. уисполком совместно с бежецкими большевиками и Всероссийской Чрезвычайной Комиссией организовал энергичную борьбу с контрреволюционными элементами на Брянщине. На одном из заседаний Брянского комитета РКП(б) председатель уездной ЧК А.Н. Медведев доложил о готовящемся мятеже анархистов. Партия анархистов занимала в Брянске несколько зданий, штаб ее находился в доме генерала, бывшего начальника арсенала на Покровской горе. По сведениям, поступившим в ЧК, несколько вооруженных групп анархистов собирались захватить здание Совета, банк, почту и телеграф, освободить содержавшихся в тюрьме контрреволюционеров и провозгласить на Брянщине анархическую республику. Мятеж был предупрежден, а анархисты арестованы. [6, с. 208, 225, 76]

К концу 1918 года негативные настроения населения не изменились. Осенью 1918 г. в крае прокатилась волна восстаний дезертиров (в основном бывших крестьян). Они были в Кокино, Севске, Брасово. Восставшие выступали под лозунгами «Долой Советскую власть!» или «Советы без коммунистов». В начале 1919 г. крестьянский мятеж вспыхнул в Велико-Топальской и Лакомобудской волостях Новозыбковского уезда. Протестовали крестьяне против продразверстки и деятельности продотрядов. Недовольство среди горожан было связано с острой нехваткой продовольствия, а среди солдат — еще и с отсутствием обмундирования. В марте 1919 г. в Брянске вновь вспыхнуло восстание солдат, расквартированных в Полесской слободе. В нем приняло участие более 7,5 тысяч красноармейцев. Восставшие соединения в значительной части состояли из пойманных дезертиров. Восставшие убили комиссара одной из бригад и открыли огонь из орудий. Одновременно произошло восстание жителей села Городище, расположенного между Брянском и Бежицей. Рабочий Коммунистический отряд совместно с ЧК ликвидировал эти выступления. В их подавлении большую роль сыграл И.И.Фокин. [7, с. 101, 105]

В апреле 1919 г. п. Клинцы объявлялся на осадном положении, а весь Суражский уезд на военном положении, в связи с усилением контрреволюционной агитации. В приказе говорилось: «6) За всякое распространение провокационных слухов и за противосоветскую агитацию виновные будут арестовываться. А при сопротивлении расстреливаться на месте. 8) предупреждаю граждан в *последний раз* и снимаю с себя всякую ответственность (начальник гарнизона, Суражский уездный комиссар Фещенко) за пролитие крови при неисполнении настоящего приказа считаю своим долгом предупредить, что еще одна малейшая контрреволюционная попытка повлечет за собой массовые расстрелы». [8]

Не внушали симпатии жителям Брянского края методы работы и поведение ответственных советских работников и красноармейцев. Так, например, ввиду поступления заявлений о грубом обращении в отделах заведующих, секретарей и служащих с посещающими по разным надобностям гражданами, от 12 сентября 1918 г. выходит указание президиума уездного исполкома Брянского Совета которое предлагает обращаться со всеми гражданами корректно, вменив это в обязанность всем служащим своих отделов. [9, с. 127] «По заявлению граждан и ответственных советских работников, части войск гарнизона п. Клинцов производят опустошение огородов, садов, ломают заборы, забирают дрова, конфискуют лошадей и повозки, самочинно выселяют граждан из квартир, причем на протесты отвечают грубостью. Кроме того, части расквартированные в школах п. Клинцов, не считаясь с ценностью школьного имущества, уничтожают таковые, сжигая вместо топлива. Вопреки приказа по гарнизону п. Клинцов о прекращении бессмысленной стрельбы, таковая до сих пор не прекращается, а также повторяются случаи блуждания по городу одиночных красноармейцев в нетрезвом виде». [10] Все это говорит об отсутствии достаточной дисциплины в частях гарнизона, и малой бдительности командного состава и комиссаров частей. В связи с этим приказом № 96 от 16 сентября 1919 г. объявлялось, что к виновным будут применены самые суровые меры наказания вплоть до предания суду военно-революционного трибунала. Товарищ Антонов в своем докладе «Текущий момент, жизнь уезда» (имеется в виду Карачевский уезд) на общем собрании членов уездной партийной организации в июле 1919 г. говорил о том, что «те, кто полгода тому назад приступали вместе с ним к созидательной работе в уезде, помнят, с какой вакханалией произвола и злоупотреблений им пришлось столкнуться на первых порах. Помнят «вылазки в деревни» «природных» или «самых настоящих», как они сами себя называли, коммунистов с револьверами, налетавших на деревню, устраивавших облаву на сало, ветчину, хлеб, и грозными криками вырывавших нужную резолюцию. Помнят, как население городов и уездов, шарахалось от бряцавших оружием «партийных». [11, с. 203]

В июне 1919 г. в связи с ухудшением обстановки на фронтах гражданской войны в постановление Совета рабоче-крестьянской обороны объявлялись меры наказания к лицам уклонявшимся от призыва в армию. Грозил наказанием вплоть до высшей меры. «4) В числе прочих мер на уклоняющихся и дезертиров налагалось: конфискация всего имущества или части его; лишение на всегда или на время земельного надела. 5) Такие же меры могут применяться к укрывателям дезертиров. 6) Семьи дезертиров, укрыватели могут приговариваться к выполнению работ в хозяйствах красноармей-

цев, могут налагаться повинности по общественным работам (подводная повинность, дорожные работы и т.п.). 7) На семьи дезертиров и укрывателей могут налагаться денежные штрафы». [12] Члены семей дезертиров в качестве заложников могли быть отправлены в концентрационные лагеря. Несмотря на жесткие меры наказания, дезертирство и уклонение от мобилизаций было массовым. Мобилизации проходили с трудом не только среди сельского населения, но даже среди рабочих. В Суражском уезде 4 сентября 1919 г. ввиду не явки мобилизованных членов профессиональных союзов была сорвана отправка. *«Последний раз приказываю всем членам Профессиональных союзов, признанных медицинской комиссией годными, явиться 6 сентября в 10 часов утра на пересыльный пункт уездвоенкома без всяких опозданий. Неявившиеся будут объявлены дезертирами и привлечены к ответственности. Никакие мотивы просрочки во внимание приниматься не будут»*. [13]

В марте 1919 г. на VIII съезде РКП (б) партией был провозглашен курс на союз со средним крестьянством. Следует признать своевременность изменения советской политики в отношении среднего крестьянства. Осенью 1919 г. в ходе наступления Добровольческой армии генерала А.И.Деникина на Москву был взят г. Орёл. Южная часть Орловской губернии оказалась в эпицентре одного из наиболее опасных фронтов гражданской войны. Крестьянству Орловской губернии пришлось воочию убедиться, что его ждет в случае победы контрреволюции. Проводивший политическое и экономическое обследование южных волостей Орловского уезда инструктор-ревизор Андриянов после отступления деникинцев писал: «В Никольской волости... политическое настроение всех граждан резко изменилось в пользу Советской власти... Здесь... с населением расправлялись по всем правилам белой банды, граждан обдирали с ног до головы днём и ночью, даже сельские старосты поплатились полушубками... взламывались все замки с амбаров, и забиралось по-ложительно всё, зверски расправлялись с коммунистами...». [14, с. 83] «Крестьяне теперь не говорят «красные» и «белые», а просто «наши» и «Деникин». [15, с. 105] Таким образом, отмечался решительный переход крестьянства занятых территорий на сторону Советской власти.

Но к 1920 – началу 1921 г. недовольство крестьян продразверсткой («выкачкой продовольствия из деревни» по выражению самих крестьян) стало особенно сильным, что явилось причиной экономического кризиса весны 1921 года. [16, с. 89-90] Так, 22 марта 1920 г., на почве реквизиции излишков продовольствия для Красной Армии, принудительной закупки лошадей, усиленной борьбы с дезертирством и проведения трудовой мобилизации, в Романовской волости Мглинского уезда, вспыхнуло восстание. Организованные толпы крестьян оказали сопротивление продотряду, сопровождая отряд насмешками и угрозами по адресу местных советских работников. На другой день восстание вспыхнуло в Костенеческой волости, где собрались вооруженные, чем попало жители, созданные набатом из соседних сел и деревень. Местная красноармейская рота отказалась принимать участие в подавление восстания и перешла на сторону повстанцев. Восстание грозило распространиться по всему уезду. Мглинский уезд был объявлен на военном положении, и во Мглине был организован военно-оперативный штаб. Восстания были подавлены и часть зачинщиков была расстреляна на месте отрядом 16 армии. Также были взяты заложники от деревень. Губчека приговорила 17 человек к разным сроками (от 1 до 5 лет) в Смоленский концентрационный лагерь. [17]

Таким образом, к началу 1921 г. состояние в Брянском крае характеризовалось напряженной социальной обстановкой. Крестьянство выражало недовольство сельскохозяйственным налогом. В 1921 г. широкое распространение получил бандитизм. Недостатки в организации работы органов власти также осложняли обстановку. Постепенное успокоение в деревни началось лишь с весны 1921 г. с введения НЭПа, в рамках которой произошла замена продразверстки на продналог.

На Брянщине в период гражданской войны проходили те же политические и социально-экономические процессы, что и в других регионах. Несмотря на то, что Брянщина не была в центре боев Гражданской войны, положение было крайне не стабильным, характеризовавшееся крестьянскими антисоветскими выступлениями, массовым дезертирством из Красной Армии и волнениями красноармейцев. Так, только в Брянске с марта 1918 г. по март 1919 г. было четыре вооруженных выступления. К осени 1920 г. Советская власть победила в политическом, идеологическом отношении, и война была в основном завершена. Но о мирной и благополучной жизни было еще говорить рано.

In Bryansk region there were the same political, social and economical processes as in other regions during the Civil War. In spite of Bryansk region was not in the centre of Civil battles the situation was unstable and there were a lot of anti-soviet peasant uprisings, disturbances of Red Army men, mass desertion from Red Army and armed revolts of anarchists. The article is an attempt to detail this problem, to demonstrate the complication and tension of the situation in Bryansk region during the Civil War. In the autumn 1920 the Soviet power won ideological and political battle. The war has finished. But in Bryansk region the social situation was unstable. In 1921 thuggery was over spread. And it was too early to talk about peaceful and wealthy life in Bryansk region.

The key words: Civil War, anti-Soviet revolutionary actions, armed revolts of anarchists, desertion, disturbances of Red Army men, Bryansk region.

Список литературы

1. Малащенко А.А. Политическая культура крестьянства западных губерний центра России в 1917-1920 гг. (на материалах Брянской, Калужской, Орловской, Смоленской областей). Страницы прошлого Брянского края [Текст] / А.А. Малащенко. Брянск, 1998. С. 76-87.
2. Большевики в северных уездах Черниговщины. (Из донесения Черниговскому губернскому коменданту). // Черниговская земская газета. № 31-31. 20 апреля – 27 апреля 1918 г. Документы по Гражданской войне на Брянщине 1918 г. Из фондов Брянского областного краеведческого музея.
3. Колосов Ю.Б. В борьбе с немецкими оккупантами в 1918 году. За родную землю [Текст] / Ю.Б. Колосов. Брянск, 1968. С. 85-96; Колосов Ю.Б. Подлинно интернациональный полк. Брянский краевед. Выпуск 5 [Текст] / Ю.Б. Колосов. Брянск, 1973. С. 14-20; Плечом к плечу. Сборник документов о боевом содружестве трудящихся Брянской, Гомельской, Черниговской областей в годы гражданской (1918 – 1920 гг.) и Великой Отечественной (1941 – 1945 гг.) войн. Приокское книжное издательство, 1972. 263 с.
4. Яценко С.В. Советская власть и помещик (1917-1927 гг.) (на материалах Орловской и Смоленской губерний). Страницы прошлого Брянского края [Текст] / С.В. Яценко. Брянск, 1998. С. 88-99.
5. Горбачев О.В., Колосов Ю.Б., Крашенинников В.В., Лупоядов В.Н., Тришин А.Ф. История Брянского края. XX век [Текст] / О.В. Горбачев, Ю.Б. Колосов, В.В. Крашенинников, В.Н. Лупоядов, А.Ф. Тришин. Клинцы, 2003. 450 с.
6. Иванюта А. Большевики Брянска в борьбе за упрочнение советской власти. Октябрь на Брянщине. Сборник документов и воспоминаний [Текст] / А. Иванюта. Брянск: Издательство «Брянский рабочий», 1957; Панков Г. Первый год советской власти в Брянском уезде. Октябрь на Брянщине. Сборник документов и воспоминаний [Текст] / Г. Панков. Брянск: Издательство «Брянский рабочий», 1957; Щербаков Д., Школьников Л. Игнат Фокин [Текст] / Д. Щербаков, Л. Школьников. Тула: Приокское книжное издательство, 1967. 94 с.
7. Горбачев О.В., Колосов Ю.Б., Крашенинников В.В., Лупоядов В.Н., Тришин А.Ф. Указ. соч.
8. Приказ № 22 по гарнизону п. Клинцы и Суражскому уезду от 26 апреля 1919 г. (фотодокумент). Из фондов Брянского областного краеведческого музея.
9. Указание президиума исполнительного комитета Брянского районного Совета всем отделам исполкома о корректном обращении с посетителями. Октябрь на Брянщине. Сборник документов и воспоминаний. Брянск: Издательство «Брянский рабочий», 1957. 270 с.
10. Приказ № 96 по гарнизону п. Клинцов от 16 сентября 1919 г. (фотодокумент). Из фондов Брянского областного краеведческого музея.
11. Трошина Л.Г. К вопросу об организационной работе в брянской деревне членов РКП(б) в годы гражданской войны. Из истории Брянского края [Текст] / Л.Г. Трошина. Брянск, 1995. С. 203-205.
12. Постановление Совета рабоче-крестьянской обороны от 3 июня 1919 г. (фотодокумент). Из фондов Брянского областного краеведческого музея.
13. Приказ № 84 Суражского Уездного Комиссариата по военным делам от 4 сентября 1919 г. (фотодокумент). Из фондов Брянского областного краеведческого музея.
14. Малащенко А.А. Указ. соч.
15. Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи [Текст] / Г.К. Орджоникидзе. М., 1956.
16. Филимонов В.Я., Журов Ю.В., Будаев Д.И. История крестьянства западного региона России 1917-1941 [Текст] / В.Я. Филимонов, Ю.В. Журов, Д.И. Будаев. Калуга: Издательство Н. Бочкаревой, 2002. 336 с.
17. Дела минувших дней. // Полеская Правда. - № 141. 12 ноября 1920 г. Документы по Гражданской войне на Брянщине 1919-1920 гг. Из фондов Брянского областного краеведческого музея.

Об авторе

Шувалов А.А. – кандидат исторических наук, старший лейтенант милиции, преподаватель Брянского филиала Московского университета МВД России.

ФИЛОСОФИЯ

УДК – 009

СТЕРЕОТИПЫ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ

В.Г. Боровикова

Статья посвящена анализу некоторых аспектов межкультурной коммуникации. Исследуются проблемы формирования и роли стереотипов в процессе культурной перцепции. Проведен сравнительный анализ эндостереотипов и экзостереотипов, показана их опосредованность спецификой ментальности.

Ключевые слова: культура, стереотип, эндостереотип, экзостереотип, культурная перцепция, межкультурная коммуникация.

Мир культуры является результатом межкультурного взаимодействия различных народов как носителей самобытных культур. Ни одна страна мира не может гармонично развиваться без контактов с социокультурным опытом других народов. Коммуникация является важнейшим условием существования, развития и усвоения культуры. Именно коммуникация способствует трансляции ценностей, идей, знаний, аккумуляции информации, координированию совместной деятельности людей.

В эпоху активизации межкультурных контактов, совершенствования информационных технологий, процессов глобализации представляется актуальным исследование проблем межкультурной коммуникации как совокупности разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащих к разным культурам. Целью межкультурной коммуникации является не только оптимизация и эффективность обмена информацией, но и адекватное ее понимание, рост взаимопонимания между людьми. Понимание является сложным процессом интерпретации информации, в процессе которого не только усваивается необходимый минимум информационных единиц, но и идет также их осмысление, формируется новая мысль.

Культурная перцепция – восприятие мира чужой культуры, ее ценностей, норм, традиций, образа жизни, многообразия культурных форм и феноменов. В процессе перцепции люди оценивают представителей других культур и их культурный мир с позиции исходных установок и эталонов родной культуры, которая задает определенную программу восприятия, познания и оценки мира, что неизбежно способствует формированию стереотипов.

Термин «стереотип» был впервые введен в науку американским ученым У. Липпманом в 20-е гг. XX века. Проблема анализа сущностных характеристик стереотипов и их роли в познании мира нашла широкое освещение в многочисленных исследованиях психологов, социологов, антропологов. Стереотипы аккумулируют предшествующий опыт, помогают обрабатывать информацию и адаптироваться к новым обстоятельствам, формируют определенный алгоритм действий, консолидируют людей, разделяющих определенную систему ценностей и взглядов на мир. Стереотипизация мышления удовлетворяет психическую потребность человека в экономии познавательных усилий, формируя, по сути дела, готовые ответы и поведенческие модели. Формирование стереотипов является результатом многократного повторения в сознании людей определенных образов, когнитивных схем, ценностных доминант.

В то же время стереотипы формируют упрощенный, схематичный, статичный взгляд на мир, который отличает субъективность, эмоциональность, предсказуемость, игнорирование всей полноты информации, отсутствие аналитической оценки, нежелание или неумение адекватно воспринимать другие культуры и уникальность человеческой личности, формирование предрассудков.

Стереотипы культурной перцепции находят яркое выражение в процессе межкультурной коммуникации. Их формирование связано с особенностью инкультурации и социализации, уровнем культурной компетенции, пространством медиакультуры, личным опытом человека.

Принадлежность к культуре диктует определенные исходные установки, на основе которых осуществляется коммуникация с представителями других культур. У человека формируются ментальные репрезентации представителей других культур даже при отсутствии личного опыта общения с ними.

Для культурной перцепции характерна интерференция, т.е. перенос собственного культурного опыта на восприятие новых культурных реалий и феноменов. Стереотипы связаны с конвергентным мышлением, для которого характерно сохранение в сознании заранее данного стандарта, объяснение нового через призму известного. Психофизиологический процесс восприятия одинаков для всех людей, однако, идентификация и интерпретация ощущений и информации детерминированы спецификой культуры.

Обработка новой информации идет через следующие механизмы – категоризацию, атрибуцию, абстрагирование, фильтрацию, упрощение, ассоциирование, комбинирование, реорганизацию, расстановку акцентов, заполнение пробелов, интерпретацию.

Уровень стереотипизации мышления связан с такими факторами как культурная идентичность, образование, воспитание, компетентность, мировоззрение, глубина погружения в чужую культуру, личный опыт общения с представителями другой культуры и индивидуальные особенности человека

Склонность оценивать чужую культуру с позиции исключительно своей собственной называется этноцентризмом. Существуют эндостереотипы, в которых находит выражение понимание мира

родной культуры и экзостереотипы, отражающие систему представлений одной культуры о другой. Наиболее ярко они находят свое выражение в этнических стереотипах как квинтэссенции культуры.

Этнопсихолог А.А.Налчаджян выделяет положительные, отрицательные и амбивалентные этнические стереотипы [1,с.208-209]. Автостереотипы, как правило, отличаются комплиментарностью, позитивной оценкой. Гетеростереотипы более критичны, их отличает эмоциональность, аффективность, опора на опыт межкультурного взаимодействия предыдущих поколений, фильтрация информации, соответствующей определенным ценностям и взглядам, акцентирование внимания на феноменах, значительно отличающихся от родной культуры, игнорирование нюансов, тяготение к крайностям. Обычно гетеростереотипы бывают или очень позитивными, или, наоборот, крайне негативными.

Во многих языках слово «иностранец» обладает негативным смыслом. Например, китайское слово Ян шуэй, выражающее понятие «иностранец», в дословном переводе обозначает «заморский черт». И даже в английском языке слова «иностранный», «иностранец» обладают такими семантическими оттенками как чужой, чуждый, инородный. Поэтому англичанин, находясь даже за рубежом, не будет называть себя этим словом.

Анализ культурных стереотипов предполагает использование комплекса исследовательских подходов. В первую очередь, следует выявить особенности картины мира и ментальных установок, поскольку именно они задают призму, через которую человек воспринимает мир. Механизмы апперцепции, характерные для менталитета, способствуют формированию разных образов реального мира, заставляют видеть одно и упорно не замечать другое.

Ментальность народа находит свое выражение в языковых концептуализациях. Язык является зеркалом культуры, отражает мироощущение и опыт народа, социально значимую информацию, ценностные установки, модели поведения. Данная проблема активно исследуется в работах отечественных ученых [2].

Следует обратить внимание на анализ концептосферы, фразеологии, паремнологического фонда языка, фреймов, скриптов, лакун как моделей отражения культурных стереотипов.

Представляют интерес лингвокультурологические, психолингвистические и социологические методы исследования механизмов перцепции этнических культур. Рассмотрим результаты анализа автостереотипов, которые по мнению респондентов, наиболее характерны для русского человека. На основе контент-анализа были выведены характеристики модального типа личности. Социологическое исследование проводилось в 1997-1998 годах среди жителей Петербурга. Образ русского включил следующие качества – добрый, терпеливый, гостеприимный, ленивый, дружелюбный, с широкой душой, доверчивый, открытый, пьющий [3, с.224]. Следует заметить, что русский автостереотип тяготеет к амбивалентности. Так, многие респонденты указывали такие черты как неискренность, непостоянство, непорядочность, халатность, бестактность, завистливость, закомплексованность, пассивность, паразитизм. Однако, эти перечисленные выше черты относятся не к ядру, а периферии когнитивных признаков автостереотипа.

Результаты других исследований показывают сходство подобных эндостереотипов. Так, например, в монографии О.А. Леонтовича приводятся следующие черты русских – добрые, дружелюбные, умные, красивые, веселые, простые, озабоченные, открытые, ранимые, грустные, потерянные, загадочные [4,с.244].

Заслуживает внимания опыт десятилетнего лингвокультурологического эксперимента по выяснению культурной картины США и России у студентов МГУ им. М.В. Ломоносова. С.Г. Тер-Минасова проанализировала динамику стереотипов в сознании студенческой молодежи, доказывая их вариативность в зависимости от изменения окружающей реальности, иерархии ценностей, уровня культурной и профессиональной компетентности. В 1998 году чемпионом по частотности при создании образа России оказалось слово «бедность», а в 1992 году оно занимало последнее место. Слово «мафия» входило в первую десятку по частотности упоминания у респондентов 1998 года, а в 2002 году оно упоминается лишь единожды [5, с.159-163]. В целом ядро когнитивных признаков русского автостереотипа устойчиво и совпадает с перечисленными выше чертами.

Проанализируем исследование В.А. Масловой, обобщающей результаты эксперимента, приведенного среди белорусских студентов. Респонденты должны были назвать черты, которые, по их мнению, присущи русским, белорусам, украинцам и полякам. Неудивительно, что в преобладании положительных качеств белорусы оказались на первом месте, русские на втором, украинцы на третьем, поляки на четвертом. Белорусы представлены самыми гостеприимными, доверчивыми, дружелюбными, отзывчивыми, добрыми, терпеливыми, безынициативными, неуверенными в себе, справедливыми. Респонденты полагают, что русских отличают такие черты, как – талант, расточительность, лень, героизм, изобретательность, бунтарство, лихость, оптимизм, остроумие, неуправляемость, невоспитанность [6, с130-131].

Интересно проанализировать образы белорусов в стереотипах россиян и украинцев. С точки зрения русских белорусы – трудолюбивые, добрые, бережливые, гостеприимные, добродушные, миролюбивые, общительные, порядочные. Перечисленные черты максимально близки к автостереотипу белорусов. Украинские респонденты наделяют белорусов следующими чертами - скупость, терпение, трудолюбие, покладистость, жадность, работоспособность, серость, покорность [6, с.136-137]. Подобный образ гетеростереотипа значительно отличается от автостереотипа, имеет негативную оценку.

Приведенные факты доказывают, что культурные стереотипы явно или скрыто несут в себе определенную оценку, эталоном которой является своя родная культура. Понимание другой культуры является сложным процессом интерпретации информации, которая во многом зависит от сформированных стереотипов, отличающихся устойчивостью, схематизацией, аффективной коннотацией,

полярностью оценок. Стереотипы включают определенную систему ожиданий от представителей другой культуры, способствуют фиксации положительной информации о самих себе и, как правило, негативной информации о представителях других культур, что может вызвать появление предрассудков и дефицит взаимопонимания между участниками межкультурной коммуникации.

This article is devoted to some aspects of intercultural communication. In particular the problems of cultural perception are being analysed. An attempt has been made to investigate the role of stereotypes in the process of cultural perception. In article some groups of stereotypes are defined. Main components of endostereotypes and exostereotypes are analyzed and compared. The article also deals with the problems of viewing these stereotypes through mentality.

The keywords: culture, stereotype, endostereotype, exostereotype, cultural perception, intercultural communication.

Список литературы

1. *Налчаджян А.А.* Этнопсихология. СПб., 2004.
2. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб., 2004; *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 1997; *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007; *Язык и национальное сознание/Под ред. И.А. Стернина.* Вып. 8. Воронеж, 2008.
3. *Сикевич З.В.* Социологическое исследование: практическое руководство. М-СПб. 2005.
4. *Леонтович О.А.* Русские и американцы: Парадоксы межкультурного общения. М., 2005.
5. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004.
6. *Маслова В.А.* Homo Lingualis в культуре. М., 2007.

Об авторе

Боровикова В.Г. – кандидат философских наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru

УДК – 7.072

ИСКУССТВО КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА ПОЗНАНИЯ

А.А. Веремьев

В целях выявления специфических возможностей искусства как формы познания мы сопоставляем его с наукой. При этом обращаем внимание на то, что язык науки монологичен, она односторонне отражает реальность, дает объективную информацию; язык искусства диалогичен, оно всесторонне воспроизводит реальность, в нем объективное слито с субъективным. Делается вывод о том, что наука и искусство – специфические формы познания, не противостоящие, а дополняющие друг друга.

Ключевые понятия: диалог, художественное восприятие, интерпретация, предмет искусства, контекст.

Поставленная нами проблема специфики познавательных способностей искусства была и остается по сей день актуальной, поскольку в науке об искусстве сложилась если не господствующая, то довольно влиятельная так называемая “гносеологическая” тенденция – рассматривать этот феномен как некий суррогат науки, как недостаточно адекватное отражение действительности. Своеобразный “вклад” в культивирование этой идеи внесло Просвещение, провозгласив разум абсолютной ценностью, высшим достижением человеческого духа, а научное познание – самой совершенной формой постижения бытия. Наука стала выступать критерием совершенства всех форм познавательной деятельности.

Логическое завершение эта тенденция находит в философии Г.В. Гегеля. Согласно его общепризнанной позиции, движение к истине есть процесс, опосредуемый тремя ступенями развивающегося знания. Первую ступень в нем составляет субъективный дух, не выходящий за пределы индивидуального опыта. На второй ступени в результате совершенствования субъективного духа формируется объективный дух, который находит выражение в общественно-исторической практике. Его развитие приводит к третьей ступени, где сознание обращается к своей собственной сущности, превращается в самопознание духа, или в абсолютный дух. На этой высшей ступени саморазвития духа возникает ряд последовательно сменяющих друг друга форм: искусство – религия – философия. Истина, по мнению философа, принадлежит только философии, науке. Ей предшествует истина в созерцании в форме прекрасного (искусство). Ее сменяет более совершенная форма познания – религия [1, с. 159 – 165].

Так, Гегель отделяет форму проявления истины в искусстве, не обладающей свойствами отвлеченных представлений и понятий, от других, более развитых форм ее воплощения. Рационализм Гегеля сузил представление об искусстве его познавательной ориентацией, соотнес его значимость с возможностями философского познания, в связи с чем художественное творчество (в котором лишь пробуждается предчувствие истины) было помещено на нижнюю ступень той “лестницы”, по которой восходит вверх к абсолютному сознанию человечества. Таким образом, искусство в концепции Гегеля оказалось низшим родом познания в сравнении с наукой и философией.

Такое представление об искусстве как одна из теоретических тенденций сохранилось и в советской науке. Основными сторонниками этой точки зрения на искусство являлись Г.А. Недошивин, Б.А. Кубланов, А.В. Дремеов и др.[2]. Они стремились опереться на идею В.Г. Белинского, утверждавшую тождество предметов науки и искусства. Таким предметом, по мнению литературного критика, являлась действительность. Различие между наукой и искусством виделось лишь в том, что наука отражает ее в теоретической, абстрактно-логической форме, а искусство – в образной, конкретно-чувственной. Логическим следствием такой трактовки художественного творчества также оказалось признание “неполноценности” искусства – как “смутного” (по А. Баумгартену) знания, как низшей ступени познания.

Заметим, что опыт развития мировой культуры показал: искусство не вытесняется научным и техническим прогрессом.

Однако уже в античной философии складывается тенденция рассматривать искусство как специфическую форму осмысления мира, которая в своих познавательных возможностях не уступает науке. Так Аристотель, сравнивая художника и историка, замечает, что историк говорит о том что было, а художник – что могло бы быть, а потому, делает вывод философ, художник ближе к истине, чем историк, ибо последний “схватывает” факт, а первый – закономерную тенденцию[3, с. 81 – 82].

Как видим, одновременно здесь античным мыслителем ставится и другая проблема – проблема истины в науке и искусстве, на осмыслении которой мы остановимся ниже.

В немецкой классической философии И. Кант займет позицию исторического оправдания искусства как необходимой и ничем незаменимой формы познания. Исходя из основополагающих идей, выраженных им в “Критике способности суждения”, он пытается выявить познавательные особенности этого феномена. Художественные идеи, как утверждает философ, “стремятся приблизиться к изображению понятий разума”, хотя никакое понятие разума не может быть им адекватно[4, с. 330]. Потому искусство, согласно оценке Канта, возвышается над эмпирическим обобщением и способно мыслить больше, чем может быть выражено в понятии. Оно переводит нравственные принципы, идеи разума в сферу чувственно постижимого: бесконечное предстает в конечном, недостижимое становится доступным, недоказуемое – очевидным. Для осуществления этой сложной операции нет другого языка, кроме искусства[5, с. 331 – 332].

Позже Э. Кассирер, представитель марбургской школы неокантианства, выразит свое несогласие с “гносеологической” тенденцией трактовки искусства. Понимание мира, как утверждает ученый, не сводится к его научному познанию. Наряду с рациональной формой освоения действительности существуют и другие, нерациональные формы ее осмысления – искусство, религия, мифология. Каждая из этих форм обладает специфическим созидательным принципом и выполняет уникальную роль в постижении реальности. Создавая свой образ мира, ни одна из них не обладает преимуществом перед другими. Из этой идеи Кассирера следовал справедливый вывод о том, что есть научные истины, и есть истины искусства, и каждая из них обладает своей специфической особенностью и имеет равное право на существование[6, с. 185 – 190].

Как видим, Аристотель, И. Кант, Э. Кассирер демонстрируют определенную теоретическую позицию в понимании искусства как специфической формы познания. Однако данная позиция требует теоретического обоснования, что и является основной проблемой нашего исследования. Ее осмысление вполне логично начинать с выявления специфики предмета искусства.

В нашей отечественной науке во второй половине прошлого века начала формироваться точка зрения быстро получившая широкое признание, утверждавшая своеобразие предмета художественного познания, отличного от науки. Правда, предлагавшиеся при этом определения специфики предмета искусства оказались разноречивыми. Согласно Н. Чавчавадзе, этим предметом является “соотношение объекта и субъекта, согласно А. Бурову – просто “человек”, Согласно Г. Абрамову – “мир в его отношении к человеку”, согласно С. Раппопорту – “опыт отношений” (в отличие от “опыта фактов” как предмета науки) и т.д. Однако следует отметить, что различия в этих определениях носят скорее терминологический, нежели существенный характер. По сути дела, в разных концепциях мыслится один и тот же феномен – субъективное, человеческое, духовное начало в той области, которую А. Буров удачно назвал “сферой компетенции искусства”. Иными словами, предметом искусства является мир в его соотносительности с человеком. М.С. Каган, стремясь показать различие между наукой и искусством, замечает, что наука дает нам “информацию об объективных законах бытия или формах его конкретного существования, искусство – информацию о ценностных смыслах вовлекаемой в культуру реальности”[7, с. 252]. В отличие от ученого, который познает действительность в ее объективном значении, в ее объективном бытии, в творчестве художника она воспроизводится такой, какой видит и переживает ее художник, т.е. в ее бытии для человека. Таким образом, в искусстве объективные свойства действительности сопрягаются с субъективным миром художника. В этой связи довольно примечательна мысль М.М. Пришвина, последовательного реалиста, о сущности художественного творчества. “Я, – говорит писатель, – понимаю природу, как зеркало души человека: и зверю, и птице, и траве, и облаку только человек дает свой образ и смысл”. Отсюда задачу художника он видит в том, чтобы “искать и открывать в природе прекрасные стороны души человека”[8, с. 431]. Потому вполне логично, что для освоения действительности словесное искусство обращается к метафоре, олицетворению, которые необходимы ему для изображения очеловеченного бытия природы. В этом случае на воспроизводимые объекты переносятся свойства субъекта, происходит одухотворение материального, анимизируются явления природы:

*Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почил дол и роица,
В седом тумане дальний лес.*

(А.С. Пушкин)

Следует отметить, что язык троп не может стать языком науки, поскольку в нем (в языке троп) устанавливается сходство предметов, явлений на основе их субъективного восприятия, субъективной оценки, что противоречит объективному характеру научного познания.

Если язык науки монологический, то язык искусства диалогический. Необходимость в существовании таких типов языков обусловлено потребностями общества. Последнее нуждается, с одной стороны, в объективной информации, свободной от оценочного к ней отношения, где требуется однозначное ее понимание, и этой потребности отвечает язык науки; с другой стороны, ему необходим и такой тип информации, значение которого многозначно, а ее осмысление предполагает интерпретацию. В этом случае содержание сообщения рассчитано на сотворчество воспринимающего. Таким является художественный текст, где информация вырабатывается в диалоге художника и публики. На эту особенность искусства уже обратил внимание Гегель. “Хотя художественное произведение, – отмечает он, – и образует согласующийся в себе и заверченный мир, все же оно в качестве действительного, обособленного объекта существует не для себя, а для нас, для публики, которая созерцает художественное произведение и наслаждается им”. Потому, заключает немецкий философ, “любое произведение искусства представляет собой диалог с каждым стоящим перед ним человеком” [9, с. 247, 273]. С публикацией работ М.М. Бахтина наиболее полно и глубоко раскрылась сложная диалогическая природа искусства. В его исследованиях привлекает прежде всего мысль о том, что образ, созданный писателем, выступает для автора и читателя не в роли “он” или “я”, а как полноценное “ты”, т.е. “другое, чужое полнокровное “я””, с которым вступают в диалог другие герои, и автор в своем произведении говорит не о герое, а с героем [10, с. 80].

Хотя диалогическое начало М.М. Бахтин обнаруживает в произведениях Достоевского, тем не менее у нас есть основание признать его сущностной основой всего искусства. Художественный диалог как субстанциональное свойство художественного феномена имманентно не только видам и родам искусства, в основе выразительного языка которых лежит слово – художественная проза, поэзия, драма, кино, опера. Диалог составляет и художественную природу искусства балета, живописи и других видов искусства.

Исходя из сказанного следует, что произведение искусства – это не только объект и идея, а другое “я”, другой субъект, а точнее – потенциальный субъект, или квазисубъект, который лишь в процессе художественного общения выступает для публики в роли субъекта.

Содержание художественного произведения, в отличие от научной концепции не совпадает с текстом: оно включает в себя и культурный контекст. В роли последнего может выступать форма бытования искусства (семантика, например, иконы обусловлена условиями восприятия – храм или художественный музей), современная культурная эпоха восприятия искусства прошлых эпох. В содержании живописи, по точному наблюдению Л.С. Выготского, входит тот воздух и те перспективы картины, которых нет в ней самой, но которые из нее исходят.

Исходя из высказанной мысли о специфике предметов науки и искусства, логично заключить, что существуют истины науки и истины искусства. На различие этих истин, как мы уже отмечали, уже обратил внимание Аристотель. Затем аристотелевская идея будет интерпретироваться в контексте театрального искусства К.С. Станиславским, обратится к ней в своей магистерской диссертации “Эстетические отношения искусства к действительности Н.Г. Чернышевский. Действительно, поскольку предметом науки является объективная реальность, постольку она, познавая не только природу, но и обращаясь к познанию человека, должна давать объективные знания, объективную истину. С иной ситуацией мы встречаемся в искусстве, где заключено двойное знание – знание о мире и результат самопознания, самовыражения художника, а потому здесь объективная истина сопрягается с субъективной истиной. Однако здесь важно отметить, что субъективное начало в искусстве ни сколько не принижает достоинство художественной истины. Напротив, самопознание, самовыражение, вымысел, творческая фантазия художника обеспечивают ему возможность преодолеть случайное, выразить устойчивое, глубинное, психологически существенное.

Каждая из наук дает нам одностороннее знание о мире, искусство же – целостное. Совокупность, например, знаний о человеке, полученная разными науками не способна создать его целостный образ, как это имеет место в искусстве. Потому художественное произведение может рассматриваться как момент, определенный отрезок реальной жизни во всей ее сложности и противоречивости, как ее наиболее адекватная модель. И в этой связи, например, роман М. Шолохова “Тихий Дон” можно оценить как наиболее верную информацию об известном периоде нашей истории, где предельно точно отражены ее противоречия и драматизм, сложность выбора человеком своего дальнейшего жизненного пути. Вполне очевидно, что по глубине и тонкости передачи событий, по всесторонности их охвата с этим романом не может сравниться ни одно научное исследование этой эпохи.

Следует указать еще на одну сущностную, отличную от науки особенность искусства. Художественное произведение, с одной стороны, выступает как некая Вещь (в Хайдеггеровском смысле), заключающая в себе определенный сюжет, который можно выразить в вербальной форме, а с другой стороны, оно представляет со-

бой символ, имеющий своим референтом глубинные онтологические основания и обладающий (по выражению А.Ф. Лосева) “семантической текучестью”, т.е. принципиальной полиинтерпретируемостью. Из символической трактовки художественного произведения вытекает и идея неисчерпаемости его содержания. На эту особенность искусства обратил внимание О. Шпенглер. Хотя мысль известного немецкого культуролога о безграничности содержания произведения искусства и невозможности постичь его до конца и лишена строгого научного обоснования, тем не менее находит в его концепции довольно точную форму выражения. “Произведение искусства, – замечает он, – есть нечто бесконечное. Оно включает в себе весь мир. Оно представляет собой микрокосм, неисчерпаемый в целом и понятный только в некоторых отдельных внешних подробностях” [11, с. 296].

Произведение искусства, возникнув, перестает быть только отражением действительности и само становится явлением действительности, обретая самостоятельное существование в значительной степени независимое от создавшего его художника, превращаясь в некую открытую систему, которая должна достраиваться в сознании воспринимающего. Следовательно, художественное восприятие является особым видом сотворчества. При этом необходимо иметь в виду, что назначение искусства состоит не столько в том, чтобы отвечать на вопросы, сколько в постановке последних, а потому и цель восприятия не сводится к усвоению готовых истин. Основной его смысл заключен в поиске ответов на поставленные в нем вопросы.

На основе проведенного нами исследования можно сделать вывод о том, что искусство не есть некая несовершенная форма научного знания о мире, его суррогат, а самостоятельная, уникальная форма познания реальности, имеющая свой специфический, отличный от науки предмет и язык, предполагает особое (неадекватное научному) видение мира. Научная и художественная деятельность не являются конкурентами в области познания. В результате отражения реальности они дают принципиально иные типы информации: с одной стороны, исключающие друг друга, с другой стороны, дополняющие друг друга.

We associate art with science with the purpose to identify specific characteristics of art as a form of knowledge. At the same time we draw attention to the fact that the language of science is monological, it reflects the reality from one side, gives objective information, language of arts is dialogical, it fully reproduces reality, and the subjective is fused with objective in it. The conclusion is that science and art are specific forms of cognition that do not contradict, but complement each other.

The key words: *dialogue, interpretation, context, object of art, artistic perception.*

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 3-х т. М., 1968. Т.1, с. 159 – 165.
2. Кубланов Б.А. Гносеологическая природа литературы и искусства. Львов, 1958; Недошивин Г.А. Очерки теории искусства. М., 1953.
3. Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957, с. 81 – 82.
4. Кант И. Критика способности суждения// Кант И. Соч., т.5. М., 1966.
5. Кант И. Указ. соч.
6. Кассирер Э. Философия символических форм. Введение и постановка проблемы// Культурология. XX век. М., 1995.
7. Каган М.С. Эстетика как философская наука. СПб., 1997.
8. Пришвин М.М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1983. Т. 5.
9. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4-х т. М., 1968, т. 1.
10. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
11. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993.

Об авторе

Веремьев А. А. - кандидат философских наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, a.veremev@rambler.ru

УДК – 101.1:316

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В.Г.Горбачев

В статье рассматривается бытие современного человека в контексте глубоких социальных изменений. Эти изменения имеют место как в российском обществе, так и на мировом уровне. По мере социальных трансформаций происходит становление новой исторической формы человека.

Ключевые слова: *глобализация, глобальные процессы, кризис, постиндустриальное общество, реформа, социальная трансформация, человек.*

С начала 90-х годов XX века в России стали стремительно происходить такие процессы, которые по своему содержанию представляют собой глубокую и всеобъемлющую социальную трансформацию, т.е. изменение всех сфер общественной жизни и ее институтов. Конечно, о содержании и последствиях таких изменений можно вести спор, но есть то, что уже бесспорно: современная Россия – уже не закрытое, не замкнутое в себе общество. Наша страна являет собой вполне органичную часть

единой мировой цивилизации, и поэтому в ее развитии проявляют себя типичные процессы, тенденции и проблемы, которые сегодня носят глобальный, общемировой характер. Современный российский человек ощущает свою сопричастность к мировому бытию, объективно включен в него. Следовательно, сегодня вопросы философской антропологии не могут рассматриваться вне данного конкретно-исторического контекста – глобальных процессов, тенденций и проблем современности. В наше время проблема человека – глобальная по своему масштабу и значению.

Надо заметить, что еще задолго до наших дней (в 60-е и 70-е годы) в советской философии и конкретных науках уже ставился вопрос о влиянии факторов вполне глобального характера на человека, его природу и бытие в мире. Так, в 60-е годы речь заходила, например, о влиянии научно-технической революции (а она уже тогда протекала как мировой процесс) на человека как субъекта труда, на его мышление, выполняемые функции, на образ жизни. В 70-е годы в связи с быстрым развитием в мире методов генной инженерии (так называемой биотехнологической революцией) стали спорить о возможности искусственной трансформации природы человека, о его клонировании. В 80-е годы философия активно заговорила о человеке как проблеме глобального порядка в ряду других проблем. Наиболее настойчиво делал это академик И.Т. Фролов, указывая на то, что человек, по его словам, – это «... в каком-то смысле самостоятельная глобальная проблема», он является «своеобразным центром всей системы глобальных проблем» [1, с.38]. По его мнению, важнейшим аспектом этой проблемы является вопрос о перспективах человека – человека как биологического вида и человека как творческой личности. Фролов предложил в системе глобальных проблем цивилизации непременно выделять и рассматривать их антропологическое содержание. Ученый сформулировал тезис, лаконично раскрывающий единство человека и человечества: «... общая судьба человечества неотделима от каждого человека; она является и его судьбой» [1, с. 38].

Что же касается начала 90-х годов, то они объективно стали помещать в центр антропологической «повестки дня» проблемы человека, вызванные к жизни наступившими в России уже иными социальными процессами – либеральными реформами. Эти процессы радикальным образом изменили условия бытия человека, да и сам он тоже значительно изменился.

Раскрывая характер современного российского общества, известный социолог Т.И. Заславская полагает, что «... в последние годы было найдено понятие, наиболее адекватно выражающее суть и особенности происходящего в России процесса – понятие социальной трансформации общества...» [2, с.149]. Повествуя об этом, она пишет, что под данной трансформацией понимается «... радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы или социетального типа общества» [2, с.149]. Заславская отмечает, что прямым и главным результатом такого рода изменений является преобразование основополагающих институтов общества – политических, экономических и иных. Ведя речь о трансформации в современном российском обществе, она называет ее основные направления и конкретные негативные последствия. Это, например, олигархические тенденции в экономике и политике, рост социальной поляризации в обществе (богатство-бедность), люмпенизация населения, отдаление бюрократии от общества и т.д.

Анализ антропологических аспектов социальной трансформации очень важен, поскольку дает возможность рассматривать человека под углом зрения многих наук (истории, социологии, экологии, экономической теории и иных), а не только лишь с позиций философской антропологии. Этим преодолевается абстрактный характер философской антропологии, а сам человек средствами познания погружается в конкретно-исторический контекст своего существования. Сегодня вышло в свет много работ, в которых рассматриваются различные аспекты социальных модернизаций – исторические, политические, психологические и иные, формируется методология исследования данных процессов. Один из авторов – Д.Г. Горин – полагает, что трансформации в России всегда носили циклический, повторяющийся характер, открывая те или иные развилки потенциального развития страны. По его мнению, на рубеже XX-XXI веков Россия оказалась вовлеченной в целый ряд «ритмов» социальных изменений, и это обусловило лавинообразный и драматичный характер перемен в обществе [3, с.155].

Когда в 1985 году в нашей стране была провозглашена политика перестройки, то, судя по всему, ни сами политики, ни даже ученые-обществоведы по-настоящему не представляли всей ее проблемности и возможных социальных последствий. Впрочем, это было присуще, пожалуй, всему общественному сознанию того времени. Тогда было распространено несколько упрощенное представление о перестройке: она воспринималась, в основе своей, как процесс умеренной либерализации общества, т.е. преодоления негативных последствий прежнего – советского строя.

По нашим наблюдениям, до начала 90-х годов антропосоциальная действительность в нашей стране оценивалась с позиций «оптимистического» сознания. Тогда казалось, что политика обновления сумеет придать советскому обществу новое качественное состояние – состояние так называемого демократического, гуманного социализма с «человеческим лицом». Именно под флагом данной идеологической установки развивалось советское общество той поры. Эта установка, наполненная эйфорией завышенных ожиданий, была характерна для политической и философской публицистики тех лет, для сознания либерально настроенной интеллигенции. Казалось, что достаточно утвердить в обществе гласность, сказать правду о недавнем прошлом страны – и советский человек в итоге быстро станет другим, преодолев, по словам Е.А. Евтушенко, укоренившуюся в себе «притерпелость» [4, с. 142-154]. В связи с этим этот известный поэт выводил формулу успеха социальных изменений в нашей стране: «Перестройка будет такой, какими мы будем сами. Будем половинчатыми – будет полуперестройка» [4, с. 148].

По мере того, как советское общество входило в состояние глубокой социальной трансформации, распадался миф о советском человеке, характерный для идеологии и философии своего времени. «Антропос антропосу был друг, товарищ и брат», - пишет о советском времени А.Г. Вишневский в предисловии к одной из известных «перестроечных» книг [5, с.5]. Однако, с началом перестройки обнаружилось, что «наше приближающееся к трехсотмиллионному население состоит из живых – и разных – людей. /.../ Что люди обладают собственной политической волей и им не нравится, когда с ними обращаются, как с марionетками. Что человек многомерен и нет таких его измерений и ипостасей, которые не стоили бы внимания» [5, с.5]. Поражение мифа о советском человеке требует, в связи с этим, по-иному выстраивать социальную действительность – выстраивать ее в человеческом измерении, сообразуя деятельность государства и иных институтов общества с интересами живого человека. В противном случае, может возникнуть кризисная ситуация несоответствия между социальным и человеческим, пропасть между ними.

Очевидно, что беспристрастный взгляд на социальную действительность, на социальные процессы и место в нем человека возможен лишь при опоре на социологию как науку, которая требует особой беспристрастности. В ней долгое время по идеологическим причинам отвергалась, например, теория социальной стратификации, раскрывающая многослойность общества как социального организма и разнообразие реальных интересов в нем. Вот почему уже в первые годы советской перестройки социологи стали активно призывать преодолеть, по выражению Р.В. Рывкиной, «миф о социальной стратификации», которая якобы методологически порочна, поскольку имеет буржуазное происхождение [6, с. 31]. На самом же деле стратификация – это реальный портрет общества с его гаммой самых разнообразных (в том числе и противоположных) интересов, человеческих в основе своей.

Выделение антропосоциальных аспектов и последствий процессов реформирования российского общества – явление, широко распространенное сегодня в научной литературе, в политической и иной публицистике.

Так, анализируя реформы в нашей стране, В.И. Жуков пишет, что в начале 90-х годов Россия вступила в стадию «системного кризиса, унаследованного от политики перестройки», поскольку цели этой политики не были реализованы и вызвали глубокое разочарование людей, «кризис ожиданий» («перестройка оставила после себя руины»), придали радикализм политическим умонастроениям [7, с.5]. Как результат такого кризиса, широкое распространение получили разного рода «социальные аномалии» и «патологии» - массовый алкоголизм, наркомания, преступность и иные формы девиантного поведения, что лишает социальную структуру общества потенциала устойчивости и перспектив дальнейшего развития. По мнению известного российского социолога Б.А.Грушина, происходящие в постсоветском обществе процессы есть не что иное, как «социотрясение» радикального толка [8]. Эти процессы предполагают также изменения российского человека – его природы, образа жизни, морали, появление новых форм его существования в мире. Ситуация радикального распада – вот, пожалуй, то основное, что характеризует бытие российского человека в 90-е годы как времени социальной трансформации. На наш взгляд, по своему содержанию эта ситуация во многом противоположна трансформации советского типа в период 20-30-х годов XX века, когда в Советском Союзе в ускоренном темпе происходило формирование индустриального общества, строительство так называемого социалистического общества. Тогда имело место радикальное укрепление социума при определяющей роли государства и, как результат, - происходило поглощение человека государством. Это был период восходящего развития советского общества. Благодаря этому советский человек обретал и соответствующие характеристики: подчеркнутый коллективизм, чувство гордости за свою страну, установка на полную самоотдачу, интернационализм и т.п., - все то, что В.С. Барулин определяет в своей книге как «комплекс слитности» [9, с. 271].

Социальная же трансформация в России 90-х годов – это, напротив, резкое ослабление социума в связи со значительным снижением роли государства в его жизни и иными причинами (активное влияние нелиберальной идеологии, распространение рыночных начал в жизни общества, смена политического режима, расширение прав и свобод личности в условиях неразвитой ответственности перед обществом и т.д.). Надо признать, что социальная трансформация в современной России – это, в основе своей, кризисный процесс. Он является таковым, поскольку означает стремительный распад тех оснований бытия российского человека, которые являлись в нашей стране традиционными и воспринимались как незыблемые, неизменные (например, наличие официальной идеологии, социальный патронаж государства). Этот кризис есть болезненный процесс, поскольку он переживается как утрата прежних гарантий своего существования в социуме, потеря былой социальной целостности, возникновение тотальной неопределенности собственного бытия.

В связи с социальными трансформациями сегодня развивается такая специфическая область знаний, как рискология. С ее позиций, социальный процесс несет в себе риск, т.е. потенциал угрозы, опасности, чреватый неудачей, кризисом и даже катастрофой. Исследователи полагают, что современная Россия являет собой «общество всеобщего риска», что требует очень внимательно и продуктивно выстраивать политику в тех или иных областях и направлениях [10, с.19]. Происходящие в стране реформы – это рискогенный процесс, поскольку он ломает привычный образ жизни людей, ущемляет их интересы, изменяет социальные статусы, создает перманентные стрессовые ситуации. Это порождает и так называемые антропологические риски, которые касаются духовного мира человека, его естественной природы (в том числе – генотипа), состояния здоровья и т.д. На этой почве обостряются экзистенциальные проблемы, связанные с существованием «на грани», т.е. в пограничных ситуациях. Исследователи обычно сходятся во мнении, что глубокие реформы всегда влекут за

собой и трансформацию человеческой психики (нарастание страхов, чувство безысходности и неуверенности в себе, ощущение покинутости, боязнь завтрашнего дня и т.п.).

Разумеется, есть и обратная сторона кризиса. На наш взгляд, она состоит в том, что человек в ситуации острого кризиса, т.е. «безопорности», «бездомности» оказывается наедине с самим собой, в одиночестве, и это побуждает его ставить радикальный вопрос о своем самоопределении в социуме, месте и роли в нем. Это один из тех вопросов, которые способны играть роль катализатора человеческого бытия, поскольку он подталкивает человека к самостоятельным мыслям и столь же самостоятельным действиям, не уповая на патерналистскую помощь со стороны, прежде всего, государства и иных институтов власти. В связи с этим можно говорить, что кризис социума – это необходимое условие становления подлинно человеческих начал в человеке (например, самостоятельности мышления, способности к смыслотворчеству, поиск своего призвания и т.д.).

Формирование нового типа общества в результате социальных трансформаций означает становление нового пространства и времени бытия современного человека. В этом мире бытия в постсоветский период развития нашей страны появились такие социальные институты, которые в советский период отсутствовали, не могли быть в нем вообще: президентская власть, частная собственность, рыночная экономика, многопартийность, свободные средства массовой информации, идеологический плюрализм и иные. Соответственно, ушли в прошлое социальные институты советского общества, как ушел в историю и сам Советский Союз. Можно сказать, что современная социальная трансформация в России – это становление новой истории для российского человека, в которую он вовлечен и в которой ему суждено быть, существовать.

Делая некоторые обобщения, можно сказать, что социальная трансформация в современной России происходила и происходит по определенным направлениям («линиям»), создавая в итоге конкретные ситуации для человека, антропологическую реальность (например, становление рыночной экономики, основанной на частной собственности и ограниченной роли государства в экономической жизни). Антропологические, антропосоциальные последствия современной социальной трансформации в России носят многоплановый, нередко – неоднозначный характер. К их числу непременно следует относить:

- обретение ценностей и ценностных ориентаций, смысложизненных установок, отвечающих обществу демократического типа;
- укрепление индивидуальных начал в общественном сознании и поведении в связи с развитием рыночных отношений;
- ослабление социальных связей, «атомизация» общества;
- усиление конфликтности в обществе в связи с обострением социальных, политических и иных противоречий;
- рост социального травматизма (наркомания, алкоголизм, суициды и т.п.);

Разумеется, можно выделять и анализировать также и иные последствия происходящих социальных трансформаций.

Глубокие и очень динамичные изменения происходят сегодня и за пределами России, в мировом сообществе. Это – глобальные, общемировые процессы, которые уже не имеют былого, сравнительно внешнего характера, поскольку наша страна непосредственно вовлечена в них и испытывает на себе их влияние. Что же характерно сегодня для глобальных процессов? И самое главное: каковы их антропологические последствия?

Современная глобальная действительность такова, что сегодня стремительно вступают в силу и действуют уже качественно новые процессы, которые имеют антропологические последствия. Характеристика современной цивилизации будет явно неполной, прежде всего, без учета такой тенденции в ее развитии, как глобализация. Это те процессы социальных изменений, в которые объективно вовлечена Россия и испытывает на себе их неоднозначные последствия (например, применительно к сфере экономики). В последние годы феномен глобализации находится в центре острых научных и политических дискуссий.

Мы исходим из того, что глобализация – это качественно новая форма интеграционных процессов в мировой истории, соответствующая стадии становления постиндустриального общества. Для нее характерны активные взаимодействия в сфере мирового рыночного хозяйства, становление единого информационного и культурного пространства, интенсификация отношений в сфере политики, науки и образования, культуры, глубокое взаимопроникновение биосферы и техносферы, стремительное размывание всех и всяких барьеров в отношениях между странами и народами, между человеческими индивидами.

Можно сказать, что глобализация есть объективный процесс движения человечества к своему органичному единству, к состоянию универсальной, всеобъемлющей целостности – к тому, что сегодня нередко называют Единой мировой цивилизацией, которая в своем становлении преодолевает обособление отдельного человека от рода человеческого. Распространенной является точка зрения, будто бы экономической предпосылкой глобализации является деятельность транснациональных корпораций, которые превращают мир в глобальный сверхрынок, осуществляя экспансию интересов и ценностей евроатлантической цивилизации. Конечно, это естественноисторический, никем не придуманный процесс, который, однако, порождает немало проблем и негативных последствий (например, размывание национального и культурного своеобразия, ослабление суверенитетов отдельных государств, унификация социальных институтов и т.д.). Многие ученые считают глобализацию основной тенденцией в развитии современной цивилизации, которая сегодня играет определяющую роль в жизни стран, народов и государств.

Если подвергать глобализацию непредвзятому анализу и не вносить в него политических оценок, то нельзя не видеть в ней ряд последствий, которые имеют антропологическое содержание. Эти

последствия касаются условий существования современного человека (экономических, информационных и иных), его природы и жизненно-практических ориентаций, форм и возможностей. Ведя речь об этом, Х.А. Барлыбаев отмечает, что глобализация имеет, в основе своей, антропологические истоки, ведь в природе человека есть «предрасположенность человека к общению с другими людьми», к построению взаимоотношений с различными общностями людей, к контактам с окружающим миром [11, с. 278-280]. Такого рода природа человека порождает в итоге «глобализированный мир» [там же, с. 132], где все взаимосвязано и жизнь каждого человека связана с жизнью других людей в масштабе всей планеты. Ученый выделяет и анализирует большой ряд направлений глобализации в ее антропологическом измерении: мировоззрение человека, потребности, язык, образование, технологии, культура, спорт и т.д. [там же, с. 203-276]. В своей работе Барлыбаев обозначает также и методологическую роль философской антропологии в контексте современной глобализации. По его мнению, эта роль должна состоять, во-первых, в том, чтобы воспринимать человечество в качестве «развернутого человека», а во-вторых, - рассматривать человека в контексте его взаимосвязи со всем миром и ни от чего не абстрагироваться – «ни от событий в Сомали, ни от лесных пожаров на Пиренеях, ни от состояния погоды, ни от выборов Президента в Финляндии...» [там же, с. 278].

На наш взгляд, можно обозначить, как минимум, следующие антропосоциальные последствия глобализации, которые в итоге влекут за собой определенные изменения в человеке и в его бытии:

- становление всемирных пространств бытия человека;
- увеличение степени открытости общества для другого общества;
- нарастание общей динамики мировых социальных процессов;
- рост индивидуального разнообразия в общественной жизни;
- усиление конкурентных начал в жизни современного общества;
- сближение ценностных ориентаций и жизненных установок;
- ослабление этнических, языковых и иных границ и барьеров;
- повышение степени социальных перемещений, разного рода миграций;
- резкое усиление роли информации в различных ее видах и формах;
- возникновение новых угроз-вызовов для современного человека.

Одна из важнейших тенденций глобального характера сегодня – это становление так называемого постиндустриализма, т.е. типа цивилизации, основанной на инновационной экономике («экономика знаний»). Современные исследователи обычно отмечают, что постиндустриальное общество развивается под определяющим влиянием науки, техники и высоких технологий (информационные, ядерные, космические и иные). Здесь на первый план выходит творческая («креативная») деятельность и ее оригинальные продукты. Можно сказать, что в таком случае имеет место антропологическая детерминация специфического рода: утверждается первенство человеческого потенциала над потенциалом вещественным, материальным. В таком обществе научное знание становится безграничным источником развития общества, а систематическое и универсальное применение таких знаний превращается, по мнению исследователей, в основополагающий принцип существования этого общества и его постоянного обновления [12, с. 12]. По сути дела, наше время - это время инноваций, которое, как отмечают ученые, настоятельно требует «внутренней свободы» личности как субъекта творчества, а сама эта личность выступает как важнейший критерий инновационного общества [13]. На основе индивидуального творчества формируется «креатосфера» - пространство, где протекает это творчество и возничают его продукты, где происходит сам процесс формирования человека в качестве свободной, гармонично развивающейся личности [14, с. 31].

Становление общества постиндустриального типа означает, конечно-же, радикальное изменение условий бытия современного человека. В соответствии с этим меняются прежние формы жизнедеятельности человека и их содержание. Исходя из этого, можно вести речь о постепенном движении к новой исторической форме человека, что определяется переходом к качественно новой стадии цивилизационного развития (в самом деле: человек таков, каков мир его бытия). В связи с этим современная философская антропология не может не быть трансформативной антропологией, исследуя данный антропологический переход. В ходе этого перехода меняется все: природа человека, формы жизнедеятельности, мотивация поведения, стиль его жизни, самосознание, отношение к себе и к обществу, восприятие времени, ценностные ориентации и т.д. Сегодня социологи нередко говорят о такой формирующейся общности индивидов, как «люди-XXI», исследуя, в частности, их так называемые потребительские практики (приобщенность к информационным технологиям, активное финансовое поведение, стремление к расширению горизонта своей жизни и ее планирование, забота о своем здоровье и т.д.) [15]. Полагается, что относящиеся именно к данной социальной общности индивиды способны играть роль так называемых социальных инноваторов, т.е. авангарда развития.

Одной из особенностей современной действительности является то, что сегодня происходит совпадение во времени двух объективных потоков изменений, наложение их друг на друга своим содержанием – социальной трансформации в российском обществе и общецивилизационных изменений (глобальная трансформация в мире). Одной из предпосылок этого совпадения стал, как мы отметили выше, процесс глобализации, делающий Россию обществом, открытым для общемировых процессов и проблем. На наш взгляд, именно данное обстоятельство создает глубинные предпосылки для бытия существования современного человека, содержания, специфики и тенденций этого существования.

Это обстоятельство и есть тот основной исторический контекст, с учетом которого должна развиваться российская философская антропология, ставиться и решаться проблема человека в ней.

Обобщая сказанное выше, заметим, что социальные трансформации (в их национальном и глобальном значениях) рассматриваются нами как общий контекст бытия современного человека. Эти изменения во многом определяют проблемно-тематическую направленность современной философской антропологии. Конечно, философская антропология традиционно несет в себе абстрактные представления о феномене человека (это характерно для нее), но эти представления должны быть «приземлены», «привязаны» к актуальным социальным процессам и проблемам нашего времени. Анализ антропологических, антропосоциальных последствий процессов социальной трансформации дает такую возможность.

Список литературы

1. Фролов И.Т. *Философия глобальных проблем* // Вопросы философии. 1980. № 2. С. 29-44.
2. *Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы* /Ред. кол.: Отв. ред. Т.И.Заславская, З.И.Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. 740 с.
3. Горин Д.Г. Трансформация российского общества: циклично-волновые модели. Научно-учебное издание. Брянск, 2006. 164 с.
4. *Если по совести: Сборник статей* / Сост. В.Канунниковой. М.: Худож. лит., 1988. 398 с.
5. *В человеческом измерении*. Под ред. и с предисл. А.Г.Вишневого. М.: Прогресс, 1989. 488 с.
6. *Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа* /Ред.- сост. Ф.М.Бородкин, Л.Я.Косалс, Р.В.Рывкина. М.: Прогресс, 1989. 592 с.
7. Жуков В.И. Реформы в России: 1985 – 1995 г.г. М.: Союз, 1997. 415 с.
8. Шаповал С. Социотрясение по-русски (интервью с Б.А.Грушиным) // Независимая газета. 2001. 8 февр. С. 11.
9. Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя / Монография. СПб., Алетейя, 2000. 431 с.
10. *Россия: риски и опасности «переходного» общества* /Институт социологии РАН. 2-е изд. М.: Изд-во Института социологии. РАН, 2000. 238 с.
11. Барлыбаев Х.А. Человек. Глобализация. Устойчивое развитие: Монография. М., Изд-во РАГС, 2007. 315 с.
12. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия 2050. Стратегия инновационного прорыва. 2-е изд., доп. М., Экономика, 2005. 618 с.
13. *Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола»)* // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 3-32.
14. Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество тупиковая ветвь социального развития? // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 26-43.
15. Абрамов Р. Люди будущего в настоящем // Независимая газета. 2009. 22 дек.

Об авторе:

Горбачев В.Г. – кандидат философских наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru.

УДК – 100.7.165

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ТЕОРИЯ»

М.М. Грибова

В статье теория рассматривается как высший этап в развитии научных знаний, сравнивается с неупорядоченными научными знаниями и наукой. Отличительной чертой теории является знание о системе законов, действующих в определенной области действительности.

Ключевые слова: неупорядоченные научные знания, наука, теория, мир сам по себе, закон.

Основу всех видов научных знаний составляют знания о мире, как он существует *сам по себе* в отличие от того, как он существует *для нас*. «Сам по себе» – это означает существование мира по присущим ему законам, то есть без примеси человеческих выдумок о нем. Встает вопрос: почему для человека важно овладеть этими знаниями? Ответ отнюдь не лежит на поверхности. Человек является частичкой существующего мира, а потому зависим от него. Следовательно, чтобы выжить в мире, человеку сознательно или неосознанно приходилось и приходится овладевать знаниями о мире, как он существует *сам по себе*. Фактическим доказательством *важности* этих знаний, а также того, что человек ими владеет (овладел), является практическое существование человечества сегодня, в настоящее время. Чем больше человек овладевал этими знаниями, тем успешнее ему удавалось преодолевать естественные и общественные препятствия, возникающие на пути его развития.

Однако следует заметить, что человек овладевал этими знаниями (то есть приобретал научные знания) не случайно, а в силу своего бытия в этом мире. Люди сообща добывали пищу, выращивали урожай, разводили животных, производили орудия труда, охотились, строили жилища, возводили и разрушали города... В результате этих и других практических действий у людей неизбежно накапливались знания о мире, как он существует *сам по себе*, значит, и независимо от человека. «Занятия земледелием, обработка материалов, изготовление орудий труда, добывание огня были связаны с наблюдением за природой, и эти наблюдения позволяли делать выводы, закреплять практический опыт, передавая его из поколения в поколение, накапливать полученные знания». [1, с. 19] Таким образом, можно сделать вывод, что научные знания - это знания о мире, как он существует сам по себе. практических действий людей, направленных на выживание человека в окружающем мире. На первом этапе развития человека его можно назвать неупорядоченными (стихийными) научными знаниями. *Неупорядоченными* - так как такие знания не приводились сознательно в систему, они появлялись, как правило, методом проб и ошибок. Действия человека на этом этапе познания можно сравнить с действиями человека, которому завязали глаза и которому, соответственно, приходится продвигаться вперед «наощупь». Здесь неизбежны падения, удары... Но этого этапа в развитии познания невозможно избежать, пропустить его. Он занимает строго отведенное ему место в процессе развития познания человечества. Это та необходимая ступень, только преодолев которую можно подниматься вверх по ступеням познания и приблизиться к тем высотам, которыми мы владеем сейчас. Однако на определенном этапе, когда накопленных знаний о мире, как он существует *сам по себе*, становилось все больше, появилась практическая потребность в систематизации этих знаний для их сохранения и передачи последующим поколениям. «Знания человека первоначально существовали в виде эмпирического опыта, фиксирующего наблюдения за явлениями природы и общественной жизни.... Но наступил период, когда потребовалась систематизация имеющихся знаний и осмысление их». [2, с. 26] Но по какому критерию должна была проводиться такая систематизация? Ответ на этот вопрос подсказывала опять же практическая деятельность. Накопленные неупорядоченные научные знания неизбежно концентрировались вокруг той определенной области мира, на которой сосредотачивалась практическая деятельность людей (например, в земледелии, мореплавании, строительстве и т.д.). Но знания сами по себе не могли и не могут систематизироваться, так как их систематизация зависит от человека, являясь элементом его сознания. Для того чтобы систематизировать эти знания, необходима была группа специалистов, сознательно занимающихся изучением данной конкретной области действительности.

Следует подчеркнуть, чем больше человек узнавал об окружающем его мире в процессе своей практической деятельности, тем сложнее он ему казался. Следовательно, знания из доступных всем постепенно переходили в разряд доступных узкой категории людей.

Здесь уместно затронуть вопрос, широко распространенный в литературе, но тем не менее не получивший до сих пор ясного и логичного ответа. Вопрос о том, когда же все-таки появилась наука. Где та отправная точка (конкретный исторический период) ее возникновения. На наш взгляд, при ответе на этот вопрос не стоит останавливаться на каком-то конкретном отрезке времени, так как научные знания *всегда* присутствовали и присутствуют в конкретных практических действиях человека. И, наверное, нельзя обозначить определенный период, когда бы появились все науки. Науки появлялись, формировались, развивались в разное время. Формирование каждой науки связано с тем, что в определенный момент времени в конкретной области действительности переставало хватать неупорядоченных эмпирических знаний. Поэтому людям волей-неволей приходилось заниматься более глубоким ее изучением. Таким образом появились, например, физика, химия и другие науки. Так, Аристотель еще в IV веке до н.э. в произведении «Метафизика» говорит о математике как об уже сложившейся и развитой науке.

В предыдущих публикациях автора данной статьи отмечалось, что научное знание в целом на современном уровне включает в себя три этапа и соответственно три его формы: 1) неупорядоченные научные знания; 2) сознательно упорядоченные научные знания (наука); 3) наиболее высокий уровень научных знаний (теория). Также были рассмотрены общие и отличительные признаки неупорядоченных научных знаний, с одной стороны, и науки, с другой стороны. В целях целостного рассмотрения научного знания в данной статье необходимо, соответственно, выявить общие признаки, присущие всем трем этапам научного знания, а потом - отличительные признаки теории как высшего этапа развития науки и, значит, научного знания в целом.

Таким образом, развитие научного познания не останавливается по достижении им уровня науки, оно продолжается в **теории**. И поэтому само собой встал вопрос, чем отличается самый высокий уровень развития познания и как обозначить терминологически этот самый высокий уровень научного познания. Для этого как раз и подходит понятие «теория». Это вытекает из фактического использования понятия «теория», если учесть традицию, уже сложившуюся в литературе. Например, правомерно назвать теорией систему правил языка, которая отражает законы фактического функционирования языка, независимо от того, задумывается ли человек об этом или он просто пользуется речью без оглядки.

Что же такое теория? Приводимые определения теории, традиционно представленные в литературе, можно обобщить следующим образом.

Например, **теория** – высшая форма научного познания, дающая целостное отображение закономерных и существенных связей определенной области действительности. [3, с. 17; 4, с. 840] Однако и художественное, и религиозное, и другие формы познания также дают целостное отображение

действительности, так как отображают мир таким, каким он существует в восприятии человека. В то время как элементы научного познания (наука, теория) отражают мир таким, как он существует *сам по себе*, то есть без примеси вымыслов человеческого сознания. Таким образом, и другие формы познания (а не только научное) дают целостное отражение действительности.

Теорию трактуют также как систему знаний, описывающую и объясняющую совокупность явлений некоторой области действительности и сводящую эти явления к единому объединяющему началу. [5, с. 10-14] Но в любой форме знаний их сторонники сводят явления к определенному началу, которое объединяет их в единое целое знание. В литературе бытуют определения понятия «теория», в которых ее отождествляют с гипотезами, системой, методами, классификацией, логическими выводами и т.д.

Ряд авторов отождествляют теорию с **идеальным объектом**, вокруг которого якобы и развивается теория. [6, с. 247] Получается, что теория специально как бы «подстраивается» под этот объект, чтобы соответствовать изначально поставленной цели.

Некоторые авторы определяют теорию как систему основных идей в определенной области познания. [7, с. 576] Однако данное определение не отличает теорию от других форм знаний (и научных, и ненаучных).

В ряде определений указывается на то, что теория отражает определенную область действительности. [8, с. 731] Однако следует заметить, что каждую определенную область действительности изучает не одна, а *многие науки*. Может сложиться мнение (исходя из этих определений), что одна теория может охватить все науки, изучающие эту область действительности. Но это не так. Может существовать несколько теорий, касающихся одной области действительности, но различающиеся предметами наук, которые изучают эту область действительности.

Во многих определениях теорию смешивают с наукой. Например, теорию объясняют как комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение каких-либо явлений. [9, с. 42] Однако это не отличает теорию от других форм знания, в том числе и от различных форм заблуждений. Религия и мифология тоже направлены на истолкование различных областей действительности.

Большинство характеристик и определений теории, бытующих в литературе, обладают схожим содержанием. Понятие «теория» трактуется с разнообразных сторон, но это не вносит ясность в рассмотрение данного вопроса, так как не выявляются специфические признаки теории, отличающие ее от других видов знания.

В современной литературе совершенно справедливо отмечается, что теория является высшим этапом развития научного познания. Но, к сожалению, в этих же источниках не указывается, каковы низшие этапы научного познания и в чем состоят отличительные признаки теории от этих этапов. А без указания на такие признаки невозможно правильно определить ни одно понятие.

Несмотря на признание теории высшей формой научного познания, тем не менее ее часто путают с гипотезой. Например, называют теорией такие описываемые факты, явления, события, которые еще не проверены и не подтверждены практикой. Гипотеза – то же самое, что точка зрения, концепция. Достоверность гипотез (после их выдвижения) проверяется фактами, которые отсеивают одни гипотезы, но оставляют другие. И притом превращают их в научные положения. Гипотеза носит подчиненный характер относительно науки и теории. Следовательно, не всякая гипотеза превращается в науку и тем более в теорию.

Однако с появлением и развитием наук неизбежно должны были возникнуть определенные описания и обобщения тех практически подтверждаемых знаний, которые включались в науки. Это явилось необходимым условием, чтобы объяснить отличие науки от предшествующих ей неупорядоченных научных знаний. Стало понятно, что недостаточно только собирать и систематизировать знания об определенных явлениях. Люди всегда наблюдали существующие **взаимосвязи** между различными объектами (между сторонами одного объекта). В любом объекте таких взаимосвязей бесконечное множество. Но не все из них имеют важное, существенное значение для жизни людей. Мыслители всегда больше внимания уделяли тем взаимосвязям между объектами, которые имели наиболее существенное значение для человека. Установив эти взаимосвязи, они обобщили их в **формулировках законов, действующих в данном объекте** (объектах).

Например, основной экономический закон капитализма – закон прибавочной стоимости. Он включает в себя следующие элементы: экономические отношения между капиталистом, наемной рабочей силой, различными группами буржуазии: промышленниками, торговцами, банкирами, а также между ними и землевладельцами. Совершенно очевидно, что между этими категориями действует множество связей. Но не все эти связи можно назвать законом, так как далеко не все они являются **существенными**. Связь, в результате которой возникает некая прибавочная стоимость, создаваемая неоплаченным трудом наемного рабочего сверх стоимости его рабочей силы и безвозмездно присваиваемая капиталистом, выражает специфически капиталистическую форму эксплуатации и является **существенной** относительно прочих взаимосвязей вышеуказанных элементов. Погоня за **прибавочной стоимостью** играет главную роль в развитии производительных сил при капитализме, определяет и направляет развитие производственных отношений капиталистического общества. "Производство прибавочной стоимости или нажива - таков абсолютный закон..." капиталистического способа производства. [10, с. 632]

Или же: в языке между фонетическими единицами есть множество взаимосвязей, зависящих от конкретного носителя языка, от эпохи, ситуации и т.д. Но самой главной, **существенной** связью является связь между фонетической единицей и той позицией в слове, которую она занимает. Таким образом, можно говорить о **фонетических законах**, которые действуют регулярно во всех словах, у всех представителей данного языкового коллектива; например, во всех словах русского языка звонкий согласный, попав в позицию конца слова, регулярно заменяется соответствующим глухим: "морозы - моро[с]", "сады - са[т]" и т.п.

В литературе большое значение уделяется также соотношению закона с условиями его действия: отмечается, что изменение условий действия закона ведет к изменению самого закона.

Но встает вопрос: законы, составляющие фундамент теории, и сама теория являются неизменными или они все-таки подвержены изменениям? Законы всегда останутся законами до тех пор, пока существуют явления, которые подчиняются этим законам. Что касается теории, то она остается верной в пределах действия отражаемых ею законов. Если же будут открыты новые законы в исследуемой области действительности, то произойдет уточнение в истинности прежней теории.

Таким образом, *основа теории заключена в тех законах действительности, которые существуют независимо от людей, разрабатывающих эти теории.*

Знания, аккумулированные в теории, являются основными знаниями об объектах действительности, однако, они не исключают всех предыдущих знаний, ибо без них не появилась бы и теория.

Законы могут быть представлены в следующих формах: математического выражения, физических, химических формулах, в словесной форме. Но формулировка закона зависит не от формы его выражения, а от того, насколько авторы, дающие формулировку закона, приближаются к истинному его пониманию.

Таким образом, можно сделать вывод, что **теория** – это высшая форма развития научных знаний, представляющая собой систему знаний о законах действительности, как она существует сама по себе.

Из определения видно, что, поскольку теория – высший этап в развитии научных знаний, следовательно, она обладает всеми признаками, присущими предшествующему ей этапу – науке. Таковыми признаками являются:

- 1) знания о мире, как он существует сам по себе;
- 2) подтверждение этих знаний практикой;
- 3) возникновение системы упорядоченных знаний с учетом предмета данной науки
- 4) появление группы специалистов, сознательно занимающихся изучением конкретной области действительности.

Указанные выше признаки являются общими для науки и последующего этапа ее развития – **теории**, так как наука – это фундамент, на котором возникает теория.

Отличительным же признаком теории от предыдущего научного знания является отражение существенных связей, действующих между объектами и их сторонами в конкретной области действительности и выражение их в формулировках *законов*. Ко всему сказанному добавим, что понятия «научное знание» и «научное познание» являются различными, хотя и близки по своему смыслу.

In the article theory is treated as the highest stage in the development of scientific knowledge and is compared with disordered scientific knowledge and science. A distinctive feature of theory is the knowledge of the system of laws working in a certain universe.

The key words: *Disordered scientific knowledge, knowledge, theory, world in itself, law*

Список литературы

1. Соломатин В.А. История науки. М.: 2003.
2. Копнин П.В. Логические основы науки. Киев: Наукова Думка. 1968.
3. Воронцов В.П., Москаленко А.Т., Шубина Н.М. Гносеологическая природа и методологическая функция научной теории. М.: 1990.
4. *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1983. (Гл. ред. Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалев С.М., Панов В.Г.)
5. Андреев И.Д. Теория как форма организации научного знания. М.: Изд-во политической литературы. 1987.
6. Лебедев С.А. Философия науки. Словарь основных терминов. М.: Академический проект. 2004.
7. *Философский энциклопедический словарь*. М.: ИНФРА-М. 1998.
8. *Словарь философских терминов*/под. Ред. Кузнецова В.Г. М.: ИНФРА. М. 2005.
9. *Новая философская энциклопедия в 4-х тт.* Т.IV. М.: Мысль. 2001.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 23.

Об авторе

Грибова М.М. – ассистент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru

УДК – 101.1.:316.42

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОГО ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВА И СОЦИОПРИРОДНОГО МИРА

Н.Н. Лапченко

Раскрывается роль информатизации в формировании глобального техногенного общества, выделяются два подхода: «инструменталистский» и «онтологизаторский» в теоретических исследованиях Интернета. Основываясь на «онтологическом» подходе к процессам информатизации, выделяются основные возможности глобальных информационных сетей для развития общества и природы.

Ключевые слова: информатизация, глобализация, Интернет, техногенное общество, инфосфера.

Обычно глобализацию рассматривают как широкий общественный процесс, в то же время упуская из виду *современный эволюционный социоприродный переход жизни на планете Земля под воздействием техногенного общественного развития (то есть переход от естественных, биосферных форм жизни к искусственным, постбиосферным)*, в котором определяющую роль играют быстро развивающиеся информационные технологии и информатизация. Понятие социоприродного перехода жизни связано с отражением современных техногенных процессов общественного развития, когда развивающееся общество на основе достижений науки, техники и информационных технологий не только социализирует биосферу, но и переподчиняет и изменяет ее, «отбирает» у нее природотворческие функции и само творит на основе изобретенных технологий трансформированные растения, животные и микроорганизмы. При этом в формирующемся и стремительно возрастающем техносферном мире происходит техносоциализация и трансформация человека и биосферной природы.

Об этом свидетельствуют многие факты начавшегося с промышленной революции конца XVIII века формирования техногенного общества – индустриального и постиндустриального по классификации теории постиндустриализма (Д. Белл).

Достижения научно-технической революции в области информатики и связи, а также информационно-коммуникативная революция с её Интернетом и телекоммуникационными системами активизировали техногенное развитие общества и на этой основе техносферизацию и глобализацию всего земного мира. Современный социоприродный процесс глобализации обусловлен во многом *глобализацией инфосферы* – мирового информационного пространства, которое в последние годы стремительно преобразуется в результате развития и распространения средств информатики и новых информационных технологий. Эти средства все более и более широко проникают практически во все сферы жизнедеятельности общества и коренным образом, притом скоротечно, изменяют привычный образ жизни и профессиональной деятельности миллионов людей в различных странах мира.

Современный этап информатизации общества связан с формированием не только национального, но и глобального информационного пространства, где решающую роль играют современные компьютерные технологии и телекоммуникационные каналы, представляющие собой технологический фундамент формирования информационно-техногенного общества. Вот почему на первый план выходят производства, создающие компьютеры, информационные носители, основанные на цифровых технологиях, космические и оптико-волоконные средства связи, виртуальные технологии с погружением в киберпространство, самые разнообразные информационные технологии и программы.

Рассмотрим некоторые принципиально важные тенденции, которые просматриваются уже сегодня в связи с развитием новых информационных технологий и формированием глобального информатизированного социоприродного мира. Если проанализировать основные факторы, содействующие глобализации информационного пространства мирового сообщества, увеличивающегося на 1 млрд. человек каждые 12-14 лет, то среди них можно выделить следующие наиболее важные:

1. Развитие глобальной системы телевидения и радиовещания на основе использования спутниковых систем связи, покрывающих сегодня всю поверхность земного шара.

2. Глобализация телефонной связи, в том числе мобильной. По мобильному телефону уже сегодня можно связаться с абонентами во многих развитых странах мира, а через несколько десятилетий эта сеть будет охватывать практически всю нашу планету.

3. Появление принципиально новых средств и технологий для информационных коммуникаций. Здесь, прежде всего, необходимо отметить цифровые коммуникаторы, представляющие собой портативные устройства, обеспечивающие интеграцию функций мобильного телефона, терминала сети Интернет и даже миниатюрной видеокамеры. Кроме того, очень быстро развиваются и технологии интернет-телефонии, когда речевые сообщения передаются по информационным *трафикам* сети Интернет.

4. Некоторыми учеными предсказывается появление наряду с наукоградами и технополисами информполисов, которые призваны в первую очередь решать многие актуальные вопросы информатизации общественной жизни и заодно многочисленные социально-экономические, экологические и иные проблемы, характерные для эпохи информатизации и в то же время разрабатывать соответствующие социальным потребностям сегодняшнего и завтрашнего дня на основе прогнозов градостроительные, информационно-интеллектуальные, научно-технические и другие проекты [1, с.125].

5. Развитие глобальных информационно-телекоммуникационных сетей. Ярким примером здесь является сеть Интернет, которая сегодня охватывает практически весь земной шар и количество пользователей в которой продолжает непрерывно возрастать, исчисляться уже миллиардами человек. Компьютерные сети являются не просто более совершенным средством связи, но и в значительной степени формируют образ жизнедеятельности и поведения человека, пользующегося ими, и оказывают мощное влияние на его мировоззрение и психику.

Компьютерные сети заключают в себе очень большое число разнообразных возможностей. Они позволяют хранить, обрабатывать и передавать в любую точку мира любые типы данных – текст, числовые массивы данных, изображения, музыку, звук, видеоданные и пр. Сети позволяют организовывать видеоконференции, в которых могут участвовать люди, реально находящиеся на разных континентах; дают возможность корректировать и обрабатывать потоки информации в реальном времени. Сеть существует круглосуточно – в ней нет понятий «день» или «ночь». Общаясь с собеседником через Интернет, далеко не всегда можно быть уверенным, что у него то же время суток, что и у тебя. Сети позволяют сохранять анонимность при соблюдении ряда условий.

Компьютерные сети позволяют практически без материальных затрат организовать работу большого количества специалистов, живущих в разных странах, над одним проектом, проведение досуга компании друзей, позволяют общаться и находить единомышленников людям, в силу различных причин ограниченным в возможностях общения в реальной жизни. Сети служат неисчерпаемым источником самой различной информации. Они предоставляют огромные возможности не только для познания и творчества, но также и для деструктивной и антисоциальной деятельности. Конечно, не стоит преувеличивать свободу и анонимность сетевой активности. Специалистам не составляет труда вычислить незадачливого хакера, впервые взломавшего корпоративный сайт.

Сейчас ещё трудно сказать, каким станет общество в результате развития компьютерных сетей, но уже сейчас видно, что сети делают общество более свободным и мобильным. Сеть – это дополнительный, но пока плохо контролируемый источник информации на предмет ее научности и гуманности. Теперь людям нет необходимости куда-то ехать, если они могут получить нужную информацию или совершить определённые действия у себя дома (например, найти нужную книгу, вещь, получить какую-либо консультацию, оплатить какие-либо услуги, передать какие-либо сведения). Либо наоборот, могут поехать куда-нибудь, не боясь потерять связь с чем-либо или кем-либо.

Люди, привыкшие к возможностям, предоставляемым сетью, к её свободе (пусть иногда мнимой), никогда не согласятся отказаться от этого. А ведь сеть транслирует не просто какие-то сведения, но определённым образом организованную информацию. Необходимо всегда помнить, что информация никогда не бывает абсолютно нейтральной и не влияет только на тех, кто не может её воспринять. Поэтому с самого возникновения компьютерных сетей в них происходит непрерывающаяся борьба: борьба за контроль над сетью или её отдельными сегментами; борьба за свободу распространять информацию и за возможность помешать распространению нежелательной для кого-то информации; за право корректировать и регулировать оборот информации.

Интернет – изначально глобально-децентрализованная сеть. Его работоспособность сохраняется даже при выходе из строя 70% узлов. Данные, размещённые в сети, практически не имеют жёсткой привязки к конкретным физическим носителям, к конкретным географическим и культурным регионам. Части одного интернет-ресурса могут физически располагаться на серверах, установленных на разных континентах, что влияет и на образ жизни человека. «Появление Интернета, – отмечает О.Б. Селиванова, – связано с высшей техногенной фазой постиндустриализма (выделено мною – Н.Л.), в основе которой лежат невиданные ранее темпы развития, смены инновационных революций. Возникает принципиально новая ситуация, когда цикл жизни всех компонентов воспроизводства максимально сужается» [2, С. 379-380].

В настоящее время Интернет представляет собой глобальное материально-информационное пространство, к которому подключены многие сотни миллионов пользователей, их число быстро увеличивается. Количество документов, опубликованных в сети, растет изо дня в день и составляет свыше 1 млрд. Пользователи Интернета имеют доступ к самой разнообразной информации – сайтам прессы, радио, телевидения, официальным документам, книгам, электронной почте, электронной коммуникации и т.п. По прогнозам, уже к 2015 г. большая часть жителей планеты получит высокоскоростной доступ к информации, связанной с телекоммуникационными системами.

В первой трети XXI века предполагается охватить околоземное космическое пространство системой спутниковой связи, а городское и крупнопоселенческое – еще и оптоволоконной связью. Все связанные между собой телекоммуникационные системы будут представлять собой одну космо-

коммуникационную информационную магистраль, которая возьмет на себя все теле- и радиопередачи, телефоны и телефакс и многое другое, рождаемое в недрах информационных технологий.

Развитие Интернета как «Всемирной паутины» органически связано с формированием информационного пространства формирующегося техногенного общества. Эта «паутина» вместе с хранящейся в ней информацией представляет собой ядро разветвленной технико-технологической информационной структуры. Стихийно создавая электронно-техногенную среду обитания, человек не может предсказать все последствия этого развития. Бурное развитие Интернета и его колоссальное воздействие на социум, вызывающее серьезные изменения и трансформации в человеческом бытии, требуют социально-философского осмысления.

Интернет является важнейшей составной частью не только новой информационной инфраструктуры, но и в целом глобальной техносферы (искусственного неживого предметно-вещественного и электромагнитного мира), складывающейся на нашей планете. Поэтому Интернет можно рассматривать, с одной стороны, как самостоятельную реальность информатизации общества, а с другой – как важную часть техносферы формирующегося техногенного земного мира в процессе индустриализации и крупногородской урбанизации.

В теоретических исследованиях Интернета и информатизации выделяются два подхода: «инструменталистский» и «онтологизаторский» [2, с.383].

«Инструменталистский» подход в настоящее время является самым распространенным. В этом подходе Интернет рассматривается всего лишь как техническое средство, которое используется обществом или отдельным индивидом в различных целях, то есть человек волен проявлять личную инициативу и формировать свою стратегию поведения во «Всемирной паутине», расширяя свое присутствие и обмениваясь информацией. Этот подход, по мнению автора, является достаточно ограниченным, не учитывающим диалектики современного формирования системы искусственной, постбиосферной земной жизни и крайне важной необходимости сохранения биосферной жизни.

При «онтологизаторском» подходе (О. Тоффлер, Ж. Деррида, Э.С. Демиденко, В.А. Кутырев, Н.В. Попкова) информационная инфраструктура рассматривается в качестве одного из определяющих факторов формирования не только качественно нового общества, но и состояния земного мира. Если В.И. Вернадский предполагал формирование ноосферы на основе науки как планетарного явления, где сохраняются разумно преобразованная биосфера, то исследования Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачевой, В.А. Кутырева, Н.В. Попковой и ряда других ученых показывают, что под воздействием социума активно формируется на планете Земля техносфера как часть нового, искусственного мира, то есть техно-ноосферы, отрицающей биосферу и биосферную жизнь. Техно-ноосфера (Э.С. Демиденко) предстает как антипод биосферы и основывается на развитой техносфере с ее постбиосферными растительными и животными организмами, она вырисовывается уже как совокупное постбиосферное состояние, развивающееся на планете. И в данном случае «инфосфера», о которой немало пишут исследователи, представляет собой особую онтологическую реальность, прежде всего, как органическую составляющую техносферы. С одной стороны, она (инфосфера) активизирует техногенное развитие общества и социотехноприродную глобализацию, а с другой – является важнейшей составной частью глобальной техносферы, ее «электронным нервом и мозгом». Инфосфера скоротечно изменяет привычный образ жизни и профессиональной деятельности миллионов людей, традиционные стереотипы их поведения, развивая динамично социальные качества и способствуя росту заболеваний и разрушению их природного тела, особенно при помощи искусственных полей.

В «онтологизаторском» подходе, как отмечает Э.С. Демиденко, можно выделить три основных направления в осмыслении новой, интернетной реальности. Первое уходит своими корнями в теорию информатизации будущего земного общества и социального пространства, в котором информационная инфраструктура изменяет всю жизнедеятельность и социальную структуру социума. Второе органически связано с теорией постмодернизма, с отождествлением ее идеологами социальной реальности с реальностью «Всемирной паутины», с виртуализацией последней. Третье основывается на концепции социоприродного развития земного мира в третьем тысячелетии, на понимании движения жизни от ее биосферных форм к постбиосферным, истоки которой (концепции) были заложены в учении В.И. Вернадского о ноосфере. Эти подходы, несмотря на разное видение воздействия информационной инфраструктуры на общество, едины в основном: информатизация, и прежде всего воздействие Интернета, приводит к коренным изменениям в социуме и человеке, к интеграции естественных и искусственных форм жизни [3, С. 179-180].

Основываясь на «онтологическом» подходе к процессам информатизации, можно выделить следующие основные возможности глобальных информационных сетей для развития общества и природы:

- *информационные*: получение любой необходимой и полезной для деятельности и жизни информации (предоставление различных видов информационных услуг);
- *рекреационные*: получение информации о формировании здорового образа жизни, проведение досуга (просмотр фильмов, телепередач, прослушивание радио, посещение развлекательных порталов и т.п.);

- *коммуникационные*: осуществление многообразных коммуникационных процессов в человеческой жизнедеятельности, возможность быстрого нивелирования территориальных барьеров между участниками коммуникации;
- *коммерческие*: осуществление многогранных видов деятельности, направленной на получение доходов или прибыли при помощи ресурсов сети, являющейся частью глобальной сетевой экономики;
- *социально-преобразовательные*: коренные положительные преобразования во всех сферах человеческой жизнедеятельности, социальной структуры и социальных институтов, комплексные социотехноприродные преобразования и т.п.;
- *усиливающие техногенез, т.е. техногенетические*: дальнейшее усиление искусственности техногенной среды, биогеохимических обменных процессов и техногенности форм жизни;
- *трансформационные*: быстрые внеэволюционные изменения во всех сферах общества и в человеческих качествах.

Какими могут быть гуманитарные последствия дальнейшего утверждения перечисленных выше факторов и объектов техносферы, совместное воздействие которых и создает новое глобальное материально-информационное пространство? К сожалению, глобальная информатизация общества и новые информационные технологии не только открывают небывалые возможности во всех сферах человеческой деятельности, но и порождают новые, притом весьма острые и опасные для биосферной жизни проблемы. Особенно опасности проявляется в областях неконтролируемого усиления техногенеза и трансформаций, когда не исследуются и соответственно не понимаются происходящие процессы в развитии живых организмов, включая и человека, не соблюдаются по разным причинам меры безопасности. Нередко процессы информатизации, формирования инфосферы рассматриваются без учета всей совокупности развития техносферы и состояния техногенности определенных пространств социума и биосферы. Так, например, за последние 10 лет количество обратившихся к врачам людей в возрасте 18-30 лет возросло почти в 300 раз. Как известно, это наиболее активная часть людей, работающих за компьютерами, а также посещающих интернет-пространство. Но не только информационные сети становятся виновниками техногенного воздействия на зрение человека; человеческий организм уже существенно подорван пребыванием в городской техносфере, о чем свидетельствует плохое состояние иммунной системы горожанина, особенно многомиллионных городов [4, С.232].

С позиций социоприродного развития процесс глобальной информатизации можно рассматривать как закономерную реакцию мировой цивилизации на новые угрозы для ее устойчивого прогресса. Сегодня здесь борются между собой две главные противоречивые тенденции: первая – повышение информационной взаимосвязанности различных частей мирового сообщества, что, безусловно, должно повысить его устойчивость как сложной самоорганизующейся системы, и другой тенденции – разрушения традиционных национальных культур под воздействием процесса глобализации, деградации биосферы и биосферной жизни, стремительного роста болезней человечества и разрушения биологической основы человека – его тела.

Актуализация развивающихся проблем чрезвычайно важна, поскольку позволит в ходе их решения осуществить переход к информатизации общественных и социоприродных процессов наиболее оптимальными и эффективными способами. Причем необходимо учитывать трудности настоящего момента, трудности перехода к такому обществу, которое было бы гуманным, приемлемым для большинства людей и смогло бы преодолеть опасно развивающиеся для человечества и биосферы глобальные проблемы, а в итоге – сохранить биосферу, биосферную жизнь и человека.

This article touches upon the issue of informatization role in forming of global anthropogenic society, develops two approaches in theoretic researches of the Internet: “instrumentalistic” and “ontological”. Based on “ontological” approach to the informatization processes there’s founded main opportunities for the global informational nets to develop society and nature.

The key words: *Informatization, globalization, Internet, anthropogenic society, infosphere*

Список литературы

1. Демиденко, Э.С. Информполис как научно-технологический центр информатизации общественной жизни и формирования интеллектуальных систем //Новое в искусственном интеллекте. Методологические и теоретические вопросы. М., 2005.
2. Селиванова О.Б. Интернет //Глобалистика: Энциклопедия. М., 2006.
3. Демиденко, Э.С., Попкова Н.В., Шустов А.Ф. Техногенное развитие общества и жизни на земле. Книга 1. – Брянск, 2007.
4. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы. М., 2010

Об авторе

Лапченко Н.Н. – старший преподаватель Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петовского, Inn@inbox.ru

БИЗНЕС В РЕЛИГИИ АМЕРИКАНСКОГО ПРОТЕСТАНТИЗМА

К.А. Матаков

В этой статье автор пытается раскрыть некоторые черты американского протестантизма, роднящие его с бизнес-структурами. Подчеркивается, насколько дух рекламы, конкуренции и получения прибыли близок американским протестантам. В итоге автор делает неутешительный вывод о том, что подобная трактовка христианства входит в противоречие с библейской этикой и способствует разрушения христианства как религии.

Ключевые слова: религия, христианство, кальвинизм, протестантизм, реклама, бизнес, капитализм, этика.

Заголовок данной статьи, естественно, может вызвать вопрос: как это может быть бизнес в религии? Казалось бы, прописной истиной любого учебника по истории религии является та, согласно которой любая религия требует как минимум отказа от значительной части земных удовольствий. Стало быть, если бизнес и религия и совместимы, то с серьезными ограничениями, которые налагает религия. Но уж бизнес в религии, - это кажется чем-то трудно вообразимым. Если читателю показалось, что речь пойдет о нечистоплотном поведении служителей церкви, которые занимаются бизнесом, то спешу его успокоить: не об этом. Суть в другом: бизнес действительно может существовать в религии, если религия эта специфическая. Мы имеем в виду мир американского евангелизма. Спросим себя: возможен ли бизнес без рекламы? Очевидно, нет. Допустима ли реклама в религии? Наверное, многие ответят отрицательно. Вот если проповедь – это другое дело, а реклама . Ну, нельзя же, в самом деле, проповедовать спасение во Христе на манер стирального порошка, который мгновенно и без единого усилия отстирает всю Вашу грязь (грехи)?!

Вот свежий пример из разряда «под ногами» (точнее, под руками). Сразу после Нового года нахожу в почтовом ящике очередной рекламный листок. На 1-й странице – золотая маска Тутанхамона, над которой крупными буквами написано: «ТАЙНЫ ДРЕВНИХ ПРЕДСКАЗАНИЙ». Ниже сказано, что эти тайны вам раскроют в ДК БМЗ. Оказывается, уже миллионы людей посетили эту «программу» в России и за рубежом (конечно, эту информацию трудно проверить). Первая мысль: опять оккультисты разбушевались, и сейчас на сцену снова ползут экстрасенсы-целители-чудотворцы-ясновидящие и прочая астрально-эфирно-кармическая публика. Однако на следующей странице нас поздравляют с Рождеством Христовым, - стало быть, не совсем экстрасенсы, хотя они и могут использовать христианство в своих целях . Дальше – еще яснее: «телекомпания «Три ангела» и Заокская Духовная Академия приглашают Вас изучить древние пророчества». Тут понимаешь: нет, это совсем не экстрасенсы. Судя по «трем ангелам» и особенно по «заокской академии», нас приглашают старые знакомые из числа адвентистов седьмого дня. К сожалению, прямо об этом не сказано, а подавляющее большинство наших сограждан ничего не знают о «заокской академии» и ее связи с адвентистами. Получается недоговоренность, которой так много в протестантских листовках разных исповеданий.

Стоит ли снова и снова говорить о том, что неполная информация несет в себе ложь? Почему бы уважаемым адвентистам на первой же странице в самом верху крупными буквами не написать: церковь христиан адвентистов седьмого дня приглашает вас узнать все пророческие тайны? К чему все эти «шифровки» и как это соотносится с заповедью «не лжесвидетельствуй»? Не нужно быть особенно проникательным человеком, чтобы понять: причем здесь заповеди, когда речь идет о мире рекламы, и люди должны поступать по ее законам, а не по закону Бога? Вот и в данной листовке вам предлагают Библию и учебное пособие в подарок; по ходу текста читаешь надписи крупными буквами на ярком фоне, - «ВЫ БУДЕТЕ УДИВЛЕННЫ», «ПРИХОДИТЕ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ», «ВАШИХ ДРУЗЕЙ ЭТО ЗАИНТЕРЕСУЕТ». Что же, обычный рекламный слоган, - что-то вроде «наши цены Вас приятно удивят». Конечно, бессмысленно задаваться вопросом, откуда у авторов рекламы непреходящая уверенность в том, что они непременно вызовут у нас удивление и ЭТО заинтересует наших друзей; моих друзей, адвентистское ЭТО совершенно не интересует, но это уж кому как . Впрочем, реклама не может не быть навязчивой и наглой . В общем, почти по Бродскому: «Куда ни странствуй, / всюду жестокость и тупость воскликнут: «Здравствуй, / вот и мы!» [1, с.307]. Все то же самое, за исключением жестокости . А между тем адвентистская реклама манит привлекательными заголовками: «узнайте правду о пришельцах из космоса, которые спустились на Землю в древности и сегодня незримо обитают среди нас»; т.е. мы рыцари-джедаи, борцы со злом, мы темную силу завяжем узлом! Кто же спорит, что адвентистская эсхатология действительно напоминает сюжеты «звездных войн» . На последней странице нас продолжают увещевать: «Вы соприкоснетесь с неизведанным и таинственным». Сколько же в адвентизме неизведанного, а уж всей тайн достопочтенной Елены Уайт (главный богослов адвентизма, полное собрание сочинений которой насчитывает 98 томов) не перечесать. Все-таки как важна точность: «вы изучите более 100 самых интересных и актуальных предсказаний»; разумеется, книжные магазины сегодня пестрят книгами вроде «100 катастроф», «100 загадок истории», «100 знаменитых женщин» и т.д., так что дух времени здесь уловлен правильно, - 100 предсказаний,

тщательно отобранных адвентистами. Тут еще нам обещают «более 3000 слайдов на экране», - видимо, это число призвано поразить воображение обывателя, как его поражает тот факт, что новый телевизор способен воспроизвести сотни миллионов цветов. А листовка продолжает бесноваться: «как отложить свои похороны минимум на 20 лет», «загадочный антихрист. Кто он?». Последнее очень похоже на рекламу. Что же касается первого, то, надо полагать, адвентистская «санитарная реформа» (пищевые ограничения вроде неприятия чая) поможет вам жить на десятки лет дольше. А то как же, - не пьешь чай, и жизнь бьет ключом. Хотя и не видно, чтобы адвентисты жили значительно дольше остальных людей, но звучит привлекательно и, в духе века, материалистично. Ведь сегодня все так хотят продлить свое физическое существование, - а с Богом оно, или без Бога, - не так уж важно. Правда, Христос ничего не говорит о том, что благодаря Евангелию мы станем жить на 20 лет дольше: и Он Сам, и его апостолы жили на земле не дольше остальных. Христос обещает не продление жизни земной, но жизнь вечную. Однако у адвентистов с вечной жизнью как-то не ладится, - и душа у них смертна, и Бог уничтожает грешников; что же до праведников, то их вечная жизнь в описании адвентистов слишком «приземленная», - не сразу и поймешь, то ли это вечное и нетленное, радостное сияние с Христом, то ли коммунистический рай, то ли суетное существование Агасфера

Напоследок нам предлагают «уникальную музыкальную программу», - вот уж не знал, что у адвентистов есть «уникальная музыка»: это эстрадные номера на манер «фабрики звезд», что ли, - шедевры типа «счастлива я, Бог любит меня / Бог любит меня, и счастлива я»? Но чтобы счастье было совсем полным, вам обещают «специальное свидетельство по окончании программы», - видимо, это будет сразу «свидетельство о спасении». Последняя строчка на последней, четвертой странице таит сюрприз: на ней очень мелкими буквами (самими мелкими в этой рекламной листовке) написано, что организатор данного мероприятия – церковь адвентистов. Т.е. полная информация все же предоставлена, но как! Шрифт такой мелкий, что не сразу и прочтешь: нужно ближе поднести листок к глазам. Очень похоже на рекламное «кидалово», - сначала вам крупными буквами гарантируют выигрыш несметных богатств, а потом, где-нибудь на задворках, очень мелко написано, что предварительно вы обязаны внести некоторую сумму. Напрашивается вопрос: почему адвентисты так утаивают правду о себе в своей же рекламе?

Конечно, бизнес – это не только реклама. Это еще и дух. Макс Вебер любил подчеркивать, насколько кальвинистский дух способствовал процветанию капитализма. Можно долго спорить долго о том, присутствует ли у самого Кальвина проповедь обогащения в рамках религии. Одно несомненно: в кальвинизме уже в XVII веке побеждает позиция, согласно которой, если твой бизнес пошел лучше, то это знак того, что Бог тебе благоволит. Надо полагать, у российских олигархов с Божьим благословением все в порядке. Так, или иначе, но американская цивилизация проросла именно на почве вышеупомянутой кальвинистской этики. Сегодня это приводит к удивительным последствиям. Передо мной небольшая книга американского пятидесятника Дэвида Тинни с предисловием лидера украинских пятидесятников «афроукраинца» Сандея Аделаджи. Напомню, что последний являлся (а, быть может, и является) советником экс-премьер-министра и экс-кандидата в президенты Украины Юлии Тимошенко.

А теперь о кальвинистском духе. Вот характерная цитата из мистера Тинни: «Я прихожу к выводу, что Бог – капиталист. Да, Он капиталист, потому что суть капитализма в том, чтобы работать на себя и получать благословения за свой труд» [2, с.46]. Читаешь эту фразу и недоумеваешь. Разве Бог работает на Себя? Мне всегда казалось, что христианство придерживается жертвенного понимания Бога, согласно которому Бог есть любовь, и потому Он работает ради других, отдает Себя им. В связи с этим христиане верят, что Бог стал человеком в лице Иисуса Христа и пожертвовал Своей жизнью ради спасения людей. Неужто и на кресте Бог работал на Себя?! Что касается благословений, то, действительно, в христианстве множество примеров, когда люди получали благодать от Бога за свой труд. Но Бог – полнота бытия и ни в чем не имеет недостатка: какие же благословения может получать за свой труд Бог?! От людей Он может получать разве что хвалу (хотя и не нуждается в ней), но чаще, увы, получает проклятия. В любом случае, данные слова американского протестанта смущают. Разумеется, работа у людей предполагает и элемент работы на себя. Но это все же не главное, иначе получается чистый эгоизм: его действительно слишком много именно при капитализме. Жертвенный характер христианской этики говорит в первую очередь о любви к другому, а не о себялюбии. У Тинни акцент смещен на самоудовлетворение. И потом, как-то слишком прагматично звучат слова о том, что работать нужно только ради благословений. Для христианства важен не этот прагматистский мотив, но работа ради любви к Богу и людям.

Неудивительно, что Тинни тут же начинает говорить о том, как хорош капитализм с его экономикой [см. 2, с.46]. Очевидно, что для него, как и для многих протестантов, «прелести» американской экономики служат знаком того, что американский протестантизм является религией истины. Интересно, почему никто не спрашивает: неужели экономика древнего Израиля времен Иисуса Христа была эффективной? Столетиями христиане не считали развитие экономики признаком истинности собственного духовного пути: Богу богово, а кесарю – кесарево. Но сегодня времена иные, материалистические: правильная экономика – правильный дух. Вот только где в Евангелии про это написано? Впрочем, трактовка Евангелия у Тинни своеобразная, как и у многих пятидесятников. Вот, например, как он трактует известное из Евангелия насыщение пятью хлебами пяти тысяч человек: «Служение Иисуса было богатым. Помните умножение хлебов? Там собралось 5000 человек. Иисус сказал: «накормите их». Ученики ответили: «Ты что, хочешь, чтобы мы пошли и купили так много хлеба?». Подумайте, у них были деньги, чтобы накорм-

мать 5000! Измените мышление. Не читайте Писание религиозно, а так, как оно на самом деле написано» [2, с.49]. Да уж . Фраза «Библия не написана религиозно» гораздо уместнее в устах атеистического автора. Но если христианский автор призывает нас не читать Евангелие религиозно, начинаешь сомневаться буквально во всем . А как еще христианин может прочесть Евангелие?!

Из интерпретации мистера Тинни следует, что чудо Христа вообще не было нужным: «богатые» апостолы могли просто пойти и купить хлеба! Однако Бог не творит бессмысленных чудес . Как характерно это подчеркивание автором «богатого» служения Христа: обычно подчеркивается духовность Его служения . Но этого господина интересует только прибыль . Конечно, в Евангелии от Марка есть эпизод, где апостолы говорят Христу: «разве нам пойти купить хлеба динариев на двести и дать им есть?» (Мк. 6, 37). 200 динариев по тем временам – довольно крупная сумма, учитывая, что динарий составлял ежедневную плату римского воина. Но у Иоанна есть уточнение, - апостол Филипп говорит Христу: «им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу» (Ин. 6, 7). Стало быть, евангелия, скорее, утверждают, что у апостолов не было достаточно денег, чтобы насытить хлебом 5000 человек. К тому же, если апостолы вначале просят Христа: «отпусти народ, чтобы они пошли в селения и купили себе пищи» (Мф. 14, 15), то тем самым предполагается, что денег у учеников Христа было не так много, как думает пятидесятнический автор. И потому Христос с помощью чуда восполняет нужду собравшихся послушать Его проповедь людей. Мы просто забыли, что Дэвид Тинни призывает нас не читать этот эпизод религиозно: ему не нужно чудо, его интересует, что можно купить, и что – продать.

И потому он рассуждает так: «Мы – бизнесмены, и должны получать доход. Конечно, я благословляю мою церковь, но не могу снабжать ее бесплатными билетами . Пора менять коммунистическое мышление на мышление частного предпринимательства. Бизнес делается для получения прибылей» [2, с.49]. Понятно, что такое мышление быстро превращает церковь в бизнес-сообщество, где каждый занят только подсчетом прибыли. Бескорыстие такому мышлению, видимо, не свойственно . Это на Руси ценились бессеребренники . Немудрено, что Тинни рекомендует христианам учиться у . Мак-Дональда! Таким образом, церковь становится евангелическим супермаркетом, а не Царством Божьим . Последний пример, подтверждающий эту мысль, приводит сам мистер Тинни: «Лидер группы прославления нашей церкви занялась продажей косметики Мэри Кей. Она попросила мою жену, с которой дружит: «Джуди, помоги мне начать бизнес. Ты не могла бы пригласить к себе своих сотрудниц, а я бы показала им косметику Мэри Кей?». Они пришли. И целых четыре часа наносили макияж себе на лицо, а потом смотрелись в зеркало. Это сработало. Две из трех пришедших женщин сделали покупки» [2, с.76].

Вот такое христианство! Добрые христианки-пятидесятницы, абсолютно уверенные в собственной святости и автоматическом попадании в рай (это отражено в протестантской догматике), четыре часа наносили себе макияж и смотрелись в зеркало! А все для того, чтобы продать косметику. Вот уж, поистине христианское дело . Автор совсем не задается вопросом, насколько такое занятие совместимо с христианской этикой . Впрочем, кому этика, а кому – косметика. Между прочим, в «Книге Еноха» (2в. до н.э.; книга апокрифическая, но отражающая библейские представления) повествуется о демоническом духе по имени Азазель, который научил женщин блудному искусству раскрашивания лица [см. 3, с.25]. Но американским протестанткам нет до этого никакого дела: они раскрашивают свои лица, чтобы в таком виде попасть в Царствие Небесное . Религия бизнеса торжествует.

In this article the author tries to disclose some features of the american protestantism, which make it similar with business-structures. It is marked, that the spirit of advertising, competition and profit is too close to american protestants. To sum up the article the author makes a conclusion that, such an interpretation of Christianity contradicts with Biblical Ethics and it promotes the destruction of Christianity as a religion.

The key-words: religion, Christianity, Calvinism, protestantism, advertisement, business, capitalism, ethics.

Список литературы

1. Бродский И.А. Форма времени (в 2т.). Мн.: Эридан, 1992. Т.1.
2. Тинни Д. Не бойся начать свой бизнес. К.: Світла зірка, 2004.
3. Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991.

Об авторе

Матаков К.А. – Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru

УДК – 174: 378

**КОММУНИКАТИВНАЯ ЭТИКА Ю. ХАБЕРМАСА В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

Л.В. Садовая

В статье рассматривается философское обоснование intersubjectивности современной рациональности, доступной познанию коммуникативному сообществу. Коммуникативная этика регулирует согласование культурных дискурсов. Образовательные практики, ориентированные на коммуникативную этику, повышают эффективность обучения и воспитания.

Ключевые слова: коммуникативная этика, деонтологическая этика, конвенциональная этика, принцип информированного согласия, этос, моральные права.

В современном обществе наблюдается тенденция перехода от императивного разума модерна к коммуникативному разуму постмодерна. Олицетворением императивного разума является философия и этика И. Канта, где человек и его разум выступают в роли судьи и всеобщего законодателя. Такой разум трансцендентален и монологичен, тогда как сегодня актуальна идея полилогичности и прагматичности познания. Место одиноко стоящего субъекта, который делает предметом рефлексии самого себя, занимает не столько познание, соотнесенное с действием, сколько совокупная взаимосвязь повседневной практики и повседневных коммуникаций, в которую встроены intersubjectивные в своих истоках и достигаемые в сотрудничестве познавательные результаты.

В противовес познанию, основывающемуся на идеалах научной объективности, пришло время не-объективирующего мышления, которое отказывается от ориентации на притязание всеобщей значимости. Эти философские идеи применительно к этике активно развивает в своих работах Ю. Хабермас. Он считает, что трансцендентальная философия не исчерпывается теорией познания, в которой формализация рациональности доходит до такой степени концентрации, что культура осваивается неисторично. Отказ от субстанциальной рациональности традиционных религиозных и метафизических способов истолкования мира ведет к недоверию к процедурной рациональности, в которой отражаются многообразные культурные практики и децентрированное понимание мира. Более того, он замечает, что если теоретический дискурс не может найти согласия с другими, то приобретает качество «наставлять и поучать», а не решать проблемы [1, с. 25]. По мнению Ю. Хабермаса современный дискурс имеет интерпретативный характер, он включает в себя теорию и историю науки, теорию и практику, формальную и неформальную аргументацию, частное и целое, рациональное и эмоционально-волевое, субъективное и объективное, когнитивное и коммуникативное и т.д. Понимание между участниками рождается в непосредственном общении, в зависимости от контекста и ценностной значимости полученных сообщений. Проблема, которую исследует Ю. Хабермас, заключается в том, чтобы место когнитивного универсализма заменить моральным. Для решения этого вопроса он предлагает рассмотреть нормативные структуры коммуникативных действий и выявить их связь с моральным сознанием.

Обращаясь к классическому вопрошанию И. Канта «Что я могу знать?» и «Что я должен делать?», он исследует мотивацию поведения с позиции телеологического действия. В контексте деонтологической точки зрения такое поведение приобретает обоснование общественной группы, так как идеал должного задает группа, поэтому намерение и приобретает прагматическую направленность. Поскольку образ действий имеет коллективную природу, то члены такого коллектива должны достичь общего решения. Каждый, кого оно касается должен иметь возможность убедиться в том, что предложенная норма отвечает интересам всех. «Именно такой процесс мы называем практическим дискурсом» [1, с. 112]. Отличие практического дискурса от когнитивного в его коммуникативности. Такого рода дискурсы формируются во взаимодействии, они обладают плюрализмом ценностных ориентаций, что обеспечивает возможность каждому участнику выразить свою позицию.

Истоки морали на самом деле находятся не в голове одного человека, а образуются в результате взаимных контактов, люди поворачиваются друг к другу для совместного принятия решения. Большинство вопросов требует широкого обсуждения. В одиночку проблему решить нельзя. Раньше философ выступал обладателем истины, в настоящее время никто в одиночку не может добиться результата, только в сообществе. Истина рождается в коммуникации, во взаимном обсуждении и взаимодействии.

Поскольку практические дискурсы подвержены пространственно-временным ограничениям и развертываются в контексте общественной жизни, постольку возникает потребность в институциональных мерах их регуляции. Этой роли соответствуют конвенции, которые служат для институализации дискурсов. Основу любого взаимодействия составляет интеракция, которая имеет две ступени, то есть два измерения, если соотносить моральное сознание как стратегическое и коммуникативное действие, регулируемое нормами и обусловленное мотивами. Морально оправданными могут считаться только такие действенные нормы, которые получили согласие у всех, к кому они имеют отношение. Ю. Хабермас вводит понятие нормативной значимости действий. Нормативная значимость долженствования, действенная нормативность как всеобщее одобрение и социальное признание.

Если современное образовательное сообщество будет ориентироваться на нормативность, то это позволит обучаемым и обучающим полноценно развивать свою личность. Нормативная значимость этической конвенциональности становится критерием соответствия коммуникативной и индивидуальной сферой деятельности образовательного субъекта. Поэтому культурологическая направленность обучения и воспитания сопряженная с логикой профессионально-личностного развития студента и ориентированная на нормативность моральных прав студента и преподавателя, способствует реализации социоморальной стратегии взаимодействия. Цели индивидуального развития образовательного субъекта достижимы при использовании проблемных, диалогических методов, интерактивных технологий, коллективно-групповых форм обучения и воспитания.

Отношение к значимости нормы сталкивается со сложностью, суть которой состоит в том, что сами нормы не содержат в себе правила по их применению и признанию. Моральная норма как когнитивная структура должна быть дополнена социальным и культурным контекстом, тогда обучение и воспитание активизирует обучаемых на герменевтическое разумение, толкование, интерпретацию, то есть нацелит их на индивидуальную восприимчивость ситуации. Преференция этической конвенциональности не представляет собой только прямую вертикаль индивидуального восхождения к высшим идеалам, а имеет соответствующую коммуникативную направленность профессионально-ролевого взаимопонимания, умения налаживать контакты и договариваться. Это характеризует уровень профессионально-личностного развития будущего специалиста как степень его приверженности к культурным ценностям этноса, группы, коллектива, общества, универсума.

Современная образовательная среда имеет поликультурный и характер, это создает предпосылки для формирования нового типа сознания и поведения её участников. Субъект образовательного взаимодействия должен ориентироваться не только на собственные мотивы, но и на понимание того, что каждая конкретная область обучения и воспитания требует от ее участников выработки особой нормативной системы. Суть которой в использовании соответствующих механизмов согласования внутренней и внешней автономии субъектов в рамках функционально-ролевой деятельности. Нормативность обеспечивается использованием интерактивных образовательных технологий, включающих его участников в коммуникацию.

Коммуникативная этика позволяет рассматривать образовательные и индивидуальные роли деятельности всех участников образовательного процесса не как подчиненные, а как симметричные. Ориентируясь на исследование внутренних потребностей учебно-педагогической практики, можно установить истинные мотивы её участников. Выявив ценности установок образовательных субъектов, соотнести их с целями образования, можно научиться координировать и управлять образовательной деятельностью. Направленность современного образовательного процесса приобретает, таким образом, целевые, стратегические очертания, которые проецируются на субъект-субъектное взаимодействие, что создает базу для моральной ориентации на значимость этической нормативности. Это позволяет участникам образовательного процесса приобщиться к таким формам и методам взаимодействия, которые способствуют осознанию ценности согласия и приобретению навыков его достижения.

Однако действенность этических норм генетически не связана с выбором принятых в данной среде правил, то есть не имеет прямой проекции на личность. Поэтому необходимо определить уровень нормативной значимости коммуникации. Нормативная значимость формируется в пространстве между наличными нормами образовательных отношений и их ролью (обучать или обучаться). Динамика развития этической коммуникации опирается на механизм соответствия между внутренним стремлением к неконфликтности своих действий и внешней нацеленностью образовательных структур на согласованность.

Основатель когнитивной теории развития морального сознания личности Л. Кольберг выводит конвенциональность в качестве критерия морального становления личности. Конвенциональность формируется во взаимодействии психологической и познавательной структур индивида с социальной средой. Стадии развития морального сознания, по его мнению, выражают общую закономерность инвариантных универсальных принципов, имеющих вертикальную направленность восхождения. Однако насколько характер социальной среды влияет на нравственное самосовершенствование личности, Л. Кольберг не изучает. Ю. Хабермас ставит задачу установить механизмы взаимодействия социальных и психорациональных структур. Он сопрягает интерактивность социальных действий человека с универсализмом этических принципов, рассматривая в их основе единые механизмы. Ю. Хабермас [1, с. 247-248] выделяет следующие типы нормативно-ценностных ориентаций поведения личности по двум векторам действий - стратегические (вертикаль): на авторитет (1), собственные интересы, успех (2), лояльность (3) и тактические (горизонталь) - социально-ролевые (4), общественные (5), универсальные ценности (6).

Онтологическим основанием такой классификации является интеракция: взаимонаправленность социальных действий (1), координация (2) и интеграция (3). Развитие конвенциональности, по его мнению, характеризует определенные уровни личностной и социальной независимости, которые одновременно выступают критерием моральности человека. Она формируется и проявляется как способность к интерактивному взаимодействию и этической рефлексии.

Структуру индивидуальной деятельности следует изучать в двух измерениях: вертикальном (личностное), характеризующем когнитивную направленность сознания, и горизонтальном (профессиональное), актуализирующем ролевой коммуникативный опыт социокультурной среды. Преференция профессионально-этической конвенциональности формируется тогда, когда стратегия индивиду-

ального развития соотносится с тактикой социально-ролевого взаимодействия, которая, в свою очередь, базируется на интерактивной природе образовательной деятельности.

Современное образование призвано актуализировать гуманистические потенции человека, его стремление к развитию и саморазвитию, поэтому организация обучения и воспитания должна способствовать готовности студентов к самостоятельной профессионально-личностной самореализации. Достижение этой цели ведет к качественной перестройке всей структуры и содержания взаимоотношений между студентом и преподавателем, между студентом и студентом, педагогом и педагогом, которые опосредованы их отношениями с обществом. Процесс социокультурной интеграции участников образования - есть инструмент согласования коммуникативности и индивидуальной независимости, нормативно-ценностную основу которой составляет этика конвенциональности. Действенность этической нормативности обуславливает индивидуальные предпочтения всех субъектов образования и является реальным способом решения профессиональных и личностных задач. Образовательная система призвана обеспечить каждому желающему возможность получить статус со-участника коммуникативного процесса, статус личности, со-определяющей его ход и несущей за него свою долю ответственности.

Практика обучения профилирует функции преподавателя и учащегося (нивелируя индивидуальное) в целях, четко регламентируя обязанности, а в ценностях актуализирует личностное начало. При этом взаимное требование соблюдения прав, которое утверждает нормативный базис учебно-педагогических отношений, выражает гуманистическую ориентированность обучения. Симметрия ролевых и персональных целей / ценностей достигается этической ориентацией и регуляцией. Учение как индивидуальный способ приобретения специальных знаний соотносится с преподаванием как профессиональной (особенной) формой культурного общечеловеческого опыта. Дифференциация ролевой деятельности перемещает межличностные отношения обучаемого и обучающего в контекст социальных, на уровень партнерства, поэтому требует совершенно и иной регуляции.

Коммуникативная этика в качестве ведущего принципа нравственной регуляции взаимодействия выдвигает - конвенциональность. Этическая конвенциональность отражает цели и ценности коммуникативного разума, который выражает реальность современного децентрализованного мира.

Смысл согласованности актуализируется у обучаемых в условиях реального взаимодействия. Поэтому важно, чтобы каждый человек ощущал себя частью целого, сопричастного в своей социальной миссии и ответственного за ее реализацию. Коллектив, группа через совокупность этических принципов и норм, устанавливает степень сопряжения личных и общественных интересов. Здесь общественные цели осваиваются как пределы индивидуальных и коллективных возможностей, создавая пространство проявления человеческой свободы (профессиональной и личной).

Исследование интериоризации конвенциональных моральных установок базируется на использовании педагогических форм конструктивного взаимодействия, развивающих этическую рефлексивность и навыки достижения согласия. Мотивация обучаемых должна быть сфокусирована на том, что понимание и взаимопонимание – стороны единого процесса, будь это межличностная или профессионально-ролевая коммуникация. Этическая рефлексивность образовательной согласованности выражает для студента смысловую связь целей и ценностей, социальной и ролевой сторон деятельности. Единство стратегии и тактики обучения и воспитания реализуется через умение в процессе коммуникации соотносить оценку группы и самооценку своей деятельности. Формирование ценностного отношения к конвенциональности определяется культурной составляющей обучения и воспитания. Создание в обучении аксиологической панорамы идей и образов помогает студентам приобрести навыки диалогического и полилогического общения.

Конструктивное учебное взаимодействие является исходным технологическим принципом и практическим показателем реализации этической конвенциональности у обучаемых. Ее присвоение проходит три основных этапа: неосознаваемо-нормативный (авторитет), нормативный (формально-правовой), рефлексивный (нормативная значимость), ценностно-нормативный (нормотворчество). Применение метода конструктивного учебного взаимодействия активизирует различные типы когнитивной и аксиологической коммуникативности, которые составляют конвенциональную основу образовательной практики. Его использование опирается на методологическое единство всех компонентов в структуре личности и соответствие индивидуальной (свобода выбора) и социальной автономии (симметрию прав и обязанностей) участников учебно-педагогического общения.

Организация образовательного взаимодействия в виде функционально-ролевой деятельности обуславливает формирование тактических навыков профессионально-личностного развития обучаемого. Ее моделирование имеет тринитарную конструкцию. Структура организации учебного взаимодействия, как управляемого процесса, включает в себя следующие ключевые роли: организатор, исполнитель - партнеры, наблюдатель (заказчик), что соответствует основным социальным параметрам управленческих функций. Соответствие конструктов должно иметь сбалансированный формат - (социально-индивидуальный; когнитивно-аксиологический), соотношение которых обеспечивает реализацию коммуникативных знаний и умений обучаемых, ориентированных на утверждение ценности этической конвенциональности в обучении, в сознании и поведении студента.

Применение сотрудничества в социально-ролевом взаимодействии позволяет активизировать межличностные отношения и актуализировать этическую составляющую обучения и воспитания. Как цели и задачи объединяет конкретную совокупность людей (в группе, классе), что делает их со-

трудниками? Случайность, которая свела всех в одном месте, еще не есть основание для доверия. Оно возникает по мере прояснения своего отношения к целям. Поиск общих проблем – задача сверхсложная, но, на наш взгляд, единственно верная. Сотрудничество – это процесс взаимного узнавания на уровне ценностей, диалог и обмен информацией, идеями и опытом в атмосфере доброжелательства. Оно создает атмосферу взаимопонимания и согласия. В процессе сотрудничества будущие специалисты учатся соотносить достижение своих целей с возможностями партнеров.

Интерсубъективные формы организации учебно-воспитательной деятельности предполагают использование таких методик, которые способствуют развитию этической рефлексии: проблемно-поисковый, этические дилеммы, контекстное обучение, диалоговые, дискуссионные и др. В основе дидактической организации обучения готовности к этической конвенциональности лежит этика дискурса. Она регулирует формы и механизмы учебно-познавательной рациональности (системо-коммуникативно-процессуальных процедур), которые структурно воспроизводят демократизм социальных и образовательных отношений. Организация учебной исследовательской деятельности, где дискурс есть форма и результат коллективного коммуникативного взаимодействия, требует определенной подготовки его участников.

Для дискурсивной этики центральными являются понятия коммуникативных действий (синтез разума, нравственности и демократии), включающие коммуникативную рациональность, коммуникативную компетенцию, благодаря которым возможно достичь согласия, взаимопонимания и признания в процессе переговоров, обмена мнениями и их обоснования. Дискурсивная этика отстаивает приоритет механизма процедуры коммуникативных действий над стратегическими ценностями, где аргументация определяется характером интерпретации, то есть способностью к рефлексивной рационализации. Существенным фактором развития вербальной коммуникации является требование компетентности: непременным правилом любой дискуссии, должна быть осведомленность всех участников обсуждения. Тематическая информированность является условием востребованности собеседника.

В процессе использования дискурса реализуется сущность коммуникативной рациональности, как модели профессионально-личностной компетенции. Участники диалога вырабатывают совместное общее мнение. Дискурсивная аргументация амбивалентна – она актуализирует универсальный, рациональный механизм обоснования своего знания независимо от ценностей. С другой стороны, она – необходимая основа индивидуального понимания, которая делает умение интерпретировать знания условием этической коммуникации, поскольку ценности и проявляются в способности к толкованию.

Этика дискурса дает критерии достижения консенсуса как формы когнитивной и поведенческой самодисциплины, способствует развитию интеллектуальной базы партнерских отношений. Рациональная регуляция коммуникации в обучении обеспечивает возможность каждого высказать свою позицию и не оказаться ущемленным. Дидактический смысл морального дискурса заключен: во-первых, в том, что он делает обучение и воспитание управляемым процессом, в ходе которого обучаемым приходится усваивать некоторые правила, нормы и оценки ситуации общения (цели / средства / результат / ответственность).

Во-вторых, этическое обучение апеллирует к человеческой свободе и достоинству. Практически это означает следующее: чтобы педагог ни делал (передавал знания, стимулировал нравственные поступки, обсуждал моральные проблемы, анализировал добродетели и т.д.), студент так же получает возможность развивать свою точку зрения и в то же время учится принимать во внимание точку зрения другого. Наконец, в процессе дискурса не происходит внушения каких-либо идей, даже если педагог и преследует подобные цели.

Метод этической рефлексии является механизмом интериоризации знаний в ценности и способом обучения конвенциональной рационализации, так как опирается на групповые и микрогрупповые формы организации обучения. Он характеризует сопряженность нормативных (коммуникативных) и рефлексивных компонентов в структуре личности и включает следующие процедуры [2, с. 119]:

- а) обсуждаемая ценность как идеальный тип, требующий концептуального анализа;
- б) феноменология рассматриваемой ценности (социокультурный контекст);
- в) конкретные силы, стремящиеся к осуществлению данной ценности или приближению к ней как идеалу (носители ценностей);
- г) соотношение между идеалом и практикой его реализации (стратегия и тактика);
- д) образовательная среда, в которой происходит не только изучение вышеизложенных факторов, но и осуществление желанных ценностей, которые мы исследуем (мы-позиция, я-позиция).

Метод решения этических дилемм обеспечивает приобретение студентами навыков саморефлексии. Во-первых, они опираются на имеющийся опыт, во-вторых, стараются понять источник самой проблемы, и выявить ее этический аспект.

Этическое решение учебно-педагогических проблем обусловлено ситуацией морального выбора. Методика конкретного решения включает последовательность сформулированных дилемм. Например, нужно рассмотреть тему: «Каким должен быть выпускник вуза – специалистом широкого профиля или узким специалистом в конкретной области?». Для этого вопрос необходимо сформулировать в виде дилеммы: «Вы считаете, что выпускник вуза должен быть специалистом широкого профиля?» (да / нет) и «Вы считаете, что выпускник вуза должен быть специалистом в конкретной области?» (да / нет). Затем необходимо предложить аргументы «за» и аргументы «против». В итоге решение дилеммы должно получить синтетический вид, учитывающий доводы каждой стороны, снимающий их противоположность. Эта задача решается путем обращения к этическим принципам, которые отвечают целям дея-

тельности, интересам личности и не противоречат культуре общества. Поиск решения дилеммы неизбежно сталкивается с различными ценностными предпочтениями студентов, что и создает ситуацию выбора и одновременно актуализирует поиск конвенциональной стратегии.

Использование метода “диалога” активизирует когнитивные основы взаимопонимания. Организация способов аргументации ориентирует студентов не просто на достижение согласия, а на понимание коммуникативной природы знания. Способность осознавать всегда включает в себя вопрос «в чем состоит благо другого человека?». Этические условия понимания связаны с классической оппозицией целей и средств, которые и составляют «этический конфликт» общения [3, с. 146]. Разрешение этого конфликта в ту или иную сторону ведет к авторитарным или эгоистическим нормам общения, а этико-конвенциональное состоит в поиске симметричности данных переменных. Достижение собственных целей включает ориентированность на другого. Этический результат диалогового общения - это установление истины, монополией на которую не обладает никто, поэтому стремление понять другого отвечает интересам всех и дела.

Роль коммуникативной этики в обучении достижения согласованности выражается в умении участников образовательного взаимодействия реализовать навыки коммуникативной деятельности: поставить себя на место другого, внимании к невербальным средствам общения, демократическом стиле общения. Она характеризует поведенческую сторону рационального взаимодействия, переводящего функциональную деятельность обучаемого (учиться) в субъектную (осознаваемую). Наличие у каждого студента персональных ценностей способствует созданию атмосферы полемики, которая в свою очередь актуализирует потребность в этической регуляции рациональных процедур дискуссии.

Коммуникативная этика Ю. Хабермаса выступает методологическим базисом анализа моральных поступков в современном обществе. Коммуникативный разум нуждается в особых принципах этической регуляции, которые позволяют реализовать право каждого человека быть услышанным и в целом добиться решения тех проблем, которое отвечает интересам всех. Применение данных теоретических установок в образовательной практике позволяет подготовить будущих граждан к жизни в условиях коммуникативного взаимодействия. Коммуникативная этика опирается на такие принципы как конвенциональность, справедливость, рассудительность, благоразумие, доверие, ненасилие, миролюбие и другие.

The article dealt with philosophic basis of intersubjectivity of modern rationality accessible to cognition of community. Communicative ethics regulates congruence of modern discourses. Educational practice directed to communicative ethics increases efficiency of education and upbringing.

The key words: communicative ethics, ethos, moral rights, deontological ethics, conventional ethics, the principle of informed approval.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001.
2. Липман М. Обучение с целью уменьшения насилия и развития миролюбия // Вопросы философии. 1995. № 2.
3. Этика: Новые старые проблемы. М. Гардарика, 1999.
4. Канке В.А. Современная этика. М., 2007.

Об авторе

Садовая Л.В. – кандидат педагогических наук, старший преподаватель Брянского государственного университета, gumvest.bgu@yandex.ru

УДК – 101.1.:316.42

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ СТОРОН СОВРЕМЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

С.Н. Чувин

Проводится поиск путей преодоления негативных аспектов социально-экологической трансформации человека и намечаются основные пути сохранения и укрепления природного здоровья человека в сочетании с принимаемыми мерами по устойчивому развитию общества и биосферы, что позволит в будущем обществу, природе и человеку развиваться более гармонично и устойчиво.

Ключевые слова: трансформация человека, биосфера, преодоление антропологического кризиса, меры.

Социоприродный переход жизни на планете Земля особенно ускорился в конце второго – начале третьего тысячелетия и является не только очередным витком прогресса в развитии человеческой цивилизации, но и оказывает негативное влияние на систему “природа-общество-человек”. Нарастающее обострение проблем в отношениях техногенного общества, природной среды и человека в конце XX – начале XXI веков показывает, что необходимо найти рациональные решения для преодоления глобальных проблем современности, в том числе и проблемы глобальной трансформа-

ции и даже деградации человека. В данной статье мы ставим своей целью провести поиск путей преодоления негативных аспектов социально-экологической трансформации человека и безопасного развития отношений человека с окружающей биосферной и техносферной средой в будущем, которые позволят обществу, природе и человеку развиваться гармонично, не подвергаясь самоубийственной трансформации. В связи с этим необходимо проводить меры по гуманистической и технико-технологической перестройке общественного организма, поскольку характер общественных процессов является базисным для дальнейшего понимания путей выхода из антропологического кризиса.

Все сферы жизнедеятельности человека подвергаются сейчас больше всего воздействию законов техногенного общественного развития. Наиболее важными, на наш взгляд, являются характер и направление экономического развития современного общества. Именно они задают динамику и скорость положительных и отрицательных изменений в политических, научно-технических, социально-экологических и других процессах. Как убедительно отмечают некоторые исследователи, рыночная природа современной экономики является определяющим и ускоряющим фактором различных преобразований и развития техногенного общества. А поскольку экономика в современном мире в основном предоставлена и продолжает далее бесконтрольно передаваться в частные руки, то государства и политики уходят от ответственности за судьбы нашей планеты, доверяя всецело экономике так называемому “гражданскому обществу”, которое не имеет своих выверенных целей и механизмов безопасного саморазвития и занято, прежде всего, материальным обогащением и безудержной гонкой за избыточным удовлетворением своих потребностей и интересов [1, с.170].

В качестве примера можно привести огромный дисбаланс между распределением и потреблением ресурсов и богатства: страны-лидеры (США, Япония и др.) сейчас потребляют на душу населения ресурсов в сотни раз больше, чем страны “третьего мира”, и этот отрыв продолжает расти. Вот почему назрела необходимость переосмыслить и изменить в лучшую сторону существующий негуманный, несправедливый либеральный общественный строй, разумно подойти к построению нового мирового порядка, в основе которого будет лежать, прежде всего, гуманистическая направленность развития человечества и человека. Успешность построения общества с новыми приоритетами развития зависит от гармоничности связей в системе “биосфера-человек-техносфера” не только на национальном, но и на международном уровне, и определяющая роль в этом процессе должна принадлежать развитым странам, так как их возможности воздействия на биосферу наиболее существенны. Однако, как отмечалось нами ранее, крайне сложно в условиях жесткой неуправляемой конкуренции найти такие оптимальные стратегии развития различных сфер деятельности, которым без особых трудностей последовало бы большинство государств.

В настоящее время наиболее развитые в экономическом отношении страны мира вступают в постиндустриальное развитие, где решающую роль в производстве играют наука и созданные на ее базе техника и технологии, благодаря чему в данных странах удалось решить ряд частных экологических проблем, особенно связанных с производством некоторых экологичных товаров, сохранением зеленого покрова в стране (особенно в городах), утилизацией отходов производства и т.п. Но на планете в целом пока что доминируют экологически и социально опасные производства. Вот почему, как отмечает В.Л. Иноземцев, “явную озабоченность постиндустриального мира вызывают применяемые за его пределами примитивные методы индустриализации, что резко усугубляет экологические проблемы, касающиеся всего населения планеты” [2, с.512].

Научно-технологический способ производства общественной жизни является сейчас основным средством, при помощи которого человечество, удовлетворяя свои потребности, нарастающими темпами уничтожает биосферу и биосферный мир, поскольку приоритетом в современном обществе стали потребительские ценности. Однако, чтобы в какой-то мере препятствовать разрушительным процессам в технизирующемся обществе, во главу угла необходимо поставить ценности как социально-гуманистического характера, так и природно-биосферные. Это особенно важно сейчас, при нарастании современных социоприродных изменений, поскольку необратимость процессов разрушения окружающей человека природной среды, и в первую очередь биосферы, очевидна, причем крайне маловероятно то, что биосфера самостоятельно сможет справиться с нарушенным равновесием. Именно поэтому сомнительной предстает точка зрения, согласно которой человечество может спастись, “вернувшись к природе”. Поступательное развитие техногенной действительности уже не остановить, не повернуть вспять, и с нашей точки зрения неизбежной становится постепенная интеграция биосферы и искусственных технических систем, которые будут под контролем человека благоприятно воздействовать на биологические структуры планеты, конструировать и регулировать последние. Выживание человечества, связанное не с “возвратом в пещеры”, а с прогрессивным поступательным развитием общества, следует видеть как процесс, в основе которого лежит использование достижений научно-технического прогресса и научная обоснованность человеческих решений, направленных на сохранение биосферы и на достижение гармонии с природой, то есть дальнейшая судьба общественно-природной системы и человека как биотехносоциального существа определяется уже не биосферной, а социотехноприродной эволюцией.

Однако принятие эффективных мер для устранения негативных моментов влияния техногенного развития на биосферу и человека невозможно без международного сотрудничества, активного участия международных организаций, поскольку они, как постоянно действующие структуры, располагающие собственными интеллектуальными, техническими и финансовыми ресурсами и обладающие определенной политической независимостью по отношению к участвующим государствам, представляют собой

инструмент, наилучшим образом приспособленный для решения тех задач, которые возникают в ходе международного сотрудничества. По этой причине уже к концу 60-х гг. XX века в повестке дня ведущих международных организаций оказались экологические проблемы. На глобальном уровне ответственность в данной области взяла на себя Организация Объединенных Наций, превратившись со временем во всемирный институт по организации международной деятельности в области устойчивого развития общества и природно-биосферной окружающей среды. Среди достоинств системы ООН – ее всемирный масштаб, сочетание политических, правовых, социально-экономических, научно-технических и экологических направлений в ее деятельности, а также межправительственный характер, позволяющий добиваться практической реализации решений и дающий возможность мобилизовать на решение глобальных экологических проблем большое число международных правительственных и неправительственных организаций, национальных научных учреждений и отдельных выдающихся ученых.

Первая экологическая акция ООН датируется еще 1949 годом, когда в Лейк-Саксесе (США) была проведена Международная научно-техническая конференция по охране природы. В 60-е гг. в ООН наметилась тенденция перехода от разрозненных, бессистемных мероприятий, связанных с отдельными аспектами природопользования, к комплексной деятельности, поставленной уже на постоянную основу. Так, Всемирная организация здравоохранения начала заниматься вопросами воздействия загрязняющих веществ на здоровье человека, Всемирная метеорологическая организация – влиянием загрязнения атмосферы на климат, Организация по вопросам продовольствия и сельского хозяйства – изучением влияния экологической обстановки на производство продовольствия и проблемами чрезмерной эксплуатации рыбных ресурсов, а ЮНЕСКО взяла на себя ответственность за развитие научных знаний об окружающей среде. Однако социально-экологическая проблематика человека не получила должного отражения в дискуссиях и решениях данных организаций.

Тем не менее, поворотным пунктом в природоохранной деятельности ООН можно считать состоявшуюся в 1972 г. в Стокгольме Конференцию ООН по проблемам окружающей человека среды. Именно Стокгольмская конференция заложила основы сбалансированного и комплексного подхода к решению на глобальном уровне широкого спектра эколого-социальных проблем.

Спустя двадцать лет после Стокгольма в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро состоялась Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Одним из результатов работы конференции явилось принятие Декларации по окружающей среде и развитию и программы действий под названием "Повестка дня на XXI век". Важно отметить, что в Декларации намечены общие контуры новой модели международного сотрудничества – глобального партнерства с целью сохранения, защиты и восстановления чистоты и целостности экосистемы Земли.

Мы не будем останавливаться на рассмотрении сущности данных документов, а также на анализе положительных и отрицательных сторон решений данной конференции, упомянем лишь, что на ней рассматривались в основном политические и экономические аспекты устойчивого развития общества и природной среды. Экологические же аспекты нарастающей трансформации физического и психического здоровья человека под воздействием современного глобального перехода жизни на планете, негативного влияния роста техносферы и деградации биосферы вообще остались без внимания.

К сожалению, приходится констатировать, что государствам пока не удалось достичь сколько-нибудь заметного прогресса в реализации даже половинчатых решений, принятых на форуме. Вот почему необходимо пересмотреть основы экономической, научной, технико-технологической и иной человеческой деятельности с учетом намечившегося глобального перехода жизни от ее биосферных, естественных форм к постбиосферным, искусственным. От этого зависят как судьбы человечества, так и будущее жизни на нашей планете.

Пути преодоления негативных аспектов техногенного общественного и социоприродного развития жизни, включая и человеческую жизнь, а также преодоления нарастающего антропологического кризиса, могут быть представлены комплексом следующих мер.

Первая группа мер, на наш взгляд, должна быть направлена на коренное изменение существующего глобального и агрессивного рыночного механизма, разрушительно воздействующего в своих нынешних конкурентных и негуманных формах на биосферную природу и человека. Для этого необходимо:

– осуществить поиск таких форм утверждения коллективных форм жизни и распределения произведенных благ, которые исключали бы эксплуатацию человека человеком и концентрацию богатств отдельными людьми и семьями;

– обеспечить устойчивое и гуманное развитие общества и его экономики, чтобы решить задачи по сохранению биосферы и биосферной жизни;

– установить справедливое распределение создаваемых современным мировым сообществом материальных благ, развивать экономику не с целью сосредоточения огромных богатств в руках немногих, а с целью повышения уровня и качества жизни всех народов и людей, живущих на планете;

– существенно уменьшить масштабы стихийной и экологически опасной хозяйственной и иной деятельности, а в ближайшем будущем ее прекратить;

– создать на государственном уровне благоприятные правовые и экономические условия для внедрения ресурсо-, энерго-, природосберегающих технологий и максимального использования отходов производства, быта и т.п.

Вторая группа мер предполагает усиление организованности и деятельности международных и национальных политических структур и организаций по улучшению экологии человека, которая

имеет свою специфику. Глубокое и всестороннее исследование самого человека, его взаимодействия с биосферной окружающей средой и создаваемым искусственным миром потребует:

- переориентировать существующую технократическую инновационную деятельность на создание экологичных технологий, техники и производств, лекарств и средств укрепления здоровья человека, на формирование здорового и гуманного образа жизни, всестороннее и гармоничное развитие человека;
- создать целостную фундаментальную науку о человеке, которая включила бы в себя все достижения исследований человека, особенностей его развития и трансформации в условиях формирования техногенного общества;
- разработать и осуществить международные и национальные программы исследования усиливающих экотехнологических трансформаций человека, и уже на их основе создать на международном, национальных и региональных уровнях программы укрепления его здоровья, здорового образа жизни;
- сформировать специальный международный исследовательский институт развития биосферы и человека под эгидой ООН с отделениями в различных странах, способных взять на себя финансовые расходы.

Третья группа мер должна касаться изменений в науке, технике и технологиях, особенно в формировании безопасной техносферы и сокращении опасного воздействия на человека искусственного мира, для чего предстоит:

- разработать оптимальные социо- и биосферосовместимые технологии, поставить под контроль степень технизации земной жизни с целью избежания негативного воздействия техносферизации на биосферу и человека;
- выделить на международном, национальном и региональном уровнях материальные и денежные средства на исследование и внедрение безопасных, безотходных, ресурсосберегающих технологий и инноваций в целом;
- придать научным исследованиям не сиюминутный утилитарно-целевой, потребительский, а ценностно-гуманный, ориентированный на долгосрочные перспективы сохранения и стабилизации развития человека;
- предотвратить, насколько это возможно, разрушение естественных, биосферных условий человеческого существования и ограничить замену их искусственно-техносферными, трансформирующими биосферного человека;
- воспрепятствовать трансформации естественной жизни на биологическом уровне, непродуманной замене биосферных структур техноструктурами и ограничить применение опасных для здоровья людей биотехнологий и др.

Четвертая группа мер должна быть направлена на укрепление здоровья человека в условиях техногенного развития, для чего необходимо:

- создание и введение в образовательных учреждениях курсов с изучением молодежью вопросов глобального перехода жизни и тенденций глобальной трансформации человека, позитивных и негативных влияний техносферы и искусственной биоприроды на состояние здоровья человека;
- пропаганда здорового образа жизни, создание и поддержание (через воспитание, СМИ и т.п.) такого стереотипа мышления в обществе, когда человек с вредными привычками будет восприниматься как некультурная и деградирующая личность, причиняющая вред своему здоровью и народу в целом;
- введение более жестких санкций на государственном и общественном уровнях против вредных привычек, полный запрет явной и скрытой рекламы алкогольных и табачных изделий, а также их продажи лицам моложе 21 года;
- создание как мотивации, так и условий для получения человеком необходимого количества физической нагрузки на организм (занятия физкультурой в учебных заведениях, различные спортивные секции и т.д.);
- создание на государственном уровне условий обеспечения людей полноценным питанием, соответствующим потребностям организма в микроэлементах, витаминах, калориях и т.п.

Пятая группа мер связана с формированием у людей гуманистического, социально-экологического мировоззрения, включает:

- разработку новых образовательно-просветительских программ, посвященных глобализации, глобальным проблемам, антропологическому кризису и техногенной трансформации человека; внедрение их в школьный и университетский курсы обучения; повышение роли образовательных учреждений различного уровня в воспитании и просвещении экологически грамотных граждан, осознающих ценность естественной биоприроды, человека и биосферы;
- широкомасштабное (через СМИ, Интернет и т.п.) просвещение людей в области допустимых масштабов человеческой деятельности и ее нынешних и возможных в будущем последствий для биоприроды и человека, выработка подходов и навыков инновационной деятельности в этом направлении;
- разработку и поддержание как стратегии охраны природы от неразумного вмешательства в нее людей, так и стратегии коэволюции человека с природой, совместного и взаимовыгодного их развития без серьезного нарушения биотического круговорота веществ и процессов саморегуляции биосферы;
- внедрение в сознание людей того факта, что при нынешнем рыночном типе хозяйствования у человечества остается очень малый запас времени для предотвращения глобальной антропо-экологической катастрофы и т.д.

Данный, далеко не полный комплекс мер, противодействующих разрушающим тенденциям нынешнего типа хозяйствования, должен, по нашему мнению, лечь в основу гуманно ориентированного развития человечества и биосферы.

На основе проведенного анализа социоприродных изменений в человеке, мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, современная наука пока не способна ответить на многие вопросы, связанные с механизмом техногенного и многих других воздействий человека на природу и способами решения возникающих при этом проблем. Требуется обширные и дорогостоящие исследования, успех которых в немалой степени зависит от наличия постоянно действующих глобальных и региональных систем обмена научной информацией и экологического мониторинга.

Во-вторых, учитывая, что международные соглашения являются в настоящее время одной из основных форм реакции международного сообщества на проблемы окружающей среды, нельзя не признать, что методы традиционной дипломатии по большей части исчерпали себя применительно к проблематике изменений биосферы и человека и им на смену должны прийти новые законодательские механизмы, способные адекватно реагировать на стремительные изменения в состоянии окружающей среды и уровне научных знаний о природе, особенно природе изменений в человеческом организме.

Важно отметить, что актуальным остается вопрос об осуществлении государствами уже взятых на себя международно-правовых обязательств в области охраны природной среды. Для повышения действенности природоохранных конвенций необходимо, чтобы, обязательства участников носили более конкретный характер, существовали органы, контролирующие их соблюдение, наподобие тех, которые созданы в рамках международных соглашений по правам человека. В то же время назрела необходимость в организованных исследованиях экологии человека, его здоровья, трансформационных процессов в условиях техногенного развития земного мира, что пока в основном игнорируется.

В-третьих, проблемы дальнейшего развития и сосуществования биосферы и человека отличает их тесная, объективно обусловленная взаимосвязь с проблемами экономического развития, контроля за численностью населения, борьбы с нищетой и пр. Это означает, что меры, направленные на преодоление негативных тенденций в области трансформации и деградации человека, должны приниматься с учетом экономических, социальных, демографических и экологических факторов. Крайне важным, на наш взгляд, является внедрение в сознание людей необходимой для осуществления перечисленных мер информации, создание мотивации, которая позволит начать мероприятия по преодолению негативного воздействия техносферы на природу и биосферного человека.

The search of the ways of overcoming of the negative aspects of the social and ecological transformation of the individuals is very actual nowadays. The main ways of the maintenance and strengthening of the natural health in aggregate with undertaken measures and providing sustainable development of society and biological envelope are being outlined on a large scale, thus making it possible for society, nature and people to develop more harmoniously and persistently.

The key words: Transformation of the individual, Biosphere, biological envelope, the overcoming of the antropological crisis, to take measures.

Список литературы

1. Дергачева Е.А. Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности. Брянск, 2005.
2. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998.

Об авторе

Чувин С.Н. – кандидат философских наук, доцент филиала Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского в г.Новозыбкове, sergey-fanat@rambler.ru

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК – 413/415 + 43 -07

МНОГОЗНАЧНОСТЬ И ОМОНИМИЯ В СИСТЕМЕ ОРНИТОНИМОВ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Л.В. Амелина

В статье исследуются полисемантические структуры орнитонимов русского и немецкого языков, затрагиваются вопросы разграничения полисемии и омонимии, а также рассматриваются основные пути возникновения омонимов среди орнитонимов русского и немецкого языков.

Ключевые слова: орнитоним, полисемия, омонимия, значение, семантическая структура.

Описание полисемии лексических единиц представляет собой одну из наиболее сложных задач лексической семантики. Лексическая многозначность слов во многом определяет своеобразие словарного состава отдельных национальных языков, поскольку характер объединения значений в границах одного слова, виды связей между разными значениями того же слова в разных языках во многом различны [13, с. 90]. Процессы, происходящие в разных языках, особенно интересны и важны, они оттеняют индивидуальное и проливают свет на общие закономерности эволюции значений слов, так как появление новых значений или их утрата в разных языках происходит автономно, вне зависимости друг от друга.

Рассмотрим полисемантические и омонимические процессы на материале орнитонимов двух индоевропейских языков, на лексике, фактически не подверженной какому-либо влиянию исторических, социальных и культурных процессов, могущих воздействовать на протекание семантической эволюции слова.

Структура полисемантического слова характеризуется иерархией: традиционно, как известно, значения слова делятся на первичное («главное», «прямое», «ближайшее», «центральное») и вторичные («переносные», «дальнейшие», «периферийные»). Главенствующую роль играет всегда одно – основное, или главное значение; все остальные значения прямо или косвенно подчинены главному [5, с. 59]. Мы, как справедливо полагал Л. Блумфильд, всегда понимаем слово в его «центральном значении до тех пор, пока что-либо в практической ситуации не заставит нас обратиться к поискам переносного значения» [2, с. 158]. Описание полисемии лексических единиц представляет одну из наиболее сложных задач лексической семантики. Не менее трудной и дискуссионной является проблема разграничения полисемии и омонимии. По этому поводу высказывались различные точки зрения, принадлежащие В. В. Виноградову, С. И. Ожегову, О. С. Ахмановой, В. И. Абаеву и др. Однозначного понимания омонимии в языкознании до сих пор не существует.

Развитая семантическая структура присуща преимущественно орнитонимам исконного происхождения, а также словам с непроизводной основой: русск. *гусь, орел, утка*, нем. *Fink* (зяблик), *Geier* (коршун), *Spatz* (воробей) и др. Как показывают наблюдения, сложные и составные наименования принадлежат к малоупотребительной лексике или терминологии и, как правило, однозначны: *трехперстка* (*Turnix*), *альпийская завирушка* (*Prunella*), нем. *Uferschwalbe* (*Riparia riparia*) – *береговушка*, *Schwarzspecht* (*Drycopus martius*) – *желна* и др.

Исследование собранного нами материала показывает, что семантическая структура большинства орнитонимов имеет не более 2 или 3 значений. На этом фоне семантически богатыми в русском языке выглядят слова *глухарь, петух, утка*, в немецком языке *Eule* (*сова*), *Ente* (*утка*), *Hahn* (*петух*).

Глухарь – 1. Крупная птица сем. тетеревиных; иначе глухой тетерев. 2. *Прост.* Глухой человек. 3. *Техн.* Болт без шляпки; винт, шуруп. 4. Погремушка, бубенец с глухим звуком подвешиваемый лошади на шею. 5. Ящерица сем. веретеницевых. 6. *Обл.* Белый гриб, растущий в глухом бору [10, III, с. 153-154]. **Петух** -1. Домашняя птица с красным гребнем на голове и шпорами на ногах; самец курицы. 2. *Перен. Разг.* О задорном, заносчивом человеке, забияке. 3. *Перен.* О пожаре, поджоге (обычно в сочетании красный петух). 4. *Перен. Простор.* О пискливом звуке, срыве голоса во время пения, речи [10, IX, с.1114]. **Утка** – 1. Водоплавающая птица с широким плоским клювом, короткой шеей и широко расставленными ногами; самка селезня. 2. *Перен.* Ложный сенсационный слух (неодобрно). 3. *Спец.* Сосуд для мочи с длинным носом, подаваемый лежащим больным (мужчинам). 4. *Спец.* Укрепленный неподвижно на палубе металлический или деревянный двурогий брусок, за который крест-накрест крепятся снасти. [10, XVI, с. 1050]. Нем. **Eule** - 1. живущая в лесах, активная ночью птица с большими глазами и коротким кривым клювом. 2. *Бран.* О некрасивой женщине, в молодежном жаргоне девушка. 3. *Севернонем.* Щетка с ручкой 4. Ночной мотылек, рисунок на крыльях которого напоминает древесную кору. 5. *Берл. Разг.* Полицейский на ночном дежурстве, ночной патруль [14, с. 499]. Нем. **Ente** – 1. а) водоплавающая птица с короткой шеей, широким клювом и ногами для плавания; б) самка утки; в) утиное жаркое – блюдо. 2. *Жарг.* Ложное сообщение (в прессе). 3. *Разг.* Сосуд для мочи с длинным носом для лежащих мужчин. 4. **Kalte Ente** - похожий на крышон напиток из вина, игристого вина, минеральной воды и долек лимона [14, с. 465]. Нем. **Hahn** – 1. а) самец курицы; б) (охотн.) самец птиц сем. куриных, дроф и др. 2. флюгер (на церковных башнях), по форме, напоминающий петуха. 3. *Обл. Спец.* Кран. 4. Курок [14, с. 698].

Исследователи полисемии исходят из того, что многозначное слово – это единый семантический комплекс, система значений [6, с. 17]. Между значениями многозначного слова существуют определенные отношения, общие семантические ассоциации (метафора, метонимия, функциональная общность). Анализ семантических структур орнитонимов в русском и немецком языках показывает, что, вследствие универсальности семантических процессов (перенос, сужение, расширение значения), семантические структуры исследуемых слов, независимо от общего числа зафиксированных в них значений, сводимы к определенным моделям, включающим строго определенные типы значений. Можно выделить ряд таких моделей.

1) Наименование птицы - наименование человека. Это метафорический тип значения, характеризующийся, как правило, экспрессивной и оценочной насыщенностью. Очень часто орнитонимы используются, чтобы указать на отрицательные черты человека, его недостатки. Так, в русском языке *птица* употребляется по отношению к лицам мужского и женского пола, для называния невзрачного, низкорослого человека [10, IX, с. 1165-1166]. *Гусь* в просторечии употребляется в переносном значении, когда говорят о ловкаче или мошеннике, пройдохе. Ср. *Хорош гусь! Каков гусь!* (выражение удивления по поводу чьей-либо проделки) [7, с. 146]. В немецком языковом сознании жадный, алчный человек ассоциируется с коршуном (*Geier*), человек же, обогащающийся за счет других - со стервятником (*Aasgeier*). В русском языке такого человека называли бы *птичкой* [7, с. 448]. Некрасивую женщину в немецком языке называют *совой* (*Eule*) [14, с. 499]. В русском языке когнитивный признак «некрасивый» выражают концепты *крокодил*, *обезьяна* [9, с. 177]. Однако в отдельных случаях, чаще всего в русском языке, значения, связанные с наименованием человека, развиваются на основе уподобления птице по приписываемым ей положительным свойствам. Так, *орлом* в русском языке называют храброго, сильного, мужественного человека [10, VIII, с. 1017-1018], а *соловьём* - такого человека, который обладает красивым, преимущественно высоким голосом и славится своим искусством пения [10, XIV, с. 227-230]. *Ласточка* употребляется в ласковом обращении к женщине или ребенку [10, VI, с. 76]. Нем. *Spatz* «воробей» употребляется как ласкательное слово для детей: *Herzchen, Liebling, komm her, mein (kleiner) Spatz!* [14, с. 1479]. В немецком языке многие вторичные значения не только характеризуют человека эмоционально с внешней и внутренней стороны, но могут также указывать на его место в обществе или политическую позицию. Так, *Taube* «голубь» говорят о том, кто выступает за сдержанную, не радикальную политику, о том, кто готов пойти на компромисс [14, с. 1566]. Нем. *Fink* «зяблик» в переносном значении - студент, не принадлежащий ни к одной из корпораций [14, с. 546], *Wendehals* же «вертишейка» - это человек, который, приспособившись, внезапно меняет политический лагерь [14, с. 1802].

Наши наблюдения показали, что метафорические переносные значения орнитонимов, характеризующие человека, в рассматриваемых языках могут быть различными или в каком-то из сопоставляемых языков вовсе отсутствуют. Так, русское наименование *глухарь* имеет переносное значение «глухой человек» [10, III, с. 153-154], в то время как у его немецкого соответствия *Auerhahn* переносные значения отсутствуют. Ср. также нем. *Gimpel* (снегирь) – во втором значении - (разг. уничиж.) наивный, неопытный, беспомощный человек [14, с. 654], в русском же языке снегирь – однозначное слово.

2) Наименование птицы – наименование животного, насекомого или иной птицы. Русск. *Пищуха* – 1. (*Certhia familiaris*) птица отряда воробьиных. 2. Небольшое животное сем. грызунов, с длинным волосяным покровом, издающее обычно пискливое звуки [10, IX, с. 1278]. Наименование *совка*, птица отряда сов (*Noctuidae*), известная также как *сплюшка*, служит для обозначения ночной бабочки темной окраски [10, XIV, с. 86]. Вероятно, основой для образования вторичного значения послужил ночной образ жизни бабочки. *Зеленушка* – 1. (*Chloris chloris*) Птица сем. вьюрковых, размером с воробья, оливково-зеленой окраски. 2. Мелкое насекомое зеленоватой окраски с металлическим отливом. 3. Рыба отряда окунеобразных, отличающаяся пестрой окраской – ярко-зеленой с рядами синих и красных пятнышек [10, IV, с. 1187]. Не всегда мотивация переноса наименования представляется ясной, очевидной. Так, *казаркой*, птицей из сем. утиных (*Branta*), называют также жука из сем. долгоносиков, личинка которого питается бутонами, почками плодовых деревьев [10, V, с. 656].

В нем. языке наблюдаем сходные явления. *Eisvogel* (*Alceda atthis*) «зимородок» во втором значении – это дневная бабочка, на крыльях которой белые пятна [14, с. 452]. *Бегунком* (*Wasserläufer* – *Cursorius cursor*) в нем. языке называют как птицу, так и насекомое, передвигающееся на длинных тонких ногах по поверхности воды очень быстро [14, с. 1788]. У слова *Habicht* «ястреб» (*Accipiter*) развилось дополнительное значение с целью называния другой птицы – *Hühnerhabicht* «ястреб-тетеревятник» (*Accipiter gentilis*). Видовое наименование *ястреб-тетеревятник* заменяется родовым наименованием *ястреб*, что, видимо, обусловлено законом экономии физических усилий. Е. Д. Поливанов видел причину таких изменений в «лени человеческой, т.е. экономии трудовой энергии» [8, с. 83].

3) Наименование птицы - название продукта. В отличие от метафорического переноса, этот тип значения, основанный на метонимии, стилистически не маркирован, нейтрален. Так, *курица* - // мясо курицы или петуха; курятина [10, V, с. 1867-1868]. В немецком языке *Ente* (утка) – жареная утка (блюдо) [14, с. 465]. Данный метонимический вид переноса противостоит метафорическому своей большей продуктивностью. Ю. Д. Апресян относит его к типу регулярной многозначности (как и модель № 1), т.е. «для любого слова, имеющего значение типа «А», верно, что оно может быть употреблено и в значении типа «В» [1, с. 517]. Однако в словарях русского языка они фиксируются по-разному. Так, в «Современном толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова данный

тип фиксируется в качестве самостоятельного значения: *гусь* – 2. гусятина. [11, I, с. 146]. ССРЛЯ же выделяет его как оттенки значения, а в словаре С. И. Ожегова такие значения вообще не фиксируются. В словаре нем. языка Дуден подобные значения квалифицируются как «zusammengehörende Bedeutungen» (связанные значения) [14, с. 10].

4) Наименование птицы – наименование предмета или явления. Вид ласточки в полете, видимо, послужил источником появления ряда новых значений. Так, в русск. языке так названа спортивная фигура, при которой положение тела напоминает ласточку в полете [10, VI, с. 76], в немецком языке Schwalbe - наигранное падение в борьбе за мяч в футболе, с целью получить штрафной удар [14, с. 1418].

Название символа может быть употреблено вместо того, что он обозначает. Такое название служит основой для образования новых значений как в русском, так и в немецком языках. В русск. яз. *орел* - государственный герб с изображением орла [10, VIII, с. 1017-1018], в нем. яз. *Adler* - гербовый орел, напр. *der preußische Adler* – прусский орел [14, с. 104].

Слово *кукушка* в нем. языке обозначает не только птицу, но служит также шутивным обозначением печати, которую судебный исполнитель клеит при описи имущества [14, с. 970]. Интересно заметить, что в народе *кукушкой* часто шутивно называют гербового орла [16, с. 543], в результате чего в немецком языке и закрепилось вторичное значение печати. Не совсем понятно, почему уткой называют ложный сенсационный слух [10, XVI, с. 1050]. В словаре Клуге находим: утка «газетная ложь» соответствует франц. *canard* (XIX в.) [16, с. 246]. Однако уже в XVI в. выражение «blaue Ente» («голубая утка») означало «ложь» [15, VII, с. 181]. Связь между семемой «утка» (в прямом значении) и «газетная утка» (лживая сенсация) при синхронном рассмотрении не прослеживается. Однако, по мнению В. В. Виноградова, их не стоит считать омонимами, так как «никакого отдельного слова утка со значением «ложный слух, газетная сенсация», не основанная на фактах, в русском языке нет. Контекст употребления слова утка в этом значении очень ограничен» [4, с. 291]. Что касается четвертого значения слова *утка* (сосуд для мочи с длинным носом, подаваемый лежачим больным), оставление его в кругу семем многозначного слова, вызывает сомнения.

Среди орнитонимов встречаются слова, значения которых в словарях квалифицируются не одинаково. Так, в словаре С. И. Ожегова *журавль* – 1) большая болотная птица с длинными ногами и длинной шеей; 2) приспособление для подъема воды из колодца – длинный шест, служащий рычагом [7, с. 191]. В академическом же словаре русского литературного языка эти лексико-семантические варианты признаются омонимами: «1 большая болотная птица с длинными ногами и шеей и крепким клювом. 2 длинный шест у колодца, служащий рычагом при подъеме воды» [10, IV, с. 191]. В словаре С. И. Ожегова слово *журавль* представлено как полисемантическое. Точка зрения ученого представляется нам верной, поскольку между значениями существует определенная связь, у них есть общая сема: понятие о чем-то длинном.

Омонимы могут быть следствием распада многозначного слова. В некоторых случаях, если процесс распада не завершен, в словарях возникают расхождения. Завершение процесса приводит к тому, что слова не имеют никаких семантических связей. Так, омонимами стали: 1. *Сорока* – Птица сем. вороновых, с длинным хвостом и черным с белым оперением, издающая характерные звуки - стрекотание. 2. *Сорока* – Старинный русский головной убор замужней женщины [10, XIV, с. 326-327]. Свое некогда второе значение слово приобрело из –за сходства с сорочьим хвостом и расцветкой перьев. Ср. тж. карельск. *harakka* «сорока», «чепец» [12, III, с. 723].

Звуковое совпадение омонимов нередко объясняется образованием слов от одной и той же основы, в соответствии с одной и той же словообразовательной моделью, но каждое со специализированным значением. Ср. русск. *овсянка* – I. Разг. Овсяная крупа. // Каша из овсяной крупы. II. Маленькая птица из отряда воробьиных, питающаяся преимущественно семенами растений [10, VIII, с. 600].

К появлению омонимов может привести также заимствование иноязычного слова. Ср. *чайка* - I водоплавающая птица сем. чайковых с плотным густым оперением, длинными крыльями. II старинный челн с парусом и веслами, имеющий вдоль надводного борта толстые пучки камыша для увеличения плавучести и защиты от выстрелов противника [10, XVII, с. 748-749]. М. Фасмер считает, что слово *чайка* II восходит к тур. *şaika* «лодка» [12, IV, 312].

В немецком языке находим подобные явления среди орнитонимов. Напр. *Weihe* – I. лунь (Circus) II. церк. 1. освящение 2. посвящение, рукоположение (в сан) [3, II, с. 581]. Этимология *Weihe* I не совсем ясна. Предположительно слово восходит к и.-е. **wi-* «два из-за раздвоенного хвоста.» *Weihe* II произошло от герм. **weiha* «святой» [16, с. 979]. Нем. *Star* - I. скворец (Sturnus). II. мед. Помутнение хрусталика, катаракта. III. звезда (знаменитость), кинозвезда [3, II, с. 383]. *Star* в значении «птица» было зафиксировано в IX веке, затем в XVI веке появилось название болезни от прил. *starblint*, которое, в свою очередь, восходит к древневерхненем. *starēn* «пристально смотреть, уставиться», а в XIX веке *Star* III было заимствовано из англ. языка [16, с. 875-876].

Таким образом, орнитонимы как русского, так и немецкого языков характеризуются широкой разветвленностью семантических структур, достаточно высокой степенью полисемантности в обоих сопоставляемых языках, независимо от общего количества значений в их семантической структуре. Расхождения в семантических структурах орнитонимов в русском и немецком языках идут по линии различий конкретной представленности того или иного типа значений в структуре орнитонимов. Наиболее характерны для обоих сопоставляемых языков метафорические переносы модели «наименование птицы – наименование человека», что подтверждает антропометрический принцип, согласно которому «человек –

мера всех вещей», функционирующий, по-видимому, во всех языках. В русском языке обнаруживаем переносные значения как с положительной, так и с отрицательной коннотацией, в немецком же языке преобладают отрицательные коннотации, а также «общественная направленность» семантики. Не всегда связь между семемами орнитонимов четко прослеживается. Орнитонимы, представляющие древний пласт лексики, прошли долгий путь исторического развития, в результате чего эта связь утратилась и появились омонимы, встречающиеся как среди русских, так и немецких орнитонимов.

In the article we research polysemantic structures of the ornithonyms in the Russian and German languages, touch upon the questions of the differentiation of polysemy and homonymy, consider the main ways of the genesis of homonyms among the ornithonyms in the Russian and German languages.

The key words: ornithonym, polysemy, homonymy, meaning, semantic structure

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. О регулярной многозначности. // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 6 М., 1971
2. Блумфильд Л. Язык. М., 1968
3. Большой немецко-русский словарь: В 3-х томах. / Под ред. проф. О. И. Москальской М., 2000
4. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977
5. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965
6. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 3-е изд. М., 1995
8. Поливанов Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции? В кн. : Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968
9. Сетаров Р.Д. Использование зоонимов для оценки человека // Европейские языки: истоикография, теория, история. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Елец, 2009
10. Словарь современного русского литературного языка: В 17 томах. М.: АН СССР, 1950-1965 (ССРЛЯ)
11. Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. С.-П., 2006
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х томах. М.: "Прогресс", 1987
13. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Изд-во ЛКИ, 2008
14. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim, 2003
15. Duden in 12 Bänden: Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Band 7. Hrsg. von der Dudenredaktion. Mannheim, 2006
16. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Bearbeitet von Elmar Seebold. Berlin/New Yourk, 2002

Об авторе

Амелина Л.В. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru

УДК – 410-01 : 43

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СРЕДСТВ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ (на материале русского и английского языков)

М.А. Бирюкова

Данная статья представляет собой фрагмент исследования, посвященного функционально-семантической категории количественности. В статье на материале поэтических произведений И. Бродского рассматриваются случаи прагматического варьирования языковых средств, используемых для выражения квантитативной семантики в русском и английском языках; делаются выводы о причинах такой вариативности.

Ключевые слова: прагматическая вариативность, функционально-семантическая категория, количественность, количественная семантика, поэзия Бродского.

Отталкиваясь от трактовки количественности как функционально-семантической категории [1, с. 161], следует подчеркнуть многоаспектность ее семантики. В связи с чем представляется целесообразным говорить не обо всей количественности сразу, а отдельно о семантике нумеральности, единичности (сингулярности), множественности (плюральности), оценки количества и переходов между ними, так как это позволяет детально и более полно описать категорию в целом.

Все составляющие семантической категории количественности так или иначе представлены в русском и английском языках, но дело в том, что средства выражения могут варьироваться в опреде-

ленных рамках, позволяя решать при этом и определенные прагматические задачи.

Рассмотрим поэтические произведения И. Бродского, написанные на русском языке, и их переводы на английский, чтобы приблизиться к пониманию случаев и причин прагматического варьирования языковых средств, используемых для выражения количественной семантики.

Иосиф Бродский интересен тем, что соединил в себе как минимум две культуры, два языка. Кроме того, большинство анализированных текстов были переведены при его непосредственном участии, что дает основания судить по ним о способах и средствах передачи в английском языке тех элементов количественной семантики, которые отмечены в русском варианте.

Основным средством выражения нумеральности в обоих языках является имя числительное. Чаще всего встречаются числительные два, три и производные от них. Более двух раз употребляются остальные числительные до десяти кроме девяти и семи.

Считается, что семь сакрально для русского народа и языка, но достаточно популярно и в английском. Этот факт несложно подтвердить, обратившись к Национальному корпусу, который составлен на материале каждого из указанных языков [2; 3], проследив количество употреблений данных числительных. Так, семь – 11 тыс. употреблений, seven – 17 тыс.

Любопытен тот факт, что число семь в исследованном поэтическом переводе не используется, даже если есть в русском оригинале:

Не то, что – за печатями семью – / Елизавета Англию любила / сильней, чем ты Шотландию свою [4, с. 69];

Nor that Elizabeth loved England's plot / indeed more than you did your Scottish shire [5, с.232];

Тридцать семь лет смотрю я в огонь [4, с. 152];

For thirty-six years I've stared at fire [6, с. 264].

Несомненно, числительные, особенно при их переосмыслении и использовании с оценочным значением на основе меры и нормы, имеют свою специфику в каждом языке, так как в различных условиях, у разных народов мера складывается по-своему. Например, понятие наивысшего счастья реализуется в английском языке совокупностью лексем I feel a million dollars (буквально «чувствую себя, как владелец миллиона долларов»), а в русском языке – с помощью фразеологизма быть на седьмом небе. Американская нация сформировалась из представителей разных народов, для которых единым мерилом счастья стало богатство, для русского человека счастье – это возвышенное состояние, подчеркиваемое символическим числом семь и необъятной реалией небо [7, с. 48].

С другой стороны, использование разных числительных в тексте оригинала и переводе, на наш взгляд, не всегда связано с дополнительными коннотациями или экстралингвистическими факторами. Так, название стихотворения, написанного на русском языке, «Квинтет» было изменено при переводе на *Sextet* после добавления шестой части. Если конкретное количество не имеет первостепенной значимости, происходит нейтрализация значения и числительное может быть заменено другим, что также позволяет сохранить рифму в поэтическом материале:

«И он сказал». «Вот так булыжник вдруг
швыряют в пруд. Круги – один, четыре...»

«И он сказал». «И это – тот же круг,
но радиус его, бесспорно, шире» [8, с. 263];

“And then he said.” “It is as when a stone
is thrown into the pond. The rings – one, two,
six...” “And he said.” “The rings are really one,
although the radius is stretched, it's true” [6, с. 178].

Прежде чем перейти к рассмотрению отношений единичность-множественность, приведем пример прагматического варьирования в рамках единичности. Имеется в виду тот факт, что фамилии людей, относящиеся к словам уникального характера, объясняются в приложениях печатных изданий либо заменяются на более известные для носителей английского языка:

...все отчетливей раздается снег / и чернеет, что твой Седов, «прощай» [4, с. 126];

...snow grows all the louder and “Farewell!” / darkens like Scott wrapped in a polar storm [5, с. 102].

Следует отметить, что различия количественных значений в связи со средствами их представления бывают и без расхождения смысла:

...бросает землю на валуны. / Лошади бьются среди оглобель / черными корзинами вздутых ребер, / обращают оскаленный профиль / к ржавому зубью бороны... [8, с. 351];

...whistles through boulder piles. / The horses, inflated casks / of ribs tapped between shafts, / snap at the rusted harrows / with gnashing profiles... [6, с. 8].

Главным образом имеется в виду использование множественного числа имен существительных на месте единственного, и наоборот, не являющееся отражением индивидуально-языковой специфики. Когда количество предметов само по себе не несет смысловой нагрузки и возможны обе формы числа, выбирается та, которая способствует сохранению общей картины, образа, созданного в оригинале:

И шиколотки стыннут, обнажаясь [8, с. 258];

My ankle freezes as it comes uncovered [6, с. 172]. В строфе речь идет о зимней ночи, гудит ольха за окном, шумит кровь и кипит разум – преобладание шипящих и свистящих звуков подчерки-

вает это.

В русском и английском языках не совпадает принадлежность существительных к определенному разряду, русские имена pluralia tantum могут заменяться множественным дискретным (*святыцы, church names*) или лексемами разряда singularia tantum:

Слова – почти подобие *мощей* [8, с. 276];

Words seem almost to image *holy things* [6, с. 146];

Зрачок погружается ненадолго / в свои перламутровые *потемки* [4, с. 157];

With the pupil briefly descending / into its mother of pearl *darkness* [6, с. 159]. Существительное *потемки* имеет качественную основу (= отсутствие света) и относится к периферии плюральности из-за реализации только посредством формы множественного числа; и, наоборот, подобные существительные с качественной основой, представленные только формой единственного числа (*счастье*), располагаются на периферии сингулярности.

Семантически осложнено и стилистически маркировано использование формы множественного числа существительных, для которых она несвойственна, то есть окказиональное множественное число (чаще встречается в русском оригинале):

Зрачки слезятся виденьем рожиц, / гонимых ветром в глаза колхозниц, / как ливень гонит *подобья* лиц / в голые стекла [8, с. 351];

Wet eyes blur with vision / of crabbed little *imps* that dance on / the farm women's pupils as a shower flings / the *semblance* of faces against a bare / pane [6, с. 8];

Им присуща, как аист / свертку, приторность *кривд* [4, с. 185];

To them belongs, like bundles / to strokes, the sick-sweetness of *lies* [6, с. 154];

И больше нет *Америк* [8, с. 263];

No more *new worlds* around [6, с. 178].

Особняком стоят стилистически маркированные случаи употребления существительных и местоимений во множественном числе. При невозможности заменить устаревшую форму существительного на аналогичную, для сохранения общей стилистической окраски используются имеющиеся архаичные формы, в данном примере местоимений, то есть прием компенсации:

Рана сия / даст видеть тебе, что сокрыто глубоко / в сердцах *человеков*, как некое око [4, с. 14];

And that wound / will show to *thee*, Mary, as in a new vision / what lies hidden, deep in the hearts of all *people* [6, с. 62];

Thy wound, Mary, like a new eye, will reveal to / thy sight what in *men's* deepest hearts now lies hidden [5, с. 166]. Как видим, число существительного не изменилось: *человеки-people-men*.

Семантика оценки – переходная между квантификацией и квалификацией, так как не имеет, как правило, признаков объективности. Данный переходный характер подчеркивают следующие случаи вариативности:

Преувеличен внутренний наш мир, / а внешний соответственно *уменьшен* [8, с. 260];

The inner world is made *majestical*; / the outer, correspondingly, is *scrapped* [6, с. 175];

Вот вам *большой* набор / горизонтальных линий [9, с. 115];

Here is your *splendid* set / of horizontal lines [6, с. 396].

В целом анализированный материал дает такие пары: большой – замечательный, долго – тщательно, маленький – скомканный, длинный (срок заключения) – строгий и т.д. Оценка иррациональна, и «много» может быть как плохо, так и хорошо. По-видимому, здесь проявляется желание сделать перевод доступным и легким не только для понимания, но и для формирования отношения к сказанному.

При переводе единиц с семантикой количественности на английский язык в анализированном материале довольно широко используется прагматическая адаптация текста, направленная на его адекватное понимание и обусловленная стремлением вызвать у рецептора желаемую реакцию, в том числе оценить количество как больше/меньше нормы. За счет такой адаптации (добавление, сверхперевод) создается впечатление большей экспликации указанных значений в англоязычном переводе: *nil, drank a fair bit; возраст, old age; нетит, microscopic type; зачитался, too much reading; размер потери, a good-sized loss; разжились золотишком, did grab their little pile of gold; за морями, many sees away;*

Вечеру у тела, точно у Шивы рук [4, с. 134];

Toward nightfall, the body, like Shiva, grows *extra arms* [6, с. 110], то есть у тела появляется *больше* рук.

Некоторые единицы с семантикой нумеральности, о которой говорилось выше, на основе связи со значительным ассоциативным фоном развивают переносные значения и переходят в состав микрополя оценки, которое изобилует яркими образными компонентами, нередко носящими национальную специфику (идиомы, пословицы и поговорки). Следовательно, при переводе может появиться единица, отмеченная подобной спецификой: *ни на пядь, not a bit; раз-два и обчелся; one or two more, and you are through; в двух шагах, at a stone's throw.*

Кроме того, переводные соответствия указывают на развитие оценочного значения в подобных случаях:

...дорога обратно, превосходящая *многократно* / тысячу ли [4, с. 154];

...It exceeds *ten times* / a thousand li [6, с. 143];

Дать эту вещь как *груду* / скучных *подробностей* в голой избе на курьих / ножках [9, с. 46];

*Cast this thing as a million / boring details! In the fairy tale's hut on chicken / feet [6, с. 367];
 ...согрешивши с одним, тридцать трех полюбишь [4, с. 249];
 ...by getting hitched / only once, let an army across your mattress [6, с. 245].*

Числительное *тридцать три* в русском языке несколько более распространено, нежели в английском (368 употреблений по сравнению с 280), хотя различная сочетаемость и вызываемые ассоциации очевидны. В русском языке частотны словосочетания *тридцать три буквы, года, богатыря*, что ничего не говорит англоязычному сознанию.

Следует отметить, что семантика количественности не имеет жестких границ, напротив, количественность тесно взаимодействует с другими категориями, например, определенности/неопределенности, на основе которой возможно проиллюстрировать ещё одну разновидность описываемой прагматической вариативности. Общеизвестно, что русский и английский являются языками, не совпадающими по своей структуре, в связи с чем игра слов или образование авторских окказионализмов приобретает характерный вид в каждом из языков (*надцатого мартабря, the enth of Marchember*).

Таким образом, чтобы обеспечить должное восприятие поэтического текста при переводе с русского на английский язык применяется прагматическая адаптация текста, использование которой диктуется главным образом экстралингвистическими факторами, наличием различных дополнительных коннотаций у синонимичных языковых единиц, требованиями формы поэтического текста либо возможностями языковой структуры.

The given article is part of the research devoted to the functional-semantic field of quantity. The article deals with cases of pragmatic variability of language means employed to represent quantitative semantics in the Russian and English languages. Mention is made to the reasons for such variations. The material for linguistic analysis was taken from the poems written by Joseph Brodsky.

The key words: *pragmatic variation, functional-semantic category, quantity, quantitative semantics, poems by Brodsky*

Список литературы

1. *Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность.* СПб.: Наука, 1996. 262 с.
2. *Национальный корпус русского языка.* URL: <http://www.ruscorpora.ru>
3. *British National Corpus.* URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
4. *Бродский И. А.* Стихотворения 1972-1986 гг. Соч.: В 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т.3. 312 с.
5. *Brodsky J.* Selected Poems. / Trans. By George L. Kline. Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1973. 168 p.
6. *Brodsky J.* Collected Poems in English. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002. 540 p.
7. *Хашимов Р. И.* Количество и мера в русской языковой картине мира // Лексическая и грамматическая семантика: Памяти профессора М. И. Задорожного. Орехово-Зуево: МГОПИ, 2004. С. 43-54.
8. *Бродский И. А.* Стихотворения 1964-1971 гг. Соч.: В 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т.2. 440 с.
9. *Бродский И. А.* Стихотворения 1987-1996 гг. Соч.: В 7-ми т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т.4. 432 с.

Об авторе

Бирюкова М.А. – кандидат филологических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, maribi@bk.ru

УДК – 811.161.1'37

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБРАЗА ВРЕМЕНИ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТА КАРТИНЫ МИРА ДРЕВНЕРУССКОГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Е.А. Бурдина

В статье рассматриваются лексические единицы древнерусского языка, входящие в лексико-семантическое поле «Время», которое представляет фрагмент картины мира носителя языка. Особое внимание уделяется употреблению темпоральных лексем в памятнике древнерусской письменности «Слово о полку Игореве», являющемся не летописным, а авторским произведением. В ходе исследования определяются, анализируются и сопоставляются лексемы, входящие в ядро, центр и периферию ЛСП «Время» в древнерусском языке и речи. Такой анализ позволяет выявить фрагмент картины мира носителя языка домонгольской Руси.

Ключевые слова: *лексемы с семантикой времени; древнерусский язык; лексико-семантическое поле «Время»; «Слово о полку Игореве»; фрагмент картины мира.*

На протяжении всего развития человечества, как только человек начал осмысливать своё место в мире, время стало для него враждебной стихией. Агрессивное стремление человека подчинить себе многое из природной среды споткнулось о непоколебимость и твёрдость времени. Наше существование, от первой минуты до последней, пронизано ощущением этой важнейшей философской категории. И по мере взросления человечество само стало понимать всю агрессивную разрушительную силу ускользающего от нас времени. Сейчас судить об этом можно и по данным «Русского ассоциатив-

ного словаря» Ю.Н. Караулова. Этот словарь представляет собою уникальное лексикографическое произведение, которое создавалось на основе свободного ассоциативного эксперимента и поэтому, по словам авторов, «позволяет проникнуть в социально-историческую память носителей русского языка и получить ответ на вопрос: “Как мыслят русские в современной России?”» [1, I, с. 3]

Обратимся к слову-стимулу *время*. В соответствующей словарной статье в числе других находим следующие реакции: *не ждёт, бежит, летит, не стоит, будущее, вечность, скорость, упущенное, ушло* [1, I, с. 114]. Как видим, современный человек осознаёт время в движении, воспринимая эту величину как трансцендентную, созданную умом самого человека.

Иное отношение ко времени существовало в Древней Руси. Тогда оно понималось предельно конкретно: человеческое мышление ещё не было способно осмыслить эту философскую категорию абстрактно. Интерес представляет и то, что в период 10 – 12 вв. происходит столкновение двух мировоззрений – языческого и христианского, – что непосредственно влияет на восприятие времени. По языческим представлениям, основной (и вполне очевидной) чертой времени была его цикличность, повторяемость. Не случайно в древнеславянском пантеоне можно обнаружить немало «сезонных» богов, сменяющих друг друга в соответствии с природным циклом: *Прия* – весна, *Спожина* – лето, *Овсень* – осень, *Сива* – зима, *Коляда (Калед)* – «сезонный» бог, бог праздничный, *Купала* – летний бог, бог влаги (росы). К подобной классификации, несомненно, имеет отношение и *Хорос (Хорс)* – бог солнечного диска, бог миропорядка, связанного с ходом солнца [2].

С принятием христианства на Руси языческие верования не сразу ушли в прошлое, долгое время они ещё сосуществовали с официальной религией, которая постепенно привнесла в картину мира наших предков иное восприятие времени – как линейной величины, необратимо стремящейся вперёд. Языческий взгляд на эту категорию заменяется эсхатологическим: время не только линейно – оно конечно и прекратит свой ход со вторым пришествием Христа на землю.

Такое двойное отношение к философской категории времени находит отражение в древнерусской литературе. Наиболее известным и ярким памятником этой эпохи является «Слово о полку Игореве», которое с его сложной поэтической символикой, смелыми политическими призывами к князьям, пёстрой композицией, необычным бессоюзным синтаксисом в значительной степени стоит особняком в древнерусской литературе и книжности.

О.В. Творогов, доктор филологических наук, один из редакторов «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“», составленного Л.В. Виноградовой, отмечал: «Написать новую работу о “Слове о полку Игореве” очень трудно. Трудно потому, что в десятках книг и многих сотнях научных статей рассмотрены и изучены едва ли не каждое слово, каждый образ, каждый термин знаменитого памятника древнерусской литературы» [цит. по: 3]. Это, действительно, так. Но нам бы хотелось ещё раз обратиться к этому произведению, поскольку «Слово...» является важнейшим памятником эпохи, отражающим картину мира носителя языка XII века. В этой картине мира наибольший интерес для нас представляет фрагмент, связанный с вербальным выражением категории времени.

Опираясь на «Материалы словаря для древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского [4], мы попытались построить лексико-семантическое поле «Время», отражающее посредством языка фрагмент концептуальной картины мира древнерусской языковой личности. Понятно, что такая попытка носит несколько условный характер, поскольку опирается на летописные источники, представляющие письменную форму литературного языка. Устная же форма, разговорная речь остаются за рамками нашего исследования, поскольку не подверглись лексикографической фиксации.

Необходимо отметить, что количество древнерусских лексем, содержащих в своей семантической структуре сему времени, было довольно велико. По нашим подсчётам, таких лексикографически зафиксированных лексем около 250, не считая графических вариантов; устойчивых сочетаний, включающих в свой состав компоненты с темпоральным значением – 20.

К ядру ЛСП «Время», по нашим представлениям, безусловно, относится сама лексема $\hat{a}d\hat{h}i \#$, а также $\hat{a}h\hat{e}u$ (в 3-м значении), $\hat{a}i\hat{a}e\hat{i}\hat{a}$ (в 1-м значении), $\hat{a}i\hat{a}u$ (в первом значении), $\hat{e}h\hat{o}i$ (в 1-м значении), $\hat{a}h\hat{u}$ (в 1-м значении), $\hat{a}h\hat{e}u$ (в 3-м значении)/ $\hat{a}i\hat{u}$ (в 4-м значении), $\hat{a}e\hat{i}\hat{u}$ (в 14-м значении). Как видим, все перечисленные лексемы многозначны. В своих ранних дефинициях время «расщепляется» на более мелкие составляющие, приобретая тем самым конкретные черты, становясь более осязаемым: « $\hat{A}d\hat{a}i \hat{u} \hat{d}\hat{a}e\hat{o}a \hat{a} \hat{a}h\hat{u}$, $\hat{a}i\hat{u} \hat{u} \hat{e} \hat{i} \hat{a}h\hat{u}o$, $\hat{e} \hat{e}\hat{a}d\hat{o}i$ ». В древнерусском языке $\hat{a}d\hat{h}i \#$ это не просто философская категория – в третьем значении семантическая структура этого слова приобретает конкретизатор, выраженный прилагательным, – *должное, удобное* время, а во втором – ассоциативную связь с пространством – *ограниченное, определённое пространство временем*. Подобного рода локально-темпоральные связи не являются случайными. Локально-темпоральный синкретизм вообще может объясняться прежде всего гносеологическими факторами, которые на лингвистическом уровне находят воплощение в простран-

ственно-временной характеристике языка и речи. Так, по утверждению В.В. Морковкина, время в обыденном понимании есть пространство, «опрокинутое набок» и составляющее с собственно пространством идеальный механизм локализации любых событий и явлений; «такое понимание времени внушено сознанию человека языком, его грамматикой и лексикой» [5, с. 109]. В числе причин возникновения локально-темпоральных ассоциаций справедливо называют этимологическое родство пространственных номинаций с понятием времени, что объясняется прежде всего внутренней связью этих философских категорий как форм бытия материи. Действительно, представления человека о пространстве и времени в древности были нерасчленимы, например, в древнерусском языке лексема $\mathring{\text{c}}\acute{\text{e}}\grave{\text{i}}\grave{\text{a}}$ означала *север*, $\text{e}\grave{\text{a}}\text{d}\acute{\text{o}}\grave{\text{i}}$ – *юг*. Подобный лексический факт был отмечен еще Ф. И. Буслаевым, который обратил внимание на то, что в древних русских летописях «одна и та же мера принимается в языке для означения времени и пространства» [6, с. 276], как, например, лексема $\text{a}\grave{\text{a}}\text{d}\text{h}\text{o}\text{d}\text{a}$: «... $\acute{\text{e}}\acute{\text{i}}\grave{\text{y}}\text{c}\grave{\text{u}}$ $\text{A}\acute{\text{i}}$ $\text{a}\text{d}\text{h}\acute{\text{e}}$ $\text{i}\text{d}\acute{\text{o}}\grave{\text{u}}$ i $\text{e}\text{a}\text{a}\grave{\text{u}}$ $\text{a}\text{a}\text{d}\text{h}\text{o}\text{d}\grave{\text{u}}$ $\text{O}\text{d}\acute{\text{e}}\text{h}\text{o}\text{d}\text{a}$ $\text{a}\acute{\text{i}}\text{c}\acute{\text{e}}\text{r}\text{a}\acute{\text{e}}$ » (Ипатьевская, Лаврентьевская, Переяславльская летописи).

Возвращаясь к ядерной составляющей ЛСП «Время», добавим также, что $\text{a}\acute{\text{i}}\text{a}\acute{\text{e}}\acute{\text{i}}\grave{\text{a}}$ это ещё и *час*, *год*, *церковная служба*; $\text{e}\text{h}\text{o}\acute{\text{i}}$ – *год и лето*; $\text{a}\acute{\text{u}}\acute{\text{i}}\grave{\text{u}}$ – *день*, *сутки*, *время пути*, *жизнь*, *погода*; $\text{a}\text{h}\acute{\text{e}}\acute{\text{u}}$ – *жизнь*, *вечность*, *тысячелетие*. Обратим внимание, что в двух последних лексемах одним из значений фиксируется *жизнь* (в лексеме $\text{a}\acute{\text{u}}\acute{\text{i}}\grave{\text{u}}$ это 6-е значение, в лексеме $\text{a}\text{h}\acute{\text{e}}\acute{\text{u}}$ – 1-е). Совмещение лексем со значением времени в своей семантической структуре сем «жизнь» и «смерть» неслучайно: оно имеет глубокие этимологические корни. Дихотомия «жизнь – смерть (сон)» находит проявление в различных языках: исландский *pa* «жизнь» – греческий *o-var* «сон»; английский *time* «время» – ирландский *taim* «жить, быть»; латинский *mo* «время» – русский «смерть» [7, с. 93].

Интересно, что одним из значений лексемы $\text{a}\acute{\text{u}}\acute{\text{i}}\grave{\text{u}}$ является лексико-семантический вариант *погода*. Возникновение временной семы в соответствующей социальной среде у лексем, называющих понятия и явления первостепенной важности, с которыми человек сталкивается в повседневном быту, а также обратное явление: развитие предметной семантики у темпоральных лексем – нередкое явление. Такие способы номинации характерны, в первую очередь, для диалектов, при анализе которых нам открываются древнейшие лексико-семантические варианты временных лексем, не сохранившиеся в литературном языке [8, с. 11; 9, с. 27, с. 130; 10, с. 51].

Особую группу лексем в пределах ядра ЛСП «Время» составляют такие, которые в включают в свою лексико-семантическую структуру своеобразный конкретизатор времени, перемещая таким образом абстрактное, философское понятие в разряд не столько конкретных существительных, сколько, скорее, приспособлявая это понятие к человеческой жизни, бытовой сфере. В роли таких конкретизаторов выступают прилагательные: $\text{d}\acute{\text{i}}\acute{\text{e}}\acute{\text{u}}$ – определённое время, $\text{d}\acute{\text{a}}\acute{\text{i}}\grave{\text{e}}\text{~}$ – раннее время, $\text{i}\text{h}\acute{\text{a}}\acute{\text{i}}\acute{\text{e}}\acute{\text{i}}\grave{\text{a}}$ – осеннее время. В такой семантической трактовке лексемы со значением времени, помимо количественной семы, приобретают ещё и качественную. Несмотря на отсутствие конкретизатора, качественная сема, безусловно, присутствует и в лексеме $\text{a}\acute{\text{a}}\text{c}\text{a}\text{a}\text{d}\text{a}\acute{\text{i}}$ # – безвременье (тяжёлое время).

К центру ЛСП «Время» можно отнести несколько групп лексем с темпоральной семой в качестве основной.

1. Лексемы, отражающие линейную протяжённость времени. Это $\text{i}\grave{\text{u}}\acute{\text{a}}\acute{\text{i}}\text{h}\text{a}\acute{\text{a}}\text{e}\acute{\text{e}}\text{~}$, $\text{+}\text{u}\text{d}\text{d}\text{a}$ – в 7-м значении мгновение, минута, $\text{+}\text{a}\text{h}\text{u}\text{o}\text{u}$ – уменьшительное от час – мгновение, минута; подразделение часа – минута, $\text{+}\text{a}\text{h}\acute{\text{i}}\text{a}\text{u}\text{o}\text{u}$ – час, $\text{i}\text{h}\acute{\text{e}}\text{u}\text{+}\text{a}\text{h}\acute{\text{e}}\text{~}$ – полчаса, получасовое время, $\text{+}\text{a}\text{h}\acute{\text{u}}$ – в 5-м значении час, мера времени, подразделение суток; в 6-м значении счисление времени по часам, $\text{a}\acute{\text{u}}\acute{\text{i}}\grave{\text{u}}$ – во 2-м значении сутки, $\text{i}\text{h}\text{h}\#\text{o}\text{u}$, $\text{a}\acute{\text{i}}\text{a}\acute{\text{e}}\acute{\text{i}}\grave{\text{a}}$ – во втором значении год, в 3-м – час, $\text{d}\acute{\text{i}}\acute{\text{e}}\acute{\text{u}}$ – в 3-м значении год, $\text{e}\text{h}\text{o}\acute{\text{i}}$ – во 2-м значении год, $\text{a}\text{h}\acute{\text{e}}\acute{\text{u}}$ – во 2-м значении вечность, в 4-м – тысячелетие. Как видим, отдельные лексемы этой группы вступают в синонимические отношения, а слова $\text{a}\acute{\text{i}}\text{a}\acute{\text{e}}\acute{\text{i}}\grave{\text{a}}$ ($\text{a}\acute{\text{i}}\text{a}\acute{\text{e}}\acute{\text{i}}\grave{\text{u}}$) и $\text{d}\acute{\text{i}}\acute{\text{e}}\acute{\text{u}}$, кроме того, включают в свою семантическую структуру лексико-семантические варианты *судьба*, лексема же $\text{+}\text{a}\text{h}\acute{\text{u}}$ – имеет 9-м значением *счастья*, *удача*, что, как нам видится, напрямую обусловлено семантическими связями «время – жизнь», о которых мы говорили выше.

2. Лексемы, отражающие цикличность времени. Их можно разделить на пять подгрупп.

1). Слова с семантикой «часть суток», а также сам гипероним *сутки*. Следует отметить, что в кругу названных лексем выделяются словообразовательные или фонетические варианты: *сутки* – $\text{i}\acute{\text{i}}\text{~}\text{u}\text{a}\text{a}\text{u}\acute{\text{i}}\text{h}\text{p}\text{o}\text{d}\text{a}\acute{\text{i}}$, $\text{i}\text{h}\text{u}\text{a}\text{a}\text{u}\acute{\text{i}}\text{u}$, $\text{i}\text{h}\text{u}\text{a}\text{a}\text{u}\acute{\text{i}}\text{u}\text{i}\text{e}\text{o}\text{a}$, $\text{a}\acute{\text{u}}\acute{\text{i}}\text{i}\text{i}\text{h}\text{o}\text{d}\text{e}\text{~}$; *утро* – $\text{u}\text{o}\text{d}\acute{\text{i}}$, $\text{u}\text{o}\text{d}\text{e}\text{~}$, $\text{u}\text{o}\text{d}\text{h}\text{~}$, $\text{u}\text{o}\text{d}\acute{\text{u}}\text{i}\text{e}\text{o}\text{a}$, $\text{c}\text{a}\text{u}\text{o}\text{d}\text{e}\text{~}$, $\text{c}\text{a}\text{u}\text{o}\text{d}\text{e}\acute{\text{i}}\grave{\text{a}}$, $\text{c}\text{a}\text{u}\text{o}\text{d}\text{a}$; *вечер* – $\text{a}\text{a}\text{+}\text{a}\text{d}$, $\text{i}\text{d}\text{o}\text{u}\text{a}\text{a}\text{+}\text{a}\text{d}\text{e}\text{~}$; *ночь* – $\text{i}\text{i}\text{+}\text{u}$, $\text{i}\text{i}\text{u}\text{u}$. Помимо вариантов, имеют место и квазисинонимы: *день* – $\text{a}\acute{\text{u}}\acute{\text{i}}\grave{\text{u}}$, $\text{a}\acute{\text{u}}\acute{\text{i}}\text{e}\acute{\text{i}}\grave{\text{a}}$ (целый день), $\text{a}\acute{\text{u}}\acute{\text{i}}\text{e}\text{u}\text{a}$ (день пути). В последнем случае цикличность времени сочетается с его протяжённостью, долготой.

В рассматриваемую группу лексем входят и «зеркальные» наименования середины дня и ночи:

īīēuāūī ū, īīēuāūī ēī à, īīēuāūī è~, īēāāūī è~, īēāāūī ēī à, īēāāūī è"; īīēūīīīūū, īīēūīīīē~, īēāīīūū.

Интересно, что в древнерусском языке выделяется лексема не с точным значением «часть суток», а с семой приближённости к ней: īāāā÷āđūī ", īāāā÷āđē~ – время, близкое к вечеру.

Слова этой группы также способны к семантическому совмещению. Так, лексемы uōđī и uōđūī ēōā, помимо временной семы, имеют сему, связанную с природным явлением – заря, рассвет.

2). Номинации дней недели. Отметим, что такие лексемы отличаются однозначностью: īīīāāhēūī ēēū (īīīāāhēūī ūē āūī ū), īāōīđī ēēū, nāāā (nāđāāā), ÷āōāūđōū, ī#ōūī ēōā, nūāīōā (n#āīōā, nīāīōā), āūñēđūñāī è~.

3). Наименование месяцев: āāī āāđū (āāī uāđū), ōāāđāđū (ōāāđūāđū), ī āđōū, āī đēēū, ī āē, ēūī ēē, ēūēēē, çāđāāū (август), nāī ò#āđū (nāī ò#āđū, nāī ò#āđū, nāōāī uāđū), īēð#āđū, īī>āđū, āāēāāđū. Некоторые из перечисленных лексем имеют в древнерусском языке дубликаты: īēð\#āđū – ōāēīōē; nāī ò#āđū – đp~īū. В летописях упоминается и наименование месяца, находящегося за пределами русского календаря – āđōāī ēñēē (один из месяцев по позднему Греческому счёту, продолжавшийся от 24 марта по 24 апреля).

4). Лексемы, называющие времена года: āāñūī à, ēhōī, īñāī ū, çēī à.

5). Лексемы с семантикой времени в триаде, связанной с системой отсчёта «вчера – сегодня – завтра»: āū÷āđā – āūī ūñū (сегодня), āūī āōī ēē āūī ū – çāuōđī, çāuōđāē, çāāūōđā, çāuōđā, uōđī, uōđū. Как видим, в этой триаде больше всего вариантов имеет последняя лексема. В пределах семантической структуры некоторых из них возможна конкретизация значения. Так, uōđū это не просто «на следующий день», но и *на утро*; uōđāī ", ī à çāāōđhā – *на следующее утро*.

Мы полагаем, что лексика, обозначающая периоды возраста, наряду с непосредственно лексемами со значением *возраст*, также входит в ЛСП времени, так как она имеет в лексической структуре временную сему, что находит подтверждение и в словарных дефинициях, и в концептуальной и языковой моделях мира. При этом в восприятии времени преобладает в большей степени не количественная, а качественная специфика, то есть оно понимается не как упорядоченный набор секунд, минут, часов, дней и т. д., а как длительность и последовательность процессов, событий, отмечающихся особой значимостью в жизни индивидуума. Такая «качественность» времени весьма характерна именно для русского сознания: время – это другое название жизни, а жизнь мыслится и описывается в категориях времени.

Таким образом, к названной группе относятся:

а) лексемы, содержащие в своей семантической структуре непосредственно сему *возраст*, в некоторых случаях с конкретизатором: āūđñōā во 2-м значении *возраст* и в 3-м – *зрелый возраст*; đīēū в 5-м значении *возраст* и nūāūđñōū – *одинаковый возраст*;

б) отвлечённые существительные, обозначающие определённые периоды возраста: rīīōūñōāī, rīīñōū, ī ēāāīāūī ūñōāī (молодость), nōāđēī à (в 1-м значении *старость*), nōāđīñōū;

в) наименования человека по возрасту: āhò#, ī ēāā# – дитя, младенец; uīīōā, uīīōā – юноша; uīīōēā – девушка; nōāđēēū, nōāđūōū – старик; nōāđēōā – старая женщина, старуха; к перечисленным примыкает собирательное существительное ī īēīāū – молодёжь, молодая дружина;

г) слова, связанные с семой «возраст», производные в семантическом и словообразовательном отношении: āhōūūū (малолетний), ī īēīāūōēē (ср. ст. от сл. ī īēīāūē), nōāđīñōūī ūē (относящийся к старости), ī īīāīēhōūī ūē (престарелый), āūēāīēhōūī ūē (долго живущий), ī ūīīāīēhōūñōāī (долгоденствие), ī ūīīāīēhōūī h (в продолжении многих лет), ī īīāīēhōūñōāī āāōē (воглашать многолетие).

При такой характеристике речь идет об одной из многочисленных разновидностей универсального понятия время – времени жизни. Однако в силу преобладания в данной семантической группе семы качества можно предположить, что это образование занимает промежуточное положение между центром и периферией ЛСП «Время».

Лексемы, в которых временная сема отодвигается на второй план, является вторичной, относятся к периферии ЛСП «Время». Здесь также возможно выделить несколько подгрупп.

1. Лексемы, в семантической структуре которых совмещаются темпоральная сема и сема, связанная с природными явлениями: çāđāī è~ – рассвет; uōđēī à – утренняя заря, рассвет; ōāī ēūī ū – тёплое время, оттепель; çāī īđīçū – время, когда мёрзнут реки; īī÷āī ūđæ – ночной мороз; īōūçēī è~ – мороз со снегом, бывающий после долговременной оттепели. В последнем случае сема времени, хотя и не находит чёткого выражения в значении слова, однако очевидно передаётся от производящего слова çēī à.

2. Лексемы, совмещающие сему «время» и «приём пищи»: çāuōđīēū, çāāōđīēū – утренняя еда; īāhāēā, īāhāū – полуденная еда; āā÷āđ# – вечерняя трапеза.

Во всех иллюстрациях лексема *ādāi ū* употребляется с конкретизаторами: *ñāāi ādāi āī è, ī ūdāūōū ādāi āī ū, ædī ū ādāi āī à, ādāi ū Áóñāī, ñāāāāī ādāi āī è Bđīñēāāēū*. Такая уточняющая функция, в частности указательного местоимения *ñāē* столь распространена, что узаконена в лексикографических источниках: *ñāē* – «в сочетании с существительными “день”, “время”, “ночь” и под. Указывает на текущее, нынешнее время» [12].

Особый смысл имеет метафора *ñāēāū ñēāāū īāā īīēū ñāāi ādāi āī è...*, касающаяся тем и поэтического стиля «*ī hñī īōāīdōā*» Бояна. Он пел, играя на гусях, о старом времени и его героях: Ярославле, Мстиславе, Романе Святославличе, Всеславе Полоцком. Касался Боян и современных ему событий, связывая тем самым прошлое с настоящим. Автор «Слова...» хорошо помнит эти напевы и даже приводит начало своего повествования, стилизуя его под песни Бояна. Как и великий «песнотворец», автор «Слова...» вспоминает события и князей XI века и своих современников [13, с. 14, с. 24].

Интерес многих исследователей «Слова...» вызывало словосочетание *ādāi ū Áóñāī*. По данным энциклопедии «Слова о полку Игореве», предположения о том, кто такой (или что такое) Бус (а в первых изданиях *бус*) стали высказываться с начала XIX века. Так, бытовали мнения, что Бус – это хан Хазарский; князь половецкий; мифическое существо – предмет почитания готских дев; серое, тоскливое время (от *бусый* – в диалектах *серый, дымчатый*); демон (т.е. время дьявола, мрака, язычества); Бооз – предок восточных славян; беспорядочное бегство вследствие поражения (от казах. *босу*); мореходное судно (в древнерусских летописях – *бус*). Последней точки зрения придерживались Д.С. Лихачёв и В.П. Адрианова-Перетц [см. 14]. Следует, однако, отметить, что вопрос о точном значении этого словосочетания до сих пор остаётся открытым и справедливо относится к так называемым «тёмным местам» в тексте произведения.

Лексема *āī āēī à* встречается в тексте «Слова о полку Игореве» 3 раза в значении «время, пора»: *Óæā āī, ādāōiā, ī āāñāēāū āīāēī à āūñōāēā, óæā ī ūñōūī è ñēō ī ðēēdūēā; Í ū ñā çēī — ēī ū æā ī è ī ā īñāiā: ī āī è-ā ñū āīāēī ū īādādēøā...*

Лексема *āñēū*, из 3-х употреблений в тексте произведения в 2-х случаях реализует значение «время, годы»: *Áūēē āñ-è Òđīŷī è, ī ēī óēā ēñōā Bđīñēāāēū; āūēē ī ēūōē ī ēāīāū, ī ēūāā Ñāŷōū-ñēāāēē-ŷ; Í ā ñāāū ī ī ū āñōñ Òđīŷī è ādūæā Āñāñēāāū ædāāīē ī āñāēōp ñāāñ ēpāó.*

Лексема *ēñōī* употребляется только один раз в значении «промежуток времени, период, годы»: *Áūēē āñ-è Òđīŷī è, ī ēī óēā ēñōā Bđīñēāāēū; āūēē ī ēūōē ī ēāīāū, ī ēūāā Ñāŷōūñēāāēē-ŷ.*

В сочетании *āñ-è Òđīŷī è* в роли конкретизатора выступает антропоним *Троян*. Подробный свод толкований этого имени даёт Д.С. Лихачёв [11, с. 101 – 104]. По его мнению, речь идёт о славянском божестве, а *āñ-è Òđīŷī è* – это дохристианская эпоха, предшествовавшая «летам Ярослава» (Ярослава Мудрого), отмеченным междоусобицами сыновей Владимира Святославича.

Важную роль играет в сочетании *ī ā ñāāū ī ī ū āñōñ* числительное «седьмой». Д.С. Лихачёв высказывает предположение, что «Всеслав действует на седьмом, т. е. на последнем веке языческого бога Трояна, иными словами: напоследок языческих времен. Значение “седьмого” как последнего определяется средневековыми представлениями о числе семь: семь дней творения, семь тысяч лет существования мира, семь человеческих возрастов и т. д.» [11, с. 103].

В.П. Адрианова-Перетц комментирует употребление лексемы «седьмой» с опорой на Шестоднев, в котором содержится пространное рассуждение о том, что седьмой век подобен седьмому дню после сотворения мира. За ним начинается восьмой, подобный первому дню творения мира. Отсюда «седьмой» означает «последний». Кроме того, «семь» рассматривается как эпическое число библейских сказаний и народного эпоса [13, с. 159].

Обращаясь к отражению лексем, входящих в центр ЛСП «Время», следует заметить, что наиболее активно представлены лексем с семантикой «часть суток» и «сутки» и производные от них:

āāī ū – сутки (4 употребления): *Ādōāāāī āī è āāēī è dāī ī ēdīāāāūŷ çīðē ñāñōū ī īāñāārōū; Āēøāñŷ āāī ū, āēøāñŷ ādōāūè* и др.;

ōdđī – начало дня, первые часы после восхода солнца (1 употребление в составе сочетания *ī ī āñŷ*)
ōdōā – каждое утро: *...ā ñūī ū Āñāāīēīæū Āēāāēī ēdū ī ī āñŷ ōdōā ōøē çāēēāāāøā āū ×ādī ēāīāñ;*

āā-ādō – вечером (1 употребление): *Í īāāñī øā āā-ādō çādē;*

ī ī-ū – время суток от вечера до утра (3 употребления): *Āēūāī ī ī-ū ī ðūēī ādū, çādŷ ñāñōū çāī āēā, ī ūāēā ī īēŷ ī īēdūēā* и др.

Находят место в тексте «Слова...» и лексем со значением «середина суток»:

īīēōīīū – середина ночи, полночь (2 употребления): Ēđū=àđū òēēāū īīēōīīū, ðē, ēāāāē ðīīōūāī ē; Ī ðūīī ó ī īđā īīēōīīū; ēāđōū ñī īđōē ī ūāēāī ē;

īīēōīī÷ū – середина ночи (1 употребление): Ēīī īī ū āū īīēōīī÷ē Ī āēōđū ñāēīī ó çā ðēēīī;

īīēōāīīā – середина дня, полдень (1 употребление): Āēōāñŷ āāī ū, āēōāñŷ āđōāūē; òđāđōūāī āī ē ēū īīēōāīīīīīāīīōā ñōūçē Ēāīđāāū.

Группа «Номинация дней недели» представлена только одной лексемой – ī ūđōūēū (пятница, 1 употребление): Ñū çāđāīīŷ āū ī ūđōūēū īīđōīīđāōā īīāāī ūŷ īēūēū Ī īēīāāōēūŷ. Однако единичность употребления этой лексемы не умаляет её значения в тексте: это именно тот день, когда войско Игоря одержало победу над небольшим отрядом половцев, что, впрочем, не спасло русскую дружину от поражения через день после этого события.

Нравственно-этическая ценность времени отражалась в реальном или символическом наполнении многих темпоральных реалий, даже календарных дат. Доказательством этому служит частотность упоминания дней недели в памятниках письменности. Так, по наблюдениям И.Н. Данилевского, «в “Повести временных лет” понедельник и вторник упоминаются всего по одному разу, среда – дважды, четверг – трижды, пятница – пять раз, суббота – 9, а воскресенье (“неделя”) – целых 17! Естественно, это говорит не столько о “любви” или, напротив, нелюбви к определенным дням, сколько о “наполненности” их событиями, которые интересовали летописца и его читателей. Так, например, закладка и освещение храмов, перенесение мощей обычно производилось по субботам и воскресениям» [15]. По пятницам же обычно происходили битвы. Столь частое упоминание лексемы ī ūđōūēū в контексте, связанном с битвами, привело даже к заблуждениям некоторых исследователей прошлого века: бытовало мнение, что этим словом обозначался боевой порядок русских войск (по форме римской цифры V). Н.М. Карамзин датировал битву на Калке 1224 годом как раз потому, что именно в том году 31 мая (упомянутое в летописях как календарная дата битвы) приходилась на пятницу [15].

Микрогруппа «Возраст», занимающая промежуточное положение между центром и периферией ЛСП «Время», представлена в тексте древнерусского памятника письменности только словами, производные в семантическом и словообразовательном отношении:

ī īēīāūē – не достигший зрелого возраста, юный (2 употребления): Ī ĩāōā ī ĩīī ū ñāđđōūī ū ēī ŷçāī ū, ā īīđōīī ū ī īēīāūī ū ī ĩđē.... и др.;

ī ēāāū – в таком же значении (1 употребление): Āīđēñā æā Āŷ=āñēāāēē÷ā ñēāāā īā ñōāū īđēāāāā, ē īā Ēāīēī ó çāēāī ó īāī īēīī ó īīñōēā çā īāēāō Ī ēāīāō, òđāāđā ē ī ēāāā ēī ŷçŷ;

īīī īēīāēđē – помолодеть, стать моложе на вид (1 употребление): Ā ÷ē āēāī ñŷ, āđāđōīā, ñāđđō īīī īēīāēđē?

В тексте «Слова...» находят отражение и лексемы, относящиеся к периферии ЛСП «Время». Это три микрогруппы.

1. Микрогруппа, реализующая связь времени и природных явлений.

çīđŷ – световая окраска неба перед восходом солнца, время восхода солнца (2 употребления): ×đī ī ē òōī ēđū, ÷đī ī ē çāāī ēđū āāā÷ŷ đāīī ī đāāū çīđŷī ē?

В последнем случае употребление этой лексемы носит явно метафорический характер: кровавые зори являются символическим предвестием поражения. Такая символика находит широкое отражение в Библии и летописях [13, с. 88].

çāđŷ – световая окраска неба при заходе солнца (2 употребления): Āēūāī īī÷ū ī đūēī āđū, çāđŷ ñāđōū çāī āēā.

По нашему мнению, в анализируемую микрогруппу необходимо внести лексему ēōđū (петух), которая встречается в сочетании āī ēōđū (о времени, когда поют петухи, на исходе ночи – 1 употребление): Ā ñāī ū (Всеслав) āū īī÷ū āēūēīī ū ðūñēāōā ēçŷ Ēūāāā āīđēñēāōā āī ēōđū Òī òōīđīēāī ŷ; āāēēēīī ó Òđūñāē āēūēīī ū īōđū īđāđōñēāōā. Сема времени в этой лексеме является коннотативной, поскольку называет дополнительный компонент значения, широко известный носителям языка, о чём свидетельствует её частотное употребление в памятниках древнерусской письменности. Темпоральная семантика реализуется здесь посредством ассоциаций и представляет собой ассоциативную норму.

Сочетание же āī ēōđū признаётся лингвистами ещё одним «тёмным местом» в «Слове...». Трудности вызывает форма слова и синтаксическое построение фразы. Высказывались самые разнообразные предположения, которые можно условно разделить на три подхода к этому вопросу. При первом подходе утверждается, что первоначально лексема Ēōđū передавалась с прописным Ē и была именем собственным князя Куря, положенным в основу наименования топонима Курск. По иным ис-

точникам, Кур – персонаж древнейшего «солнечного мифа» – «Сказания о великом Куре». Он обитает в подземном мире, куда спускается по вечерам солнце, и следит за светилом ночью, будучи связан с солнцем и ночью прямой зависимостью. Со временем мифологическая подоплёка сочетания *āī ēōđū* стёрлась, осталось лишь указание на время суток («до рассвета») [12].

При втором и третьем подходах эта лексема рассматривается как имя нарицательное. В одном случае мнения опираются на полное отождествление лексем *ēōđū* и *петух*; в другом – приводятся доказательства иноязычного происхождения этого слова (*ēōđū* рассматривается как тюркское заимствование – от татарского *çig* – «строить, сооружать» – и означает «селения; постройки; земляные ограды, валы; стены города») [16].

Заметим, что, хотя вопрос об этимологии этого сочетания остаётся открытым, традиционно сочетание *āī ēōđū* связывается с лексемой *петух* посредством темпоральных ассоциаций, что находит отражение и в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского, и в словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» [14, т. 1, с. 702; 13], а также и в современных фразеологических словарях: *с петухами* – 1) очень рано утром; 2) очень рано вечером, с заходом солнца; *первые (вторые, третьи) петухи пели (пропели)* – об определении времени по троекратному пению петухов (в полночь, перед зарёй, на заре); *до первых петухов* – за полночь; *до вторых петухов, до поздних петухов* – до глубокой ночи; *до третьих петухов* – до рассвета [17, с. 377].

2. Микрогруппа лексем, совмещающих временную сему и сему «приём пищи»: *çāāōđīēū* (утренняя еда, 1 употребление), *īāhāū* (приём пищи, обычно в середине дня, в отличие от завтрака и ужина, 1 употребление), *ōæēī ā* (еда после полудня и вечерняя еда, 1 употребление): *Ā Ēāīđū ēī ūçū īīñēī ē āīđī āñōāāī ū ēū ōđīñōīp ... ē īīōā ē ā ēū ēōāō Āīīōā, ē īīēāōđī ñēīēīī ū īīāū ī ūāēāī ē, ēçāēāāū āōñē ē ēāāāāē çāāōđīēō, ē īāāāō, ē ōæēīā.*

3. Микрогруппа лексем с темпоральной семой и семой, связанной с религиозными праздниками, обрядами, обычаями, представлена только одной иллюстрацией: *çāōōđāī ūū* – церковная служба, совершаемая рано утром (1 употребление): *Ōīī ō āū ī īēīōñēā īīçāīīēōā çāōōđāī p p ðāīī ō ñāyōūy Ñīōāē āū ēīēīēīēū: ā īī ū āū Ēūāāā çāīī ū ñēūōā.*

Находит место в «Слове...» и лексико-грамматический класс наречий времени.

Đāī ī – ранним утром, спозаранок (9 употреблений): *Āōōāāī āī ē āāēī ē ðāīī ēđīāāāūy çīðē ñāōū īīāāāpōū; Bđīñēāāī ā ðāīī īēā-āōū āū ī ōōēāēē ī ā çāāāēē ī ðp.*

ī ūī h – теперь, в настоящее время (1 употребление): *Ōīāī ñāōāāī Āēāāēī īđā ī āēūçā āā ī ðēāāīçāēōē ēū āīōāī ū Ēīāāūñēūī ū: ñāāī āī ī ūīā ñāōā ñōyçē Đpðēēīāū, ā āōçīē Āāāēāī āū.*

Итак, «Слова о полку Игореве» не летопись, а, скорее, первое русское художественное произведение, поэтому время выражается в нём не формально хронологически, а переосмысливается. В эпоху создания «Слова...» время воспринимается уже как абстрактная величина, представления о которой обусловлены христианским мировоззрением. Однако основной характеристикой этой категории является её качественное наполнение, показывающее тесное переплетение с жизнью человека и определяющее сущность фрагмента картины мира, отражающей мировоззрение носителя языка Древней Руси.

Lexical units of the Old Russian language, entered into lexico-semantic field «Time» which is the fragment of world picture of the language user are examined in the article. Special attention is given to the usage of the temporal lexemes in relics of the Old Russian written language «Slovo o Polku Igoreve» which is not a chronicle but author's work/ during the research the lexemes entered into the nucleus, the centre and the periphery of the lexico-semantic field «Time» in Old Russian language and speech are determined, analysed and compared/ such analysis permits to reveal the fragment of the world picture of the language user of the Rus before Mongolian conquest.

The key words: *lexemes with time semantics, Old Russian language, lexico-semantic field «Time», «Slovo o Polku Igoreve», fragment of world picture.*

Список литературы

1. *Русский ассоциативный словарь: в 2-х тт.* / Ю.Н.Караулов и др. М.: Астрель, 2002. Т. 1: От стимула к реакции. 784 с.
2. *Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Словарь славянской мифологии. Н.Новгород: «Русский купец», «Братья славяне», 1995. 368 с.
3. *Чивилихин В.* Князь Игорь – автор «Слова о полку Игореве» // URL: <http://www.voskres.ru/literature/raritet/chivilihin.htm> (дата обращения: 10.04.2010).
4. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. М.: Книга, 1989.

5. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М.: Изд-во МГУ, 1977. 166 с.
6. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» М.: Просвещение, 1992. 512 с.
7. Маковский М.М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской Академии наук, 1996. 330 с.
8. Буслаев Ф.И. Словарь областных речений великорусского наречия. Записка. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1852. 16 с.
9. Дуров М.М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / под ред. Н. Виноградова. О. Соловки, 1929. 180 с.
10. Потаенко Н.А. К языковому освоению временной структуры действительности // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 43 – 53.
11. Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени: Монография. Л.: Худож. лит., 1985. 352 с.
12. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 выпусках / сост. В. Л. Виноградова. М.; Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965 – 1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/slovo/dicts/ss0.htm> (дата обращения: 20. 02. 2010).
13. Адрианова-Перетц В.П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI – XIII веков. Л.: Наука, 1968. 202 с.
14. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. Спб: Дмитрий Буланин, 1995. URL: <http://feb-web.ru/feb/sloven/es/es5/es5-1871.htm> (дата обращения: 01.03.2010).
15. Данилевский И.Н. Символика дат и название Повести временных лет // Источник. Метод. Компьютер: Сборник статей / под ред. В.Н. Владимирова. Алтайский государственный университет. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/imk/index.shtml> (дата обращения: 08.04.2010).
16. Орёл В.Э. «Слово о полку Игореве» и его этимологическое изучение // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исслед. М., 1988. С. 125 – 140.
17. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв./ под ред. А.И. Фёдорова. М.: Топикал, 1995. 608 с.

Об авторе

Бурдина Е.А. – кандидат филологических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, burdinaele@yandex.ru

УДК – 416/417

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА ПАМФЛЕТА Н.С. ЛЕСКОВА «НЕЧТО ВРОДЕ КОММЕНТАРИЙ К СКАЗАНИЯМ Г. АСКОЧЕНСКОГО О Т.Г. ШЕВЧЕНКО»

О.А. Головачева

Статья начинающего публициста Н.С. Лескова иллюстрирует его мастерство как зрелого сатирика, достойного Гоголя, о чем ярко свидетельствует используемая в тексте оценочная лексика.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, Т.Г. Шевченко, сатира, оценочная лексика, Аскоченский.

Уже в начале своей деятельности в качестве публициста, в 60-е годы XIX века, Н.С. Лесков выступил как вполне сформировавшаяся в своем мировоззрении и морально-этических принципах личность, продемонстрировав непреклонно твердые убеждения, в том числе и в оценке известных лиц эпохи. В периодических изданиях Н.С. Лесков полемизировал с авторами, придерживавшимися самых разных общественно-политических взглядов. Так, на публикацию воспоминаний В.И. Аскоченского о Т.Г. Шевченко в еженедельнике «Домашняя беседа» Н.С. Лесков откликнулся статьей «Нечто вроде комментариев к сказаниям г. Аскоченского о Т.Г. Шевченко». Статья была опубликована в журнале «Русский инвалид». Исследователи творчества публициста считают, что данный «блестящий памфлет...свидетельствовал о приходе в литературу мастера сатирического письма, воспринявшего художественные уроки Гоголя» [1, с.64]. Статья Н.С. Лескова - образец его яркой, неповторимой сатиры, которую впоследствии назовут язвительной, поэтому она заслуживает изучения и в лингвистическом плане. Особый интерес вызывает прежде всего состав лексических средств, которые способны выражать коннотативно-оценочные значения, важные для демонстрации авторской позиции.

Объектом сатирических оценок публициста выступает, с одной стороны, сочинение В.И. Аскоченского, с другой стороны, - сам автор воспоминаний, полемику с которым Н.С. Лесков ведет с помощью приема иронического изображения, прикрывая серьезной формой выражения тонкую насмешку. В соответствии с прагматическими установками на разоблачение истинных намерений Аскоченского Н.С. Лесков использует и соответствующую лексику.

Уже в заголовке статьи звучат иронические нотки, особенно заметные в лексеме *сказания*. Толкование значения этого слова может быть представлено через синонимический ряд «рассказ, повесть, предание, легенда» [2, т.4, с.320]. Наиболее близким по смыслу к лексеме *сказание* является *легенда*, т.е. «вымысел, нечто невероятное». Изобличая таким образом автора пасквиля на Т.Г. Шевченко, публицист использует отраженную характеристику, прибегая к приему элиминации: дает положительную оценку поэту не от своего лица, а со ссылкой на других, либо обозначенных местоимением *все*, либо названных сочетанием *хорошие люди*, либо не указанных вовсе:

Никто из хороших людей никогда не избегал с ним (Т.Г. Шевченко) встречи: его любили за его талант, за его теплую, честную, беспредельно добрую натуру; его уважали за его непреклонно твердые убеждения, скорбели о нем.

Для придания объективности оценкам Н.С. Лесков намеренно употребляет стилистически нейтральные номинативные единицы, которые характеризуют Т.Г. Шевченко, выдающегося поэта своего времени, удивительно доброго, наивного человека, и через отношение к нему людей, и через его отношение к людям:

Шевченко не был человеком, “ожесточенным” обстоятельствами. Он умел прощать многое. Его гуманная натура, как заметил г. Чужбинский, старалась извинить в людях все, что только как-нибудь можно было объяснить не совсем в другую сторону... Шевченко никогда не симпатизировал людям того закала, к которому принадлежит г. Аскоченский. Но он не мог выносить сношения с людьми, которые сделали ему не по душе. Он бежал от них по тому же самому чувству, по которому бежал из дома уездного аристократа, побившего при нем своего крепостного мальчика. Шевченко был человек чувства.

В своих описаниях Н.С. Лесков-публицист, отзываясь о поэте, использует преимущественно предикатную лексику с ярко выраженной мелиоративной оценочностью ядер (*гуманная, теплая, честная, беспредельно добрая (натура), непреклонно твердые (убеждения), (человек) чувства*), при этом имеет место и опосредованная характеристика В.И. Аскоченского, которого, как усматривается из контекста, автор обличает во лжи, он резок и убедителен в своем благородном порыве не отдать на поругание честь Т.Г. Шевченко. Лексика публициста меняется на противоположную, с негативной оценочностью, когда речь идет о мнимом друге покойного поэта. Автор гневно-обличительной статьи неоднократно употребляет применительно к поэту слово *покойный*, подчеркивая тем самым незыблемое еще с античных времен правило не говорить плохо о мертвых, бесцеремонно нарушенное Аскоченским. К нему отношение Н.С. Лескова однозначно негативное, что выражается автором открыто, искусным введением в пространство статьи фрагмента опуса *убогого стихоплета* :

“Не могу, — говорит г. Аскоченский, — забыть снисходительности поэта к таким убогим стихоплетам, каким был я, грешный, во время оно”. (Нынче г. Аскоченский не сознает своего убожества).

Цитируемый Н.С. Лесковым материал приводится им в кавычках. Этот прием отстранения служит автору отправной точкой для собственного комментария. Ремарка к цитате Аскоченского, содержащаяся в слове *убожество*, которое употреблено в значении «отсутствие таланта, ума; духовной ограниченности» [3, т.4, с.445], актуализируется с помощью контекстных антонимов (*был во время оно - (есть) нынче*). Один из них (*был во время оно*) эксплицитирован в цитируемом фрагменте. Лесковская ирония переходит в сарказм, о чем свидетельствуют названные выше лексемы, искусно введенные публицистом в текст статьи.

Наиболее значимыми средствами выражения авторского сарказма по отношению к Аскоченскому выступают слова одной тематической группы, многозначные лексические единицы, употребленные в переносном значении, а также различные повторы. Саркастически-уничижительно звучит шестикратный повтор сочетания *правнук Кочки-Сохрана*. Это выражение взято из объяснения самого Аскоченского, который приводит в своей статье, опубликованной в «Домашней беседе», якобы имевший место диалог с Т.Г. Шевченко:

— *То вы, мабуть, козак?*

— *Був колысь, — отвечал я (Аскоченский - прим. О.Г.). — Предки мои точно были казаками; прапрадедушка, есаул войска донского, звался Кочка-Сохран.*

— *Якій же гаспид перевернув вас на Аскоченского?*

В другом фрагменте Н.С. Лесков подчеркивает отсутствие достоинства, чести и порядочности у г. Аскоченского, искусно варьируя прямые и переносные значения лексем тематической группы *цвето/светообозначения*, например, *мазнул и станет мазать*, т.е. «пачкать, грязнить» [3, т.2, с.215] с свойственной ему одному *сообразительностию ... покойника такими тенями, которые, по нашему мнению, не идут для светлого облика “любого кобзаря Украины*.

Для усиления обличительного пафоса публицист использует также и смысловой повтор. Семантически близким к глаголу *мазать* выступает как компонент фразеологизма *бросить тень* - *существительное тени* - «места на рисунке, картине (пятна, штрихи и т.д.), изображающие наименее освещенные участки чего-либо» [3, т.4, с.354], так и однокоренные глаголы *оттушевывать* - «тушуя, накладывая тени на рисунок» [3, т.2, с.718], *растущеевывать* - «растереть, размазать равномерно тушь, карандаш в темных местах рисунка» [3, т.3, с.667]:

Но прежде чем коснемся художественного абриса, мы позволяем себе просить наших читателей обращать внимание на то, как г. Аскоченский оттушевывает некоторые стороны в Шевченке// Растушевывая покойного поэта, он захватил... и других...

Органично включены Н.С. Лесковым в текст памфлета лексические единицы, в семантике каждой из которых эксплицирован компонент *тени//тьнь*. Тем самым читатель подводится к осознанию того, что Аскоченский *бросает тень* на Т.Г. Шевченко, т.е. «порочит, очерняет, вызывает сомнение в добропорядочности» [4, с.688]. Образная основа данного калькированного выражения «связана с национальной семантикой цвета (темное, черное всегда имеет отрицательную оценку)» [4, с.688], и именно этот негатив доминирует в статье Аскоченского, которой в своих «сказаниях» претендует на дружбу с поэтом. Н.С. Лескова возмущает такое слишком бесцеремонное по отношению к Т.Г. Шевченко поведение издателя «Домашней беседы». Автор памфлета «обличает редактора «духоярого» журнальца»...как человека, не имеющего «ни гражданской совести...ни человеческой искренности» [1, с.62-63]. Объективность оценки, которую Н.С. Лесков дает Аскоченскому, находит подтверждение и в независимых изданиях XIX века: «...целью издателя «Домашней беседы» было «давать уроки и правила нравственности русскому народу». Цель эта достигалась обличением всего, что не подходило под взгляды самого издателя» [5, т.20, с.944-945]. Само же издание было «знаменито своим обскурантизмом» [там же]. Отмеченные качества применительно к воспоминаниям Аскоченского трансформируются, по нашему наблюдению, в навязываемые им читателю ракурсы, избранные для обрисовки малороссийского поэта.

Прагматическая установка Н.С. Лескова, как показывает текст, проявляется в том, что публицист выступает в защиту Т.Г. Шевченко не только потому, что поэт - человек «родной ему демократической стихии» [1, с.64], а из необходимости восстановить истину: дать справедливую оценку объективно положительной и значимой для общества личности. При этом автор использует как семантический объем лексических единиц, различных по стилистической тональности, так и специфику их синтагматики. Например, слово *кисть* употреблено в словосочетаниях *щетиная (кисть)* и *разгул (кисти)*. И в том, и в другом случае несомненная метафоричность семантики определяемых и определяющих слов, о чем свидетельствует их ЛЗ, например, *щетиная* - «жесткая» [2, т.4, с.1083], а также производные от *щетиный* - *щетинистый* и *щетиноватый*, которые обладают не только прямым значением, но и переносным, причем с ярко выраженным отклонением от деривативного значения узусуальных одно-модельных слов типа *глуповатый*, *хитроватый* и т.д., ср.: *щетиноват* - «брюзглив или сварлив, неуживчив», а также в поговорке *не идет щетинистому рылу в пушной ряд* [2, т.4, с.1083].

В именном сочетании *разгул кисти* опорный компонент *разгул* обозначает «полную свободу страстям» [2, т.4, с.35]. Используя лексику художественного абриса (*расписывание*, *оттушевывать*, *тени*), описательные выражения того же типа (*разгул кисти*), Н.С. Лесков избрал ставший впоследствии основным для его сатирических произведений признак «тихой язвительности» [6, с.52], которая «возникла при намеренном увеличении экспрессивной выразительности слов» [7, с.74], подводит читателя к пониманию истинного отношения к великому поэту издателя «Домашней беседы»:

В принятом г. Аскоченским способе расписывания заметно сильное преобладание холуйского [Холуйский уезд, известный особого рода иконописью. — Прим. Лескова.] разгула кисти.

Здесь использован один из ярких лесковских приемов, который у зрелого писателя станет характерной чертой идиостиля - прием языковой игры, основанной на омонимии. Так, единицей с большим экспрессивным потенциалом является прилагательное *холуйский*. Из авторского примечания следует, что речь идет об антропониме *Холуйский* (уезд), обозначающем реально существовавшую в XIX веке территориально-административную единицу. На реализацию прагматической установки направлены и примечания Н.С. Лескова. Действительно, «Холуйский уезд (слобода) - довольно значительный местный торговый центр Владимирской губернии, известный своим кустарным иконописным промыслом». Отличительной особенностью ремесленников данного промысла было «при иконописании сильно развитое разделение труда: одни мастера ...только подготавливают доски для писания на них изображений, другие пишут только лица святых...третьи пририсовывают одеяния...» [5, т.73-а, с.540]. Однако «конвейерный» способ изготовления икон не вызывал уважения у русских православных людей, отсюда и пренебрежительная номинация-характеристика по отношению к таким «мастерам» - *богомазы*, т.е. «плохие иконописцы». Это «прозвище владимирцев, суздальцев, развозящих образа своей работы по всей России» [2, т.1, с.183]. К типу недобросовестных «рисовальщиков» публицист относит и автора воспоминаний о Т.Г. Шевченко (*Г. Аскоченский, точно как богомаз*). На семантически близком расстоянии от лексемы *богомаз* в лесковском тексте употреблено слово *холуйский*, которое зафиксировано со строчной буквы, что подразумевает контаминацию значения не топонима, а оттопонимического образования и одного из ЛСВ узусуального полисеманта *холуйский* - «подлый родом и приемами» [2, т.4, с.924]. Н.С. Лесков виртуозно включает в языковую игру омографы (топоним *Холуйский* (уезд) употреблялся с ударением на первом слоге, в то время как в адъективе, производном от существительного *холуй*, акцентологически выделялся второй слог). Семантико-графическая игра прилагательных, в том числе и в сочетании *холуйский способ (отделки личностей)*, поддержана и усилена переносным значением слова *разгул* (кисти) и повтором:

Растушевыя покойного поэта, он захватил своей щетинной кистью и Чужбинского, и других лиц, вспоминаемых при сей верной оказии, а что всего интереснее, замахнул и самого себя. Таковы следствия худуйского способа отделки личностей.

Стилистически сниженным выступает в данном контексте и слово *отделка*, обозначающее действие по однокоренному глаголу. Вероятно, мастер саркастического письма Н.С. Лесков употребляет в данном контексте слово *отделка* как дериват с транспозиционным значением от ЛСВ глагола *отделать* - «испортить небрежностью» [2, т.2, с.1184] и одновременно указывает на результат действия - «нанесение морального вреда».

Н.С. Лесков демонстрирует свое возмущение лживым и предвзятым изображением Т.Г. Шевченко и через уличение редактора «Домашней беседы» во лжи: *В дневнике его опять значится, что: “26 мая (странно, откуда в этом дневнике взялось число, когда сам г. Аскоченский говорит, что “дней и месяцев не обозначал”?), и с помощью развенчания прозрачных намеков Аскоченского на его дружеские отношения с Т.Г. Шевченко, где известный поэт представлен бесцеремонно-фамильярно. При этом Н.С. Лесков говорит кратко, но емко, используя слова, которые в узусе образуют одну тематическую группу (ср.: *поднести* - «подавая, угостить чем-либо, обычно вином» [2, т. 2, с.884] и *подать* - «принести, поставить на стол для еды, питья» [3, т.3, с.200]). Публицист использует семантический повтор. В статье указанные глаголы выступают как контекстные характерологические антонимы, на что обращает внимание читателя автор:*

*Тарас положил гитару на траву и, выпив рюмку водки, которую **поднес ему** (тогда гимназист) П. А—ч, стал закусывать колбасою, беспрестанно похваливая ее”. (Заметьте: “**поднес**” рюмку водки. Г. Аскоченскому он бы, разумеется, ее “**подал**” - прим. Н.С. Лескова).*

Семантический объем глагола *подать* не подразумевает направленности на конкретного адресата, он тем самым лишен пейоративной оценки. А ключевой для данного контекста глагол *поднести* в указанном выше значении в процессе функционирования приобрел фразеологичность семантики (что зафиксировано в лексикографических иллюстрациях, например: *не подноси, не пью* [2, т.2, с.884]), и отсюда стилистически сниженную тональность и негативную оценочность, поскольку поведение, связанное с распитием спиртного, не одобрялось обществом никогда. Тем не менее вполне осознанно Аскоченский выставляет Т.Г. Шевченко не только как человека пьющего, но и как человека, не умеющего в этом состоянии контролировать свои действия:

“Хлыснув два-три чапорухи, Шевченко повеселел, а дальше и совсем развязался: он принялся читать стихотворения, наделавшие ему потом много беды и горя”.

Н.С. Лесков обращает внимание читателя на продуманную недоговоренность издателя «Домашней беседы» (*Как жаль, что г. Аскоченский не говорит: каким образом читаемые у него Шевченко стихи “наделали много беды и горя” поэту*), акцентирует свое неодобрение использованием Аскоченским намеков-умолчаний. К финалу статьи возмущение Н.С. Лескова усиливается, достигая максимума. Авторский текст насыщается повторами, «благодаря которым оказываются выделенными смысловые доминанты» [7, с.146] незавершенности, открытого вопроса, намека:

К чему он употребил слово “Шевченке поднес водки”? К чему эти недомолвки: “В последний раз я встретился с ним летом прошлого года на Загородном проспекте, но... лучше бы мне не встречаться с ним”? Что хотел сказать этим г. Аскоченский? Надо было уж договорить. Ведь он не договорил этого, верно, не по чувству деликатности и “благожелания” покойнику. Допустить такого предположения невозможно, потому что “сообразительный” редактор неспроста напечатал, что он видел Шевченка так, что “лучше бы не встречаться с ним”.

Нам представляется возможным говорить о том, что прозрачный намек, имплицитно подразумевающий нетрезвое состояние Т.Г. Шевченко, неуместен, поскольку, хоть и дистантно, но Аскоченский соединил сцену выпивки *рюмки водки, которую поднесли Т.Г. Шевченко*, с ситуацией, где фигурировали *два-три чапорухи*, и с описанием последней встречи с поэтом, которое заканчивается фразой “лучше бы не встречаться с ним”. Н.С. Лесков-публицист на это ответственно и категорично заявляет:

...художеств, за которые “лучше бы не встречаться” с Шевченко, никто за ним не знает, и никто из всех, знавших и любивших его до последней его минуты, не решится указать в нем такого пятна.

В контексте слово *пятно* выступает в значении «что-либо позорящее, порочащее» [3, т.3, с.574]. Оно синонимично стилистически сниженному *художество*, т.е. «дурной поступок, дурная выходка, порок» [2, т.4, с.939]. Из сказанного Н.С. Лесковым следует, что дурных свойств у Т.Г. Шевченко не было, о чем свидетельствуют не только номинативные единицы, но и частотно употребленная отрицательная частица. Однако об Аскоченском этого сказать нельзя. В текст статьи публицист далеко не случайно ввел слово *порок*, адресованное автору воспоминаний о поэте. Подчеркивая характерологические черты Аскоченского, Н.С. Лесков впервые на текстовом пространстве статьи использует данную лексическую единицу:

г-н Аскоченский, по собственному его признанию, в молодости был склонен ко лжи и ложь принадлежит к числу пороков, от которых отвязать необыкновенно трудно. Пусть Блатор Ипатьевич тверже помнит слова своей покойной родительницы, говорившей ему: “Ей! не лжи, сынок”.

С нашей точки зрения, гипероним *порок* и гипоним *ложь* служат расширению сатирической палитры у Н.С. Лескова-публициста, как и полисемант *сообразительный*, разные значения которого контаминированы в тексте:

Тем, кто знает г. Аскоченского и Шевченко, — понятно многое... Непонятно только: с какую целью сообразительный редактор “Домашней беседы” придавал такой тон своим воспоминаниям о покойнике.

Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что слово *сообразительный*, в тексте статьи было отмечено ранее как самооценка Аскоченского (о чем свидетельствует графическая маркировка - употребление слова в кавычках - "*сообразительный*" редактор неспроста напечатал...). В указанном фрагменте публицист актуализирует не узуальное значение адъектива, а авторское; семантический объем слова базируется на значении одного из ЛСВ многозначного слова *сообразить* - «сделать, устроить что-нибудь» - Н.С. Лесков прибегает к одному из своих любимых приемов первичной мотивации. В контексте лексема осложнена смысловыми приращениями негативного плана. Теперь *сообразительный* Аскоченский предстает перед читателем как беззастенчивый сочинитель небылиц о Т.Г. Шевченко

Таким образом, использованные автором языковые средства иронической и сатирической характеристики убедительно и ярко раскрывают лживость *воспоминаний* Аскоченского, его недоброжелательность по отношению к Т.Г. Шевченко, что выразилось в фальсификации фактов, смещении оценок. Именно в этом качестве издатель «Домашней беседы» и заслужил справедливую, хотя и столь язвительную отповедь от Н.С. Лескова.

Статья Н.С. Лескова «Нечто вроде комментариев к сказаниям г. Аскоченского о Т.Г. Шевченко», которую исследователи творчества Н.С. Лескова с полным на то основанием назовут критическим памфлетом, свидетельствовала о том, что в отечественной публицистике появился яркий, талантливый, принципиальный мастер сатирического жанра. Молодой публицист профессионально и широко употребил в текстовой ткани своей статьи разноплановые по экспрессивно-оценочной характеристике лексические единицы, имеющие как «злободневную направленность» против конкретного лица, так и прагматическую направленность лексики.

The article of the would-be pamphleteer N.S. Leskov illustrates his skill of a mature satirist, worthy Gogol, that is vividly demonstrated by the evaluative vocabulary of the work.

The keywords: N.S. Leskov, T. G. Shevchenko, satire, evaluative vocabulary, Askochenskiy.

Список литературы

1. Горелов А.А. Лесков//Русская литература и фольклор. Конец XIX в. Л., 1987.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Тт. 1 4. М., 2006
3. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С.Лескова. М., 2000.
4. Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. М., 1996.
5. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь/ Под ред. Мокиенко В.М., 2005.
6. Словарь русского языка в 4-х томах под ред. А.П.Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981-84. т. I-IV.
7. Столярова И.В. Принципы коварной сатиры Н.С. Лескова (слово в сказе о Левше)// Творчество Н.С. Лескова. Курск, 1977
8. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона/ Под ред. Андриевского И.Е. т. 1У-а, С.-Петербург, 1891

Об авторе

Головачева О.А. – кандидат филологических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru.

УДК – 415.412.51

К ОПЫТУ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Н.В. Горяинова

В статье рассматриваются основные подходы к комплексному анализу поэтической метафоры с точки зрения лингвокультурологии и лингвокогнитивистики, описывает процесс создания и восприятия метафоры, выделяются основные типы контекстов, в которых метафора реализуется.

Ключевые слова: поэтическая метафора, лингвокогнитивный подход, лингвокультурологический подход, ментальная картина мира

Феномен метафоры изучается не одно столетие: со времен Аристотеля создано бесчисленное множество исследований в области лингвистики, литературоведения, психологии, философии и смежных с перечисленными науками дисциплинах. В настоящее время произошел своеобразный всплеск метафорологии, связан он в первую очередь с появлением когнитивной теории метафоры (Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем [1]). Если традиционно метафора рассматривалась как троп, т.е. существование её было заключено в рамки художественного текста, то по мнению Лакоффа и Джонсона, вся наша жизнь метафорична. Данная теория заставила ученых обратиться к речи человека как к способу моделирования его деятельности, лингвистика и психология стали соприкасаться теснейшим образом, поскольку предметом исследования стало человеческое сознание. В силу этих причин когнитивная теория метафоры нашла свое применение в политике и ком-

мерции, т.е. в тех структурах, где публичная речь играет важную роль. Изучение метафоры в поэтическом тексте продолжает следовать традиционному подходу, несмотря на то, что поэзия в большей степени ориентирована на апелляцию к сознанию адресата.

Р. О. Якобсон в своей работе «Лингвистика и поэтика» [2] выделяет следующие компоненты речевого акта: адресант, адресат, контекст, контакт, код, сообщение. Первые три стороны речевого акта охарактеризовал также К. Бюлер, выделив для них такие языковые функции, как экспрессия, апелляция и репрезентация соответственно [3]. Якобсон расширяет ряд функций, называя фатическую (контактоустанавливающую), метаязыковую (предмет речи – код-язык), поэтическую [2].

В поэтическом контексте языковые функции имеют некоторые особенности, что связано с соотношением поэтического текста и действительности, автора и лирического героя. Реальность в стихотворении как бы заново сконструирована автором. По мнению М. М. Бахтина, создавая художественное произведение, автор выделяет описываемый предмет, событие, моральные ценности из ряда других эстетических и этических понятий [4]. Поэтическая функция языка заключается в сообщении ради сообщения. Для поэтической речи эта функция является доминирующей при наличии всех остальных перечисленных функций.

Особенность поэтического текста – в том, что здесь намного ярче раскрывается семантический потенциал слов. С когнитивной точки зрения в поэтическом тексте происходит актуализация сразу нескольких значений слова, формируя многогранный образ, в котором можно разграничить основные свойства, зашифрованные в контексте, и дополнительные, выведенные из языкового опыта адресата.

Исходя из специфики поэтического текста, можно выделить два направления исследования метафорических единиц: культурологическое и когнитивное. С точки зрения лингвокультурологии рационально изучить конкретное лексическое выражение метафоры, а с точки зрения лингвокогнитивистики – процесс её создания и восприятия. Таким образом, лингвокультурология имеет дело с уже готовым языковым явлением, в то время как лингвокогнитивистика подробно рассматривает его составные элементы, общие и частные их свойства, валентность (как способность соединения признаков), сценарии создания тех или иных метафорических моделей. Общим для обоих подходов является восприятие метафоры в широком смысле термина, т.е. как любой случай переносного значения.

Объективно существует два способа создания ментальной проекции мира: дискурсивно-логический и метафорический [5]. Логическая картина мира представляет собой совокупность умозаключений, понятий, законов, полученных дедуктивным путем, т.е. постепенным переходом от частного эмпирического свойства к общему закону (с использованием всех имеющихся понятий). Так формируются понятия естественных и точных наук. Метафорическая картина предполагает результат фокусировки признаков. Это свойство позволяет человеку мгновенно перерабатывать и трансформировать огромный массив знаний. В первом случае для получения знания круг понятий расширяется, а во втором – наоборот, все понятия сводятся в одну точку, соединяются и производят новое знание как вытяжку из имеющихся категорий. В конечном итоге создается новый концепт, который завершает цепочку.

Поэтическая картина мира отличается от логической и метафорической тем, что в ней подчас отсутствуют понятия для существующих явлений. Метафора здесь только указывает на сходство признаков несуществующего и существующего явлений, но не создает новый концепт. По мнению Н.Д. Арутюновой, «художественная мысль не отталкивается от образа, а устремляется к нему. Метафора – это и орудие, и плод поэтической мысли. Она соответствует художественному тексту своей сутью и статью» [6]. Метафора, начальный этап познания, в поэтическом тексте не имеет продолжения. Однако новый образ, не имеющий названия, обладает тем не менее свойством корелации, т.е. способностью накапливать признаки и пополнять их состав новыми в ходе вторичного обращения к этому явлению [7].

Особенностью поэтической метафоры является её предельная мозаичность. При образовании метафоры происходит активный поиск по концептуальной сети, в результате которого суммируются схожие признаки несхожих концептов. В поэтической речи, чем сильнее противопоставлены сравниваемые объекты, тем ярче созданный образ. С точки зрения логики метафора – непростительная ошибка, которая возникает в результате категориального сдвига. Способность к метафоризации выражается во внутреннем противопоставлении обыденного видения мира (состоящего из базовых концептов) индивидуальному, в котором каждый объект наделен исключительными свойствами. Поэтическое творчество того или иного автора определяется спецификой моделей, по которым строятся его метафоры. Другими словами, поэт не мыслит так, как мыслит большинство.

Исходя из общих положений теории схем, осприятие метафоры адресатом проходит в следующих направлениях:

1. Адресат не обладает необходимыми схемами (автономными блоками знаний, состоящих из ряда концептов и применяемых в ситуации понимания) – метафора не понимается.

2. Адресат обладает необходимыми схемами, но не знает, что нужно применить именно их. При контекстуальном намеке происходит понимание

3. Адресат не обладает необходимой схемой, но применяет другую. Это рождает множественность трактовки метафоры.

4. Адресат применяет ту же схему, что и автор.

Вариативность восприятия, как и произвол в выборе метафоры, – свидетельство её поэтической природы. По словам Ю.Н. Тынянова, «Случайность оказывается более сильной связью, чем са-

мая тесная логическая связь» [8].

Таким образом, при описании когнитивных свойств конкретной поэтической метафоры мы акцентируем внимание на сравниваемых концептах, их признаках, моделях соединения, процессе восприятия. Когнитивная лингвистика обращается главным образом к индивидуальному сознанию конкретного субъекта (адресата или адресанта), в то время как культурологический подход подразумевает анализ этно-культурного сознания (вхождение концепта в общую модель мира данного этноса).

Е. Г. Эткинд в работе «Разговор о стихах» [9] выделяет шесть типов контекстов поэтического слова:

1. Общесловарный;
2. Условно-словарный (общепризнанный переносный смысл);
3. Контекст литературного направления;
4. Контекст данного автора;
5. Контекст цикла стихотворений;
6. Контекст отдельного стихотворения.

Полученный список можно дополнить контекстом поэзии эпохи (современной автору и современной читателю). Таким образом, концепты, выделенные в ходе когнитивного анализа, рассматриваются в каждой из названных систем.

Описанный комплексный подход позволяет наиболее полно охарактеризовать каждый случай метафоризации. Логично предположить, что такой анализ рационален при исследовании наиболее сложных и многоуровневых единиц, которые образуются при взаимодействии свойств не базовых концептов, а единичных авторских метафор.

In this article the complex method of poetical metaphor treatment from the standpoint of linguoculturology and cognitive science, describes creation and perception process of metaphor

The key words: poetical metaphor, cognitive method, linguoculturology method, mental image of world.

Список литературы

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал, 2004. 256 с.
2. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193-230
3. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 1993. 502 с.
4. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. С. 6-71.
5. Кассирер Э. Сила метафоры. // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 33-44
6. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 16
7. Калашиникова Л.В. Корреляция. Психолингвистическая модель концептуальных репрезентаций. М.: Междунар. ассоциация строит. вузов, 2002. 183 с.
8. Тынянов Ю.Н. Промежуток // philologos.narod.ru: Материалы по теории языка и литературы. URL: <http://philologos.narod.ru/tyunyanov/pilk/ist18.htm> (Дата обращения 28.03.2010)
9. Эткинд Е. Разговор о стихах. М.: Детгиз, 1970. С. 47

Об авторе

Горяинова Н. В. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru

УДК – 415/416:43

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В ПЕРЕВОДНОЙ ПОЭЗИИ Ф.И. ТЮТЧЕВА.

И.О. Ключева

Настоящая статья посвящена изучению и характеристике способов реализации семантических компонентов с пространственно-временной соотносённостью в переводной поэзии Ф.И. Тютчева. В ходе исследования определяется характер лексики, использованной для создания художественного времени и пространства, а также выявляется её функциональный потенциал в переводных текстах Ф.И. Тютчева в сравнении с оригиналом. Все положения иллюстрируются примерами стихотворений Ф.И. Тютчева.

Ключевые слова: поэтический перевод, пространственно-временная картина, стилистика оригинала, семантический компонент.

Пространство, наряду со временем, относится к базовым концептам во всех культурах. Они вечны и неизменны, но, несмотря на это, данные понятия воспринимаются каждым человеком субъективно, что находит своё отражение в языке. В авторском сознании, в художественных произведениях, такие, казалось бы,

универсальные категории приобретают индивидуальное осмысление и самые разные семантические оттенки, что очень чётко прослеживается при сопоставлении оригинальных текстов с переводными. В данной статье мы проведём анализ способов реализации семантических компонентов с пространственно-временной соотнесённостью в оригинальной зарубежной поэзии и переводных стихотворениях Ф.И. Тютчева.

В настоящее время многие вопросы, связанные с изучением предмета, функций и средств науки о переводе уже достаточно полно освещены. Как известно, значения не всех слов можно максимально точно передать средствами языка перевода, принимая во внимание множество этих значений и время, когда то или иное произведение было создано.

Одним из наиболее интересных аспектов теории перевода является проблема передачи стилистических приемов на принимающем языке. Важность изучения перевода образных средств обусловлена необходимостью адекватной передачи образной информации художественного произведения, воссоздания стилистического эффекта оригинала в переводе.[1,с.43]

Что касается литературы, то можно сказать, что ничто не подводит нас ближе к её сущности, чем работа над переводом поэтического языка, или, по крайней мере, глубокая оценка такой работы. Как отмечал один из исследователей тютчевской поэзии F.Jude, “при переводе лирической поэзии переводчик, скорее всего сам выберет стихотворение, и этот выбор будет обусловлен его собственными пристрастиями и в некоторой степени даже его обязательствами перед самим собой” [2,с.43].

Поэтический перевод – это особый перевод, более сложный по сравнению с переводом прозаических произведений, поскольку каждое стихотворение обладает своим оригинальным звучанием, и передать эту неповторимость на другом языке - высшее искусство.

Особенность перевода состоит в том, что мировоззрение автора должно совпадать с мироощущением переводчика. В противном случае переводчику приходится неотступно следовать букве оригинала из-за взаимодействия разных поэтических культур. Ещё сложнее обстоит дело с поэтическими текстами, когда очень часто переводчик вынужден создавать свои собственные произведения на языке перевода. Это взаимодействие сводится к заимствованию темы у соседней культуры и развитию её в иной языковой среде свойственным этой среде образом. [3,с.5]

Основная цель перевода направлена на то, чтобы сохранить дух оригинала. Об этом упомянул в начале XIX века в своём трактате “О различных методах перевода” Шлейермахер: “Читатель перевода лишь тогда оказывается в равном положении с внимательным читателем произведения в подлиннике, когда он наряду с духом языка получает возможность почувствовать ... дух автора”[4,с.33]

По мнению Л.К. Латышева, перевод должен повторять оригинал не только по семантике и грамматической структуре, но и по части воздействия на читателя. Поэтому переводчик должен стремиться к максимальной эквивалентности оригинального и переводного текстов, несмотря на культурно-исторические различия между носителями исходного и переводящего языков.[5, с.4-5.]

Несомненно, Ф.И. Тютчев считается мастером поэтического перевода. Он писал не только на русском, но и занимался переводами с немецкого, французского, английского и итальянского языков. Он переводил Гёте, Шиллера, Гейне, Гердера, Уланда, Ленау, Цедлица, Байрона, Шекспира и других европейских писателей, обретая в собственных сочинениях свой голос и вырабатывая неповторимый стиль. Очевидно, чтобы подойти ближе к сущности его переводов с немецкого языка, необходимо исследовать творческие параллели, текстуальные «переклички» поэзии Тютчева и современной ему немецкой литературы, ведь в мастерстве перевода некоторых стихотворений немецких поэтов Ф.И. Тютчев до сих пор остался непревзойдён. Его первые поэтические переводы оставались почти не замеченными читателями и критиками. Тютчевские переводы с инициалами “Ф.Т.” печатались в небольших альманахах, а иногда вообще оставались в рукописи, поэтому, к сожалению, до нас дошли не все его переводы [6,с.11]. Иногда поэт не заботился о сохранности своих произведений. В письме к Гагарину Тютчев писал, что среди уничтоженных им “поэтических произведений” был “перевод первого акта из второй части “Фауста”, быть может лучшее из всего”[7, с.20].

Несомненно, чтобы судить о мастерстве поэта как переводчика, нам следует провести сравнение перевода с оригиналом. В рамках данной статьи мы проведём анализ лишь некоторых поэтических переводов на русский язык, выполненных Ф.И. Тютчевым.

Как отмечают исследователи тютчевских переводов, поэт не был сторонником формальной точности и дословности в переводе, в отличие от А.А. Фета. Переводы Тютчева с немецкого языка отличаются вольным подражанием, но они всё же не так свободны как у М.Ю. Лермонтова, чьи переводы можно считать собственной интерпретацией того или иного стихотворения(например, его “Горные вершины” и “Wanderers Nachtlief” Гёте).

Несмотря на вольность трактовки оригинального стихотворения, Тютчеву удавалось передать его основную идею и сохранить лейтмотив стихотворения. Это явно прослеживается при сопоставлении двух переводов отрывка из “Лирического интермеццо” Гейне(“Ein Fichtenbaum steht einsam...”)[6,с.134] выполненных Ф.И. Тютчевым и М.Ю. Лермонтовым. Впоследствии это стихотворение переводили Майков, Фет и другие русские поэты, но только Тютчеву удалось наиболее точно передать метрическое своеобразие подлинника. Первый по времени перевод — «На севере мрачном» — Тютчев озаглавил «С чужой стороны», придав, таким образом, стихотворению характер собственной лирической темы.

В результате сравнительного анализа оригинального текста с тютчевским переводом, мы можем сделать вывод, что они семантически и грамматически близки. Например, у Гейне дважды встречается прилагательное “*einsam*” (с нем. одинокий), которое в себе содержит пространственную семантику отчуждения. Она усиливается словосочетанием “*auf kahler Höhe*” (с нем. на голом холме) и эпитетом “*schweigend*” (с нем. молчаливый). В словаре Д.И. Ушакова мы можем найти следующее определение прилагательному “молчаливый”: безмолвный, исполненный тишины [<http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov/>]. Все эти средства создают пространственную картину одиночества и пустоты.

У Тютчева мы также встречаем эпитет “одинокий” (2 раза), который вместе со словосочетаниями “на севере мрачном, на дикой скале, в дальних пределах” принадлежит к одному лексико-семантическому полю пустого пространства. Несмотря на это, пространство у Гейне и Тютчева характеризуется здесь определённой ориентированностью: Север и Восток. Они получают у Тютчева признаки отдалённости благодаря эпитетам “мрачный”, “дальний”.

Из контекста нам становится понятно, что художественное время стихотворений – зима. У Гейне мы встречаем “*ihn Eis und Schnee*” (с нем. во льду и снеге), что по значению перекликается с тютчевскими “под снегом белеет”, “в инистой мгле” и “вьюга”. Как и в стихотворении Гейне, семантика холода у Тютчева поддерживается словами с семантикой сна: “заснул”, “сон”, “спится” (у Тютчева) и *schlafen* (с нем. клонить в сон) (у Гейне).

При анализе названий переводов у Тютчева “С чужой стороны” и у Лермонтова “Сосна” можно заметить, что трагичность ситуации более выразительно звучит у Тютчева уже в самом начале, ещё до прочтения стихотворения, в эпитете “чужая” (сторона). В поэзии Гейне очень часто звучал мотив изгнания и тоски по родине. У Лермонтова этот смысл, вложенный в стихотворение Гейне, как мы видим, утрачен. Характерно, что в переводе Тютчева ряд таких исследователей, как Ю. Тынянов и К. Пигарев, усматривали собственную лирическую тему, далёкую от мечтаний и звучащую как дружеское послание поэта с чужбины (Тютчев тогда находился в Германии).

Переведённое Ф.И. Тютчевым сочинение представляет собой своеобразную аллегорию, стержневой конструкцией которой является противопоставление мужского и женского грамматических родов: *der Fichtenbaum* (ель) – в нем. мужской род, *die Palme* (пальма) – женский. Чтобы сохранить аллегорию и лейтмотив в переводе, Тютчев заменил ель на кедр. Это выгодно отличает стихотворение Тютчева от стихотворения “Сосна”, поскольку у М.Ю. Лермонтова не сохранено противопоставление мужского и женского родов, что говорит о большей близости перевода Тютчева к оригиналу. На первый взгляд может показаться, что кедр звучит более экзотично, но МАС отмечает, что кедр – распространённое неправильное название некоторых видов сосны [8, с.45]. Поэтому мы можем сделать вывод, что в переводе представлена, скорее всего, одна и та же порода дерева. Сосна, будучи хвойным деревом, передаёт молчание, сон, грусть, уединение в своих мыслях. С соснами и елями очень часто связана погребальная символика древних обычаев. [<http://www.iro.yar.rsait.files/klen.ppt>]

Мы видим, что в переводе Тютчева, с одной стороны представлена реальная картина природы, с другой стороны, с помощью этой картины выражаются эмоции, личные переживания автора, которые связаны с картиной природы лишь опосредованно.

Более близок к оригиналу перевод Тютчева и с точки зрения стихотворной формы. В подлиннике использована перекрёстная мужская рифма, при этом рифмуются лишь чётные строки. С точки зрения стихотворной формы, рифмовки и семантики текст перевода даже более совершенен, чем оригинал.

Оригинал отличается от перевода тем, что он написан несколько проще, в нём отсутствуют такие поэтические выражения, как “и сон его вьюга лелеет”. У Гейне использовано слово со сниженной (разговорной) нормативно-стилистической окраской (*schlafen* – с нем. клонить в сон).

Сопоставление переводов Тютчева и Лермонтова выявляет общие моменты в трактовке темы. Помимо этого, отмечаются и черты различия. Нам представляется, что пейзажное описание у Тютчева отличается более мрачным колоритом и более эмоциональной напряжённостью. Ритмический строй тютчевского перевода здесь играет немалую роль. У Лермонтова мы наблюдаем более размеренный, спокойный ритм.

В целом же стихотворение Ф.И. Тютчева можно считать удачным поэтическим переводом стихотворения Гейне на русский, в силу того, что его отличает высокая степень семантической точности.

С высокой степенью точности воспроизведено содержание ещё одного стихотворения Гейне “*Der Schiffbrüchige*” (“Кораблекрушение”) [б, с.145]. У Тютчева число строк совпадает с оригиналом, но внутри этих строк нет присущих оригиналу метрических перебоев, поэтому текст перевода звучит даже мелодичнее, чем оригинал. Как и в ряде других случаев, Тютчев переводит оригинал с высокой семантической точностью, но это не мешает ему использовать более высокий поэтический регистр, чем Гейне, заменяя нейтральную лексику возвышенной. Если у Гейне тучи – *formlos grauen Töchter der Luft, Die aus dem Meer... Das Wasser schöpfen...* (с нем. бесформенные серые дочери воздуха, которые черпают воду из моря туманными ведрами и с трудом тащат и тащат её и снова проливают в море), то у Тютчева тучи – “уродливые дщери неба”, которые “в туманные сосуды морскую черпают волну и с ношей вдаль, усталые, влекутся, и снова выливают в море”. Важно отметить то, что Тютчев использует в переводе архаические, старославянские формы “дщери” (вместо нейтрального варианта “дочери”) и “влекутся” вместо “тянутся”. Согласно толковому словарю великорусского языка

Д.И.Ушакова, “влечься-1)тянуться, тащиться; 2)стремится” [<http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>]. В.И.Даль даёт такое определение старославянскому “влечься”: направляться, стараться достичь. [<http://slovari.yandex.ru/search>]. Эти формы акцентируют наше внимание на семантике тяжёлого движения, которое медленно направляется от неба к морю и уходит вдаль.

У Гейне мы встречаем *Ein trübes, langweiliges Geschäft, Und nutzlos, wie mein eignes Leben* (с нем. безрадостное, скучное занятие и бесполезное, как моя собственная жизнь), то у Тютчева – “нерадостный и бесконечный труд!.. И суетный, как жизнь моя”.

Факт отказа от воспроизведения приземлённой лексики свидетельствует, вероятно, об эстетическом вкусе к поэзии: Тютчев считал возвышенную лексику неотъемлемой частью поэзии. [б,с.292]. Примечательно, что во второй части стихотворения Гейне сам использует достаточно изысканную лексику. Здесь уже, как мы видим, стилистические регистры Гейне и Тютчева совпадают. Таким образом, меняющийся стихотворный размер и отсутствие рифм у Гейне предоставили Тютчеву большую степень свободы в выборе лексики.

Больше всего Тютчеву удавались переводы из Гёте. Многие в стихотворениях Гёте было созвучно собственным поэтическим устремлениям Тютчева. Для перевода он выбирал такие оригиналы, которые были ему близки по мировоззрению и художественным особенностям. Например, “Ночные мысли”, “Приветствие духа”, “Запад, Норд и Юг в крушеньи...”, а также отрывки из “Фауста”: (перевел весь первый акт “Фауста”, который считал лучшим своим сочинением, но потом нечаянно сжег, осталось несколько отрывков: среди них беседа Фауста с Духом Земли), “Эгмонта”, “Вильгельма Мейстера”, “Певец”, “Заветный кубок”.

Одним из самых знаменитых поэтических сочинений Тютчева является перевод стихотворения “*Nachtgedanken*” – “Ночные мысли” [б,с.79]. Сравним первые строки оригинала и перевода: “*Euch bedaur ich, unglückselge Sterne,...*” Дословный перевод звучит так: я жалею вас, несчастные звёзды, но у Тютчева мы встречаем: “Вы мне жалки, звёзды-горемыки!”. В переводе Тютчева семантический акцент переносится с субъекта оригинала на его объект. В нём устранён не только грамматический субъект “*ich*”, но и грамматический предикат-сказуемое, а объект оригинала “*unglückselge Sterne*” не просто занял в переводе позицию приложения грамматического субъекта, но и усилил свою семантическую роль за счёт второго приложения имени “звёзды-горемыки”. Таким образом, устранив глагол, Тютчев усилил семантическую призывность за счёт приложений и предиката имени. Устранив субъекта – человека земли, поэт основное внимание перенёс в другое, неземное пространство, где живут звёзды.

Если сравнить переводы этого стихотворения, выполненные Тютчевым и Фетом, то можно проследить высокую степень адекватности обоих переводов. Как отмечал К.В.Пигарев, “оба перевода одинаково передают подлинник; что же до деталей, то некоторые из них сохранены Тютчевым, другие – Фетом”. [11,101-102] Например, следующая строка: “*Denn ihr liebt nicht, kanntet nie die Liebe*” – точнее переведена у Тютчева: “Вы не знаете любви и век не знали”, чем у Фета: “Вам любовь чужда – и вы мне жалки”. В следующей фразе: “*Unaufhaltsam führen ew'ge Stunden/ Eure Reihen durch den weiten Himmel...*” Тютчевым дословно переведён эпитет “*unaufhaltsam*” – “неудержно”, но всё выражение точнее переведено Фетом: “Вас ведут без устали по небу/Вечные часы путём далёким”.

Исследователи тютчевской поэзии К.В.Пигарев и Н.Я.Берковский указывали в своих работах на определённый подтекст, мотив в переводах стихотворений Гёте [<http://www.tyutchev.ru/t9/html>]. Движение вглубь земли как метафора познания тайн природы – мотив, вероятно, возникший в русской поэзии не без влияния образов из первой части «Фауста» Гёте [б,с.83]. «*Wo faß ich dich, unendliche Natur? / Euch Brüste, wo? Ihr Quellen alles Lebens, / An denen Himmel und Erde hängt, / Dahin die welke Brust sich drängt – / Ihr quellt, ihr tränkt, und schmacht ich so vergebens?*» – «С напрасным стоном, / Природа, вновь я в стороне / Перед твоим священным лоном! / О. как мне руки протянуть / К тебе, как пасть к тебе на грудь, / Прильнуть к твоим ключам бездонным!», перевод Б.Пастернака («Ночь»). «Грудь» природы у Гёте оказывается источником глубоко лежащих ключей жизни. В дальнейшем этот образ уточняется в трагедии: в сцене «Лес и пещера» Фауст, обращаясь к духу, благодарит его за то, что он позволил ему «заглянуть в глубину груди» природы («*Vergönntest mir in ihre tiefe Brust / Wie in den Busen eines Freunds zu schauen*»).

Сравним два перевода этого места, принадлежащих Д.В.Веневитинову и Ф.И.Тютчеву: «Но я могу в её таинственную грудь, / Как в сердце друга, заглянуть» (Веневитинов); «допустил/Во глубину груди её проникнуть, / Как в сердце друга!» (Тютчев). Уже из этого сравнения видно, что Тютчев стремится почти буквально удержать образность подлинника. Для нас это важно, поскольку Тютчев, как известно, во второй половине 20-х – начале 30-х годов переводил обе части «Фауста», и образный ряд великой трагедии наверняка повлиял на его собственный поэтический стиль.

В монологах Фауста в первой части нередко возникает сравнение места, где обитает человек, с «пылью», «прахом» земным (*Staub, Dust*; последнее из этих слов в нижненемецких диалектах означает запылённый воздух или чад, что немаловажно при соотнесении с образностью первой строфы «Безумия»). Ср.: «*Was sucht ihr mächtig und gelind, / Ihr Himmelstöne, mich am Staube?*» («Ночь»), в переводе Тютчева: «Чего вы от меня хотите, / Чего в пыли вы ищете моей, / Святые гласы...». В знаменитом рассуждении Фауста о том, что в нём живут «две души» («У ворот»), Гёте даёт очень резкий образ такого «двоедущия»: «*Die eine hält, in derber Liebeslust, / Sich an die Welt mit klammernden Organen; / Die andre hebt gewaltsam sich vom Dust / Zu den Gefilden hoher Ahnen*». Нам неизвестен тютчевский перевод этих

строк, но вот как их перевел его современник, Д.В.Веневитинов: «Одна, обнявши прах земной, / Скова-лась с ним любовью земною; / Другая прочь от персти хладной / Летит в эфир, к обители родной». Семантика «праха» и «пыли» весьма часто встречается у Тютчева в 20-е – первой половине 30-х годов: «А я здесь в поте и в пыли, / Я, царь земли, прирос к земле!..» («С поляны коршун поднялся...», 1835), «исчадь праха» (перевод фрагмента из «Эрнани» Гюго, 1830), «Вчерашний зной, вчерашний прах!..» («Как птичка, раннею зарей...», нач. 30-х), «И не дано ничтожной пыли / Дышать божественным огнём» («Проблеск», 1825). Интересно, что своеобразной иронической параллелью к словам Фауста о проникновении в глубины природной жизни является в трагедии образ червя, прокладывающего свои ходы в земной пыли, образ, который примеряет к себе герой: «Dem Wurm gleich ich, der den Staub durchwühlt» («Ночь»).

Во второй части Фауст должен отправиться на поиски Матерей – древних богинь, олицетворяющих природные первоначала, и его путь лежит через пустыню, одно из значений которой философское Ничто («In deinem Nichts hoff ich das All zu finden» – «в твоём Ничто я надеюсь обрести Всё»), а также в глубины земли («ins Tiefste schürfen»). Такое решение темы двоимирия и поиска глубоко залегающих тайн природы обобщается Тютчевым в «Безумии» в очень близком образном ключе: Безумие зарывается в пески, апокалиптический эквивалент земных «пыли», «праха» и метафизического Ничто, и живет в них, подобно червю, глядя при этом в облака и прислушиваясь к подземным источникам. Но если в первой части «Фауста» трагико-героический аспект в конечном счете преобладает, то в тексте Тютчева он явным образом совмещён с пародийный приёмом, где о низком предмете повествуется высоким стилем, характерным для второй части трагедии.

Как отмечалось ранее, Ф.И.Тютчев переводил французских поэтов, в частности, Виктора Гюго. Монолог дон-Карлоса из «Эрнани» [6, 201] – одно из наиболее сильных мест во всей драме Виктора Гюго, по мнению многих литературоведов. Тютчевский перевод довольно близок к подлиннику. Как почти все переводы французских драматических произведений, он написан шестистопным ямбом. Вот начало монолога в подлиннике:

*Charlemagne, pardon! ces voûtes solitaires
Ne devraient répéter que paroles austères.
Tu t'indignes sans doute à ce bourdonnement
Que nos ambitions font sur ton monument.*

Перевод Тютчева начинается также с обращения:

*Великий Карл, прости! — Великий, незабвенный
Не сим бы голосом тревожить эти стены
И твой бессмертный прах смущать, о исполин,
Жужжанием страстей живущих миг один!*

Удачно выражение „жужжание страстей“, притом дословно передающее подлинник: *se bourdonnement que font nos ambitions*. Далее Тютчев сразу переходит к рассуждению, которое существует и у В. Гюго и занимает большую часть монолога.

Начало второго отрывка в оригинале звучит так:

*Ah! briguez donc l'empire et voyez la poussière
Que fait un empereur!..*

У Тютчева цепочка притяжательных местоимений “твоя – моя – если бы моя”, выражает внутреннюю борьбу дон-Карлоса между желанием „схватить мироправленья жезл“ и страхом, что власть достанется не ему.

*Quelque chose me dit: Tu l'auras! — Je l'aurai. —
Si je l'avais!..
Мне тайный глас сулит: твоя она — моя —
О если бы моя!*

Тютчев сохраняет общий тон оригинала, а также многие особенности его формы: рифмовку (смежные мужские и женские рифмы), эпитеты (избранные вожди — *chefs élus*), сравнения (велик как мир — *grand comme le monde*), метафоры (народ — пучина, вал морской, зеркало грозное для совети царей, жерло где гибнет трон, всплывает мавзолей, — *une mer, flots vivants, vague qui broie un trône et qui berce un tombeau, miroir où rarement un roi se voit en beau*), параллелизмы (сей решит, тот рассекает, — *l'un délie et l'autre coupe*, сей истина — тот сила, — *l'un est la vérité, l'autre est la force*). Заметим, что Тютчевский перевод гораздо короче подлинника; целый ряд стихов пропущен и не заменен ничем, в других местах вставлены собственные стихи поэта; так заключительные строки:

*И мой весь этот мир, и я схвачу без страха
Мироправленья жезл! Кто я! исчадь праха!*

У Виктора Гюго эти строки вовсе отсутствуют, если не считать, что выражение „исчадь праха“ навеяно словами „On n'est qu'un homme“.

Мы видим, что такие существительные, как “мир”, “пучина”, “жерло” служат здесь у Тютчева для создания пространственной картины бесконечности, бездны. В доказательство этому мы находим у Д.И.Ушакова “мир-Вселенная в её совокупности”; “пучина – пропасть, водоворот, провал в болоте” [http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov]. Согласно МАС, “жерло-отверстие до самой пустоты,

дыра”[<http://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/>]. Эти слова несут оттенок чего-то бедственного, угрожающего гибелью и полной безысходности.

Прибавим, что настоящий перевод не случайный в Тютчевском творчестве. Он доказывает, что поэту была не чужда французская романтика XIX в. (в числе его переводов с французского есть один из Ламартина).

Таким образом, в результате анализа переводов зарубежной поэзии, выполненных Ф.И.Тютчевым, можно сделать вывод о том, что, несмотря на вольность трактовки оригинала, поэт сохраняет общий тон подлинника, лейтмотив стихотворения и многие особенности его формы. Это, возможно, объясняется тем, что многое в зарубежной поэзии было созвучно собственным поэтическим устремлениям Ф.И.Тютчева, оригиналы были близки ему по мировоззрению и художественным особенностям. Языковые средства с пространственно-временной соотнесённостью приобретают у поэта индивидуальное осмысление. Переводные стихотворения Ф.И.Тютчева дают возможность проследить сходства и различия в интерпретации семантики пространственно-временных компонентов в русском поэтическом тексте и иноязычном оригинале.

This article is dedicated to the process of studying and description of the ways of realization of semantic components with space-time correlation in translated poetry of F.I.Tyutchev. In the course of studies we define nature of vocabulary, used for creation of artistic time and space, as well as reveal its functional potential in translated texts of F.I.Tyutchev in comparison with an original. All positions are illustrated with the help of examples of the poems written by F.I.Tyutchev.

The key words: *poetical translation, space-time picture, stylistics of the original, semantic component.*

Список литературы

1. Бреева Л.В., Бутенко А.А., Лексико-стилистические трансформации при переводе, М., 1999, С.43
2. *The complete Poems of Tyutchev In An English Translation.* Durham, 2000, С. 43 Иллюстрации приводятся по этому изданию с указанием страницы.
3. *Charles Tomlinson. Versions from Fyodor Tyutchev.* With an introduction by Henry Gifford. Lnd., Oxford, 1803-1873.-p.5
4. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983-304с., С.33
5. Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения. М., 1981.-248с.С.4-5
6. *Зарубежная поэзия в переводах Ф.И.Тютчева: Сборник/Составл. Б.Н.Тарасова.* М.: ОАО Издательство “Радуга”, 2004.- С параллельными текстами на языке оригинала. 320 с.
7. Раггаус Г.И. Немецкая поэзия в России. Вступительная статья к кн. Золотое перо. Немецкая, австрийская и швейцарская поэзия в русских переводах. 1812-1970. М., 1974.-735с. – С.20.
8. *МАС 1999-Словарь русского языка: в 4 т.-М.: Рус.яз.; Полиграфресурсы, 1999.*
9. <http://www.iro.yar.rsait.files\klen.ppt>
10. <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>
11. Пугарев К. Тютчев-переводчик Гёте. С.101-102
12. <http://www.tyutchev.ru/t9.html>
13. <http://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/>

Об авторе

Клюева И.О. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, irina9976@yandex.ru.

УДК – 410

О СООТНОШЕНИИ КОНЦЕПТА «ПРАВЕДНИК» И АНАЛОГИЧНОГО ПОНЯТИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

М.М. Корсикова

В русле когнитивной лингвистики рассматривается соотношение терминов концепт и понятие, а также приводятся их уточнение применительно к концепту и понятию праведник.

Ключевые слова: *концепт, понятие, ядро концепта, константа.*

В настоящее время термин концепт широко употребляется в научной литературе, но его толкования весьма неоднозначны. Достаточно часто затрагивается проблема соотношения концепта и слова, концепта и значения. Термин концепт берет свое начало от латинского слова *conceptus*, которое в переводе означает:

1. Собирать, вбирать в себя;
2. Представлять себе, воображать;

3. Написать, сформулировать;
4. Образовывать.

Концепт – это единица ментальная, мыслительная. С.А. Аскольдов считает, что концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода, [1,с.267] концепт – это огромный пласт человеческого опыта. Ю.М. Лотман подчеркивает, что концепт – это концентрат культуры и опыта народа [5,с.36].

Кроме того, концепт является частью культуры. Ю.С. Степанов считал, что концепт – это основная ячейка культуры в ментальном мире человека [8,с.43]. Тем не менее, концепт не может существовать без вербальной репрезентации, т.е. без плана выражения.

В.В. Воркачев утверждает, что концепт – культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом совокупных языковых реализаций [2,с.47]. Также, концепт включает в себя огромное количество компонентов, таких как эмоциональный, оценочный и национальный. Учитывая все перечисленные свойства, можно сделать вывод, что концепт – это мыслительная единица, имеющая свой план выражения, которая является неотъемлемой частью человеческого опыта и культуры.

Рассмотрим в сравнении с отмеченным содержанием термина понятие: понятие - русское слово, по смыслу близкое значениям греческих слов *идея, категория*. Происходит от русского глагола *понимать* (постигать умом, познавать, разуметь). Понятие — «отображенное в мышлении единство существенных свойств, связей и отношений предметов или явлений»[10,с.494], необразное, выраженное в слове отражение действительности. В понятии выделяется и фиксируется, прежде всего, общее, которое достигается за счёт отвлечения от всех особенностей отдельных предметов данного класса.

Сравним основные характеристики, чтобы четко представить специфику свойств обоих явлений. Концепт очень часто отождествляется с понятием, так как и понятие, и концепт характеризуют какое-либо явление или предмет, но следует отметить, что понятие относится к концепту как часть к целому. Отличия концепта от понятия заключаются в следующем:

1. Концепт и понятие являются терминами разных наук; понятие употребляется в логике и философии, а концепт является термином когнитивной лингвистики и культурологии.

2. Понятие говорит только о существенных, самых ярких признаках предмета, а концепт включает в себя все знание о предмете.

3. Понятие включает в себя познанные, реальные признаки предмета, а концепт – совокупность всех признаков, и реальных, и мыслимых.

4. Не каждому понятию соответствует концепт, концепты – это наиболее сложные и важные для данной культуры понятия.

5. Концепты связаны с множеством одинаково значимых точек зрения, а понятие восходит к единой точке зрения.

6. Концепт окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом [6,с.38], а понятие лишь в общем характеризует предмет.

Описанные явления рассмотрим применительно к концепту «Праведник» и соответствующему понятию. Содержание понятия представим, обращаясь к словарным источникам.

«Праведник — 1. Человек, строго придерживающийся заповедей, моральных предписаний какой-либо религии. 2. Человек, ни в чем не погрешающий против правил нравственности...» (**Современный толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой**)

Праведник, или праведные на церковном языке название святых, пребывавших в мире не в отшельничестве или монашестве, а в обычных условиях семейной и общественной жизни, и в частности, святых ветхозаветных, например, "праведный Ной", "праведные Симеон и Анна". (**См. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона**)

«Праведник – (книжн. устар). Человек, живущий согласно заповедям, моральным предписаниям какой-нибудь религии. || Человек, в своих поступках, в своем поведении ни в чем не погрешающий против требований нравственности. ...» (**Толковый словарь Д.Н. Ушакова**)

Праведник – 1. У верующих: человек, который живет праведной жизнью. 2 Человек, ни в чем не погрешающий против правил нравственности. (**Толковый словарь С.И. Ожегова**)

Праведник – праведно живущий; во всем по закону Божью поступающий, безгрешник. (**Толковый словарь В.И. Даля**)

Принимая во внимание словарные определения термина «праведник», можно сделать вывод, что понятие в основном имеет два толкования: религиозное и обыденное (у Т.Ф. Ефремовой, С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова). С религиозной точки зрения, в самом общем виде, праведник – это человек, который беспрекословно соблюдает предписания или заповеди какой-либо религии. С обыденной точки зрения, праведник – это человек, который ведет правильный образ жизни и не нарушает моральных норм, правил, законов. Таким образом, данное понятие может рассматриваться в разных аспектах, но праведник – это прежде всего человек, образ жизни которого можно назвать правильным, так как он не нарушает религиозные или гражданские нормы.

По мнению Ю.С. Степанова, ядро вербально выраженного концепта ближе всего к понятию, выраженному данным словом. Так, ядром концепта «праведник» является словарное толкование, которое включает в себя все основные характеристики предмета. Более того, концепт не разделяется на религиозный и нерелигиозный, он включает оба значения понятия.

Кроме ядра, концепт имеет также внутреннюю форму и актуальный слой, который включает все мыслимые и немыслимые признаки. Понятие не включает эмоциональный ореол, ассоциативное поле, и также этимологию происхождения слова.

Возникает вопрос: является ли «праведник» концептом русской культуры, или только понятием? Коррелятивная пара «Святые и Праведники» определяется Ю.С. Степановым как одна из фундаментальных констант русской культуры. «Константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [8, с.84].

Принимая во внимание характеристику констант Ю.С. Степанова, можно выделить несколько существенных признаков константы:

1. Константы постоянны, с момента их появления в национальной культуре.

2. Константы не являются неизменными.

3. Константы включают в себя неизменяемую и переменную часть.

4. Константы прослеживаются на определенном отрезке времени.

5. В список базовых концептов попадают и их производные, играющие определенную роль в русской духовной жизни сегодня.

6. Вербализация. В концептосфере любого языка функционирует огромное количество концептов, большая часть которых существует лишь в виде ментальных образований и не подвергается вербализации. Вербализуются лишь те концепты, которые наиболее социально значимы, востребованы данной культурой.

Для того чтобы определить, относится ли концепт «Праведник» к основным концептам русской культуры, нужно охарактеризовать его в соответствии с вышеназванными признаками.

С момента крещения Руси в 988 году русское национальное сознание стало непрерывно обогащаться за счет понятий, которые появились вместе с православной религией. К таким понятиям относятся: *святый, Бог, грех* и многие другие. Некоторые из них так и остались на уровне понятий, в то время как другие постепенно выросли в концепты и приобрели свою национальную специфику.

Концепт «Праведник» формировался постепенно. Возможно, в доправославной Руси был концепт со значением «человек, который живет правильно, соблюдая нормы и законы», но вербализация концепта имела место в связи с религиозными догматами. Слова «праведник», «праведный», согласно этимологическим словарям, происходят от слова «правда», «истина», т.е. буквально означают «по правде живущий, истинно живущий». Вербализация данного концепта произошла достаточно рано, еще в Древней Руси. Согласно «Словарю русского языка 11-17» века, слово «праведник» появилось в церковном писании еще в 1076 году. Столь ранняя вербализация говорит о значимости данного понятия для русского национального сознания.

С момента своего возникновения данный концепт прослеживается на протяжении всей истории России. Концепт «праведник» - несомненно, концепт русской культуры, так как тема праведничества и праведности получила широкое распространение в художественных произведениях Н. С. Лескова, который создал целую галерею праведников. Кроме того, данный концепт нашел свое отражение в поэзии, музыке и живописи.

В начале статьи было рассмотрено несколько точек зрения относительно понятия «праведник» и было сформулировано одно общее определение, которое соответствует понятию, а концепт включает в себя непосредственно все эти определения и дополняется различными оттенками значений.

Понятие «праведник», например, не включает второстепенное иронично-отрицательное значение лексемы *Праведник* в значении: человек, который внешне исполняет все обряды, а на самом деле, внутренне дурной и лживый.

Таким образом, следует отметить, что концепт шире понятия, многоаспектнее. Понятие – это только ядро концепта. Концепт «праведник» включает в себя обыденную, религиозную, национальную и эмоциональную составляющую, а также много других компонентов.

Taking into consideration the main principles of cognitive linguistics we study the correlation of the concept and idea and compare the concept and idea of a *just man*.

The key words: *concept, idea, constant, nucleus of the concept.*

Список литературы

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / Под ред. В.Н. Перознака. М.: Academia, 1997.

2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // ФН 2001, № 1. С. 64-72.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русс. яз., 1998. Т.3:П. 1998. 555с.

4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русс.яз., 2000. Т.2:П-Я. 1088с.

5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 296с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка.- М.: «Советская энциклопедия», 1972.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проспект, 2001. 990 с.
9. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: «Альта-принт», 2005. 1239с.
10. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989 815с.
11. Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс] (В 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами) / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского Электронные данные Библиотека «Вехи», 2000 2009.

Об авторе

Корсикова М.М. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, marri25@mail.ru

УДК – 415.2:43-07

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПАССИВНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА)

И.В. Корытко

В статье исследуется функциональный аспект категории залога и средства выражения пассивной семантики на примере произведений А.П. Чехова в русском и английском языках. Категории залога трактуется как оппозиция активного и пассивного залогов. Рассматриваются различные морфологические средства выражения пассивной семантики в названных языках. Автор приводит примеры, связанные с реализацией акционального значения, представленного в виде сложного взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста.

Ключевые слова: залог, функционально-семантическое поле, субъектно-объектные отношения, пассивность, акциональность, А.П. Чехов.

На современном этапе развития русистики наряду с традиционным подходом к описанию языковых явлений не менее важное место отводится функционально-семантическому исследованию, которое стремится представить категории грамматики в виде двусторонних содержательно-формальных единств, получающих название функционально-семантических полей (ФСП) [1, с. 86]. Понятие функционально-семантического поля открывает возможность сопоставительного исследования, так как представляет собой определённую базу для сравнения [2, с. 12]. Анализ содержания и структуры этих полей (таких, как аспектуальность, темпоральность, персональность, залоговость и др.), позволяет увидеть языковое явление как особую систему взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста. Наиболее ярко сложное взаимодействие грамматики и лексики обнаруживается на примере грамматической категории залога, которая в любом описании, по словам Л.Л. Буланина, всегда представляла собой некое поле [3, с. 188].

Учитывая непростые формально-смысловые отношения в сфере залога, залоговость с позиции функциональной грамматики может быть определена как целый комплекс функционально-семантических полей, включающих поля активности/пассивности, возвратности (рефлексивности), взаимности (реципрока) и переходности/непереходности [4, с. 126]. Все эти поля объединены общим признаком – характеристикой действия в его отношении к субъекту и объекту, при этом рассматривается соответствие семантического субъекта и семантического объекта тому или иному элементу синтаксической структуры предложения.

Центральное положение в иерархии полей залоговости занимает моноцентрическое поле активности/пассивности, концентрирующее в себе наиболее специфические признаки полей и опирающееся на грамматическую категорию залога.

Категорию залога мы понимаем как грамматическую двухграммемную словоизменительную категорию, грамемы которой показывают разнонаправленность глагольного действия. Причём активность толкуется «как исходно-субъектная, а пассивность – как исходно-объектная ориентация действия-предиката» [4, с. 129]. И если в активной конструкции первое синтаксическое место в предложении занимает субъект, то в пассивной на место подлежащего выдвигается объект, следовательно, пассивность всегда связана с уходом субъекта с позиции первого ранга [5, с. 149].

Пассивность выступает в качестве признакового или маркированного члена оппозиции, обладая чёткостью содержательного и формального выражения, тогда как активность является беспризнаковым, немаркированным членом и носит более отвлечённый, расширенный характер и, несмотря на противоположность собственного значения, может в некоторых случаях приближаться к пассивным значениям. Центральной залоговой оппозицией является противопоставление значения признакового члена оппозиции значению беспризнакового члена. В этом противопоставлении, по словам А.В. Бондарко, и «сосредоточена качественная специфика содержания данного поля» [4, с. 135].

Специфика поля активности/пассивности представлена как синтаксическими, так и морфологическими средствами. Синтаксическое противопоставление представляет собой оппозицию синтаксических конструкций, отражающих соответствие или отсутствие такого соответствия подлежащего (или другого носителя предикативного признака) семантическому объекту [4, там же]. К морфологическим средствам относятся все глагольные формы. Пассивность представлена формами страдательных причастий (от глаголов НСВ наст., НСВ прош., СВ прош. Напр.: *читаема, читана, прочитана*), а также возвратными глаголами (от глаголов НСВ страд. на –ся. Напр.: *строится*) и возвратными причастиями, тогда как активность представлена невозвратными глаголами, включая и причастия. При этом синтаксическая сторона залога в языках номинативного строя является универсальной, а морфологическая изменяется от языка к языку.

В английском языке категория залога представлена шире, чем в русском языке, поскольку там не только переходные, но и непереходные глаголы, включая глаголы с предложным управлением, могут употребляться в пассиве [6, с. 177]. Более того, глаголы, управляющие двумя дополнениями, делают возможным использование в позиции подлежащего обоих дополнений (*I have never been spoken to in such a tone. The girl was given a candy. A candy was given to the girl*). Для сравнения: русские переходные глаголы имеют два залога, действительный и страдательный (*Прораб составил смету – Смета составлена прорабом*). А глаголы непереходные являются однозалоговыми (*Он живёт здесь. Сегодня темно рано*). В английском языке залоговая форма выражена аналитически, связочным глаголом *to be* и Participle II (далее pp) и представлена следующими типами: Direct Passive (*The letter was written yesterday*), составляющая основу конструкций с Complex Subject (*She is said to be a good teacher*) и с формальным подлежащим *It* (*It is believed to be true*), а также Indirect Passive (*John was given a book by me*), Prepositional Passive (*The doctor has been sent for*), Phraseological Passive (*In this school much attention is paid to mathematics*) и Adverbial Passive (*The bed had not been slept in*). Кроме того пассивная семантика может быть выражена каузальной формой *have + object + Participle II*, часто используемой в ситуациях, когда для лица, обозначенного подлежащим оказывается профессиональная услуга (*I had my dress cleaned*). В разговорном английском в качестве связочного может быть использован глагол *to get* (как правило, это двучленные пассивные конструкции). В таких случаях описываемая ситуация не редко представлена как проблематичная или неблагоприятная (*My car got broken into last night*) [7, с. 101]. В зависимости от видо-временной формы пассивного глагола различаются следующие типы пассивных форм: Simple Future Passive (*will be+pp*), Future Perfect Passive (*will have been+pp*), Simple Present Passive (*am/are/is+pp*), Present Progressive Passive (*am/are/is being+pp*), Present Perfect (*have/has been+pp*), Simple Past Passive (*was/were+pp*), Past Progressive (*was/were being+pp*), Past Perfect (*had been+pp*) [8, с. 385]. Субъект активного предложения, если оказывается выраженным в пассивной конструкции, выступает в форме обстоятельства, маркированного с помощью предлога *by*. Причём в английском по сравнению с русским и другими языками, обладающими пассивным залогом, использование агентивного дополнения (деятеля) в пассиве характеризуется большей свободой [9, с. 401].

Остановимся на рассмотрении и сравнении тех форм, которыми представлена семантика пассивности в русском языке на примере произведений А.П. Чехова¹ и их соответствия в трёх англоязычных переводах². Выбор произведений данного писателя не случаен. Время написания произведений – конец 19-го и начало 20-го века – отражает определённый этап развития языка, в котором пока ещё широко, по сравнению с новейшим периодом, используются пассивные формы, обеспечивая коммуникативную связанность текста. При этом их своеобразное лексическое наполнение всегда вызывало многочисленные сложности при переводе.

В.С. Храковский указывает на два значения, присущих пассивным конструкциям: акциональное и результативное [5, с. 150]. Рассмотрим реализацию доминирующего, каким является акциональное значение. Морфологическое ядро пассива составляют причастные формы (по А.В. Бондарко). Причастным пассивом непредельных глаголов выражается только акциональное значение. Это глаголы, обозначающие перемещение объекта (из рук в руки, в другое место, социальное перемещение). При этом объект не меняет своих свойств, «остаётся себе тождественным» [5, там же]. Особенностью акционального значений причастных конструкций является то, что действие видится как единичное, совершённое от начала до конца:

Честью моей, чем хочешь, клянусь, имение не **будет продано!** (213).

В английском тексте мы имеем пассивную форму инфинитива, пояснённую модальной фразой “be going to” в варианте (1) и модальным глаголом “will” в варианте (2), выражающие волеизъявление, продуманность намерения и таким образом косвенно указывающие на «деятеля», не выраженного лексически:

*I swear by anything you like, this estate **isn't going to be sold** (1). Word of honor, I'll swear by whatever you like, the estate **won't be sold** (2).*

Акциональное значение, другими словами, значение процесса, развивающегося во времени (термин по [10, с. 115]), может быть выражено глаголами речи, мысли и восприятия. Данное значение в следующем примере усиливается последовательностью действий и подчёркивается лексически наречиями *окончательно, бесповоротно* в русском варианте и *finally, irrevocably* в английском переводе. В переводах (1) и (2) использована форма Direct Passive в Past Indefinite:

*До продажи вишнёвого сада мы все волновались, страдали, а потом, когда вопрос **был решён окончательно, бесповоротно**, все успокоились, повеселели даже... (247). Before the cherry orchard was sold we were all worried and upset, but when things **were settled once and for all** and we'd burnt our boats, we all*

¹ Далее иллюстрации даны по изданию: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: «Наука», 1978.

² Перевод Ronald Hingley (далее в примерах обозначен номером 1), перевод Laurence Senelick, Anton Chekhov (далее в примерах номер 2) и перевод Constance Garnett (далее в примерах номер 3).

calmed down and actually cheered up a bit (1). Before the sale of the cherry orchard, we were all upset, distressed, but then once the matter was settled finally, irrevocably everyone calmed down, even cheered up... (2).

Акциональное значение выражается и предельными глаголами СВ. Однако в этом случае требуются дополнительные средства контекста, такие как обстоятельства времени или места, указывающие на актуальность последствий совершённого действия в момент речи:

Тут месяца два назад была напечатана одна статья... письмо из Америки, и я хотел вас спросить, между прочим... (60).

Интересно, что степень акциональности в английском тексте ниже. В переводе использована конструкция "there was", обозначающая существование объекта в пространстве, его бытийность. И лишь в переводе (2) она поясняется причастием II, показывающим страдательность действия:

There was an article in this thing about two months ago, a letter from America, and I wanted to ask you among other things... (1). About two months ago there was a certain article published in here... a letter from America... and I wanted to ask you among other things... (2). There was an article from America in this magazine about two months ago that I wanted to ask you about, among other things (3).

Причастные формы на –м передают только акциональное значение, которое усиливается наличием творительного субъекта в следующем примере. Средства контекста помогают представить действие как целостный непрерывный процесс, развивающийся во времени:

А вот, господа, был ли кто-нибудь из вас ненавидим, ненавидим страстно, бешено? Не наблюдали ли кто-нибудь из вас восторгов ненависти? А?

Ответа не последовало.

- Никто, господа? – спросил штаб-офицерский бас. – А вот я был ненавидим, ненавидим хорошенькой девушкой и на себе самом мог изучить симптомы первой ненависти (303).

В английском тексте использована форма Direct Passive в Present Perfect. Перфектная форма пассива подчёркивает процессность действия, совершённого в прошлом и возможность его повторения в будущем:

"... But, tell me, has anyone of you fellows been hated – passionately, furiously hated? Has any one of you watched the ecstasies of hatred? Eh?"

No answer followed.

"Has no one, gentlemen?" asked the staff officer's bass voice. "But I, now, have been hated, hated by a pretty girl, and have been able to study the symptoms of first hatred directed against myself (3).

Акциональное значение также передаётся глагольным пассивом на –ся от глаголов НСВ. В этом случае речь идёт о конкретно-процессном действии, которое видится без начала и конца:

Сегодня судьба моя решается, судьба... (232).

В английском переводе для передачи этого значения использована форма Direct Passive в Present Continuous (1), более удачно подчёркивающая процессность действия и форма Direct Passive в Future Indefinite (2), которая представляет лишь факт совершения действия:

My fate, my whole future is being decided today (1). Today my fate will be decided, my fate (2).

Подводя итоги рассмотрения категории залога и средств выражения пассивности можно сказать следующее.

Семантико-синтаксическая сущность категории залога заключается в возможности изменять соответствие между двумя рядами компонентов: семантическим субъектом и семантическим объектом с одной стороны и синтаксическими компонентами предложения (подлежащим и дополнением) с другой.

Центральными средствами выражения пассивности в лексико-грамматической системе русского языка являются страдательные причастия на –н, –т, а также возвратные формы на –ся и аналитические конструкции с причастием прошедшего времени (pp) в системе английского языка.

Акциональное значение, свойственное причастному и глагольному пассиву является доминирующим и выражается в разной степени, в зависимости от значения используемой глагольной формы и с учётом аспектуально-темпоральной характеристики глаголов.

Для адекватного понимания значения пассивной формы решающая роль принадлежит таким элементам контекста, как аспектуально значимые обстоятельства.

This article considered both the functional aspect of the category of voice and a number of means used to render the passive voice semantically as it is expressed in the works of Anton Chekhov in the Russian language as well as in their English versions. The category of voice was looked at as the opposition of the Active and the Passive Voices. Different morphological means of expressing the passive voice semantics were examined. The author provided examples related to the realization of the passive meaning presented as the complex interaction of the grammatical form, the vocabulary, and the context.

The key words: voice, functional and semantical field, subjective and objective relations, passivity, actionality, Anton Chekhov.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 207с.
2. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1971.
3. Буланин Л.Л. Категория залога и функционально-семантическое поле залоговости // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всероссийской научной конференции. СПб.: «Наука», 2001, С. 179-189.
4. Бондарко А.В. К определению понятия «залоговость». Активность и пассивность // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991. С.125-141.

5. Храковский В.С. Пассивные конструкции. Формально-семантическая классификация пассивных глагольных форм // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. Спб., 1991. С. 141-174.
6. Blokh M.Y. A Course in Theoretical English Grammar. М.: «Высшая школа», 1983. С. 176-178.
7. Carter R., Hughes R., McCarthy M. Exploring Grammar in Context. Cambridge University Press, 2000.
8. Swan M. Practical English Usage. Oxford University Press, 2009. 658 p.
9. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику: Пер. с англ. М.: «Едиториал УРСС», 2010. 544с.
10. English grammar: a University handbook. 5., unverand. Aufl. Leipzig: Verlag Enzyklopadie, 1987. 406 s.

Источники

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: «Наука», 1978.
 2. Chekhov Anton, Five Plays, translated by Ronald Hingley. Oxford University Press. 2008.
 3. Chekhov Anton, The Complete Plays, translated by Laurence Senelick. W.W. Norton & Company, New-York – London. 2007.
 4. Chekhov Anton, Selected Works, translated by Constance Garnett.
- URL:<http://www.gutenberg.org/browse/authors/c#a708> (дата обращения: 10.12.2009).

Об авторе

Корытко И.В. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, irinavlad7@rambler.ru

УДК – 482+420+41

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ КОМПОНЕНТОВ МИКРОПОЛЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ВЕРСИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.В.НАБОКОВА).

О. А. Митина

Статья посвящена описанию семантического потенциала компонентов дальней периферии микрополя прошедшего времени в русском языке в сопоставлении с английским на материале русских и английских версий произведений В.В.Набокова. Материалы и выводы статьи могут быть использованы в практике преподавания русского и английского языков как неродных. Тема статьи связана с диссертационным исследованием автора. **Ключевые слова:** функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, функционально-семантическое микрополе прошедшего времени, ближняя периферия, дальняя периферия.

Согласно теории функциональной грамматики (А.В.Бондарко), базирующейся на понятии функционально-семантического поля (ФСП), семантика прошедшего времени и средства ее выражения в русском и английском языках могут быть описаны как одно из микрополей ФСП темпоральности.

Функционально-семантическое микрополе прошедшего времени (ФСМПВ) представляет собой элемент ФСП темпоральности, в котором отражается весь набор средств выражения темпоральных значений плана прошлого, и обладает структурой, подобной структуре ФСП.

Компоненты ФСМПВ, наряду с компонентами ядра любого ФСП, обладают полным набором признаков, характерных для данного поля, однако у элементов периферии могут отсутствовать некоторые из признаков (*ближняя периферия*), признаки могут совмещаться с присущими компонентам соседних полей (*дальняя периферия*). Таким образом, при едином инвариантном содержании – отнесенности действия к прошлому, выступающем как семантический базис функционального взаимодействия конститuentов, данное совокупное содержание по-разному распределено между компонентами рассматриваемого микрополя.

Для структуры поля характерна неопределенность, размытость и подвижность границ между ближней и дальней периферией. Ослабление темпоральной значимости позволяет относить к **дальней периферии** ФСМПВ следующие языковые средства: 1) настоящее время в одном из своих значений, определяемом в лингвистике как «настоящее историческое»; 2) формы деепричастий; 3) синтаксические конструкции с модальным значением, имплицитно отнесенности ситуации к прошлому; 4) лексические обстоятельственные конкретизаторы темпоральных отношений; 5) конструкции с временными союзами; 6) контекстуальные средства передачи темпоральных отношений в плане прошлого; 7) формы сослагательного наклонения; 8) экспрессивные языковые средства [4].

Рассмотрим некоторые из указанных средств, как они обнаруживают себя в анализируемых текстах.

Из числа названных периферийных компонентов ФСМПВ **настоящее историческое** представляет наибольший интерес. Данная форма является примером переносного метафорического употребления, когда говорящий мысленно переносится в другой временной план, как бы заново переживая про-

шлые события. В дополнение к традиционным трактовкам причин использования данной формы в плане прошлого следует исходить из понятия скрытой семы. Если эта форма может использоваться для описания прошедших действий, то, как можно предположить, она обладает некой скрытой семой «предшествование», которая реализуется в результате столкновения рассматриваемой формы с контекстом, когда категориальное значение настоящего вступает в конфликт с темпоральностью:

*Притворяется, подумал я, притворяется, верно, чтобы избежать моих ласк; меня сжигала страсть, но бедняжка принялась очень как-то нудно хныкать, когда я полез к ней. Лолита **больна!** Лолита **умирает!** Она вся горела.* [3, с. 543]. Здесь в первом случае выражено состояние, а во втором – конкретное, единичное действие, обозначенное настоящим историческим вместо прошедшего несовершенного (*подумал, полез*), что придает высказыванию живость и пластичность, привносит стилистический и эмоциональный эффект. Как нам представляется, рассматриваемый контекст – несобственно-прямая речь: герой имитирует слова Лолиты, ее реакцию на его домогательства. Формы настоящего времени приобретают сему «предшествования» в результате взаимодействия с регулярными формами прошедшего времени.

*Shamming, I thought, shamming, no doubt, to evade my caresses; I was passionately parched; but she began to whimper in an unusually dreary way when I attempted to fondle her. Lolita **ill**. Lolita **dying**. Her skin was scalding hot!* [5, с. 239]. В английском языке наблюдается наличие неполных конструкций (в них отсутствует глагол-связка), что наряду с параллелизмом конструкций в обоих языках также способствует экспрессивности.

*Совершенно ясно вижу ее [налицо контекст воспоминания, т.е. обращенности в прошлое], **сидящую** за чайным столом и тихо **созерцающую**, с одной картой в руке, какую-то фазу в раскладке пасьянса; другой рукой она облокотилась об стол и в ней же, прижав сгиб большого пальца к краю подбородка, **держит** близко ко рту папиросу собственной набивки. На четвертом пальце правой руки – теперь опускающей карту – **горит** блеск двух золотых колец: обручальное кольцо моего отца, слишком для нее широкое, привязано черной ниточкой к ее собственному кольцу* [2, с. 61]. Представлена ситуация наблюдения, формы настоящего времени, в своем следовании за прошедшим, обозначают конкретные единичные действия, как и полные причастия настоящего времени.

*With great clarity, I can see her sitting at a table and serenely considering the laid-out cards of a game of solitaire: she **leans** on her left elbow and **presses** to her cheek the free thumb of her left hand, in which, close to her mouth, she **holds** a cigarette, while her right hand **stretches** toward the next card. The double gleam on her fourth finger **is** two marriage rings – her own and my father's, which, being too large for her is fastened to hers by a bit of black thread* [2, с. 60]. В английском также находим настоящее неопределенное, Present Simple (Indefinite), в функции настоящего исторического. Такое употребление типично для данной видовременной формы, именно оно придает высказыванию живость.

Еще пример: *...когда я опять читаю всю эту чепуху, я не только переживаю щемящее упоение, которое переживал дядя, но еще ложится на душу мое **воспоминание** о том, как он это переживал. **Вижу** нашу деревенскую классную, бирюзовые розы обоев, угол изразцовой печки, отворенное окно: оно **отражается** вместе с частью наружной водосточной трубы в овальном зеркале над канопе, где **сидит** дядя Вася, чуть ли не **рыдая** над расстрепанной розовой книжкой* [2, с. 97] (длительный характер действия подчеркивается деепричастием);

*In my own case, when I come over Sophie's troubles again, I not only go through the same agony and delight that my uncle did, but have to cope with an additional burden – the recollection I have of him, reliving his childhood with the help of those very books. I see again my classroom, the blue roses of the wallpaper, the open window. Its reflection **fills** the oval mirror above the leathern couch where my uncle **sits**, **gloating** over a tattered book* [2, с. 96]. В английском находим конструкцию 'to sit (в Present Simple) + Participle I', которая здесь позволяет представить одновременные длительные действия.

Ср.: *Я всегда был подвержен чему-то вроде легких, но неизлечимых галлюцинаций. <...>. Они подчас уродливы: **привязется**, **бывало**, средневековый, грубый профиль, распаленный вином карла, нагло растущее ухо или нехорошая ноздря* [2, с. 33, 35]. Настоящее-будущее совершенное употреблено в значении настоящего исторического повторяющегося и обычного действия.

*As far back as I remember myself <...>, I have been subject to mild hallucinations. <...>. They are often grotesque. I **am pestered** by roguish profiles, by some coarse-featured and florid dwarf with a swelling nostril or ear* [2, с. 32, 34]. В английском языке обнаруживается пассивная форма настоящего неопределенного – Present Simple Passive, которая не имеет в своем значении отнесенности к прошлому, а указывает на характеристику субъекта.

Сочетание прошедшего совершенного и настоящего исторического конкретного единичного действия в русском языке способствует реализации видового контекста «наступление факта – длительность»: *... и сквозь этот-то жаркий перелив в дорогом камне минувшего времени мне теперь и пред-*

ставляется он – вот **опустился** на ступень веранды для еще одного снимка (как любили сниматься тогда, как пытались задержать уходящее!) и **сидит** с тенью лавров на белой фланели итанов, с руками, сложенными на набалдашнике трости, с солнцем на выпуклом, веснушчатом лбу в ореоле далеко назад сдвинутого канотье [2, с. 81];

... and thus, through the jewel of time, I see him now, **sitting** on a stone step in a glow of mellow sunshine, his hands folded on the knob of his cane, his straw hat tilted back from his dark-freckled forehead [2, с. 76]. В данном случае в английском варианте не наблюдается подобного взаимодействия видо-временных форм. Здесь также видим контекст воспоминания, обозначена лишь длительность при помощи сложной конструкции с причастием I.

Она переглотнула и покачала головой, - а потом **как спохватится!** “Слушай, откуда ты знаешь всех этих девчонок?” [3, с. 415-416]. Налицо разновидность переносного употребления формы **настоящего-будущего совершенного с частицей как** в плане настоящего исторического. Действие характеризуется внезапностью наступления. Обычно в таком случае выступают глаголы одноактного и начинательного способов действия.

В английском варианте: *She swallowed and shook her head – and then **did** a double take. “Say, how come you know all these kids”* [5, с. 136] употреблена форма Past Simple, какая-либо экспрессивность отсутствует.

Контекстуальные средства передачи темпоральных отношений плана прошлого не имеют устойчивой структурной (синтаксической) характеристики, но могут играть определяющую роль при установлении темпоральной отнесенности ситуации или ее элементов к прошлому [4]. Например:

Помнится [временной план последующего контекста очевиден], *я что-то **напевал**, заглушая панику* [3, с. 541]. В этом случае снова имеем дело с так называемым “контекстом воспоминания”.

I remember humming *my panic away* [5, с. 238]. Действие, выраженное герундием после глагола *to remember*, относится к прошедшему временному плану, так как данный глагол принадлежит к той группе, которая актуализирует в контексте семы одновременности, предшествования, следования.

В передаче темпоральных отношений плана прошлого могут участвовать некоторые языковые средства, не имеющие самостоятельной темпоральной характеристики, но включающиеся во временной план, обозначенный другими средствами. Сюда относятся **формы сослагательного наклонения**, например: *На этот раз пуля попала во что-то твердое, а именно в спинку черной качалки, стоявшей в углу<...>, причем она тотчас пришла в действие, закачавшись так быстро и бодро, что человек, который **вошел бы** в комнату, **был бы** изумлен двойным чудом...* [3, с. 619].

В английском наряду с контекстом перфектная форма инфинитива (*have been flabbergasted*) имеет определенную темпоральную характеристику, т. е. указывает на отнесенность действия к прошлому:

*This time I hit something hard. I hit the back of a black rocking chair <...>it immediately went into a rocking act, so fast and with such zest that any one coming into the room **might have been flabbergasted** by the double miracle...* [5, с. 302].

Ср.: *Одна простая мысль стояла как бы нагишом передо мной: главное – остаться на воле. **Соверши** я любой опрометчивый шаг, - и мне пришлось бы объяснять все подробности своей преступной жизни. Поэтому я притворился одуревшим от запоя* [3, с. 552]. В этом примере находим неизменяемую **форму повелительного наклонения** в значении сослагательного наклонения, которая сама по себе не передает темпорального отношения к прошлому, в данном случае оно подсказывается окружающим контекстом. В английском: *One simple and stark thought stood out and this was: “Freedom for the moment is everything.” **One false move** – and I might have been made to explain a life of crime. So I simulated a coming out of a daze* [5, с. 247] глагол опущен, данная неполнота конструкции (нетипичная для английского языка) как раз и придает ситуации необходимую экспрессивность. А на отнесенность к плану прошлого также указывают контекст и аналитические формы (*might have been made to explain*).

Общее значение форм сослагательного наклонения заключается в признаке предположительности, гипотетичности действия. Способность выражать с помощью сослагательного наклонения модальные оттенки времени (в т. ч. прошедшего) демонстрирует тесную связь категорий темпоральности и модальности.

Ряд **экспрессивных языковых средств** (словоформ и конструкций) включается в повествовательный текст, относящийся к плану прошедшего времени или настоящего исторического. Рассмотрим некоторые из них.

Глагольное междометие может включаться в план прошлого, заданный контекстом:

*Я уже упоминал о довольно строгонькой мисс Клэйтон, Виктории Артуровне: **бывало**, разваливаюсь или горблюсь, а она **тык** меня костяшками руки в поясницу, или еще сама противно расправит и выгнет стан, показывая, значит, как надобно держаться* [2, с. 113]. В данном случае глагольное междометие наряду с элементами контекста включается в передачу семантики повторяемости и обычности действий в прошлом, хотя данное экспрессивное средство не имеет собственного, закрепленного за ним временного значения. Кроме рассматриваемого периферийного средства в русском варианте находим настоящее актуальное (*‘разваливаюсь’*,

'горблось'), а также настоящее-будущее ('расправит', 'выгнет') в значении настоящего исторического повторяющегося и обычного действия, которые также способствуют экспрессивности и живости высказывания.

There was Miss Clayton, who, when I slumped in my chair, would poke me in the middle vertebrae and then smilingly throw back her own shoulders to show what she wanted of me [2, с. 112]. В английском варианте употреблена лексико-грамматическая конструкция 'would + инфинитив', поддерживающая семантику повторяемости действия, но не являющаяся средством выражения экспрессивности.

Немного погода села около меня на нижнюю ступень заднего крыльца и принялась подбирать мелкие камешки <...>, и кидать ими в валяющуюся поблизости жестянку. Дзинк. Второй раз не можешь, не можешь – что за дикая пытка – не можешь попасть второй раз. Дзинк. Чудесная кожа. И нежная и загорелая, ни малейшего изъяна...Дзинк. [3, с. 300]. Кроме того, в этом примере находим синтаксические конструкции со значением настоящего времени, наличие которых в повествовании в прошедшем времени также является средством выражения экспрессивности.

В соответствующем английском варианте:

After a while she sat down next to me on the lower step of the back porch and began to pick up the pebbles <...> and chuck them at a can. Ping. You can't a second time – you can't hit it – this is agony - a second time. Ping. Marvelous skin – oh, marvelous: tender and tanned, not the least blemish [5, с. 41] русскому глагольному междометию соответствует лексема ping ("стук удара, ударяться со стуком" [1]), передающая звук удара камешка. Русскому глагольному междометию соответствует номинативное односоставное предложение. Как и в русском, употреблены формы настоящего времени

Рассматриваемые экспрессивные обороты включаются во временной план, установленный другими средствами, они представляют собой лишь «вкрапления», подчиняющиеся установленной темпоральной перспективе" [4, с. 57], поэтому располагаются на дальней периферии микрополя прошедшего времени. Материал показывает, что в английском языке случаи употребления экспрессивных средств редки.

Таким образом, конститuentы, относящиеся к дальней периферии микрополя прошедшего времени, не обладая собственной темпоральной характеристикой, обнаруживают тесную связь с ядерными глагольными формами в обоих языках, включаясь в обозначенный ими временной план. Хотя иногда они могут играть определяющую роль при установлении темпоральной отнесенности ситуации или ее элементов к прошлому, когда регулярные формы (ядерные компоненты) отсутствуют. Кроме того, периферийные элементы создают зоны пересечения анализируемого микрополя не только с микрополями темпорально-аспектуального комплекса, но и со сферами, выходящими за его рамки.

This report is an attempt to analyse the semantic potential and functioning of the components of the far periphery of the past-tense micro field in the Russian language in comparison with the English language. The material for the report is taken from the Russian and English versions of the novel "Lolita" and "Conclusive Evidence", which belong to the pen of V. Nabokov. The ideas and conclusions of the paper can be used in the experience of teaching Russian and English as foreign languages. The theme of the report is connected with the research work of the author.

The key words: *functional grammar, functional-semantic field, the past-tense micro field, far periphery, near periphery.*

Список литературы:

1. Мюллер В. К., Дашевская В. Л., Каплан В. А. и др. Новый англо-русский словарь: Ок. 60000 слов / В. К. Мюллер, В. Л. Дашевская, В. А. Каплан. М.: Рус. яз., 1994. 880 с.
2. Набоков В. Другие берега: Мемуары (с параллельной публикацией английской версии) / В. Набоков. М.: Захаров, 2004. 448 с.
3. Набоков В. В. Лолита / В. В. Набоков. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 656 с.
4. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 262 с.
5. Nabokov, V. Lolita /V. Nabokov. Penguin, 2000. 331с.

Об авторе

Митина О.А. – Старший преподаватель Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

УДК – 416.0

**ВАРИАНТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ПАМЯТЬ
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А. АХМАТОВОЙ**

Е.И. Нак

Исходя из понимания концепта как своеобразной многокомпонентной организации с полевой структурой, представлены некоторые содержательные компоненты концепта Память. Отмечено, что помимо лексемы “память” названный концепт вербализуют лексемы, понятийные основы которых в данных контекстах приобретают дополнительную способность воссоздавать прошлое. Выявленные компоненты позволяют увидеть элементы полевой структуры как внутри концепта Память, так и на границе его пересечения с другими составляющими русской концептосферы.

Ключевые слова: концепт Память, микрополе, содержательные компоненты.

Понятия “текст” и “художественный текст” имеют различное содержание. М.Я. Дымарский понимает текст как “особую, развернутую вербальную форму осуществления речемыслительного произведения” [2, с.24]. В художественном же тексте слово играет особую роль. По мнению М.М. Бахтина, слово в языке выступает лишь в его “вещественном значении”, оно изолировано от всего внелингвистического, от культурного контекста, а художественное слово, кроме лексического значения, имеет еще некоторый “ассоциативный ореол”, который включает: 1) способность к потенциальному преобразованию значения (сужению, расширению семантического объема слова, развитию новых значений, актуализации устаревших, приобретению стилистической окраски); 2) существование при слове того, что мы называем фоновыми знаниями [3, с.65].

Для постижения художественного текста необходим его всесторонний анализ, комплексный подход к художественному слову. Именно таким является концептуальный анализ текста.

Художественный концепт включает в себя две составляющие: 1) план содержания; 2) план выражения.

План выражения – это все языковые средства, с помощью которых данный концепт реализуется в языке художественного произведения. С одной стороны, это разноуровневые языковые средства (фонетические, лексические, словообразовательные, грамматические), с другой это средства прагматики, социокультурные, психологические, то есть внетекстовая сторона [4, с.49].

План содержания художественного концепта складывается из признаков семантических, представленных в виде набора сем. Обнаруживает себя семантическое содержание через различные языковые средства и под влиянием условий речи как целенаправленного социального действия. План содержания – это прежде всего семантические компоненты, представленные всей совокупностью значений лексемы и ее лексических вариантов [4, с.50].

В подходе к концепту мы опираемся на понимание его как “комплексной мыслительной единицы, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя... разные признаки и слои” [5, с.37].

Структура концепта являет собой многослойную организацию, которая может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации. В структуре концепта можно выявить различные компоненты (ядерные и периферийные средства репрезентации), представляющие собой некоторое микрополе.

Ядерные компоненты – те семы, которые реализуются наиболее частотными языковыми средствами. Интерпретационное поле концепта составляют многочисленные его оценки и трактовки, мнения и суждения, выстраиваемые на базе концепта.

Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, интерпретационным полем концептов служат и произведения тех писателей, поэтов, публицистов, которые в силу своего таланта сумели с наибольшей полнотой и выразительностью охарактеризовать те или иные национальные концепты, отразив в их общенародные семантические признаки, привнесенные в общенародный концепт автором текста [5, с.134].

Концепт Память – один из самых значимых в русской концептосфере и может быть рассмотрен на примере реализации в поэтических текстах А. Ахматовой. Обратившись к различным лексикографическим источникам, можно убедиться, что они содержат сходное определение данного явления. Важнейшая из репрезентантов анализируемого концепта – лексема «память», понятийная основа которой в большинстве случаев в языке содержит следующее значение: «способность запоминать, сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления» [6, с.777]. Такое же определение слова *память* дает словарь под ред. А.П. Евгеньевой [7, с.16]. Указанные значения встречаются и в анализируемых текстах А. Ахматовой: “*И будешь ты из всех старух, Что всех переживут, Теряя зренья, память, слух*” [1, с. 92], “*Скажи, скажи, зачем угасла память*” [1, с.153], “*У меня сегодня много дела: Надо память до конца убить*” [1, с. 200].

В некоторых случаях концепт Память репрезентирован лексемами, означающими нечто замкнутое, запечатое, хранилище «вещей» – самостоятельно или в сочетании с лексемой “память”: *укладка, шкатулка, ларец, ящик, подвал, сокровищница, колодец*: «*Бес попутал в укладке рыться... Ну, а как же могло случиться, Что во всем виновата я?*» [1, с.301], “*В сокровищнице памяти моей Твои слова, улыбки и движенья*” [1, с.27], “*И в памяти, словно в узорной укладке: седая улыбка все-*

знающих уст» [1, с.210], “Царкосельскую одурь Прячу в **ящик** пустой, В роковую **шкатулку**, В кипарисный **ларец**” [1, с.255]. Здесь нельзя не заметить, что образ “кипарисного ларца” является отголоском названия одного из поэтических сборников И. Анненского – “Кипарисовый ларец” – человека, которого Ахматова в одном из своих стихотворений назвала учителем: “А тот, кого учителем считаю...” [1, с.249]. Ассоциативное впечатление – вид репрезентации благодарной памяти.

Одна из важных содержательных характеристик концепта Память у Ахматовой: “то, что сохранилось, удержалось в сознании”. Когда речь заходит о возобновлении сохраненного, о «мысленном воспроизведении чего-либо происшедшего, сохранившегося в памяти» [6, с.152], выступает обычно лексема «воспоминание», см.: «Услышишь гром и вспомнишь обо мне» [1, с.235].

Именно аспект воспроизведения, воспоминания – один из специфических компонентов: «Как белый камень в глубине колодца, Лежит во мне одно **воспоминанье**» [1, с.119]. **Колодец**, равно как и **укладка**, **шкатулка**, **подвал**, представляется хранилищем, в данном случае с колодцем поэт сравнивает себя, свою душу, глубины своего сознания. На сей раз речь идет не о материальных воплощениях, а о возобновленном представлении чего-то. Причем отношение поэта к тому, чем наполнена душа, двойственное: «Оно - веселье, и оно - страданье». Воспоминание становится символом прошлого, ему нет места в настоящем: «Мы сознаем, что не могли б вместить То прошлое в границы нашей жизни» [1, с.149].

В приведенном выше сравнении немаловажно слово *камень* (как **белый камень в глубине колодца**...). По существу, тяжесть пережитого, тягостность воспоминания передает именно сравнение его с **каменем**. От него же – холод, неизбывность, безвыходность, так свойственные воспоминаниям у Ахматовой.

«В поэзии Ахматовой «быть в памяти» значило быть живым, память – одна из важнейших составляющих нормальной жизни» [8, с.5], ср.: «Надо память до конца убить» [1, с.191]. Здесь же: «Я давно предчувствовала этот Светлый день и опустелый дом». Образ дома на протяжении всего творчества Ахматовой олицетворяет собой прошлое, нечто утраченное: «Я пью за разоренный дом» [1, с.186]. На данную аналогию – Память-жизнь – обращает внимание в одной из своих работ Е.С. Кубрякова: “В русской поэзии слова в цепочке “память – душа – жизнь” связаны между собой так тесно, что сама память персонафицируется, выступает как нечто живое, которое может заговорить” [9, с.90].

Соответственно, отсутствие памяти является аналогом отсутствия нормальной жизни. См.: «И тебе порасскажем мы, Как в беспамятном жили страхе...» [1, с.301]. Отметим, что в словарях нет примеров подобного значения слова «беспамятный». У Ахматовой **беспамятный страх** характеризуется признаком беспредельности. Далее в произведении: «Как росли детей для плахи, Для застенка и для тюрьмы» [1, с.301]. Поэт говорит о конечности жизни, об утере процесса преемственности поколений, продолжения жизни.

Одним из способов представления оттенков содержания концепта Память в поэтическом мире Ахматовой может выступать значение глагола *запомнить*: «сохранить, удержать в памяти» [6, с.339]: «Но запомнится беседа, Дымный полдень, воскресенье» [1, с.75], «У него глаза такие, что запомнить каждый должен» [75]. В «Поэме без героя» память представляется как явление, обладающее свойством конечности, т.е. Память в чем-то приравнивается к смерти: «Но запомнит Крещенский вечер Клен в окне, венчальные свечи И поэмы смертный полет, Но не первую ветвь сирени, Не кольцо, не сладость молений, Он погибель мне принесет» [1, с.284].

Эпиграфом к «Поэме без героя» является латинское изречение «Deus conservat omnia» («Бог хранит все»). Таким образом, уже при выборе эпиграфа к поэме Ахматова обозначает выбор одной из важнейших для поэмы идей – идеи Памяти («Поэму без героя» часто называют «поэмой памяти»). И неслучайно Ахматова делает эпиграфом к поэме, являющейся для нее своеобразным жизненным и творческим итогом, девиз на гербе Фонтанного дома. Фонтанный дом является местом действия поэмы. А дом вообще в творчестве Ахматовой часто ассоциируется с чем-то утраченным, с тем, чего уже нет («разоренный дом», «опустелый дом»).

За всеми перечисленными ассоциациями в поэтических текстах можно увидеть проявление еще одного свойства Памяти: она участвует в осознании человеком полноты существования. Ведь память – это и прошлое, и будущее (его нельзя прогнозировать без опыта прошлого), поэтому без памяти человек имеет дело только с настоящим. В свою очередь настоящее – это мгновение, оно эфемерно и практически неуловимо. Значит, если бы не обладание памятью, то человек не мог бы реализоваться. Таким образом, память – это одна из важных возможностей проявления личности: “Только **память** вы мне оставьте, Только **память** в последний миг” [1, с.67]. “Память имеет значение трансцендентальное, и в ней мы не можем видеть нашего над-временного единства”, - писал П. Флоренский. “Время дано мне, как некое “сейчас”, почему сам я”, смотрящий на *все* Время, зараз мне данное, - сам я стою над Временем” [10, с.202]. Исайя Берлин, образ которого ахматоведы распознают в загадочном “Госте из будущего” в “Поэме без героя”, оставил следующее замечание о “Поэме”: “Ахматова не скрывала, что поэма была задумана как своего рода окончательный памятник ее жизни как поэта, *памятник* прошлому ее города – Петербурга, которое стало неотъемлемой частью ее личности, и – под видом святочной карнавальской процессии переодетых фигур в масках – памятник ее собственной судьбе, своего рода художественное “ныне отпускаеши”, произнесенное перед неизбежным и уже близ-

ким концом” [11, с. 326]. А Л. Чуковская, бывшая много лет близким другом и доверенным лицом Ахматовой, удивительно точно определяет “Поэму” как “праздник поэзии, пир *памяти*” [11, с.334].

Память человека не является чем-то единым. А. Бергсон разграничивает память, основанную на привычке (например, заучивание наизусть стихотворения), и память, основанную на воспроизведении образа, так называемую образную память [12]. Этот вид памяти связан с идеей времени и прошлой жизнью человека. Как отмечает М.А. Дмитриевская, образная память является генетически связанной с восприятием и сохраняет эту связь в своих проявлениях [13, с.78]. Погружаясь в прошлое, можно видеть не само это прошлое, а его *образы* или *картины*. Они могут вести вполне самостоятельную жизнь – вставать, оживать, возникать, воскресать в памяти, их можно также вызвать или восстановить. Образы, картины и воспоминания могут сталкиваться, наплывать друг на друга, тесниться, проходить или бродить в памяти [13, с.82]. В памяти сохраняется не сам человек или событие, а его образ (воспоминание):

*Где венчались мы – не помним,
Но сверкала эта церковь
Тем неистовым сияньем,
Что лишь ангелы умеют
В белых крыльях приносить* [1, с.109].

Памяти как свойству человеческой психики присущи, наряду с другими, следующие две особенности: 1) анализируя свое поведение или состояние в данный *момент*, человек связывает его с *опытом прошлого*; 2) становясь прошлым, опыт данного момента в то же время является базой для будущих ситуаций.

Лексемы *тень*, *ива*, *отражение*, *зеркало*, *сон* в поэтических текстах Ахматовой также могут выступать репрезентантами концепта Память, участвовать в воссоздании картины прошлого как происходящего перед взором читателя, в воссоздании ощущения прошлого как реальности.

С точки зрения русского сознания, *зеркало* – это прежде всего предмет, с помощью которого можно видеть (ср. *зрение*, *зрачок*), в то время как английское слово *mirror* в первую очередь представляет идею отражения, т.е. мираж – то, чего на самом деле нет, что вторично [8, с.9]. В “Поэме без героя” образ *зеркала* способствует воссозданию этимологии английского слова. Зазеркальем названо то, что давно ушло в небытие: “*Кто стучится? Ведь всех впустили? Это гость зазеркальный? Или То, что вдруг мелькнуло в окне...*” [1, с.289].

Вообще, “Поэма”, создававшаяся в течение двадцати лет, являясь своеобразным итогом творческого пути Ахматовой, таит в себе множество загадок. Даже название поэмы является загадкой. Ведь в произведении есть явные действующие лица: Героиня, Демон, тот, кто “был наряжен верстою”, “драгунский корнет со стихами”. Так почему все-таки “без героя”? Да потому, что все эти персонажи, гости из “адской арлекинады тринадцатого года”, – представители зазеркалья. Их не существует, они врываются в наступающий сорок первый год из прошлого, из Памяти поэта... А в предисловии ко второй части – “Решка” – есть строка: “*О том, что мерещится в зеркалах, лучше не думать*”. Поэма написана, воспоминания оживили на миг давно ушедших, адская арлекинада унеслась. Но зеркала, продолжая хранить прошедшее, являются свидетелем эпохи, свидетелем уже прошедших событий: “*Только зеркало зеркалу снится, Тишина тишину сторожит*” [1, с.300].

Тень в поэтическом мире Ахматовой также является доказательством сохранения чего-то в памяти: “*На истертом красном плюше кресел Изредка мелькает тень его*” [1, с.62], “*Призрак ты – иль человек прохожий, тень твою зачем-то берегу*” [1, с.231], “*Тень ее еще видна накануне полнолуния, Тень ее еще стоит У высокого порога*” [1, с.215]. Показывая свою слитность, неразрывность с Ленинградом – Петербургом, поэт использует этот образ: “*Я с тобою неразлучима, Тень моя на стенах твоих, Отражение мое в каналах...*” [1, с.305]. В аспекте концепта Память *тень* участвует в воссоздании прошлого как реальности. В “Поэме” прошлое не воскресает в мыслях автора, оно приходит к Ахматовой спустя тридцать лет. Оно реально, его можно ощутить: “*И я слышу звонок протяжный, И я чувствую холод влажный, Каменею, стыну, горю...*” [1, с.286]. Достигается это благодаря тому, что картины прошлого, постоянно возникающие в текстах Ахматовой, вербализуются не только с помощью лексем, обозначающих предметы и явления, но и с помощью лексем, обозначающих запахи, звуки, физиологические ощущения: “*Звук оркестра, как с того света (Тень чего-то мелькнула где-то)...*” [1, с.292], “*И опять тот голос знакомый*” (1, с.292), “*И в памяти черной, пошарив, найдешь До самого локтя перчатки, И ночь Петербурга. И в сумраке лож Тот запах и душистый и сладкий*” [1, с.247]. **Тот** запах, **тот** голос – элементы прошлого. Таким образом, индивидуальные компоненты концепта Память относятся как к сфере вещественного, так и к сфере чувственного. Вещественность, «вещность» – один из важнейших признаков поэтического мира Ахматовой и один из основных приемов воспроизведения моментов прошлого. С другой стороны, интересно отметить, что внереальность, некоторую инфернальность памяти Ахматова может воссоздавать за счет вспомогательных, служебных слов, абстрактных лексем (*тот*, *запах*, *знакомый*).

Во многих произведениях Ахматовой возникают образы деревьев как символы связи с прошлым. Чаще других встречается *ива*: “*А вы, мои друзья последнего призыва! Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена. Над вашей памятью не стыть плакучей ивой, а крикнуть на весь мир все ваши имена!*” [1, с.207], “*Я б задремала под ивой зеленой...*” [1, с.181]. Помимо ивы, функцию связующего звена выполняют *липа* (“*Почти не может быть, ведь ты была всегда: В тени блаженных лип, в блокаде и в больни-*

це...” [1, с.265], клен (“Где свидетель всего на свете, На закате и на рассвете Смотрит в зеркало старый клен...” [1, с.304]. В “Поэме без героя” клен является своеобразным мостиком в будущее: “И, предвидя нашу разлуку, мне иссохшую черную руку, Как за помощью, тянет он” [1, с.304]. В связи с этим прослеживается тесная связь между прошлым и будущим: “Как в прошедшем грядущее зреет, Так в грядущем прошлое тлеет – Страшный праздник мертвой листвы” [1, с.287]. Концепт Память пересекается с другими концептами, один из которых – Время, а прошлое находится в поле пересечения этих концептов.

Способность видеть сны у Ахматовой является одной из составляющих Памяти-жизни. То, что снится, то живет в памяти, а, следовательно, вечно. И, соответственно, отсутствие снов приравнивается к забвению, а значит, к семантической составляющей памяти – Памяти-смерти: “Но ничего не снится мне В моей предсмертной летаргии” [1, с.44].

Не исчерпывая содержания концепта Память, отмеченные компоненты позволяют получить представление об основных чертах концепта Память, как он отразился в творчестве Ахматовой.

Более подробная характеристика предполагает описание и тех содержательных компонентов, которые обуславливают соотношение микрополей как внутри данного Концепта, так и в его внешних связях (Память – Жизнь, Память – Смерть, Память – Любовь, Память – Надежда), что и является предметом наших дальнейших исследований.

Taking into consideration the understanding of the concept as a peculiar plural-component entity with field structure we represent some meaningful components of the concept “Memory”. It should be noticed that besides the lexeme *memory* the named concept can be represented by the lexemes which have the ability to reconstruct the past. The revealed components let us see the elements of the field structure both inside the concept “Memory” and at the border of its intersection with other components of the Russian conceptsphere.

The key-words: the concept “Memory”, microfield, meaningful components.

Список литературы

1. Ахматова А.А. Сочинения в 2-х т. Т.1. Стихотворения и поэмы. М.: 1990.
2. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы 19-20 в.в.) М., 2001.
3. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М., 1995.
4. Гехтляр С.Я., Печенкина О.Ю. Структура концепта “Бог” в текстах пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем // Русское слово в языке и речи. Доклады общероссийской конференции. Брянск: Изд-во БГПУ, 2000.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
6. Большой толковый словарь русского языка./ Сост. Ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000.
7. Словарь русского языка в 4-х томах. Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд 2-е. М., «Русский язык». 1981.
8. Гехтляр С.Я. Небытие и память в поэзии А. Ахматовой. Вестник Московского Психолого-Социального Института, 2003, №2.
9. Кубрякова Е.С. Логический анализ языка, Вып. 4, 1991.
10. Флоренский П. Столп и утверждение истины. М., 1914.
11. Ахматова без глянца. СПб: Амфора, 2007,
12. Бергсон А. Материя и память. СПб., 1911.
13. Дмитровская М.А. Логический анализ языка. Культурные концепты. Вып. 4 АН СССР, М., Наука, 1991.

Об авторе

Нак Е.И. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru.

УДК – 415.61

ЭПИТЕТЫ ЗОЛОТОЙ И СВЕТЛЫЙ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Ф.И. ТЮТЧЕВА

В.Д.Неклюдов

В статье рассматривается специфика использования эпитетов золотой и светлый в поэтических текстах Ф.И. Тютчева. Исследуемые эпитеты способствуют выражению определенного образа-чувства, имеют бесконечный ряд значений и содержат в себе цветовую и световую характеристику всевозможных оттенков.

Ключевые слова: эпитет, золотое время, золотая свобода, любви признание золотое, златой рассвет небесных чувств, светоносный, светлая весна, светлый пир чувств, заветный, лучезарно, светозарно.

Исследователи творчества Ф.И. Тютчева отмечают обилие красок в его стихах. Они видят в поэзии Тютчева продолжение традиций старых колористов. Известно, что «отцом русского колористического стиля» является Г.Р. Державин.

Усваивая излюбленные державинские эпитеты, Тютчев «напитывает» их новым смыслом, свойственным сознанию поэта-романтика. Появляется это новое, часто сугубо «тютчевское», благо-

даря тому, что «предметное значение слова у него как бы растворяется в своих дополнительных значениях и оттенках» [1]. Например, весьма характерный для Державина эпитет *золотой* часто встречается в поэзии Тютчева и в прямом, но, главным образом, в переносном смыслах.

Слово *золотой* может употребляться в прямом значении, давая качественную характеристику предмета, указывая на действительно присущие ему свойства. «Золотой» обозначает предмет, сделанный из золота или позолоченный: «Светился купол золотой...» («Глядел я, стоя над Невой...»); «Вели мне кубок золотой...» (Певец); «И истекли сокровища златые...» (Урания) [2].

Золотой как метафорическое прилагательное дает выразительную цветовую или световую характеристику предмету. Здесь наблюдается определенный перенос значения. Связь со свойствами золота как металла опосредована: «Солнце светит золотое...» («Тихо в озере струится...»); «Плывут златые облака» («Над виноградными холмами»); «Цветет лимон и апельсин златой. Как жар горит...» («Ты знаешь край...»).

В поэзии Тютчева наиболее характерен эпитет *золотой*, способствующий выражению определенного образа-чувства, а не созданию зрительного образа. При этом предметный смысл слова почти совсем теряется, перенос значения слова усложняется. Эмоциональная оценка становится своеобразной, яркой и довольно абстрактной. Авторское восприятие явления определяют эмоционально-метафорические эпитеты настроения:

*Любви признание золотое...
«Сей день, я помню, для меня...»*

*Свободой бредил золотою...
Н.Ф. Щербине*

*Я помню время золотое,
Я помню мильи сердцу край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.
«Я помню время золотое...»*

Выражение *златой век* встречается еще у Ломоносова. Оно восходит к рассказу Вергилия в «Георгиках» о золотом веке – эпохе всеобщего благоденствия. У Ломоносова *златой век* варьируется как «времена златые» и «лета златые».

Любопытно, что в поэзии Державина есть небольшая часть эпитетов эмоционально-метафорических: «вождь и бог златой», «песни Леля золотые», «тень золотая» (великой княжны), «золотая чернь». Но типичным остается у Державина сочетание эмоционального эпитета *золотой* со словами «замкнутого» семантического круга: день (дни), час (часы), век, время.

В поэтической речи Тютчева эмоционально-метафорические эпитеты подчеркивают своеобразие его «поэтического почерка». Они создают особый, собственно «тютчевский» смысл, удивительно богатый тончайшими оттенками значений.

Так, в стихотворении, обращенном к Н.Ф. Щербине, поэт уподоблен эллинскому узнику, который

*Под скифской вьюгой снеговую,
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.*

«Золотая» свобода рождает ассоциации: драгоценная, желанная, манящая и т.п. В стихотворении «Байрон» старинный замок вызывает образ далекого и прекрасного «золотого» прошлого.

Вдумаемся в тютчевское выражение «златой рассвет небесных чувств». Это эмоциональное определение имеет целый ряд значений: блаженный, прекрасный, радостный, сладостный и т.п. С помощью эпитета *златой* Тютчев передает широкое и в то же время лаконичное определение чувства, содержащего тончайшие оттенки переживания. Эпитет служит выразительным средством, прежде всего для раскрытия темы любви, ее очарования.

Золотыми красками пронизано и торжество красоты природы. Особенно привлекали Тютчева переходные состояния природы, когда её жизнь проявлялась в расцвете и увядании. Об этом говорят уже названия стихотворений: «Первый лист», «Весенние воды», «Успокоение», «Есть в осени первоначальной». Весенние ручьи, бурливые, стремительные, раскаты весеннего грома предстают как силы, обновляющие природу. Они сменяются грустной улыбкой осени, тихим увяданием. Солнечные лучи «насыщают» собой все окружающее: «золотят» нити дождя, брызги фонтана, морские волны и плывущие по небу облака.

В поэтической речи Тютчева впечатляет эпитет *светлый*. В стихах Ломоносова светлыми были только взор и голос. У Тютчева светлыми предстают: любовь, весна, тень, мир, край и прочее. «Светлый» вбирает бесконечный ряд значений, заключая в себе самый широкий спектр всевозможных оттенков [3].

В стихотворении «Нет моего к тебе пристрастия...» интересно не само сочетание *светлая мечта*, а то, что на мечту можно набрести:

*И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели
Или на светлую мечту.*

«Светлый» означает прекрасный, радостный, чудесный, желанный, воздушный. В обилии этих значений создается образ чувства, настроения, определяется состояние души в данный момент [4]. Поэт нередко сохраняет первоначальный смысл слова *светлый* – излучающий свет, светоносный, освещенный, наполненный светом. В стихотворении «На золотом, на светлом Юге» юг предстает «блаженным», «светлым»: там много солнца и с ним связано пережитое счастье.

Привлекателен тютчевский образ *светлой весны* [5]:

*Светла, блаженно-равнодушна
Как подобает божествам*

Весна

В стихотворении «Итальянская весна» показан её торжественный приход:

*Благоуханна и светла
Уж с февраля весна в сады вошла...*

Образное выражение *светлая любовь* содержит в себе самый широкий диапазон дополнительных оттенков – благодатная, божественная, радостная, прекрасная, блаженная:

*Так мило-благодатна,
Воздушна и светла...*

«В часы, когда бывает...»

«Светлым» предстает чешский патриот Гус, сожженный на костре:

*И светел он, что собственной кровью,
Христову кровь он отстоял для них.
Гус на костре*

Здесь «светлый» может рассматриваться как «чистый, благородный, одухотворенный».

Оригинально употребляется эпитет *светлый* как вдохновенный, священный в тютчевском вольном переводе Шекспира:

*Поэта око, в светлом исступленьи,
Круговращаясь, блещет и скользит
На землю с неба...*

«Любовники, безумцы и поэты...»

Эпитет *светлый* создает образ ушедшего прекрасного, рождает дорогие воспоминания, светлую память о минувшем:

*Душа моя - Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных...*

«Душа моя - Элизиум теней...»

Светлый в данном контексте раскрывается как «священный, незабвенный, неизменный, заветный» [6].

Используя эмоциональные эпитеты, Тютчев создавал удивительные своей емкостью метафоры:

*Так по'рхай наша, други, младость
По светлым счастья цветам!..*

Весна

*Какая жизнь, какое обаянье,
Какой для чувств роскошный, светлый пир!
Нам чудились нездешние созданья,
Но близок был нам этот дивный мир.*

Дым

«Роскошный, светлый пир» чувств наступает, когда герои входят в «волшебный лес»: «Не лес, а целый мир разнообразный/Исполненный видений и чудес».

Заметим, что созданный образ неуловим из-за бесчисленности тончайших оттенков, привносимых в него каждым из читателей [7].

Появление светил вызывает какие-то светлые чувства в душе поэта. *Лучезарно, светозарно* становится все вокруг. Это традиционно «тютчевский» эпитет: «Настанет ночь – и, светозарный бог, Сияет он над усыпленной рошей!» («Ты зрел его в кругу большого света»); «Там светозарна дня явление...» (Уrania). «Светозарный» - светлый, чистый, дивный, божественно-прекрасный.

Восхищаясь точностью и глубиной эпитетов Тютчева, многие исследователи отмечают удивительную наблюдательность поэта, его умение выхватывать очень яркую характеристическую деталь.

Анализируя характерные для Тютчева эпитеты, можно утверждать о близости поэта романтическому направлению. В поэтическом контексте эмоционально-метафорические эпитеты *золотой* и *светлый* неизменно наполняются собственно тютчевским, символическим смыслом [8].

Л.Н. Толстой отмечал, что «только Тютчев мог сказать то, что он сказал, и так сказать».

Владычество Тютчева над словом – не только на этих коротких дистанциях эпитетов, строк и строф. Его власть простирается над всей поэтической речью, которая в руках этого мастера становится вообще примером того, как человек может заставить слово служить ему.

The specificity of using epithets «gold» and «light» in the poetic texts of F.I. Tyutchev is considered. Studied epithets promote the expression of a certain image – feeling, have an interminable series of values and comprise color and light characteristic of every possible shade.

The key words: an epithet, gold time, golden freedom, love gold, a golden dawn of heavenly feelings, lightful, light spring, light feast of feelings, cherished, radiantly, luminescently.

Список литературы

1. Пигарев К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962. С.68.
2. Тютчев Ф.И. Лирика. В 2-х томах. М., 1966.
3. Чичерин А.В. Очерки по истории русского литературного стиля. М., 1977. С. 296.

4. *Статья: Лотман Ю.М.* Поэтический мир Тютчева/Тютчевский сборник: Статьи о жизни и творчестве Ф.И. Тютчева. Таллин. 1990. С. 130-140.
5. *Озеров Л.А.* Поэзия Тютчева. М., 1975. С. 36.
6. *Пумпянский Л.В.* Поэзия Ф.И. Тютчева. В кн.: Уралия. Тютчевский альманах 1903-1908. Л. Прибой, 1928. С. 47, 54, 57.
7. *Благой Д.Д.* Жизнь и творчество Тютчева. В кн.: Ф.И. Тютчев. ПСС. М., Л., Academia, 1933. С.74.
8. *Григорьева А.Д.* Слово в поэзии Тютчева. М., 1980. С.76.

Об авторе

Неклюдов В.Д. – кандидат педагогических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, VDNeklyudov@mail.ru.

УДК – 811.11-112

КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

М.С. Омельченко

В статье рассматривается тенденция внедрения в немецкий язык англо-американских заимствований, которые составляют существенную долю в современном немецком языке и предлагается ряд классификаций англо-американизмов.

Ключевые слова: лексика; заимствования; англо-американизмы; классификация

Существенную долю заимствований в современном немецком языке СМИ составляют английские обозначения концептов, не объективированных в самом немецком языке. Активное внедрение английского языка в немецкий приобрело в начале XX века агрессивный характер [1,с.33].

Отношение к англо-американским заимствованиям в Германии довольно неоднозначно. Существуют две точки зрения: с одной стороны, процесс заимствования англо-американских слов оценивается положительно. В основном последователями данного направления являются представители молодого поколения, так как молодежь не создает и не развивает свою лексику, а лишь использует уже имеющуюся в других языках в своих интересах. Молодое поколение является часто проводником новой лексики, связанной с модными танцами, ритмами, одеждой, а также хобби и т.д. Много англицизмов связано с использованием компьютера [2,с.81].

С другой стороны, чувствуется и отрицательное отношение к данному явлению. В немецкой прессе в последнее время часто встречаются статьи, посвященные данной тематике, которые ставят этот вопрос перед читателями и призывают к «чистоте языка»: **auf deutsch reden- auf denglisch pfeifen** [3,с.172]. Сторонников этого направления называют «пуристами».

Англо-американские заимствования употребляются во всех сферах жизни. Помимо необходимых заимствований, касающихся новых понятий, которые дали американская наука, техника и экономика, немецкий язык переполнили английские слова-параллели, которые активно вытесняют немецкие эквиваленты, размывая специфический облик языка.

Является ли данный процесс позитивным фактором или, напротив, его следует считать одной из форм болезни национального языка, каковы дальнейшие перспективы его развития – вот те вопросы, на которые современная лингвистика должна дать ответ. В той же мере значимым является выяснение механизма адаптации англо-американских заимствований, успешно закрепившихся в словарном составе немецкого языка. Это касается и соотнесения с родовой категорией заимствованных имен существительных и их словообразовательной активности в сфере суффиксации, префиксации и др.

Интерес к обозначенному процессу со стороны лингвистов вполне обоснован, о чем свидетельствует большое количество работ как отечественных, так и зарубежных языковедов. Важным обстоятельством является то, что СМИ с полным правом считается одним из основных источников распространения языка, через них движется огромный поток заимствований.

Английский язык сочетает в себе краткость, силу и является языком, который понимают и который приобрёл статус международного, особенно в научном общении. Английский язык довольно прост в сфере грамматики: спряжение глаголов намного проще, чем в любом другом языке, а склонение и род, как грамматическая категория, отсутствуют. «Die deutsche Endung **n** ist schon allein imstande, Ausländer zum Stöhnen zu bringen: englisch nice children, the nice children, to the nice children – deutsch nette Kinder, die netten **n** Kinder, den netten **n** Kindern» [4,с.15]. Множественное число английских существительных образуется с помощью прибавления –s, что также является типичным и для заимствованных слов. Употребление артикля в английском языке намного проще, чем употребление артиклей в немецком языке. Своего рода «великолепие» заключается в краткости самих англо-американских слов, например: Fan, fit, Flirt, Flop, hit, Job, Sport, Star, Stop, Team, Test, а также многосложных слов, например: clever, Hobby, Party, Training [4,с.25].

Существует несколько определений слова «англицизм»:

1. Перенос языкового явления, характерного для британского английского, на любой другой язык [Duden].

2. Особенности английского языка, которые перенимаются другим языком [Brockhaus].

3. Оборот речи, свойственный английскому языку и применённый к другому языку [5].

Эти определения позволяют выделить три основные группы заимствований из английского языка:

1. Слова, написание и произношение которых схоже с немецкими словами, например: Sport, Start, Test, Trick.

2. Слова, написание которых немецкое, а произношение – английское, например: Team, Hobby, Party, Training.

3. Слова, которые имеют английское произношение и легко адаптируются в немецком языке, например: Job, Steak, Toast.

Wolf Schneider считает данную классификацию не достаточно полной, т.к. она не отражает «die scheinbar deutschen Wörter» - мнимые немецкие слова. В своей книге «Speak German!» Wolf Schneider классифицирует заимствованные слова следующим образом:

1. Англо-американские заимствования, которые закрывают в немецком языке пробелы («Wortlücken») и которые принимаются немцами (но намного лучше было бы найти эквиваленты для данного слова в немецком языке).

2. Англо-американские заимствования, которые большинство немцев не понимает. (Согласно статистике около 60% немецкого населения не знают английского языка; 40%, которые утверждают, что владеют английским языком, явно преувеличивают).

3. Англо-американские заимствования, которые заняли место немецких слов, несмотря на то, что в этом не было никакой необходимости. Например, *Service Point* или *Human Resources Department*.

4. Английские слова, для которых в немецком языке существуют эквиваленты, но данные единицы в ментальном языке считаются не достаточно современными и модными («sind nicht genug cool»). Например, *Pipeline* вместо *Rohrleitung*, *highlight* вместо *ein Höhepunkt oder ein Glanzlicht*, *slow motion* вместо *die Zeitlupe*.

5. Английские слова, которые в ментальном языке переводятся неправильно или неточно, например: *Personal Computer* следует переводить как «*Privatcomputer*», *joggen* следует переводить не как «*laufen*», а как «*schlurfen*».

6. Английские слова, которые заимствуются через третий язык.

7. Английские слова, которые являются псевдоанглицизмами («Pseudo-Englisch»), например, слово *Twen*, которое не существует в английском языке.

8. Исконно немецкие слова, которым немецкоговорящее население приписывает английское происхождение, например, *realisieren*, *chef*.

9. Немецкие слова, которые являются единицами международного лексического фонда, например, *Administration*.

10. Немецкие слова, которые по своей словообразовательной модели схожи с английскими моделями, например, *Gewittersturm*.

Данная классификация довольно достоверно отражает ситуацию с процессом проникновения англо-американских заимствований в немецкий язык. Было бы интересно также рассмотреть процессы адаптации и функционирования англо-американизмов в грамматической системе немецкого языка и его функциональных разновидностях.

The article discusses the tendency of the adaption in the German language anglo-american borrowed words, which compose fundamental part in the modern German language and puts forward rank of classifications of anglo-american.

The key words: *lexicon; borrowed words; Anglo-American words; classification*

Список литературы

1. *Hermann Fink*. Echt cool-Überlegungen zur Amerikanisierung der Allgemein- und Jugendsprache in der Bundesrepublik Deutschland. Denglisch, nein danke! Paderborn. 2001. S.33-51

2. *Franz Stark*. Vom Anglizismenfieber der Deutschen. Denglisch, nein danke! Paderborn. 2001. S.81-111

3. *Hermann H. Dieter*. Denglisch großgeschrieben. Versuch zu einer sachlichen Polemik. Denglisch, nein danke! Paderborn. 2001. S.171-182

4. *Wolf Schneider* Speak German! Warum Deutsch manchmal besser ist. Rowohlt Verlag GmbH. 2008. 196 S.

5. *Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием происхождения их ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью*. Сост. Е. Ефремов. Под ред. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ. Изд. 2-е., 1912.

Об авторе

Омельченко М.С. – преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (У) МИД РФ.; omira81@list.ru

**СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«ДЕНДРОНИМЫ» С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА)**

А.А.Пряхина

Статья посвящена анализу структурной организации лексико-семантической группы «Дендронимы», как она представлена в поэтических текстах М.Кузмина, Вяч.Иванова, М.Волошина, с позиций системно-функционального подхода, что предполагает анализ не только особенностей структуры семантического объединения, но и функциональной нагрузки входящих в него лексических единиц.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, полевая организация, дендроним, функционирование.

ЛСГ «Дендронимы», ее состав, структурирование по принципу поля рассматривается нами как реализация системности языка в целом.

При этом к анализу языковых единиц – конститuentов группы мы подходим с позиций системно-функционального подхода, когда рассматриваемые нами языковые единицы осмысляются, с одной стороны, на фоне и в соотношении с общепринятой реализацией языковой системы, с другой стороны, – с учетом функциональной нагрузки, которую они приобретают в составе художественного текста, общепозитического и индивидуально-авторского поэтического языка (термин Я.Мукаряжевского – «функциональный язык») [16, с. 23 - 24].

Такой синтез структурно-семантического и функционального аспектов изучения ЛСГ оправдан своей «органичностью». Это обусловлено тем, что, выступая «объектом художественной деформации» [14, с. 260], поэтический язык надличностен, подчинен объективным закономерностям в соответствии с приписываемой ему функцией, а «результат контакта творческого субъекта с языком есть проекция системы самого языка» [16, с. 16 - 17]. С.Г.Ильенко называет системно-структурную организацию языка «производной от его функций», ссылаясь на утверждение Э.Косэриу: «Язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определенной цели» [11, с. 29].

ЛСГ «Дендронимы», выделенная из поэтических текстов М.Кузмина, Вяч.Иванова, М.Волошина, имеет многоуровневую полевую организацию.

Обозначенную семантическую общность на первом уровне членения конституируют четыре лексико-семантические микрогруппы (ЛСМГ): «Наименования разновидностей древесной растительности», «Наименования составных частей древесной растительности», «Общие наименования объектов растительного мира», «Наименования стадий роста растений». По количественному составу они, в свою очередь, в рамках ЛСГ «Дендронимы» характеризуются отнесенностью к ядру, центру, периферии (ближней, дальней) соответственно.

На втором уровне членения ЛСГ «Дендронимы» каждая из обозначенных ЛСМГ определяется составленностью из лексико-семантических подгрупп (ЛСПГ), которые также распределены в пространстве микрогруппы по зонам ядра, центра, периферии.

Так, в составе ЛСМГ «Наименования разновидностей древесной растительности» обозначены ЛСПГ «Дуб», «Кипарис», «Береза» и др. ЛСМГ «Наименования составных частей древесной растительности» организуют подгруппы «Лист», «Ветвь», «Корень» и др. Конституентами ЛСМГ «Общие наименования объектов растительного мира» выступают семантические общности «Дерево», «Растение», «Зелень». В составе ЛСМГ «Наименования стадий роста растений» выделяется подгруппа «Семя».

Полевую структуру ЛСГ «Дендронимы» на третьем уровне членения можно представить в виде ядра, центра и периферии (ближней, дальней, крайней), закрепленность за которыми обнаруживают компоненты каждой ЛСПГ.

Опираясь на изложенное выше понимание, представим детальное описание содержательных и структурных компонентов ЛСМГ «Общие наименования объектов растительного мира», как они отразились в проанализированных поэтических текстах обозначенных авторов.

ЛСМГ «Общие наименования объектов растительного мира» (12, 2 % от общего количества употреблений дендронимов в проанализированных поэтических текстах), как уже отмечалось, составлена из трех ЛСПГ: «Дерево», «Растение», «Зелень».

В соответствии с количественным критерием определяем принадлежность **ЛСПГ «Дерево»** к ядру ЛСМГ «Общие наименования объектов растительного мира» (85, 3 % от числа употреблений других подгрупп ЛСМГ «Общие наименования объектов растительного мира»). Все структурные пространства ЛСПГ «Дерево» оказываются заполненными дендронимической лексикой, что, как показывает анализ, характерно далеко не для каждой ЛСПГ. Периферийное пространство, которое является наиболее показательным с точки зрения отражения индивидуальных особенностей мироздания создателя текста, оказывается богатым на составляющие. Конституентами обозначенной семантической общности выступают дендронимы *дерево* (доминанта), *древо*, *деревя*, *деревочки*, *древеса*, *иконостасы леса*, *мохнатые гвозди*.

Ядро ЛСПГ «Дерево» формируют лексемы *дерево*, *древеса*, *древо*, употребленные в номинативно-непроизводном значении «многолетнее растение с твердым стволом и ветвями, образующими крону» [2, с. 252], имеющие наиболее точную денотативную соотношенность с растительной реальи

как носители архисемы. Для дендронимов данного полевого пространства подгруппы характерна максимальная концентрация признака обозначаемого и высокая частота функционирования в текстах.

Денотаты таких словоупотреблений, представляя собой морфологически организованную сущность («стволы дерев» [6, с. 172 - 173], «...под сводами древес» [9, т.1, с. 523], «деревья цветут» [13], «и рдел на древе плод...» [9, т. 3, с. 505], «...лист, слетающий с древес...» [9, т. 3, с. 515]), выступают в качестве: собственно неодушевленного предмета, неодушевленного предмета – объекта, субъекта, орудия действия, а также пространственного ориентира.

Деревья наделяются набором тематически разноплановых качественных характеристик (*мирный, низкорослый, подстриженный, темный*): «Купы мирные дерев» [6], «...низкорослые деревья» [12, с. 274], «деревья были подстрижены» [12, с. 41], «меж темных деревьев» [9, т. 3, с. 15]. В их числе – способность находиться в том или ином функциональном состоянии: «ветвящиеся ... деревя» [9, т.3, с. 533], «...древес в цветенье белом» [9, т. 4, с. 523].

Индивидуально-авторский контекст употребления лексем уточняет также (в т.ч. на уровне макроконтраста) видовую характеристику денотата («Лепесток летит миндальный, / Цепко крепнет деревцо» [12, с. 250], «Богиням храм меж сих дерев...» [9, т. 1, с. 587] (о пиниях, оливах)).

Деревья существуют во времени («пращуров деревья» [10, с. 112], «меж деревьями осенни-ми...» [13]), в надземном пространстве, образуя зачастую скопления: «ветвящиеся над путником деревя» [9, т. 3, с. 533], «...верю деревьям и водам / в отчаянье рдяных пустынь» [9, т.2, с. 305], «купы мирные дерев» [8], «...одних дерев моря...» [12, с. 139], «кущи дерев» [9, т.1. с. 551].

Будучи определенными по месторасположению, деревья выступают также локусами:

а) к которым что-либо направляется: «...ко деревьям ходят...» [13],

б) на которых сверху располагается / на которые направляется что-либо: «На древе сложит ворох / Горючего костра» [9, т. 3, с. 545], «...влез на древцо...» [12, с. 69],

в) от которых отделяется, удаляется, отходит, исходит, распространяется что-либо: «с тихого райского древа» [9, т. 4, с. 47],

г) посередине / среди которых располагается что-либо: «между деревьев» [13],

д) под которым что-либо располагается: «выронил свирель под древом» [9, т.3, с. 38], «а под деревьями еще темнее» [13].

Эффект контраста организует образность дендронима древцо. Так, семантика словосочетаний пращуров деревья - вольные кочевья [10, с. 112], определяемая ЛЗ входящих в его структурную организацию компонентов, может быть представлена следующим образом: прикрепленные к месту произрастания растения, принадлежащие родоначальникам династии, далеким предкам - обитатели стоянки вольных кочевников, переезжающих с места на место. Ассоциативная оппозиция строится на основе противопоставленных признаков «прикрепленность / неприкрепленность к месту существования / произрастания».

Средством образной индивидуализации дендронимической единицы этого уровня является приложение, определяющее денотат словоупотребления как сверхъестественную сущность (призрак-древцо [8]).

Центр полевой структуры подгруппы представлен дендронимами древцо, древо, древесина, деревочки, употребленными в антропоморфном номинативно-производном значении. При сохранении денотативной составляющей (многолетнее растение с твердым стволом) значение обозначенных словоупотреблений характеризуются наличием антропоморфных сигнификативных признаков, эксплицируемых посредством сочетаемости дендронимических лексем с:

а) именами существительными с антропоморфной предметной (*душа*), деятельностной семантикой (*сон, напев*): «Все вперед, в бездыханные сени / Лунным сном отягченных древес...» [9, т. 1, с. 563 - 564], «Древа теней, чей сон питают Асфодел...» [9, т. 1, с. 618], «...напев / ветвящихся над путником дерев» [9, т. 3, с. 533], а также называющими социальные и родственные связи (*братец, подруга*): «Дерева вы, деревочки, / Мои братцы милы...» [12, с. 152], «...мечте завистливой моей, / Древес подруге...» [9, т. 3, с. 608],

б) атрибутивными, называющими качественный признак, относящийся к внешней (*обезглавленный, голый*), внутренней (*немой, кротко-молчаливый, бесстрастный, святой, безропотный, зябкий*) характеристике денотата: «мощи обезглавленных дерев» [10, с. 266], «...души дремные безропотных дерев» [10, с. 100], «Полусонны, полуживы, / Мать-Земля, они, как ты...» [9, т. 1, с. 522], «...деревья клонимы / Бесснежную вьюгой — зябкие, голые...» [9, т. 2, с. 304],

в) глаголами однонаправленного перемещения сверху вниз (*ронять*): «Как древцо — созревшие плоды / Роняйте на землю / И простирайте ветви...» [6, с. 222], физиологического, ментального действия (*дрожать, спать, грезить*): «древца дрожат» [9, т. 3, с. 642], «Деревья спят — и грезят? — при луне...» [10, с. 128], «Им любо грезить Ман мерцающий предел» [9, т. 1, с. 618].

Единицы центрального пространства группы характеризуются расширенной словообразовательной парадигмой, что характеризует такие «стилистически маркированные и обогащенные коннотациями языковые знаки» [16, с. 23] с позиции выразительности. Суффиксы формируют коннотативную оценочность дендронимов, обозначая диакронические, функционально-стилистические (суффикс *-ес-*) (устаревшее, церковно-книжное: *древесы*), психологические экспрессивные (*-очк-*) (уменьшительное, ласкательное: *деревочки*) коннотативные компоненты, дополняющие денотативное содержание лексем, придающие им экспрессивность, эмоциональную окрашенность.

Единицы данного пространства выступают также в качестве основополагающих признаковых характеристик, формирующих сравнение, в котором объектом является человек, средством сравнения – денд-

роним. Экзистенциальный признак «способ существования» – основа сопоставления героя стихотворения с деревьями: их жизнедеятельность во многом схожа с жизнью человека, она должна служить ему примером: «Как дерево — созрели плоды / Роняйте на землю / И простирайте ветви...» [6, с. 222].

Ближняя периферия составлена из лексем *дерево, дерево*, употребленных в дендроморфном метафорическом («молния», «структура», «любовь»), синекдохическом («часть родины», «ветвь дерева») значениях. Единицы обозначенной полевой периферии объединены с ядром имплицитными семами «форма» («Листвой божественного древа / Ветвь через облачную хлябь, — / Как страсть, что носит лики гнева, — / Трепет молнийная рябь» [10, с. 121]), «структура, составленная из чего-либо» (*Дерево добродетелей* [9, т. 1, с. 642], «древом кровеносным его (Левиафана) хребта» [6, с. 222]), «развитие», «цвет» («страстных дерев костер» [10, с. 215]), «составляющая часть чего-либо» («...плачь на пне родного древа» [9, т. 4, с. 66]), «целое, составленное из частей» («Деревья нежно разнимаю...» [12, с. 115]).

Дальняя периферия представлена дендроморфными символами: *Мировое Древо / Вселенской жизни древо / Звездное дерево времен / Святое Древо / Древнее древо / Диво-дерево / Вселенское древо, Древо Познания / Древо мук, Древо Жизни / Крестное древо / Древо золотое*. Символическая нагрузка единиц подгруппы на данном структурном уровне может иметь традиционный, авторский характер. Кроме того, традиционная символическая семантика словоупотреблений может дополняться индивидуально-авторскими смыслами.

Крайняя периферия эксплицирована перифрастическими номинациями *иконостасы леса, мохнатые гвозди*. Такие языковые единицы, по определению О.Г.Ревзиной, являются выразительными, поскольку, «помимо собственного, определяемого его статусом в языке значения несут информацию о... индивидуальном нарекающем субъекте» [Ревзина 1998: 23]. Интегральным семантическим признаком, связующим единицы этого уровня с ядром, выступает сема «форма».

Лексема *иконостасы* в значении «покрытая иконами стена, отделяющая алтарь в православном храме» [15, с. 244] широкоупотребительна. В поэтическом тексте в сочетании с данным существительным выступает словоформа *леса* [12, с. 85], что влечет за собой стирание исходного представления и, соответственно, употребление лексемы в значении «деревья». Переносные экспрессивные значения слов, нейтральных в своём основном значении, часто мотивируются не только реальными, «вещественными» семами предметно-логического типа, составляющими исходное значение, но и потенциальными, ассоциативными, не существенными для прямого значения, но осознаваемыми носителями языка [3, с. 91]. Потому между основным и вспомогательным субъектами метафоризации обнаруживается не только тождественная потенциальная связь на основе общности формы: метафорическая перифрастическая номинация *иконостасы леса* актуализирует символическую семантику лексемы *дерево*, означаемое которой, в соответствии с христианскими представлениями, выступает связующим звеном между землей и небом.

То же значение – «дерево» – обнаруживает в поэтическом контексте перифрастический номинатив *мохнатые гвозди* [12, с. 201]. Широкоупотребительная лексема *гвозди* («заостренный стержень, обычно железный, со шляпкой на тупом конце» [15, с. 127]) обладает имплицитным экспрессивным потенциалом, который составляют кваликативные семы, мотивирующие при метафоризации значения. В качестве таковой выступает сема «форма». Атрибутив *мохнатый* также поддерживает стирание исходного представления и, соответственно, приобретение словом нового значения «деревья».

Частотность употребления дендронима *растение* (зачастую - в художественных текстах М.Волошина) как конституента ЛСПГ «**Растение**» составляет 2, 2 % от числа употреблений других подгрупп ЛСМГ «Общие наименования объектов растительного мира», что позволяет отнести данную семантическую общность к области ближней периферии обозначенной ЛСМГ. Особенностью структурной организации данной подгруппы является отсутствие в ее структуре областей дальней и крайней периферии, что говорит о том, что авторское поэтическое восприятие и оценка единиц данной подгруппы не характеризуется неоднозначностью и двойственностью значений.

В качестве **ядерных** элементов подгруппы выступают дендронимы, употребленные в номинативно-непроизводном значении «организм, питающийся неорганическими веществами воздуха и почвы, обычно прикрепленный к месту своего обитания» [2, 1100]. Особенностями лексем на данном структурном пространстве, определяемыми спецификой использования языковых единиц в художественном тексте, выступают: характер денотатов словоупотреблений (собственно неодушевленный предмет, неодушевленный предмет – объект, субъект, орудие действия), сигнификативные признаки дендронимов, эксплицируемые художественным микроконтекстом.

М.Волошин неоднократно отмечает синкретизм образов человека и растения: «*Мною - / Цвели растенья...*» [6, с. 243], «...*от чресл размножилась земная тварь, / От жил - растения*» [6, с. 227], «*Он глиной плотствовал, растеньем рос...*» [6, с. 227]. Растения *фантастичны, сложны, извилисты: «мир фантастических растений»* [7], «...*Извилистых и сложных, как растенья*» [6, с. 122].

Как элементы окружающего замкнутого пространства они испытывают воздействие света: «...*круг от лампы / Озарит растенья по углам...*» [5, с. 38].

Одним из способов образного использования лексемы *растение* выступает дендронимическое сравнение, в котором объектом выступает человек или неодушевленный предмет, средством - растение. При этом в качестве экзистенциального признака, организующего соположение предметов, выступает «способ существования», качественно-характеризующего - «форма»: «*Он глиной плотствовал, растеньем рос...*» [6, с. 227], «*на токах вод - извилистых и сложных, как растенья*» [6, с. 122].

Центр подгруппы конституируют лексемы, употребленные в антропоморфном метафорическом значении. Заявленная в дефиниции ядерных словоупотреблений архисема уточняется антропоморфными дифференциаторами значения, репрезентантом которых выступает соматизм *стан*: «...в

блекло-призрачной луне / Воздушно-черный стан растений...» [8, с. 110]. Дендроним конституирует антонимичность в представляемой художественным контекстом оппозиции *блекло-призрачная луна - воздушно-черный стан растений* по сигнификативным признакам «цвет» (*блеклый – черный*), «реальность / нереальность» (*призрачный – «воображаемый, мнимый, нереальный» - стан – «туловище»*).

В зоне *переходности* между центральным и периферийным пространством подгруппы располагается лексема *растение*, обнаруживающая синкретизм номинативно-производных значений (денотат - одушевленный предмет как класс): «*И запах тел, и шорохи растенья, - / Весь тайный строй сплетений, швов и скреп / Раскрыт во тьме...*» [4, с. 54].

Ближнюю периферию организует тропеическая номинация *растение*, употребленная в дендроморфном метафорическом значении «часть жизни»: «*Вот жизни горькой и живой / Истлевшее беру растенья*» [12, с. 239]. Интегрирующим семантическим компонентом, означающим связь с ядерными словоупотреблениями подгруппы, является имплицитный признак «живой».

ЛСПГ «Зелень» в рамках ЛСМГ «Общие наименования объектов растительного мира» находится на последнем месте по авторскому предпочтению (5, 5 % от числа употреблений других подгрупп ЛСМГ «Общие наименования объектов растительного мира»). Конституенты данной подгруппы (ЛСВ доминантной лексемы *зелень*) организуют ядерное и центральное структурное пространство, что обуславливает преобладающую однозначность семантики словоупотреблений.

Наличием архисемы «растительность» [1, т. 4, с. 1191] характеризуются *ядерные* словоупотребления лексемы *зелень*, употребленные в номинативно-непроизводном значении, денотат которых соотносим с неодушевленным предметом – собирательным множеством.

В качестве дифференциаторов семантики дендронимов в поэтических текстах Вяч.Иванова, М.Кузмина выступают такие сигнификативные характеристики, как способность быть частью целого, пространственным ориентиром: «*в зелени ветвей*» [9, т. 3, с. 16]. В изображении дендронимических образов участвует обонятельная (*благоуханный*) и осязательная (*увлажненный*) перцепция: «*по благоуханной, увлажненной зелени*» [9, т. 1, с. 767]. По форме *зелень* в представлении поэта подобна гирлянде: «*гирлянды зелени*» [9, т. 3, с. 529]. Количественную составляющую дендронима эксплицирует генитивная конструкция «*зелени залив*» [13].

Лексема *растение*, обнаруживающая антропоморфный тип метафорического значения, составляет следующий за ядерным слой структурного пространства подгруппы - *центр*. *Зелень*, символически ассоциируемая с жизнью как таковой (сема «живой») организует связь между вспомогательным и основным субъектом метафоризации), *весела*: «*Сквозь зелени веселье / Луга видны давно...*» [12, с. 124]. Выразительным видится окказиональное употребление грамматической категории количественности (существительное singularia tantum употреблено в форме множественного числа), что обусловлено смещенной семантикой.

Таким образом, дендронимы, конституируя то или иное семантическое пространство, выполняют определенное функциональное задание, наличие которого обусловлено употреблением рассматриваемых нами лексических единиц в поэтическом тексте. Так, наименования древесной растительности выступают компонентами антонимических оппозиций, перифрастических номинаций, сравнительных конструкций. Семантика дендронимов уточняется за счет приложений, сопутствующих употреблению лексем. Коннотативная составляющая дендронимических образов проявляется в расширенной словообразовательной парадигме, характеризующей некоторые словоупотребления. Кроме того, авторский компонент семантики дендронимов эксплицирует и окказиональное употребление грамматической категории количественности.

Article is devoted the analysis of the structural organization of lexico-semantic group «Dendronims» as it is presented in M.Kuzmin's, Vjach. Ivanov's, M.Voloshin's poetic texts, from positions of the systemic-functional approach that assumes the analysis not only features of structure of semantic association, but also functional loading of lexical units entering into it.

The key words: *lexico-semantic group, the field organisation, dendronim, functioning.*

Список литературы

1. БАС -.Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти тт. / Ин-т русского языка АН СССР. М. Л., 1948 1965.
2. БТСРЯ - Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А.Кузнецова. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
3. Бытева Т.И. К проблеме перифрастического значения // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 1 / Под. ред. Т.М. Григорьевой. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1999.С. 89 – 100.
4. Волошин М. А. Лики творчества / Изд. подгот. В.А. Мануйлов, В.П.Купченко, А.В.Лавров; Предисл. С.С. Наровчатого; Отв. ред. Б.Ф.Егоров, В.А.Мануйлов, 2-е изд., стереотип. / М.Волошин Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 848 с.
5. Волошин М., Гумилев Н., Иванов Г., Ходасевич В. Стихотворения. Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. 208
6. Волошин М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. / Сост., вст. статья, подготовка текста З.Д.Давыдова, В.П.Купченко. М.: «Правда», 1991.
7. Волошин М. Стихотворения. // http://www.prosv.ru/ebooks/lib/63_Voloshin_Stihi.
8. Волошин М. Стихотворения. // http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a.
9. Иванов Вяч. Собрание сочинений в 4-х тт. - Брюссель, 1971 - 1987.
10. Иванов В. Лирика. Минск: Харвест, 2000. 384 с.
11. Ильенко С.Г. Русистика: Избр. тр. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2003. – 674с.

12. Кузмин М. Избранные произведения / Сост., подгот. текста, вступ. тт., коммент. А.Лаврова, Р. Тименчика. Л.: Худож. лит., 1990. 576 с., 1 л. портр., ил.
13. Кузмин М. Стихотворения // http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a.
14. Мукаржовский Я. Структуральная поэтика. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 480с.
15. СОШ -Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т русского языка им. В.В.Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
16. Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. Дисс. в форме науч. докл. ... доктора филол. наук. - М.: Из-во МГУ, 1998. 86 с.

Об авторе

Пряхина А.М. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, gumvast.bgu@yandex.ru

УДК – 415.2:43-07

«ОТНОШЕНИЯ ОДНОВРЕМЕННОСТИ» КАК ВАРИАНТ ТАКСИСНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ (на материале романов Л. Улицкой и их версий на немецком языке)

Е.Н. Радченко

В статье « «Отношения одновременности» как вариант таксисных отношений в русском и немецком языках» автор приводит некоторые особенности языкового воплощения таксисных отношений одновременности. В статье представлены некоторые модели данных отношений и дана их характеристика в рамках функциональной грамматики. При характеристике моделей автор акцентирует внимание на способах действия глаголов, глагольных форм и контекстуальном окружении.

Ключевые слова: функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, таксис, одновременность, процессность, одновременность процессов.

Развитие языкознания на современном этапе идет по пути более детального изучения языка и речи и характеризуется пристальным вниманием к конкретному языковому материалу. Полученные в ходе разнотипных экспериментов и исследований результаты являются базисом для извлечения главных выводов, служащих основой построения «действующей модели языка» (language in use) [1, с. 48], изучающей язык не как застывший инвентарь единиц, а в действии, в его реальном функционировании [См.: 2]. Подобный анализ языковых факторов на материале исходного языка (ИЯ) (русский) и передачи их в другом языке/ переводной версии (ПЯ) (немецкий язык) – это как раз непосредственное изучение функционирования, так как, по мнению Л.С. Бархударова, перевод имеет дело с конкретными речевыми произведениями, то есть с текстами [3, с. 17]. Именно факт совпадения/ несовпадения набора языковых средств при передаче одного и того же явления послужил толчком подробного рассмотрения проблемы языковой реализации временных отношений.

«Шкала временного измерения оперирует тремя константами – это прошлое, настоящее и будущее. Отношения компонентов времени дают нам понять, происходит ли и как развитие и изменение фигур художественного текста» [4, с. 177].

Отдельного внимания заслуживают определенные особенности языкового воплощения таксисных отношений одновременности. В теории функциональной грамматики таксис трактуется как грамматическая категория с временными отношениями между выражаемыми событиями (фактами, действиями и т.п.) безотносительно к моменту речи в качестве основополагающего принципа: «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [5, с. 30], то есть исключается феномен эвиденциальности (засвидетельствования) [См. 6].

Согласно функционально-семантической концепции, «план выражения категории таксиса составляют различные полипредикативные (в широком смысле, т.е. включающие в план содержания данной категории как «хронологические», так и «нехронологические» отношения: причинно-следственные, уступительные, пояснительные, обусловленности), высказывания определенных типов со специфическим взаимодействием разноуровневых (лексических, морфологических, лексико-грамматических и синтаксических) средств. Иначе говоря, таксис трактуется в данной концепции как особая функционально-семантическая категория (ФСК), организованная по принципу поля» [5, с. 101; 7, с. 72, 77-79].

Структуру функционально-семантического поля (ФСП) таксиса для русского языка подробно описал в своих трудах А.В. Бондарко [См.: 7; 8] как компактный (с четко выделяемыми центрами) подтип с полицентрической структурой. Одним из центров А.В. Бондарко называет зависимый таксис, центральными компонентами которого являются конструкции с деепричастиями СВ и НСВ, а его периферийными конститuentами названы конструкции с причастиями и предложно-падежные конструкции в сочетании с глаголом.

Данный принцип выявления конститuentов ФСП таксиса для русского языка был положен Полянским С.М. в основу описания ФСП таксиса для немецкого языка. Полянский (вслед за

А.В. Бондарко) выделяет два основных центра ФСП таксиса: зависимый и независимый. Центральными компонентами зависимого таксиса С.М. Полянский называет предложения с причастными конструкциями на основе причастия 1 и причастия 2 и предложения с предложно-именными конструкциями на базе отглагольных существительных. Ядром независимого таксиса для русского и немецкого языков определены полипредикативные конструкции [См.: 7; 8; 9].

В рамках данной концепции структура каждой из функционально-семантических категорий представляет собой совокупность микрополей. Представляется интересным описание функционирования центральных компонентов таксисных отношений одновременности и их семантическая субкатегоризация в рамках данного микрополя, так как значение одного и того же инварианта в русском и немецком языках может находить разное воплощение с точки зрения признаков в характере протекания и распределения действий на временной шкале, что выявляется комбинациями вариантов и их подтипов в рамках отдельного инварианта.

В семантическом сегменте аспектуально-таксисных отношений «одновременность процессов» [См.: 8] анализ фактического языкового материала позволяет выявить специфические способы передачи данного значения в сегменте зависимого таксиса, выражаемого деепричастием и личным глаголом (в соответствии со способом действия [См.:10]). Эти разновидности реализуются в русском языке в следующих моделях:

неограниченно-кратная:

*Всякий раз, усаживаясь на свое рабочее место, она раскрывала старинную немецкую готовальню (50).*¹

И жадно *ворошил* биографии великих людей, скрупулезно *выискивая* упоминания о болезнях, которыми болели гении (57).

Отсутствие лексических указателей на временной отрезок, в который происходили описываемые события, характеризует данную модель как нелокализованную во времени. Однако данное положение не отрицает наличия в языке описываемой модели с четкой временной делимитацией:

Всякий раз, усаживаясь на свое рабочее место, она целый час раскрывала старинную немецкую готовальню.

И жадно *ворошил* биографии великих людей, *целый час* скрупулезно *выискивая* упоминания о болезнях, которыми болели гении.

Возможность существования и функционирования подобных языковых конструкций, доказанная в ходе эксперимента, позволяет говорить и о неограниченно-кратной локализованной во времени модели.

В большинстве подобных примеров неограниченный ряд повторений имплицитно маркируется специальными маркерами или самим контекстом:

Всякий раз, усаживаясь на свое рабочее место, она раскрывала старинную немецкую готовальню.

Определенная замена маркеров кратности действий приводит к изменению ситуации в целом:

Лишь сегодня, усаживаясь на свое рабочее место, она раскрывала старинную немецкую готовальню.

Лишь один раз он жадно ворошил биографии великих людей, скрупулезно выискивая упоминания о болезнях, которыми болели гении.

Сочетание личного глагола несовершенного вида и деепричастия несовершенного вида не визуализирует аспектуальный характер кратности, маркеры способны качественно изменить картину событий, и трансформируют наши модели в ограниченно-кратные, но имплицитно подразумевает одновременность событий. Иначе дело обстоит с маркерами указания периода повторяемости событий:

Усаживаясь на свое рабочее место, она раскрывала через каждые две секунды старинную немецкую готовальню.

Каждые два часа он жадно ворошил биографии великих людей, скрупулезно выискивая упоминания о болезнях, которыми болели гении.

Введение указателей периода повторяемости не влияет на аспектуальную сторону событий, данные маркеры являются дополнительными лексическими уплотнителями при передаче периодически повторяющихся событий.

Актуальность грамматических и лексических показателей для передачи одновременных неограниченно-кратных нелокализованных/ локализованных во времени аспектуально-таксисных отношений с указанием/без указания периода повторяемости позволяет отнести эти модели к смешанным.

В современных прозаических текстах можно найти примеры языкового воплощения неограниченно-кратной нелокализованной во времени модели, где семантика повторяемости выражается непосредственно способом действия глагола и деепричастия:

Кошка ступала рядом, слегка увязая лапками в сухом песке (197).

Данный вид отношений имплицитно маркируется парной сочетаемостью неопределенно-моторных глаголов движения несовершенного вида и действительным деепричастием эволютивного способа действия без дополнительных маркеров, так как в выражении рассматриваемого значения принимает семантическое содержание, заключенное в способе действия выбранных глаголов и деепричастий. Данное утверждение можно проверить, трансформируя наши примеры в предложения с однородными сказуемыми:

Кошка ступала рядом и увязала лапками в сухом песке.

Однако данный инвариант не исключает и наличие специальной таксисной лексики, участвующей в выражении неограниченной кратности:

¹ Здесь и далее иллюстрации даны по изданию: Улицкая Л. Казус Кукоцкого. – М.: «Эксмо», 2006 и его немецкого инварианта Ulitzkaja L.Reise in den siebenten Himmel. – Berlin, 2001. Цифра в скобках означает страницу для обоих случаев.

Кошка *ступала* рядом, *всякий раз* слегка увязала лапками в сухом песке.

Исключение или введение лексических маркеров не нарушает логической цепочки временного соотношения протекания событий. Полученный результат трансформаций позволяет предположить, что маркеры играют роль лишь семантического катализатора или временного уплотнителя и характеризуются как количественные, а данная модель языкового воплощения отношений одновременности процессов может быть отнесена к грамматизованным.

В приведенных примерах отсутствует аспектуальная характеристика «период повторяемости событий». Введение маркеров соответствующей семантики не повлияет на общее соотношение описываемых событий:

Кошка *ступала* рядом, слегка увязая *через каждые два шага* лапками в сухом песке.

Таким образом, общая неограниченно-кратная нелокализованная во времени модель, выраженная финитным глаголом определенного образа действия и деепричастием определенного образа действия, является в русском языке грамматизованной и/или смешанной.

Сочетанием личного глагола несовершенного вида и деепричастия несовершенного вида в русском языке представлена и процессно-узальная модель:

Василиса... *шла, всю дорогу... хромая* (82).

До момента встречи он в полном одиночестве *довольно долго брел* по чахлой белесой пустыне, *глубоко проваливаясь* в песок рыжими ковбойскими сапогами (303).

Определенная локализация процессов может выражаться темпоральными и локальными показателями «*всю дорогу; до момента встречи*»; то есть «категория временной локализованности/ нелокализованности реализуется не только через отношение действий к выражению времени, но и через другие показатели конкретности/ неконкретности действий, в частности, через соотношение последних с пространством» [11, с. 61]. Определяя границы протекания одновременных процессов, маркеры катализируют сему локализованности во времени, но не влияют на семантику одновременности и показатели процессности, то есть являются количественными.

Аспектуальное значение процессности имплицитно семантическим значением глаголов эволютивного способа действия «*идти; брести*», а при передаче семантики повторяемости и обычности сочетаются контекстуальное окружение деепричастия и его восприимчивость к этому окружению [См.: 11], а также данная семантика может быть воплощена в отглагольных деепричастиях определенного способа действия «*хромая - хромать*» (многоактный способ действия). Подтверждением могут послужить следующие трансформации:

Василиса... *шла, ... периодически хромая*.

*¹Василиса... *шла, ... один раз даже хромая*.

До момента встречи он в полном одиночестве *довольно долго брел* по чахлой белесой пустыне, *периодически* *глубоко проваливаясь* в песок рыжими ковбойскими сапогами.

**До момента встречи* он в полном одиночестве *довольно долго брел* по чахлой белесой пустыне, *один раз даже проваливаясь* в песок рыжими ковбойскими сапогами.

По полученным трансформам видно, что способ действия глагольной формы определяет характер модели как грамматизованный и/или смешанный.

Наиболее часто встречающимся грамматико-контекстуальным воплощением неограниченно-кратной модели:

а) локализованной;

б) нелокализованной во времени,

передающей отношения «одновременность процессов» в сфере независимого таксиса, является сочетание однородных глагольных сказуемых, выраженных глаголами несовершенного вида:

а) *Первые несколько дней...* Павел Алексеевич *заглядывал* к ней в закуток палаты... и сам *делал* уколы пенициллина (19).

б) А лысый гинеколог *ходил каждую неделю* в министерство и *надоедал* министру своим дежурным вопросом (34).

По представленному в языке материалу можно говорить о неограниченно-кратных моделях локализованных/нелокализованных во времени, с указанием/без указания периода повторяемости. В примерах дополнительные аспектуальные характеристики выражены лексически соответствующими маркерами «*первые несколько дней*» (временная локализация, строгие временные рамки функционирования одновременных событий); «*каждую неделю*» (показатель фазовой детерминации событий). Чтобы говорить о характеристике маркеров, попробуем провести некоторые языковые манипуляции с их участием:

Сначала Павел Алексеевич *только заглядывал* к ней в закуток палаты и *лишь спустя какое-то время* сам *делал* уколы пенициллина.

А лысый гинеколог *сначала просто ходил каждую неделю* в министерство и *лишь спустя какое-то время ещё и надоедал* министру своим дежурным вопросом.

Экспериментально подтверждается изменение сюжетного плана развития событий, изменение вектора следования. Полученный результат позволяет говорить о качественной характеристике ас-

¹ Здесь и далее значком „*“ отмечены случаи, не являющиеся языковой нормой.

пектуальных маркеров, их необходимости, так как видовое соотношение представленных глагольных сказуемых не позволяет говорить об отношениях одновременности и не позволяет однозначно судить об отношениях повторяемости:

Когда Павел Алексеевич заглядывал... тогда и делал уколы пенициллина.

А когда лысый гинеколог ходил в министерство... в это время и надоедал министру своим дежурным вопросом.

Павел Алексеевич заглядывал... и лишь один раз сам делал уколы пенициллина.

**А лысый гинеколог ходил в министерство... и лишь один раз даже надоедал министру своим дежурным вопросом.*

Анализ полученных в ходе трансформаций результатов позволяет отнести неограниченно-кратные модели локализованные/ нелокализованные во времени, с указанием/без указания периода повторяемости в области независимого таксиса к неграмматизованным и/или смешанным.

Конституенты независимого таксиса структурируют и непрерывно-процессные модели:

а) локализованные;

б) нелокализованные во времени:

а) *Чертежник же он был первоклассный, работал на большом заводе конструктором, а также вел курс черчения в заводском рабфаке (49).*

Елена Георгиевна сидела на узкой деревянной скамье позади церковного ящика и ожидала знакомого священника (190).

б) *Во все время разговора Тома... стояла в коридоре с зимним пальто в охапке и набитым школьным портфелем, ожидала решения (78).*

Как видно из приведенных примеров, оба процессных действия представлены флективными глаголами несовершенного вида. Так как глаголы несовершенного вида обладают семой длительности и процессности, исключая из данного ряда глаголы с семантикой фазовости, кратности и прерывистости [См.: 11], то данные ситуации воспринимаются как длительные и процессные без дополнительных контекстуальных носителей данного признака:

Чертежник же он был первоклассный, работал на большом заводе конструктором, вел курс черчения в заводском рабфаке.

Елена Георгиевна сидела на узкой деревянной скамье позади церковного ящика, ожидала знакомого священника.

Тома... стояла в коридоре с зимним пальто в охапке и набитым школьным портфелем, ожидала решения.

Иными словами, для выражения непрерывно-процессной модели локализованной/нелокализованной во времени достаточно употребления глаголов определенного образа действия в одном временном плане, что относится к грамматической стороне выражения актуальной таксисной семантики. Однако наличие определенных маркеров может усилить или кардинально изменить вектор последовательности событий, что указывает на недостаточность чисто грамматических средств для передачи отношений одновременности:

Чертежник же он был первоклассный, работал на большом заводе конструктором и в то же самое время ещё вел курс черчения в заводском рабфаке.

Елена Георгиевна сейчас сидела на узкой деревянной скамье позади церковного ящика, до этого ожидала знакомого священника.

Тома... стояла в коридоре с зимним пальто в охапке и набитым школьным портфелем, а до этого долго ожидала решения.

Маркеры проявляют свойства качественного показателя, поэтому рассматриваемую модель можно отнести к неграмматизованным и/или смешанным.

Работая с немецким инвариантом передаваемых событий, удалось выявить определенные аналогии и расхождения в способах и средствах представления одновременных процессов. Что касается конституентов зависимого таксиса, отмечается меньший объем и частота их употребления. Для выражения определенных категорий плана содержания, интенциональных и стилистических нюансов в немецком языке используются такие средства, как сочетание финитного глагола с причастием первым переходным глаголом:

Wassilissa... lief humpelnd weiter (91).

Die Katze lief neben ihr, mit den Pfoten im trockenen Sand einsinkend (219).

Zuvor war er ziemlich lange in völliger Einsamkeit durch die karge bleich Wüste geirrt, mit seinen rotbraunen Cowboystiefeln tief im Sand einsinkend (225).

Как вытекает из приведенных примеров, причастие первое обозначает действие одновременное с основным действием, выраженным финитным глаголом, независимо от его временной формы [См.: 12; 13]: «*lief* (претерит) – *einsinkend*; *war... geirrt* (плюсquamперфект) – *einsinkend*». Аспектуальное значение процессности имплицитно как и в русском языке семантическим значением глаголов эволютивного способа действия «*laufen - идти; брести*», которое может катализироваться при помощи маркеров «*ziemlich lange – достаточно долго*», а причастия первые либо образованы от глаголов многоактного способа действия «*humpelnd - humpeln*», либо контекстуальное окружение придает

причастию данное значение.

Василиса, *хромая*, *шла* дальше.

Кошка *бежала/шла/брела*, *увязая/утопая/проваливаясь* лапками в сухом песке.

До момента встречи он в полном одиночестве *довольно долго бежал/шел/брел* по чахлой белесой пустыне, *глубоко увязая/утопая/проваливаясь* в песок рыжими ковбойскими сапогами.

Понятно, что действие, выраженное причастием первым, повторялось субъектом при каждом сделанном шаге, а не было динамичным. Введение некоторых маркеров позволяют еще более катализировать фазовую детерминацию данных событий:

Wassilissa... *lief, ab und zu humpelnd*, weiter.

Die Katze *lief* neben ihr, *ab und zu* mit den Pfoten im trockenen Sand *einsinkend*.

Zuvor war er ziemlich lange in völliger Einsamkeit durch die karge bleich Wüste *geirrt, ab und zu* mit seinen rotbraunen Cowboystiefeln tief im Sand *einsinkend*.

Поэтому данный вид аспектуально-таксисных отношений относим к процессно-узуальной модели, а наличие «*zuvor – до момента встречи*» или отсутствие определенных маркеров определяют подклассы данной модели как а) локализованные; б) нелокализованные во времени. Однако ряд определенных лексических показателей способен в отдельных случаях реализовать семантику эволютивного способа действия и характеризовать данные примеры как непрерывно-процессную модель:

Die Katze *lief* neben ihr, *immer tiefer* mit den Pfoten im trockenen Sand *einsinkend*.

Zuvor war er ziemlich lange in völliger Einsamkeit durch die karge bleich Wüste *geirrt*, mit seinen rotbraunen Cowboystiefeln *immer tiefer* im Sand *einsinkend*.

Проведенные трансформации позволяют отнести процессно-узуальную модель в зависимости от способов действия личного глагола и причастия первого к грамматизованным и/или смешанным.

Более широко в немецком языке представлены модели аспектуально-таксисных отношений «одновременность процессов» конститuentами независимого таксиса. Причем в большинстве случаев отмечается употребление полипредикативных конструкций, аналогичных синтаксическим моделям, выявленным в русском языке:

неограниченно-кратная модель:

а) локализованная;

б) нелокализованная во времени:

а) *In den ersten Tagen...* sah Pawel Alexejewitsch in der durch Wandschirm abgeteilte Ecke des Krankenzimmers nach ihr und *spritzte* ihr eigenhändig Penicillin (20).

б) Doch der glatzköpfige Gynäkologe *ging jede Woche* ins Ministerium und *nervte* die Ministerin mit der immer gleichen Frage (36).

По представленному в немецком языке материалу можно говорить о неограниченно-кратных моделях локализованных/нелокализованных во времени, с указанием/без указания периодичности. В примерах дополнительные аспектуальные характеристики выражены лексически соответствующими маркерами «*in den ersten Tagen*» (временная локализация, строгие временные рамки функционирования одновременных событий); «*jede Woche*» (показатель фазовой детерминации событий).

Чтобы говорить о качественной характеристике маркеров, необходимо провести некоторые языковые трансформации, аналогичные примерам в русском языке. Соположение неперфектных временных форм флексивных глаголов может, но не обязательно, эксплицировать сему одновременности процессов [9, с. 74], в данном случае наличествует формула «претерит + претерит». Введение необходимых маркеров кардинально меняет временное отношение между событиями на отношения предшествования или следования, а также трансформирует нашу модель в ограниченно-кратную модель локализованную/нелокализованную во времени, с указанием/без указания периода повторяемости:

а) *In den ersten Tagen...* sah Pawel Alexejewitsch in der durch Wandschirm abgeteilte Ecke des Krankenzimmers nach ihr und *später spritzte* ihr eigenhändig Penicillin.

б) Doch der glatzköpfige Gynäkologe *ging jede Woche* ins Ministerium und *später nervte* die Ministerin mit der immer gleichen Frage.

Полученный результат подтверждает ограниченное употребление неперфектных форм для выражения одновременных событий, доминантная роль отводится лексическим и контекстуальным маркерам, что характеризует их как качественные, а неограниченно-кратную модель локализованную/нелокализованную во времени, с указанием/без указания периода повторяемости как неграмматизованную и/или смешанную.

В немецком инварианте, как и в русском, не было найдено парной оппозиции: неограниченно-кратная модель/ограниченно-кратная модель, но проведенный языковой эксперимент не отрицает их наличия и функционирования в речи. Переведа варианты неограниченно-кратной модели в парные варианты ограниченно-кратной и проведем тождественные трансформации, получаем следующий результат:

а) *In den ersten Tagen...* sah Pawel Alexejewitsch in der durch Wandschirm abgeteilte Ecke des Krankenzimmers nach ihr und *später spritzte* ihr *einmal* eigenhändig Penicillin.

б) Doch der glatzköpfige Gynäkologe *ging jede Woche* ins Ministerium und *später nervte einmal* die Ministerin mit der immer gleichen Frage.

Имея результат подобный результату при анализе неограниченно-кратной модели, получаем аналогичные выводы: лексические и контекстуальные маркеры характеризуются как качественные, а ограниченно-кратная модель локализованная/нелокализованная во времени, с указанием/без указания

периода повторяемости как неграмматизованная и/или смешанная.

Конstituенты независимого таксиса немецкого языка участвуют и при структурировании непрерывно-процессной модели:

- а) локализованной;
- б) нелокализованной во времени:

а) *Während des ganzen Gesprächs stand* Toma... Wintermantel und Schultasche in der Hand, und *wartete* auf die Entscheidung (86-87).

б) Jelena *saß* auf einer schmalen Holzbank hinter dem Kirchenschrein und *wartete* auf den Geistlichen (210). Sand *knirschte* zwischen seinen Zähnen und *scheuerte* unter den Kleidern (226).

Употребление неперфектных форм неопределённых флективных глаголов определённого образа действия указывает на непрерывность описываемых процессов, но не визуализирует их векторную направленность:

Während des ganzen Gesprächs stand Toma... Wintermantel und Schultasche in der Hand, und *friher wartete* auf die Entscheidung.

Jelena *saß zuerst* auf einer schmalen Holzbank hinter dem Kirchenschrein und *dann wartete* auf den Geistlichen. Sand *knirschte zuerst* zwischen seinen Zähnen und *dann scheuerte* unter den Kleidern.

Маркеры проявляют свойства качественного показателя, но не менее важны и упомянутые грамматические факторы в реализации семантики непрерывности и процессности, поэтому рассматриваемую модель можно отнести к неграмматизованным и/или смешанным.

Необходимо уточнить, в данной работе рассматривались модели, в которых предикатные актантные группы синтезированы с помощью глаголов и отглагольных форм несовершенного вида.

На основании проведенного анализа можно сделать некоторые предварительные выводы:

1) в русском языке частотность употребления конституентов независимого таксиса для передачи отношений одновременности процессов выше чем в немецком языке, количество представленных моделей; соответственно, больше;

2) в сегменте независимого таксиса представленные модели в русском и немецком языках являются грамматизованными и/или смешанными. Характеристика моделей зависит от способа действия личного глагола, глагольной формы и контекстуального окружения;

3) в сегменте независимого таксиса представленные модели в русском и немецком языках являются неграмматизованными и/или смешанными. Характеристика моделей зависит от способа действия личного глагола, глагольной формы, но в доминирующая роль отводится контекстуальному окружению.

In this article titled “The Relations of Simultaneusness” as the Version of Taxis Relations in the Russian and German Languages” the author deals with some peculiarities of the language realization of the taxis relations of simultaneousness. Several models of such relations are provided and characterized in the network of the functional grammar. The author focuses both on the ways of verb action, verb forms and the contextual environment.

The key words: functional grammar, functional and semantical field, taxis, simultaneousness, processuality, simultaneousness of processes.

Список литературы

1. Halliday M.A.K. The place of “Functional Sentence Perspective”. Prague, 1974. P. 48.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., Международные отношения, 1975. С. 17.
4. Fesjuk N.V. Zeit- und Raumaspekte in Franz Kafkas Roman *Das Schloss/ Das Wort*. DAAD, 1997. S.177 193.
5. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол// Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
6. Полянский С.М. Таксис Относительное время Эвиденциальность. <http://us.f338.mail.yahoo.com>. от 18.01.2006.
7. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
8. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализация. Таксис. Л., 1987.
9. Полянский С.М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка). Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ин-та., 1990.
10. Шелякин М.А. О моделировании функционально-семантической категории аспектуальности русского языка//Вопросы русской аспектологии. Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 625. Тарту, 1982. С.32 – 40.
11. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971.
12. Шомин А.Н. О месте неличных форм глагола в системе языка (На материале причастий 1 и 2 в современном немецком языке): Автореф. дис... канд. филол. Наук. М., 1969.
13. Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике. М.: Высшая школа, 1970.

Об авторе

Радченко Е.Н. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru

УДК – 408.8:371

ШКОЛЬНЫЙ ЖАРГОН В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

М.Ю. Россихина

Статья посвящена рассмотрению русского молодежного жаргона в диахроническом аспекте. Исследование проводится на материале письменных источников XIX - начала XX века. Выявляются особенности и пути пополнения исторического школьного жаргона.

Ключевые слова: словарь, язык, школьный жаргон, студенческий жаргон, лексикографический источник, исторический, заимствования.

Русский молодежный жаргон уходит своими корнями в далекое прошлое. Конечно, насколько нам известно, в предыдущие века не обнаружено специальных лексикографических источников, в которых он был бы зафиксирован. Но в художественной, мемуарной, исторической и эпистолярной литературе есть свидетельства существования «условного» языка учащейся молодежи. Этот условный язык в русистике принято называть «школьным жаргоном», хотя им пользовались учащиеся различных учебных заведений.

О существовании «условного» языка мы узнаем из воспоминаний бывших семинаристов (Н.Г. Помяловского, Е.В. Грязного), гимназистов (М.М. Пришвина, В.Г. Короленко), студентов (В.В. Вересаева, П.Д. Боборыкина), воспитанниц института благородных девиц (Л.А. Чарской, А.Н. Энгельгардт), а также из автобиографических произведений других писателей.

Одним из первых документов, где зарегистрирована субстандартная лексика учащихся, являются «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского, написанные им в 1863 году. В них представлены быт и нравы Петербургской духовной семинарии середины XIX столетия. Семинарии в то время носили закрытый характер, в них обучались мальчики в возрасте от восьми до семнадцати лет. Замкнутая, обособленная жизнь и воспитание, основанное на беспрекословном повиновении начальству, накладывали на бурсаков свой отпечаток. «В целом своем, - отмечал один из писателей XIX века, - семинаристы составляют совершенно самостоятельное общество, отдельное от всех других обществ и сословий. Они имеют свои, им только свойственные привычки, свои нравы и обычаи, свои игры, песни и шутки, свои предания и легенды, свой взгляд на вещи, свое общественное мнение и даже условный язык» [1, с. 68].

«Очерки бурсы» изобилуют лексикой, понятной лишь посвященным, например, *глядь* «глаза», *кальячить* «выпрашивать», *рождество* «лицо», *отчехвостить* «высечь», *наяривать* «действовать», *вздуть* «избить» и др. Чтобы обратить внимание на особую лексику, которой пользовались бурсаки, писатель выделяет ее другим шрифтом, а также объясняет значение некоторых слов, которые по его мнению, могут быть непонятны читателю. Ср.:

«Семенов хотел позавтракать, но горбушки не оказалось. Раздраженный постоянными столкновениями с товарищами, он обратился к ним со словами:

- Господа, это подло, наконец!
- Что такое?
- Кто взял горбушку?
- С кашей? – отвечали ему насмешливо.
- Стибрили?
- Сбондили?
- Сляпсили?
- Сперли?
- Лафа, брат!

Все эти слова в переводе с бурсацкого на человеческий язык означали: украли, а *лафа* – лихо!» [2, с. 34]

Видимо, воровство было там очень распространено, поскольку у бурсаков был целый ряд синонимов для обозначения этого понятия. Кроме упомянутых жаргонизмов *стибрить*, *сбондить*, *сляпсить*, *спереть* в значении «украсть» в «Очерках бурсы» употребляются также *спереть* и *стилибонить*. Отмечая своеобразие и оригинальность бурсацкого лексикона, Н.Г. Помяловский приводит такой пример:

«Замечательно, что в бурсе *Мазена* было ругательное слово, и, вероятно, основание тому историческое: но во времена нами описываемой бурсы из пятисот человек вряд ли пятеро знали о существовании *Мазепы*. Здесь это имя было нарицательное, а не собственное. По преимуществу называли *Мазепами* толсторожих. В бурсе все своеобразно и оригинально. [2, с. 76]

«Школяризмы» сопровождаются авторскими пояснениями и в других произведениях XIX века. Например: «*На задних скамейках дремали или готовили уроки из других предметов, а так называемые «битки» (последние по классу ученики), сидевшие на передних скамейках, немилосердно зевали, бессмысленно выпялив глаза на учителя, и радостно оживлялись, когда он прерывал на время свои объяснения, чтоб зарядить обе ноздри своего небольшого носа табаком.* (Станюкович, Маленькие моряки. Петербургский морской корпус, 1850г.) [цит. по 3, с. 49].

Свой язык в XIX веке имели и студенты. Исследования О.А. Анищенко показывают, что история формирования русского студенческого жаргона связана с Дерптским университетом. С 1802 по 1889 год преподавание в этом университете велось на немецком языке, студентами были уроженцы

России и Германии. Поэтому формирование студенческого жаргона проходило под влиянием немецкого языка. Об этом свидетельствуют заимствования из немецкого студенческого языка, такие как *буриш* «студент», *буришеский* или *буришикозный* «студенческий», *фукс* «студент первого семестра» *брандфукс* или *брандер* «студент второго семестра». Эти жаргонизмы упоминаются в воспоминаниях бывших студентов Дерптского и Киевского университетов [3, с. 290-291]. Немецкие заимствования встречаются и в составе смешанных русско-немецких выражений. Так, в мемуарах П.Д. Боборыкина об атмосфере Дерптского университета зафиксировано, по определению автора, шутивно-оскорбительное прозвище *Gelehrter* «ученый», услышав которое в свой адрес, студент обязан был вызвать обидчика на пивную дуэль. «*Это называлось*, - вспоминает писатель, приехавший когда-то в университет во имя науки, - *на ужасном немецко-русском жаргоне «закатить гелертера»*. Если *вдуматься, то такое отношение к учености, к культуре науки, совсем не так глупо и пошло. Под этим сидит такой ряд афоризмов: «в юности не напущай на себя излишней серьезности; лови момент, пой или смейся; учись, если желаешь, но на товарищеской пирушке не кичись своей ученостью, а то получишь нахлобучку»*» (П. Боборыкин, Воспоминания). [цит. по 3, с. 23]

Эти факты существования в XIX веке русского студенческого жаргона опровергают мнение Е.В. Горчаковой о том, что «в России фактически отсутствует фаза исторического студенческого жаргона» [4, с. 69]. Конечно, нельзя отрицать, что процессы формирования студенческого языка в Германии опережают подобные процессы в России. В России первый университет был открыт в 1755 году, а в Германии в это время уже были изданы первые словари буршеского языка. Поэтому, на наш взгляд, можно говорить о том, что русский исторический студенческий жаргон явление более позднее, чем немецкий, но ставить вопрос о его отсутствии неправомерно.

Забытые школяризмы далекого прошлого буквально «по крупицам» собирала О.А. Анищенко [1, 3]. В 2007 году был опубликован ее «Словарь русского школьного жаргона XIX века», что является, на наш взгляд, событием для русской жаргонографии.

Представленный в словаре жаргон раскрывает секреты социально-группового словесного творчества и проливает свет на забытые страницы истории различных учебных заведений дореволюционной России. Ко многим жаргонизмам даются авторские пояснения, приводятся сведения об этимологии слова. Например:

ГРАЧ Школьн. Шутл. Гимназист. По приезде домой я рассказал обо всем братьям и сестрам, которые позавидовали моему счастью; няня при этом объявила мне, что будет звать меня не иначе, как «красной говядиной» или «**грачом**» (клички гимназистов, чрезвычайно распространенные в то время) (М. Воронов, Детство и юность; Саратовская гимназия, 1850-е гг.) [3, с. 74-75].

ИУДА Семин. Презр. Ябеда, наушник. Давно наш класс знал, что в нем есть шпион (на нашем жаргоне он назывался **Иуда** или **наушник**), но кто он – мы узнать не могли до поры до времени (С. Сычугов, Записки бурсака; Вятское духовное училище, 1850-е гг.) [3, с. 113].

Во вступительной статье «Школяры и школяризмы в словарном освещении» В.М. Мокиенко, высоко оценивая материал, собранный автором словаря, дает беглый историко-этимологический, семантический, лексико-фразеологический, стилистический, лексикографический анализ труда О.А. Анищенко, показывая тем самым, насколько информативны словари такого типа. Наша задача не предполагает детальный анализ рассматриваемых словарей, но основные характеристики этих словарей мы попытаемся представить.

Что можно в этом отношении сказать о словаре О.А. Анищенко? Во-первых, как и словарь В.И. Даля, он во многом является фразеологическим словарем. В нем встречаются такие устойчивые словосочетания, как *отмеривание на фуражку* «удар по голове», *запалить дубину* «поставить двойку», *жать масло* «издеваться над новичком», *изрезаться в клочки* «отвечать плохо и мучительно», *выдать горячих блинов* «выпороть», *зубрить в долбяжку* «учить механически», *дать грушу* «больно ударить большим пальцем по макушке», *ни в зуб толкнуть* «не выучить урока», *отправить за ворота* «исключить из учебного заведения», *закатить гелертера* «вызвать на пивную дуэль за оскорбление».

Во-вторых, это *словарь русского языка*, в котором, по нашим наблюдениям, заимствования составляют лишь около 4%.

Если в словаре встречается иноязычная лексика, то указывается язык заимствования. Ср.:

БЕСТИЯ Семин. Пройдоха, пролаз, наглый мошенник, ловкий и дерзкий плут. Лат. *bestia* «зверь» [3, с. 48].

Следует отметить, что для исторического русского школьного жаргона так же, как и для немецкого характерны в основном латинские (*секуция* «телесное наказание», *вакация* «каникулы», *футур* «будущий студент»), греческие (*аксиосы* «волосы», *амартан* «ошибающийся»), французские (*жирандольки* «удары в бок», *амишка* «подружка», *парфетка* «послушная ученица») заимствования. Именно эти языки изучались в то время как иностранные. Во многих учебных заведениях изучался и немецкий язык, поэтому среди школяризмов того времени встречаются и слова немецкого происхождения (*штифель* «штоф водки», *кулей* «товарищ»). Словарь О.А. Анищенко содержит более 1000 лексических единиц, из которых около 4% составляют заимствования. Отметим, что жаргон учащихся в России XIX века подвергался влиянию того иностранного языка, который преподавался в их учебном заведении, поэтому семинарские заимствования в основном латинские и греческие (*амартан*, *оболтус*), институт-

ские – французские (*медамочки, дортуар*), студенческие – немецкие (*цук, коммерш*). К студенческим относятся также упомянутые выше заимствования из немецкого буршеского (*буриш, фукс*).

В-третьих, словарь школяризов во многом, как и словари литературного языка, отражает особенности исторического развития России, т.е. он в определенной мере тяготеет к словарям историческим.

Представляя особенности жаргонной речи учащихся разных учебных заведений, словарь О.А. Анищенко переносит нас в атмосферу бурс, кадетских корпусов, гимназий, университетов и институтов благородных девиц тогдашней России. Достаточно посмотреть на жаргонные наименования этих учащихся, среди которых встречаются слова, связанные с историческими реалиями того времени. Так, воспитанницы института благородных девиц именовались *институтка, катеринка, машер, машерочка, медамочка, монастырка, павлушка, патриотка, смолянка*; гимназисты *вареная говядина, гимназ. грач, красильщик, красная говядина, лягушка в кармане, сизяк, синяя говядина, синий пуп, штука-тур*; воспитанники военного училища *кадет на палочку надет, михайлон, павловец, павлон* и пр.

Примерных учеников в позапрошлом веке называли *башка, бонсюжешка, гинскдока, зотка, медальон, первак, первенец, первоартник, первый ученик в классе, сциенс, сцит, шиферница*, а неуспевающих школяров *бородач, безобедник, второгодик, камчатка, камчатник, кандидат, корова, несцит, проскриптор, чужестранка*.

Целый синонимический ряд существует здесь и для экспрессивных обозначений педагогов и воспитателей: *зверь, локомотив, мушник, тараканиус, амфибия, лукавый царедворец, классуха* и др.

В-четвертых, собранные в словаре школяризмы демонстрируют их яркую метафоричность, что свидетельствует об особом характере номинации жаргонных лексем.

Метафорика и юмор лежат в основе шутливо-иронических наименований даже для строгих наказаний, бытовавших в то время в учебных заведениях. Вот, например, названия ударов, наносимых школярам: *горчишник, жирандольки, пиво, устрица, фарфорка, шамайка, кокос, кукунька, грушиа, бляха, секунда*.

В состав словаря вошли и бытующие в школьной среде того времени прибаутки, поговорки. Например, *Богослов прикажи, философ распорядись, а ритор на посылочках* (популярная школьная поговорка, отразившая строгие иерархические отношения между учениками различных отделений) или *Скажи, какая у тебя линейка, и я скажу, какой ты педагог* – связанная с излюбленным методом воспитания – «посредством линейки» [3, с. 25].

Описанные О.А. Анищенко слова и выражения приближают нас к событиям далекого прошлого, помогают представить себе быт и культуру учащейся молодежи XIX века, понять ее психологию. Словарь ценен и с лингвистической точки зрения. В.М. Мокиенко в предисловии к словарю отмечает, что он «немало дает и для исследования школярского жаргона, и для более глубокого постижения литературного русского языка» [3, с. 12].

Свидетельства существования «условного» языка учащейся молодежи можно найти также в письменных источниках начала XX столетия. Здесь уместно привести часто цитируемый пример из работы Е.Д. Поливанова «О блатном языке учащихся и о «славянском языке революции», в которой он вспоминает, что в годы его учения, которые пришлись на начало XX века, среди его гимназических товарищей были в ходу разные специфические словечки: «Я помню, как нам во втором-третьем классе, напр., в голову не приходило употребить в разговоре между собою слово «угостить»: оно регулярно заменялось через «фундовать», «зафундовать», вместо «предприятие» или «задуманный план» всегда говорилось «фидуция»; совершенно не употреблялось и слово «товарищ», в таких, напр., случаях, как «он – хороший товарищ»: надо было сказать «кулей»; «хороший товарищ» – «штрам кулей» [5, с. 161].

Однако в отличие от XIX века, в начале XX столетия наблюдается тенденция к выходу молодежных жаргонов за рамки породивших их социальных групп. Как отмечает В. А. Салаяев, на смену жаргонам учащихся закрытых духовных семинарий и гимназий приходит более открытый, готовый к восприятию всего необычного, новый молодежный язык, носитель которого – фабрично-заводская молодежь и учащиеся школ 1-й и 2-й ступени. «Этот новый молодежный язык ... стал основой современного молодежного жаргона, о чем свидетельствует значительное число лексических, семантических и фразеологических совпадений, обнаруживаемых при сравнении молодежной лексики разных эпох» [6, с. 80-81].

Впервые молодежь как особая группа носителей языка определяется А.М. Селищевым в книге «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917-1926)», первое издание которой вышло в 1928 году [7]. Здесь автор выделяет ряд социальных и психологических критериев обособления молодежи, а также описывает особенности молодежного жаргона первой четверти XX века. Эти особенности состоят прежде всего в употреблении арготизмов в речи школьников и фабрично-заводской молодежи: «За стенами дома в значительной степени воздействуют на отдельных учащихся беспризорные. Некоторые школьники ... дружат с ними и перенимают их речевую манеру, жаргонные слова, которые воспринимаются ими (школьниками) как слова особой эмоциональной значимости» [7, с. 78]. Мнение А.М. Селищева разделяет другой видный лингвист начала XX века С.А. Копорский. В статье «О культуре языка и речи молодежи (20-е годы)», впервые опубликованной в журнале «Вестник просвещения» в 1927 году под названием «Воровской жаргон в среде школьников» мы читаем: «В последние годы слова из воровского жаргона получили широкое распространение среди школьников, которые используют их и на улице, и в школе, в устной и письменной речи, и в домашней обстановке.

Миграция жаргонизмов в язык школьников происходит легко: например, через беспризорников, которые имеют непосредственные контакты с воровской средой и несут эти слова в школу. Большую роль в распространении «блатной музыки» играют улица, базар, развлекательные учреждения, как, например, кинематограф, где встречаются люди разных слоев общества». [8, с. 91].

В то же время С.А. Копорский отмечает, что жаргонизмы попадают к школьникам в значительной степени «выветренными», утратившими специфически воровской профессиональный характер. Он считает, что в речи школьников воровской словарь очищается. Ведь ученик часто употребляет жаргонизмы, не зная их основного значения и вкладывая в них свое содержание, свои переживания, свои настроения [8, с. 92].

Интересен словарь, составленный автором в качестве иллюстрации к этой работе. Он насчитывает 28 словарных статей. В словарики представлены такие жаргонизмы и жаргонные выражения как *агалец* «мальчишка», *моська* «лицо, морда», *в доску* «совсем», *влипнуть* «попасться», *мура* «дрянь, мелочь», *на ять* «хорошо, здорово», *спулить* «сбыть», *кумпол* «голова», *кругом шестнадцать* «хорошо, ловко, правильно» и др.

В качестве иллюстрации приведем несколько словарных статей:

Афера – выгодная, незаконная сделка; обман, «плутня». «Ты на аферу-то не лезь!» «Афера» (с жестом или присвистом произносимое) означает: «врешь, не проведешь!»

Нечем крыть – слов нет, «заткнули (в споре)», нечем возразить. «Нечем крыть, так давай драться!» Трахт.: *Нечем крыть* – вопрос оставить без ответа.

Слизать – списать у товарища сочинение, узнать решение задачи, что-нибудь вообще переписать. Бытует и у воров в значении «сделать то, что делают другие по афере». Так, напр., москвичи завезли прием воровства с бросанием денег (жертва устремляется за брошенной ворами монетой, воры пользуются моментом и обкрадывают воз и пр., а ярославцы слизали).

Для некоторых слов А.С. Копорский указывает не только их значение в речи школьников, но и значения, с которыми они зарегистрированы в словарях В.Ф. Трахтенберга [9], С.М. Потапова [10] и В.И. Даля [11]. Так, например, жаргонизм *чесать* в речи школьников означает «бежать», а в словаре В.И. Даля и С.М. Потапова он встречается в значении «обманывать в картежной игре», лексема *шпана* имеет в школьном жаргоне два значения: 1) «воры, хулиганы, беспризорные»; 2) «компания, группа», в словаре В.Ф. Трахтенберга: *шпана* – «коренное население тюрьмы».

Для ряда жаргонизмов в словарики указываются словообразовательные гнезда, например, *буза*, *бузить*, *бузиться*, *бузотер*, *бузистый*; *пижон*, *пиженный*, *пижонить*. Самое крупное словообразовательное гнездо (12 единиц) образует здесь жаргонная лексема *нача* со значением «воровство, обман, ложь, задиранье, шутка над товарищем»: *подначка*, *занычка*, *занаचितь*, *отначить*, *подначить*, *заначивый*, *проначить*, *проначиться*, *сначить*, *начить*, *выначить*.

А.С. Копорский пишет, что отдельные жаргонизмы, с которыми были знакомы школьники, но которые им в сущности не были нужны, быстро исчезли из их речи. Это такие слова, как *арелики* «деньги», *балчик* «базар», *забуреть* «заязниться» и др. «Дольше всего держатся слова, которые обозначают явления и факты, близкие жизни школьника: *лягнуть* (наябедничать), *дворник* (дежурный), *засыпаться* (попасть в беду, получить неуд), *загнуть* (соврать) и др. Распространены еще слова – названия чувств, настроений, обозначающие человеческие отношения; ругательства, угрозы и т.д.» [8, с. 96]. Отметим, что большая часть лексики, представленная А.С. Копорским в качестве иллюстрации к статье «О воровском жаргоне и о бытовании его в школьной среде» [8, с. 93-96] зарегистрирована в словарях молодежного жаргона XXI века в тех же или иных значениях.

Наше исследование доказывает, что молодежный жаргон в русском языке нельзя считать неологическим явлением, поскольку свидетельства его существования встречаются уже в письменных источниках, изданных более ста лет назад.

The article deals with the examination of the Russian youth jargon in the diachronical perspective. The analysis is carried out on the material from written sources of XIX – the beginning of XX century. Particular features and the ways of expansion of the historical school jargon are revealed.

The key words: dictionary, language, school jargon, student jargon, lexicographical source, historical, borrowings.

Список литературы

1. Анищенко О.А. Из жизни семинарской / О.А. Анищенко // Русская речь. 1997. № 2. С. 66 - 71.
2. Помяловский Н.Г. Очерки бурсы / Н.Г. Помяловский. Л.: Худож. лит., 1971. 190 с.
3. Анищенко О.А. Словарь русского школьного жаргона XIX века / О.А. Анищенко. М.: ЭЛ-ПИС, 2007. 368 с.
4. Горчакова Е.В. Сопоставительное исследование молодежного социолекта русского и немецкого языков (социолингвистический и лингвокогнитивный аспекты): дис. ... канд. филолог. наук / Горчакова Евгения Валентиновна. Томск, 2002. 175 с.
5. Поливанов Е.Д. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции / Е. Д. Поливанов // За марксистское языкознание. М., 1931. С. 161-172.
6. Саляев В.А. О социальных диалектах в русском языке / В.А. Саляев // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 78 - 84.

7. Селищев А.М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926) / А.М. Селищев. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УСССР, 2003 248 с.
8. Копорский С.А. О культуре языка и речи молодежи (20-е годы) / С.А. Копорский // Русская речь. 1990. № 1. С. 88 - 97.
9. Трахтенберг, В.Ф. Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы) / В.Ф. Трахтенберг; под ред. и с предисл. И.А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.: Типография А.Г. Розена, 1908. – 116 с.
10. Потапов С.М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / С.М. Потапов. М.: Народный комиссариат внутренних дел, 1927. 196 с.
11. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: ТЕРРА, 2000. Т.1. 912 с.; Т.2. 1024 с.

Об авторе

Россихина М.Ю. – кандидат филологических наук, старший преподаватель Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru

УДК – 408.7

СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕГО РОДА В БРЯНСКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ)

Ю.В. Седойкина

В статье анализируется суффиксальный способ словообразования диалектных наименований лиц общего рода на материале словарей брянских говоров, проводятся сопоставления с аналогичными процессами в других говорах и в литературном языке.

Ключевые слова: словообразование, лексема, диалект, суффиксальный способ, суффикс.

Имена существительные со значением лица призваны охарактеризовать человека как субъекта общественных отношений и как носителя отличительных качеств. В коллективной монографии «Языковая номинация» (Виды наименований) указывается, что «... в разряде имен выделяются три класса: характеризующие (имена нарицательные), индивидуализирующие (имена собственные), квантитативные знаки (количественные числительные)» [1, с. 37]. В нашей статье мы рассмотрим только характеризующий класс – имена нарицательные.

Тематическая группа «Наименование лиц» включает признаки, служащие основой для объединения наименований лиц в одну тематическую группу. По мнению А.С. Белоусовой, это признак предметности, включающий названия лица в категорию имени существительного, признак конкретности, вводящий эти слова в группу конкретных имен существительных, а также признак лица, формирующий тематическую группу «наименования лиц» [2, с. 74].

Что является более существенным признаком: указание на внутренние черты человека или на внешние качества человека? Возможно, в каждой ситуации и каждом конкретном случае важным оказывается различный признак.

Поскольку человек находится в центре внимания современной, антропологической лингвистики, его именованья в сфере народной речи представляют, несомненно, научный интерес.

Одной из актуальных проблем в лингвистике является комплексное исследование диалектного словообразования как объект систематического изучения в плане описания фактического материала, изучение своеобразия диалектной системы, противопоставленной литературному языку, как одной из форм существования общенародного языка.

А.С. Герд справедливо отмечает, что специфика диалектного словообразования на уровне отдельных говоров, диалектов заключается не в наличии в них каких-либо экзотических моделей, суффиксов или приставок по отношению к литературному языку или другим диалектам, а, во-первых, в соединении суффиксов с теми основами, с которыми они не сочетаются в языке литературном или в других диалектах. Во-вторых, эта специфика выражается в относительной свободе образования индивидуальных, часто неустойчивых временных образований под влиянием отсутствия строгой нормы, характера разговорной речи и пр. [3, с. 47].

Материалом нашего исследования послужили лексикографические источники по брянским говорам: «Словарь народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева, в котором собрана диалектная лексика западных районов области, «Словарь брянских говоров», созданный учеными Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена, «Брянский областной словарь», составленный коллективом ученых Брянского госуниверситета имени академика И.Г. Петровского.

В данной работе брянские говоры мы сопоставляем с литературным языком, поскольку изучение лексики народного говора или говоров, как отмечает И.А. Осовецкий, в сопоставлении с лексикой литературного языка – это изучение близкородственного, но не тождественного материала, объединенного в системы. Это придает их сопоставлению специфический характер, потому что многие из сопо-

ставляемых языковых фактов литературного языка и говора представляет собой не результат имманентного развития, а сформировались под влиянием либо литературного языка, либо говоров [4, с. 32].

Некоторые имена существительные с окончаниями *-а, -я* способны служить экспрессивными названиями лиц и мужского, и женского пола, т.е. существительные общего рода. Имена существительные общего рода являются эмоционально окрашенными словами, имеют ярко выраженное оценочное значение, употребляются, главным образом, в разговорной речи. Рассмотрим имена существительные с суффиксами общего рода, общими для литературного языка и брянских говоров. Они образуются с помощью суффиксов: *-ак, -л, -яг, -уг, -юг, -ыг, -к, -ук, -с, -х, -ох*.

К существительным общего рода, употребляемые в современных брянских говорах, относятся слова: *балаболка, гуляка, жевака, ашарашка, ворюга, жадюга, доходяга, бродяга* и др. Рассмотрим слова, функционирующие в брянских говорах с суффиксами, служащими для образования наименований лиц общего рода.

Суффикс *-к*. Посредством суффикса *-к* в литературном языке от основ глаголов, имен прилагательных и имен существительных образуются слова, обозначающие лиц общего по характерному признаку, действию или образу деятельности, чаще с оттенком осуждения [5, с. 160].

Балаболка, образованная от существительного мужского рода *балабол* – «болтун» посредством суффикса *-к*, в современном литературном языке относится к существительным, которые называют мужчину или женщину, любящих заниматься пустой болтовней, пустомелю [6, с. 34]. В ССРЛЯ – с пометой «просторечное» 1. Мелкая вещица, привешиваемая в качестве украшения (висюлька, кисточка, подвеска к серьгам и т.п.), гремушка. 2. м. и ж. Болтун, пустой человек [7, I, с. 250]. Данное слово находит отражение в диалектах во втором значении [8, I, с. 26]. В.И. Даль отмечены схожие с литературным значения *балаболки* – «то, что болтается, висюлька, подвеска, мелкая вещица, привешиваемая для прикрасы, повислый цветок, особый колокольчик», а также (с пометой «областное») – шатун, потаскун, висляй [9, I, с. 40]. Вместо первоначального *болоболка* в результате развития аканья закрепилось написание на письме [10, с. 33].

Слово *жевака*, образованное от основы инфинитива глагола *жевать*, называет в брянских говорах мужчину или женщину, которые с трудом пережевывает пищу. *Во жывака старья, жув, жув, никак ни ражжув*. Клим. + Почеп. [8, V, с. 62]. В современном литературном языке данная лексема не нашла своего отражения. Это подтверждает отсутствие ее в ССРЛЯ и в СОШ.

Лексема *гуляка*, также образованная посредством суффикса *-к* от основы инфинитива глагола *гулять*, называет мужчину или женщину, которые живут праздно и разгульно [6, с. 145], а также тот, кто любит гулять, человек, склонный к разгулу, к гульбе, кутила [13, III, с. 482]. В брянских говорах, кроме общенародного значения, у слова *гуляка* выделены другие значения – «не только тот, кто живет беспечно, беззаботно, относится ко всему без должной серьезности» (*Кто ведёт распутный образ жизни, у нас завут гуляка* Тр. Ратушино), но «так называют в хозяйстве молодую лошадь, а также домашнюю птицу, которая не несет яиц и не выводит птенцов» [8, IV, с. 69]. В.И. Даль приводит к лексеме *гуляка* широкий синонимический ряд: *гулень, гуляй, гулятьяй, гультай, гуляла, гулялка, гулява, гулена* [9, I, с. 407]. В словарях литературного языка находим только синонимичные *гулёна* («любитель, любительница гулять»), *гультай* («то же, что гулёна, гуляка») [7, III, с. 482].

Слово *ашарашка* в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой не зафиксировано. В Словаре брянских говоров оно отмечено в значении «грубый необузданный человек» с оттенком просторечности. *Ашарашки да и фсё, грубиян, разбить, разламать, хоть старьий, хоть маладэй – ашарашки*. Пог. Чаусы. *Чилавек плахова навиденья – это ашарашка*. Ун. Писаревка [8, I, с. 22]. Известно слово и в других говорах: в пензенских говорах так называют большой кусок чего-либо, а также глупого человека; в донских говорах – плохо одетый, оборванный, грязный человек [11, XVII, с. 46].

Суффиксы *-уг, -юг*. Посредством данных суффиксов от основ имен существительных, имен прилагательных и глаголов обычно образуются имена существительные общего рода, обозначающие лиц по их действиям, признакам, с презрительно-увеличительным оттенком [5, с. 157]. Так, в брянских говорах, как и в литературном языке, *ворюга*, образованное от существительного *вор* – «человек, который ворует, преступник, занимающийся кражами». В старину так называли изменников, злодеев [6, с. 97]. *Он такой варюга*. Тр. Радугино. *Нима таких-ть варюгьф младежы*. Тр. Дольская. *У-у, варюга праклятья*. Тр. Удолье [8, III, с. 51]. На Дону в таком же значении известно синонимичное *воряга*, называющее вора [12, с. 87].

Жадюга, жаднюга, образованное от имени прилагательного *жадный*, в говорах и в литературном языке обозначает «жадный, скупой человек». *Жадина Кузьма, харашио жыве, а лёду зимой ни выпрасишь*. Ком. *Дык яна жадюга, дайжа нявесцы пажалела, ни то што мне*. К-г. [8, V, с. 57]. Синонимичны лексемы *жадѣба и жадоба* – м. и ж. То же, что жадина. *Кто усѣ себе таишыть, усѣ яму нада, таго жадѣбай завутъ*. Тр. [8, V, с. 57]. *Жадѣба и жадоба* – м. и ж. Жадный человек; жадина. *И таких жадѣп у нас чирис адного*. Мгл. [13, 102].

Лексема *волочуга* известна только в говорах в значении «гуляка» с пометой неодобрительности. *День дома нима, пришоу валачуга на начь глядя дамой*. Пог. [13, с. 54].

Число слов в общенародном языке, образованные с помощью этого суффикса, ограничено, и все они носят просторечный характер (*жаднюга, ворюга, подлюга, зверюга, плачуга*).

Посредством суффикса *-яг*, как подчеркивается в РГ-80, от основ имен существительных, имен прилагательных и глаголов образуются имена существительные общего рода, обозначающие лиц по их признакам и действиям, в одних случаях с эмоциональной окраской, в других – с оттенком презрения [5, с. 157].

Так, в современном литературном языке *доходягой* называют обессилевшего, изможденного человека [6, с. 178]. *Доходяга* в брянских говорах имеет значение - «болезненный, хилый человек», носит оттенок просторечности. *Даходяга – худющий, тощий*. Дят. Однако в брянских говорах, вместе с тем, подчеркивается, что часто к ним относят «очень старых, малосильных людей». *Даходяги ани, работать некаму, как даходяги памрутъ*. Кар. [8, V, с. 35]. Это значение в местных говорах расширено. Семантическое различие слов *больной* и *старый* в брянских говорах в значительной степени стирается, что не является примером точности семантики слов в живых говорах.

В литературном языке и в говорах Брянщины известны лексемы с суффиксом *-яг*: в современном литературном языке *бродягой* называют обнищавшего, бездомного человека, скитающегося без определенных занятий, человека, который любит странствовать, жить в разных местах, а также о ком-нибудь, заслуживающем удивления [6, с. 60]. В брянских же говорах *бродяга* – «человек, не имеющий постоянного места жительства и определенных занятий». *А-а, бродяга, таскаецца, прыюта нет, ня хоче прыютицца ни к какой работе, пусьтилъ в алкаголь*. Пог. Суворово [8, II, с. 12]. Значение в брянских говорах сужается.

Лексема *блудяга* не известна литературному языку. В СОШ находим только лишь форму женского рода *блудница* – распутная женщина с пометой «старинное». В.И. Даль отмечает слово *блудяга* в значении «шатун, бродяга» [9, I, с. 99]. Слово *блудяга* в брянских же говорах называет как мужчину, так и женщину распутных, развратных. *Как мушшына блудит на бабах – блудяга называют, и пра женишыну скажут блудяга*. Тр. Кветунь. *А муш мой блудяга*. Сев. Марицкий Хутор [8, I, с. 61]. В украинском языке *блудяга* синонимично *бродяге* [14, I, с. 76]. В русских говорах Белоруссии значение данной лексемы расширяется: это человек, не любящий трудиться, а также человек, который не имеет своего крова [6, с. 12]. Тип продуктивен в разговорной речи (*бродяга, деляга, работяга, трудяга*) и просторечии (*доходяга, нудяга*) [5 с. 157].

Суффикс *-аг*. Имена существительные общего рода с данным суффиксом в литературном языке называют лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом. В литературном языке с пометой «прост.» *бедалага* – бедняга, неудачник [6, с. 39]. В брянских говорах называют горемыку, беднягу, несчастного, незащитного человека. *Бедалага, никто за ее ни заступница*. Почеп. Рудня. *Ех, ты бедалага*. Севск. *Да там таки бедалаха, што не знаеши, чым и памоч ему* [15, с.51], а также одинокую женщину, которая не имеет мужа, вдову. *Мы тут усе бедалаги, нима ш мужыка, вот анна адна бедалага, дъ у нас тут усе бизмужычы*. Тр. Манцуrowo. *У нас еще ш многа этих бедалак, вдовы ш усе, мужыкоф нет, дровы нъ сибѣ тянуть, усе сами*. Тр. Манцуrowo [8, I, с. 38].

Посредством суффиксов *-л* от глагольных основ неопределенной формы образуются имена существительные общего рода, обозначающие лиц, которые постоянно или обычно выполняют действия, названные в основе. Существительные с суффиксом *-л* по формальному и семантическому признакам группируются в литературном языке в два подтипа: «лицо – субъект действия», названное по характерному обычно выполняемому действию, с экспрессией неодобрения, «лицо, названное по профессии или занятию», а также «орудие, приспособление для производства действия» [5, с. 150]. Лексема *обдирала* в современном литературном языке, по данным «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, синонимична лексеме *обирала* – это человек, который обирает кого-нибудь, бессовестно отнимает что-нибудь у кого-нибудь. Данное слово зафиксировано с пометами «просторечное» и «презрительное» [6, с. 42]. В Словаре П.А. Расторгуева аналогичное значение [15, с. 27].

Слово *верзила* с литературном языке называет высокого и нескладного человека с пометой «разговорное» [6, с. 74]. В.И. Даль отмечает аналогичное значение: рослый, но неуклюжий человек, оглобля [9, I, с. 181]. В брянских говорах иное значение. Так называют мужчину или женщину, говорящих ерунду, нелепицу. *Апять вярзила балтаит што зря*. Кар. Верхополье + Тр. Кветунь [8, II, с. 45].

Таким образом, среди наименований лиц мы выделили слова с суффиксами, общими как для литературного языка, так и для брянских говоров (*балаболка, гуляка, ворюга, жадюга, доходяга, бродяга, верзила*), и слова, характерные только для местных говоров (*жевака, ашарашка, волочуга, блудяга*). Примечательно, что в изучаемых говорах обнаружено слово, в значениях которого совмещен общий и женский род (*бедалага*). Анализ показал, что большинство наименований лиц общего рода в брянских говорах характеризуется негативной коннотацией (*балаболка, доходяга, гуляка, обдирала* и мн. др.).

The article analyzes the way educational suffixation dialect names of persons general king on the material dictionaries of Bryansk Dialects, a comparison with similar processes other dialects and literary language.

The key words: formation, token, dialect, suffixal method, suffix.

Список литературы

1. Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977.
2. Белоусова А.С. Русские имена существительные со значением лица // Вопросы языкознания. 1981. № 3.
3. Герд А.С. Из словообразования брянских говоров (имена существительные с суффиксами с детерминативом –г-) // Брянские говоры: сборник статей. Л., 1975. С. 47- 55.
4. Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982.

5. *Русская грамматика*: В 2-х тт. М., 1980 РГ, 80.
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2001 СОШ.
7. *Словарь современного русского литературного языка*: В 17 томах. М.: АН СССР, 1950-1965 ССРЛЯ.
8. *Словарь брянских говоров* / Составители: Т.Г. Аркадьева, Т.А. Бабешкина, А.С. Герд и др. - Вып. 1-5 Л., 1976 1988 СБГ.
9. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. М.: Русский язык, 1978-1980.
10. *Шанский Н.М.* Краткий этимологический словарь. М., 1975.
11. *Словарь русских народных говоров* / Под ред. Ф.П.Филина, Ф.П. Сороколетова М.-Л.: Наука, 1965 - 2002. Вып. 1-35 СРНГ.
12. *Большой толковый словарь донского казачества*. М., 2003 БТСДК.
13. *Брянский областной словарь* / Под ред. Н.И. Курганской. Брянск, 2007 БОС.
14. *Словарь украинского языка* / Под ред. Б.Д. Гринченко. Т. 1-4 Киев, 1907 1909 СУЯГ
15. *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного запаса говоров. Минск, 1973 СР.

Об авторе

Ю.В. Седойкина – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, julchik-sed@bk.ru

УДК – 413

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА В РУССКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ОБРАЩЕНИЙ К ИЗБИРАТЕЛЯМ В. МАТВИЕНКО И Х. КЛИНТОН)

Е.С. Храброва

Проведенный в статье лингвистический анализ предвыборных обращений В. Матвиенко и Х. Клинтон позволяет из основных концептов, формирующих когнитивный уровень изучаемых языковых личностей, выделить отдельные фреймы и показать, каким образом используемые политиками языковые средства, стилистические приемы, морфемный арсенал и другие возможности языка способствуют достижению кандидатами поставленных политических целей.

Ключевые слова: *политический дискурс, предвыборный дискурс, языковая личность, дискурсивный портрет, концепт, фрейм.*

Одной из основных целей политической коммуникации является создание образа определённого политического деятеля, посредством которого «в социум транслируется информация, выгодная для политика и того института, который он репрезентирует» [1, с. 54]. При этом используются вербальные и невербальные средства воздействия, в результате чего формируется привлекательный для политика политический имидж.

Политический имидж является основным инструментом воздействия жанра **политического портрета** на избирателей, который служит «для наиболее полного (концентрированного) печатного воплощения его имиджа, являясь средством формирования имиджа в контексте избирательной кампании» [2, с. 50].

В качестве характерных особенностей политического портрета как вполне сформировавшейся жанровой единицы можно отметить: объёмность и законченность передаваемой при помощи политического портрета информации о политике; эффективность и полноту публичного представления кандидата.

Дискурсивный / риторический / речевой портрет политического деятеля является одним из типов политических портретов, наряду с политико-идеологическим, политико-психологическим, ассоциативным портретом, политической биографией.

Процесс создания дискурсивного портрета политического деятеля в политическом дискурсе невозможен без обращения к понятию языковой личности, поскольку раскрытие характеристик личности можно осуществить «по результатам её текстовой деятельности» [3, с.9], ибо способность самого политика правильно и объективно описывать сложившуюся политическую ситуацию представляет особую важность для имиджелогии.

Под языковой личностью мы, вслед за Ю.Н. Карауловым, соединившим в своей дефиниции способности человека и особенности порождаемых этой личностью текстов, будем понимать «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведе-

дений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точноcтью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [4, с. 3].

Основу модели описания дискурсивного портрета политического деятеля, по мнению исследователей [4; 3], составляют 3 компонента – речевой (вербально-грамматический, стилистический), содержательный (лингвокогнитивный, тезаурусный, композиционный) и мотивационный (прагматический, тематический). Мотивационный уровень в структуре языковой личности образует «система целей, мотивов, интенциональностей, связанных с коммуникативной деятельностью языковой личности» [4]. Единицами, образующими содержательный компонент речевого портрета, являются «концепты, используемые в функции речевых слов, модель настоящего, модель прошлого» [5, с. 23]. На стилистическом уровне анализа языковой личности должны учитываться риторические характеристики речи политика, а также «особенности воплощения дискурсивного замысла» [4, с. 10].

Целью настоящего исследования является создание дискурсивных портретов женщин-политиков В. Матвиенко и Х. Клинтон. Материалом для анализа послужили тексты предвыборных выступлений В. Матвиенко (кандидата на пост губернатора Санкт-Петербурга 2003 г.) и Х. Клинтон (кандидата в Президенты США 2008 г.)

Предвыборный дискурс является разновидностью политического дискурса, лежит на его периферии и пересекается с рекламным дискурсом и дискурсом масс-медиа. Он справедливо трактуется как «деятельность, локализацией которой выступает время и пространство избирательной кампании, и возникающие в результате этой деятельности речевые произведения в единстве с экстралингвистическими факторами, актуализирующими социокультурный контекст коммуникации» [6, с. 10],

По мнению Н.Г. Левшиной [7], перед участниками предвыборного дискурса стоят следующие коммуникативные задачи: установление тесного контакта и доверительного отношения избирателей к кандидату; ненавязчивая демонстрация кандидатом своих черт и выстраивание своего имиджа; дискредитация конкурирующих кандидатов и пробуждение недоверия к ним. Все эти задачи были реализованы в предвыборных обращениях В. Матвиенко и Х. Клинтон и составили **прагматический компонент** их языковой личности.

Так, например, для установления доверительных отношений с избирателями и убеждения их в правоте своей позиции В. Матвиенко и Х. Клинтон используют приемы прямого обращения к аудитории, постановки вопросов. В результате дискурс кандидата становится диалогичным, а потенциальный избиратель ощущает себя не мишенью предвыборных технологий, а равноправным участником политического процесса (*уверяю вас, поверьте, поймите, не будем забывать, но давайте спросим себя; you know, don't you believe, first let me tell you*).

Вышеуказанную функцию в выступлениях Х. Клинтон выполняет также наличие большого количества показательных примеров из истории собственной семьи, что нивелирует дистанцию между политиком и народом (*He [My father] began to say, "You know what? Your mother and I saved until we could buy our house. We saved until we could buy a car. We saved. And now my government's going into debt."*)

Кроме того, Клинтон рисует картинку, в которой каждый может узнать себя (*When your sick child asks, "can I see a doctor," and you can't bear to answer*), ведь простому американцу мало интересны макро- и микроэкономические показатели, его интересует, как кризис отразился на его семье, ибо ментальность Запада такова: мой дом – моя крепость. Вот почему в речи Х. Клинтон частотными являются выражения *average families, every single American, every family*.

В этом отношении выступления В. Матвиенко явно проигрывают, ибо, несмотря на все попытки «перейти к сути дела», о чем она во время дебатов не раз говорила своему оппоненту А. Марковой, в ее речи, по словам той же А. Марковой, «столько демагогии, столько описаний вопросов, и нигде нет ответа, как все это сделать».

Для дискредитации оппонентов использовались как недвусмысленные намеки и обвинения в нечистоплотной деятельности (*Я не тратила свои деньги, как некоторые кандидаты, на изготовление фальшивых листовок, лживых. Вот это грязные деньги*), так и более «тонкие» приемы.

К последним можно отнести большое количество случаев антитезы, в которой резко противопоставляются сомнительные достижения предшественников и радужные перспективы, которые ожидают избирателей в случае «правильного» выбора.

В речи Х. Клинтон при дискредитации оппонента довольно часто используется игра слов. По мнению американских политологов, именно игра слов, наряду с антитезой, повторами, рифмовками и эмоционально заряженными словами, является одним из наиболее действенных приемов создания удачной с точки зрения воздействия на аудиторию речи.

В большинстве случаев игра слов имеет метафорическую основу (*If your candidacy is going to be about words, they should be your own words. Lifting whole passages is not change you can believe in, it's change you can*

Xerox). А блестящее высказывание Х. Клинтон *It takes a Clinton to clean up after a Bush* (Требуется кто-то из Клинтонов, чтобы убрать за кем-то из Бушей) было признано шедевром политического речетворчества.

Анализ **тезаурусного (лингвокогнитивного, содержательного) компонента** языковой личности В. Матвиенко и Х. Клинтон позволил выявить ключевые слова и основные концепты, формирующие когнитивный уровень этих языковых личностей.

К ключевым словам в предвыборных выступлениях В. Матвиенко можно отнести следующие: *трудная задача, риски, культурная, инвестиционная столица, сделаем, строить*. Повтор вышеуказанных лексических единиц выполняет функцию убеждения: несмотря на обилие проблем, с которыми столкнулся город, кандидат на пост губернатора полна сил, чтобы справиться со всеми и проблемами и поднять город на Неве до тех высот, которых он достоин.

Сходную функцию выполняют ключевые слова и в речи Х. Клинтон. Слова и выражения *commitment, Great Depression, crisis, deterioration, deteriorate, threat, challenge, tragedy, roll up my sleeves* рисуют картину разрухи, экономического застоя, болота, из которого Америку может вытащить только сильный, уверенный в себе кандидат, коим она себя и позиционирует.

Концепт, представляющий собой сложное ментальное единство, воплощается посредством фреймов, специфических образований, в результате актуализации которых происходит более эмоциональное восприятие действительности. Характерными фреймами предвыборного дискурса В. Матвиенко и Х. Клинтон является дихотомия следующих типов:

1) «законность vs. беззаконие» (*Это средства незаконные. Мои же законные средства, которые я законно использовала, были потрачены на то, чтобы донести до избирателей мою программу, мое видение развития города*);

2) «конфронтация vs. сотрудничество» (*нужно сотрудничество - открыть Петербург стране, мы часть России, открыть миру, открыть Европе. А это очень важно, чтобы в городе был мир и покой, не было противостояния, не было противоборства, которое было все последние годы*);

3) «реальные действия vs. бездействие, политика “очковтирательства”» (*Можно констатировать, что в нашем городе произведен запуск реальной, а не декоративной реформы жилищно-коммунального хозяйства. Наша тактика - это прорыв, а не убаюкивающая неторопливость. И это не красивая фраза, которую торжественно произносят, а потом забывают после первых же трудностей. Мы реалисты*);

4) «обособленность власти и ее безразличие к народу vs. сотрудничество и партнерские отношения» (*Власти стараются не замечать своих обязанностей, а жители стараются не замечать, что творится за дверями их квартир. Мы призываем петербуржцев переходить от стороннего наблюдения, от ворчания на кухне к совместным с нами действиям // President Bush really wanted to divide America, unfortunately. I regret that deeply. There's a lot we can get done if we're working together*).

В выступлении Х. Клинтон для усиления манипулятивного воздействия и убеждения электората в том, что смена политического курса жизненно необходима, антитезы объединяются в целые кластеры (*More economic stagnation ...and less affordable health care. More high gas prices ...and less alternative energy. More jobs getting shipped overseas ...and fewer jobs created here. More skyrocketing debt ...home foreclosures ...and mounting bills that are crushing our middle class families. More war . . . less diplomacy. More of a government where the privileged come first ...and everyone else comes last*).

В процессе анализа особенностей речевого поведения В. Матвиенко и Х. Клинтон (стилистический уровень анализа языковой личности) мы выявляем некоторые особенности и функции персональной речи, тактико-стратегический комплекс и набор коммуникативных ходов, активно используемых в политическом дискурсе этих политиков, анализируем характер употребляемой ими лексики – эмоционально окрашенной, сниженной, роль повторов и клишированных оборотов в качестве воздействующих средств в монологический и диалогических высказываниях политиков, обращаем внимание на предпочтения в сфере речевых жанров, а также на способность к созданию новых политических терминов (лингвокреативность) при характеристике политической действительности, а также на использование метафорических способов номинации.

Анализ стилистической составляющей структуры языковой личности В. Матвиенко и Х. Клинтон позволяет сделать вывод о том, что предвыборный дискурс кандидатов насыщен оценочными суждениями, экспрессивной и образной лексикой (*с болью в сердце, беспрецедентная программа, только слепой может не заметить, огульная критика, изуродованные лифты, историческая миссия, удручающая картина, нелепые слухи, разруха, увы, стыдно, свет в конце тоннеля, гадание на кофейной гуще, латание дыр // tragedy, devastation, Why on Earth, enormous losses, the most dramatic deterioration in history, outraged, terrific partner, turn a blind eye, stand on a trap door, build a solid next egg, to roll up our / my sleeves*).

Использование в выступлениях большого количества политических, экономических, технических терминов (*законодательное поле, менеджмента управления, рычаги управления, регион-донор, коридорах власти, "подушку безопасности", секвестрировать, субсидировать процентную ставку,*

инвестиционный пейзаж, бюджетные ассигнования, энерговооружённость домов, вектор потребления, нанотехнологии, дноуглубительные работы // *balanced budget and a surplus, derivative, the tax loopholes, tax relief, sovereign wealth funds*), должно свидетельствовать об осведомленности кандидатов в этих вопросах и соответственно воздействовать на довольно значительную часть электората.

Тексты выступлений содержат большое количество стилистических приемов и выразительных средств, одним из наиболее частотных и «действенных» из которых является повтор (ключевых слов, выражений, синтаксических конструкций, префиксов и частиц с негативной оценкой):

Пришло время строить - новые школы, больницы, театры, оздоровительные и спортивные центры. И не просто строить, но и оснащать их по канонам 21 века, обеспечивая петербуржцам стандарты услуг европейского качества. Мы поставили перед собой трудную, не скрою, очень трудную задачу.

Why should we be satisfied with our current system, a system in which a mother who chooses to stay home and raise her children misses out on savings opportunities that others can access? Why should we be satisfied with a system in which starting your own business means passing up employer-sponsored retirement benefits? Well, I'm not satisfied.

Санкт-Петербург не может, не имеет права не быть лучшим в России. Я никогда в жизни никому не завидовала, не знаю, что это за чувство такое. Никого не предала, никому не сделала подлости.

This is unconscionable, it is intolerable and it is time to put an end to it.

Также в предвыборном дискурсе кандидатов широко актуализируется потенциал метафоры (часто развернутой).

Модернизация экономики сравнима с автомобилем. Есть четыре колеса: растущий бюджет, инвестиции, инновации, использование потенциала Петербурга. К сожалению, сейчас в полной мере работают только передние колеса. На такой "экономической машине" до европейских стран не доехать.

The next president will be a steward of our economy at a time when the bills from eight years of neglect and mismanagement will be coming due. The next president will have to turn around our nation and our economy.

Яркие «картинки» в сознании избирателей рисуются, благодаря наличию в тексте предвыборных выступлений большого количества случаев антитезы, которая помогает кандидатам наглядно продемонстрировать, что неприглядное «до» может стать светлым и счастливым «после», разумеется если избиратель сделает единственно «верный» в данной ситуации выбор.

Кроме исторического центра с дворцами, набережными, садами и храмами, с жемчужинами Петродворца, Павловска и Пушкина, есть советские окраины с хрущевками и безликими домами-коробками.

For six long years, the middle class in our country has been as though it were invisible to their president. You know, if you're working hard, you're paying your bills and you have nothing left over to save at the end of the month, you're invisible. Well, you're not invisible to me. And when we take back the White House, you will no longer be invisible to the president of the United States.

Роль градации в создании яркой, эмоциональной предвыборной речи также трудно переоценить: *Старая советская система полностью себя изжила, скажу больше – дискредитировала // And this plan isn't just my plan. It's the product of hundreds of discussions with thousands of people. We're working harder than ever. We're the hardest working people in the world.*

Использование бессоюзия, особенно в случае, когда перечисляемыми компонентами являются глаголы действия, позволяет создать образ непрерывной плодотворной деятельности, что особенно важно в предвыборном дискурсе, ибо избиратель устал от демагогии и хочет видеть деятельного политика: *Я за это время - ну, я не знаю, может быть с половиной избирателей увиделась, поздоровалась, послушала, поговорила, пообщалась*

Выстраивание длинного ряда однородных членов с повторяющимися союзами (полисиндетон) актуализируют восприятие каждого из этих членов: *Меня волнует и здоровье детей, и учеба, и отдых, и полноценное питание, и возможности творческого развития, и спорт*).

Кроме того, дискурс В. Матвиенко характеризуется наличием большого количества просторечий (я буду руками тащить эту программу, познергичнее, поизворотливее, потолще кошелек, обшарпанный, жуткий, сделано чохом, безнадега, ерунда, дурь, маразм, за чужого дядю), придающих эмоциональную окраску высказыванию, способствующее, по мнению кандидата, его сближению со своими слушателями / зрителями.

Данный факт подтверждает тенденции, сложившиеся в Российском политическом дискурсе - сближение и пересечение политического и бытового дискурсов. Использование сленгизмов (*отрываюсь, отвязываюсь, жесть*) и модных английских слов без перевода (*челендж, блэк-аут, андеграунд, веб-камера, режим он-лайн, принцип step by step*) в речи Матвиенко показывает ее желание быть модной и современной, призвать своенравную молодежь прийти на выборы и отдать за нее свой голос.

Синтаксические модели в предвыборном дискурсе В. Матвиенко и Х. Клинтон также различаются. Дискурс Матвиенко характеризуется наличием большого количества кратких, односоставных, безличных предложений, эллиптических конструкций, часто нарушается порядок слов, нередко

случаи эмоционального обрывания высказывания (апозиепезиса), передающего волнение политика: *Убедил — он твой союзник. Не убедил — давить бесполезно. Тяжелейшая задача. Я взяла на себя огромные риски. Политические, если говорить честно. Но я буду руками тащить эту программу. Мы ее сделаем. Чего-то не учли, чего-то не доработали...*

В дискурсе Х. Клинтон преобладают сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, большое количество вторично-предикативных конструкций, однако нельзя не отметить тот факт, что в кульминационных моментах своих предвыборных выступлений политик переходит к кратким, эмоциональным предложениям (*You never gave in. You never gave up. And together we made history. This won't be easy. Progress never is*).

Заключая краткий, далеко не исчерпывающий очерк лингвистического портретирования, отметим, что в предвыборном дискурсе В. Матвиенко и Х. Клинтон предпринимается попытка использовать весь потенциал политического дискурса. Особый упор делается на убеждение электората в правоте своей позиции, дискредитацию оппонента. Методы реализации данных задач оказываются сходными, однако дискурс В. Матвиенко отличается большей степенью эмоциональной заряженности, более сближен с бытовым дискурсом ввиду наличия просторечий, нарушений лексических и синтаксических норм. Речь Клинтон характеризует подготовленность, «отшлифованность» и «выхолощенность». Она не лишена однако и эмоциональности, а яркие примеры игры слов по достоинству признаны аналитиками шедеврами политической риторики.

The linguistic analysis of V. Matvienko's and H. Clinton's election speeches made it possible to single out the basic concepts and frames forming the cognitive level of the linguistic personalities under study and show how the language means, stylistic devices, morphemic means and other devices employed by the politicians contribute to the realization of the political goals.

The key words: *political discourse, election discourse, linguistic personality, discourse portrait, concept, frame*

Список литературы

1. *Олянич А.В.* Лингвосомиотика политического пизжонства // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сборник научных трудов Волгоград. Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. с. 54 – 68.
2. *Гринберг Т.Э.* Рекламный политический портрет в системе массовой коммуникации: дис. ... канд. филол. наук 10.01.10 М, 1995. 204 с.
3. *Баранов А.Г.* Дискурсивный портрет лидера (когнитивно-прагматический подход) // Политический дискурс в России-2: материалы рабочего совещания 29 марта 1998 / Под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. М: Диалог-МГУ, 1998. с. 9 – 11.
4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
5. *Базылев В.И.* Методы исследования языка российской общественно-политической мысли российского политического дискурса (Традиции и новации) // Политический дискурс в России 10: материалы юбилейного всероссийского семинара / Под ред. В.И. Базылева М.:2007 с. 7 – 25.
6. *Голубева Т.М.* Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе (на материале амер. варианта англ. языка) 10.02.04 Герм. языки. Автореф. дис... к.ф.н. Н. Новг. 2009. 22 с.
7. *Левшина Н.Г.* Косвенные речевые тактики в предвыборном дискурсе: На материале выборов Главы Администрации Псковской области: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 СПб, 2005. 167 с.

Об авторе

Храброва Е.С – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, gumvest.bgu@yandex.ru

УДК – 352.08

АНАЛИЗ ПОСЛАНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РФ КАК ФРАГМЕНТ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА (СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

С.А. Шилина

Автор статьи рассматривает коммуникацию субъекта власти как особую субстанцию понимания, которая возникает в процессе взаимодействия, обеспечивая феноменологическую intersubjectивность данности, реализуемой каждым человеком с помощью социолингвистического кода.

Автор представляет субъектность властной личности с помощью социолингвистического анализа текстов Посланий Президента Российской Федерации на протяжении всего периода существования института президентской власти в нашей стране.

Ключевые слова и словосочетания: *дискурс, субъект власти, социолингвистический код, вербальная коммуникация*

Рассмотрим понятие дискурса, получившее в последнее время различную интерпретацию. Дискурс (лат. *discursus* — рассуждение, довод) определяется как «цельный текст, актуализация кото-

рого обусловлена множественными факторами, в том числе и социальными» [10, с. 64]. Дискурс обозначает коммунибельность текста как ткани, фактуры, структуры многообразных языков *информации*. Дискурс рассматривается как разновидность речевой *коммуникации*, в которой обсуждаются и обосновываются любые значимые аспекты действий, мнений, высказываний ее участников. При этом предполагается разумное дистанцирование от объективной реальности, «исключаются позитивистское приятие существующих норм и ценностей, притязания отдельных субъектов и организовывается рациональное непредвзятое обсуждение. Считается, что в идеальной речевой *коммуникации* в виде дискурса отсутствуют внешнее давление на процесс *коммуникации* и внутренние притязательные мотивы, порождаемые собственными структурами *коммуникации*» [10, с. 64].

Понимание взаимосвязи различных дискурсов дает перспективу для создания целостной теории социальной коммуникации, которой должна предшествовать разработка ситуационных моделей, отражающих воздействие социокультурных факторов на процесс коммуникации. В настоящее время интенсивная работа над этими вопросами ведется различными исследовательскими центрами и учеными (например, Т.А. ван Дейк, Ю.Н. Караулов, Н.Д. Арутюнова, В.В. Петров и др.). В теории *коммуникации* и социальной семиотике дискурс – это социальный процесс, в который включен текст. Дискурс функционирует как «продукт аргументированного обсуждения той или иной проблемы, имеющей в своем основании текст или, шире, любое кодифицированное, опирающееся на какой-либо языковой носитель *сообщение*» [10, с. 65].

В лингвистической интерпретации дискурса обращается внимание на это понятие как на совокупность текстов одной сферы жизни, например «политического дискурса», и языкового поведения людей, производящих такие тексты [9, с. 594].

Обобщая различные подходы к изучению данной проблематики, Г.Н. Манаенко определил дискурс как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов» [5, с. 37].

Он представил дискурс в четырёх составных плоскостях: среда (тип социального события, его цель, социально-идеологические условия, обстановка); социальный субъект (социальный статус, ролевые отношения, социальная активность участников, их личные отношения), содержание (интенции и цели, мировоззренческие позиции, общий фонд знаний, знания правил и норм коммуникации), текст (тема речевого общения, отнесенность к какому-либо речевому жанру, композиционное построение высказываний, специфика отбираемых языковых средств для речевого взаимодействия) [5, с. 38]

Для понимания роли места и функций публичного дискурса в многообразной системе типологии дискурсов считаем необходимым рассмотреть концепцию В.И. Карасика.

Синтезировав исследования современной отечественной лингвистики, посвящённые типам дискурса, он представил три основных подхода: Социолингвистический (кто говорит);

Прагмалингвистический (как говорят); Тематический (о чем идет речь).

Опираясь на представленные подходы, становится возможным детерминировать виды дискурса по степени их реализации.

Политический; монарший, деловой; религиозный; научный; педагогический или дидактический, или учебный; дипломатический; медицинский; компьютерный, или электронный, или виртуальный – в этом случае дискурсы будут рассматриваться с позиции социолингвистики [4, с. 349]. Мы же введем понятие «управленческий дискурс» (*наш термин*. – С.Ш.), выражающий специфику нашего исследования.

Прагмалингвистический подход к исследованию дискурса конкретизируется изучением: комического или юмористического; ритуального; эзотерического; аргументативного, повествовательного, побудительного дискурса как жанровые образования дискурса [4, с. 351]. В свою очередь экономический, моральный, экологический, сказочный, прогностический, автобиографический, террористический, расистский и ксенофобический лежат в основе тематического критерия [4, с. 352].

Та информация, которую необходимо целенаправленно донести до масс (публики) реализуется публичной формой дискурса. В самом широком понимании, публичный дискурс, по мнению Т.В. Воронцовой, представлен как дискурс, ориентированный на массового адресата. Однако адресатом такого дискурса может быть как массовый, так и множественный адресат. Следовательно, публичный дискурс включает в себя не только массовое, но и публичное общение [2, с. 17]. Под публичным общением понимают обычно ряд ситуаций, в которых происходит непосредственное общение адресанта с множественным адресатом, представляющим собой многочисленную и неоднородную аудиторию, но все же объединенную по какому-либо параметру (место, социальная принадлежность, возраст и т.д.) [1, с. 25-26].

Характер адресации публичного дискурса обуславливает его тематическое ограничение: предмет публичного дискурса должен быть значим и интересен для максимально широкой аудитории. Тематика публичного дискурса определяется, прежде всего, интересами адресата, а, следовательно, это не только политика, но и экономика, вопросы этики, морали, здоровья и т.п. [2, с. 17].

Поскольку выбор предмета речи должен быть ориентирован на множественного гетерогенного адресата, постольку этот предмет должен обсуждаться в языковых и речевых формах, доступных и понятных такому адресату [2, с. 17].

Не менее важным характеристикой публичного дискурса можно назвать зависимость от «образа адресанта». Адресант в публичном дискурсе - это индивидуальный речедеталь, который должен обладать высоким уровнем коммуникативной компетентности. Действительно, адресант, как правило, профессионально связан с речевой деятельностью (журналист, писатель, актер, ученый, политик и т.д.). Речь выступает как важный фактор в поддержании репутации, создании имиджа. Высокий социальный статус адресанта способствует тому, что его точка зрения способна оказать влияние на общественное мнение [2, с. 18].

Нам представляется целесообразным включать в понятие «публичный дискурс» не только устное, но и письменное общение (устное - непосредственное общение с аудиторией, или посредством радио и телевидения, письменное - через газеты и журналы, а также посредством такого вида текстов, как листовки, письменные обращения и т.д.). Тем более, что в такой новой форме публичного дискурса, как Интернет-коммуникация, присутствует значительный корпус текстов, представляющих письменную фиксацию устной речи.

Соответственно форма публичного дискурса может быть как монологической, так и диалогической. Публичный монолог адресован непосредственно адресату, множественному или массовому (публичные выступления перед аудиторией, телевизионные выступления и выступления по радио, статьи и т.д.). Публичный диалог (полилог) имеет опосредованную адресацию массовой аудитории (интервью, публичные дискуссии и т.д.).

На основании вышеизложенного, стало возможным сформулировать функциональные характеристики публичного (и *управленческого* – С.Ш.) дискурса:

1. Наличие одного адресанта и как одного, так и множества адресатов.
2. Коммуникация носит публичный (массовый) характер.
3. Осуществляется, как правило, публичной личностью, обладающей определенным социальным статусом (*в нашем случае – Президент РФ. – С.Ш.*).
4. Бремя ответственности за принятые решения менее категорично, в силу массовости коммуникации;
5. Реализуется как в форме диалога, так и в форме монолога;
6. Предмет обсуждения, ориентированный на множественного адресата должен быть, как высокоинтеллектуален, так и перцептивен, с точки зрения восприятия.
7. Носит общественно-значимую направленность [2, с. 19].

Рассмотрим характеристику властной личности на примере социолингвистических конструкций посланий Президентом Российской Федерации (Б.Н. Ельцина, В.В. Путина и Д.А. Медведева), как позиционирование принципов демократии в Российской Федерации. Сравнивая три послания в лингвистическом плане, необходимо отметить, что коммуникативный код субъекта как властной личности характеризуется особым употреблением лингвистических единиц: форм слов, особых частей речи, использование синтаксических конструкций и средств языковой выразительности.

Послание первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина обусловлено сложившейся социально – экономической ситуацией и имеет такую черту, как обезличенность. «Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: Россия на рубеже эпох. 1999 год» представляет собой развернутый анализ событий, произошедших за предыдущие 8 лет. Обращение в Послании исходит не от конкретного субъекта власти - личности Президента: в большинстве случаев Президент употребляет безличные конструкции, что характеризует отстраненность языковой личности от действий, которые репрезентируются в Послании. Употребление Б.Н. Ельциным множественного числа сказуемых подчеркивает семантическую неуверенность в логике обращений и отсутствие конкретных прогнозов реального претворения реформ. Данный стиль изложения позволяет нивелировать ответственность за происходящее в стране и возлагать вину за результаты действия не только на Президента.

«Однако одной из серьезнейших ошибок было другое – **мы убедили** (здесь и далее выделено мной. – С.Ш.) людей в том, что процесс преобразований пройдет легко и быстро» [7, с. 3]; «За шесть лет со дня принятия Конституции многое **сделано** для претворения в жизнь новых конституционных требований» [7, с. 27]; «Вместе с тем **недопустимо подменять** проблему укрепления единства исполнительной вертикали и повышения ответственности региональных властей ностальгическими воспоминаниями о тех временах, когда федеральный центр мог в одностороннем порядке снимать и назначать руководителей субъектов Российской Федерации. Тем более **опасно рассуждать** о целесообразности отказа от существующего принципа избрания губернаторов населением региона или - переходе к выборам региональных руководителей местными законодательными органами» [7, с. 28].

Как видно из приведенных примеров, избегается форма единственного числа, и вместо нее зачастую используется либо форма множественного числа (мы убедили), либо вообще безличная конструкция (сделано, недопустимо подменять, опасно рассуждать).

В Посланиях Президентом В.В. Путина и Д.А. Медведева, наоборот, в большинстве случаев подобного словоупотребления используется исключительно единственное число. Например:

«**Обращаю** внимание на то, что впервые в Европе могут появиться элементы американского стратегического оружия» [8, с. 11]; «В целом **считаю** необходимым продолжить процесс укрепления экономических основ местного самоуправления» [8, с. 12]; «**Отмечу**, что увеличивается и государственная поддержка общественных организаций» [8, с. 13]; «**Хотел бы** в этой связи поддержать инициативу об объявлении 2008 года Годом семьи в России. **Рассчитываю**, что его проведение позволит объединить усилия государства, общества, бизнеса вокруг важнейших вопросов укрепления автори-

тета и поддержки института семьи, базовых семейных ценностей» [8, с. 15]; «Невнимание государства к этим проблемам вообще **считаю** аморальным» [8, с. 16].

Если в Послании В.В. Путина описываемая черта проявления языковой личности является преобладающей, то у Президента Д.А. Медведева наблюдается соседство и единственного, и множественного числа форм сказуемых:

«**Не собираюсь** никому читать мораль или пускаться в абстрактные рассуждения. Президент России - это очень конкретная и практическая работа. Но **скажу** откровенно, исходя уже из собственного опыта: принимать решения, от которых зависит жизнь (в самом прямом смысле этого слова), благополучие, здоровье тысяч людей, а также репутация и судьба великого народа - очень непросто... То, без чего **мы не можем** себе представить нашу страну» [6, с. 2]; «**Обращаю** особое внимание Правительства, Банка России, всех государственных организаций - промедление с реализацией этих мер недопустимо. Надо, прежде всего, пробить образовавшиеся в экономике «финансовые тромбы». Так, чтобы выделенные средства дошли до их конечных получателей. **Я имею в виду** предприятия в таких отраслях, как сельское хозяйство и строительство, машиностроение и оборонно-промышленный комплекс» [6, с. 3]; «**Я уже сказал**, что гарантируемый ею уровень свободы личности, зрелость демократических институтов и процедур - это источник нашего дальнейшего подъема. И ставя задачи нового этапа развития - **мы должны** обеспечить широкое участие граждан, политических партий и других общественных институтов в их решении. Их **я** сегодня также **назову**... Последний, **замечу**, появился в России не вчера... Однако справедливо и то, что этой проблемой - пренебрежения к праву - **мы** ещё системно и глубоко **не занимались**... **Повторю**, в сегодняшний непростой период государство будет выполнять свои обязательства, обязательства перед гражданами. **Хотел бы**, кстати, напомнить, что Конституцией также установлен запрет на пропаганду социального превосходства» [6, с. 5].

Другая черта, выделяемая нами на основе социолингвистического анализа языка Посланий, характерна для всех текстов Посланий: большое количество парцеллированных конструкций. Дискретность речи сигнализирует о несоответствии сенсорности Посланий имеющимся реалиям жизни. Интонационный разрыв грамматически единого предложения призван привлечь внимание реципиентов к высказыванию, заключенному в парцеллированный сегмент. Например: «За эти годы стало очевидно: готовность населения поддерживать экономическую реформу вступает в острое противоречие со страхом быть ею раздавленным. И здесь одной пропагандой «светлого будущего» не обойтись. **Люди живут не завтра, а сегодня. И результаты реформ хотят увидеть уже сейчас**» [7, с. 15]; «По реакции Федерального Собрания и общества на предыдущие Послания Президента можно судить о том, что в целом они всегда поддерживались. **Однако реализация заложенных в них идей шла не всегда гладко. Неточно выбирались приоритеты. Отсутствовала координация деятельности ветвей власти. Слабым был спрос с ответственных должностных лиц.** Завершившийся год показал, что продолжать подобную практику губительно» [7, с. 21].

«Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи - когда у него есть общая система нравственных ориентиров. **Когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории**» [8, с. 2]; «В целом считаю необходимым продолжить процесс укрепления экономических основ местного самоуправления. **И в первую очередь за счет формирования достаточной доходной базы**» [8, с. 12]; «Мы никого не торопим. **И готовы откровенно обсуждать с партнерами проблемы, возникающие на этом пути. Но курс** на всемерное развитие отношений с Белоруссией в таких жизненно важных областях, как экономика, транспорт, социальная защита, здравоохранение и гуманитарное сотрудничество, - **является для нас незыблемым**» [8, с. 21].

Не избежал парцеллированных конструкций и Д.А. Медведев, правда, в его Послании данные конструкции встречаются редко. «Справедливость, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. **Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добиваемая достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации - в системе международных отношений**» [6, с. 2]; «Свободное развитие людей и их социальная защита - всегда будут приоритетом государственной политики. **Будут нашей главной заботой. Будут целью развития нашего общества**» [6, с. 19].

Как видно из вышеприведенных примеров, парцелляция характерна для всех анализируемых текстов.

Еще одним языковым средством, характеризующим личность властного субъекта, является лексический повтор, который служит для привлечения внимания. Эта черта характерна для Послания Президента Б.Н. Ельцина (что является его особенностью как языковой личности, по нашим наблюдениям), например: «Но **дискредитация** слов, которыми обозначаются сами преобразования, еще не есть **дискредитация** реформ» [7, с. 3]; «Мы привыкли к тому, что власть несет ответственность за действия, но забыли, что еще большую ответственность она несет за **бездействие**. И именно в этом **бездействии** была совместная вина всех ветвей власти - и Президента, и Правительства, и Государственной Думы» [7, с. 5]; «Нам крайне необходимо **согласие**. Но **согласие** это должно быть конструктивным и способствовать решению вполне конкретных проблем. Трудно назвать **согласием** ситуацию, когда одна ветвь власти поддерживает другую лишь на словах, а на деле принимает **несогла-**

сованные популистские решения. Мы нуждаемся в **согласии**, основанном на общей цели, а ведь именно общность цели способна диктовать **согласованные** действия» [7, с. 9].

Постоянное стремление к лексическим повторам не только отражает отношение к адресату, но и характеризует самого адресанта. Страстное стремление убедить своих адресатов в правоте излагаемых мыслей получает эксплицитное выражение благодаря лексическому повтору.

Использование метафор и эпитетов также призвано воздействовать на слушателей (читателей) Посланий. Языковые средства выразительности создают наглядные образы, позволяющие эмоционально обозначить поставленную проблему. Например:

«...И потому не рыночную экономику надо винить в трудностях, переживаемых Россией, а сложившуюся у нас **уродливую** переходную систему, **застрявшую** на полпути от плановой экономики к рыночной...Приватизация **увела** нас от неэффективной государственной экономики, но конкурентоспособная частная пока не появилась» [7, с. 5]. Благодаря эпитету «уродливую», характеризующему переходную систему, Б.Н. Ельцин выражает свое негативное отношение к переживаемому периоду. Метафоры «застрявшую» и «увела» помогают усилить коннотацию высказывания.

В следующем отрывке использована развернутая метафора, которая создает у адресата Послания яркий образ, еще более усиливающийся использованием оценочного слова «издевательство»: «Сокращать расходы можно только за счет **сжатия** непомерно **раздутого** бюрократического аппарата как в центре, так и на местах. Сокращать расходы можно только за счет структурных изменений, а не за счет отказа в финансировании работающих людей и действующих учреждений. Это не сокращение – это **издевательство**...» [7, с. 12].

Эпитет в Послании Д.А. Медведева придает особую остроту высказыванию: «В России на протяжении веков господствовал культ государства и **мнимой** мудрости административного аппарата» [6, с. 5]. В следующем контексте благодаря мелиоративно окрашенным эпитетам у адресата вызывается положительное отношение к высказыванию Президента: «Мною сейчас сформулированы вполне конкретные решения по развитию гражданского общества и демократического государства. Они продиктованы желанием видеть нашу Россию уже в близком будущем **передовой, прогрессивной и удобной** для жизни страной, **процветающим** и основанным на **справедливых** законах сообществом **свободных** людей» [6, с. 8].

Встретился в Посланиях и каламбур, состоящий в столкновении смыслов однокорневых антонимов: «Тем более опасно рассуждать о целесообразности отказа от существующего принципа избрания губернаторов населением региона или - переходе к выборам региональных руководителей местными законодательными органами. От таких **непрямых** выборов - **прямой** путь к воссозданию старой «исполкомовской» вертикали, а значит - к слову всего ныне существующего конституционного порядка, к фактической ликвидации федеративных основ государства» [7, с. 28].

При анализе Послания В.В. Путина обращает на себя внимание множество вводных конструкций, которые, как известно, призваны выразить отношение говорящего к своему высказыванию, что подтверждает желание автора Послания проявить свою личную позицию по поставленным проблемам. Например: «И вы, **конечно**, прекрасно понимаете, что именно здесь кроются корни многих острых проблем - таких, как пьянство, высокая смертность, преступность, в том числе и подростковая. Беспорядочность, **в конце концов**» [8, с. 17]; «Рассчитываю на надежный контроль за расходованием этих средств со стороны депутатов всех уровней - **обращаюсь к вам с этой просьбой**; рассчитываю на контроль со стороны средств массовой информации, общественности. **При этом подчеркну**: ответственность с органов власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления никто не снимает» [8, с. 17]; «**Напомню**: все нефтегазовые доходы предполагается разделить на три составляющие... Что, **еще раз подчеркну**, напрямую направлено на рост денежных доходов населения» [8, с. 18]; «Наша культура исторически основывалась на уважении к людям, воспитавшим нас, давшим дорогу в жизнь. У общества, которое неуважительно относится к старикам, нет будущего. Но в тяжелые годы реформ многие, **а если сказать по-честному** - подавляющее большинство пенсионеров, фактически оказались за чертой бедности. Прежде всего из-за краха неприспособленной к рыночным условиям пенсионной системы» [8, с. 18]. Усиливают эмоциональный настрой вышедшие из текста высказываний и устойчивые обороты «людям, давшим дорогу в жизнь» (трансформация фразеологического оборота «дать путевку в жизнь»); «оказаться за чертой бедности».

В Послании Д.А. Медведева порой сквозит ирония, как, например, в таком высказывании: «В результате, государственный аппарат у нас в стране - это и **самый большой** работодатель, **самый активный** издатель, **самый лучший** продюсер, **сам себе** суд, **сам себе** партия и **сам себе** в конечном счете народ. Такая система - абсолютно неэффективна и создаёт только одно - коррупцию. Она порождает массовый правовой нигилизм, она вступает в противоречие с Конституцией, тормозит развитие институтов инновационной экономики и демократии» [6, с. 6]. Благодаря иронии Президент дистанцирует себя от госаппарата, приближая себя таким образом к народу.

Благодаря названным средствам выразительности реализуется несколько аспектов речевой ситуации, соответствующих поставленной говорящими задаче: информативный, прескриптивный (воздействие на адресата), экспрессивный (выражение эмоций, оценок), межличностный (регулирование отношений между собеседниками), игровой (апелляция к эстетическому восприятию, воображению, чувству юмора).

Пристальное внимание ученых к вопросам субъектных взаимоотношений общества и власти играет существенную роль в общей лингвистической конструкции речи властного субъекта, настроенной на целостность понимания и проекцию на открытость социального взаимодействия субъекта власти.

The author of article considers communication of power subject as a special substance of understanding, which appears in the process of interaction, providing phenomenological intersubjectivity of reality, activating by every man with sociolinguistic code.

The author shows subject of a persons in power with the help of sociolinguistic analysis of texts of Messages of the President of Russian Federation during the whole period of the establishment of President power in our country.

The key words: *discourse, subject of power, sociolinguistic code, verbal communication.*

Список литературы

1. *Анисимова Т.В.* Современная деловая риторика. М.: Московский социально-психологический институт; Воронеж, 2002. 432 с.
2. *Воронцова Т.А.* О соотношении публичный дискурс язык СМИ публичная речь // Вестник Удмуртского университета. Выпуск 3. Серия: История и филология, 2008. С. 17-22.
3. *Гостенина В.И., Шилина С.А.* Код вербальной коммуникации субъекта власти как отражение языковой личности // IV Всероссийская научная конференция. Сорокинские чтения «Отечественная социология: обретение будущего через прошлое». Рязань, 2008. С. 81-83.
4. *Карасик В.И.* Языковые ключи. Парадигма. Волгоград, 2007. 520 с.
5. *Манаенко Г.Н.* Дискурс и его отношение к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1. Ставрополь, 2003. С. 26-40.
6. *Полный текст Послания Д. Медведева Федеральному Собранию* // Финмаркет. 05.11. 2008. 16:34. Главные новости.
7. *Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: Россия на рубеже эпох. 1999 год* / <http://www.intelros.ru/>
8. *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина* // Российская газета. - Федеральный выпуск № 4353 от 27 апреля 2007 г.
9. *Степанов Ю.С.* Филология // Русский язык. Энциклопедия // Гл.ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 593-595.
10. *Шарков Ф.И.* Современные маркетинговые коммуникации. Словарь справочник. М.: Альфа-Пресс, 2006. 352 с.

Об авторе

Шилина С.А. – кандидат филологических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, imsuck@rambler.ru

УДК – 811.161.1'373

ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ СВОБОДНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА

Г.М. Шипицына

В данной статье описываются языковые механизмы фразеологизации свободных словосочетаний на примере неофраземы *отмывание грязных денег*. Этот процесс рассматривается в сопряжении языка и культуры. Отмечается, что анализируемая неофразема оказалась удобной для имплицитирования прагматического потенциала словосочетания с учетом российской ментальности нового времени.

Ключевые слова: *неофразема, эвфемизация, лингвопрагматика, имплицитные смыслы, смысловая структура фраземы, ментальность россиян.*

Фразеологизация – это особый лингвистический процесс, в ходе которого происходит переосмысление базового словосочетания, основанное на сравнении, метафоре, гиперболе, метонимии, эвфемизме, алогизме и т.д. [1, с.17]. Термином фразеологизация мы обозначаем превращение современных свободных сочетаний слов в устойчивые сочетания, обладающие признаками фразеологизма (неофраземы XXI века), при этом не во всем следуем лингвистической традиции (прежде всего советского периода) в понимании длительности этого процесса. Так, известный фразеолог Э.М. Эмирова писала: фразеологизация – это «диахронический процесс приобретения словесным комплексом устойчивости, целостности значения и общеупотребительности, как длительный процесс его вхождения в лексико-фразеологическую систему языка и закрепления на осях синтагматики и парадигматики ...» [2, с.44]. Такую позицию разделял и Л.И. Ройзензон, для которого фразеологизация – это «процесс стабилизации и закрепления в речевой практике данного языкового коллектива в качестве готовых, относительно устойчивых определенных языковых комплексов» [3, с.114]. Однако в последние годы взгляд на соотношение синхронии и диахронии в образовании фразем изменился в свя-

зи с изменениями в самом процессе фразеологизации словосочетаний. Как отмечает В.М. Мокиенко, фразеологизм, с одной стороны, – единица ретроспективная, кумулятивная, поглотившая культурологическую и языковую информацию прошлого, поэтому многие поиски его когнитивного ядра диахроничны. «С другой же стороны, фразеологизм – единица синхронная, обладающая компликативной семантикой, относительно независимой и от значения ее компонентов, и от понятий того прошлого, которые ее породили» [4, с.18]. Фразеологизация свободных словосочетаний в настоящее время происходит довольно быстро, во всяком случае без многовековой эволюции, поскольку современный русский язык «мобилизовал» свои ресурсы для оперативного решения возникших проблем особой номинации и предикации, шадящей воспитанную десятилетиями советскую ментальность так называемого простого человека. Этот процесс обусловлен и модификации языкового сознания, «его отмечает Н.Ф. Алефиренко, неологизация фразеологического корпуса языка – это результат лингвопрагматической адаптации к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная ономазиологическая реакция языка на стремительные изменения социокультурного пространства [5, с.208].

На наш взгляд, в процессе фразеологизации свободных словосочетаний проявляется относительная взаимосвязь их коммуникативных и формально-языковых свойств с этнокультурными и ментальными особенностями носителей языка. Такое понимание этого процесса соответствует современной теории номинации, рассматривающей результаты образования языковых единиц в зависимости от их способности решать коммуникативные задачи современности. Ведь язык – это культурный код нации, он фиксирует не только познанные объекты действительности, но и оценку человеком этих объектов в зависимости от того, как окружающий мир преломлен сознанием, «язык существует в человеке, для человека и реализуется через человека» [6, с.85].

Покажем этот процесс на примере актуализировавшегося на рубеже XX – XXI веков устойчивого сочетания *отмывание грязных денег*, образовавшегося в свою очередь от устойчивого сочетания *грязные деньги* в значении «полученные незаконным путем, связанные с криминалом, преступлением» (ТСРЯ XXI в.). При этом мы оставим в стороне вопрос о степени идиоматичности (или степени семантической слитности) этого сочетания слов. В мотивирующем фразеологизме негативная оценка денег манифестирована словом *грязные*, употребленном в переносном значении «вызывающий моральное отвращение, гнусный» (по МАС) или «нечестный, незаконный, мошеннический» (по ТСРЯ к. XX в.), которое и выражает прагматику осуждения, общественного неприятия способов получения таких денег, продекларированную в толковых словарях в качестве официально правильной точки зрения (имеем в виду и то, что для некоторой части наших граждан эта точка зрения, выражаясь средствами фразеологии, – *пустой звук*, поскольку это им *глубоко фиолетово*). Негативные прагматические смыслы двухкомпонентного фразеологического сочетания стимулировали появление трехкомпонентного фразеологизма *отмывание грязных денег*, который чисто иллюзорно, средствами денотативного уровня поверхностной части своей смысловой структуры вроде бы устраняет негативные оценки в прагматике фраземы *грязные деньги*, поскольку прямыми лексическими значениями компонентов своего состава передает семантику очищения денег, тем самым словно бы изменяет оценочный ореол этой сущности с негативного на позитивный.

Удлинение структуры фраземы явилось следствием «реагирования» языка на жесткую прагматику двучленной фраземы. Картинно-образная внутренняя форма фразеологизма *грязные деньги* представляет номинируемое явление в виде всем понятного, бытового образа испачканных грязью денежных купюр, тем самым позволяет «предложить» и выход по спасению испачканных денег – отмыть, очищая их от грязи. Образ, лежащий в основе этой метафоры, ориентирован на массовое сознание, на людей, не имеющих экономического образования, далеких от проблем отмывания грязных денег. Это во многом объясняет, почему столь важные в социально-культурном и коммуникативном планах концепты в современном литературном языке выражаются не прямо лексическим способом (например, не *отмывание*, а *легализация денег*, не *грязных*, а *преступных*), а с помощью образных метафорических фразеологизмов в расчете на то, что нужные люди декодируют нужный им смысл. Например, такого же типа неофраземы *включить печатный станок*, *легализовать цены*, *коридоры власти*, *порог бедности*, *челночный промысел*.

При создании трехкомпонентного фразеологического сочетания *отмывание грязных денег* явился и момент языковой игры, поскольку в нем отразилось несоответствие оценочных пресуппозиций позитивного плана итоговой коннотации всего трехкомпонентного фразеологизма: в слове *отмывание*. Его основное лексическое значение мотивировано глаголом *отмывать / отмыть* («мытьем очищать от грязи, делать чистым») (МАС), оно нацелено на исправление возникшей ситуации – очищение денег от грязи. В сочетании же с фразеологизмом *грязные деньги* не только не реанимируется основное значение у слова *грязные* («покрытые грязью»), но и само стержневое слово трехкомпонентного сочетания *отмывание*, утрачивая свое основное лексическое значение, приобретает совершенно новый смысл – «легализация (незаконно полученных финансовых средств) путем инвестирования в промышленность, отчисления на благотворительные цели и тому подобное» (ТСРЯ XXI в.). Новое лексическое значение у слова *отмывание* («легализация денег») появилось не стандартным путем, оно возникло не столько на базе внутренней формы в процессе внутрисловной деривации (т.е. не столько от основного значения с денотатом «очистка от грязи») и последующей метафоризации новой семемы, сколько под

влиянием мощных прагматических сем слова *грязные* из фраземы *грязные деньги* по принципу синтагматического согласования и взаимовлияния смыслов соседствующих в синтагме слов (при этом свою роль сыграла и закрытость, цельность этой синтагмы, реализующей совместный смысл). Внутрисловная деривация для слова *отмывание* обеспечила ему звуковую оболочку, тем самым сохранила формальную связь с семемой прототипом – основным значением слова, но не более того. Семантика денотативных сем (образ мытья для очистки от грязи) ослабла, ушла в тень, ее заслонили собой яркие и сильные семы центральной зоны (сигнификативной и денотативной части) смысловой структуры новой семемы, идущие от компонентов *грязные деньги* (особенность грязи требует и особенностей отмывания ее). Семы периферийной зоны и интерпретационный ореол фраземы *грязные деньги* окончательно отрывают новую семему *отмывание* от ее мотивирующей семемы – основного значения слова и закрепляют в ней такую же негативную оценочность. Это вполне соответствует основной тенденции семантического развития языковых единиц: оно начинается с движения именно в периферийной зоне смысловой структуры этой единицы (и в слове, и во фразеологизме). Таким образом трехкомпонентная фразема *отмывание грязных денег* в итоге приобрела функцию номинации двойного преступления и удвоенной негативной оценки этих преступлений.

Данный пример показывает, что оценочные коннотации при воспроизводстве неофраземы утрачивают свою зависимость от внутренней формы ядерного центра в структуре неофраземы – глагола. Она выполнила свою важнейшую миссию на этапе создания языковой единицы, однако в практике функционирования нового оборота в живой речи свою лидирующую роль внутренняя форма утратила, поскольку оказалась неспособной повлиять на дальнейшее наполнение неофраземного семантического и прагматического объема. Процесс приобретения метафорического значения, по сути дела – оценочного опозита по отношению к основной семеме слова *отмывание*, связанный с переключением положительной оценочной ориентации интерпретационного ореола семантики слова на отрицательную, – вполне соответствует заметной тенденции завуалированного обозначения негативных явлений современной России с помощью эвфемических словосочетаний, уменьшающих иллюкативную силу сообщений, например, *либерализация цен, свободный рынок, заморозить вклады, нейтрализовать охрану, ветрогонный чай, стерилизация бродячих собак, страховой случай* (о несчастье, в уставе страховой компании), *уйти на заслуженный отдых, компетентные органы* и т. п.

Эвфемизмы в современной речи, особенно в средствах массовой информации, многофункциональны. Они служат весьма удобным средством сообщения о предмете, который не может обсуждаться (или по каким-либо причинам его нежелательно публично обсуждать) в элитном обществе, тяготеющем к изысканным формам выражения, или в так называемых широких массах населения, информации которому лучше не обрушивать на голову с абсолютной прямоотой в ее полном объеме. Используя эвфемистические выражения, в средствах массовой информации субъект речи вольно или невольно учитывает и эти факторы, избегая коммуникативных неудач или ограждая определенную часть широкого адресата своей речи от языкового, психологического или прагматического дискомфорта. Так или иначе основная масса эвфемистических средств служит целям языкового прикрытия социальных пороков нашей жизни или действий власти, названных обобщенной эвфемистической перифразой *непопулярные меры* [7, с.384–408].

По тому, какое языковое средство из набора возможных синонимов употребляет адресант, можно определить (и адресат это легко определяет!) и то, к какому социальному лагерю или статусу принадлежит посылающий информацию, и то, как следует, по мнению адресанта, относиться к смыслу сказанного. В эвфемистическом средстве уже заложена прагматическая установка по выработке мировоззренческих предпочтений у получателей информации. Например, такие слова, как *централизовать* и *обезвредить* частотны в сообщениях о действиях российских спецслужб и спецотрядов. Но о цели первых массированных ударов по Багдаду 20 марта 2003 года в информационных сообщениях по радио и телевидению говорили только как об *уничтожении Садама Хусейна*, что соответствовало сложившемуся к этому времени отношению российского общества к *развязыванию США войны с Ираком* (не к *разоружению Ирака*, как объяснял свои действия американский президент Дж. Буш, а именно к *развязыванию США войны в Ираке*, что выражало отношение России к этой войне).

В коммуникативной практике между отправителями и получателями подобных выражений единообразное понимание их смысла достигается за счет общности культурного и речевого опыта носителей языка, у них есть общие представления о том, что бывает и чего не может быть. Неявная когниция, отраженная в семантике оборота, расшифровывается уже на интуитивном уровне, поскольку очевидная невозможность сообщенной информации в ее прямом, буквальном смысле заставляет получателей сообщения искать в ней другие, скрытые смыслы под успокаивающими сознание словами. Н.Д. Арутюнова об этом пишет так: «объектом вербализации в большинстве случаев является коммуникативный смысл высказывания, как бы он ни был выражен – прямо или косвенно. Вербализуется то, что «хотел сказать, имея в виду, участник коммуникации» [8, с.47]. Контекст обычно раскрывает денотативную ситуацию, подсказывая получателю сообщения в местах эвфемизации, что в них закодирован скрытый смысл, то есть то, хотел сообщить отправитель информации. Например, прочтя фразу *Одной из задач Комитета по финансовому мониторингу является отслеживание тех, кто занимается отмыванием грязных денег*, читатель хорошо понимает, что для отслеживания лиц, отмывающих водой испачканные денежные купюры, государство не будет создавать специаль-

ный комитет, следовательно, отмывание грязных денег – это нечто совсем иное, что это – очень серьезное экономическое зло для страны и что оно стало довольно распространенным.

Отдаленность создателей фразеологизирующихся высказываний от массового носителя языка всегда относительна. Условием реализации закадрового (или первичного) смысла у фразеологизированного выражения как раз и является общность основной суммы фоновых знаний у создателя фразы и тиражирующих ее лиц. Однако этнокультурного единства в этом случае явно недостаточно. Например, для человека, не знающего басню И.А. Крылова «Лебедь, рак и щука» будет непонятен весь смысл выражения *А воз и ныне там*. Плохо знающие русскую классику читатели газет не понимают юмора заголовков статей, если эти заголовки строятся на переосмыслении авторских выражений. Например, *А судьи кто?* (о некомпетентности спортивных судей); *Что за комиссия, создатель?* (о директоре, создавшем комиссию по проверке расходов только из своих ближайших родственников) и т.п. кажутся им странными. Подобный читатель не понимает смысла и семантико-композиционной структуры ни заголовка, ни текста статьи, поскольку в его сознании не нашел отражения целый пласт общекультурного поля – литературного источника фразеологии, не создан общекультурный фон, на котором может быть воспринята прагматическая установка высказывания.

Итак, мы объясняем фразеологизацию анализируемого словосочетания *Отмывание грязных денег* тем, что его семантика, структура, лингвокультурный и прагматический потенциал оказались удобными для репрезентации ценностных доминант культуры и выражения актуальных смыслов эпохи с учетом особенностей языкового сознания современных россиян. Его развитие представляет собой типичный когнитивный процесс. Закрепление высказыванием метафорического значения достигается многократным повторением его нового смысла в различных дискурсах современной коммуникации.

The paper deals with phraseology mechanisms underlying the collocation *Отмывание грязных денег* (*dirty money laundering*). The lingual process is conditioned by the fact that linguistic, cultural, and pragmatic potentials of the collocation are convenient for implicit expression of actual sense patterns considering modern Russian lingual mentality.

The key words: *neo-phraseology, euphemizing, lingvopragmatics, implicite meanings, semantic phraseology structure, mentality of the Russians.*

Список литературы

1. Жуков А.В. Переходные фразеологические явления в русском языке. / А.В. Жуков. – Новгород: изд-во НовГУ им. Я. Мудрого, 1996. 132 с.
2. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. / А.М. Эмирова. Ташкент: изд-во «Фан» УзССР, 1988. 92 с.
3. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. / Л.И. Ройзензон. Самарканд: изд-во Самарк. ун – та, 1973. 147 с.
4. Мокиенко В.М. Когнитивное и адогнитивное во фразеологии / В.М. Мокиенко // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. Т.1. Белгород: изд-во БелГУ, 2008. С. 13 – 26.
5. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография / Н.Ф. Алефиренко. М.: «Элпис», 2008. 271 с.
6. Гак В.Г. Логические основы развития значений слов в родственных языках / В.Г. Гак // Сравнительно-историческое и общее языкознание. М.: Наука, 2004. С. 84 – 91.
7. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). 2-е изд. М.: «Языки русской культуры», 2000. С.384-408.
8. Арутюнова Н.Д. Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1992. 287 с.
9. (МАС) – Словарь русского языка: в 4-х томах / АН СССР. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981 – 1984;
- 10.(ТСРЯ к. XX в.) – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. / Под ред. Г.Н. Складневской. РАН, Инст. лингв. исслед. СПб.: изд-во «Фолио-Пресс». 1998;
- 11.(ТСРЯ XXI в.) Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. М.: Эксмо, 2000.

Об авторе

Шипицина Г.М.- доктор филологических наук, профессор Белгородского государственного университета, gumvest.bgu@yandex.ru

УДК – 808. 2: 801. 559. 3

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ МИКРОПОЛЯ «АКТУАЛЬНОСТЬ» В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ МОДАЛЬНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.В. Шлык

Функционально-семантическое поле реальной модальности включает в себя ядерное микрополе актуальности и зону неактуальности. Актуальность выражает действие, происходящее или происходившее в момент речи, является универсальной категорией для русского и английского языков. Различия в формах выражения значений обусловлены спецификой языков, уникальностью некоторых их форм.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, микрополе, ядро, приядерная зона, периферийные средства.

Актуальность в рамках теории функциональной грамматики представляет собой микрополе 2-ой ступени, ядро микрополя реальности. Вне актуальности находится еще зона неактуальности.

Главным семантическим признаком актуальности является фактичность, то есть устанавливаемое говорящим представление о таком существовании в действительности, в котором нет элементов, так или иначе связанных с ирреальностью, – потенциальности, а также недостоверности или чужого опыта [1, с. 16].

Настоящее и прошедшее времена, выражающие актуальность (фактичность) как центр реальности, представлены в виде микрополей 3-ей ступени в составе микрополя актуальности.

В ситуации настоящего с признаками наблюдаемости (перцептивности) и конкретной референции всех участников ситуации актуальность как специфика реальности находит максимально четкое и непосредственное выражение. Настоящее актуальное в ситуации «я – теперь – здесь – это» представляет собой «высшую степень реальности» – действительность переживаемую, наблюдаемую (так или иначе воспринимаемую), конкретную и очевидную. Это и есть актуальность в собственном, первичном, наиболее полном смысле [1, с. 17].

Семантика, выражаемая в микрополе настоящего актуального, содержит инвариантный компонент «фактичность – перцептивность – конкретность – локализованность – процесс в срединный момент протекания действия, соотношенный с моментом речи». Содержание данного семантического комплекса основано на значениях времени и вида глагола, временной локализованности и персональности, обусловленных пересечением соответствующих функционально-семантических полей (ФСП) с полем модальности.

Указанный комплекс может быть осложнен значениями неопределенной, продолжительной, чрезмерной длительности или постоянства, выраженными в совокупности с лексическими показателями и контекстом. Возможно возникновение компонентов высокой/низкой степени активности, направленности к результату, перформативности, статальности, качественных изменений, обусловленных глагольными способами действия в совокупности с контекстом. Наличие оттенков недовольства, злости, грусти, страдания, удивления, недоумения, сожаления, неодобрения, осуждения, упрека, возмущения, бесполезности, радости, восхищения, хвастовства, нецелесообразности действия, а также положительной или отрицательной оценки, обусловлено пересечением ФСП модальности со сферами прагматики и оценочности.

Посмотрим на конкретном материале (исследования велись на текстах романа Л.Н. Толстого «Война и мир» и его англоязычного перевода).

В русском варианте текста ядерным средством микрополя настоящего актуального, выражающим значения данного семантического комплекса, являются формы глагола в изъявительном наклонении настоящего времени несовершенного вида (НСВ). Такое положение обусловлено совокупностью признаков временной и персональной отнесенности, аспектуальности, способов действия, важных для модальности и находящихся выражение в указанных формах.

– *Здравствуйте, дядюшка, и мы едем, – прокричал Петя.*

– *Здравствуйте-то здравствуйте, да собак не передавите, – строго сказал дядюшка [4, с. 534].*

– *Вишь, лопочет как ловко! Аж хранцуз-то за ним не попевает. Ну-ка ты, Сидоров... [4, с. 200]*

Бледный, с трясущейся губой, Пьер рванул лист.

– *Вы... вы... негодяй!.. я вас вызываю, – проговорил он и, двинув стул, встал из-за стола [4, с. 342].*

В английском переводе ядро представлено формами Present Continuous, Complex Object с причастием I, подчеркивающими процессность данного действия; Present Perfect Continuous или Present Perfect (с неопределенными глаголами), а также формами Present Indefinite.

'Good morning, Uncle! We are going too!' shouted Petya.

'Good morning, good morning! But don't go overriding the hounds,' said 'Uncle' sternly [5, с. 540].

'Hark to him jabbering! Fine, isn't it? It's all the French can do to keep up with him. There now, Sidorov!' [5, с. 185]

Pale, with quivering lips, Pierre snatched the copy. 'You...! you... scoundrel! I challenge you!' he ejaculated, and pushing back his chair he rose from the table [5, с. 335].

В приядерной зоне микрополя настоящего актуального в русском языке расположены формы императива в функции «драматического императива» [2, с. 143], заменяющиеся в англоязычном тек-

сте ядерными средствами, при этом дополнительные оттенки недовольства, злости утрачены (ср.: 'и теперь мы стоим здесь голодные'):

– *То-то я бы их и пустил наперед. А то небось позади жмутся. Вот и стой теперь не евши* [4, с. 300].

'Yes, I'd send them on in front, but no fear, they're crowding up behind. And now here we stand hungry.' [5, с. 289]

На ближней периферии микрополя настоящего актуального в русскоязычном материале находятся формы зависимого и независимого инфинитива обоих видов, поскольку, являясь способными участвовать в передаче семантики изъявительного наклонения и, следовательно, настоящего актуального, не обладают свойствами, присущими морфологическому ядру.

– *Что обо мне говорить!* – сказала она спокойно и взглянула на Наташу [4, с. 396].

Несколько купцов толпились около офицера.

– *Э! попусту брехать-то!* – сказал один из них, худощавый, с строгим лицом [4, с. 289].

– ... *Что же это! Душегубство делать! Вишь, сердечный, как скатерть белый стал,* – говорили голоса [4, с. 79].

В английском переводе им соответствуют формы инфинитива самостоятельно или в составе синтаксических конструкций, а также формы Gerund в функции сказуемого, репрезентирующие возмущение, негодование с некоторым оттенком грубости, вульгарности, Present Indefinite: *'Why talk of me?'; 'Eh, what twaddle!'; Killing people! Poor dear, he's as white as a sheet!* [5, с. 1079, 967]

На большем удалении от ядра расположены формы деепричастий и причастий и соответствующие им формы Participle I в английском языке:

«Однако вот она лежит у моих ног, играя и дрожа золотыми куполами и крестами в лучах солнца. Но я пощажу ее» [4, с. 283].

'Yet here she is lying at my feet, with her golden domes and crosses scintillating and twinkling in the sunshine. But I shall spare her.' [5, с. 964]

– *Но вы знаете, ваше превосходительство, мудрое правило, предписывающее предполагать худшее,* – сказал австрийский генерал, видимо желая покончить с шутками и приступить к делу [4, с. 146].

'But you know the wise maxim, your Excellency, advising one to expect the worst,' said the Austrian general, evidently wishing to have done with jests and to come to business [5, с. 129].

Неполные предложения, различные типы односоставных предложений, представляющих фактическое наличие или отсутствие состояния в плане настоящего в обоих анализируемых языках, составляют дальнюю периферию микрополя. Краткость таких предложений способствует актуализации чего-либо одного, наиболее важного для сообщения: действия, состояния, признака, предмета или явления. Данные предложения являются семантически емкими, называя предметы и явления, констатируя их наличие, они сразу же вводят читателя в обстановку действия, способствуют стремительному развитию сюжета: *A whizz and a thud!* 'Свист и удар!'

Средствами дальней периферии являются также формы междометий (звукоподражаний) [3, с. 17], которые сходным образом во взаимодействии с контекстом представляют актуальное действие в плане настоящего в текстах на разных языках: *'...Ha, ha, ha! Bravo, Nicholas Iványch! Ha, ha, ha!'* [5, с. 1097]; 'В середине залы красивый невысокий генерал с красным лицом бойко и ловко выделявал трепака. – Ха, ха, ха! Ай да Николай Иванович! ха, ха, ха!..'

Периферийные средства выражения настоящего актуального актуализируют указанные значения в совокупности со средствами контекста в материале на русском и английском языках. Лексические показатели подчеркивают отдельные компоненты значения, придают им дополнительные оттенки.

Ситуация прошедшего актуального представляет прошедшее несовершенное конкретное единичное действие, бывшее актуальным, наблюдаемым, длительным в определенный момент времени в прошлом. Значение актуальности прошедшего содержит ярко выраженный признак предшествования по отношению к моменту речи в отличие от актуальности настоящего.

Семантика актуальности, отнесенной к прошлому, представлена семей «фактичность – перцептивность – локализованность – процесс в срединный момент протекания действия, предшествующий моменту речи» и находит выражение в микрополе 3-ей ступени прошедшего актуального.

Семантический комплекс прошедшего актуального получает в исследованных текстах дополнительные компоненты неопределенной, продолжительной длительности или постоянства, неподвижной длительности, направленности или стремления к результату, прерывистости, высокой степени слитности, быстрого или замедленного темпа протекания, постепенного процесса в развитии, результатата, актуального в плане прошлого, регулярной последовательности текущих действий, воспринимаемых как целостный непрерывный процесс, мгновенности.

В зонах пересечения ФСП модальности со сферами оценочности и прагматики к указанному комплексу добавляются оттенки оценки, обиды, возмущения, упрека, одобрения, экспрессивности.

В исследованном материале на русском языке данное семантическое значение выражено ядерным средством микрополя прошедшего актуального – формами глагола в изъявительном наклонении прошедшего времени НСВ, формами настоящего совершенного (в значении настоящего исторического), в английском им соответствуют формы Past Continuous, употребляющиеся самостоятельно и в совокупности с Participle I или Gerund, Present Indefinite (Historical Present), формы Past Perfect Continuous, реже формы Past Indefinite или Past Perfect: 'Я шла к тебе, чтобы сказать это' – *I was coming to tell you so* [5, с. 406]; 'Как она пролетит мимо меня, дяденька, ядро-то, – говорил, едва удерживаясь от смеха, с огромным ртом, молодой солдат, – я так и обмер' – *As it flies past me, Daddy...* [5, с. 148]

Средствами приядерной зоны указанного микрополя в русском языке являются формы императива в несобственной функции и глагольных междометий, передающие действие, происходящее в прошлом, которое мыслится как мгновенный, неожиданный акт или длительный многоактный процесс, оживляющие описание, усиливая значение актуальности, выражающие эмоционально насыщенные действия. Ввиду отсутствия подобных форм в английском языке данные значения при переводе передаются глагольными формами изъявительного наклонения, относящимися к ядру указанного микрополя. При этом факты, относящиеся к прошлому, констатируются нейтрально, без указания на способ их совершения.

Тихон неожиданно и гибко лег на брюхо, представляя в лицах, как он это сделал. – Один и навернись, – продолжал он. – Я его таким манером и сграбь. – Тихон быстро, легко вскочил [4, с. 462].

'One turned up and I grabbed him, like this.' [5, с. 1151]

– Загорелось рядом, – бросило к нам. Девка закричала: горит! Бросились собирать... Хватить детей, Катечки нет. О, господу! О-о-о! – и опять она зарыдала [4, с. 340].

'We seized the children. But not Katie! Ooh! O Lord...!' and again she began to sob [5, с. 1021].

– Телянин!! «Так, ты нас с голоду моришь?!» Раз, раз по морде, ловко так пришлось..., – кричал Денисов, радостно и злобно из-под черных усов оскаливая свои белые зубы [4, с. 434].

В англоязычном материале возможно употребление форм повелительного наклонения, выражающих значения за пределами реальности:

'Telyánin! 'What? So it's you who's starving us to death! Is it? Take this and this!' and I hit him so pat, stwaight on his snout... ' cried Denísov, gleeful and yet angry, his white teeth showing under his black moustache [5, с. 433].

На ближней периферии расположены формы независимого и зависимого инфинитива, актуализируемые в контексте, в русском языке. Им соответствуют формы Infinitive, Participle I, Gerund, Past Indefinite, Past Continuous в совокупности со средствами контекста в английском переводе.

– Как же, из-под наших гончих он травить будет! Да и сука-то моя мышастая поймала. Поди, судись! За лисицу хватает! Я его лисицей ну катать... – говорил охотник, указывая на кинжал и, вероятно, воображая, что он все еще говорит с своим врагом [4, с. 542].

'He snatches at the fox! I gave him one with the fox...' [5, с. 549].

Форма инфинитива совершенного вида (СВ) может представлять прагматический оттенок неодобрения, осуждения, упрека. В английском переводе данный оттенок выражен формами Present Indefinite, общий вопрос предстает как запрос о достоверности оценки происходящего: 'И это то, для чего вы здесь?'

– Бессовестные! Право, бессовестные! – заговорил сзади их голос тихо вошедшей Мавры Кузминишны. – Эка, толсторожий, зубы-то скалит. На это вас взять! Там все не прибрано, Васильич с ног сбился. Дай срок! [4, с. 290]

'Is that what you're here for?' [5, с. 971]

На большем удалении от ядра в русском варианте текста находятся формы деепричастий НСВ и СВ. При переводе на английский язык в данном значении употребляются формы Participle I и Infinitive; для выражения значения предшествования – формы Participle II в абсолютной конструкции, Gerund с союзом after, подчеркивающие предшествование, формы Participle I (если значение предшествования не так важно как сам факт совершения добавочного действия), а также временные формы глагола Past Perfect (для обозначения завершенного действия) и Past Indefinite (представление ряда последовательных действий).

Около него толпились, рассматривая его, наши офицеры [4, с. 223].

Our officers were flocking in to look at him [5, с. 209].

Формы полных причастий являются периферийным компонентом микрополя прошедшего актуального в русскоязычном тексте, в английском переводе им соответствуют формы Participle I или Past Perfect Continuous.

Одна купчиха, стоявшая подле Пети, рыдала, и слезы текли у нее из глаз [4, с. 78].

A tradesman's wife standing beside Pétya sobbed, and the tears ran down her cheeks [5, с. 741].

Средства выражения прошедшего актуального функционируют в совокупности со средствами контекста, лексическими показателями длительности.

Семантика настоящего и прошедшего актуального является инвариантной для анализируемых языков. Значения, которые в материале на русском языке реализуются формами глагола изъявительного наклонения настоящего и прошедшего времени НСВ – ядра структуры микрополей настоящего и прошедшего актуального, и обусловлены контекстом, в английском переводе заключены в самих значениях различных видовременных форм, реже контекст выступает как вспомогательное средство выражения значения. Оттенки значений, передаваемые сочетанием грамматических средств, например, оттенок вынужденности с эмоциональной окраской недовольства, злости (*вот и стой!*), оттенок мгновенности, неожиданности (*один и навернись*); резкие, мгновенные, стремительные действия с ярко выраженной экспрессивной окраской (*раз, раз по морде... / хватить детей...*); высказывания с оттенком неодобрения, возмущения, осуждения (*на это вас взять...*), интенсивность с высокой степенью эмоциональности (*ну его катать...*) представлены большим разнообразием в тексте на русском языке. При переводе на английский язык данные оттенки смягчены или вовсе утрачены, действия нейтральны, возможно появление семантики ирреальности (*we stand...; one turned up...; we seized the children...; I gave him*).

Семантический комплекс актуальности – смысловая основа, инвариантная для рассмотренных языков. Интерпретационный компонент, варьирующийся при переходе от одного языка к другому, связан со спецификой, уникальностью форм конкретного языка. Как показал анализ материала, большие расхождения в сфере грамматики русского и английского языков проявляются при передаче значений с оттенками высокой степени эмоциональности, мгновенности, с семантическими компо-

нентами, связанными с видовыми значениями в русском языке, специфическими для языков формами. Выявленные различия позволяют подтвердить существующее в лингвистике мнение об отражении мыслительной специфики на уровне грамматики, поскольку национальная специфика семантических пространств языков отражает национальную специфику концептосферы.

The functional-semantic field of real modality includes a nuclear microfield of actuality and a zone of non-actuality. Actuality denotes an action that is happening or was happening at the moment of speech; it is a universal category both for the Russian and English languages. Different forms used to express its meanings resulted from the specificity of these languages and uniqueness of some forms they apply.

The key words: functional-semantic field, microfield, nucleus, near-nuclear zone, peripheral tools.

Список литературы

1. Бондарко А.В. К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // *Вопр. языкознания*. 1992. № 3. С. 5-20.
2. Грабье Вл. Семантика русского императива // *Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками*. М., 1983.
3. Серeda Е.В. Классификация междометий по признаку выражения модальности // *Русский язык*. 2002. № 23. С. 17-20.
4. Толстой Л.Н. *Война и мир*: в 2 т. М.: Худож. лит., 1988.
5. Tolstoy Leo. *War and Peace*. London: Penguin Books, 1997.

Об авторе

Шлык Е. В. - кандидат филологических наук, доцент Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, shlykl@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный.

Статьи представляются в редколлегии серий в печатном и электронном виде с использованием Microsoft Word для Windows. Поля страницы: левое - 2 см, правое - 2 см, верхнее - 2 см, нижнее - 2 см. Текст - шрифтом Times New Roman, 12 pt, межстрочный интервал - одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются.

Объем статей, как правило, не должен превышать 12 страниц, включая список литературы. Список литературы формировать в порядке цитирования или в алфавитном порядке (в началеистики на русском языке, затем на иностранных языках). Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов. Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках. Подписи к рисункам, таблицам - шрифт Times New Roman, 12 pt, межстрочный интервал - одинарный.

Перед названием статьи необходимо указать УДК (слева). Название статьи оформляется прописными буквами, жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру.

Ниже через два интервала указать инициалы и фамилии авторов жирным шрифтом (12 pt) с выравниванием по центру. Ниже через два интервала указать адрес места работы, e-mail автора (соавторов) - обычный шрифт (10 pt) с выравниванием по центру.

Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правописания». П.7.4.2. (текстом.: <http://protect.gost.rv/documeht.aspx?control=7&id=173511>).

Аннотация статьи должна не превышать 1200 знаков (с пробелами) и располагаться ниже на два пробела от последнего адреса места работы авторов - обычный шрифт (10 pt) с выравниванием по ширине. В конце аннотации необходимо указать ключевые слова (5 - 7).

В конце статьи на английском языке приводятся название, инициалы и фамилии авторов, адреса мест работы авторов, аннотация и ключевые слова с теми же правилами оформления, что и на русском языке.

Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи.

К статьям, направляемым в редколлегии серий, должна быть приложена авторская справка: Фамилия, Имя, Отчество, научная степень, ученое звание, место работы, должность, точный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail.

К статьям, выполненными аспирантами или соискателями научной степени кандидата наук, необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Редколлегии серий направляют полученные статьи на рецензирование.

Редколлегии серий оставляют за собой право вернуть статью на доработку.

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ПРАВО /ФИЛОСОФИЯ/ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Подписано в печать 20.04.09. Формат 60x84/8.

Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п. л. 26,5. Тираж 500 экз.

РИО Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского.
241036, г.Брянск, Бежицкая, 14.

Отпечатано в типографии РИО БГУ